ДБ 400
М 50
т. 1

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ.

ИВ. МЕНИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

I

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

И
К
А

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
Кабинет истории общественной мысли
и революционного движения в России

ИВ. МЕНИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

(1914—1917)

ОЧЕРКИ И
МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Кабинет истории общественной мысли
и революционного движения в России

335.5:323.2](4
М438
ДБ
400
М50

ИВ. МЕНИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

(1914—1917)

БИБЛИОТЕКА
Института
Красной Профессуры
Инв № 50466/8°
сф 21841

Том I

ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ (МОСКВА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1925

Мосполиграф, 27 типография
„КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ".
Москва, Остоженка, 10.
Главлит № 29.891. Тираж 5.000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 50466 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателей книга является значительно дополненным переизданием двух работ.

Одна работа «Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны», изданная в 1923 г. «Красной Новью» с дополнением о социалистах-революционерах и с некоторыми сокращениями и исправлениями, печатается автором под заголовком «Революционное движение в России накануне войны» и составляет введение ко всей работе. Вторая же, изданная в том же 1923 г. в изд. «Московский Рабочий» под названием «Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы», более чем вдвое дополнена новым архивным материалом и местами исправлена. Совершенно заново написаны главы III—«Война и РСДРП», IV—«Революция, церковь и сектантство», V—«Социалисты-революционеры и война» и XVI—«Война и забастовочное движение». Кроме того, в приложении даны следующие новые материалы. Дело «Руководящего коллектива Московской окружной организации РСДРП»—первый Московский политический процесс за время войны. Циркуляр департамента полиции о деятельности политических партий, который, указав, что ошибочно полагать, что революционное движение в России прекратилось, инструктировал местные органы, как приготовиться к подавлению внутренней смуты. Ряд агентурных записок по общественному движению о деятельности Коновалова и других либералов, заигрывающих с левыми группами, и, наконец, записка о «крамоле» священника Востокова. Нелишне отметить, что сведения о провокаторах (приложение первое) значительно переработаны; деятельность ряда крупнейших предателей рабочего класса в данном издании нашла почти исчерпывающее освещение.

Указанные работы нашли довольно теплую встречу, и даже некоторые товарищи, как В. Лосев [1]) и Г. Сандо-

---

[1]) „Книгоноша“ № 25 1923 г.

мирский [1]), удостоили меня совсем незаслуженных комплиментов.

Переиздавая эти работы, мы с частью сделанных нам рядом товарищей указаний согласились и соответствующие внесли исправления или изменения. Некоторым же товарищам мы принуждены возразить. Так, в журнале «Пролетарская Революция» [2]) т. Варенцова, приведя исчисление участников политических забастовок по данным рабочей печати в цифре 1.272.000 чел., оспаривает преобладание в 1913 г. экономических стачек над политическими, но делает это совершенно голословно, т. к. сделать какие-либо выводы можно было бы лишь при том условии, если бы мы имели исчисление числа забастовщиков, произведенное рабочею печатью не только по политическим забастовкам, но и по экономическим за эти два года.

Таких данных пока что мы не имеем, а потому и приходится оставаться при нашем прежнем мнении. Далее тов. Варенцова останавливается на последней главе «Канун войны», где автор, подчеркивая провокационные приемы правительства и буржуазии, непосредственно связывает их с военными приготовлениями. «Насколько июльские расстрелы рабочих в Петрограде непосредственно были связаны с военной подготовкой,—пишет она,—это требует исторической проверки, которой автор не дает». Что касается недоказанности, то это не совсем так. Автор, указав, что после совещания представителей правительства с некоторыми депутатами по вопросу о военных кредитах (1 марта) «прогрессивный блок» резко изменил свое отношение к крайней левой, и, прослеживая все этапы стачечной борьбы за март—июль 1914 г., всюду устанавливал наличие провокаций промышленников и полиции. Правда, для обоснования этой мысли не привлечен архивный материал, он несомненно многое бы дал, а поэтому нельзя не согласиться с Сандомирским, который рекомендует расширить и переиздать эту работу, что автор и постарается сделать.

Период кануна войны—самый богатый событиями и в то же время самый темный. Он недостаточно еще освещен не только у нас, но и на Западе. Взять хотя бы убийство ярого антимилитариста Жореса, кричавшего, в полном смысле этого слова, об опасности войны и умершего от руки «патриота» за день до об'явления войны. Достаточно ли изучен этот факт? Нет. Последние разоблачения по поводу убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург—разве тоже ничего нам не говорят?

---

[1]) „Каторга и Ссылка“ № 4/11, 1924 г.
[2]) „Пролетарская Революция“ № 1/24, 1924 г.

Все эти явления должны быть изучены, и притом самым тщательным образом, пролетарскими историками. Для пролетарского историка совсем не последней задачей является вопрос о тех уроках, какие дает пролетариату каждый отдельный момент классовых схваток. Изменение методов борьбы нашими классовыми противниками должно быстро устанавливаться, дабы в соответствии с этими изменениями шло и наше перевооружение. Не только историк, но и каждый современник этого периода прекрасно понимает, какую роль играла провокация в жизни подполья. В памяти каждого из них достаточно ярко стоит картина разгрома рабочих организаций в 1914 г., и притом такими методами, в числе которых провокация стояла совсем не последней, а в военные годы она заняла еще более видное место. Мы не думаем, что эту совсем очевидную истину требуется доказывать особенно углубленным исследованием, но если мы найдем в этом вопросе противника не только в одном рецензенте, но и в лице других товарищей,—мы готовы.

Товарищей Варенцову и Веру Владимирову [1]) смутили также мои цифры. Так, они указывают, что одни и те же данные и даже на одной и той же странице показаны разными цифрами. Но недоразумение это от недостаточно внимательного чтения—и только.

Мы даем данные разных источников с указаниями последних, а кроме того—исчисления по заведениям, подчиненным фабричному надзору, и по всем предприятиям в отдельности, а также, кроме годового, исчисления девятимесячное и полугодовое. Сравнивая официальные данные годовые с девятимесячными или с данными рабочей печати, легко получить разнобой, но это не вина автора. Но, может быть, эти данные различных источников и разного исчисления излишни и только затрудняют легкость изложения? Так, некоторые рецензенты и посмотрели, но с этим никак нельзя согласиться. Прежде всего нет исчерпывающих и абсолютно точных статистических данных о стачечном движении этих годов; хозяйские данные преуменьшены, данные фабричной инспекции охватывают не всю промышленность, данные рабочей печати неполны,—не будет ли более убедительно, если факт под'ема рабочего движения установить всеми этими данными, а не одними лишь исчислениями рабочей печати, как это предпочитают делать другие? По тем же самым соображениям, автор при характеристике движения неоднократно цитирует не только Ленина и Зиновьева, но и представителей буржуазной, кадетской мысли—А. Изгоева, А. Чуженинова, П. Милюкова и других.

---

[1]) „Печать и Революция", кн. 1-я, 1924 г.

В заключение мы считаем своим долгом оговориться, что в данной работе автор не претендует дать полное и исчерпывающее освещение чрезвычайно интересного периода кануна Великой Русской Революции.

Нужно полагать, что еще пройдет не один пяток лет, прежде чем историку удастся, на основании опубликованного за это время материала, этот период осветить более или менее исчерпывающе.

До этого времени перед историком и современником стоит более скромная задача—дать материал для последующей работы историка, давая хотя бы некоторое освещение вопроса.

Для выполнения этой работы мы располагаем некоторым знакомством с подпольной работой в Москве в эти годы, архивными данными, имеющимися в III отделении Госархива, газетным и другим печатным материалом.

Что же касается больше всего нами использованного архивного материала, то нужно отметить, что из этого материала брались донесения осведомителей из первых рук, осведомителей-провокаторов, в партийной работе игравших большую роль.

Поскребухин, Николаев, Соколов, Мароши, Романов, Маракушев и ряд других, донесения которых мы использовали, были в главных ролях в тех или других группах или организациях. Их сообщения, сопоставленные с сообщениями других и данными иных источников, дают полную и верную картину того, что было.

Их осведомленность настолько была полна, что автор часто, вместо того, чтобы говорить своими словами, давал слово тому или другому провокатору, стараясь этим без ущерба для работы опубликовать большее количество этого весьма интересного архивного материала.

Книга иллюстрирована портретами революционных деятелей этого периода, регистрационными карточками московского охранного отделения и в приложении дана целая серия фотографий «Предателей рабочего класса».

ВВЕДЕНИЕ

Революционное движение в России накануне войны.

I. Рабочее движение в России в 1912 г.

Разгром революции 1905 г. дал нам эпоху невероятного разгула черносотенной контр-революции. Все надежды рушились. Революция была разбита. Сотни и тысячи лучших людей из рабочего класса погибли на виселицах, в расстрелах, гибли в Сибири, в тайге, на каторге. Организация была раздавлена. Наступили дни либерально-буржуазного ренегатства и пролетарского уныния и распада. Число стачечников катастрофически пало, доходя до 60 тыс. в 1909 г. и до 50 тыс. в 1910 г.

Но с конца 1910 года начинается заметный поворот. Демонстрации в связи со смертью либерала Муромцева и Льва Толстого, а также студенческое движение ясно показали, что повеяло иным ветром, что наступил известный поворот в настроении демократических масс. Вскоре дал о себе знать и рабочий класс. Медленно собирая свои силы, он опять перешел в наступление. Число стачек начало снова расти. Первыми ласточками возрождающегося пролетарского движения были летние экономические стачки 1910 года.

Этот под'ем, как и следовало ожидать, совпал с экономическим под'емом страны, отличавшимся в эти годы чрезвычайной интенсивностью и в то же время почти всеобщим характером. Кроме того, под'ем в промышленности шел рука-об-руку с под'емом в земледелии.

Для земледелия пятилетие 1909—1913 гг. сложилось в высшей степени благоприятно. Правда, в 1911 году в 20 губ. Восточной России имел место сильный неурожай, но недороду 1911 г. предшествовали и за ним следовали по два высоких урожая: в 1909—1910 гг. и в 1912—1913 гг. В итоге чистый сбор зерна в 72 губ. в это пятилетие—1909—1913 гг.—оказался выше сбора за предыдущее пятилетие на 26%.

Не менее блестяще обстояли дела в промышленности. Если мы возьмем даже хлопчатобумажную промышленность, в которой под'ем был наименее ярок, то окажется, что в 1909—1913 гг. привезено хлопка на фабрики для переработки

на 16,4% больше, чем в предыдущее пятилетие. Добыча же каменного угля увеличилась за это пятилетие на 22%, а выплавка чугуна—на 32,4%.

Но не только в среднем уровень промышленной жизни в это пятилетие был выше, чем в предыдущее,—он повышался в течение пятилетия из года в год. Промышленное оживление, начавшись с конца 1909 г., росло непрерывно в течение всех следующих лет. В результате выплавка чугуна возросла с 1909 г. по 1913 г. на 66,6%. Добыча угля начала расти с 1911 г. и к 1913 г. возросла по сравнению с 1910 г. на 48%. О растущем оживлении промышленности говорит также значительное увеличение ввоза товаров, который в большей своей части состоял из предметов потребления промышленности—сырых, полуобработанных материалов и машин. Ввоз товаров по европейской границе, по данным с 1909 г. по 1913 г., возрос на 48%.

Этот экономический под'ем создавал благоприятные условия для экономической борьбы пролетариата. Рабочий класс России не замедлил выступить со своими экономическими требованиями. Вслед за летними экономическими стачками 1910—11 гг. следует беспрерывное и чрезвычайно интенсивное движение 1912 года.

Уже за январь—март 1912 г., по подсчету А. Михайлова [1]), было 143 экономических забастовки, с 37 с лишком тысячами участников, так что три наиболее «спокойных» месяца по числу стачечников значительно превосходили $4^1/_2$ первых месяца 1911 г. (до 33 т.). За январь—май было 496 забастовок и свыше 158 тысяч участников, в том числе в одних только подчиненных фабричному надзору предприятиях 296 забастовок и свыше 118 тысяч бастующих, т.-е. значительно больше, чем за весь прошлый год (400 заб. и до 90 тыс. участников). За один июнь было не менее 150 забастовок (9 больших, охватывающих почти целую профессию, с числом участников минимум в 70 тысяч).

В Москве забастовки портных разразились в октябре, при чем в пяти крупнейших предприятиях очень быстро окончились значительным успехом.

Общее число участников забастовок за 9 месяцев в одних только заведениях, подчиненных фабричному надзору, достигло 827.000, во всех же предприятиях оно превысило миллион (1,013 тысяч).

При этом нужно отметить, что 690 тысяч стачечников, т.-е. более $^2/_3$ общего числа, приходится на политические забастовки.

Число участников политических забастовок в предприятиях, подчиненных фабричному надзору, равнялось в 1911 году, по официальным данным, 8.000 ч., а по подсчету Михайлова—

---

[1]) См. газету „Луч“.

около 40.000 человек. В 1912 году оно равнялось только за 9 месяцев 590.000, т.-е. увеличилось уже за это время в 15 раз, а если остаться при официальном подсчете, то в 70 раз.

По официальным источникам [1]), 1912 год по размерам забастовочного движения среди рабочих уступает лишь 1907 году, когда забастовки коснулись почти четвертой части всех промышленных заведений, находящихся под надзором фабричных инспекторов.

В этом году произошло 1.918 забастовок, при 863.361 рабочих, принявших в них участие. Забастовки эти коснулись 11,6% всех фабрично-заводских заведений [2]).

Чисто политических забастовок было 1.216 с 511.309 участниками. 90% этих забастовок пришлось на долю ленских событий и 1-го мая. Остальные 10% относятся к числу забастовок протеста: против приговора над севастопольскими матросами, против событий на восточно-сибирской каторге, против порядка осуществления закона об обеспечении рабочих на случай болезни и др.

Общая потеря рабочих дней выразилась в 1912 году цифрой в 2 миллиона 200 тысяч [3]).

Небезынтересно отметить, что в 1912 году стачка начинает захватывать уже не только главные центры рабочего движения, но и отдаленные углы.

Спят еще Кавказ, Сибирь, Северо-Западный край, даже отчасти Польша. Но вслед за Петербургом и Москвой уже заговорил Юг, и начали пробуждаться центрально-промышленная область, Поволжье и Урал.

«Чрезвычайно наглядно и убедительно 1912 год показал,— писал Зиновьев, подводя итоги этому году, - как тесно переплетается и порою сливается экономическая стачка с политической. Начало 1912 года ознаменовалось усиленным *экономическим* стачечным движением. Ленские события вызывают могучий поток *политических* стачек, пишущих на своем знамени известные три основных лозунга. Ленскую стачку догоняет первомайская забастовка. Затем политическая стачка сливается с экономической, а в летние месяцы опять преобладает экономическая стачка. Далее месяца на 2 следует затишье. Затем новое возрождение *политической* стачки в связи с судьбой 17 матросов. Опять параллельно с этим усиливается экономическое движение. Год заканчивается новыми вспышками политических стачек

---

[1]) См. „Правда“ 12 февраля 1912 г., № 35/239.

[2]) По отчету Отдела промышленности министерства торговли и промышленности за 1912 г., число забастовок в 1912 г. равно 2.032 с 725.491 участниками. По данным же „Ежегодника Речи“, число последних составляет 1.069.820 участников. *И. М.*

[3]) По данным же Отдела промышленности, число потерянных рабочих дней было равно 2.375.606. *И. М.*

(в связи со страхованием и т. д.), идущими рука-об-руку с постепенным нарастанием экономических забастовок [1])».

II. Рабочее движение в 1913 г.

Общая картина рабочего движения за 1912 г. характеризовалась столь сильным под'емом рабочего движения, что даже обозреватель газеты «Речь», А. Чуженинов, с тревогой ожидал, что 1913 год может принести столь сильный под'ем рабочей энергии, что он живо напомнит 1905 год. И действительно, 1913 год как по числу забастовок, так и по числу участвовавших в них рабочих лишь немногим уступает 1905 и 1906 гг. [2]).

Другой кадетский обозреватель внутренней жизни, И. Гессен, подводя итоги этому году, писал [3]):

«Нынешнему году ставили весьма серьезный прогноз. От него ждали только бед, и притом больших и решительных бед. Напротив, к концу года В. Н. Коковцев заявил на приеме представителей печати в Берлине, что желаний нового революционного движения нигде нет, и что все обстоит благополучно». Этот резкий переход от чрезмерного беспокойства к ничем не ограниченному оптимизму смущал почтенного кадета. В его памяти ярко сохранились свидетели неблагополучия: разнообразные волнения молодежи и рабочих. «Забастовки носили исключительный характер»,—писал он.—«На ряду с многочисленными непрерывными экономическими забастовками, из коих многие кончались полной или частичной победой рабочих, также беспрерывно происходили политические однодневные забастовки: 1-го мая—по поводу ленских событий, преследования рабочей печати, суда над забастовщиками, дела Бейлиса и т. д. Рабочие проявляли необычайную возбудительность, которая всегда заставляет подозревать глубину чувствований...»

«Для рабочих России 1913 год был годом исключительной важности,—писал другой кадет, А. Изгоев,—периодом сильного под'ема и обилия политических забастовок, увлекших десятки и сотни тысяч рабочих. Годовщины 9-го января и ленской бойни 4 апреля были отмечены забастовками; 1-е мая—забастовка, привлекшая в Петербурге до 200.000 рабочих, день суда над 52 матросами балтийского военного флота—забастовка; репрессии против рабочей печати вызвали забастовку; заступничество за арестованных в Москве трамвайных рабочих выразилось опять краткосрочной всеобщей забастовкой, суд над петербургскими забастовщиками вызвал однодневную забастовку;

---

[1]) См. „Правда“, № 2, 1912 г. *Г. Зиновьев.*—Рабочее движение в 1912 году.
[2]) См. передовицу „Русск. Вед.“, № 114, 1914 г.
[3]) См. „Ежегодник Речи“ за 1914 г.

административные стеснения во время страховой кампании повели к политической забастовке и т. д., и т. д.

Сильную политическую забастовочную волну сопровождала не менее сильная экономическая волна, об'ясняемая, главным образом, вздорожанием жизни и промышленным под'емом, повысившим доходы предпринимателей».

Какого громадного развития достигло забастовочное движение в России в 1913 году, показывает опубликованный обществом заводчиков и фабрикантов отчет о рабочем движении за 1913 год.

Согласно данным этого отчета, всего в забастовочном движении в 1913 году участвовало 1.184.985 рабочих, против 1.069.820 рабочих в 1912 году [1]).

В политических и демонстративных забастовках принимали участие 821.000 рабочих; экономических: в фабрично-заводской промышленности—322.761, в горной—41.224.

Увеличение бастовавших рабочих равняется 115 тысячам. Увеличение это произошло, главным образом, за счет экономических забастовок, а политические, напротив, уменьшились.

Общая сумма потерянных дней во время забастовок равняется 4.037.513, а в 1912 г.—2.423.500 дней [2]).

В то время, как число бастовавших рабочих увеличилось только на 55,5%, продолжительность стачек возросла на 66,6%. Средняя продолжительность стачки каждого бастовавшего равнялась 14,3 рабочим дням.

Требования, пред'явленные забастовавшими рабочими, крайне разнообразны. Первое место занимает увеличение заработной платы—215.446 рабочих, удаление служащих—75.138 рабочих, вежливое обращение—69.560 рабочих, сокращение рабчего дня—41.164, требования в связи с открытием больничных касс—40.522, улучшение санитарных условий—32.382, отмена штрафов—22.382, введение института старост—21.697, отмена сверхурочных работ—20.843, возвращение уволенных рабочих—17.905, выдача квартирных—14.313, освобождение арестованных в связи с экономическими требованиями—17.038, сокращение рабочего дня под праздники—12.150 и отпуски—10.757.

Результаты забастовок были невыгодны для рабочих. Большинство—186.609 или 69,2%,—потерпело поражение. Частичное или полное удовлетворение получили 82.870 рабочих.

Суммируя данные о забастовках, отчет находит, что за-

---

[1]) Эти данные немного разнятся от приводимых данных за этот год в отчете Отдела промышленности за 1913 г. См. стр. 190—193.

[2]) В настоящий итог не вошли рабочие в предприятиях общего пользования, как-то: ж.-д. мастерских, электрических станций, трамваев, портов и пр. *И. М.*

бастовочное движение прошлого года носило резко выраженный наступательный характер [1]).

По тем же данным, всего за первое полугодие участвовало в стачках 149.033 рабочих, тогда как за тот же период в 1912 году число стачечников равнялось 115.177; число же потерянных дней увеличилось с 1.305.007 до 1.412.304, заработной платы рабочие потеряли за это время 1.363.526 руб. против 1.248.994 руб. в 1912 году. А «прямые убытки промышленников», по московскому подсчету, составляли 793.593 р. против 767.443 р. в 1912 году [2]).

Данные эти безусловно сильно преуменьшены, но достаточно отметить уже их сравнительное значение, чтобы судить о действительной перспективе, какою она представляется даже в освещении предпринимателей.

Насколько эти данные разнятся от данных рабочей печати, тов. Каменев показал в таблице, где на ряду с цифрами хозяйского органа дан подсчет рабочей печати, а также количество забастовщиков по месяцам и причины политических выступлений рабочих [3]). Вот эта таблица:

Причины политических забастовок.	Месяцы.	Количество забастовок по данным.	
		Хозяев.	Рабоч. газ.
Годовщина 9 января	январь	85.000	160.000
Годовщина освобождения крестьян .	февраль	—	3.000
. . . . .	март	—	—
Годовщина ленских событий	апрель	74.000	140.000
1-е мая	май	195.000	420.000
Приговор над матросами-балтийцами.	июнь	63.000	100.000
Преследование рабочей печати. . .	июль	78.000	85.000
Закрытие союза металл. в Москве .	август	8.000	—
Стачка трамвайщ. в Москве, преследование рабочей печати, день Бейлиса	сентябрь	146.000	220.000
17-е октября	октябрь	19.000	—
Суд над обуховцами. Страховая стачка в Варшаве	ноябрь	131.000	130.000
Штраф на депутата Бадаева . . .	декабрь	5.000	4.000
		834.000	1.262.000

Что же касается забастовочного движения на экономической почве, то центр тяжести последнего «за названный пе-

---

[1]) См. „Новь“, № 90, 1914 г. и „Бюллетень о-ва завод и фабр. Московского района“ № 18.

[2]) См. „За правду“, № 24, 31/X 1913 года.

[3]) Ю. Каменев—*1913 год.* Сборник „Между двумя революциями“.

риод» лежал в области текстильного производства[1]). В этой отрасли промышленности, и в особенности в Московском и Подольском районах, стачки были особенно ожесточенными.

Мотивы борьбы среди текстильщиков были преимущественно экономического характера и сводились или к увеличению заработной платы или, в редких случаях, к сопротивлению ее понижению.

Из отдельных моментов стачечной борьбы на экономической почве выделилась московская трамвайная забастовка, вспыхнувшая 18-го сентября и вызвавшая огромную однодневную забастовку солидарности рабочих и других предприятий в день 23-го сентября. В ней, даже по подсчету о-ва заводчиков и фабрикантов, участвовало более *16.000 рабочих* [2]). Забастовки солидарности продолжались и следующие дни и перекинулись в Петроград, где охватили колоссальное количество рабочих. Движение захватило и другие города и вызывало в обществе, печати и у власти отношение, близкое к тому, каким сопровождались события 1905 года.

Громадный Московский промышленный район в 1910—1912 гг. был далеко не в первых рядах, и если, как и везде за последние 2—3 года, там снова начало расти рабочее движение, то выступление трамвайных рабочих нужно рассматривать как первое крупное выступление московских рабочих.

Конечно, трамвайщики—не главное ядро района, но всеобщая забастовка трамвайных рабочих дала громадный толчок рабочим других категорий, выразившийся в забастовке и солидарности.

Одновременно с трамвайной забастовкой разрослась забастовка булочников, охватившая несколько тысяч рабочих.

На пути к защите своих экономических интересов рабочие сразу же наткнулись на «политику». Делегаты городских служащих, вырабатывавшие общие требования к городской думе, не только были арестованы, но с ними пожелали «примерно» расправиться судом.

Вокруг требования освобождения арестованных сразу сплотилась вся масса рабочих-трамвайщиков, пред'явивших вместе с тем ряд других экономических требований.

Жалкие запугивания с кивками на полицию исп. об. московского городского головы Брянского, который опубликовал воззвание к бастующим, обнаружили скорее его собственную растерянность, но не поколебали решений рабочих [3]).

Не успела окончиться эта забастовка, как 23-го сентября началась стачка протеста против гонения на рабочую печать

---

[1]) См. журнал „Промышленность и Торговля", орган совета с'ездов.

[2]) В действительности бастовало около 55.000 рабочих. *И. М.*

[3]) См. „Правда Труда", № 10, 1913 г.

и для выражения солидарности бастующим трамвайщикам. В Москве бастовало около пятидесяти пяти тысяч рабочих [1]).

Рабочие крупных предприятий выходили с заводов с пением революционных песен. Уже к 9-ти часам на улицах наблюдалось необычайное для Москвы оживление. Громадные толпы рабочих направлялись из окраин к центру города. На Театральной площади к 9-ти часам утра был собран большой наряд конной и пешей полиции. Рабочих разгоняли с обнаженными шашками.

К 12-ти часам толпа в 13 тысяч собралась на Страстной площади и, остановив трамвайные вагоны, предложила публике и вагоновожатым выйти из вагонов.

Затем с пением революционных песен толпа двинулась по Малой Дмитровке, где была встречена большим нарядом полиции, которая разгоняла толпу. Разбившись на три части, толпа снова собралась на Триумфальной площади, и здесь, после митинга и речей ораторов, была принята следующая резолюция:

«Преследования рабочей печати носят чисто классовый характер. В последнее время они приняли характер явного издевательства, администрация не считается даже с существующими законами. Мы сегодня выступаем с решительным протестом против политических насилий и произвола над рабочей печатью и рабочими организациями. Преследование рабочей печати есть только одно из проявлений насилий, введенных в систему, и мы знаем, что только при коренном изменении существующего порядка создадутся такие условия, когда не будет никаких арестов, конфискаций и тому подобного. Долой царское правительство! Да здравствует социализм!».

После этого толпа направилась к Тверской заставе, останавливая на пути вагоны. Здесь она опять была встречена нарядами полиции. Последняя с обнаженными шашками энергично разгоняла толпу и по указаниям «охранников» производила аресты. Арестованных толпа тут же освобождала. В разных частях города собирались толпы рабочих—от одной до двух тысяч человек, организовывавшие летучие митинги, на которых принимались аналогичные вышеприведенной резолюции протеста.

В ночь на понедельник начались массовые аресты в большинстве среди членов правлений разных профессиональных союзов. Были арестованы: казначей общества печатников Кутленко, председатель Общества мануфактуристов Богачев, служащие конторы рабочей газеты «Наш Путь»—Воронов, Лагунов и ряд других.

О 1913 годе нужно сказать, что если в 1912 году, как

---

[1]) В том числе: металлистов—24 тыс., печатников—9 тыс., деревообделочников—5 тыс., кожевников—4 тыс., портных—3 тыс., мануфактуристов—2 тыс., сапожников—2 тыс., водопроводчиков—1 тыс. и других профессий—около 5 тысяч. В „Обществе электрического освещения 1886 года“ бастовали все, кроме работающих на подаче тока, последние присоединились к протесту, не бастуя.

это верно т. Зиновьев отметил, «Кавказ спал», то в этом году он проснулся, начав упорную борьбу за отвоевание потерянных за время реакции достижений 1906—1907 гг.

Начавшиеся в этом году рабочие волнения на бакинских промыслах в июле захватили почти весь бакинский район и тянулись несколько недель. В середине августа движение немного затихло и затем снова вспыхнуло с большей силой. Июльская забастовка дала рабочим повышение заработка на 20—25 процентов, но все это было лишь возвращением того, что было отнято у рабочих после 1906 года. А между тем, кон'юнктура нефтяной промышленности так была блестяща, что она давала полное основание требовать, как об этом писали даже буржуазные «Русские Ведомости», не только восстановления прежней платы, но и довольно значительного повышения ее.

Дивиденды нефтепромышленных предприятий за 1913 г. рисуют столь ясную картину процветания промыслов, что игнорировать ее при оценке бакинской забастовки решительно нельзя. Вот несколько цифр из наиболее любопытных: Т-во «Братья Нобель» в 1910 г. выдает 12% дивиденда, в 1911 г.—14%, в 1912 г.—22%, в 1913 г.—26%; Русское на Биби-Эйбате выдает в 1910 г.—4%, в 1913 г.—34%; Тер-Акопов в 1910 г. не выдает дивиденда, а за последний год—14%; Манташев в 1910 г. не выдает дивиденда, в 1911 г.—6%, в 1912 г.—18%, в 1913 г.—24%, и т. д. 1913 год был особенно благоприятен. Так, в сентябре нефть расценивалась в 48—50 коп.[1]).

В этих условиях данные для успеха движения были налицо. И только организованность и упорство промышленников, с одной стороны, и неорганизованность, распыленность рабочих масс, с другой стороны, дали силу капиталу, и он ограничился маленькой прибавкой, несмотря на все свои колоссальные барыши и растущую дороговизну жизни. Небезынтересно отметить, что бакинские рабочие, отвоевав достижения 1906 года, запросили у А. Бебеля совета, как им быть в дальнейшем, и этот старейший вождь германской социал-демократии в своем ответе советовал, прежде чем выступить с новыми требованиями, все свое внимание обратить на сплочение своих рядов, на создание такой организации, которая в нужный момент смогла бы выдержать упорную и продолжительную борьбу с растущей мощью организующегося капитала.

Несмотря на все те успехи, какие сделало рабочее движение за 1912—1913 гг., по сравнению с предшествующими годами глухой реакции, тем не менее, в области организации рабочих масс предстояла еще большая работа. Слабость и недостаточная численность профорганизаций по сравнению с размахом забастовочного движения не могли не сказаться и на итогах движения.

---

[1]) См. „Русские Ведомости", № 139, 1914 г.

И действительно, как нами уже отмечалось, в общем результаты забастовок для рабочих были неблагоприятны, и «Правда Труда», в статье «Уроки движения», подводя итоги закончившейся полосе крупнейших стачек, писала:

«Рабочие приходят к заключению, что все поражения следует об'яснить только отсутствием сильной профессиональной организации. Без организации не может быть победы,—таков урок жизни» [1]).

Таков был совет А. Бебеля, таковы были выводы и наших русских практиков.

Нужно сказать, что этой элементарной истины русские рабочие никогда не забывали, и только тяжелые полицейские условия безжалостно сковывали размах этой работы.

Уже одновременно с началом экономического стачечного под'ема в рабочих кругах стало заметно стремление к организаций сил для натиска на промышленный капитал.

С необыкновенной настойчивостью и упорством рабочие восстанавливали свои профессиональные организации, и почти все рабочие общества, закрытые в 1912 г. за руководство стачками, в 1913 г. вновь возрождались и приобрели свое прежнее влияние на рабочие массы.

III. Р. С.-Д. Р. П. 1912 и 1913 гг.

Под'ем рабочего движения этих годов пробудил и оживил социал-демократическое подполье.

В январе 1912 года за границей состоялась конференция большевистских организаций, которая была об'явлена общепартийной; были избраны ЦК, редакция Центр. Органа и представитель в Меж. Соц. Бюро; этим был завершен процесс организационного оформления большевистской партии.

В августе того же года ликвидаторы создали свое об'единение, известное под именем «августовского блока». Этому августовскому об'единению, происшедшему на парижской конференции, предшествовало дружное выступление против большевиков в листках и на страницах немецкой с.-д. газеты «Vorwärts» всех групп и «фракций»: ликвидаторов, троцкистов, впередовцев, «большевиков», партийцев и др. Все вместе дружно, единодушно, согласно, едино ругали большевиков «узурпаторами», «мистификаторами» и прочими не менее нежными и ласковыми прозвищами.

Январская всероссийская конференция большевиков 1912 г. имела громадное значение для нашей партии. Ей бесспорно принадлежит одна из важнейших страниц в истории большевизма. После нескольких лет тягчайшей контр-революции на конференции в Праге большевизм впервые заново собрал свои

---

[1]) См. „Правда Труда", № 2, 12/IX 1923 г.

силы во всероссийском масштабе, окончательно сжег за собой мосты, соединявшие его ранее с меньшевизмом, и заложил прочные основы большевистской тактики на весь предреволюционный период. Узы единства и полуединства, связывавшие нас с меньшевиками вплоть до самого 1912 года, сковывали развитие большевизма. Этот груз единства или полуединства с меньшевиками был гирями на ногах у нашей партии. Пражская конференция радикально покончила с этим положением. С этого момента перед каждым сознательным рабочим стоял окончательный факт: в России существуют две рабочие партии: революционная рабочая партия большевиков и «столыпинская» рабочая партия ликвидаторов».

Это организационное оформление двух с.-д. рабочих партий наложило известный отпечаток на всем рабочем движении этих годов, которое следует подвести под знак ожесточенной борьбы этих двух течений в русской с.-д. Эти старые споры приняли теперь особенный характер.

Большевики основную политическую задачу момента сводили к тому, чтобы поддержать в рабочем классе верность его старым боевым задачам, укрепить мысль передовых элементов пролетариата на том, что знаменитые «три кита» (республика, земля, 8-часовой рабочий день) снова будут так или иначе поставлены в порядок дня, и что рабочему классу снова придется взять на себя руководящую роль в новой борьбе. Задача пролетарской партии в эпоху реакции заключалась в том, чтобы предохранить рабочий класс от «приспособленчества», отреченства, ренегатства, подчинения буржуазии...

А для решения этой единой, но многогранной задачи нужно было широко развернуть активную, ставящую руководящие революционные задачи организацию. Партия пролетариата, как руководящая политическая сила, могла жить именно в *подполье*. Отсюда задача: усилить и укрепить подполье, связать его с фабриками, заводами, профессиональными обществами (союзами), рабочими клубами.

Ликвидаторы отвечали: партия на легальной арене, здесь центр. Думская фракция, социал-демократические группы профсоюзов, клубов, страховых касс, отдельные «деятели» рабочего движения, — вся эта пестрая, околопартийная работа и составляет «открытую рабочую партию». Подполье, если оно вообще нужно, играет подчиненную, служебную роль; *открытая с подпольным аппаратом*,—таков был лозунг ликвидаторов.

Большевики—«правдисты», как они тогда чаще назывались,—отвечали на поставленные выше вопросы иначе:

Партия в «подполье», там центр. Думская фракция целиком подчиняется и работает под руководством подполья. Надполье в отношении подполья играет подчиненную, служебную роль. *Открытая деятельность подпольной партии*—таков был лозунг большевиков-правдистов.

Борьбу против «подполья», против партии, борьбу за «открытую рабочую» — столыпинскую, как тогда говорили— партию, ликвидаторство вело со страниц *легальных* журналов «Наша заря» и «Дело Жизни», «Возрождение» и т. д. Партия большевиков за партию, за революцию, против ренегатства и отреченства боролась в глубоком подполье. Легально можно было обливать партию революции помоями—жандармы и полицейские в этом случае меньшевикам не мешали,—но легально в то время нельзя было защищать этой партии...

Наконец, эта возможность представилась. В 1912 году вышла большевистская газета «Правда». Революционное рабочее движение раздвинуло рамки «царской» легальности и законности и вручило партии большевиков такое мощное орудие—печатное слово. На страницах «Правды» стало возможно более или менее призрачно защищать подполье, защищать партию...

Выход большевистской «Правды» был жестоким поражением ликвидаторов. С ее выходом большевики вылезли на легальную и полулегальную арену. Подполье бесповоротно было в их руках. Началась борьба на страницах рабочей прессы.

Эта борьба шла вокруг вопроса, где именно партия, где центр, какова роль подполья и надполья, какие взаимоотношения существуют между ними.

И в этом решительном бою ликвидаторы наголову были разбиты. Шаг за шагом большевики вытесняли их из профсоюзов, клубов, страховых касс, неуклонно «снимали» с «постов», как тогда говорили, т.-е. изгоняли из руководящих органов именно открытых, т.-е. «богом» для ликвидаторов предназначенных, рабочих организаций.

К лету 1914 года ликвидаторы представляли собой генералов без армии. Рабочие отвернулись от них, союзники поспешно стали покидать тонувший корабль.

Большевизм—«правдистское поветрие», как ворчали тогда ликвидаторы—победил на легальной арене *под руководством и во имя подпольной партии.*

Роль «Правды» в этой гигантской работе была поразительна. Она была подлинным, выражаясь словами т. Ленина, «коллективным пропагандистом, агитатором и организатором». Она не только раз'ясняла широким рабочим массам очередные задачи пролетариата, не только звала их к борьбе,—она сплачивала и мобилизовала массы, она в решение ряда *партийных* вопросов вовлекала широкие круги *беспартийных* рабочих. Вопрос о газете, о расколе думской фракции, о проведении страховой кампании,—в этих и в ряде других случаев, спор между меньшевиками и большевиками решался путем вмешательства масс. Руководящая и направляемая «Правдой» рабочая масса своей поддержкой давала победу партии большевиков.

IV. Усиление реакции к концу 1913 г.

К осени 1913 года забастовки стали самым важным фактором русской общественной жизни. В августе вопрос о забастовках обсуждался в совете министров. Целый ряд обществ промышленников и заводчиков посвятил рабочему движению свои заседания.

По их настоянию, совет с'ездов об'единенной промышленности решил устроить анкету о стачках и о предполагаемых мерах борьбы с ними. Появляется проект специального страхования промышленников от стачек. Газеты этого времени полны статьями о стачках. О стачках писали и реакционный кн. Мещерский, и преданный правительству Меньшиков, и либералы из «Речи», «Русской Молвы», «Русского Слова» и т. д.

Против рабочего движения были мобилизованы огромные силы. Не только профессиональные союзы подвергались систематическим гонениям, не только газеты пестрели сообщениями о высылке тех лиц, которых администрация считала виновниками беспорядков, не только преследовалась рабочая печать, но даже там, где государственная власть сама призывала рабочих к какой-либо деятельности, органам ее не переставали угрожать репрессиями. История организации больничных касс является поразительным примером того, как реакция воспитала исполнителей своих явных и сокровенных желаний; введение в жизнь допущенного правительством, но не вполне реакционного закона всячески тормозилось на местах.

Правда, все это не ново.

Ликвидация свободы союзов и собраний продолжалась все время с неослабной энергией, как и в предыдущие годы. Этой ликвидации немало способствовали городские по делам об обществах и союзах присутствия. Бывали случаи, когда присутствия отказывали в регистрации обществам рабочих, в уставе которых предусматривалось устройство примирительных камер. Между тем, в законе о профессиональных союзах определенно указано, что предметом их ведения может быть «изыскание способов устранения посредством соглашения или третейского разбирательства недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми».

Всего в 1912 году (до 10-го декабря) было закрыто и отказано в легализации свыше 100 профессиональным и культурно-просветительным обществам.

В Москве не был разрешен с'езд представителей О-ва Народных Университетов и запрещен ряд лекций о туберкулезе. Не могла состояться и лекция П. Н. Милюкова о национальном вопросе. Там же закрыто несколько профессиональных союзов и отказано в легализации обществу подготовки специалистов по земской и городской службе и о-ву для устройства студен-

ческой столовой. Не разрешен союз рабочих по обработке дерева и т. д., и т. д.

Действие исключительных положений особенно тяжело отразилось в 1913 году на положении периодической печати. В отношении денежных штрафов и других административных репрессий против печати 1913 год был рекордным. Не было буквально ни одного более или менее выдающегося события в жизни России, которое не ознаменовалось бы тем или иным количеством штрафов, наложенных на газеты и журналы. Всего в 1913 году (до 20-го ноября) на редакторов наложено в административном порядке 340 штрафов, на сумму 129.775 р.[1]).

В особенно тяжелых условиях находилась рабочая пресса.

Представители реакции, борясь с рабочим движением, прекрасно понимали значение рабочей прессы и всевозможными полицейскими ущемлениями да денежными штрафами старались задушить ее.

Для характеристики положения рабочей печати укажем, что в 1913 году газета «Луч» подвергалась 12 штрафам, на 6.000 руб.; «Правда»—10 штр., на 5.000 руб.; «Живая Жизнь»—4 штр., на 2.000 руб.; «Новая Рабочая Газета»—4 штр., на 1.800 руб.; «Рабочая Правда»—2 штр., на 1.000 руб. и т. д.; и из 19 №№ газеты «Живая Жизнь» 15 вызвали репрессии (11 конфискаций и 4 штрафа); из 17 вышедших №№ газеты «Рабочая Правда» репрессии вызвали 15 (13 конфискаций и 2 штрафа); из 25 №№ газеты «Северная Правда» конфискованы 19, и 2 оштрафованы. Той же участи подвергалась московская рабочая газета «Наш Путь».

На ряду с наглым произволом и бесчинством власти и сильных мира сего, оформлялась и росла организация капитала, а вместе с тем росла наглость фабрикантов и заводчиков, чувствовавших за своей спиной поддержку мощной организации. Достаточно вспомнить знаменитую конвенцию петербургского союза фабрикантов и заводчиков или знаменитые правила о найме, выработанные московскими Тит Титычами, достаточно вспомнить локауты текстильных рабочих в Костроме, Петербурге и т. д.—локауты, которыми закончился 1912 г. Господа промышленники начали организованную борьбу. При каждой отдельной стачке общество заводчиков и фабрикантов устраивало совещание той группы членов общества, к которой предприятие относится, для согласования действий всех промышленников этой группы[2]).

Они тщательно изучали каждое движение и вырабатывали общий план отпора или контр-нападения. Больше того: они намечали и проводили все возможное, чтобы не только подо-

---

[1]) В 1911 году было 268 штрафов, на сумму 74.450 руб.; в 1912 г. было 317 штрафов, на сумму 93.800 руб.

[2]) См. „Новь“, № 90 1914 года.

рвать путем репрессий рабочее движение, но и внести в него разврат и разложение. Для этого они пытались оживить труп ушаковщины, для этого выдвинули Снежковский союз рабочих-националистов. Для этого носились с идеей создания так называемых «христианских» союзов.

Но ничто не помогло врагам рабочего класса.

Реакция могла погубить десятки легальных рабочих, профессиональных союзов, но она не в силах была этим помешать или остановить стачечное движение русских рабочих, — движение более грандиозное, чем движение в крупнейших капиталистических странах. Реакция могла призвать на службу Снежковых и Ушаковых, но она не в силах была помешать тому, чтоб рабочие отвернулись от них с презрением. Реакция могла пытаться внести раскол в среду рабочих, но она оказалась не в силах помешать все более и более тесному об'единению рабочих, росту сплоченности, солидарности и отзывчивости на взаимопомощь (которая так ярко выражалась в щедрой денежной помощи лицам, подвергшимся локауту).

Реакция могла сверху назначить «представителей» рабочих в совет по страхованию, но она была не в силах помешать десяткам тысяч рабочих поднять громкий голос протеста против этого. Реакция могла преследовать рабочую печать, но она была не в силах помешать рабочим массам своими многочисленными жертвами обеспечить существование рабочей газеты, несмотря ни на что.

V. Рабочее движение в 1914 г.

В 1914 году повторялось то же самое явление, что и в 1913 году, когда забастовочное движение России настолько усилилось, что Россия очутилась после 1907 года снова на первом месте как по числу забастовок, так и по числу участвовавших в них рабочих. Это движение в России было настолько интенсивно, что оно только за 7 месяцев значительно превысило размеры того же движения за весь 1913 год. Забастовок было почти в полтора раза больше, чем в 1913 году, и гораздо больше, чем в Англии, Франции, Германии и Канаде, вместе взятых.

Сравнивая забастовочное движение в 1914 году[1]) с движе-

[1]) По официальным данным рост забастовочного движения рисуется в следующем виде:

Годы.	Число забастовок.	Число забастовщиков.
1909	340	64.166
1910	222	46.623
1911	466	105.110
1912	2.032	725.491
1913	2.404	887.096
1914	3.534	1.337.458

нием за прошлые годы, следует помнить, что в 1914 году о таковом движении может быть речь, в сущности, только за первые 7 месяцев, когда еще не было войны. После же ее начала если и были кое-какие конфликты, то в самом ничтожном количестве. Так, в России забастовочное движение, достигшее в июле 1914 года наивысшего напряжения, когда бастовало 332.287 рабочих [1]), и было всего 951 забастовка, сразу же, как только была об'явлена война, пресеклось; все конфликты, за исключением 15 с 20.841 участником, были немедленно ликвидированы. В течение остальных пяти месяцев хотя и были случаи забастовок, но общее число их было совершенно ничтожно и составляло всего 48 при 9.817 участниках.

Относительно приведенных цифр забастовочного движения в России следует оговориться, что они дают далеко неполную картину этого движения, так как касаются только забастовок в предприятиях, подведомственных фабричной инспекции, и то без губерний варшавского фабричного округа. Между тем, за отчетный год был целый ряд забастовок также в горных, строительных, трамвайных и казенных предприятиях. Таким образом, размер забастовочного движения был на самом деле еще больше, чем можно судить по приведенным выше цифровым данным. В 1914 г. повторялось наблюдавшееся уже в 1912 г. явление, когда центр тяжести движения заключался в политических демонстративных выступлениях рабочих; после того, как в 1913 году произошел поворот в сторону экономических забастовок, в 1914 году забастовки политического характера снова как по числу своему, так и по количественному составу участников получили преобладающее значение. Так, из общего числа 3.534 забастовок было экономических всего 969 (или 27,4%); вся же остальная масса в 2.565 забастовок (или 72,6%) носила явно политическую окраску, при этом в экономических выступлениях участвовало только 278 347 рабочих (или 20,8%), а в политических—1.059.111 (или 79,2%), т.-е. значительно больше, чем во всех вообще забастовках 1913 года (887.096), не говоря уже про политические, которых в 1913 году было все же 1.034 с 502.442 участниками при 1.370 экономических забастовках с 384.654 бастовавшими.

Нужно отметить, что вообще с 1910 г. в России наблюдается постоянный из года в год рост забастовочной энергии рабочих, и число участников одной забастовки с каждым годом

---

[1]) По данным Московского О-ва заводчиков и фабрикантов, в июле 1914 г. бастовало 400.000 чел. и было потеряно 1.500.000 рабочих дней. См. „Известия О-ва заводчиков и фабрикантов Московского района", № 8, 1914 г., стр. 20.

увеличивается [1]). Однако в 1914 году получилась та разница, что увеличилось, против 1913 года, только среднее число участников одной экономической забастовки с 239 по 287, между тем как число участников одной политической забастовки понизилось с 480 до 414. Об'ясняется это тем обстоятельством, что политические забастовки широко захватили и мелкие предприятия.

Распределение забастовок и забастовщиков в 1914 году по отдельным отраслям промышленности представляется в следующем виде:

Группы производств.	Забастовок.	Участников.
Текстильная	329	275.868
Бумажная и полиграфическая	644	77.147
Металлическая	1.582	749.209
Обработка дерева	270	41.365
Минеральн. вещей	94	17.422
Животн. прод.	118	51.058
Химическая	—	61.713
Сельск. хозяйства	—	236
Добывающая	15	34.967
Разные	—	1.842

Как видно из приведенных данных, самое большое число забастовок было в металлообрабатывающей промышленности (44,8% общего количества всех бывших в России забастовок за 1914 год).

Забастовки же в текстильной промышленности носили по преимуществу экономический характер, равно как и в предприятиях по добыче нефти; в последних из 236 было экономических забастовок 212 с 32.179 участниками.

Что касается степени забастовочного напряжения, проявленного рабочими в 1914 году, то опять преобладали, как и всегда, забастовки кратковременные, продолжительностью не свыше 5 дней; таких забастовок было 2.886. То обстоятельство, что 81,6% всего числа забастовок приходится на группу кратковременных, об'ясняется огромным количеством демонстративных выступлений, длящихся не свыше одного дня.

Потеря же рабочих дней вследствие забастовок в 1914 г. значительно превзошла потерю за 1913 год [2]). Кроме того,

---

[1]) Среднее число забастовщиков на одну забастовку за последнее пятилетие следующее:

1910	1911	1912	1913	1914 гг.
210,0	223,4	357,0	369,0	378,5

[2]) Общая потеря рабочих дней вследствие забастовок:

1910	1911	1912	1913	1914 гг.
256.385	791.053	2.375.606	3.803.227	5.753.072

нужно отметить, что в 1914 году наибольшая потеря рабочих дней выпала на хлопчатообрабатывающую промышленность с 2.119.635 потерянными рабочими днями. Такая большая цифра получилась благодаря тому, что в этой отрасли производства было много длительных забастовок, из которых одна продолжалась свыше 70 дней и дала в общем потерю в 1.379.000 рабочих дней. Еще крупные цифры потерянных рабочих дней наблюдаются в производствах по обработке металлов (1.591.247) и по добыче нефти (1.053.791); в этой последней группе главная масса рабочих дней (1.036.000) была израсходована на борьбу за сокращение рабочего времени.

Что же касается поводов возникновения забастовок, то, согласно официальной статистике, в 1914 году имели место: 474 забастовки из-за заработной платы, 349 забастовок из-за рабочего времени и 2.711 забастовок из-за «прочих поводов», к которым, главным образом, относятся политические забастовки.

Главным поводом к возникновению экономических забастовок служили явления, связанные с заработной платой. При этом первое место занимает требование рабочих на увеличение заработной платы; на такой почве произошли 403 забастовки с 136.635 участниками, т.-е. около 41,5% всего числа экономических забастовок. Таким образом, отмеченная причина вызвала в 1914 г. гораздо меньше забастовок, чем в 1913 г., когда на этой почве произошло 919 забастовок при 243.453 участниках. Что же касается забастовок, вызванных мерами работодателей, направленными к уменьшению заработной платы, то как число их, так число лиц, участвовавших в этих забастовках в 1914 г., уменьшилось против 1913 года в первом случае с 31 до 16, а во втором — с 5.586 до 2.863.

Среди забастовок на почве недоразумений по поводу продолжительности рабочего времени преобладали забастовки, при которых рабочие пред'являли требования о сокращении рабочего времени; таких забастовок было 327 при 60.744 участниках, против 33 с 9.027 забастовщиками в 1913 г. Наконец, больше всего забастовок породили неудовольствия персоналом заводоуправления (103 забастовки и 34.668 забастовщиков) и причины политического свойства (2.565 при 1.059.111 участниках).

Что же касается результатов забастовок, то таковые окончились: 89 (9,1%) победой, 808 (83,4%) поражением и 72 (7,5%) соглашением.

В это распределение забастовок по результатам не вошли 2.565 забастовок с 1.059.111 участниками. Эти забастовки относятся к числу тех, которые наша официальная статистика выделяет в особую рубрику так называемых «нейтральных или политических забастовок»; под ними разумеются те забастовки,

которые не могли иметь и не имели никаких результатов, ибо никакие требования к работодателям не пред'являлись.

Из приведенных данных видно, что в 1914 году рабочие всюду бастовали крайне неудачно, так как число забастовок, кончившихся для них поражением, было весьма велико.

Как нами уже и было отмечено, в 1914 году значительно преобладали забастовки политического характера. И это преобладание почувствовалось даже с первых чисел января. Так, в день 9 января в 1913 году бастовало по всей России около 150.000 человек, в 1914 году—свыше 250.000 человек. В Петрограде в 1913 году бастовало около 80.000 человек, в 1914 году—свыше 140.000 человек.

При этом нужно отметить, что в этом году стачкам предшествовали летучие митинги, на которых ораторами выяснялось историческое значение дня 9-го января. Одновременно с этим принимались резолюции протеста против гонений на рабочую печать, профессиональные союзы. Рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня, всеобщего государственного страхования и т. д. На многих фабриках и заводах были разбросаны листовки с.-д. партии. В Петрограде в разных частях города были устроены демонстрации. Так, на Садовой улице собралась толпа демонстрантов, человек 400, с пением революционных песен. Полиция, испугавшись демонстрантов, скрылась. На Петербургской стороне мы видели ту же картину. Рабочие типографии Кан, в количестве 600 человек, вышли с пением революционных песен, направились по Б. Пушкарской и, дойдя до Введенской улицы, были рассеяны полицией. На Большом проспекте наблюдалась та же картина. За Московской заставой также с пением революционных песен вышли 5.000 рабочих с завода «Скороход».

Вслед за январскими в связи с годовщиной 9-го января забастовками, после сравнительно спокойного февраля с 20.500 участниками забастовок, в марте число участников забастовок по политическим мотивам превзошло 200.000. Поводом этих забастовок явились: преследование рабочей печати, закрытие союза рабочих-металлистов, обсуждение ленских событий в Государственной Думе и загадочные массовые заболевания работниц на некоторых фабриках Петербурга. Любопытно, например, отметить, что в Петербурге за март демонстративные забастовки были чуть ли не ежедневно...

В апреле в политических забастовках участвовало свыше 100000 рабочих,—главным образом, в Петербурге и в Москве,—по поводу исключения из Государственной Думы на 15 заседаний представителей левых партий.

Март и начало апреля 1914 года были бурными днями для рабочего движения.

Еще в начале марта политическое стачечное движение охватило широкие круги рабочего Петербурга.

Движение это вспыхнуло самопроизвольно, стихийно. Крайне напряженное состояние рабочей массы было заметно каждому; чувствовалось, что рабочие поняли, что так дальше жить нельзя, что жизнь, какова она сейчас есть, невыносима, и нужно найти выход.

И вот в эту-то атмосферу повышенной возбудимости, в разгар забастовки, переползавшей с одного предприятия на другое и захватившей в свой круговорот до 150.000 рабочих, пали одна за другой две волнующие вести: сначала о массовых заболеваниях работниц на различных фабриках и заводах, потом о взрыве на электрической станции о-ва 1886 г., унесшем 3 человеческих жертвы.

Чрезмерный труд, полное пренебрежение интересами жизни и здоровья рабочих, полная несостоятельность закона об охране труда и фабричной инспекции, — вот о чем кричали всякому рабочему массовые заболевания и взрыв на электрической станции. Однодневная забастовка и те попытки демонстраций, которыми она сопровождалась, были ответным криком возмущенных рабочих.

Возбуждение все усиливалось, а вместе с тем множились и события, подливавшие масло в огонь. Убийство рабочего *Андреева* городовым во время демонстрации на Петербургской стороне, приостановка деятельности, а затем и закрытие крупнейшей рабочей организации Петербурга — союза металлистов, и, наконец, карательный праздничный локаут, об'явленный петербургским обществом фабрикантов и заводчиков и казенными заводами и обрушившийся на 70.000 рабочих, — все это могло оказаться более чем достаточным, чтобы довести температуру до «белого каления» и при известных условиях вызвать бурную вспышку со стороны доведенных до отчаяния рабочих масс.

В реакционной печати — «Русском Знамени», «Земщине», «Новом Времени» и официальной «России» — точно по заказу, появились сообщения о комитете отравителей, устроенном социалистами и разбрасывавшем «капсюли» с ядовитым порошком для наказания тех, кто не хотел примкнуть к забастовкам. В рабочей среде шныряли темные личности, усиленно агитировавшие на ту же тему. С трибун Государственной Думы злостная басня была повторена Марковым II и Замысловским. В том же духе были использованы реакционною печатью двусмысленные заявления и умолчания управляющего отд. промышленности и торговли Литвинова-Фалинского в его об'яснениях по запросу о массовых заболеваниях.

«Северная Рабочая Газета» поэтому, обращаясь к рабочим, писала [1]):

«Товарищи рабочие!

«Непрекращающиеся случаи массовых отравлений наводят

[1]) См. № 32, 1914 года.

черносотенцев и желающую оправдать себя хозяйскую администрацию на мысль использовать эти факты против рабочего класса.

«Распространяются слухи, что отравление произведено социалистами, студентами, евреями и т. д.

«В среде рабочего класса хотят посеять раздор, натравить темных на сознательных, рабочих на интеллигенцию.

«Что полицейская власть не вмешивается и не прекратит эти злонамеренные провокационные слухи, — тому порукой все ее поведение последних дней. «Слухи имеют все шансы быть принятыми,—говорит даже кадетская «Речь», — ибо они дают возможность успокоиться и вернуться к испытанным мерам борьбы с забастовками».

«Долг всякого сознательного рабочего—разоблачить лгунов, раз'яснить темной массе истинную причину массовых заболеваний.

«Нет сомнений, что эта грубая попытка свалить вину с больной головы на здоровую встретит самый сильный и здоровый отпор в среде рабочего класса».

Действительная причина заболеваний вскоре и выяснилась. 12-го марта начались первые заболевания в калошных мастерских «Треугольника», и в тот же день на фабрику поспешили депутаты-рабочие. Там они увидели действительно перешедшие все пределы пренебрежения к жизни и здоровью рабочих и работниц. Вскоре официально выяснилась ближайшая причина массовых отравлений. Основываясь на данных комиссии, исследовавшей причины массовых отравлений, представитель правительства г. Литвинов-Фалинский, давая ответ по запросу р. с.-д. фракции, с трибуны Гос. Думы заявил: «Бензин употребляется не очень высокой очистки. Высокие научные авторитеты доложили, что при известных условиях (т.-е. как-раз при не очень высокой очистке) бензин может вызвать отравление».

Кроме того, желая спрятаться за разговоры об эпидемии истерии, он сказал: профессора указали, что общими условиями распространения эпидемии истерии являются удушливая атмосфера в промышленных заведениях, слабость организма рабочих и повышенное их настроение.

«Дело ясно,—писала после этого газета «Путь Правды».— У высокопоставленных чиновников и профессоров не осталось сомнений, что эпидемия истерии вполне достаточно об'ясняется условиями работы, и что отравление вызвано парами бензина. Этими своими признаниями представитель правительства дал точный и ясный ответ на вопрос о «комитете отравителей». Этот комитет, несомненно, существовал и существует, только искать его надо не среди рабочих. Его надо искать среди тех: 1) кто дал рабочим неочищенный бензин, 2) кто заставил их работать в удушливой атмосфере, 3) кто непосильной работой, длинным рабочим днем и низкой заработной платой истощил

организм рабочих, 4) кто непрестанными преследованиями рабочих организаций, рабочей печати и т. д., и т. д. создал среди рабочих «повышенное нервное настроение». Это повышенное нервное настроение еще больше усилилось, когда речь по этому вопросу депутата Бадаева была прервана председателем Гос. Думы в самом начале. Начавшиеся забастовки протеста приняли весьма бурный характер и сопровождались рядом столкновений с полицией. На улицах появились красные флаги. Были и раненые» [1]).

20-го марта, желая покончить с движением, хозяева об'явили локаут, выбросив на улицу 70.000 рабочих, а 21 марта, по распоряжению градоначальника, был закрыт профессиональный союз металлистов. Такой удар по питерским рабочим легко мог спровоцировать совсем несвоевременное для рабочих кровавое выступление. Рабочие организации были слабы. Один из сильнейших профессиональных союзов, союз металлистов, был закрыт. Ликвидаторы вели бешеную борьбу против «стачечного азарта». В этих условиях принять вызов означало обречь борьбу на полную неудачу. Исходя из этих соображений, Петербургский комитет партии дал лозунг прекратить на время волнения. «Путь Правды» этот лозунг раз'яснил, и движение вскоре затихло, чтобы 1-го мая выступить снова и с еще большей силой.

В этот день в Петербурге общее число бастовавших рабочих, по данным рабочих организаций, определяется в 215.000 человек. Наибольшее количество забастовок пало на заводы Выборгской стороны. Там же было несколько попыток демонстраций, разгонявшихся полицией.

Так, около 5-ти часов дня произошла демонстрация рабочих на Безбородкинском проспекте. При появлении полиции, рабочие мирно разошлись, оставив на мостовой прокламации.

За Невской заставой бастовали все фабрики и заводы.

На Путиловском заводе после митинга часть рабочих на дворе завода была окружена полицией, и 14 человек были арестованы.

Днем рабочие несколько раз с пением революционных песен пытались прорваться сквозь Нарвские ворота для того, чтобы попасть в город, но полиция рассеивала манифестантов.

На Невском проспекте до вечера были четыре попытки устроить манифестации, но порядок быстро возобновлялся. Полицией здесь было произведено 30 арестов.

Кратковременные манифестации возникали в различных частях города.

Всего в течение целого дня за участие в манифестации и отказ подчиниться требованиям полиции было арестовано более 80 человек.

---

[1]) См. „Из эпохи „Звезды“ и „Правды“, стр. 133—148, изд. 1921 г.

Движение вызывало сильное беспокойство среди фабрикантов и заводчиков, и последние устроили по поводу первомайской забастовки специальное совещание. Обсуждался вопрос, как реагировать на забастовку. Мнения участников совещания разделились. Представители крупных заводов высказались за то, чтобы не создавать никаких конфликтов с рабочими и уплатить за прогульные дни. Представители мелких предприятий указывали на необходимость определенно выразить отрицательное отношение к празднованию рабочими 1-го мая и отказать им в уплате за прогульный день. Они ссылались на то, что забастовки за последнее время приняли эпидемический характер и являются угрозой для русской промышленности и торговли.

Совещанием никаких определенных решений не принято, и каждому заводу предоставлено было право принять те меры, которые он признает нужными.

В Москве 1-е мая было ознаменовано развитием забастовочного движения на целом ряде фабрично-заводских предприятий.

По сведениям общества заводчиков и фабрикантов, всего приняло участие в праздновании 1-го мая 73 промышленных заведения с 22.053 рабочих, которые распределяются следующим образом: на 33 металлообрабатывающих завода приходится 10.549 раб.; на 27 типографий—6.363 раб. и на 13 прочих заведений—5.141 человек.

Всего за первые четыре месяца нынешнего года бастовало свыше 447 тыс. человек против 95 тыс. в те же месяцы прошлого года. И любопытно отметить,—писали «Русские Ведомости» [1]),—что в Англии за то же время бастовало 123 тыс. рабочих, в Германии—8 тыс., во Франции—81 тыс. Правда, в тех странах промышленный упадок, а у нас все еще продолжается промышленный под'ем. Но характер забастовок совершенно ясно показывает, что не в одном состоянии промышленности дело. Подавляя рабочее движение и сокращая права рабочих, реакция вызывала к жизни именно то, что она стремилась подавить.

«Сами по себе происходящие забастовки рабочих,—писали те же «Русские Ведомости» [2]),—не представляют чего-либо исключительного. За последнее время это частое явление. В настоящем случае она вызвана политическими причинами. Это—ответ на стеснения и репрессии по отношению к рабочей печати и на ленский запрос. По тем же поводам и по многим другим политические забастовки рабочих имели место и раньше. Теперь атмосфера более напряженная. Все продолжающиеся стеснения самодеятельности рабочих дают себя чувствовать в повышенной нервности. А в последние дни произошло событие—массовое отравление работниц на заводах русско-амери-

---

[1]) См. „Русские Ведомости", № 144, 1914 г.
[2]) См. „Русские Ведомости", № 63, 1914 г.

канского товарищества,—которое способно вызвать глубокое потрясение. Картина опасностей и страданий, которые стерегут на каждом шагу рабочий люд, не может не вызвать душевного потрясения, независимо от того, лежит ли на ком-либо вина за происходящее. Рабочие, естественно, еще интенсивнее реагируют на происходящее. И вот налицо те условия, которые могут повести к разного рода эксцессам: массовое отравление, падающие в конвульсиях женщины, истерические крики, полная неизвестность, что такое происходит, что делается с заболевшими. Недопущение родственников и товарищей к пострадавшим, игнорирование естественных опасений со стороны рабочих,—все это создало необычайные условия. Их необходимо было иметь в виду тем, кто призван блюсти за охраной порядка и безопасностью. Элементарный такт подсказывает, что нужно избегать осложнений. К сожалению, дело сложилось иначе».

Переходя к выводам, газета писала:

«Будь налицо иные условия, такие осложнения стали бы исключительным явлением. При нормальных условиях рабочий люд был бы вполне уверен, что расследование, правильно организованное, доступное контролю общественного мнения и рабочего представительства, выяснит истинные причины трагического происшествия, обнаружит виновных, если они есть, и не оставит их без ответственности. При настоящих условиях такой уверенности не существует. Рабочие не видят надлежащей защиты своих интересов, их самодеятельность встречает одни лишь стеснения. Это создает атмосферу недоверия и вражды. Устанавливаются отношения враждующих лагерей».

VI. Усиление реакции и выступление буржуазной оппозиции.

1914 год, несмотря на тот гигантский размах, какой приняло рабочее движение в этом году, является годом махрового расцвета беспардонной реакции.

Полнейшее истребление рабочей печати, закрытие профессиональных союзов, аресты и высылки,—все это изо дня в день мы видели, несмотря ни на какие протесты, забастовки и пр.

В одной Москве за май, по постановлению исполняющего должность градоначальника, за участие в незаконных сборищах на улицах, за неисполнение требований полиции, направленных к ограждению порядка, принуждение к забастовке, бросание камней и т. п. проступки подвергнуты аресту [1]): на 3 месяца—212 рабочих, на 2 мес.—139 раб., на 1 мес.—20 раб., всего арестовано 371 рабочий.

---

[1]) См. „Раннее Утро“, № 162, 1914 г.

Реакция чувствовалась не одними только рабочими,—под ее тяжелой пятой изнывали все общественные организации и тоже подняли голос протеста.

Так, с'езды сельскохозяйственный и городских деятелей констатировали, что даже агрономическая деятельность не может протекать нормально при существующих полицейских условиях. И секция общественной агрономии единогласно признала необходимым осуществление манифеста 17-го октября для выполнения того труда «по возрождению культуры», который возложен на агрономов правительством, земством и населением.

С'езд городских деятелей признал, в свою очередь, невозможной нормальную работу городского самоуправления при существующих условиях и в резолюции, предложенной Гучковым, заявил, что «дальнейшее промедление в осуществлении необходимых реформ и уклонения от начала, возвещенных в манифесте 17-го октября, грозит стране тяжкими потрясениями и губительными последствиями».

А за месяц ранее с тем же заявлением о необходимости осуществления начал 17-го октября выступил в Нижегородской ярмарке от лица всероссийского купечества г. Салазкин [1]).

Все это нашло некоторые отражения и в Государственной Думе.

При обсуждении сметы министерства внутренних дел против правительства об'единилась почти вся Государственная Дума—от левых и до националистов, и только кучка крайних правых осталась ему верна.

В формуле, предложенной Думе центром вместе с октябристами и принятой большинством $^2/_3$ Думы, министерство внутренних дел обвинялось в том, что мешает «духовно-экономическому развитию страны, стесняя и ограничивая деятельность земских и городских учреждений», а также в том, «что, поощряя повсеместный административный произвол», политика его «создает недовольство и глубокое брожение в широких и спокойных слоях населения».

Особенно выразительно мотивировали эту формулу прогрессисты устами Ефремова, который сказал:

«Наше об'единенное правительство лишено творческих сил и государственного понимания... На одно только у об'единенного правительства хватает энергии и страсти—на борьбу с обществом.

«...Земства и города всячески стесняются, школы и суд разрушаются. На права народного представительства ведется систематический подход. Только в этом правительство об'единено, только здесь оно действует последовательно.

«...Антагонизм различных ведомств во всем, что не касается борьбы с обществом, интриги сановников, своеволия местных

---

[1]) См. его обращение к Коковцеву.

властей, вмешательства союзнических организаций и прикрывающихся религиозным мистицизмом развратных проходимцев, вмешивающихся в назначение высших должностных лиц и в управление государством,—все это служит ясным показателем разложения и анархии власти.

«...Авторитет власти подорван, государственное достоинство оскорблено, народные права попираются, и не тем лицам, которые при таких условиях согласны молчаливо занимать посты министров, восстановить в России порядок, создать финансы нашего государства на здоровых началах, поднять благосостояние крестьян, возродить внутреннюю и внешнюю мощь нашего отечества...

«...По всем этим соображениям фракция прогрессистов, при всем ее сочувствии к культурным начинаниям содержащихся в смете расходов, не может дать своего согласия именно ради достижения этих целей на отпуск народных средств теперешнему правительству».

Так говорил г. Ефремов от лица партии, опирающейся на значительную часть крупной буржуазии, считающей в своих рядах таких видных промышленников Московского района, как Коновалов и Рябушинские. Передовые слои буржуазии тут впервые заговорили с властью свободным и решительным тоном.

А речь правого кадета Челнокова, избранника первой городской курии Москвы и, следовательно, представителя ее торгово-промышленных кругов, прозвучала прямо, как угроза.

Он заявил, что политика Маклакова «по отношению к Думе, к рабочему движению, к местному самоуправлению создает невыносимое положение, из которого нет выхода». Деятельность министерства внутренних дел создает, по его мнению, серьезную опасность для самого существования монархии. И, как «представитель деловой, лойяльной и верноподданной Москвы», он обращает внимание власти на эту опасность. Политическое легкомыслие Маклакова, его полное неумение разбираться в вопросах, волнующих государство, стремление перенести ответственность на высшую власть создают то, что в известных кругах русского общества, помимо его воли, желаний, традиций и всего исторического прошлого, практически ставится на обсуждение вопрос, самое провозглашение которого было поставлено в вину Чхеидзе».

В то время, когда произносилась эта речь представителем «деловой Москвы», заседал с'езд представителей промышленности и торговли. Хотя и менее решительно, чем г.г. Ефремов и Челноков, но достаточно недвусмысленно и он выразил свое осуждение правительственному курсу. Он прежде всего и наиболее решительно, конечно, протестовал против проявления этого курса в экономической области, против ограничения прав акционерных компаний, против расширения казенного хозяйства на счет частного. Но в своей резолюции он счел нужным коснуться и

похода правительства против прав Думы. «Устойчивость нового представительного строя,—заявил с'езд,—является необходимым залогом успешного развития народного хозяйства, в частности—промышленности и торговли. Представители промышленности и торговли с некоторой тревогой, вследствие этого, взирают на известные события последнего времени, направленные как будто к сужению прав, дарованных свыше нашим законодательным учреждениям».

«С некоторой тревогой», «как будто к сужению прав»,—нельзя сказать, чтобы это был смелый и достойный тон, но для с'езда промышленников, тщательно избегавших до сих пор всякого вторжения в политику, это, во всяком случае, большой прогресс.

Чрезвычайно показательно также отношение с'езда к рабочему вопросу. Перечисляя в своей резолюции проявления экономической и внутренней политики, мешающие развитию производительных сил страны, с'езд счел нужным указать на обострение рабочего вопроса отчасти вследствие политических причин». В телеграмме, посланной Горемыкину, он сказал еще выразительнее: «Тревожное настроение поддерживается (у представителей промышленности) все растущим рабочим движением, которое питается в значительной мере причинами, находящимися вне сферы воздействия торговли и промышленности».

Некоторые же видные представители с'езда поставили прямо точки над «i». Так, Б. Б. Жуковский находил, что «власть борется с рабочим движением средствами, которые промышленники не могут одобрить. Задача промышленности—ввести рабочее движение в должные рамки и смягчить его, а не обострять; между тем, правительство в своей борьбе с рабочими знает один лишь лозунг, держится одного лишь принципа: хватай!»

А Ю. П. Гужон, председатель общества московских фабрикантов и заводчиков, констатировал, что за эти 44 года, в течение которых он имел дело с министрами финансов и торговли и промышленности, «такого тяжелого времени у нас еще не было. Вся беда, что наше министерство торговли буквально порабощено министерством внутренних дел». В таком же положении, по его мнению, находятся и другие ведомства. Тяжелую руку (мин. внутр. дел) мы чувствуем повсюду. Особенно сильно влияние министерства внутренних дел в рабочем вопросе. «Мы больше не хозяева в своих предприятиях»,—заявил с горечью и возмущением г. Гужон.

Итак, круг недовольных нашим правительством как будто сомкнулся вокруг него. Против него был, несомненно, весь город, начиная с пролетариата, продолжая буржуазной демократией и кончая крупными промышленниками. Против него были как будто и октябристы, стоящие одной ногой в землевладельческом классе. Против него, повидимому, и партия центра

(В. Н. Львова и П. Н. Крупенского) и даже как будто националисты,—партия, несомненно, уже землевладельческая.

Но прежде, чем начал оказывать свое действие этот напор, последовал натиск с другой стороны,—со стороны реакции. Реакция хотела своего движения,—движения назад от поднимающихся требований и запросов жизни. Г. Коковцев, бывший только попустителем реакции, но не ее горячим апологетом, был сменен.

Новый член правительства немедленно повел штурм на Думу и ее права. Сперва «раз'ясняли» некоторые права Думы, а затем начали действовать еще решительнее и привлекли Чхеидзе к судебной ответственности по 129 ст. за речь, сказанную с парламентской трибуны. Этим фактом правительство просто отменило неугодную ему 14 ст. Учрежд. Г. Д., которая определенно говорит, что члены Думы пользуются полной свободой суждений.

По прежним грозным речам кадетов, октябристов и прогрессистов необходима была решительная борьба, но 4-я Государственная Дума не была способна к борьбе, и она не только дала в руки бюрократии, покушавшейся на ее права, нормальный бюджет, но и поднесла еще к ее ногам чрезвычайные и огромные военные кредиты.

В тайном заседании Дума в лице правооктябрьского большинства, с присоединением еще прогрессистов, поспешно, без всякого серьезного обсуждения, утвердила эти кредиты.

Гора родила мышь...

Большинство октябрьской фракции оказалось верным своим старым традициям, и ничто не в силах было сдвинуть ее с той мертвой точки, на которой она застыла. Клясться на словах манифестом 17-го октября и ничего не делать для его осуществления осталось попрежнему руководящим правилом этой жалкой фракции.

Между тем, страна определенно шла к кризису.

VII. Июльские дни 1914 г.

Все, начиная с черной сотни, октябристов, кадетов и кончая левыми партиями, одни с радостью, а другие с большой тревогой, ждали кризиса.

Организованная рабочая демократия прилагала все усилия к тому, чтобы этот поворотный момент в русской истории был встречен демократией во всеоружии.

«Либерализм, потеряв веру в мирный исход кризиса», тем не менее, устами того же г. Маклакова, настойчиво желал во что бы то ни стало найти и отстоять возможность «мирного исхода».

По этому пути его толкали, конечно, не моральные качества его вождей, а голые классовые интересы буржуазии.

Общественный под'ем встретил, таким образом, врагов не только непосредственно в господах положения, но и в буржуазном либерализме. Поскольку дело обстояло так, то главная роль, а следовательно, вся тяжесть в предстоящем кризисе ложилась исключительно на плечи пролетариата.

Рабочий класс России не могла спугнуть такая задача, и он, долго не задумываясь, начал борьбу.

После мартовских выступлений, возникших в связи с массовыми отравлениями на «Треугольнике», приковавшими внимание пролетариата всей России к вопросу об охране здоровья рабочих, и после двух месяцев, полных напряженной политической жизни в связи с празднованием дня рабочей печати, 1-го мая и другими, более мелкими, но сильно волнующими фактами, как, например, временное изгнание из Государственной Думы левых депутатов, жизнь дала новый и весьма сильный толчок движению. Этот новый толчок дали рабочие бакинских нефтяных промыслов.

Потеряв всякое терпение когда-нибудь дождаться обещанного улучшения жилищных условий на промыслах, начинающих серьезно превращаться в очаг чумной заразы, они об'явили забастовку [1]).

Прошло более месяца. Бакинские рабочие не сдавались. Больше месяца рабочие всей России с напряженным вниманием следили за ходом забастовки в Баку. Устраивались сборы в пользу бакинцев. 1-го июля в Петербурге на заводах, за час до окончания работы, стали устраиваться летучие митинги, на которых выносились резолюции с приветствием бакинским товарищам и с протестом против бакинских репрессий. На другой день «Трудовая Правда», оценивая движение, отметила не только высокий под'ем чувства братской солидарности, но и наличие в движении определенных организационных форм. Видно, организации после мартовского разгрома снова окрепли и в большей степени. Все-таки это движение носило довольно спокойный мирный характер. 2-е июля прошло также спокойно. Но 3-го случилось то, что меньше всего можно было ожидать,—расстрел митинга путиловцев.

Кровь, пролитая на дворе Путиловского завода, поставила на ноги петербургский пролетариат. Негодованию и возмущению рабочих не было предела. Одночасовая стачка во имя солидарности с бастующими рабочими Баку превратилась с молниеносной быстротой во всеобщее выступление во имя солидарности с бастующими рабочими Баку. 4-го июля в Петербурге забастовало 89.744 человека на 240 фабриках и заводах. Многотысячные митинги уже не носят больше мирного, спокойного характера: все их резолюции пропитаны духом возмущения и ярко горят словами ненависти.

---

[1]) Забастовка началась в двадцатых числах мая.

Картина почти по всему городу 4-го июля была приблизительно одинакова; рабочие дружно бросали работу, выходили с пением на улицу, снимали соседей, закрывали магазины, соединялись все вместе и шли демонстративно по улице с пением революционных песен.

4-го, около 9-ти часов утра, большая толпа рабочих минного и других заводов сгруппировалась на Сампсониевском проспекте. Толпа запела революционные песни, а при появлении отряда полиции стала бросать в него камнями. Был ранен в голову околоточный надзиратель, и причинены ушибы двум пешим и одному конному городовым. Полиция окружила рабочих и трех из них арестовала.

На Путиловском заводе бастовало до 10.000 человек. С утра в связи со столкновениями с полицией, происшедшими накануне, завод был окружен конной полицией.

За Нарвской заставой и в районе Коломны бастовали мелкие фабрики и заводы.

В Петербургском районе бастовал ряд фабрик. Рабочие с пением и красными флагами вышли из мастерских и намеревались пройти к Троицкому мосту, где были встречены нарядом полиции. Подоспевший конный отряд рассеял демонстрантов.

За Московской заставой общее число бастующих равнялось 10.000.

При выходе рабочих из вагоностроительного завода толпа запела песни. Чтобы рассеять толпу, явился отряд полиции. Толпа встретила чинов полиции градом камней. Несколько городовых и помощник пристава получили ушибы. Толпа после этого была рассеяна.

В Литейном участке забастовали орудийный и патронный заводы.

Около 12-ти часов дня на Невском проспекте появились группы рабочих, которых полиция немедленно удаляла в соседние улицы.

Около часа дня произошло столкновение рабочих с полицией на углу Забалканского проспекта и Обводного канала. Толпа рабочих бросала камни в чинов полиции. Полицией были произведены выстрелы в толпу, при чем несколько человек оказались ранеными и были отправлены в Обуховскую больницу.

Во 2-м часу дня вблизи Путиловской верфи также произошло столкновение полиции с рабочими, при чем было произведено несколько выстрелов в толпу. Раненые убирались самими же рабочими, которые спешно доставляли их на квартиры и в больницы.

На следующий день движение захватило все районы города, сопровождаясь, как и в первый день, внушительными демонстрациями.

Так, рабочие минного завода, преимущественно снарядного отделения, в 11 часов утра с пением революционных песен

вышли с завода и направились к Сампсониевскому проспекту. Прискакавшие конные городовые были встречены криками и градом камней, причинивших некоторым городовым поранения.

Рабочие завода Винклер, на Васильевском острове, выйдя с завода, направились к реке Смоленке. Постовой городовой пытался их задержать, но рабочие набросились на него и стали его избивать. В это время подошел наряд полиции. Между полицией и демонстрантами произошла стычка.

В этот же день движение приняло настолько серьезный характер, что замолчать о нем становилось совершенно невозможно, и градоначальство официально сообщало:

«4-го июля, с утра и в течение дня, прекратили работы рабочие фабрично-заводских предприятий и типографий, в числе около 60.000 человек, при чем большая часть из них, выйдя на улицу, пыталась петь революционные песни и по пути следования снимать с работ небастующих еще рабочих, но чинами полиции демонстранты были немедленно рассеиваемы.

«Особенно вызывающе рабочие держали себя в районе 4-го участка Нарвской части, где ими был выкинут красный флаг, и ударами камней были причинены серьезные ушибы девяти чинам полиции, в том числе двум офицерам, которые, в виду незначительности бывшего в их распоряжении наряда местной полиции и яростного возбуждения наседавшей на них многочисленной толпы, вынуждены были произвести несколько выстрелов из револьверов, причинив поранения: на углу Цветочной улицы и Забалканского проспекта—одному рабочему, на Железнодорожном валу, между Цветочной и Волконской улицами—трем рабочим. Все раненые рабочие отправлены в Обуховскую больницу, где положение их признано пока удовлетворительным.

Причина беспорядков—распространение повременными изданиями ложных слухов о нанесении, якобы, чинами полиции поранений нескольким рабочим Путиловского завода 3-го июля, вечером, когда на самом деле никто из чинов полиции к действию оружием не прибегал» [1]),—нахально врало градоначальство.

6-го июля по всем заводам раздавались летучки, в которых сообщалось, что 7-го июля, около 11 часов утра, на Преображенском кладбище будут хоронить убитых рабочих. Утром у ворот кладбища стали собираться массы рабочих. Немедленно туда были отправлены отряды жандармов и конной полиции.

Около 8 часов утра толпа рабочих пыталась остановить движение трамвая по Ньюштадтской улице. При появлении конного отряда толпа стала бросать в полицию камни.

Около 10 часов утра Сампсониевский и Безбородкинский проспекты покрылись густой толпой рабочих. В некоторых местах произошли столкновения с полицией, при чем несколько городовых были ранены камнями.

---

[1]) „Раннее Утро“ 6 июля 1914 г., № 155.

Количество демонстрантов на Сампсониевском проспекте дошло до 15.000 человек, наряды полиции неоднократно пытались рассеять демонстрантов, но безуспешно. Полиция была вынуждена отойти на боковые улицы, из которых ей удалось разбить толпу на 2 части, одна часть была оттеснена к Лесному, а другая—к Клинике-Виллие. Против Клиники толпа рабочих остановила несколько трамваев, забрала рабочие ключи и выбила стекла.

С утра рабочие стали собираться на Невском проспекте, но мерами полиции были оттеснены в боковые улицы.

На улицах Раз'езжей и Лиговой толпа направилась к Знаменской площади, закрывая по пути все рестораны, пивные и лавки. С Лиговой улицы толпа направилась к заводу Сан-Галли, рабочие которого присоединились к толпе, и отсюда направилась к фабрике Блигкен и Робинсон, где также были сняты рабочие.

За Невской заставой рабочие неоднократно пытались устроить демонстрацию, но каждый раз были рассеиваемы полицией.

С Невского проспекта по Суворовскому проспекту толпа рабочих направилась с пением революционных песен. Толпа была встречена околоточным надзирателем, который стал требовать, чтобы рабочие разошлись. Из толпы в околоточного было брошено несколько камней, один из которых попал в околоточного.

В 9 часов вечера на Ньюштадтской улице стала собираться толпа рабочих и останавливать трамваи. Останавливая вагоны, рабочие снимали ключи, в виду чего трамваи не могли двинуться. Неоднократно полиция разгоняла толпу, но рабочие вновь собирались и останавливали вагоны. В 11 часов трамвайная администрация вынуждена была приостановить движение.

7-го июля, вечером, исп. об. градоначальника ген. Вейнберг был принят министром внутренних дел Маклаковым, с которым вел весьма продолжительную беседу по поводу событий последних дней. После этого, петербургский градоначальник опубликовал обращение к населению с приглашением не принимать в беспорядках участия, заявив, что для прекращения беспорядков будут приняты самые крайние меры.

Расстрел путиловских рабочих всколыхнул не только питерских рабочих,—вслед за Питером голос протеста подняла Москва, а за ней и другие города.

В Москве 6-го июля в 5 часов дня, на Тверском бульваре, вокруг памятника Пушкину, стали собираться группы рабочих.

Рабочие партиями и в одиночку подходили с разных концов.

Одна довольно большая группа прошла через Леонтьевский переулок.

Вскоре собралась группа в числе от 200 до 300 человек.

Толпа, собравшись в общую массу, с пением революционных песен двинулась к Страстной площади, а затем направилась вниз по Тверскому бульвару. Впереди толпы шел рабочий с красным флагом, на котором была надпись: «Протест расстрелу путиловцев».

Полиция при рассеивании арестовала знаменосца и еще 6 рабочих [1]).

7-го июля забастовка протеста широко охватила заводы Москвы [2]).

8-го и 9-го июля движение с неослабевающей энергией захватывало новые фабрики и заводы, время от времени сопровождаясь демонстрациями.

Так, 9-го июля, в 4 часа дня, была попытка устроить демонстрацию на Цветном бульваре.

Появившийся наряд полиции разогнал собравшихся, при чем у одного из задержанных был найден красный флаг.

Рабочие фабрики Сытина, на Пятницкой улице, пытались сгруппироваться на Серпуховском сквере, но подоспевшим нарядом полиции были рассеяны [3]).

В Харькове 7-го июля бастовали рабочие 24-х предприятий, в том числе крупнейшего паровозостроительного завода,

---

[1]) См. „Раннее Утро", № 156, от 8 июля 1914 года.

[2]) По официальным данным в Москве бастовали:

Рабочие пяти холодных отделений Московского металлического завода Гужона в числе 1.500 человек. На заводе Бромлей—940 человек. На заводе Шварцкопф—280 человек; в жестяном отделении—195 чел.; в металлопрокатном заводе—300 чел. На заводе Меллера—Дукс—447 чел. На заводе Г. Лист—650 чел. На фабрике хирургических инструментов Швабе—150 чел. В Сокольнической трамвайной мастерской—440 чел. На заводе „Перонуд" забастовало 300 человек; на заводе „Гутман"—220 чел.; на чугунолитейном заводе бр. Гантер прекратили работу 280 чел.; на чугунолитейном заводе бывш. Мориц-Пальм—220 чел.; на заводе Б. Грачев и К°—220 чел.; на литейном заводе при Императорском Техническом училище—220 чел.; на Арматурном заводе Гакенталь, в Сыромятниках—600 чел.; на литейно-арматурном заводе Дергачева и Гаврилова—150 чел.; на заводе Устрицева—350 чел.; на фабрике механической обуви Левитана—140 ч.; на фабрике Кушнерова—900 чел.; на фабрике Балакирева—100 чел.; в обществе спальных вагонов—80 чел.; на электро-арматурном заводе Шмулевич—82 чел.; на заводе механических констр. Цоллер—51 чел.; на заводе Чибисова и Стрючкова—45 чел.; на заводе Ишаева—22 чел.; у Кнопп—90 чел.; у Хавлевых—25 чел.; в слесарно-механической мастерской Шабарова—40 чел.; у Баврина—45 чел.

Бастовали наборщики и рабочие типографии Гроссмана—98 чел.; Кобелькова—90 чел.; И. Ф. Смирнова—20 чел.; П. Е. Романова—30 чел.; ученики фабрики „Графических искусств"—12 чел.; типографии „Бахман"—70 чел; Ф. Я. Тригорина—52 чел.; Венгерова—20 чел.; все рабочие переплетной мастерской и типографии Щетинкина и Мартынова типо-литографии Худякова—160 чел.; типографии Щукина—120 чел.; Яковлева—400 чел.; Моск. Издат. „Копейка"—250 человек.

В типографии Машистова прекратили работу 350 чел. Выходя на улицу, рабочие начали петь революционные песни, но полицией были рассеяны.

Вчера на Мытищинском вагоностроительном заводе забастовали рабочие в числе 2.000 чел. Рабочие ушли без об'яснения.

„Раннее Утро" 8 июля 1914 г.

[3]) См. „Раннее Утро", № 158, 1914 года.

забастовка на котором началась еще в субботу, заводов сельскохозяйственных орудий Гельферих-Саде, Мельгозе Трепке, фон-Дитмара и др. Всего бастовало около 10 тысяч человек.

7-го, с утра, на паровозостроительном заводе собралась толпа рабочих в количестве около 1.000 человек и начала петь революционные песни, но была разогнана полицией [1]).

В Варшаве, тоже в связи с событиями в Петербурге, начались забастовки на большинстве фабрик.

В Белостоке забастовал чугунолитейный завод Вечорека.

В районе Твери не работали день на Верхневолжском вагоностроительном заводе, на мануфактурном Берга и на механическом заводе Зверинцева [2]).

В Риге забастовали рабочие 70 заводов и фабрик и около тысячи портных. Общее число бастующих свыше 40.000 тысяч.

В Николаеве (Херсонской губернии) бастовало 8.000 раб. общества верфей. При выходе с завода рабочие пели революционные песни и выкинули красный флаг. Произошло столкновение с вытребованными войсками. Имелись раненые [3]).

Дальнейший ход событий в Петрограде принимал все более угрожающий характер.

Так, 9-го июля, с утра, в фабричных районах столицы рабочие в течение всего дня собирались в толпы, пели революционные песни, выкидывали красные флаги.

Особенно активно они держали себя в районе Выборгской части, где, пользуясь дальностью расстояния, после каждого разгона собирались в другом месте, при чем устраивали баррикады, сваливая остановленные ими телеги, груженные лесом и другой кладью, из-за которых бросали в наряды полиции и войск камни, а также произвели несколько безрезультатных выстрелов. Такие баррикады были устроены на углу Б. Сампсониевского проспекта и следующих улиц, Батениной, Флюгова и Муринского переулка, на углу Парголовского и Муринского переулка и на углу Сердобольской улицы и Языкова переулка.

Демонстранты пытались загородить набережную Черной речки, но нарядами полиции и войск баррикады эти были разобраны, а демонстранты рассеяны, при чем было произведено несколько десятков выстрелов.

На углу Б. Сампсониевского проспекта и Крапивного переулка большая толпа демонстрантов, шедшая по проспекту с пением и красными флагами, осыпала градом камней помощника пристава и 15 городовых, преградивших ей дорогу, при чем все чины полиции получили легкие ушибы камнями, после чего они открыли стрельбу.

Следующий раз толпа демонстрантов была загнана нарядом

---

[1]) См. „Раннее Утро“, № 156, от 8 июля 1914 года.
[2]) См. „Раннее Утро“, № 159, от 12 июля 1914 года.
[3]) См. „Раннее Утро“, № 158, от 11 июля 1914 года.

полиции в большой двор дома № 49 по Большому Сампсониевскому проспекту, густо заселенного рабочими, где наряд был встречен градом камней.

В течение вечера снова были попытки произвести демонстрации на Васильевском острове, на Выборгской стороне, в районах Нарвской и Александровской частей, а также в Шлиссельбургском участке, при чем у дома № 33 по 18-й линии Васильевского острова и на Шлиссельбургском проспекте в чинов полиции бросали камнями, и полиция стреляла.

В 11 часов вечера толпа в несколько тысяч демонстрантов, свалив телефонные столбы и протянув между домами проволоку, забаррикадировала Б. Сампсониевский проспект у Сахарного и Ломанского переулков, при чем в наряд полиции и в казаков посыпался град камней, и было произведено несколько безрезультатных выстрелов; в ответ на эти выстрелы пятью спешенными казаками были даны пять залпов из винтовок.

Почти одновременно демонстрантами была устроена баррикада у пяти углов на Безбородкинском проспекте, где чины полиции также были вынуждены действовать огнестрельным оружием, после чего толпа разбежалась. Кроме того, демонстранты пытались поджечь Сампсониевский мост и разгромить водокачку по Зеленкову переулку на Выборгской стороне.

9-го июля, около 10 часов утра, на Приморской ж. д., в нескольких верстах от Петербурга, неожиданно появилась небольшая группа рабочих, которая, остановившись на полотне дороги, начала о чем-то совещаться. Спустя несколько минут к собравшимся подошла огромная толпа рабочих. Над толпой развевался красный флаг.

Среди рабочих выделялся молодой человек, который являлся руководителем толпы. По его приказанию, рабочие спилили телеграфный столб и положили его поперек железнодорожного полотна, а затем стали снимать рельсы и шпалы и воткнули красный флаг.

В это время со стороны Петербурга показался пассажирский поезд. Машинист во-время заметил загромождение и успел остановить поезд. Поезд был окружен рабочими, которые, угрожая револьверами, заставили машиниста дать задний ход и ехать обратно в Петербург. Испуганные пассажиры пытались протестовать, но их также угрозами заставили возвратиться в вагоны. Машинисту ничего не оставалось сделать, как вернуться обратно.

Та же участь постигла и Лахтинский поезд.

За Невской заставой настроение бастующих 10 июля приняло угрожающий характер. Еще ночью громадная толпа, достигшая 2.000 человек, начала у Невского судостроительного завода останавливать вагоны пригородной паровой конки.

В виду часто повторяющихся случаев нападения на постовых городовых во всем районе, на каждом посту находились

по три и по четыре городовых все время с обнаженными шашками и с револьверами наготове.

У здания Спасской мануфактуры группа бастующих рабочих, подняв красный флаг, с пением марсельезы направилась по проспекту снимать ночные смены и закрывать магазины. Навстречу вышел старший помощник пристава Петроков. На требование прекратить пение демонстранты бросили в полицейского офицера и сопровождавших его городовых несколько булыжников, а затем, скрывшись в ворота прилегающих к мануфактуре домов, открыли оттуда бомбардировку камнями. После троекратного предупреждения Петроков произвел два выстрела из револьвера, ранив рабочего Петровской мануфактуры Иванова. Прискакавшие на выстрелы конные городовые произвели два залпа.

В 1-м часу дня на Шлиссельбургском проспекте, в с. Александровском, появилась толпа до 3.000 человек. Выкинув красные флаги, толпа направилась к фарфоровому Императорскому заводу, намереваясь снять не примкнувших к забастовке рабочих. Завод был окружен тысячной толпой, требовавшей прекращения работ. Разбито несколько стекол. Одновременно большая толпа рабочих сосредоточилась у Обводного канала, около Новокаменного моста. Рабочие требовали закрытия магазинов и снимали с фабрик рабочих. Конные городовые и жандармы рассеивали демонстрантов.

Рано утром забастовал весь Обуховский казенный завод. 6-тысячная толпа направилась на карточную фабрику, где также примкнуло 2.000 человек. Выкинув красные флаги, многотысячная толпа пошла далее, снимая по пути всех рабочих. У Александровского мыловаренного завода, куда забастовщикам проникнуть не удалось, толпа была встречена нарядом полиции.

В начале 12-го часа на углу Варваринской улицы и Безбородкинского проспекта большая толпа рабочих вновь начала строить баррикады, сваливая бревна, бетонные трубы, телефонные столбы и переплетая все это телефонной и телеграфной проволокой. На место прибыли казачьи сотни и жандармы.

Так развивались события.

Охранное отделение зорко за ними следило и, подготовив списки всех членов забастовочного комитета, решило захватить всех.

Как только стало известно о ночном митинге, собирающемся у аэродрома, охранное отделение, снесясь с департаментом полиции, приняло меры к захвату комитета. Путем агентурных наблюдений выяснено, что перед митингом, на котором должно было быть от 15 до 20 тыс., представители комитета решили устроить предварительное собрание. Местом сбора были назначены редакции рабочих газет, помещающиеся в доме № 14 по Ивановской улице.

Около 10 часов вечера, когда в помещении редакции собрались почти все представители бастующих рабочих, на Ивановскую улицу в автомобилях прибыли жандармские офицеры и агенты охраны. Находившиеся наготове во дворах городовые быстро заняли все ходы и выходы.

Всего было задержано около 30 человек, и в закрытых автомобилях их перевезли в охранное отделение.

При обыске были забраны большая переписка и особый журнал распоряжений членов забастовочного комитета.

Тотчас после ареста комитета по всему Петербургу были произведены по отобранным адресам массовые обыски и аресты. Среди членов комитета был почти весь состав редакций рабочих газет.

Почти все арестованные от дачи каких-либо показаний отказались. Произведя массовые аресты и разгром забастовочного комитета и информируя об этом население, градоначальство выражало уверенность, что забастовочное движение в ближайшие дни будет ликвидировано.

Вечером в рабочих районах начало усиленно распространяться от имени некоей госпожи Степановой воззвание под названием: «Где же правда?», направленное против агитации за забастовку, но сочувствия и доверия со стороны бастующих не встретило.

11 июля, утром, на заводах раздались обычные гудки, рабочие немедленно отправились к воротам заводов и фабрик. Туда же отбыли и назначенные распоряжением полицмейстера Григорьева эскадрон гвардейского кавалерийского полка, казачьи сотни и конные жандармы. Всем рабочим был дан 10-минутный срок на размышление. Им было предложено или итти на завод и начать работы, или немедленно расходиться по домам. В некоторых местах рабочие отказались разойтись и были разгоняемы силой.

Почти вся Московская застава находится как бы на военном положении. Повсюду совместно с городовыми дежурили солдаты. Усиленные раз'езды конной полицейской стражи, подкрепленные кавалерийскими отрядами, раз'езжали по всем улицам. Никому из рабочих выходить на улицу не разрешалось. Исключение делалось только для женщин. Почти все магазины в этом районе были закрыты.

Особенно бурным было настроение рабочих масс в четверг, поздно вечером, в Полюстрове, где большая толпа, дойдя до Полюстровского участка, пыталась его разнести. Прискакавшим отрядом конных городовых толпа была рассеяна.

По поступившему в градоначальство сообщению, в четверг, поздно вечером, большая толпа рабочих разгромила трактир «Бережки». Разбив все оконные рамы, толпа перешла к расположенному поблизости трактиру «Яр», где также начался разгром. Лишь подоспевшие казаки, пустив в ход нагайки, прекра-

тили дальнейший разгром трактиров и пивных лавок. Вчера все питейные заведения были закрыты.

В помощь чинам полиции в Выборгском районе были откомандированы значительные отряды кавалерийских частей.

В 5 часов дня, на Московском шоссе, у кирпичного завода, произошло столкновение между рабочими и казаками.

Несколько тысяч рабочих начали сваливать телеграфные столбы, заборы и срывать проволоки для баррикады. Под защитой последней рабочие открыли стрельбу по под'езжавшим казакам. Казаки дали залп. На месте остались двое убитых и двое раненых.

Эти события происходили как раз во время приезда президента французской буржуазии господина Пуанкаре, и власти были озабочены организацией встречи. Ко дню приезда Пуанкаре в самый Питер полиция мобилизовала для встречи в качестве фигурантов «русского народа» дворников. Полицию и казаков также стянули туда, и на местах, соединяющих окраину с городом, были поставлены патрули, чтобы не пропускать рабочих демонстрантов [1]).

Уличные выступления петербургских рабочих закончились 11—12 июля [2]), хотя еще значительная часть из 300-тысячной армии стачечников на работу не становилась. Общество фабрикантов и заводчиков решило наказать «рабочую вольницу» легеньким локаутом.

Многие фабрики, а также почти все частные металлообрабатывающие заводы назначили полный расчет всем своим рабочим.

Однако, приближение «критической развязки», т.-е. начало военных действий, заставило правительство во избежание «сюрпризов» внести «мир» в жизнь столицы. Вывешенные об'явления о локауте под видом расчета были вдруг переделаны на открытие заводов, вместо угроз рабочих вежливо приглашали занять их прежние места.

Настроение рабочих было очень бодрое, несмотря на разгул репрессий, отсутствие газет и двухнедельную безработицу. Всех радовала и бодрила последняя стачка, которая сплотила могучую армию труда в одном ярком порыве негодования. Эту солидарность не могли разбить ни полиция, ни славное казачество, ни угрозы голодной смерти со стороны коалиции предпринимателей [3]).

VIII. Р. С.-Д. Р. П. в 1914 г.

В течение трех лет росло и крепло рабочее движение. Первые стихийные стачки начали сменяться все лучше и

---

[1]) См. А. Шляпников—„Канун 17 года", стр. 14.

[2]) Прекращение забастовки было произведено согласно постановлению организованных рабочих, состоявшемуся 11 июля, вечером, за городом.

[3]) См. А. Шляпников—„Канун 17 года", стр. 18.

лучше организованными выступлениями. Российская социал-демократическая рабочая партия, получив свое новое организационное восстановление на всероссийской конференции в Праге в январе 1912 года, сплотила вокруг себя большинство сознательных рабочих России. Как на яркий показатель этого успеха большевиков, можно указать на следующие цифровые данные.

Избирательный закон по выборам в Государственную Думу выделяет рабочих в особую рабочую курию. И вот, несмотря на все те преследования и ограничения, к которым прибегала власть в отношении кандидатов большевиков, от этой рабочей курии было избрано большевиков во II Государственную Думу 47% (1907), в III Гос. Думу (1907—1912) 50% и в IV Гос. Думу (1912—1914) 67%; выборы в IV Гос. Думу прошли в сентябре 1912 г., и завоеванное большинство $^2/_3$ доказало полную победу большевиков.

Что же касается показателей успеха большевиков в последующие годы, то таковыми могут служить хотя бы петербургские выборы от рабочих больничных касс во Всероссийский Страховой Совет и Столичное Страховое Присутствие, происходившие в начале 1914 г. В первое учреждение рабочие выбрали 5 членов и 10 заместителей, во второе—2-х членов и 4 заместителей. В обоих этих случаях прошли целиком списки большевиков. При этом нужно отметить, что при выборах в Страховое Столичное Присутствие в числе выборщиков имелось 37 большевиков, 7 ликвидаторов, 4 народника и 5 воздержавшихся. Если к этому еще прибавить и то, что такой могущественный профессиональный союз, как союз металлистов в Петербурге, насчитывающий в своих рядах свыше 12.000 членов, что и он являлся одним из оплотов большевиков, то станет ясным, что рабочие везде и всюду при выборах в Гос. Думу, Страх. Совет и Профсоюз в своей главной массе шли определенно за большевиками.

Отколовшиеся в том же 1912 году и создавшие в августе свое об'единение, известное под именем «августовского блока», меньшевики-ликвидаторы и все к ним примыкающие в 1914 году растеряли значительное число своих сторонников.

Все интересующиеся рабочим движением и марксизмом в России хорошо помнят, как с треском и шумом было об'явлено об этом блоке в газете «Луч» как раз во время выборов в Петербурге для срыва воли большинства организованных рабочих. Прославлялась «многочисленность» участников этого блока, прославлялся союз «марксистов разных направлений», прославлялись «единство» и нефракционность; посылались громы против «раскольников», сторонников январской 1912 года конференции.

Вопрос об «единстве» встал, таким образом, перед мыслящими рабочими в новой практической форме. Факты должны были показать, кто прав: те ли, кто восхвалял «об'единитель-

ную» платформу и тактику «августовцев», или те, кто говорил, что это лживая вывеска, прикрывающая новым нарядом тех же обанкротившихся ликвидаторов.

Прошло ровнехонько полтора года,—срок громадный для периода под'ема 1912—1913 гг. И вот в феврале 1914 г. основывается новый, на этот раз уже особенно «об'единительный», особенно и взаправду «нефракционный» журнал «настоящего» сторонника августовской платформы Троцкого, под названием «Борьба».

И содержание № 1 «Борьбы», и то, что напечатано было ликвидаторами о «Борьбе» до ее выхода, обнаружило распад августовского блока и судорожные усилия скрыть этот распад, обмануть рабочих. Но этот обман быстро выяснился.

«Августовский блок» оказался пустым прикрытием ликвидаторов. Не удержались вместе даже его русские друзья. Пресловутые об'единители не сумели даже об'единиться между собой, и получилось два «августовских» направления: лучистское («Наша Заря» и «С. Р. Г.») и троцкистское («Борьба»). Оба держали по кусочку разорванного ими «общего об'единенного» августовского знамени, и оба охрипшим голосом кричали об «единстве».

Вслед за Троцким покинула «августовский блок» и латышская социал-демократия. Латыши, наконец, решились и поставили условием единства признание решений всероссийской конференции 1908 года и решений пленума Ц. К. 1910 года, осудивших ликвидаторство, как буржуазное течение [1]).

Несмотря на развал «августовского блока», фракционная борьба меньшевиков с большевиками в 1914 году нисколько не ослабла, а, наоборот, в своем развитии дошла до кульминационного пункта—раскола в среде думской социал-демократической фракции, состоявшей из большевиков и меньшевиков. Этот раскол обратил на себя внимание исполнительного органа Интернационала (Международное товарищество рабочих), международного социалистического бюро, которое в одном из своих заседаний в Лондоне, по *предложению представителей германской* социал-демократии Каутского и Эберта, приняло резолюцию

---

[1]) Решения эти гласят:

„Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию РСДРП и заменить ее бесформенным об'единением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы тактики и традиций партии, конференция находит необходимой самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно-партийных работников, без различия фракций и направлений, к самому энергичному сопротивлению этим попыткам".

Это решение признает „необходимой самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками".

Оно принято в присутствии представителей всех фракций, в том числе ликвидаторов (Дан, Аксельрод, и др.), бундистов и пр. Оно принято в декабре 1908 г. См. „РКП/б в резолюциях с'ездов и конференций, издан. 1923 г., стр. 97.

о русских делах, предложив всем фракциям рабочего движения в России свое посредничество.

В силу этого кардинальным вопросом, занимавшим центры партии в первой половине 1914 года, был вопрос об об'единении враждующих течений в партии и об изыскании и выработке условий этого об'единения. Решено было созвать об'единительную конференцию, при чем дело созыва этой конференции взяло на себя международное социалистическое бюро. Эта «об'единительная конференция» состоялась в Брюсселе 18 июня 1914 года. Участвовавшие в конференции представители большевистских организаций в России выставили два основных пункта: признание Р. С.-Д. Р. Партии в большевистском понимании и упразднение центра меньшевиков. Позиция, занятая большевиками и основанная на бывших у них мандатах, оказалась настолько непримиримой, что, несмотря на попытки Плеханова и других участников конференции установить полное соглашение, большевики все-таки отказались от голосования предложенной Плехановым примирительной резолюции до обсуждения последней местными организациями. Таким образом, эта конференция намеченного при ее созыве определенного результата не достигла, и самый вопрос о полном об'единении партийных течений остался открытым.

Такая принципиальная непримиримость большевиков дала повод об'яснить разногласия раскольнической политикой кружковых агитаторов и сводить все к разногласиям и распрям среди вождей.

«Совершенно нелепо,—писал «Путь Правды»,—все эти разногласия в русском рабочем движении сводить к спорам «заграничных кружков» или к результату ссоры, подобной тому, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем, и т. д. Эти разногласия нужно рассматривать, как продукт самого рабочего движения.

«Нельзя отрицать, что ликвидаторы и народники имели среди рабочего класса своих сторонников. Это и понятно. Ведь не всегда был пролетариат, он произошел и постоянно проис-

---

Второе же гласит:

„Историческая обстановка социал-демократического движения в эпоху буржуазной контр-революции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги последовательной социал-демократии и т. д., с другой стороны—отрицание думской работы социал-демократии, использование легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить последовательно социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.".

„Неотъемлемым элементом социал-демократической тактики при этих условиях являются преодоление обоих уклонений путем расширения и углубления с.-д. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и раз'яснение опасности этих уклонений".

См. „РКП/б в резолюциях с'ездов и конференций", изд. 1923 г., стр. 120.

ходит из других классов, главным образом, из *крестьянства и городского мещанства*, т.-е. сельской и городской мелкой буржуазии. И вот это обстоятельство налагает на вновь образующийся пролетариат свою тяжелую печать. Из-за этого пролетариат всегда не совсем однороден по своему составу; всегда есть элементы, которые еще одной ногой торчат или в крестьянстве, или в городском мещанстве.

«Даже если кто-нибудь экономически стал вполне пролетариатом, порвал всякие связи с землей или с мелкобуржуазной городской средой, это еще не значит, что он уже усвоил себе ту сознательность, которая отличает современного фабрично-заводского рабочего. Пройдет еще некоторое время, прежде чем новые условия жизни заставят его окончательно разделаться с привычками, чувствами, желаниями и мыслями, которые он вынес и принес с собой из своей прежней жизненной обстановки.

«Немудрено поэтому, что в рабочем движении есть различные течения, и что в нем имеются два уклонения: ликвидаторское и народническое. В чем же суть ликвидаторства? В том, что оно есть течение, склоняющееся к либерализму. В чем суть народничества? В том, что оно есть идеология «трудового» крестьянства. Ясно теперь, что оба эти уклонения в сторону от марксизма соответствуют тем слоям среди пролетариата, которые еще не освободились от влияния городской мелкой буржуазии (ликвидаторство) и крестьянства (народничество).

«И там, и здесь, независимо даже от сознания, говорит психология пролетария, не освободившегося еще от пут мелкой буржуазии. От этих пут освобождает его дальнейшее развитие капитализма, которое расчищает дорогу классовой теории и практике пролетариата—марксизму» [1]).

Кроме этих социальных основ, ликвидаторство имеет и некоторое историческое об'яснение.

В этом отношении весьма характерно, что оно берет свое начало от годов мрачной реакции, последовавших вслед за разгромом революции 1905 года. Революция была разбита. Сотни и тысячи лучших людей из рабочего класса погибли на виселицах, в расстрелах, гибли в Сибири, в тайге, на каторге. В это время все партии, начиная с кадетов, кончая меньшевиками и с.-р., стали говорить рабочему классу: «Вы видите, чего вы добились. Мы говорили вам, что не надо вступать в драку, что не надо нам браться за оружие, не надо нам революции», и т. д.

В это время меньшевики и превратились в ликвидаторов. Они начали говорить, что рабочая партия, которая проповедует революцию, больше не нужна, что больше революции

[1]) „Путь Правды“, № 82, 10/V 1914 года.

в России не будет, что надо помириться, надо воспользоваться теми уступочками, которые дает буржуазия постепенно, понемножку, и бросить всякую мысль о подпольной организации.

Факты доказали, что и теория марксизма, и практика массового рабочего движения бесповоротно покончили с *ликвидаторством*, как буржуазным, противорабочим течением. Достаточно припомнить, напр., за один март 1914 года, как «С.-Р. Газета» поносила «нелегальную печать» (№ от 13 марта) или демонстрации (г. Горский в № от 11 апреля), как Булкин поносил совершенно по-либеральному подполье («Н. Заря», № 3), как печально знаменитый Л. М. от имени редакции «Н. Зари» вполне поддерживал по этому пункту Булкина и защищал «строительство открытой рабочей партии»,—достаточно припомнить это, чтобы понять, почему сознательные рабочие относились к ликвидаторству с таким беспощадным осуждением и полным бойкотом ликвидаторов.

Можно найти и более глубокие исторические корни этого течения.

Агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 г.г. впервые создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением в России. Одновременно с этим началась идейная борьба 2-х течений марксизма: борьба «экономистов» с последовательными или позже искровцами (1895—1902), борьба «меньшевиков» с «большевиками» (1903—1908), борьба ликвидаторов с марксистами (1908—1914).

Экономизм и ликвидаторство—это разные формы одного и того же мелкобуржуазного, интеллигентного оппортунизма. Не только идейная, но и личная связь всех этих форм оппортунизма есть несомненный факт. Достаточно назвать вожака экономистов А. Мартынова, впоследствии меньшевика, а затем ликвидатора. Достаточно сослаться на такого свидетеля, как Г. В. Плеханов, который сам был в очень многих пунктах [1]) близок меньшевикам и, тем не менее, признал прямо, что меньшевики вобрали в себя интеллигентски-оппортунистические элементы, что ликвидаторы—продолжатели ошибок «экономизма» и разрушители рабочей партии.

Рабочее движение в России на протяжении более двух десятилетий борьбы росло и крепло, мужало неуклонно. Оно

---

[1]) Почему мы говорим в „очень многих пунктах“? Потому что Плеханов, занимая особую позицию, много раз отходил от меньшевизма: 1) на с'езде 1905 года Плеханов боролся с оппортунизмом меньшевиков; 2) после с'езда Плеханов редактировал №№ 46—51 „Искры“ тоже против меньшевиков; 3) в 1904 г. Плеханов защищал аксельродовский план земской кампании,—таким образом, обходил молчанием как раз главные ошибки его; 4) в 1905 г., весной, Плеханов ушел от меньшевиков; 5) в 1906 г. после разгона 1-й Думы, Плеханов занял совсем не меньшевистскую позицию (см. „Пролет.“ авг. 1906 г.); 6) на Лондонск. с'езде 1907 г., как рассказывал Череванин, Плеханов боролся с „организац. анархизмом меньшевиков“.

[2]) „Наша Заря“, № 6, 1914 г.

победило «экономизм»: весь цвет сознательного пролетариата встал на сторону «искровцев». Оно оставило меньшевиков в меньшинстве во все решительные моменты революции.

Не отрицают этого сами ликвидаторы,—так, небезызвестный ликвидатор Ф. Булкин в «Нашей Заре» это прямо признает и даже дает некоторую историю поражений и разочарований ликвидаторов [1]). Так, говоря о 1907—1911 гг., он заявил: «Напрасно, однако, мы, ликвидаторы, предполагали, что рабочая масса с нами. Только то обстоятельство, что на общественной арене не было в данный момент иных действующих, борющихся, кроме ликвидаторов, сил, давало ему право говорить от имени и именем рабочего класса. Создалась иллюзия, и ликвидаторы охотно верили в нее, что они являются выразителями не только об'ективных интересов, но и суб'ективных желаний и настроений рабочего класса» [2]).

Так было до под'ема рабочего движения, но и в последующие годы «перелома в настроении рабочей массы, вызванного общественным и экономическим оживлением», положение нисколько не изменилось. «Массы,—говорит тот же Булкин,—снова разошлись в настроении со своей интеллигенцией. Ее выразителем и идеологом попрежнему явился большевизм» [3]). «Руководимая большевиками, она проваливала ликвидаторов, ценных работников (!) во все руководящие учреждения. Одна легальная позиция за другой переходила от ликвидаторов к большевикам. Опытные кормчие рабочего движения сменились неопытными (!), но близкими по духу и настроению массе.

«Так перешел к большевикам и один из самых крупных и важных союзов в России, союз металлистов в Петербурге». «Шаг за шагом большевизм вытесняет меньшевиков с их, казалось бы, укрепленных позиций...

«Так есть, так было и так будет».

Понимая все это, Булкин писал: «Ликвидаторы терпят и, вероятно, еще будут терпеть поражения» [4]). Терпя одно за другим поражение и сознавая полную невозможность навязать рабочему классу свое руководство, ликвидаторы без боя все же не сдавались. Сокрушить ликвидаторство, представленное солидными литературными силами, располагающими рядом газет и журналов, было все же делом не из легких.

Растущее и крепнувшее рабочее движение, наконец, победило ликвидаторство и стало, благодаря этому, на верный путь широкой, освещенной марксистской теорией, обобщенной неурезанными лозунгами борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества.

---

[1]) „Наша Заря“, № 6, 1914 г.
[2]) „Наша Заря“, № 6, стр. 45.
[3]) Там же, стр. 47.
[4]) „ „ „ 50.

IX. Социалисты-революционеры 1912—1914 гг.

Участь меньшевиков в эти годы под'ема рабочего движения в России разделили и их близкие соратники с.-р.

1910—1913 гг. были периодом прогрессивного упадка «Партии Социалистов-Революционеров», который замечался как за границей, где сосредоточивались руководящие центры и круги партии, так и в России.

Выбранный на 5-м Совете Партии новый Ц. К. фактически весьма скоро перестал существовать. Кроме того, шли раздоры и на идейной почве. В «Известиях Областного Заграничного Комитета» появлялись статьи, требовавшие организационной партийной перестройки и пересмотра партийной программы по самым важным вопросам—социализации земли, террора и т. д.

Идейный и организационный разброд среди с.-р. усугублялся тем необычайным недоверием и взаимным заподозриванием в измене, которые, казалось, окутали тогда всю частную и партийную жизнь с.-р., благодаря раскрытию измены Азефа и других членов партии. Подозрения в предательстве падали иногда на совершенно невинных в том членов партии. После столь громкой истории Азефа, в котором ошиблись лучшие его друзья и приятели, оправдываться тем, на кого падало почему-либо подозрение в предательстве, было трудно.

Деятельность находившихся за границей с.-р. в эти годы развала партии с.-р. проявилась, главным образом, в области литературно-издательской.

Из периодических журналов выходили издания Центрального Комитета: «Знамя Труда», «За Народ», весь заполнявшийся материалом для нижних чинов, и крестьянская газета «Земля и Воля». Появились также два номера газетки «Рабочий» (№ 1, ноябрь 1911 г., и № 2 в 1912 г.), выпуская которую инициаторы надеялись сделать ее интересным листком для рабочих. Заграничный областной комитет издавал уже отмеченные «Известия Заграничного Областного Комитета», замененные после № 15-го «Вестником Заграничной Федерации Групп Содействия Партии Социалистов-Революционеров» (№№ 16 и 17). За это же время вышли: четыре книжки сборника «Социалист-Революционер», дававший интересный, хотя и тенденциозный, материал по истории партии, и несколько книжек популярного, рассчитанного на простого читателя, сборника «Народное Дело»; в июле вышел № 1 «Почина», а с октября 1912 года стала вновь выходить, как уже было отмечено, «La Tribune Russe».

Из брошюр появились: два выпуска «Памятки социалиста-революционера», из которых первый заключал в себе программу, устав и имеющие силу партийные резолюции «Боритесь, наше дело победит» и «Памяти Егора Сазонова», а также издания редакции «Народного Дела»—«Борьба», «Чему учит нас прави-

тельство и 3-я Государственная Дума», «Федот Онипко», «Донское казачье войско», и перепечатки некоторых статей из периодических партийных изданий.

Вышли также в 1911 году две брошюры, касавшиеся дела Азефа: «Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа» и «Суд над азефщиною» — А. Лапина, возбудившие большие толки и распри среди партийной эмиграции.

Заграничная партийная жизнь с.-р. еще выразилась в 1912 г. в участии партии с.-р. в Международном Социалистическом Конгрессе, состоявшемся в Базеле 24—25-го ноября, который был созван «Международным Социалистическим Бюро» экстренно, с целью протеста против войны и для выработки мер борьбы против нее.

«Комиссия по делам международного социализма», выбранная на 5-м совете партии, выработала на заседаниях 19-го и 21-го ноября следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что современная война есть необходимый результат капиталистического строя, являясь столкновением капиталистических государств, руководимых имущими и правящими классами; принимая во внимание, что с точки зрения международного революционного социализма законна и плодотворна лишь война социальная, т.-е. борьба эксплоатируемых, и что вне этой сферы допустима лишь законность защиты угнетенных национальностей против угнетателя,—«Партия Социалистов-Революционеров» об'являет войну войне и, в случае возникновения столкновения между нациями, будет всеми силами противодействовать вовлечению своей страны в братоубийственную войну, гибельно отзывающуюся, прежде всего, на трудящихся массах, и прибегать для этого к самым решительным мерам».

«Основываясь также на резолюциях, принятых единогласно, в том числе и «Партией Социалистов Революционеров», на Штутгартском и Копенгагенском международных конгрессах,— комиссия полагает, что партия должна в настоящий момент развить максимум энергии, чтобы помешать всеми находящимися в ее распоряжении средствами распространению войны.

«Сочувствуя стремлению балканских народов завоевать себе автономию и независимость, комиссия обращает внимание членов партии на интриги держав—особенно царского правительства, которые всегда пользовались смутою на Балканском полуострове для осуществления своих узких, династических или империалистических целей, пользуясь славянскими народностями на Балканах, как орудием для достижения этих целей.

«Долг партии предостеречь рабочий класс от всяких поползновений отвлечь его внимание делами Балканского полуострова, поползновений, идущих как из правительственного лагеря, так и от некоторой части либералов, под неославянскими тенден-

циями которых скрываются хищные аппетиты российского империализма.

«Партия должна стремиться к тому, чтобы вся энергия крестьянства, пролетариата и революционной интеллигенции была направлена на завоевание охраны труда, воли и земли.

«Партия должна использовать начинающийся политический под'ем для усиления массовой организационной борьбы против царизма и солидарного с ним капитализма, а успешное развитие этой борьбы требует сохранения международного мира.

«Комиссия, убежденная, что сохранение международного мира тем вернее будет достигнуто, чем единодушнее будут действовать все секции Интернационала, рекомендует делегации «Партии Социалистов-Революционеров» при голосовании новой резолюции руководствоваться принятыми уже партией и Интернационалом резолюциями и голосовать за ту, которая лучше всего обеспечивает максимум согласованности и энергии всех секций Интернационала против войны и за сохранение мира» [1]).

Принятие этой резолюции и голосование за Базельский манифест, однако, не помешали с.-р., когда началась война, облачиться в защитный цвет и выступить против проводников «вспышкопускательства» и «внутренних врагов».

Что касается России, то там в описываемые годы кое-где еще продолжали работать организации, верившие в программу партии, ее руководителей, их резолюции. Они плохо были осведомлены о том развале, который в действительности царил в партии; попадавшие к ним, хотя и с большим запозданием, номера «Знамени Труда» и другие партийные издания как бы служили им доказательством существования партии как целого, со всем ее руководящим аппаратом и подбодряли их к деятельности во имя партийных идеалов.

В 1912 году были обнаружены и расстроены организации: «Петербугская Рабочая группа», крестьянские братства в с. Ивановке и Кочетовке, Воронежской губернии, «Северо-Волжская организация» в Ярославле, Нарвская автономная группа, Ярославская крестьянская, организации в Омске, Киеве, Одессе, Баку и группа лиц, скрывавшихся в Финляндии. Появились прокламации также от имени Московской, Минской и Юрьевской организаций.

Прошедшая в том году предвыборная в 4-ю Государственную Думу кампания почти не затронула остатков партии. Еще в конце 1911 года Центральный Комитет, желая выяснить отношение своих организаций к Думе, об'явил партийную анкету по вопросу об участии в выборах в 4-ю Думу, и хотя по печальному состоянию организаций анкета не могла дать полный и исчерпывающий ответ на вопрос, все-таки большинство опрошенных высказалось против участия в выборах, но за использование

[1]) „Знамя Труда“ № 47, декабрь 1912 г.

их «для указания путей революционной борьбы, для развития перспектив прямого политического действия, для организации масс, для этого действия и для этой борьбы» [1]).

В силу преобладания такого мнения в наступивших выборах социалисты-революционеры не участвовали, но развить предлагавшуюся агитационную кампанию они не могли, так как не имели на то ни сил, ни средств.

Зимою того года социалисты-революционеры подняли было голос во время студенческих волнений и по поводу известных Ленских событий, но безуспешно; все ограничилось лишь выпуском в столицах нескольких прокламаций.

1913 год, год юбилея династии Романовых, Центральный Комитет хотел отметить устройством демонстраций и других противоправительственных проявлений, с каковой целью издал несколько брошюр противодинастического характера, отпечатал прокламации и начал соответствующую пропаганду. Но местные организации, заявившие о своем существовании лишь изданием прокламаций в Петербурге, Москве, Чернигове, Баку, на Урале, в Киеве, в Забайкалье, были столь слабы, что ничего сделать не могли и партийные начинания в этом направлении рушились.

Перед 4-м апреля в Петербурге социалисты-революционеры начали агитацию за устройство в тот день демонстрации на Невском проспекте в память Ленских событий. Были выпущены прокламации от «Коллектива петроградских групп социалистов-революционеров», но демонстрация не состоялась. Также неудачна была их агитация и за демонстрацию 1-го мая.

В мае около Выборга состоялось собрание представителей от петербургских групп социалистов-революционеров с несколькими приглашенными от иногородних организаций, которое было названо «Учредительной конференцией». После обсуждения современного положения России и средств борьбы с правительством конференция признала, «что лозунги, программа и тактика «Партии Социалистов-Революционеров» со времени ее основания отвечали требованиям и настроению трудового народа, что они отвечают им и ныне и что потому ни одно из программных требований партии не будет оставлено до тех пор, пока жив сам трудовой народ и что непоколебимой останется и революционная тактика партии». Конференция выработала обращение «К трудовому народу и ко всем гражданам от учредительной петербугской конференции». Это обращение было приветствовано «Знаменем Труда» как хорошая попытка возобновить партийную работу, и оно является последним программным заявлением общепартийного характера. Конференция выбрала затем Петербургский комитет, на который и возложила руководство возобновляемой революционной работой, но члены

---

[1]) „Знамя Труда“ № 42, 1912 г.

выбранного комитета вскоре были порознь арестованы и налаживавшееся дело расстроилось.

Такая малоуспешность нелегальной работы с.-р. вознаграждалась известным успехом на легальной почве сначала изданием журнала «Заветы», а затем с 1913 г. изданием легальной газеты, менявшей много раз название.

Первый номер журнала «Заветы» вышел в апреле 1912 г. В нем участвовали выдающиеся члены партии, как, например, Виктор Чернов, Лункевич, Фабрикант и другие. С первого же номера журнала начался печатанием роман Савинкова—«Ропшина»—«То, чего не было», давший в законченном виде целую картину революционной среды и явившийся единственным произведением легальной печати, по которому широкая публика могла знакомиться с деятельностью партии и ее героями. В романе была изображена целая полоса революционного движения, в которую предыдущий «Конь Бледный» невольно вставлялся как отдельный эпизод из жизни боевой организации. И по новому роману общество опять могло вынести лишь самое отрицательное мнение о той среде, которую изображал Ропшин.

Легальная газета социалистов-революционеров, начавшая выходить в Петербурге в августе 1913 года, носила последовательно следующие названия: «Живая Мысль» (17-го августа — сентябрь), «Заветная Мысль» (26-го сентября—октябрь), «Вольная Мысль» (24-го октября — ноябрь), «Северная Мысль» (23-го ноября—декабрь), «Бодрая Мысль» (20-го декабря 1913 г.—январь 1914 г.), «Верная Мысль» (24-го января — февраль), «Стойкая Мысль» (26 февраля—апрель), «Мысль Труда» (20 апреля—май), «Смелая Мысль» (14-го мая—июнь), «Живая мысль Труда» (11-го июня—июль 1914 года).

Такова вкратце деятельность этой мелкобуржуазной революционной партии, даже в годы революционного под'ема не сумевшей найти стыка с рабочей массой. Массовое рабочее движение ширилось и крепло, меньшевики висели на тормозах движения, а с.-р. варились в собственном интеллигентском соку, спорили, склочничали, писали резолюции, книжки и листки—все это читалось людьми, считающими себя революционерами, но совсем в стороне стоящими от могучего потока рабочей борьбы этих годов. Эта литература немного щекотала им нервы и волновала их кровь, но сколько в этом пользы революции?

Революция мимо них и через них шла вперед.

X. Канун войны.

Эта полная идейная победа над ликвидаторством и народничеством все же оказалась запоздалой. Ход событий шел с такой головокружительной быстротой, что к моменту необходимости противопоставления воли пролетариата воле буржуазии и правительства он оказался еще недостаточно освободившимся от

влияния истерических крикунов меньшевистского лагеря. Всякому известно, что условия русской жизни не всегда давали возможность большевикам с таким же успехом пользоваться печатным словом, как это было позволено меньшевикам-ликвидаторам. И в особенно острые моменты борьбы, когда острее всего чувствовалась потребность осветить, раз'яснить положение и дать практические лозунги, печатное слово меньше всего было доступно большевикам. Зато в такие моменты ликвидаторская печать неистовствовала, распространяя невероятную демагогию. Если в стороне от водоворота событий и в периоды, наиболее спокойные, такую полемику и можно было терпеть, то в периоды назревания событий или даже в моменты схваток, когда рабочие, несмотря на всю убедительность ликвидаторской демагогии, все же шли за большевиками,—в эти моменты дезорганизаторская работа ликвидаторов была особенно вредной. В эти моменты ликвидаторы предательски ударяли в спину пролетариата и расстраивали его боевые ряды. Последнее особенно остро ощущалось в 1914 году, когда движение в Петрограде, даже по словам тех же ликвидаторов, не раз «через край переваливало». Назревающие события настоятельно звали пролетариат на выступление. Волна все растущего и крепнувшего рабочего движения неуклонно шла по этому пути, и только ликвидаторы, цепляясь в ее фалдах и время-от-времени закатывая истерику, то-и-дело приостанавливали движение.

В такое именно время, кроме всего прочего, еще запахло порохом. «Рабочие! Если вы не трусы, если вы не хотите, чтобы через несколько часов вашу страну бросили в злейшую авантюру, какую только можно себе представить, протестуйте» и т. д., писал центральный орган синдикалистов [1]). Этот своевременный здоровый тревожный голос наши ликвидаторы встретили рядом насмешек. Они говорили о нем, как о «примере некритического отношения» многих революционных писателей к тенденциозным утверждениям алармистской буржуазной печати о непримиримом англо-германском экономическом конфликте, грозящем близкой войной на море и на суше между обеими великими державами,—войной, которая может вызвать всеевропейский пожар, бросив сразу Тройственный Союз против Тройственного Согласия и втянув в эту гигантскую схватку целый ряд второстепенных государств [2]). «Для всякого внимательного наблюдателя,—утверждали они,—не желающего ограничиваться общими банальными, потерявшими уже всякую ценность фразами о «непримиримой» борьбе за рынки между французами, немцами, английскими и другими капиталистами, очевидно, что эта «непримиримая» борьба все больше и больше отходит в область предания», и т. д.

---

[1]) „La Bataille Syndicaliste“ 27/VII 1914 г.
[2]) См. „Наша Заря“ № 5, 1914 г., стр. 24—34.

Между тем, опасность войны была достаточно очевидной. Даже социал-демократическая фракция 4-й Государственной Думы и та достаточно ясно сознавала назревающую опасность войны. Так, несколько социал-демократических депутатов Государственной Думы сочли необходимым по этому поводу послать специальное послание австрийской и венгерской социал-демократической партии. В этом послании они писали: «Грозный призрак общей кровавой схватки, прежде всего русско-австрийского столкновения, все еще витает над Европой».

«Вопросы о выходе Сербии к Адриатическому морю, об автономии Албании, о Скутари и т. д., маскируют лишь борьбу России и Австрии за гегемонию на Балканском полуострове.

«В румынско-болгарском конфликте мы также находим австро-венгерских и русских подстрекателей, которые сделали своей профессией разжигание аппетитов мелких государств для того, чтобы на их разногласиях и взаимной вражде основать задуманные новые империалистические интриги» [1]).

Но то, что было ясно и несомненно нескольким товарищам из фракции Государственной Думы, да и в целом партии большевиков, ликвидаторы никак не могли понять и противопоставили свою теорию смягчения характера борьбы между капиталистами разных стран. «Наша Заря» в уже нами цитированной статье это научно пыталась доказать.

Опасность войны понимали не только большевики и синдикалисты,—об этой опасности говорил погибший накануне войны *Жорес*. В одной из своих речей он сказал:

«Граждане! Нота, которую Австрия послала Сербии, полна угроз, Германия заявляет через своих послов, что она будет действовать солидарно с Австрией... Однако дело не только в союзе между Австрией и Германией, на сцену выступает также тайный договор между Францией и Россией,—договор, существенные пункты которого известны... В нынешний тяжелый момент, чреватый такими опасностями для всех нас, для всех отечеств, мне не приходится долго искать виновников... Когда мы (французские социалисты) говорили, что проникать насильственно, вооруженной рукой в Марокко означает открыть в Европе эру столкновений, захватов и конфликтов, нам кричали, что мы плохие французы. Вот она часть нашей (т.-е. Франции) ответственности! Это становится еще яснее, если вы вспомните, что поводом к борьбе между Австрией и Сербией служит босно-герцеговинский вопрос и что, когда Австрия аннектировала Боснию-Герцеговину, мы, французы, не имели ни права, ни силы воспротивиться этому... потому что мы заняты были

---

1) „Интернационал и война“ К. Грюмберга, стр. 42, или „Соц.-Демократ“ 1913 г., № 20—21.

в Марокко, потому что, прощая чужие грехи, мы старались таким путем добиться прощения наших собственных грехов.

«И вот наш министр иностранных дел сказал тогда Австрии:

«— Мы уступаем вам Боснию-Герцеговину с условием, что вы уступите нам Марокко...

«И мы сказали Италии:

«— Ты можешь направить свои стопы в Триполи, поелику я забрался в Марокко, ты можешь воровать в другом конце улицы, пока я ворую на этом углу».

Кажется, эти два коротеньких диалога, передающих,по мнению Жореса, суть иностранной политики «великих» держав, как Франция, Австрия, Италия, достаточно красноречивы...

Но слушайте дальше.

«Россия пожелает заступиться за Сербию,—продолжает Жорес,—и она станет, быть может, говорить:

«— Моя душа великого славянского народа не может примириться с тем, чтобы произведено было насилие над маленьким славянским народом Сербии.

«— Хорошо! Но кто же это нанес удар в сердце Сербии? Когда Россия вмешалась в балканские события в 1877 году и когда она создала, с позволения сказать, «независимую Болгарию» с намерением наложить на нее руку, она (Россия) сказала тогда Австрии: дай мне свободу действия, и я вверю за это управление в Боснии-Герцеговине...

«Во время известного свидания русского министра иностранных дел с австрийским министром иностранных дел Россия сказала Австрии: я позволю тебе аннектировать Боснию-Герцеговину с условием, что ты позволишь мне добиться выхода в Черное море, вблизи Константинополя».

Подводя итог, Жорес говорил буквально:

«Колониальная политика Франции, боящаяся света, политика России, насильническая воля Австрии,—вот что содействовало созданию того ужасного положения, в котором мы находимся».

Но и, помимо всего этого, целый ряд фактов из внутренней политической жизни России определенно говорил о том, что Россия быстрыми шагами идет к войне. Либерально-буржуазная оппозиция недавно, как мы уже отмечали, решительно осуждавшая правительство и пугавшая правительство неутверждением бюджета, вдруг неожиданно сменила свой гнев на милость и не только не урезала кредиты, но даже больше того: произвела увеличение по военному ведомству. Все это случилось после совещания представителей правительства с некоторыми депутатами по вопросу о военных кредитах. На это совещание, состоявшееся 1-го марта, как писала «Речь» в номере от 14 марта, все антимилитаристы не были приглашены, так как в них не было надобности.

Вслед за этим совещанием «прогрессивный блок» резко изменил свое отношение к крайней левой. Если до этого совещания представителям крайней левой и удавалось говорить с трибуны Государственной Думы, то после него ей безжалостно зажимали рот. 25 депутатов левой были исключены на 15 заседаний, Чхеидзе был отдан под суд за произнесенную им в Государственной Думе речь, и целый ряд других репрессий посыпался на левую Государственной Думы.

Было ясно, что правительство, наконец, договорилось с буржуазией. Перспектива войны, а вместе с тем, и колоссальных барышей на военных поставках,—все это сменило ее гнев на милость. Правительство приняло ее затаенную мечту о реванше, о ключах к Святой Софии, и сейчас нужно было расправиться с другим непродажным и более страшным врагом правительства, с рабочим движением, принимавшим все более и более грозные для него формы.

Все это, достаточно ясное и понятное для многих, меньшевиками-ликвидаторами оценивалось совсем иначе. Совещание правительства с представителями «прогрессивного блока» 1-го марта и все военные приготовления они рассматривали, как дипломатическое бряцание оружием «на страх врагам», и только.

В это время правительство и промышленники ясно сознавали необходимость раздавить рабочее движение, утопить его в потоках крови для того, чтобы потом спокойно пойти на любую из авантюр. Перед ними встала задача—спровоцировать движение в удобный для расправы момент. Вскоре удобный случай представился. Происходят забастовки в связи с массовым отравлением работниц. Возбуждение рабочих, как отмечали даже ликвидаторы, «льет через край». Но отсутствие достаточной организованности вынуждает призвать рабочих к станкам, избегать бессмысленных кровопролитий. И в это время петербургское о-во заводчиков и фабрикантов об'являет локаут.

Локаут накануне праздников Пасхи. Такой праздничный подарок был ничем другим, как настоящей провокацией. И даже «Северн. Раб. Газета» и та эту провокацию поняла и в № 35 от 21-го марта в статье «Провокаторы за работой» писала:

«У всякого, кто следит за злобным воем всей продажной черной печати за последние дни, не может оставаться ни тени сомнения в том, что таковы именно планы реакции. Продажные негодяи изо дня в день пускают слухи о «комитете отравителей»; из номера в номер они подбавляют новые злостные измышления об евреях, будто бы организовавших этот «комитет», «о немецких деньгах», затрачиваемых на возбуждение рабочих, и т. д.

«Но все это присказка.

«Подлая же сказка, которую не в состоянии скрыть провокаторы, заключается в призывах, которыми кончаются все

их статьи: закрыть все рабочие организации, разгромить рабочие газеты, удалить из Думы рабочих депутатов, ввести военно-полевые суды и вешать, вешать без конца.

«Вот истинные замыслы черных воронов реакции. Они торопятся использовать момент, когда возбуждение петербургских рабочих льет через край, прочая же рабочая Россия только начинает просыпаться, а так называемое либеральное «общество» с тупым и позорным равнодушием глядит на реакционные неистовства.

«И когда именно в такой момент об'единенные капиталисты об'являют локаут вернувшимся к станкам рабочим, то это значит, что фабриканты и заводчики становятся соучастниками преступных планов реакции. К провокации полицейско-черносотенной присоединяется провокация капиталистическая.

«Нечто подобное уже было в ноябре 1905 года, когда таким же локаутом фабриканты стремились довести рабочих до необдуманной вспышки. И знаменательно: как тогда локаут был начат казенными заводами, так и теперь первый сигнал подан морским министерством, закрывшим Балтийский завод».

Необходимо отметить, что локаут об'явлен был не только в Петербурге, но и в других городах. А в Риге даже с предупреждением за две недели. Удар был хорошо рассчитанный и подготовленный, и только усилиями партии удалось предотвратить выступление и раз'яснить массам необходимость упрочить свои организации, без усиления которых всякое движение будет жестоко раздавлено. При этом нужно еще отметить, что бешеная борьба ликвидаторов с так называемым «стачечным азартом» и другими «смертными грехами» большевиков все же значительно дезорганизовывала движение.

Нужно было теснее сплотить свои ряды, обезопасить тыл, и тогда только давать бой. Задача не из особенно легких. Три месяца ушло на эту подготовительную работу. Полемика с ликвидаторами за это время приняла невероятно страстный характер. Наконец, правительство решилось. 3-го июля расстреливается митинг путиловцев. Негодование и возмущение охватили все рабочие районы Петербурга. Кровь рабочая, пролитая на дворе Путиловского завода, поставила на ноги петербургский пролетариат. Рабочие дружно побросали работу, выходили с пением на улицу, снимали соседей, закрывали магазины, соединялись все вместе и шли демонстративно по улицам с пением революционных песен. Столкновения с полицией, стрельба и баррикады,—все это снова повторилось в Петербурге. Движение вскоре приняло весьма грозный характер. Черносотенную печать движение нисколько не пугало. Она была бодра, полна веры. В то же время «Трудовая Правда» была не меньшим оптимистом. «Пусть слепые и глухие не видят буревестника,—писала она.— Ведь, рабочая Россия молчала семь долгих лет, и теперь опять

раздался ее могучий и властный голос, требующий права на жизнь, и голос этот проникает даже в медвежьи уголки России... В Баку и на нефтяных промыслах об'явлено осадное положение. А в рабочих кварталах Петербурга уже гремят выстрелы»... Все это было действительно так, рабочее движение с марта значительно окрепло не только в идейном, но и организационном смысле. Желание дать серьезный отпор наседающей реакции сильно чувствовалось во всех рабочих кварталах. Тем не менее, черносотенцы в своем оптимизме нисколько не просчитались. Вскоре рядом произведенных арестов движение было обезглавлено, и руководящим организациям во избежание разгрома пришлось об'явить забастовки протеста законченными и стать на работу.

Такой исход движения, видно, не удовлетворял противников, и они опять бросили вызов рабочим массам, об'явив локаут. Каковы были бы его последствия, если бы он в силу необходимости начала военных действий не был отменен,—трудно сказать. У кого бы оказалось больше «пороха в пороховницах», что черносотенная печать так часто в эти дни любила спрашивать,—трудно сказать, да в этом нет надобности.

Вопрос стоит более существенный: кто виновник этих событий, кто наступал и кто оборонялся? Этого вопроса почему-то до сих пор не ставили; между тем, ясность здесь необходима. Многие почему-то думают, что наступающей стороной были рабочие, что развертывающееся рабочее движение имело отдельные моменты схваток, и к числу таких схваток принадлежит и последняя, но в этой схватке активной силой, наступающей, были представители этого растущего рабочего движения. Такой взгляд совершенно ошибочен. В июльские дни рабочие Питера не больше, не меньше как только оборонялись против того наглого нападения, какое произвела на них реакция 3-го июля, расстреляв митинг путиловцев... Это не фраза и не какой-либо тактический разговор, а самая настоящая правда. Стоит только припомнить, как все это произошло, и все станет ясным.

По всему Петербургу устраиваются летучие, весьма мирного характера, митинги сочувствия бастующим бакинским рабочим. Рабочие за час до окончания работ устраивали небольшой митинг, на котором выносили резолюцию сочувствия бакинским товарищам, производили отчисления в помощь бастующим и мирно расходились. Администрация и полиция нигде не появлялись и никаких препятствий не чинили. Вдруг почему-то 3-го июля, к окончанию митинга на Путиловском заводе появилась полиция, начала работать нагайками и требовать немедленно разойтись. Одновременно кем-то и почему-то закрываются заводские ворота, и открывается стрельба по рабочим. Не подлежит никакому сомнению, что этим наглым нападением реакция намеревалась взорвать рабочие массы, вывести их на улицу, чтобы там утопить их в потоках крови.

Мартовская провокация не удалась, рабочее движение после этого не ослабло, а усилилось и все больше пугало власть. Раскрыв 1-го марта свои военные карты, правительство договорилось со столь беспокоящей ее промышленной буржуазией. У него оставался один-единственный враг—рабочее движение. С ним нужно было покончить, чтобы спокойно, без опасного тыла начать войну. Нужно было раньше разбить этот тыл, уже успевший в своем послании к австро-венгерским рабочим заявить об опасности войны и его готовности решительной борьбы против этой братоубийственной бойни. Новый правительственный союзник, прежняя думская оппозиция в лице промышленников, этому мог только радоваться. Поскольку это так,—задуманное вскоре стало сделанным.

Нужно еще отметить, что задуманное проводилось не наспех, не сгоряча, а с достаточной подготовкой, насколько это удается установить. Берутся под тщательный надзор все активные профессиональные и партийные работники. Рабочие организации изрядно насаждаются провокаторами и осведомителями охранного отделения. Только проделав эту работу, охранному отделению потом и удалось быстро и без всякого труда выхватить как головку всего движения, так и всех наиболее видных партийных и профессиональных работников-большевиков. Последнее обстоятельство уже означало полный разгром движения, оставался только финал движения—кровавая баня. Этого не случилось только потому, что партия, учтя все это, призвала рабочие массы вернуться к станкам и считать забастовки протеста оконченными. После этой неудачи полицейской провокации на сцену выступают со своей провокацией промышленники и об'являют локаут. Но уже некогда было заниматься внутренними делами, нужно было об'явить мобилизацию, и локаут был отменен.

Если эта провокация и попытка таким путем разгромить русское рабочее движение и не удались, то через несколько дней мы были свидетелями более грандиозной провокации в мировом масштабе, приведшей к более страшной катастрофе для рабочего класса всего мира.

Едва успели рабочие вернуться на только-что открытые локаутчиками фабрики и заводы, как последовали мобилизация, а там и об'явление войны Австро-Венгрии и Германии. Расстрелянные в последних стачках питерские организации война застала врасплох: «В самый день мобилизации наскоро была написана и издана на гектографе прокламация, где говорилось о том, что виновником войны является хищническая, капиталистическая политика... Указывалось, что русское правительство лжет, что идет освобождать славян... Заканчивался листок призывом к борьбе за демократическую республику, к об'явлению войны войне... В первые дни мобилизации Петербург утопал в тине казенных патриотических манифестаций, борьбу с кото-

рыми нам приходилось вести, пытаясь делать «патриотических» «красными»... Но у нас не было организационных решений... Когда вышел листок Петербургского Комитета с призывом запасаться оружием и активно бороться, мы чувствовали себя очень ослабленными уходом запаса для каких-либо активных выступлений... Военный террор под видом военного положения сильно давал себя чувствовать... Угнетающе действовала на настроение измена немецких социал-демократов. Вести о том, что наши парижские большевики ушли в войска, беседы женевского старика Плеханова и вся ситуация немало также омрачали наши головы», так описывал питерские настроения один из корреспондентов «Социал-Демократа» [1]).

Такая, подобно питерским товарищам, временная растерянность наблюдалась во всех городах. Но очень скоро раздался трезвый, бодрящий голос Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б), осуждающий социал-оборончество и призывающий российский пролетариат не к гражданскому миру, как это делали социал-оборонцы, а к гражданской войне. Этот лозунг упал на достаточно подготовленную почву, и листки и воззвания с призывами: «Долой войну, долой самодержавие, да здравствуют революция и международная солидарность пролетариата!», несмотря на драконовское преследование большевиков, росли и множились с каждым днем, пока не подготовили русский пролетариат к той великой исторической роли, свидетелями которой мы и были в 1917 г. Освещение этого периода и есть задача настоящей работы.

---

[1]) „Соц.-Дем." № 35, 1914 г.

ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

ГЛАВА I.

Начало войны и настроение московских рабочих.—Записка осведомителя „Зоя".—Отношение к войне Р. С.-Д. Р. П.—Выпуск листовки Ароном Сольц.

В июле месяце война стала фактом. И как только это случилось, так сейчас же международная организация рабочих, не выдержав такого огненного испытания, рассыпалась вдребезги. Рабочие отдельных стран, ранее входящие в эту организацию, забыв решение Базельского и Штутгартского конгрессов о противодействии войне, одни со спокойной покорностью, а другие с радостью приняли войну, как «священную», «оборонительную» и проч.

Но совсем другую картину мы видели в России и, в частности, в Москве; несмотря на то, что и здесь монархистам совместно с кадетами удалось на первых порах отравить ядом шовинизма значительную часть рабочего класса, не говоря уже о мелкобуржуазном мещанстве, которое с восторгом встречало всякую ура-патриотическую манифестацию, состоящую из шпиков, проституток и воров. Для этого временного и короткого торжества шовинизма потребовалось печать, думскую трибуну, школы, церковный символ—все эти орудия обмана народных масс —пустить в ход, чтобы в глубину России, в далекую, темную, забитую деревню понести обман об «освободительной» войне царизма, чтобы заразить шовинизмом рабочих, крестьян и массу трудового среднего люда в городах, в то же время связав по рукам и ногам все честное, все оставшееся верным знамени революции.

В дополнение ко всему этому в самый разгар этой буржуазной свистопляски и обывательского шовинизма появилась в «Русск. Вед.» статья Плеханова с призывом к поддержке войны. И все газеты изо всех сил трубили о том, что Интернационал распался, что все социалисты ушли от рабочих к буржуазии, что скоро во многом подтвердилось.

Выяснилось, что Гендерсон, Вандервельде, Плеханов и другие верхи второго Интернационала из достойных борцов за рабочее дело с началом войны превратились в гнусных предателей и лакеев буржуазии.

В таких условиях трудно было не поколебаться, и первые попытки некоторых товарищей в Москве связаться и что-нибудь предпринять окончились в самом начале неудачей. «Шовинизм вызвал известную растерянность и неразбериху даже среди многих активных товарищей [1]). Все это случилось вследствие отсутствия связи и всякой информации. Рабочие газеты были закрыты с первых дней мобилизации. Это был самый сильный удар для сознательных рабочих, которые большею частью информировались все-таки благодаря рабочей печати. Связи с ЦК порвались. Статьи о войне т. Ленина и Зиновьева попали в Москву только через несколько месяцев. А во время об'явления войны московская организация находилась в полном неведении о партийной линии, предоставленная самой себе.

«Вот в такой-то атмосфере, в атмосфере предательства и измены, без печати, без живого слова, без связей и собраний рабочих, Москве пришлось определять свое отношение к войне, и, несмотря на это, московский рабочий не колеблясь сказал: «Война—не наша, война—в интересах буржуазии... Вожди нас предали, а мы все ж таки пойдем к своей цели—через революцию к социализму» [2]).

О таком настроении московских рабочих свидетельствует и агент охранного отделения «Зоя», который в своей записке от 17 июля 1914 г. за № 116 писал:

«Война взбудоражила все население Москвы, но войне предшествовали массовые забастовки, и это обстоятельство наложило сильный оттенок как на манифестацию, так и на общие ожидания и разговоры.

«Не столько интересует всех вопрос о том, кто победит, сколько вопрос: будут ли внутренние волнения.

«Рабочий фабрики Ралле, Белов, выразил надежду, что война приведет к революции, так как солдатам все равно, где умирать, и идея войны им чужда, а революция близка.

«Служащий почтово-телеграфн. конторы, идущий завтра на действительную службу, сказал: «Пусть только запасные получат оружие, они сейчас же поднимут восстание».

«Многие говорят, что если сейчас и обойдется все по-хорошему, то при первых поражениях и при слухах о злоупотреблении начнутся волнения. Об этом говорят открыто в вагонах трамвая.

«Общее настроение в народе подавленное, воевать не хочется, многие растерялись от быстрой мобилизации.

«В манифестациях принимают участие сравнительно с любопытствующей публикой незначительные группы. На многих нехорошо действует участие мальчишек, крики «долой шапки». В группах манифестантов можно слышать такие восклицания:

---

1) См. „Накануне Великой Революции“, стр. 163.
2) Там же, ст. Сапронова, стр. 58.

Регистрационная карточка Московского охранного отделения на Тимофея Владимировича Сапронова (стр. 64, 229).

«Что ж, пусть приучаются, сейчас с разрешения полиции, а потом против нее пойдут»; или такие дикие слова: «Эх, кабы догадался кто бомбочку бросить, перестали бы кричать «ура».

«Вчера в громадной толпе, идущей от памятника Скобелева к Страстной площади, небольшая группа рабочих запела известную революционную песню: «Дружно, товарищи, в ногу». Правда, пение это заглушалось громким пением народного гимна. Многие упорно не снимают шапок, вчера одного рабочего чуть не побили за это. В широкой публике отношение к манифестантам носит юмористический характер.

«Из всех наблюдений можно сделать следующий вывод: на войну пойдут, драться будут, но внутренние раздоры не забыты, бунты и забастовки могут разгореться совершенно неожиданно. Манифестации в дальнейшем могут лишь повести к нежелательным эксцессам».

Несмотря на всю удручающую обстановку и значительную растерянность партийных товарищей, все же нашлось «незначительное число наиболее активных местных соц.-дем.,—писал в своем докладе начальник охранного отделения,— которые решили использовать настоящий момент в партийных целях и решили повести среди рабочих и запасных агитацию против войны.

«С этой целью 20 июля сего года в селе Крылатском (близ Кунцева), на даче крестьянина Вологодской губернии, Грязовецкого уезда, Ростиславской волости, дер. Прокунина, Георгия Николаева Пылаева состоялось собрание местных «большевиков», на котором было принято решение, что «в виду того, что война находится в полном противоречии с воззрениями социал-демократии, необходимо заявить протест против войны и выпустить соответствующие листовки, в коих, подробно осветив войну с точки зрения марксизма, указать призванным запасным и ополченцам, что настоящий момент является наиболее удобным для революционной работы в армии и что только путем социальной революции русский народ добьется давно жданных свобод, тесно связанных с грядущим государственным переворотом».

Однако вследствие произведенных затем арестов участников этого собрания листовка выпущена не была.

На ряду с вышеуказанными «преступными» замыслами «большевиков» местные «меньшевики», во главе с присяжным поверенным Алексеем Максимовичем Никитиным, также устроили в квартире последнего незаконное собрание и тоже решили выпустить листовки с призывом к протесту против войны и повести широкую агитацию, в которой осветить все отрицательные стороны войны вообще и в частности для русских рабочих.

Привести в исполнение это решение меньшевикам не удалось, так как стоящий во главе этой группы и являвшийся глав-

ным инициатором выпуска листовок присяжный поверенный Никитин 28 июля был арестован, остальные же, оставшись без руководителя и боясь арестов, бездействовали...

Однако, несмотря на произведенные аресты, секретная агентура отделения указала, что появившийся в июле 1914 года в гор. Москве и нелегально проживающий, бежавший из Нарымского края старый партийный работник и бывший член Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П., известный в партийных кругах под псевдонимом «Андрей Примиренец», выпустил листовку от имени несуществующего фактически руководящего коллектива московской и окружной организации Р. С.-Д. Р. П., в коей в ярких красках описал войну с точки зрения правоверного социал-демократа.

Листовка гласила:

«РОССИЙСКАЯ С.-Д. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи рабочие и солдаты!

«Долой войну, твердят из года в год организованные пролетарские массы, начиная с 1889 года. Этот клич они неизменно повторяют на всех с'ездах и собраниях в устной и письменной форме, и свою всемирную солидарность свидетельствуют ежегодно при праздновании первого мая. Все пролетарии—братья. У них нет противоположных интересов. Необходимость мира начинают все более сознавать и широкие демократические народные массы.

«И все же не оказалось достаточных сил, чтобы предотвратить настоящую всеевропейскую войну. На всю Европу обрушилось страшное бедствие,—уничтожаются колоссальные материальные ценности, созданные трудом миллионов рабочих; гибнут сотни тысяч жизней. Это знали и предвидели одинаково пролетарии Германии и Франции, Англии и Австрии, Италии и России, все одинаково не хотели войны, и все же война вспыхнула, и все же она ведется, и все же на полях битвы, на суше и на море, с той и другой стороны гибнут братья-пролетарии, отрываются миллионы людей от своих семей, замирает уже через две недели после об'явления войны вся промышленная жизнь Европы.

«Кто в этом виноват, кто отвечает за то бедствие, которое на нас обрушилось? В этом виноваты те, кто, не справившись с народной волей, с желаниями и интересами рабочих масс, даже вопреки ясно выраженной их воле, сосредоточив в своих руках народные военные силы, на свою ответственность бросили вызов один другому. Не верьте, что в этом виноваты немцы. Немецкий народ так же не хотел войны, как не хотел ее русский, как не хотели ее англичане и французы, итальянцы и австрийцы. Этой войны хотели правительства Германии и Австрии, этот вызов приняли правительства России, Франции,

Англии и других стран. Науськивать одну народность на другую— это единственное, что осталось у современных буржуазных государств в борьбе с мировой солидарностью пролетариата. «Разделяй и властвуй», вот что делает буржуазия всего мира в борьбе с организованным пролетариатом. Не правительство, не буржуазия твой враг, стараются вбить в голову рабочему, а немец, француз, русский и т. д. Уничтожь его, и тебе будет хорошо. На эту вредную агитацию уже поддались некоторые рабочие,—требуют удаления с фабрик рабочих немцев. Товарищи, этого делать нельзя. Мы можем бороться только с германским правительством, бросившим на поле брани миллионы рабочих, но не с самими рабочими. Ведь потом, когда кончится война и будет заключен мир, те же правительства возьмутся за обуздание внутреннего врага, организованного пролетариата, добивающегося политических прав и экономических улучшений.

«Так поступило русское правительство после японской войны. Оказавшись слишком слабым, чтобы справиться с Японией, оно нашло в себе достаточно силы, чтобы подавить поднявшееся освободительное движение рабочих и крестьян, и огнем и мечом прошлось по родной стране. Так поступило правительство с запротестовавшим пролетариатом в Петербурге и других городах за несколько дней до войны. Его арестовывали, избивали и расстреливали, а теперь заставляют защищать тех, по чьему приказанию арестовывали, избивали и расстреливали. Так поступает, по газетным сведениям, и германское правительство со своими рабочими. На их протесты против войны оно отвечает расстрелом и конфискацией имущества германских организованных пролетариев, а ведь их там миллионы, ведь они имеют в рейхстаге 111 депутатов. Кроме того, эта война своим размером и формой—серьезная трещина в самом буржуазном порядке, которая напоминает о более или менее близком его крушении: она говорит, что современный чародей—капитализм уже не в силах справиться и руководить вызванными им самим производительными силами и правовыми нормами: она говорит громко в первую очередь пролетариату, а затем широким демократическим массам. Если хотите избавиться от подобных бедствий, кончайте раз навсегда с капиталистическим порядком, установите строй социалистический, отнимите тот общественный порядок, при котором идет борьба всех против всех, установите порядок, основанный на солидарности людей. Недаром для защиты современного строя вокруг существующей власти, в лице своих представителей, сплотились все имущие власть от Милюкова до Пуришкевича, недаром протестовали только представители рабочих и крестьян: неправду твердят все газеты, что вся Россия едина в этом вопросе; не вся Россия, а только имущая Россия. Рабочие и крестьяне отгородили себя и заявили: ответственность за войну падает на все современные правитель-

ства, ликвидировать войну должен сам народ. Надо позаботиться о том, чтобы война эта была последней.

«Что же делать нам, сознательным пролетариям, чтобы положить конец этой братоубийственной войне и хозяйничанью безответственных правительственных групп, творящих волю дворянства и буржуазии и имеющими своими советниками Распутиных и им подобных? В России и Германии, в Англии и Франции, в Австрии и Бельгии должен быть брошен один клич, наш постоянный и неизменный клич: долой войну, да здравствует братская солидарность народов! Не верьте, товарищи, тем, которые говорят, что своими протестами против войны и своей борьбой против правительства мы ослабляем наши силы в борьбе с германским правительством. Революционный народ, сознающий, что он борется за свое политическое и экономическое освобождение, за землю и волю, во много раз сильнее бесправного народа, которым руководят титулованные слуги имущих классов. Этому пример революционная Франция, которая сто лет тому назад одна справилась со всей реакционной Европой. Никакой враг нам не страшен, когда мы сами хозяева борьбы.

«В ответ на призыв об'единиться вокруг существующей власти мы говорим:

Долой самодержавие!
Да здравствует вооруженный народ!
Да здравствует демократическая Республика!
Да здравствует Социал-демократическая Рабочая Партия!

«Руководящий Коллектив Московской и Окружной Организации Р. С.-Д. Р. П.».

Эту листовку «Андрей Примиренец» отпечатал при содействии своего старого знакомого помощника присяжного поверенного Ефима Лазаревича Пахмана на его пишущей машине.

В целях предупреждения распространения этой листовки, 31 июля «Андрей Примиренец», проживающий в гор. Москве под фамилией кр. Пермской губернии, Ирбитского уезда, Чубаревской волости, дер. Коростелевой, Якова Яковлева Коростелева и оказавшийся в действительности скрывшимся с места водворения поднадзорным Нарымского края Ароном Александровым Сольц, высланным из г. С.-Петербурга за принадлежность к Р. С.-Д. Р. П. под гласный надзор полиции на 3 года (считая срок с 8-го апреля 1913 года), был арестован, а 1-го сего августа в квартире помощника присяжного поверенного Пахмана был произведен обыск, коим обнаружен один экземпляр напечатанной на пишущей машине листовки, а также пишущая машина системы «Ундервуд», четыре стопы заготовленной бумаги и автоматический пистолет системы «Браунинг» с 19 патронами, на право ношения которого Пахман не имел надлежащего разрешения.

Произведенным затем допросом Сольца и Пахмана выяснилось, что названная листовка была действительно напечатана

в нескольких экземплярах по просьбе Сольца и поручению Пахмана секретарем последнего, домашним учителем Павлом Андреевичем Андреевым, в чем арестованный 2-го же августа Андреев и сознался [1]).

В делах охранного отделения на А. А. Сольца имеется следующая справка:

«*Сольц* Арон Александров, потомственный почетный гражданин, бывший студент С.-Петербургского университета.

«21 декабря 1901 года привлекался С.-Петербургским охранным отделением по делу о лицах, прикосновенных к революционному социал-демократическому сообществу «Искра», по каковому делу привлекался затем и к дознанию при С.-Петербургском губернском жандармском управлении; дело было разрешено в отношении его в административном порядке, и он был выслан под гласный надзор полиции в Нижне-Удинск, откуда бежал за границу и возвратился в Россию после манифеста 21 октября 1905 года. Он упоминается в розыскных циркулярах Департамента Полиции от 1-го июля 1903 года за № 4.000 и от 1 октября 1904 года за № 11.710, как бежавший из Нижне-Удинска и подлежащий отправлению под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года, считая срок высылки с 21 апреля 1904 года. В 1906 году Сольц был обыскан и арестован в С.-Петербурге и привлечен к переписке по охране при С.-Петербургском Губернском Управлении, по обвинению в прикосновенности к деятельности партии социалистов-революционеров; по разрешении этого дела в административном порядке Сольц был выслан под гласный надзор полиции в Тобольскую губернию на 3 года, считая срок с 5-го февраля 1907 года, каковой надзор отбыл. 7-го февраля 1913 года Сольц был задержан в С.-Петербурге в д. № 20, по Безбородкинскому проспекту, в квартире мещанина посада Сольцы Степана Николаева Графова на происходившем там неразрешенном собрании представителей организованных рабочих. При задержании Сольц отказался указать место своего жительства в С.-Петербурге, проживал же он на Васильевском Острове в д. № 16, по 3-й линии, под фамилией мещанина г. Маяки, Херсонской губернии, Владимира Павлова Каца.

«По сведениям отделения, Сольц, будучи членом Петербургского большевистского Ленинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и членом исполнительной комиссии того же комитета, явился на вышеуказанное собрание с докладом о положении дела в партии, после чего на собрании должен был быть рассмотрен и обсужден вопрос, какие демонстративные выступления могут быть предприняты со стороны революционной части рабочих в день 300-летия царствования

---

[1]) Подробности см. в приложении втором.

дома Романовых. Ранее Сольц состоял членом Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, при чем при его непосредственном участии редактировались и выпускались все прокламации и листки за подписью «Петербургского Комитета». Личный обыск и обыск, произведенный в квартире Сольца-Каца, результатов не дали. На допросе он виновным себя ни в чем не признал. Сольц был привлечен по этому делу к переписке в порядке Положения о Государственной охране, по рассмотрении коей в Особом Совещании— г. Министр Внутренних дел постановил: выслать Арона Сольца, обвиняемого в принадлежности к местной организации Р. С.-Д. Р. П., в Нарымский край, Томской губернии под гласный надзор полиции на три года, считая срок с 8 апреля 1913 года. Во исполнение сего постановления Сольц 7-го мая 1913 года был выслан этапным порядком в распоряжение Томского Губернатора».

«Составлена 3-го августа 1914 года».

Глава II.

Настроение студенчества в первые дни об'явления войны. — Студенчество на коленях.—Революционное студенчество.—Письмо шанявцев в ред. „Русские Ведомости".

Вся буржуазия, вплоть до самой либеральной, недавно так резко осуждавшая правительство, с началом войны перешла в стан хвалителей царской шайки.

Политический дурман «отцов» сообщился и «детям» [1]). Часть российского студенчества в порыве «патриотизма» упала на колени перед троном Николая Романова. На призыв в войска (для замещения офицерского состава) часть студенчества почти во всех университетских городах ответила манифестациями. Кричали «ура», выслушивали патриотические речи градоначальников, посылали царю и главнокомандующему приветственные телеграммы, ходили по улицам с царскими портретами; стоя на коленях, пели «Боже, царя храни».

В Москве 9-го октября (1914 г.), в 12 часов, в новом здании университета, после лекции проф. Каблукова, состоялась летучая сходка студентов, на которой была принята резолюция о необходимости выразить отношение студенчества к акту о призыве их в армию.

Около 2-х часов в аудитории № 1 нового здания университета проф. А. А. Байков во время своей очередной лекции высказал свой взгляд на переживаемые Россией и Европой события и в частности указал на положение совета министров о призыве студенчества в ряды армии.

Один из студентов Л. К. поднялся и произнес речь, указав, что студенчество восторженно встречает акт о призыве его на защиту родины и смело идет навстречу врагу.

По предложению оратора, присутствовавшие в аудитории студенты пропели «Вечную память» всем павшим на полях сражения, а затем с пением «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя» вышли на улицу.

С пением национального гимна и с портретами государя и государыни на руках, студенты университета прошли по Мо-

---

[1]) „Соц.-Дем." (Женева), № 37.

ховой, Тверской и Тверскому бульвару к дому градоначальника.

В институте инженеров путей сообщения императора Николая II повторялась та же картина. Там тоже после лекции состоялась студенческая сходка, на которой было решено выразить свое отношение к акту призыва студентов в армию устройством патриотической манифестации.

Немедленно постановление было осуществлено.

Студенты института вышли на улицу.

Сначала они прошли по Бахметьевской улице, Божедомке, Кузнецкому мосту и вышли на Театральную.

На Тверской, у памятника Скобелеву, манифестанты пропели вечную память павшим в боях и с кликами «ура» прошли к дому градоначальника. В присутствии А. А. Адрианова путейцы исполнили национальный гимн и просили главноначальствующего А. А. Адрианова повергнуть к стопам его императорского величества верноподданнические чувства об их желании немедленно вступить в ряды армии. Главноначальствующий обещал просьбу студентов-путейцев исполнить.

В Лазаревском институте восточных языков после лекции было совершено благодарственное молебствие по случаю одержанной русским оружием победы над немцами под Варшавой.

После молебствия студенты с царскими портретами и пением национального гимна прошли по Тверской и здесь соединились с манифестациями студентов университета.

Перед зданием градоначальника студенты снова пропели «Боже, царя храни».

На террасу вышел главноначальствующий гор. Москвы ген.-майор А. А. Адрианов.

Когда пение гимна закончилось, один из студентов обратился к главноначальствующему с речью:

«Ваше высокопревосходительство.

«Ознакомившись с высочайше утвержденным положением о призыве студентов высших учебных заведений в ряды армии, студенты университета, движимые горячим чувством любви к родине, просили вас повергнуть к стопам его императорского величества государя императора наши верноподданнические чувства и нашу готовность вступить в ряды армии, двинуться вместе с ней на врага и грудью сломить упорство дерзкого неприятеля. Мы надеемся вступить в бой с немцами уже не под Варшавой, а под Берлином».

Главноначальствующий г. Москвы ген.-майор А. А. Адрианов ответил:

— Я сегодня же сообщу его императорскому величеству о выраженных вами верноподданнических чувствах и горячем желании вступить в ряды армии.

— Вместе с вами желаю, чтобы армия и вы вступили героями в Берлин.

Слова А. А. Адрианова были покрыты восторженными кликами «ура».

— В Берлин, в Берлин...

Того же дня Адрианов послал следующую телеграмму:

«Его императорскому величеству.
«Царское село.

«Осведомившись об утвержденном вашим императорским величеством положении совета министров о привлечении в войска молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса в высших учебных заведениях, студенты всех московских высших учебных заведений сегодня в двух многочисленных манифестациях, из коих последняя была организована студентами московского института инженеров путей сообщения имени вашего императ. величества, с пением «Боже, царя храни» и с восторженным громким «ура» вашему величеству, собрались у моего дома и, вызвав меня к себе, просили всеподданнейше передать вашему императорскому величеству, что московское студенчество, преисполненное верноподданнических чувств, спешит повергнуть к стопам вашего величества чувства бесконечной любви и беспредельной преданности и горячую благодарность за дарованную ему высокую милость немедля встать в ряды победоносной армии ваш. вел. и клянется верой и правдой, не щадя своего живота, служить своему обожаемому монарху и дорогому отечеству. Счастлив всеподданнейше донести вашему имп. величеству о сих искренних чувствах московского студенчества к вашему величеству.

Московский градоначальник, свиты вашего величества
генерал-майор Адрианов».

От градоначальства грандиозная манифестация прошла по Тверской.

У дома Филиппова, где помещается общество «За Россию» и госпиталь театра «Люкс», манифестанты остановились. На балконе квартиры общества «За Россию» был вынесен портрет государя.

Манифестанты восторженно приветствовали представителей общества «За Россию» и прокричали сердечное «ура» раненым воинам госпиталя «Люкс».

Встречных офицеров манифестанты встречали с восторгом.

Ехавший на автомобиле летчик кн. Эристов был остановлен манифестантами вблизи памятника Скобелева.

Кн. Эристов обратился к манифестантам с речью, в которой благодарил студентов за приветствие и сообщил, что за последнее время нашими авиаторами взято в плен восемь немецких аэропланов, которые им доставлены в Россию, и один из них находится уже на Николаевском вокзале.

Раздались громкие клики «ура» по адресу героев-летчиков.

Эти радостные клики усилились, когда кн. Эристов указал на небо, где на высоте 560 метров плавно скользил аэроплан.

У памятника Скобелеву, после исполнения национального гимна все студенты, как один, встали на колени и трижды пропели «вечную память» павшим борцам за родину.

От памятника Скобелеву студенты университета, Лазаревского института и других высших учебных заведений, а также ученики средних учебных заведений, примкнувшие к манифестантам во время пути, прошли на Красную площадь и у памятника Минину и Пожарскому соединились обе манифестации студентов университета и путейцев.

Несколько тысяч человек запрудило площадь, появились национальные флаги—французский, сербский, английский, бельгийский и японский.

В Сербском подворье в то время, когда подошли к нему студенты-манифестанты, происходило заседание славянского комитета.

Члены комитета во главе с председателем Н. И. Гучковым вышли навстречу манифестации.

Представитель студенчества приветствовал в лице архимандрита Михаила героическую Сербию.

Архимандрит Михаил благодарил студентов за внимание и любовь. С прочувственной речью к студентам обратился Н. И. Гучков.

От сербского консульства манифестанты с кликами «Живио» прошли к французскому консульству. Здесь они пропели марсельезу и народный гимн.

Коммерческий институт, хотя и с опозданием, но все же поспешил за общей волной. В 6 часов вечера студенты института собрались в большом числе в институтском дворе и решили устроить патриотическую манифестацию.

С национальными флагами и портретами государя, с кликами «ура» и пением национального гимна прошли они к памятнику Минину и Пожарскому, а затем к часовне Иверской божьей матери. У часовни студенты стали на колени и трижды пропели «вечную память».

Вечером в разных частях города снова происходили большие манифестации учащейся молодежи.

С портретом государя и национальными флагами манифестанты подходили к дому градоначальника, были у Иверской часовни и у памятника Минину и Пожарскому [1]).

Десятого во втором часу дня в Москве снова начались манифестации.

Громадная группа студентов разных высших учебных заведений с флагами и портретами царствующей семьи появилась

---

1) „Раннее Утро“, № 234, 11/X 1914 года.

на улицах. В толпе несли массу флагов и плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и ее славные союзники! Да здравствует русская армия»! и т. д.

Толпа начала свое шествие от университета, затем была на молебне на Красной площади, пропела «вечную память» у памятника генералу Скобелеву.

От памятника Скобелеву молодежь прошла в Столешников переулок и у Чешского комитета пропела гимн.

Когда манифестанты были у дома градоначальника, то Адрианов, выйдя на балкон, сказал, что он счастлив прочесть ответ обожаемого монарха молодежи на их телеграммы с верноподданическими чувствами.

Телеграмма гласила следующее:

«Москва, градоначальнику.

Передайте доброй молодежи московских высших учебных заведений, что я тронут ее чувствами любви и преданности и ценю горячую готовность ее на деле послужить родине и мне.

Николай».

В миг все головы обнажились, и лишь только был выслушан ответ государя, как разразилась целая буря восторженных кликов.

Манифестанты опять обошли все центральные улицы, были у здания Городской думы и у всех консульств наших союзных государств.

* * *

Но не все московское студенчество так низко пало.

В Московском городском народном университете имени Шанявского и в Петровской сельскохозяйственной академии царило совсем другое настроение.

В университете имени Шанявского 23-го сентября, начиная занятия, едва не все профессора посвятили по «нескольку слов» текущим событиям и воспевали милитаризм. Социалистические элементы студенчества были этим сильно возмущены и к профессору Вышеславцеву послали делегацию в составе Прусса, Тараканова и Коковина, которая заявила, что призывы Вышеславцева к оружию и вооружению совершенно неуместны в демократической школе и что повторение подобных явлений неизбежно приведет к недоразумениям.

В происшедших 9—10 октября шумных патриотических манифестациях по поводу призыва студенчества шанявцы и сельскохозяйственники не только не приняли организованного участия, но, наоборот, сплотили вокруг себя демократическую часть студенчества, решительно осуждающих ту часть студенчества, которая поддалась влиянию шовинизма, человеконена-

вистничества и прочих злотворных налетов современного уклада жизни.

После посылки градоначальником Адриановым от имени московского студенчества верноподданнической телеграммы Николаю и получения высочайшей благодарности за любовь и преданность, эта группа выпустила краткий листок следующего содержания:

«Группа социалистически настроенной молодежи, не желая принять на свой счет высочайшей благодарности за любовь и преданность, считает необходимым заявить, что она остается верна демократическим идеалам и просит не смешивать ее с теми элементами студенчества, которые в манифестациях 9—10 октября выразили свои верноподданнические чувства».

Студенты Сельскохозяйственного института собрались выработать в таком же духе листовку, но их сейчас же переарестовали.

Шанявцы не ограничились выпуском листовки и пожелали выступить открыто в печати. Переговорив предварительно с проф. Мануйловым, редактором «Русск. Вед.», о напечатании их открытого письма и заполучив его согласие, они созвали расширенное заседание правления О-ва Взаимопомощи и составили письмо следующего содержания:

«М. г., г. редактор!

«Мы глубоко верим в то, что организованные слушатели народного университета имени А. Л. Шанявского не принимали никакого участия в проявлении дикого патриотизма и в позорном разгроме имущества лиц иностранных фамилий. Но тем не менее, мы просим вас через посредство вашей уважаемой газеты присоединить и наш голос глубокого негодования к протесту против тех событий, которые недавно имели место в московской действительности. Наше негодование тем сильнее переживается нами, что эта погромная действительность есть печальный результат того необычайного равнения на национализм, который, к глубокой скорби, нашел себе сторонников в некоторой части русской интеллигенции, общества и печати.

«Но вместе с тем, и в сумерках узко-националистического тумана мы позволяем себе надеяться, что к данным событиям непричастна русская интеллигенция в подлинном смысле этого слова. Мы горячо верим в это, ибо чувства псевдопатриотизма, человеконенавистничества и прочих тлетворных налетов современного уклада жизни органически чужды современной интеллигенции. Всегда верная святым заветам общественности и общечеловечности, она, интеллигенция, не могла и не может, даже в моменты общественного анабиоза, свернуть с той дороги, которая исторически проложена ею и которая ведет во святое святых общечеловеческих идеалов.

«И если указанные события разыгрались, то ответственность за них ложится всецело на русское общество, которое своим индифферентизмом и пособничеством, в какой бы форме это пособничество ни проявлялось, выращивало столь позорные всходы».

Письмо это, разумеется не появилось в «Русск. Вед.»— Мануйлов, ознакомившись с его текстом, печатать категорически отказался.

Невозможность высказаться в легальной печати толкнула на путь нелегальный.

Появилась листовка к московскому студенчеству, произведшая целую бурю. В некоторых местах даже произошли потасовки. Так, 19-го октября в Коммерческом институте бурное обсуждение листовки закончилось настоящей свалкой. В этой листовке говорилось:

«Кончена история русского студенчества. Оно превратилось в улицу, дикую толпу с незрячими глазами и слепым сердцем. Борьба с вывесками и разрушение витрин пришли на смену разрушению твердыни самодержавия. Дело защиты родины не отличается уже от крикливой хвалы ее вероломному самодержавцу. Любовь к родине превратилась в шутовское коленопреклонение.

«Стеклобитие стало национальным подвигом.

«Сколько поколений студенчества было авангардом в народной борьбе против прусско-татарской клики, называющей себя русским правительством. А вы носитесь с портретом окровавленного безумца и братаетесь с градоначальником.

«Вы, учащиеся на гроши народа, голодного, забитого и полуграмотного, чему вы научились? Что вы скажете народу, если он спросит вас? Какой вы ему укажите путь?» и т. д.

Листовка произвела необходимое действие. Многие студенты начали серьезнейшим образом задумываться над политическими вопросами. Заметно терпимее стали относиться ко всяким точкам зрения, даже к самой страшной, «пораженческой». Стали усиленно стремиться найти кого-либо с «новым словом». Студенчество потянулось в нелегальные кружки и организации. Подполье оживало.

Вскоре социалистически настроенное студенчество начало выступать и более открыто. Так, в университет имени А. Л. Шанявского 10 ноября, когда лектор Вышеславцев закончил свою лекцию резкими выпадами в сторону экономического материализма, называя его грошевой концепцией, отдавшей значительную часть русской интеллигенции во власть Германии, родины материализма, который, по словам лектора, есть не более, как зависть, сопровождаемая ненавистью, социалистически настроенная часть студенчества весьма бурно

протестовала, резко осуждая такое недостойное ученого отношение к одной из научных доктрин.

За этот протест шанявцам пришлось вскоре пострадать. Охранное отделение, узнав через своего осведомителя Гравировского [1]) о настроениях социалистической части шанявцев, решило нагнать «страх божий» и арестовало 23 товарища.

Сообщая об изложенном в департамент полиции начальник московского охранного отделения писал:

«В период минувшего (1913—1914) учебного года среди слушателей университета Шанявского образовалась «межфракционная социалистическая» («оппозиционная») группа, которая, пользуясь своею относительной сплоченностью, добилась того, что на выборах в январе 1914 года в правление и в состав различных комиссий и бюро труда общества взаимопомощи слушателей названного университета этого общества были в значительном количестве избраны члены упомянутой «социалистической» группы.

«Поименованная группа состояла из представителей как с.-р., так и с.-д. групп и особой с.-д. литовско-латышской группы.

«В течение минувшего и с начала настоящего учебного года за деятельностью «социалистической» группы велось постоянное наблюдение и получавшиеся сведения были представляемы в Департамент Полиции [2]).

Прекратившаяся в начале минувшего лета вследствие наступления вакационного времени деятельность «социалистической» группы возобновилась в конце сентября сего года, когда начались занятия в университете Шанявского [3]).

«Возобновление деятельности «социалистической» группы выражалось на первых порах, главным образом, в выяснении «своих людей» среди массы лиц, вновь поступивших в число слушателей университета Шанявского и в привлечении этих «своих людей» в ряды группы.

«Но уже с самого начала лекций определенно выразилось недовольство членов «социалистической» группы тем патриотическим направлением, которое было принято некоторыми лекторами, призывающими слушателей оказывать посильную помощь армии в настоящей войне и выражавшими этой армии свое сочувствие.

---

[1]) См. в приложении 1-м Гравировский—„Воронец".

[2]) Агентурные записки сотрудника „Воронца"; от 29 ноября 1913 года, № 302081; 12 декабря 1913 года, № 302561; 28 декабря 1913 года, № 303186; 20 января 1914 года, № 291139; 23-го января 1914 года, № 291178; 29 января 1914 года, № 291221; 31 января 1914 года, № 291235; 6 февраля 1914 года, № 291283; 14 мая 1914 года, № 291925; сотрудника „Павловского" 1 декабря 1913 года, № 302153; 15 января 1914 года, № 291089; 31 января 1914 года, № 291238;

[3]) Агентурная записка сотрудника „Воронца" от 9 октября 1914 года, № 292758.

«Социалистическая часть слушателей свое особое неудовольствие по указанной причине возымела на профессора Вышеславцева[1]) и даже решилась выразить последнему через особую депутацию свой протест.

«Затем, 13-го октября 1914 года, входящими в состав «социалистической» группы с.-д. распространялась в университете Шанявского прокламация от имени группы социалистически настроенной молодежи с заявлением о верности ее демократическим идеалам, и около этого же времени некоторыми из членов той же социалистической группы было составлено и отправлено в редакцию газеты «Русские Ведомости» открытое письмо, составленное в оппозиционных тонах, по поводу бывших в Москве случаев разбития магазинов германских и австрийских подданных[2]):

«Патриотическое настроение большинства слушателей университета Шанявского как бы подталкивало членов социалистической группы к выступлениям оппозиционного характера в более или менее резкой форме.

«Сначала это стремление к выступлениям выразилось в заявлениях некоторым профессорам посвятить свои лекции памяти Толстого, и в заявлении протеста профессору Вышеславцеву. 10-го же ноября, на лекции того же профессора Вышеславцева, члены социалистической группы произвели организованное выступление против последнего, сопровождавшееся сильнейшим шумом и вообще носившее все признаки публичного скандала.

«Указанное выступление социалистической группы имело целью выразить открытый протест профессору Вышеславцеву по поводу высказанных им мнений об экономическом материализме[3]). Непосредственно после этого выступления на лекции профессора Вышеславцева к декану Кизеветтеру отправилась депутация, состоящая из членов социалистической группы, и заявила о своем решении не допускать более чтения лекций Вышеславцевым.

«Указанные сведения [4]) об инциденте, имевшем место на лекции профессора Вышеславцева 10-го ноября 1915 года, были доложены его превосходительству г. московскому градоначальнику, которым на докладе о сем была положена резолюция об обыске и аресте известных отделению членов существующей в университете Шанявского социалистической «оппозиционной» группы, в виду того, что его превосходительство признал пребывание таковых в университете Шанявского в университетском

[1]) Агентурные записки сотрудника „Воронца“ от 27 сентября и 9 октября 1914 г, №№ 292706 и 292758.

[2]) Агентурная записка сотрудника „Воронца“ 20 октября 1914 года, № 292801.

[3]) Агентурная записка „Павловского“ от 18-го ноября 1914 года, № 292948

[4]) Агентурная записка „Павловского“ 18 ноября 1914 года, № 296948.

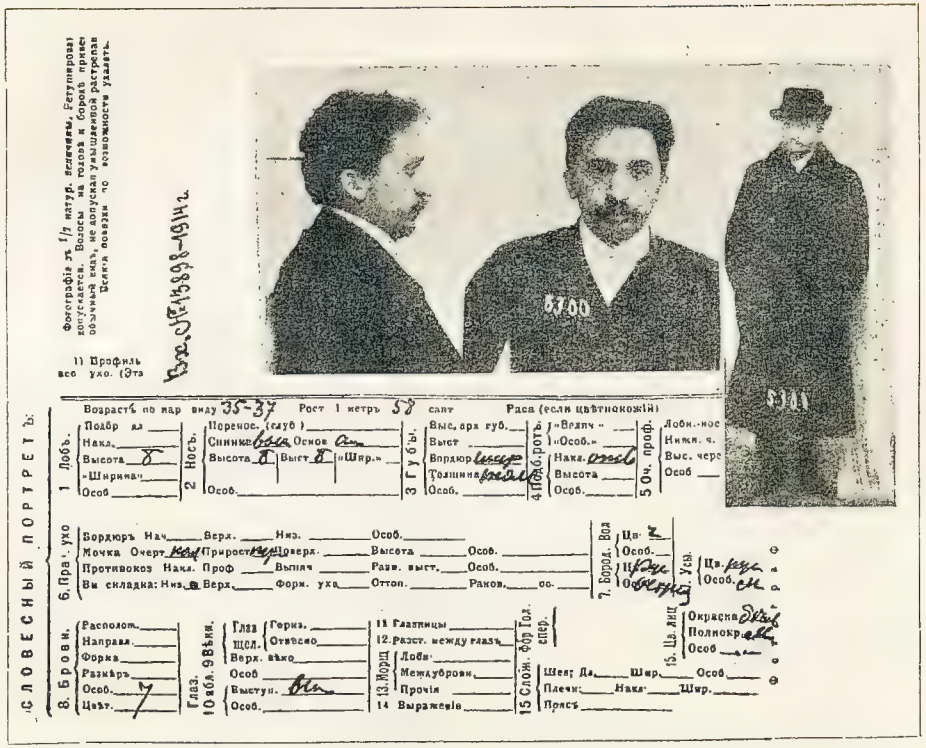
городе, с большим количеством заводско-фабричной рабочей массы, безусловно вредным.

«Во исполнение резолюции его превосходительства в ночь с 14 на 15 ноября 1914 года была произведена частичная ликвидация членов поименованной группы, при чем было подвергнуто обыску и аресту 23 человека, а именно: 1) крестьянин Виктор Васильев Анисимов, 2) крестьянин Василий Степанов Болдырев, 3) дворянин Владимир Казимиров Вольский, 4) крестьянин Андрей Федотов Дедусенко, 5) мещанин Николай Николаев Евграфов, 6) греческо-подданный Павел Георгиевич Китмиридис, 7) крестьянин Николай Александров Коковин, 8) крестьянка Элла Гансова Крастынь, 9) крестьянка Мина-Матильда Макелева Лечман, 10) сын псаломщика Михаил Иванов Львов, 11) крестьянин Николай Иванов Мизикин, 12) сын коллежского секретаря Герман Аполлонов Монастырский, 13) мещанин Давид Садуков Пигит, 14) мещанин Фридрих-Вильгельм-Карл Адольфов Прусс, 15) крестьянин Георгий Николаев Пылаев, 16) крестьянин Янис Янисов Рутман, 17) мещанка Надежда-Эльза Нахумова Сегаль, 18) крестьянин Гавриил Егоров Степанищев [1]), 19) крестьянка Екатерина Трофимовна Степанищева, 20) мещанка Броха Моисеева Хейфец, 21) крестьянин Петр Петров Цельмин, 22) сын священника Илья Венедиктов Цивцивадзе и 23) мещанин Владимир Романов Щетинский.

«По обыскам было обнаружено: у Анисимова—письмо от высланного из Петрограда в Тугайскую область с.-р. Григория Петрова Соколова (до призыва из запаса на действительную военную службу служившего в Москве и бывшего слушателем университета Шанявского и членом социалистической группы), разная переписка и заметки; у Дедусенко—разная переписка и листовки: а) прокламация, озаглавленная «На очереди», от имени Московской группы социалистов-революционеров, дата—октябрь 1914 г. и б) программа партии социалистов-революционеров, изданная Харьковской организацией партии социалистов-революционеров в октябре 1914 г.; у Болдырева, Вольского, Евграфова, Коковина и Китмиридиса—разная переписка; у Львова—указанная выше прокламация «На очереди» и разная переписка; у Монастырского—напечатанная на листе бумаги на пишущей машине, повидимому, часть речи или статьи германских с.-д. по поводу настоящей войны и разная переписка; у Пигита—бессрочная паспортная книжка на имя сына действительного статского советника Николая Сергеева Корвин-Круковского и разная переписка; у Прусса—разная переписка; у Пылаева—запрещенное издание «Экономическое учение Карла Маркса»—Карла Каутского, № 3 журнала «Рабочий Труд» за 1914 год и разная переписка; у Степанищева и Степанищевой рукописи и разная переписка; у Крастынь—разная переписка; у Цельмина,

---

[1]) Степанищев, Г. Е.—автор письма в ред. „Русс. Вед. См. стр. 76.



Регистрационная карточка Московского охранного отделения на Арона Александровича Сольц (68, 69, 377—391).

Цивцивадзе и Щетинского—разная переписка, 11 экземпляров журнала «Былое», разные книги по общественному движению, запрещенный № 5 журнала «Наша Заря» за 1914 год; у Лечман, Рутмана, Сегаль и Хейфец—разная переписка.

«Из указанных лиц по наружному наблюдению проходили: Анисимов, Болдырев, Вольский, Дедусенко, Коковин, Львов, Мизикин, Монастырский, Пигит, Прусс, Пылаев, Рутман, Сегаль, Степанищев, Цельмин, Цивцивадзе и Щетинский.

«Большинство из ликвидированных лиц проходили ранее по делам отделения.

«В настоящее время о всех ликвидированных лицах ведется в порядке охраны переписка, каковую предполагается закончить, в отношении большинства привлеченных к таковой—представлением в особое совещание при г. министре внутренних дел, а о нескольких лицах, кои по результатам производящейся переписки, могут оказаться менее скомпрометированными (например, Сегаль, Евграфов, Хейфец), закончить без всяких для них последствий.

«Произведенная ликвидация, расстроив сплоченную «социалистическую» группу, имевшую тенденцию уве личиться в своем составе вступлением новых членов и начавшую проявлять свою активность в весьма резких формах, произвела, повидимому, известное впечатление на остальных, не затронутых ликвидацией членов группы, отказавшихся ныне от мысли продолжать какие-бы то ни было оппозиционные выступления»[1]).

Так думало охранное отделение, а на самом деле аресты, не только не оттолкнули молодежь от опасности дела политики, но, наоборот, еще больше подлили масла в огонь кипевшего настроения. Угроза же за малейшее неосторожное слово попасть в лапы охранки научила ее быть более осторожной и действовать более осмотрительно. Создавшаяся обстановка гнала молодежь в подполье и там она с большей серьезностью разбиралась в вопросах политики и намечала свою практическую работу, давшую в итоге ряд с.-д. групп.

---

[1]) 1 декабря 1914 г. № 293008, дело М. О. О. № 12, 1914 г.

ГЛАВА III.

Война и Р. С.-Д. Р. П.—Циркуляр департамента полиции о положении в Р. С.-Д. Р. П.—Записка московского охранного отделения о деятельности московских партийных учреждений Р. С.-Д. Р. П.—Две меньшевистские резолюции.—Справка о Н. Н. Яковлеве и В. В. Куйбышеве. — Листовка Самарского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Война принесла с собой громадный идейный развал в большинстве европейских с.-д. партий. Не избежала этой же участи и Р. С.-Д. Р. П. Департамент полиции в инструктивном циркуляре начальникам губернских, областных, городских и железнодорожных жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка и г.г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском [1]), так рисует положение вещей в Р. С.-Д. Р. П.:

«С возникновением военных действий в среде членов Российской социал-демократической рабочей партии начали вырисовываться различные точки зрения на происходящую войну и главным образом на последствия, к которым приведет последняя.

«Суммируя эти различные взгляды, надлежит признать, что все они могут быть подведены под три категории соответственно трем течениям, существующим в Российской социал-демократической рабочей партии, а именно: левому, центральному и правому и могут быть охарактеризованы словами: а) «не мешать войне», б) «прекратить войну», в) «помогать войне». Первый лозунг относится к левому—«впередовскому» крылу, последний к правому «меньшевистскому» крылу, а второй к центру, хотя, казалось бы, что последний по своему боевому направлению должен быть отнесен к левому крылу. Представителями в современной социальной литературе этих течений являются лидеры последних: левого— Алексинский, центра—Ленин и правого— Плеханов, поскольку эти лица проводят свои взгляды на войну в прочитанных ими за границей рефератах и изданных «тезисах».

«Обращаясь к разбору по существу проводимых ими взглядов, надлежит рассмотреть прежде всего взгляды «центра», изложенные в тезисах Ленина, потому что центр партии сохранил

---

1) По 9 делопроизводству 26/XII 1914, № 179021.

до сего времени за собою наибольшую жизненность по числу своих последователей и по устойчивости проводимых в партийных кругах социал-демократических лозунгов, а также потому, что проводимые Лениным в его тезисах взгляды имеют более революционный характер по сравнению с остальными течениями.

«В своих «тезисах» Ленин проводит основную мысль о необходимости добиваться всякими мерами *немедленного прекращения войны* и затем осуществления социальной революции. Предпосылками этому выводу служат следующие соображения: европейская война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистическо-династической войны. Единственное реальное значение войны—грабежи стран, борьба за рынки, стремление одурачить, раз'единить, перебить пролетариат всех стран на пользу буржуазии. Поведение вождей немецкой, бельгийской и французской социал-демократии, голосовавших за военный бюджет, есть измена социализму и идейный крах социалистического Интернационала. Причина краха—фактическое преобладание в Интернационале мелкобуржуазного оппортунизма, и задача будущего Интернационала—бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме. Переходя к положению вещей в России, Ленин об'является, что задачей социал-демократии России является беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами—членами конституционно-демократической партии и частью народников. Отсюда лозунгами русской социал-демократии должны быть: 1) всесторонняя распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев «наемных рабов других стран», а против реакции, буржуазных правительств и партий всех стран. Из сего вытекает безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войсках всех наций. Кроме того, беспощадная борьба с шовинизмом и патриотизмом мещан и буржуа всех стран. Против изменивших социализму вожаков—апелляция к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны; 2) пропаганда учреждения республик русской, немецкой, польской и других на ряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты.

«Представитель левого течения Алексинский проводит мысль о том, что нужно войну предоставить своему течению, но использовать создавшееся тяжелое положение народа в России для революционной агитации среди крестьянства, рабочих и вообще средних демократических слоев населения, при чем для осуществления этой цели необходимо об'единиться в данное время всем революционным группам и действовать совместно на почве демократических требований. Критикуя «тезисы»

Ленина, Алексинский находит, что, если следовать высказываемым Лениным взглядам, то это значит произвести не революционный шаг, а сыграть в руку прусской реакции, ибо Германия немедленно использовала бы беспорядки и двинула бы свои войска на революционную Россию. Разбирая этот вопрос о конечном исходе войны и значении этого исхода для социал-демократии, Алексинский приходит к выводу, что Россия независимо от ее победы или поражения все равно стоит накануне политического переворота в сторону демократии, а так как русское правительство в сторону демократизации не идет, придерживаясь попрежнему реакционного курса, то это обстоятельство даже в случае победы России и усиления временной реакции является гарантией новой революции со стороны русского общества.

«Представитель меньшевиков партийцев—Плеханов, отмечая факт крушения в международном социализме основ социалистической борьбы и заботы об единстве целей, интересов и пожеланий, указывает, что русские социал-демократы оказались единственными из всех социалистов воюющих стран отказавшимися вотировать бюджет по случаю войны. Исходя из этих соображений, Плеханов приходит к выводу, что конец войны ознаменуется в России торжеством социализма, ибо русские социал-демократы своим отказом в вотировании бюджета показали всем, что они неспособны к сделкам ни с царским правительством, ни с оппортунистами; время же военных действий Плеханов рекомендует своим последователям использовать в смысле давления на русское правительство, забыть партийные различия и соединиться всем для борьбы с русским абсолютизмом, при чем Плеханов считает основным для деятельности во время войны то, что из факта войны нужно взять все, что ведет к развитию и усилению социалистического движения и бороться против всего, что ведет к ослаблению его.

«Приведенные взгляды находящихся за границей представителей верхов различных течений российской социал-демократической рабочей партии нашли себе последователей и в пределах империи и прежде всего в обеих столицах, а затем и в провинциальных социал-демократических организациях.

«Так в Москве в среде социал-демократического подполья образовались три определенных группы. Каждая из этих групп выработала свои положения, сущность коих сводится к следующему:

«Первая группа—большевистская,—по взглядам приближающаяся к впередовцам, проводит идею, что Россия начала сама войну, а не втянута в нее, и что эта война ведется капиталистами и ради их интересов. Поэтому социал-демократы не должны оказывать какой-либо помощи правительству в войне и не сдавать своих старых позиций, выработанных социал-демократией. Война сама по себе произведет громадные последствия в жиз-

ненном укладе и является теперь прелюдией к социальной революции, которая явится в близком будущем, как ее логическое следствие. Поэтому большевики полагают, что задача текущего момента не вмешиваться активно в события, но в то же время следить за ними и, организуясь внутренне, суметь в нужный момент овладеть движением.

«Вторая группа—меньшевистская,—говорит, что Россия втянута в войну, но таковая будет выгодна для России и в экономическом смысле и в политическом. В экономическом—потому, что помимо уничтожения невыгодного торгового договора с Германией, несомненно разовьется промышленность, а это обстоятельство будет сопровождаться расцветом и под'емом рабочего движения. В политическом же смысле выгодна потому, что до войны Германия питала и поддерживала русскую реакцию, а с ослаблением этого влияния в виду предполагаемой победы над Германией дальнейшая борьба для социал-демократии будет легче; с уничтожением Германии, являющейся носительницей идей милитаризма, последний исчезнет с горизонта и ресурсы государственного казначейства будут употреблены на действительные народные нужды.

«Исходя из этих взглядов, меньшевики приходят к заключению, что социал-демократы должны не только не выступать против войны, но всеми доступными средствами помогать благополучному для России завершению войны и действовать так, чтобы Германия была действительно поражена. Далее, так как у социал-демократов есть исполнительный орган в лице думской социал-демократической фракции, то необходимо обратиться к фракции и, потребовав от нее безусловного об'единения большевиков и меньшевиков, выработать декларацию от имени думской социал-демократической фракции, как выразительницы всей Российской социал-демократической рабочей партии.

«Практически эти решения сводятся к тому, что все социал-демократы должны добиваться участия во всех общественных организациях, возникших в связи с войной, как-то: в общеземских организациях (где об'единились земцы и либералы), в участковых попечительствах о бедных (обязательное требование московских социал-демократов), в волостных попечительствах и других подобных организациях.

«На ряду с этим считается необходимым об'единить всю ту активную часть социал-демократии, которая особенно выявится на этом деле.

«Третья группа Ленинского типа наиболее ярко выразила свой взгляд на войну и задачи, стоящие в данное время перед социал-демократами, в реферате московского социал-демократа Смидовича, каковой реферат предположен к изданию в виде отдельной брошюры.

«В реферате этом Смидович между прочим останавливается на вопросе, что же именно должна делать социал-демо-

кратия, и решает этот вопрос в том смысле, что первая задача социал-демократии—об'яснять с партийной точки зрения причины войны, а вторая—вмешаться в ход событий, выдвигая следующие лозунги: 1) мобилизация народной воли, 2) контроль народных представителей над деятельностью государственной власти, ответственной перед ними, 3) немедленное предпринятие шагов к прекращению войны и разрешению международных вопросов путем арбитража. Исходя из этих соображений, Смидович признает недопустимым: 1) затушевывать истинное основание происходящей войны, как это делают правительственная власть и буржуазия, 2) поддерживать нынешние правительства и 3) голосовать за военные кредиты. В качестве способов достижения выставленных лозунгов Смидович признает три: агитацию, пропаганду и организацию социал-демократических сил. Затем Смидович указывает, что война, кроме общих лозунгов, выдвигает ряд частных. Она уже породила тяжелый экономический кризис, сократилось производство, расшаталась хозяйственная жизнь, страшно выросли цены, ухудшилось потребление, развились бедствия.

«Экономический кризис со всеми своими ужасами дает себя чувствовать рабочему классу. Непосредственные последствия войны будут еще более тяжелы. Массовая безработица, массовая нужда—вот что уже веет над рабочим классом. Эта сторона жизни страшно важная, непосредственно и реально ощущаемая рабочим классом. Задача социал-демократов обратить на эту сторону самое серьезное внимание и развить здесь самую интенсивную деятельность. Преступно было бы, по мнению Смидовича, закрывать глаза на эту сторону жизни, преступно не видеть тех ужасов, которые происходят не только там, на поле сражения, но и здесь, в области повседневной борьбы труда. Перед социал-демократами встают задачи: восстановление наших экономических организаций, организация потребления рабочего класса посредством рабочей кооперации, восстановление профессиональных союзов, развитие взаимопомощи и организация общественных работ», заканчивает свой реферат Смидович.

«Переходя затем к деятельности петроградских социал-демократов в отношении рассматриваемого вопроса, надлежит признать, что в Петрограде преобладающее влияние во взглядах на войну и на отношение к войне социал-демократов оказывает Ленинское течение, наиболее рельефно выраженное в решениях Октябрьского совещания думской большевистской шестерки с видными партийными работниками.

«На этом совещании приняты следующие решения:

«1) Выработана резолюция по вопросу, посвященному отношению социал-демократии к войне, и в частности к сборам и материальной поддержке. Сущность резолюции сводится к тому, что рабочий класс не может ни в каком виде поддерживать правительство и войну; позиция решительного отрицания всякой

помощи войне должна сказаться как в отказе во всяких налогах, так и в отрицании всяких сборов; бороться с бедствиями войны следует не благотворительностью, а политическим давлением на командующие классы для обеспечения голодающих семей; попутно с этим указывается на необходимость ведения среди семей запасных и всех жертв войны просветительной работы с требованиями 8-часового рабочего дня, обеспечения крестьян землей, создания крестьянских и рабочих комитетов для распределения ассигнований из средств государства;

«2) по вопросу о «текущем моменте» решено, что единственным правильным девизом последовательных марксистов в настоящее время должен быть лозунг «война—войне»;

«3) одобрен текст заготовленного к выпуску воззвания по поводу войны, в коем проводится мысль, что правительство, находясь в тяжелом положении в виду войны, призывает своих подданных на борьбу с врагом России — Германией, которая напала на Россию и желает поработить и ограбить русский народ, а также призывает граждан к об'единению, прося забыть на время войны внутренние распри; между тем, по мнению автора воззвания, в основе этого призыва лежит сплошной обман, ибо поработить и «ограбить» русский народ более того, чем он порабощен русским правительством и «ограблен» им же, невозможно; призыв же к забвению внутренних партийных распрей есть тоже введение народа в обман, ибо правительство совершенно не склонно изменить курс своей политики и прекратить репрессии, падающие на рабочий класс; далее в воззвании проводится параллель между гражданской свободой в Германии и в России, отдается предпочтение первой и в заключительной части указывается, что если говорить уже о врагах России, то главный враг—это внутренний, т.-е. русское правительство, с которым нужно бороться, открывать глаза на истинных виновников войны и врагов рабочих, сплачивать свои силы, об'единяться между собой, основывать рабочие союзы и готовиться к решительному часу, и когда вспыхнет революция, то войска должны быть не против рабочего класса, а рядом с ним, общими силами «грянуть» на врагов народа и завоевать для русского народа новую жизнь с учреждением республики, конфискацией земли в пользу крестьян и с установлением 8-часового рабочего дня;

«4) выработан текст ответа на известную телеграмму бельгийского социалиста Вандервельде, в коей последний призывал русских социал-демократов принять вместе с русским правительством участие в борьбе против прусского юнкерства за политическую свободу в Европе. В ответе этом указывается, что великий конфликт, разразившийся между главными цивилизованными нациями и являющийся прямым результатом мирового империализма, не может оставить русскую социал-демократию безучастной, ибо эта война, с одной стороны, затрагивая инте-

ресы всемирной демократии, с другой—угрожает ростом и усилением русской деспотической монархии; в полной мере учитывая антидемократический характер прусского милитаризма и гегемонии, русские рабочие не могут забывать другого врага—русского абсолютизма, остающегося даже и в настоящее тяжелое время выразителем бесплодного угнетения и беспредельной эксплоатации; исходя из этого, рабочий класс не только не может оказывать поддержки правительству или играть пассивную роль, но считает своей неотложной задачей вести непримиримую войну за осуществление своих программных требований путем расширения и энергичного развития классовых организаций пролетариата и широких слоев демократии и использования военного кризиса для подготовки народного сознания к скорейшему осуществлению задач 1905 года (первой из коих является созыв Учредительного Собрания). В заключительной части ответа указывается, что все это делается также в интересах всемирной демократии, ибо всестороннее использование военного кризиса в интересах российской свободы в конечном счете окажется выгодным и для социал-демократии других стран, для которых существование в России абсолютизма являлось поддержкой реакции во всей Европе и оплотом всех реакционных сил Европы, т.-е. врагов европейской демократии.

«На ряду с Ленинским течением в Петрограде существует течение, по существу своему противоположное ленинцам. Доказательством наличия такого течения служит составленный и отправленный петроградскими ликвидаторами отдельно от ленинцев ответ Вандервельде, сущность коего сводилась к тому, что русские социал-демократы в противоположность социалистам других стран не могут, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства, как перед страной, так и перед международным социализмом, в виду того обстоятельства, что в настоящей войне с прусским юнкерством участвует другая реакционная сила—русское правительство, которое в процессе борьбы может при известных условиях стать средоточием реакционных тенденций мировой политики. Но, несмотря на наличность всех этих условий, имея в виду международное значение общеевропейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма, ликвидаторы заявляют, что они в своей деятельности в России не противодействуют войне, но рекомендуют готовиться теперь же к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса и согласия народа, населяющего присоединяемую область.

«Независимо от сего в Петрограде местными социал-демократическими организациями ленинского и ликвидаторского течений в период времени, протекший от начала войны, выпу-

щены несколько воззваний с призывами к протесту против войны и к агитации за скорейшее осуществление партийных лозунгов.

«Обращаясь, наконец, к вопросу об отношении провинциальных социал-демократических организаций к войне, надлежит отметить, что в целом ряде провинциальных городов местные социал-демократические организации выпустили ряд печатных и гектографированных воззваний. Содержание всех этих воззваний сводится к протесту против войны и к агитации за скорейшее осуществление партийных лозунгов».

Что же касается деятельности московских партийных учреждений Р.С.-Д.Р.П. в военные месяцы 1914 г., то таковую краткая записка М. Оф. отд. от 3/XII рисует в следующем виде:

«Война застала «ленинцев» врасплох и они долгое время, благодаря прерванным связям с заграницей, не могли столковаться о своем отношении к войне и только в последнее время открыто стали против войны, об'явив своим лозунгом: «война—войне».

«Этому, конечно, много способствовало получение в Москве известных тезисов Ленина.

«В самое последнее время ленинцы довольно энергично начали работать, создав, наконец, «Центральное бюро профессиональных союзов» во главе с исполнительной комиссией из трех лиц, а также и особую «Руководящую группу» которая должна играть роль «Московского Комитета».

«Исполнительным органом этой группы также является «Исполнительная комиссия» из трех лиц.

«На первом же собрании «Руководящей группы» было решено приступить к выпуску ряда листовок о войне, осветив таковую с точки зрения ортодоксального марксизма, возложив эту работу на Исполнительную комиссию».

«На ряду с созданием этих партийных учреждений в среде с.-д. из учайщейся молодежи высших учебных заведений, преимущественно императорского Московского университета и Московского Коммерческого института, возникла мысль о создании особого социал-демократического студенческого коллектива, члены коего явились бы в роли профессионалов-пропагандистов в профессиональных обществах и в фабрично-заводских предприятиях.

«Некоторые инициаторы создания такого коллектива уже связались с членами «Руководящей группы» и самый коллектив находится в стадии сорганизования.

«Деятельность этих учреждений всесторонне освещается секретной агентурой отделения, почему, без сомнения, все их начинания будут разбиваться.

«Параллельно с вышеописанной деятельностью «ленинцев» в Москве была заметна и работа меньшевиков-ликвидаторов, но их деятельность была довольно бесцветной и все их начи-

нания неизменно терпели полную неудачу, благодаря осведомленности отделения.

«Правда, ликвидаторам удалось сорганизовать особую «Инициативную группу», но она никакой активной деятельности не проявила и, в конце-концов, почти в полном составе, во главе с руководителем таковой—присяжным поверенным Никитиным, была ликвидирована как раз в тот период, когда у них обсуждался вопрос о выпуске листовок с протестом против войны.

«Затем, отношение меньшевиков к войне изменилось и даже было решено оказать поддержку раненым и семьям запасных и не чинить правительству препятствий к ведению войны.

«В октябре среди меньшевиков произошел раскол из-за бюджета и налогов, разбивший их на три группы и, таким образом, приведший их к полному бездействию.

«Так, на собрании 5-го октября одной из этих групп была вынесена резолюция об отношении к войне (представлена при агентурной записке от 20-го октября сего года за № 292797), но одобрения других групп она не получила, а также не получила и никакого распространения, и с этого времени деятельность меньшевиков совершенно замерла».

Эта резолюция гласила:

«1) Разразившаяся война представляет собой результат многолетней борьбы германского и английского капитализма за преобладание на мировом рынке. Эта борьба, находящая свое выражение в империализме и экономическом порабощении отсталых стран передовыми странами, является той осью, около которой группируются политические союзы европейских держав, вплетающих в основной мотив второстепенные побочные задачи (таковы—борьба против торгового договора со стороны России, идея реванша у Франции, противодействие национальным стремлениям в Австрии и т. д.).

«2) Наступление решительного момента было ускорено в этой борьбе со стороны Германии политическим господством юнкерства, сомневавшегося в возможности удержать высокие хлебные пошлины при энергичном противодействии социал-демократии внутри и в ввозящих стран, в особенности России извне. Россия с своей стороны ускорила развязку непомерным увеличением своих вооруженных сил за последние годы и агрессивной международной политикой царизма, встречавшей поддержку у крупной и средней буржуазии. Эти классы предпочитают ускорить экономическое развитие страны более легким путем разгрома экономической мощи своего наиболее опасного конкурента на внутреннем рынке—германского капитала, трусливо отказавшись от борьбы за устранение внутренних политических препятствий к развитию производительных сил, связанному с улучшением положения рабочего класса и ростом

сознательности и организованности и невозможному без коренного переустройства аграрных отношений в деревне.

«3) Выгодная для господствующих классов война всей тяжестью обрушивается на трудящиеся слои населения, которые во время войны несут главное бремя кровавого налога и тяжело страдают от экономической разрухи—дороговизны, безработицы и т. д. После же войны расплачиваются физическими страданиями и материальной необеспеченностью жертв войны, усилением налогового бремени, хозяйственным разорением и политическим гнетом победителей в побежденных и порабощенных странах.

«4) Из всех классов населения пролетариат, связанный полной общностью интересов и единством задач классовой борьбы в единую международную армию, является наиболее решительным и последовательным противником войн, вызываемых господствующими классами ради своих корыстных классовых интересов. Борясь за демократизацию политического строя и за замену постоянных армий милицией, пролетариат уже тем самым заглушает тлеющие очаги войны, которыми так богато современное общество. На своих международных конгрессах организованный пролетариат не раз обсуждал и вырабатывал меры международного противодействия назревавшей европейской войне. Чрезвычайному Базельскому конгрессу 1912 г. удалось вопреки стремлениям великих держав локализировать пожар Балканской войны. В порядке дня отложенного из-за войны очередного конгресса центральное место занимал вопрос о международных действиях во время войны.

«5) И на этот раз при быстром развертывании событий, предшествовавших войне, несмотря на неблагоприятные условия, созданные наступлением экономического кризиса на Западе и еще несломленным господством реакции в России, международный пролетариат с германской с.-д. во главе исполнил свой долг и всеми возможными для него в данный момент средствами противодействовал вызывающей наступательной политике господствующих классов. Но пролетариат оказался бессильным справиться со стихийной яростью вспыхнувшего пожара и вопреки своей воле, став перед совершившимся фактом, он силой вещей вынужден исходить уже из него в своих непрекращающихся стремлениях к конечной цели—демократическому строю и улучшению положения рабочего класса.

«6) Истощающий население и задерживающий рост производительных сил милитаризм, вырастая на почве взаимной экономической конкуренции капиталистических стран и обострения классовых интересов внутри них и находя сильную поддержку в очень влиятельных элементах буржуазии, материально заинтересованных в росте вооружений, уничтожится только с гибелью капитализма. В современном обществе он может быть ослаблен лишь победой демократии, а не войной, носящей в самой себе

семена дальнейшего милитаризма. Поэтому опасность международных столкновений не исчезнет и с победой над Германией. Несмотря на это, разгром прусского милитаризма является положительным фактором, поскольку он означает свержение ига прусского юнкерства с германской демократии и уничтожение одного из самых опасных и сильных оплотов международной реакции.

«7) Ход и исход войны таят в себе опасность попятного политического и общественного движения даже в демократических странах. Вот почему демократия всех стран должна напрячь все усилия для устранения всех и всяческих преград на пути к демократизму—национального гнета, религиозной нетерпимости, ограничения гражданских прав вообще и рабочего класса в особенности и женского равноправия.

«8) Борясь за свои конечные цели на почве и в рамках современного национального государства, пролетариат каждой страны заинтересован в ее независимом и свободном экономическом, политическом и культурном развитии. Участие в общенациональной обороне от иноземного вторжения диктуется пролетариату его классовыми задачами. Как передовой класс современного общества и строитель будущего он и в деле защиты страны обязан итти впереди отживающих классов. И мы вполне понимаем наших французских и бельгийских товарищей, мужественно выступающих на защиту национальной независимости и свободных учреждений своих стран и пославших своих испытанных вождей Гедда, Самба и Вандервельде в министерство национальной обороны.

«9) Трагическое положение организованного пролетариата в Германии и Австрии, усиливаемое той ответственностью, которую на него налагает завоеванное им положение, состоит в том, что оно всей совокупностью обстоятельств вынуждает одновременно и подчиниться противоречащей всем его интересам и стремлениям неизбежности участия в наступательной войне против других стран и в то же время оборонять свою страну от все растущей опасности экономического и политического разгрома и, наконец, в то же время сводить счеты с виновниками войны и заклятыми врагами демократии и пролетарского движения внутри страны. Не закрывая глаз на многие ошибки, совершонные большинством вождей германского пролетариата (например, голосование за кредиты), мы вполне уверены, что наши товарищи-учителя сумеют разрешить в интересах международного рабочего движения трудные задачи, поставленные перед нами историей, сумеют согласовать свои национальные и интернациональные задачи.

«10) Обусловленное стихийным ходом капиталистического развития и относительной слабостью организованных пролетарских сил участие отдельных отрядов пролетариата в борьбе друг против друга отнюдь не снимает с очереди интернацио-

нальных задач рабочего движения. Временный разрыв связи между пролетарскими организациями отдельных стран не означает и гибели Интернационала, опирающегося в своем существовании на основные классовые интересы пролетариата. Восстановление Интернационала в его прежнем полном об'еме под знаменем марксизма является самой настоятельной задачей ближайшего будущего.

«11) Российский пролетариат, подобно пролетариату других стран, так же заинтересован в защите своей страны от внешнего врага и в сохранении ее целости, независимости, как гарантии будущего свободного развития.

«Но в то же время он не менее заинтересован и в защите ее от «внутреннего врага»—врага всей европейской демократии. Своей борьбы с ним он не может прекратить и в настоящее время, так как от силы сопротивления этому врагу зависит и судьба народа во время войны и создание наиболее благоприятных условий для демократии к моменту заключения мира.

«12) В исключительно тяжелой обстановке приходится действовать сейчас российскому пролетариату. Реакция при помощи исключительных законов сняла почти все открытые организации рабочего класса. Она раздавила неокрепшую рабочую печать все более становившуюся узлом политической организации рабочего класса. Не созывая Государственной Думы, реакция не только освобождает себя от контроля народных представителей, но отнимает у рабочего класса почти единственную политическую трибуну, с которой он мог бы формулировать свои отношения к совершающимся событиям, свои задачи и свои требования. Отсутствие рабочей печати не позволяет противодействовать отравлению сознания рабочих масс ядом шовинизма, который несет с собой казенная и буржуазная печать.

«Но если реакция стремится воспользоваться войной для укрепления своих пошатнувшихся позиций, то в то же время в стране крепнут силы для дальнейшего противодействия. Война развязывает медленно нараставшее общественное движение буржуазных элементов населения, будит в них самодеятельность и стремление к организации, воспитывает гражданское сознание и таким образом создает реакции противника, заполняя оставшееся свободным рядом с пролетарским движением место. От энергии, сознательности и организованности рабочего класса будет зависеть, сумеет ли он стать во главе нарастающего общественного движения и использовать его для наиболее полной победы демократии.

«В силу всего вышеизложенного мы заявляем:

«1) Исходя из признания за нациями права на самоопределение, мы вместе с сознательным пролетариатом других воюющих между собой государств будем самым энергичным образом противодействовать всяким насильственным территориальным

приобретениям, которые являются лишним поводом для войны и вооружений и задерживают свободное развитие как присоединенных провинций, так и страны присоединяющей.

«2) Выражая полное недоверие обещаниям Верховного Главнокомандующего по адресу Польши и Галиции, мы клеймим поведение правительства в завоеванной Галиции и заявляем, что в интересах демократии России и Польши, чтобы вопрос о положении Польши был решен Учредительным Собранием представителей всего Польского края.

«3) Мы протестуем против той травли мирных жителей, подданных воюющих с нами государств, которая усиленно ведется при содействии властей. Мы противопоставляем искреннее возмущение германской соц.-демократии вандализмом вождей германской армии лицемерному возмущению так называемыми германскими зверствами в устах как тех, кто устраивал аграрные усмирения и еврейские погромы с неменьшими ужасами, чем в разоренных городах Бельгии и издевавшимися над политическими пленными в период после 1905 г., так и тех, кто покрывал эти подвиги свои одобрением или попустительством. Мы протестуем против проектируемых каторжных работ для пленных австрийцев и германцев и указываем пролетариату, что главная масса этих пленных—пролетарии, вовлеченные отечественной войной буржуазии в эту безумную войну.

«4) Мы будем противодействовать стремлениям правительства и имущих классов переложить расходы, вызываемые войной, на плечи неимущих слоев населения в виде новых косвенных налогов или прямых подушных. Мы будем требовать введения подоходного налога с усиленными в виду войны ставками (и с минимумом дохода в 1.000 р.). Война должна быть оплачиваема теми, в чьих интересах она ведется, т.-е. имущими классами. Мы считаем лицемерием опасение буржуазных профессоров, что высокий подоходный налог «затронет накопление капиталов и затормозит хозяйственное развитие». Хозяйственное развитие обусловливается благосостоянием и уровнем самосознания народных масс, а не сбережением г.г. капиталистов.

«5) Мы призываем пролетариат в настоящий момент напряжения народных сил использовать все возможные формы для создания, усиления, укрепления и расширения своих организаций для защиты своих классовых интересов и влияния на народившиеся организации других классов в смысле расширения их демократических требований и энергичной борьбы с реакцией сплотившейся вокруг правительства.

«6) Мы призываем все сознательные элементы России к решительной борьбе с величайшей опасностью грозящей нашей стране от безрассудного разгула реакции, которая, несмотря на потрясающие жертвы, приносимые народом, продолжает политику репрессий и гонений, усиливает полицейский гнет, оставляет на постах позорно запятнавших себя вождей и устраняет народ-

ное представительство даже в ограниченной форме от решения коренных вопросов, связанных с войной, как вопросы о налогах и финансовой реформе.

«7) Мы призываем пролетариат и демократию России, чтобы вопросы, связанные с интересами народных масс как вопросы войны и народного хозяйства, так и все вопросы народной жизни, разрешались народными представителями, избранными на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, а решения осуществлялись министерством, ответственным перед народными избранниками.

«8) Мы призываем народ, несущий на своих плечах всю тяжесть государства и в мирное и военное время, требовать, чтобы все граждане имели право без вмешательства администрации организовываться в коалиции, имели права устраивать собрания и свободно выражать свои мнения и убеждения в устном и печатном слове, чтобы все граждане без различия национальности и вероисповедания были равны перед законом, выработанным представителями всего народа, чтобы Учредительное Собрание всех депутатов России положило конец политическому рабству страны и произволу бюрократии.

«9) Мы считаем необходимым участие представителей пролетариата в создании и работе организаций, связанных с жертвами войны, чтобы лишить эти организации характера благотворительности, подчинить их более широкому сознательному общественному контролю и поставить перед ними и общественными самоуправлениями задачу помощи безработным как деньгами, так и общественными работами.

«10) Не имея в настоящий момент возможности прекратить братоубийственную бойню пролетариев, воюющих между собою, мы призываем пролетариат России вносить сознание в ряды своих братьев, находящихся под ружьем, выяснить им истинный смысл и значение войны, бороться с теми зверскими и шовинистическими чувствами, которые под видом патриотизма сознательно пробуждают и развивают в них буржуазия и правительство, подготовить их к борьбе за свои насущные интересы внутри страны и к организованному влиянию на ликвидацию войны, чтобы не дать хищническому и юнкерскому меньшинству России использовать результаты кровавой борьбы исключительно в свою пользу и во вред демократии России и других стран».

Кроме этой резолюции московскими меньшевиками за подписью «Московского организационного комитета» была выпущена другая резолюция. В этой резолюции авторы не только высказываются за оборону, но и за голосование военных кредитов. Вот ее текст:

«Резолюция Московского организ. комитета.

«Австрия пред'явила Сербии ультиматум, принятие которого целиком равнялось бы для Сербии отказу от ее самостоятельного существования, низведению до положения Персии,

у которой не оказалось сильных защитников от подобного же выступления против нее России и Англии. Сербия удивила мир своей уступчивостью, в которой не остановилась даже перед границами своих прав на самостоятельное национальное государственное бытие. Австрия не удовлетворилась этим ответом и, отвергнув все посредничества, об'явила Сербии войну. Это было возможно при отсутствии всякого контроля народного представительства над дипломатическими сношениями. Стало очевидным, что внешний повод, выставленный как основание и причина ультиматума Австрии, прикрывает собой нападение на самостоятельность Сербии и с заранее обдуманною решимостью осуществить это нападение с оружием в руках. Опираясь на постоянное войско, этот несравненный аппарат для наступательных войн, австрийское правительство, кинув страну в военную авантюру, неожиданно поставило все народы империи перед готовым фактом. Поведение Австрии в силу экономической и политической связности европейских государств вызвало мобилизацию в России. В этот момент Германия в обстановке двусмысленного поведения в дипломатических переговорах шести держав (Англия, Австрия, Германия, Франция, Россия и Сербия) пред'явила России требование о демобилизации. Россия отказала. Германия об'явила войну ей и Франции и немедленно приступила к военным действиям, двинув войска на Францию через владения нейтральной Бельгии. Стало очевидным и то, что в лице Австрии, своего передового отряда, Германия приступила к осуществлению своих широких завоевательных планов, и то, что в борьбе за эти планы, она не будет стесняться в выборе средств... Англия не могла допустить ни усиления своего самого опасного соперника, ни разгрома Франции и об'явила Германии войну»... Таков внешний ход событий. К этим событиям привела история развития германского империализма. Германский капитал в своем развитии достиг высшей степени напряженности. Параллельно с ним напряженно росло и военное могущество империи. Капитализм искал новых рынков, военный механизм империи полагал их приобретать, подчиняя германскому капиталу экономически отсталые страны для хищнической эксплоатации. Экономический рост и рост национального государственного самоопределения и развитие широкой демократической свободы сулили Германи экономическое господство над остальными странами и даже влияние на их политический строй.

«Германский капитализм мечтал о новых колониях, о новом и новом расширении подчиненной ему территории. Сербия оказалась удобным и своевременным поводом. Австрия была послушным прислужником. Германское правительство не учло только, что при современном соотношении интересов за Сербию может образоваться сильная коалиция держав с Англией во главе.

«По отношению к соседним странам агрессивная политика Германии ставила себе задачей, опираясь на военное могущество,

усилить экономическую эксплоатацию балканских стран и России, превратить их в свой рынок, в свои колонии.

«Эта задача неизбежно приводила Германию и ее союзницу Австрию к стремлению силой подчинить те национальности, которые стояли на пути завоевания германским капиталом новых рынков. Такое стремление Германии поставило другие капиталистические страны: Францию, Англию и Россию в крайне противоречивое положение. Английский, французский и русский капитализм обладает такими же свойствами и стремлениями, как и германский. Но в борьбе против бурного натиска германского капитала правительства всех соперничающих с Германией стран в силу необходимости должны выдвинуть принцип национальной автономии, национальной независимости соседних народов, ибо только этот принцип можно было противопоставить агрессивному германскому империализму и таким путем успешно двинуть против него народные массы. Только поэтому Англия, сама угнетающая Индию, выступила заступницей народностей, на которых сделала нападение австро-германская коалиция. Только потому Россия, давящая населяющие ее народности, оказалась в роли защитницы национальной независимости славянских народов, участницей борьбы за независимость Бельгии и самоопределение национальностей. Только об'ективно-историческая необходимость ставит перед русской реакцией прогрессивные и глубоко демократические задачи, которые она должна решить вместе с Францией и Англией...

«Итак, случилось то, что должно было случиться, что предопределено было внутренним процессом германского капитализма и милитаризма: Германия напала. И то, что потом случилось, и то, что непременно случилось бы, если бы Германия победила, предопределено тем же процессом ее развития. Если бы она одержала с своей союзницей победу, карта Европы приобрела бы еще более ей противоестественный вид, чем в настоящее время. Свободное политическое самоопределение национальностей было бы отодвинуто еще дальше от своего осуществления. Возрос бы гнет национальностей, механически об'единенных в политические тела. Демократия Бельгии попала бы в руки прусского юнкерства, республиканская Франция была бы разгромлена. Побежденные были бы обречены на экономическую кабалу...

«Таков смысл совершающихся событий.

«Об'ективные исторические события определили германское нападение. Верхи Германской империи его хотели потому, что это совпадало с их классовыми интересами, и потому эту империалистическую войну затеяли и ведут они. Об'ективные же исторические условия принудили русское реакционное правительство к обороне против этого нападения. Принудили не только вести освободительную войну, но и вести ее в союзе с республиканской Францией и свободной Англией против посто-

янного и самого близкого друга русской реакции. Об'ективные же исторические условия поставили перед всей демократией Европы выбор: или победа германского империализма—диктатура в Европе германской военщины, угнетение национальностей отсталых стран, беспощадная экономическая эксплоатация их, властное влияние на их политический строй, в особенности в странах Восточной Европы,—или уничтожение германской военщины—ослабление милитаризма, переход от института постоянного войска к системе милиции, мощного средства для обороны, негодного для завоевательных авантюр, расширение прав народностей и национального самоопределения и установление договорных отношений отсталых стран с передовыми.

«Вовлеченные в мировую войну правительства европейских стран вынуждены поставить ребром вопросы, давно поставленные демократией и непременно их так или иначе решить. Это решение будет зависеть от того участия, какое примут различные слои общества в текущих событиях. Успех каждой страны в этой борьбе будет зависеть в значительной степени от того, какое участие примут в ней тот или иной общественный класс, та или другая политическая партия. В результате борьбы каждая нация, каждый класс, каждая партия пред'явит свой собственный счет. Социалисты во Франции, вступившие в министерство, уже заявили, что вопрос об Эльзасе-Лотарингии должен быть разрешен самим населением. У Польши впервые явилась возможность поставить вопрос о своем национальном самоопределении. Среди различных слоев русского общества крепнет сознание, что их деятельное отношение к совершающимся событиям в значительной степени определит исход мировой борьбы. Решение вопроса внутренней и внешней политики после ликвидации войны будет зависеть не только от количественного соотношения каждой страны, но и от понимания различными классами совершающихся событий и от той роли, которую каждый из них в соответствии с своим пониманием играл в этих событиях. Активное участие различных общественных элементов и организаций в этой борьбе неизбежно столкнется с реакцией.

«Может ли российская с.-д. оставаться безучастной перед этими грандиозными событиями, исход которых должен на много лет определить мировую историю? Конечно, нет.

«И в мировых событиях теперь, и в борьбе с реакцией после войны громадная роль принадлежит и будет принадлежать рабочему классу—и вследствие его численности и благодаря его организованности. Но пока он не сознает значения совершающихся событий, его роль пассивна. Только понимание всего громадного значения происходящей борьбы, что борьба идет за самосохранение, за облегчение пути к дальнейшему развитию европейского общества, его демократизации и самоопределению, а, следовательно, и облегчению классовой борьбы,—только такое

понимание может облегчить в дальнейшем борьбу рабочих за улучшение своего положения, за приобретение влиятельной роли в решении вопроса внутренней и внешней политики. Только занявши определенную вполне сознательную позицию и приняв деятельное участие в мировой борьбе, не распылится рабочий класс среди других классов общества, а составит самостоятельную силу, которая положит на чашу весов современного общества свое целостное организованное мнение, ибо борьба против германского империализма—лишь первый шаг по пути завоевания национального самоопределения и других требований демократии.

«Поэтому российская с.-д. в хаосе внешних событий должна занять немедленно свою определенную позицию, которая обусловливается особыми интересами рабочего класса, совпадающими с интересами всего человечества.

«Совершенно очевидно, с Германией надо бороться, ее необходимо победить. И это надо сказать без всяких колебаний. Но для с.-д. это не значит бороться против немецкого народа и еще менее против германского организованного рабочего класса. Вожди германской с.-д. всегда последовательно и мужественно боролись против империалистской политики своего правительства. Заявление одного из этих вождей в заседании рейхстага, вотировавшего правительству средства для ведения войны, не должно и не может лишить российской с.-д. спокойствия и самообладания. Это явление поразило российскую с.-д. тяжкой болью, но, отнесясь к нему спокойно и выжидательно, она попрежнему думает, что германский рабочий класс не хочет войны, в ней неповинен, что война эта чужда ему, чужда его интересам. Война против Германии для российской с.-д. означает войну против правящих классов Германской империи, против их мировой политики, против милитаризма, против врага свободных национальностей и широкой демократии—против постоянного и верного друга русского реакционного правительства. Поэтому российская с.-д. приветствует своих бельгийских и французских товарищей-социалистов, которые так мужественно приняли участие в этой обороне и, как представители широких рабочих классов, своим участием обратили ее в великую войну народов за освобождение. И российская с.-д., активно вмешавшись в события, с тем большей силой будет влиять на последующие события рука об руку с товарищами социалистами всего мира. По политическим условиям своей страны, она не имеет возможности принять участия в управление страной и в организации обороны, подобно своим бельгийским и французским товарищам. Но в пределах всех доступных ей средств она окажет содействие войне державам тройственного согласия, чтобы потом после войны иметь право и возможность принять влиятельное участие в установлении новых форм международной и своей внутренней жизни.

«Участвуя в войне, голосуя все необходимые для нее кредиты, российская с.-д. выставит следующие требования:

«1) Денежные тяготы войны возлагаются на плечи имущих классов путем введения прогрессивно-подоходного и поимущественного налога и других видов прямого обложения.

«2) Недопустимы дополнительные или новые косвенные налоги на предметы массового народного употребления.

«3) Новые налоги должны быть введены при...[1])

«4) Представители Государственной Думы участвуют во всех учреждениях, расходующих народные средства на войну.

«5) Так как все народности, населяющие Россию, проливают кровь за свободу и независимость общей родины, то они должны быть уравнены перед общим для всех равным законом.

«6) Приветствуя польский народ на заре его возможного национального возрождения, с.-д. в то же время требует восстановления конституции в Финляндии и предоставления всем национальностям, населяющим Россию, свободы культурно-национального развития.

«Верная своей программе, с.-д. с тем большей энергией будет настаивать на осуществлении своих требований, направленных к демократизации государственного строя, что лишь геройскими усилиями и неисчисленными жертвами народных масс Россия будет избавлена от нависшей над ней опасности».

Если в первой части первой резолюции мы и имеем некоторый марксистский анализ создавшегося положения, то последняя резолюция одно сплошное повторение газетных борзописцев «Русских Ведомостей», «Русского Слова» и других буржуазных газет. Настолько у авторов этой резолюции оказался общий язык с буржуазными трубадурами.

Голос большевиков звучал резким диссонансом в общем хоре голосов и к нему, кому ведать сим надлежало, весьма прислушивались. За меньшевиков можно было быть спокойным, другое дело большевики, за ними нужен был глаз и глаз.

Охранка так и делала, увеличив значительно состав своих осведомителей, она гонялась по пятам за каждым большевиком.

Как все это делалось, можно видеть хотя бы из справки по делу Николая Николаевича Яковлева [2]). 10-го сентября он едет из Москвы в Петроград и там он, согласно телеграммы начальника Московского охранного отделения, 11-го того же сентября, был встречен наружным наблюдением. Яковлев прибыл из Москвы в Петроград под наблюдением филеров названного отделения неизвестным, под кличкою наблюдения «Соус». По прибытию в Петроград, наблюдаемый остановился на жительстве в д. № 139, кв. 10 по Лиговской улице, где прописался по бессрочной паспортной книжке Стрелецкого волостного правления, Алексинского

---

[1]) Дальше неразборчиво.

[2]) Дело М. О. О. № 3, т. II, 1914 г. 13/X за № 23548.

уезда от 8 января 1913 года за № 28 на имя крестьянина деревни Кащеево, Стрелецкой волости, Алексинского уезда, Тульской губернии, Дмитрия Иванова Курбатова, 24 лет.

«Из телеграммы начальника Московского охранного отделения усматривается, что наблюдаемый под кличкою «Соус» есть в действительности бывший студент Московского университета, из московских мещан Николай Николаев Яковлев, 28 л., известный Департаменту Полиции, социал-демократ, в августе месяце сего года скрывшийся из-под надзора полиции из Нарымского края.

«Кроме того, названный начальник просил, в целях обеспечения особо-секретной агентуры вверенного ему отделения от провала, подвергнуть аресту наблюдаемого Яковлева лишь по истечении известного срока пребывания его в Петрограде, а при допросе Яковлева совершенно законспирировать источник сведений о нем и факт пребывания его в гор. Москве.

«Запрошенный о проверке паспортной книжки на имя Курбатова Алексинский уездный исправник уведомил телеграммой от 16 сентября, что означенный документ действительно был выдан Курбатову и выслан ему почтой по адресу: «Москва, типография «Культура», и что приметы и местопребывание Курбатова ему неизвестны.

«Наружным наблюдением за Яковлевым-Курбатовым было выяснено, что он проживает в доме № 39, кв. 10 по Лиговской улице, в одной комнате с сыном подполковника, бывшим студенто м Томского университета Валерианом Владимировичем Куйбышевым. 12-го и 16-го сентября Яковлев-Курбатов посетил дом № 21/19 по Гатчинской улице, но кого именно — осталось неустановленным. 15 сентября наблюдаемый заходил в дом № 46 по Литейному проспекту, на под'езд, где помещается Совет с'ездов по торговому и промысловому делу. 16-го сентября он посетил инженер-технолога бывшего студента Петроградского Технологического института Мовшу-Моисея Аронова—(Антонова) Лурье, 38 лет, проживающего в д. № 9, кв. 8, по Косому переулку. 17 сентября выхода наблюдаемого из дому филерами замечено не было.

«В ночь на 18 сентября было сделано распоряжение о производстве обыска и ареста Яковлева-Курбатова.

«Прибывший для обыска наряд полиции Яковлева не застал, а произведенным в его в вещах, а равно проживающего вместе с Яковлевым Валериана Куйбышева обыском ничего преступного обнаружено не было, найден лишь в кармане широкого пояса, принадлежащего, повидимому, Яковлеву, клочок бумаги с заметкой: «Яковлева Николая, он же Стариков», а также отобрана была паспортная книжка за № 28 на имя Курбатова. Оставленной в квартире полицейской засадой Яковлева арестовать не удалось, и произведенным по городу розыском он до сего времени не обнаружен. Повидимому, он скрылся из Петрограда, заметив за собой наблюдение еще до производства обыска у него на квар-

тире. Предположение это подтверждается и телеграммой начальника Московского охранного отделения от 22 сентября за № 289422, в коей названный начальник сообщил для сведения, что Яковлев обеспокоен учрежденным за ним в Петрограде наблюдением. Возможно, что провалу означенного наблюдения способствовал, главным образом, кто-либо из лиц, принадлежащих к составу домовой администрации того же дома, где проживал Яковлев, к коей пришлось обращаться 15 сентября полицейскому надзирателю отделения с целью установить, в какой именно квартире поселился наблюдаемый».

Об упомянутых выше Куйбышеве и Лурье в отделении имеются следующие сведения:

«Валериан Куйбышев разыскивался циркуляром Департамента Полиции от 7 апреля 1908 года за № 151004/22, на основании коего 11-го июля того же года был обыскан и арестован в Петрограде и 15-го июля препровожден в распоряжение томского губернатора, как скрывшийся из-под гласного надзора полиции из Каинского уезда. По сведениям начальника Томского губернского жандармского управления, Куйбышев в 1907 году являлся одним из главных руководителей и пропагандистов «военной организации при Томском комитете российской социал-демократической рабочей партии». В ноябре месяце 1910 года он при названном управлении привлекался к дознанию по 102 ст. Угол. Улож. по делу ликвидированной Нарымской группы российской социал-демократической рабочей партии, каковое дознание постановлением Томского губернского совещания было прекращено. В 1912 году Куйбышев в числе других при том же управлении был привлечен к дознанию по 121 ст. Угол. Улож. по делу о демонстрации, устроенной административно-ссыльными Нарымского края в г. Нарыме 18 апреля 1912 года. При разборе этого дела 27-го марта 1913 года в Томском окружном суде, Куйбышев по суду был оправдан, но прокурор Томского окружного суда на этот приговор подал протест. Из сообщения начальника Тамбовского губернского жандармского управления от 12-го июня 1913 года за № 14151 усматривается, что Куйбышев в 1913 году проживал в Тамбовском уезде и состоял под негласным наблюдением полиции, каковым наблюдением за Куйбышевым ничего предосудительного замечено не было.

«Кроме того, по совершенно секретному документу, относящемуся к марту месяцу 1908 года, Куйбышев, проживая в то воемя в Петрограде, известен был, как лицо, оказывавшее свое содействие партийным лицам, прибывавшим в столицу на жительство по нелегальным документам.

«Мовша Лурье в 1904 году, 13-го июля, был задержан полицейской засадой в квартире одного из лиц, арестованных в ликвидацию 11-го того же июля группы членов местной социал-демократической организации, при чем при задержании Лурье назвался лодзинским мещанином Лейбом Гольдбергом и пред'-

явил подложный паспорт на это имя. Переписка о Лурье и других лицах, арестованных в указанную ликвидацию, передана была в распоряжение начальника Петроградского губернского жандармского управления 30 июля 1904 года за № 11445, каковым управлением Лурье был привлечен к формальному дознанию, а затем отдан под особый надзор полиции. Чем окончилось это дело по отношению к Лурье—сведений в отделении не имеется. Кроме того, из сообщения начальника Петроградского губернского жандармского управления от 1 ноября 1904 года за № 16514 усматривается, что Лурье в 1903 году привлекался к дознанию при Екатеринославском губернском жандармском управлении и по освобождении из-под стражи 8-го мая 1903 года был отдан под особый надзор полиции. О дальнейшем направлении этого дела сведений нет»[1]).

Несмотря на столь тщательную слежку, большевики разворачивали работу и даже завязывали связь с другими городами. Так, в октябре восстановились связи с Самарской большевистской организацией.

Последней была доставлена в Москву листовка следующего содержания:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия».
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Переживаемый момент, когда все народы Европы стоят друг против друга с оружием в руках, когда ежедневно в грандиозных битвах гибнут десятки тысяч людей и когда в этой кровавой войне принимают участие миллионы наших товарищей, с.-д. всех стран требует исключительно серьезного к себе отношения со стороны рабочего класса. А между тем, до сих пор почти не было слышно нашего голоса. Это вынужденное молчание наше об'ясняется тем, что правящие классы всех стран, готовясь к этой войне и зная, что только в лице рабочих и с.-д. они имеют единственно убежденных противников затеянной ими мировой авантюры, поспешили принять все меры, чтобы наш голос в эту минуту не был услышан. С этой целью почти повсюду были закрыты все рабочие с.-д. газеты, общества и союзы, воспрещены всякие собрания, упразднена неприкосновенность переписки, введено военное положение и т. д. За буржуазною прессою осталась, таким образом, монополия выражать общественное мнение всего мира; и она принялась ревностно обрабатывать и фальсифицировать его, раздувая повсюду шовинизм, сея семена человеконенавистничества и вражды, предавая на каждом шагу интересы широких масс. По отношению к ним правительство и буржуазия прибегли к специальной политике лжи, провокации и подтасовки фактов. Выхватывая и тенден-

[1]) Дело М. О. О. № 3, т. II, 1914 г., 13/X за № 23548.

циозно раздувая отдельные факты, характеризующие отношение к войне отдельных социалистически-оппортунистических групп и лиц, либеральная пресса делает отсюда вывод о сочувственном якобы отношении к войне всей с.-д. С негодованием отвергая эту грязную клевету на рабочую партию, мы подчеркиваем свое отрицательное отношение к этой войне, как типичному проявлению империалистической политики правящих классов, и заявляем, что никакими ухищрениями и насилием правительству и буржуазии не удастся зажать рот рабочим организациям и заглушить подлинный голос рабочих масс.

«Оценивая создавшееся положение, исходя из основных принципов нашего миропонимания и стоя на-страже интересов трудящихся масс, мы считаем, что настоящая война является неизбежным последствием захватной политики капиталистических государств, вечно стремящихся к приобретению новых рынков и расширению своего экономического господства. Полным извращением правды является утверждение буржуазной прессы о том, что эта война ведется якобы во имя высших интересов культуры и прогресса для обеспечения свободы экономического и национального развития Европы и освобождения ее от гегемонии немецкого капитализма и милитаризма. На самом деле она ведется за утверждение путем милитаризма господства отдельных капиталистических групп на мировом рынке и эта узко-эгоистическая борьба не имеет ничего общего с идеалами демократической культуры. Рабочие и крестьянство вовлечено в эту борьбу правящими классами путем лжи, обмана, насилия. Правящие классы, пользуясь школами, церковью, печатью, воспитали в массах чувство шовинизма и, спекулируя на народном невежестве, опираясь на грубое насилие в лице постоянного войска и полиции, мобилизовали громадные армии и двинули их навстречу друг другу. Но эта политика грубого насилия, лжи и обмана не может затемнить классового сознания трудящихся. Пролетариат и широкие народные массы лишь в силу необходимости подчиняются игу милитаризма, сознавая, что только окончательная победа социализма положит конец милитаризму и авантюристской политике держав. Каков бы ни был исход войны, неизбежным последствием будет для всех вовлеченных в нее народов обнищание, голод, безработица и всякого рода эпидемии,—словом, полное разорение широких масс. Эта война со всеми ее последствиями прежде всего обрушится на рабочий класс и крестьянство, доставляющих в армию массу солдат и несущих все тяжести налогов. Толкая рабочих на братоубийственную бойню, буржуазия надеется поселить между ними рознь, ослабить международную солидарность трудящихся и отвлечь их внимание от прямых задач и общего врага международной буржуазии. За последние годы воинствующий империализм не раз уже вызывал острые международные конфликты и не раз уже народы Европы находились накануне мировой

войны. В отдельных случаях международному пролетариату дружными выступлениями удавалось повлиять на предотвращение войны, как это было, например, во время столкновения Германии и Англии по т. н. марокскому вопросу. В целях протеста против надвигавшейся опасности мировой войны был созван особый международный социалистический конгресс в Базеле в 1912 г. В августе н. г. должен был состояться международный социалистический конгресс в Вене, на котором предполагалось внести конкретные предложения о борьбе с милитаризмом и предотвращения евролейской войны всеми средствами. Но события опередили нас.

«Настоящая война, вскрывая язвы и противоречия капиталистического строя, в то же время открывает рабочим глаза на истинное положение вещей. Вызывая небывалый экономический кризис, эта война подкапывается под самые устои буржуазного общества и открывает рабочим новые виды в их борьбе за социализм. Учитывая все усилия переживаемого момента, Самарский комитет Р. С.-Д. Р. П. обращается с призывом ко всем партийным работникам и рабочим г. Самары принять деятельное участие в строительстве партийной работы. Необходимо прежде всего решительно отмежеваться от всех шовинистически настроенных либеральных групп и оппортунистических элементов, выдвигающих своим лозунгом борьбу с последствием войны (участие в работах городских и сельских попечительств и общеземской и общегородской организациях, участие в сборах пожертвований на нужды войны и помощь семьям запасных и т. д.). Всякая работа в этом направлении при современных условиях, облегчая правительству его задачу по призрению семей раненых и запасных, является в то же время прямой поддержкою ему в деле ведения этой кровавой войны, уносящей ежедневно тысячи пролетарских жизней и опустошающей целые страны. Мы не должны забывать, что правительство начало эту войну, не спросясь мнения народа и во вред самым насущным интересам его. Призывая к забвению внутренних распрей, в начале войны правительство имело в виду лишь ослабление и уничтожение либеральной оппозиции и революционного протеста народных масс и использование всех живых сил страны в целях своей кровавой авантюры. Этот призыв к обществу совпал с небывалым усилием и разгулом реакции во всей стране. Репрессии за последнее время не только продолжаются, но и усиливаются. Ежедневно происходят повсюду аресты и обыски. Закрываются все свободомыслящие газеты и журналы. Вся печать подвергнута предварительной жандармской и военной цензуре. В виду всего этого, мы должны сплотиться вокруг партийных организаций, готовясь к предстоящей борьбе, лозунгами которой является прекращение войны и свержение самодержавного правительства. Необходимо сейчас обратить особое внимание на усиление и развитие агитации и пропаганды применительно к условиям текущего мо-

мента. Мы должны развивать в широких массах правильный взгляд на текущие события, повсюду разоблачая патриотическую и либеральную ложь. Товарищи, перед нами громадные исторические задачи и ответственная тяжелая работа. И в ней нас не должны смущать ни условия ее, ни происки наших врагов, ни единичные случаи уклонения отдельных лиц и групп из нашей среды от правильного и верного пути пролетарской борьбы и выдержанной классовой политики. Вступайте в ряды партии, несите в массы пропаганду правды, указывайте ей на верный путь освобождения от кошмаров милитаризма и ига капитализма. Развивайте свои силы к предстоящей борьбе за прекращение войны, за свержение самодержавия, за демократическую республику. Долой войну! Да здравствует международная солидарность рабочих всего мира! Да здраствует международный социализм! Да здравствует Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия!

«Самарский Комитет Р. С.-Д. Р. П.».

ГЛАВА IV.

Революция, церковь и сектантство.—Дело толстовцев.—Воззвание „Наше открытое слово".—„О войне".—„Опомнитесь, люди братья!"—„К новобранцам". —Воззвание Ю. Мута.—„Милые братья и сестры".

Русское сектантство, известное своими отказами от военной службы как в мирное, так военное время, не могло не вызвать с началом войны опасения, что их пример заражающе может подействовать на всех окружающих. Кроме того, были и другие опасения. Еще в 1913 г. департамент полиции задался исследованием вопроса о том, насколько в вероучениях сектантов заключаются революционные лозунги, а в их действиях—угрожающие государственному и общественному порядку проявления. В этих целях 31 июля 1913 г. за № 102631 был разослан жандармским надзорам на местах соответствующий циркуляр. Поступившие в связи с этим циркуляром сведения, а также данные, представленные обер-прокурором святейшего синода и департамента духовных дел, привели департамент полиции к следующим выводам:

«Не подлежит сомнению, что между разрушительными стремлениями революционеров и колебаниями устоев господствующей в России православной церкви существует тесная связь, так как те и другие усилия в конечном результате направляются к единой силе—ниспровержению существующего в империи строя.

«Поэтому сектантство в России, об'единяющееся на почве враждебного отношения к православию, искони уже признается с государственной точки зрения явлением безусловно вредным, тем более, что сектантские массы вследствие своей косности обыкновенно не дают должного отпора вращающимся в их среде крайним элементам, которые в силу сего зачастую достигают руководящего положения в отдельных сектах и таким образом получают возможность прививать своим последователям социалистические воззрения и даже увлекать последних на путь активной противоправительственной деятельности.

«При наличии указанных условий и отчасти под влиянием рационалистических веяний современной религиозной мысли в некоторые сектантские лжеучения, из числа существующих

в России, проникли уже и, повидимому, прочно укоренились чисто революционные начала.

«Так, вероучению адвентистов, в основу коего положена идея полного отрицания всякой власти, присущи стремления анархизма; в духоборческом учении под влиянием Льва Толстого нашли себе практическое применение антимилитаризм, социализм и космополитизм; в вероучении штундистов резко проявляются социал-демократические тенденции.

«На ряду с этим надлежит отметить, что в возникших в Западной Европе и распространенных затем в России германскими проповедниками лжеучениях адвентистов и штундо-баптистов настолько сильно сказывается влияние Германии, что означенные секты, в особенности же баптистская, являются в сущности как бы рассадниками германизма в России.

«Такое направление баптистов тем более обращает на себя внимание, что последователи этой секты одновременно высказывают явно отрицательное отношение к России. Между прочим, они во время русско-японской войны не стеснялись открыто выражать пожелание русскому оружию поражения.

«Вместе с тем на состоявшихся за границей баптистских конгрессах русские представители этого сектантского лжеучения неоднократно провозглашали себя противниками существующего в Империи государственного строя, стремящимися к социальному перевороту и вдохновляющими рабочих на борьбу с правительством.

«В связи с столь враждебным отношением баптизма к русской государственности и приверженностью его к германизму надлежит особо отметить свойственную этому вероучению идею о недопустимости даже на войне действовать оружием против неприятеля. В виду того, что идея эта в корне подрывает всю систему государственной обороны, нельзя не признать, что баптизм, по условиям переживаемого ныне Россией момента, представляется одним из наиболее вредных сектантских учений».

Сообщая об этом местному жандармскому надзору департамент полиции писал [1]):

«В виду изложенного Департамент Полиции, согласно приказанию Г. Товарища Министра Внутренних Дел Свиты Его Величества Генерал-Майора Джунковского, просит Вас, приведя в известность имеющихся в наблюдаемом Вами районе сектантов вышеуказанных толков и особенно баптистов держать их на учете и установить наблюдение за их деятельностью, поскольку она является революционной, а по обнаружении с их стороны опасных для государственного порядка деяний, пресекать таковые имеющимися в Вашем распоряжении мерами, с доведением о сем до сведения Департамента».

---

[1]) Циркуляр департамента полиции от 7 марта 1915 г., № 167126.

Сектанты, как видите, беспокоили охранителей спокойствия и даже в сильной степени.

Все это и не могло быть иным. Можно было заранее знать, что разразившаяся в июне 1914 г. война не может найти среди них сочувствия.

«Идеологи войны,—пишет в своих воспоминаниях Вл. Булгаков,—сулили необычайный расцвет русскому государству, в случае успеха войны и поражения немецкого милитаризма. Но что могли значить эти посулы для людей, двигавшихся хотя бы и слабыми, неуверенными шагами за тем, кто сказал: «царство мое не от мира сего», для людей, из чьей среды к тому времени вышел уже не один десяток чистой и самоотверженной молодежи, отказывавшейся по религиозным убеждениям от военной службы и бестрепетно, в великом духовном напряжении, переносившей тяготы заключения в дисциплинарных батальонах и арестантских ротах?» [1])

Из числа сектантских процессов периода войны заслуживает особенного внимания процесс толстовцев, судившихся Московским Военно-Окружным Судом за составление и распространение воззвания против войны.

По этому делу были привлечены: сын чиновника Александр Архангельский, 27 лет; пот. поч. гр. Валентин Булгаков, 29 лет; кр. Василий Беспалов, 36 лет; пот. поч. гр. Рафаил-Вильгельм Буткевич, 23 лет; домашний учитель из кр. Камышинского уезда Иоганн Фридрих Граубергер, 57 лет; кр. Иван Гермякин, 24 лет; кр. Ян Демихович, 36 лет; мещ. Митрофан Дудченко, 48 лет; кр. Григорий Лещенко, 33 лет; доктор Душан Маковицкий, 48 лет (венгерский подданный); мещ. Александр Молочников, 19 лет; кр. Василий Некрасов, 31 года; кр. Александр Никитин-Хованский, 23 лет; кр. Иван Новиков, 46 лет; кр. Михаил Новиков, 44 лет; двор. Павел Олешкевич, 26 лет; кр. Клавдия Платонова, 22 лет; сын кандидата комерции пот. поч. гр. Сергей Попов, 28 лет; мещ. Лев Пульнер, 25 лет; мещ. Алексей Сергеенко; дочь дворянина Надежда Стрижева (рожденная Чекан), 42 лет; пот. поч. гр. сын священника Иван Трегубов, 57 лет; мещ. Александр Радин, 56 лет; мещ. Александр Радин, 18 лет; мещ. Алексей Радин, 19 лет; мещ. Мария Радина, 48 лет; мещ. Юлия Радина, 22 лет и мещ. Моисей Харас (Хорош) 18 лет.

Из них: Попов, Беспалов, Пульнер и Булгаков обвинялись в распространении особого воззвания с призывом к отказу от участия в войне, а остальные совместно с этими же лицами—в составлении и распространении подписанного всеми ими еще другого воззвания, которое было разослано в различные места ряду лиц. Все они были привлечены по разным пунктам 129 ст.

---

[1]) Вл. Булгаков „Опомнитесь, люди братья!“ изд. „Задруга“ 1922 г. стр. 19.

Уг. Ул. В отношении к Алексею Сергеенко следственное производство было приостановлено в виду того, что Сергеенко скрылся.

Из обвиняемых наиболее известной фигурой является д-р Душан Маковицкий, давний и близкий друг покойного Толстого и яснополянского дома. Как известно, Д. Маковицкий сопровождал Толстого во время его ухода из Ясной Поляны и оставался при великом старце до его последних минут. После смерти Толстого он уехал на время на родину, откуда вернулся снова в Россию и поселился на постоянное жительство в Ясной Поляне, желая быть ближе к могиле своего великого учителя и друга. В. Булгаков—бывший студент московского университета, он заменял в качестве секретаря Толстого, Н. Н. Гусева, когда последний был выслан в Вятскую губ. После смерти Толстого он остался жить в Ясной Поляне, будучи приглашен С. А. Толстой для разборки библиотеки и бумаг Толстого. Молочников служил бухгалтером в яснополянском потребительском обществе, Клавдия Платонова жила в Телятенках у Чертковых в качестве домашней портнихи. В том же имении проживал и Павел Олешкевич, вместе с Никитиным-Хованским. Иван Трегубов, проживающий постоянно в Петрограде, хорошо известен в толстовских и сектанских кругах. Он неоднократно выступал в печати со статьями в защиту сектантов и в частности много писал о трезвенниках. В начале был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого еще и Арвид Ернефельт, но, как потом выяснилось, он оказался финляндским уроженцем. Дело о нем было выделено и передано по подсудимости местному финляндскому суду.

Ернефельд постоянно живет в Финляндии. Он бывал в Ясной Поляне. Алексей Сергеенко, сын писателя Сергеенко, жил постоянно в имении Черткова.

Дело толстовцев наделало много шуму в административных и общественных кругах Тульской губ., где жило большинство подсудимых и где распространялись прежде всего воззвания толстовцев. На основании рассказов местных жителей и близких к привлеченным лиц удалось собрать фактический материал, рисующий общую картину дела в следующем виде. 24 октября в различных местах г. Тулы на заборах и телеграфных столбах было обнаружено четыре воззвания, которые начинались словами: «Милые братья и сестры». Каждое из этих воззваний, написанное на пишущей машине, имело подписи: «ваши братья Сергей Попов, Василий Беспалов и Лев Пульнер», а рядом с подписями был указан адрес составителей этого воззвания: «дер. Хмелевое, в 10 вер. от гор. Тулы». На другой день Сергей Попов был задержан при дер. Михайлове близ Тулы в тот момент, когда он прикрепил кнопками на заборе железо-прокатного завода одно из таких воззваний и хотел уйти. Около воззвания собралась группа рабочих, которые, прочитав воз-

звание, стали говорить, что «таких людей надо сажать». Проходивший мимо заведующий заводом Шиллингер бросился в погоню за Поповым с криком: «ребята, за мною, это шпион». Попова задержали, и он сознался, что развесил несколько таких же воззваний в Туле.

С. Попов—тип совершенно опростившегося толстовца, в лаптях и онучах. Около деревни Хмелевой он вырыл себе землянку, в которой и жил все время. Из подписавших воззвание был арестован на другой день при обыске на хуторе Соломахина при дер. Хмелевой в землянке еще Лев Пульнер. Воззвание «Милые братья и сестры» написал, по его собственному признанию, Попов, а переписал его в 20 экземплярах в Ясной Поляне на машинке, принадлежащей гр. С. А. Толстой, В. Булгаков. Из этих 20 экземпляров 17 были развешены в Туле. Василий Беспалов был задержан через месяц в Пензенской губ. 28-го октября в Ясной Поляне в помещении, занимаемом Булгаковым, был произведен обыск. Во время ареста Пульнера на хуторе Соломахина там же был задержан мещ. М. Харас (он же Хорош), у которого было найдено кроме воззвания «Милые братья и сестры!», еще другое воззвание под заглавием «Опомнитесь, люди братья!» с 23 подписями последователей толстовского учения. В этом воззвании, также направленном против войны, имелась фраза, в которой говорилось об ослеплении, до которого дошли представители всех умственных течений и всех политических партий от самых «правых до левых, до социалистов и анархистов включительно». Под этим воззванием были подписи: Булгакова, Трегубова, Дудченко, Грауберга, Н. Стрижовой, Маковицкого, Сергеенко, Олешкевича, Лещенко, Никитина-Хованского, Молочникова, Платоновой, Хороша, Пилецкого, Попова, Некрасова, Ернефельд, Архангельского, Заводовского, Новикова Михаила, Новикова Ивана, Гермякина.

Как передавали близкие Булгакова, переписывая воззвание «Милые братья и сестры», он высказался против его распространения путем вывешивания на столбах и заборах. Другое же воззвание, составленное им лично, он разослал в закрытых конвертах некоторым из своих личных знакомых и друзей. Все вышеназванные лица к революционным и противоправительственным партиям не принадлежали, считают себя лишь последователями Христова учения. Характерно, что со стороны большинства толстовцев и живших в Ясной Поляне распространение воззваний не встретило сочувствия. Один из них писал даже Харасу: «Прошу тебя таких воззваний не присылать, оно полно неведения. Из любви к истине и людям передавать я его никому не могу». Гр. С. А. Толстая писала, между прочим, матери Булгакова, указывая на невозможность распространения такого рода воззваний, так как война неизбежна и патриотический дух в народе очень высок».

В связи с делом толстовцев в ноябре 1914 года был произведен обыск на хуторе Водопад близ Пятигорска у Якова Чети и в марте текущего года у мещ. Каневского в станице Абинской, Кубанской области. У Каневского найден был один экземпляр воззвания, присланный ему для подписи. Очевидно это воззвание побывало, переданное Каневским, в чьих-то руках, так как на нем оказалась чрезвычайно характерная приписка: «Дорогой Станислав Казимирович. Чепуха. Сумасшествие. Не подписывайте. Пути Господни неисповедимы. Это они подливают в огонь масло. Будьте как Костя; живите внутренней жизнью. Но все эти прокламации сожгите. Христос не писал прокламаций. Это заблуждение, отвергая приобретения «культуры», технику и способы, сами ею пользуются для того, чтобы кроме страшного пожара, уже существующего, разжечь внутренний, при чем подло, путем подпольной литературы. Христос проповедывал в храме, на улицах, не скрывался и войн не касался. «Отдайте Кесарево Кесареви, а Божие Богови». Ваш А. Карпенко. P. S. С этой подписью можете вернуть листок. Грустно. Это похоже на начало 1905 года. Если бы эти знали немножечко больше, то так подло бы не поступили».

Чтобы определить отношение некоторых из привлеченных толстовцев к войне, интересно указать на то, что М. Новиков был решительным противником публичного распространения воззвания и заявил, что он сознает необходимость войны. М. Новиков жертвовал на нужды войны неоднократно и даже обратился к тульскому губернатору с письменным заявлением, в котором писал о лучшем способе сбора пожертвований для нужд войны. Толстовцы, как видно, рассчитывали напечатать это воззвание в Швейцарии, где проживает в настоящее время П. Бирюков. Многие из подписавших воззвание определенно указывали, что, подписывая его, они отнюдь не имели в виду, что оно будет распространено, считая важным это воззвание лишь для взаимного об'единения единомышленников, для установления более прочного взгляда среди них на войну. Между прочим, будет ли распростронено это воззвание, этого не знал и д-р Маковицкий.

Старик Граубергер в 1913 г. после вегетарианского с'езда приезжал из Москвы в Телятенки и на могилу Толстого вместе с Дудченко, Булгаковым и другими толстовцами. Черткова он знает с 1896 г. и хорошо был знаком с другими видными толстовцами. Дудченко ответил отказом подписать воззвание, и подпись его, очевидно, появилась по ошибке. Дудченко еще до этого дела был выслан из Полтавской губернии.

Иван Трегубов неоднократно подчеркивал в своих беседах с толстовцами, что во время войны всеми христианскими народами, особенно немцами попрано и забыто учение Христа. Со слов И. Трегубова передают следующий рассказ. Незадолго до ареста он обратился к единомышленникам с указанием на

необходимость выразить протест против войны, а в результате группой толстовцев было выпущено воззвание «Наше открытое слово». И. Трегубову показался этот протест слабым, и он попытался составить другое воззвание, которое, однако, было забраковано его друзьями. Тогда И. Трегубов отправился в Ясную Поляну помолиться богу у могилы Толстого. По его словам, совершилось нечто чудесное. Возвращаясь с могилы, он зашел к Булгакову, который перед этим еще отрицательно относился к предложению о выпуске коллективного воззвания. Булгаков сказал ему неожиданно: «Пока вы молились на могиле, я написал воззвание». Это сильно удивило И. Трегубова, которому воззвание очень понравилось. И. Трегубов так же считал, что воззвание должно быть распространено только среди единомышленников скорее для собирания подписей и отзыва об этом воззвании. Булгаков, как он раз'яснял затем своим близким, не считал свое воззвание призывом к неучастию в войне и отнюдь не стремился к пропаганде среди населения. Подписавшие воззвание не желали,—как он рассказывал,— ни останавливать войны, ни помешать ее успехам, ни вызвать отказа от воинской повинности.

По отношению к Попову и Беспалову возникло еще новое дело уже во время их содержания в тульской губернской тюрьме. Попов и Беспалов говорили среди арестованных против войны и передавали заключенным записки такого же содержания.

Что заставило этих «не от мира сего» поднять голос протеста? Об этом рассказал М. С. Дудченко.

„Еще до вступления России в войну, при самом зарождении враждебного конфликта между Австрией и Сербией, Дудченко случилось проходить по одной из полтавских улиц. При этом он неожиданно наткнулся на «патриотическую» манифестацию.

«Глядя на безобразное, по его характеристике, зрелище, Дудченко подумал:

— Вот—одно из верных средств для разжигания страстей и источник, приводящий к войне!

«Ему захотелось что-нибудь противопоставить влиянию манифестации и вообще разгоравшемуся со дня на день воинственному одурению людей. Но что же можно было сделать? Дудченко решил, что надо воспользоваться печатным словом— газетами.

«Увлеченный этой мыслью, он забросил текущие сельскохозяйственные работы на хуторе и принялся ходить по редакциям полтавских газет, предлагая им напечатать следующее, составленное им заявление:

«Я, нижеподписавшийся, во имя требований своего христианского сознания и требований своего сердца, содрогающегося от всякого насилия и убийства, считаю своей нравственной обязанностью выразить перед лицом мыслящих людей всего

мира свое искреннее возмущение и порицание происходящей теперь братоубийственной войне, как тому ужасному нечеловеческому делу, которое не только противоречит христианству, исповедуемому нами, но по своей неразумности и жестокости ставит человека воистину ниже уровня всяких зверей».

М. С. Дудченко обращался с просьбой о напечатании этого заявления к редакциям всех газет—правых и левых. Нетрудно было ожидать, что везде просьбы его встречались отказом. И только редакция официозного «Полтавского Вестника» предложила Дудченко любопытную комбинацию: она соглашалась напечатать заявление, но... с маленьким изменением, именно, чтобы было указано, как на виновников войны, на Австрию и Германию, по адресу которых и отнесены были бы тогда протестующие выражения заявления (или «телеграммы», как почему-то называл свое заявление Дудченко). Нечего и говорить, что старый «толстовец» отказался от любезности «Полтавского Вестника», обусловленной подобного рода изменением текста заявления.

«Таким образом, попытка опубликовать заявление в газетах потерпела неудачу» [1]).

Не имея возможности выступить в легальной печати, он потом выступил нелегально, написав другое свое воззвание «Наше открытое слово».

В сентябре 1914 г. Дудченко, посылая это воззвание в Телятенки на имя Вал. Булгакова, писал:

«Посылаю тебе и твоим друзьям «Наше открытое слово». которое в несколько иной, первоначальной редакции (телеграммы) циркулировало уже давно и не вызвало, к сожалению, никакого отголоска в вашей среде. Надеюсь теперь, что ты и многие другие, придающие цену всякой открытости, присоединитесь к этому заявлению и сделаете все, что возможно, для его распространения,—не для пропаганды, а для распространения среди тех, кому будет приятно участвовать в нем. Составлено оно, кажется, так, что в нем нет внешнего или агитаторского тона, и поэтому подпишутся там только те люди, у которых «от избытка будут говорить уста». Я, с своей стороны, отправляю это слово во все места земли русской и кой-куда за границу. Хорошо бы отправить и в лучшие газеты. Пишите немедля».

Уже в этом письме видно противоречие в определении Дудченко цели соответственного им заявления,—то противоречие, которое впоследствии так ярко выступило во всех его показаниях на судебном следствии по поводу участия его в другом воззвании—«Опомнитесь, люди братья!». Из этого противоречия Дудченко никак не мог выпутаться до самого окончания «дела толстовцев». С одной стороны, указывается, что заявле-

---

[1]) Вал. Булгаков „Опомнитесь, люди братья!“ стр. 24—25.

ние предназначается «не для пропаганды, а для распространения среди тех, кому будет приятно участвовать в нем», т.-е., очевидно, для распространения среди более или менее единомышленных кругов; с другой—«отправляю это слово во все места земли русской и кой-куда за границу, хорошо бы отправить и в лучшие газеты».

«Казалось бы, что вообще всякие воззвания, заявления и обращения пишутся именно для того, чтобы затем быть распространенными. Очевидно, в этом отношении не должно было составить исключения и «Наше открытое слово». Между тем, его инициатор и составитель, собираясь действительно широко распространить обращение, в то же время уверял, что оно предназначено не для пропаганды, а только для подписи тех, кому это «приятно». Неужели же одно только самоуслаждение подписывающих являлось целью и назначением обращения? Если так, то невелика была его цена.

«Так рассуждали мы,—писал Булгаков,—в Телятенках. Тем не менее, четверо из нас все-таки подписали заявление, имевшее в своей окончательной редакции следующий вид:

«НАШЕ ОТКРЫТОЕ СЛОВО».

„Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас".

(Евангел. от Матф., 5 гл.).

«Мы, нижеподписавшиеся, во имя требований своего христианского сознания и требований своего сердца, содрогающегося от всякого насилия и убийства, считаем своей нравственной обязанностью выразить перед лицом мыслящих людей всего мира свое искреннее возмущение и порицание происходящей теперь братоубийственной войне, как тому нечеловеческому делу, которое не только противоречит христианству, исповедуемому нами, но по своей неразумности и жестокости ставит человека воистину ниже зверей.

«Чувствуя свое участие и свою ответственность перед тем, что совершается вокруг нас, будем верны самим себе и тем заветам братства и любви, которые наилучшим образом выражены Иисусом Христом в притче о Милосердном Самарянине.

«И будем помнить, что истинное благо нашей собственной жизни, как и благо жизни всего человечества, не в борьбе и насилии, а только в одном том, чтобы мы поступали с другими так, как хотели бы, чтобы с нами поступали люди».

Под этим обращением стояли следующие подписи:

М. Дудченко, А. Валькенштейн, М. Эльберт, А. Иконников, Ф. Гаубергер, Е. Могила, И. Могила, М. Богданова, Д. Горький, И. Трегубов, С. Антонов, И. Новиков, И. Юдкин, М. Утев-

ский, И. Миндаль, Е. Дымшиц, Р. Ихенгольц, Илья Зун, Аркадий Манулам, И. Лейкин, Я. Этник, С. Манулам, П. Луценко, О. И. Нестроева, А. Альтшулер, А. Этлина, Б. Этлин, Т. Юдкин, Р. Штейнк, Э. Альтшулер, М. Зеликман, С. Миллер, С. Абрамов, Б. Дрейзина, К. Греков, Е. Задорожная, Ф. Репьях, Т. Понятовская, И. Дудченко, П. Балеев, В. Балеев, Е. Бондаренко, Н. Бочаров, С. Нижегородцев, Л. Дрейзин.

В Телятенках подписались: Ал. Молочников, Пав. Олешкевич, Алексей Сергеенко и Вал. Булгаков. Последним была сделана следующая приписка: «Свое отношение к ужасной, невероятной бойне, которой мы являемся свидетелями, я уже выразил в статье «О войне», разосланной в разные места, и потому, когда прочел настоящее обращение, поколебался было подписывать его. Но внутреннее чувство подсказало, что против так называемой войны нужно и можно кричать и протестовать не один и не два раза, а всюду и всегда, и во всех, не противоречащих совести, формах. Исходя из этого, присоединяю здесь и свою подпись».

Позже под воззванием появились подписи: Ольга Волькенштейн, П. Ивановская, А. Малышева, И. Перпер, М. Пудавов, Е. Плюревская, Г. Линденбер, В. Кисломед, Г. Дмитренко, А. Кирпиченко, П. Винниченко, В. Кравченко, М. И. Дудченко.

Упомянутая Булгаковым его статья «О войне» была им написана в начале сентября 1914 г. и между прочим послана в редакции «Русского Слова» и «Русских Ведомостей». Редакции, разумеется, их вернули обратно, а «Русское Слово» было столь любезно, что сопроводило запиской секретаря, в которой говорилось, что «редакция благодарит за присланную статью, но воспользоваться ею не имеет возможности» [1]).

Как же после этого было Булгакову не присоединить и свою подпись к протесту Дудченко?

Протестующим голосам негде было даже раздаться. Милитаристическая печать торжествовала и неистовствовала, и создалось такое впечатление, как будто, действительно, нет никого, решительно никого, кто стоит на противоположной точке зрения.

«В воздухе носилась ложь,—писал Булгаков,—грозившая затопить и уничтожить последние зародыши правды. При таких условиях полная пассивность и молчание людей, не поддававшихся гипнозу лжи, воспринимались душой как что-то оскорбляющее ее и уничтожающее человека. Если оставшаяся верной законам совести и разума мысль не находила выхода в свободном слове,—каким бы преследованиям ни подвергали за это тело человека,—на что же, в таком случае, нужна была и эта

---

[1]) После Февральской революции эта статья была напечатана В. А. Поссе в 4-й книге (май) журнала „Жизнь для всех“ за 1917 г.

мысль, и для чего вложены в человеческое существо совесть и разум?

«Мы мало протестуем против войны», сказал мне как-то один из молодых людей, работавших в доме Чертковых (Анатолий Медведев, ныне умерший). И он так сказал эти слова, что не надо было подробно раз'яснять их. И мой собрат по вере, и я одинаково сознавали в эту минуту, что что-то стыдное и грешное заключается в нашем положении, положении людей, всей душой отвергающих войну и молчащих об этом.

«Но до такой степени сильны были в «толстовстве» индивидуализм и предвзятость против всякой нарочитой пропаганды, в особенности же против каких бы то ни было действий скопом, что в первое время даже мысль о воззвании, да еще о совместном, никому из нас и в голову не приходила.

«Однако, таковы веления действительности и голос психологической закономерности, что когда В. Г. Чертков привез из Москвы копию с обвинительного акта по делу двух социал-демократов [1]), адвоката и его письмоводителя, обвинявшихся в составлении воззвания против войны,—мы все, группировавшиеся вокруг Телятенок, с величайшим интересом отнеслись к этому документу, полученному Чертковым от защитника подсудимых Н. К. Муравьева. Правда, революционный тон социал-демократического воззвания и в особенности кроваво-крикливые лозунги, которыми оно заканчивалось, были совершенно чужды нам, напоминая ту же воинствующую против немцев печать, но самая попытка протестовать, так или иначе, против войны вызвала во всех нас глубокое сочувствие»[2]).

Что же касается статьи Булгакова «О войне», то в ней он писал: «На войну возможны два взгляда. Один—тех, кто на историю существования человечества смотрит как на бесконечный ряд постоянно возобновляющихся и сменяющихся механических передвижений народов и перегруппировок сил. Мотивы этих передвижений и двигатели перегруппировок, по большей части—корысть, т.-е. стремление к территориальным захватам или завоеванию торговых рынков, династические интересы, неестественно взвинченное национальное самолюбие, редко—дела вероисповедные и почти никогда—побуждения человеколюбия: освобождение рабов, защита слабых. Для представителей такого миропонимания дело войны есть дело простого арифметического расчета: соображения о возможных выигрыше и проигрыше, сравнения их и в результате сравнения соответствующих действий. Тысячи людей жертвуются без всякой сентиментальности, когда арифметический расчет,—сделанный правильно или нет, все равно,—показывает, что приносимая жертва стоит ожидаемой прибыли. Несчастных убитых не спрашивают, ве-

---

[1]) Дело А. Сольц.

[2]) Вал. Булгаков „Опомнитесь, люди братья", стр. 22—23.

лико ли было их желание умирать. А если бы решили спрашивать, то, право, это бы не значило, что ответами на самом деле интересуются. Нет, при арифметическом расчете, двигающем войну, солдаты—это пушечное мясо.

«Другой взгляд принадлежит тем, для кого история человечества есть история нравственного прогресса человеческой души и, вместе с тем, человеческих отношений. Они глядят не сверху и не снаружи на жизнь человеческую, а изнутри. Их точка зрения — религиозная — не выдуманная какая-нибудь, а извечно присущая человеку и лишь временно могущая быть заглушенной в нем. Согласно этой точке зрения, люди—братья, как носители единого божественного начала, душа у всех одна и та же. Идеал человеческих отношений—взаимная любовь, такая, как будто все—самые кровно близкие. Для людей, так верующих, война, убийство человека себе подобного составляет низшую степень падения и греховности—все равно, чем бы убийство ни было взыскано. Убийство для человека всегда—возвращение к животному состоянию: когда для решения спора в ход пускаются клыки, не может быть речи о духовности. Поэтому-то для души человеческой, поднявшейся на свойственную ей высоту, становится неприемлемым, невозможным убийство, все равно—ради какой бы то ни было цели, не говоря уже о грубой цели — корысти, о фальшивых и призрачных в существе своем целях националистических и вероисповедных и тем более о соображениях династического характера, уже отмирающих в современных войнах...

«Вопросы пользы, вопросы арифметического расчета не могут иметь никакого отношения к суждению о человеческой жизни. Всякая жизнь,—хотя бы самая скверная и злая,—драгоценность уже потомутолько, что она—ж и з н ь, жизнь, данная тому, кто имеет, не нами, но высшей волей и потому не могущая быть нами отнятой».

Вслед за этой статьей в конце сентября (28) им же по инициативе Трегубова была написана уже более крамольная вещь, это воззвание «Опомнитесь, люди братья!».

Текст этого воззвания был следующий:

«Опомнитесь, люди братья! Совершается страшное дело. Сотни тысяч, миллионы людей, как звери, набросились друг на друга, натравленные своими руководителями, во исполнение предписания которых они на пространстве почти всей Европы, забыв свое подобие и образ Божий, колют, режут, стреляют, ранят и добивают своих братьев, одаренных, как и они, способностью любви, разумом и добротой.

«Весь образованный мир, в лице представителей всех умственных течений и всех политических партий, от самых правых до самых левых, до социалистов и анархистов включительно, дошел до такого невероятного ослепления, что назы-

вает эту ужасную человеческую бойню «священной», «освободительной» войной и призывает людей положить свою жизнь... за что?—за какие-то призрачные идеалы «освобождения», забывая, что истинная свобода—только свобода внутренняя и что, наконец, никто не мешал правительствам дать до войны и без войны угнетаемым ими народам хотя бы ту внешнюю свободу, которая теперь якобы завоевывается ценой преступного пролития крови.

«Мечтают о разоружении, которое будто бы должна принести война. Братья, не верьте этому! Ведь разоружить народы—значит для современных правительств то же самое, что уничтожить самих себя, потому что эти правительства держатся только благодаря государственному насилию и не пользуются свободным доверием своих народов. Как же могут они отбросить свою единственную опору—солдатский штык?!

«Разоружения не может быть и войны не прекратятся, пока человек внутренно не переработает себя и пока он из сердца своего не вытравит животного стремления насилием упрочивать свое внешнее положение в мире, вырывая у ближних своих их хлеб, их достояние, их труд. Наши враги не немцы, а для немцев враги не русские и не французы. Общий враг для всех нас, к какой бы национальности мы ни принадлежали, это зверь в нас самих.

«Никогда так ясно не подтверждалась эта истина, как теперь, когда упоенные и непомерно гордые своей ложной наукой, внешней культурой и машинной цивилизацией люди XX века вдруг обнаружили истинную ступень своего развития: эта ступень оказалась не выше той, на которой предки наши стояли во время Атиллы и Чингис-хана.

«Бесконечно горько сознавать, что 2.000 лет христианства прошли почти бесследно для людей. Но это понятно, потому что христианство в корне извращено, низведено с его высоты и лишено своей великой, умягчающей души жизненной силы пастырями всех церквей, ныне кощунственно благославляющими людей на убийство, осеняя их крестом с изображением распятого Христа.

«Опомнитесь же, братья люди, опомнитесь, сыны Божии! Из глубины своих сердец, страдающих и потрясенных кошмарным ужасом происходящего, обращаемся к вам: вспомните, что вы—братья! Подайте друг другу руки! На Божьей земле найдется место всем для мирной, братской жизни и мирного, любовного развития.

«Вспомните божественную, святую заповедь Христа, обращенную к нам—и к русским, и к французам, и к немцам, и к сербам, и к англичанам, и к японцам, и ко всем, кто хранит образ его в сердце: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших,

благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Мы, подписывая наше обращение, заявляем, что не на стороне войны, убийства и всякого насилия наши сердца и умы, а на стороне вечной правды-истины, которая в том, чтобы служить Христовой заповеди любви ко всем людям и оставаться верными Божеской заповеди: не убий!».

Подписали воззвание: В. Ф. Булгаков (Ясная Поляна, Тульской губ.), И. М. Трегубов (Петербург), М. С. Дудченко (Полтава), Ф. Х. Граубергер (Федоровка, Полтавской г.), Н. М. Стрижова, Е. П. Нечаева (Нежин, Черниговской г.), Д. П. Маковицкий (Ясная Поляна, Тульской г.), А. П. Сергеенко, П. Н. Олешкевич, А. Е. Никитин-Хованский (Телятенки, Тульской г.), А. В. Молочников (Ясная Поляна, Тульской г.), К. Д. Платонова (Телятенки, Тульской губ.), В. Д. Тверитин (Тобольск), М. И. Хорош (Хмелевое, Тульской г.), Р. А. Буткевич (Русаново, Тульской губ.), А. Пилецкий (Конотоп, Черниговской губ.), С. Попов (Хмелевое, Тульской г.), В. П. Некрасов (Кривское, Новгородской г.), А. А. Ернефельт (Вирбю, Финляндия), А. В. Архангельский, И. В. Завадовский (Тюмень, Тобольской губ.), М. П. Новиков, И. П. Новиков, И. М. Гремякин (Боровково, Тульской г.), А. И. Радин, М. С. Радина, Ю. А. Радина, Ал-др А. Радин, Алс. А. Радин (Ильюшевка, Воронежской губ.), А. И. Иконников, Ф. Дубин (Орелька, Екатеринославской губ.), В. Е. Крашенинников (Москва), В. И. Беспалов (Богородское-Голицыно, Пензенской г.), Л. Н. Пульнер (Хмелевое, Тульской губ.), И. С. Мельников (Мясново, Тульской губ.), А. Чехольский (Полтава), Я. Л. Демихович (Киев), П. М. Ледерле (Меглецы, Новгородск. г.), В. Кеберле (Петербург), З. И. Лобков (Тюмень, Тобольской г.), Н. И. Ефремов (Воронеж), Х. Досев (Майкоп, Кубанской обл.).

Всего 42 человека, распределяющихся по местожительству следующим образом: Тульская г.—15 человек, Воронежская г.—6 чел., Тобольская г.—4 чел., Полтавская и Черниговская г.—по 3 чел, г. Петербург, Екатеринославская и Новгородская г.—по 2 чел., г. Киев, г. Москва, Кубанская обл., Пензенская губ. и Финляндия—по 1 человеку.

Небезынтересны показания некоторых обвиняемых, данные ими на предварительном следствии; так, 11—24 июня 1915 г. И. М. Трегубов заявил: «Когда разразилась эта ужасная война, которая показала нам, как ничто более, что учение Христа действительно забыто и попрано почти всеми так называемыми «христианскими» народами, то мы, как христиане, не могли оставаться равнодушными зрителями этого еще никогда небывалого попрания учения Христа самими же христианами, особенно немцами, изготовляющими орудия страшной, дьявольской разрушительной силы с кощунственной на них надписью: «С Божьей помощью», и мы сочли своим христианским долгом возвысить свой голос и крикнуть из глубины души, потрясен-

ной всем этим: «Опомнитесь, люди братья»! И мы, по какому-то наитию свыше, почти не сговариваясь друг с другом, почувствовали, что надо протестовать против этих ужасов, и стали выпускать воззвания против войны в разных местах России».

«Ф. Х. Граубергер (род. в 1857 г.), один из наиболее старинных и преданных последователей Л. Н. Толстого, бывший народный учитель, а затем специалист по садоводству, на допросе по поводу обстоятельств появления его подписи под воззванием «Опомнитесь, люди братья!», показал, что «подписал это воззвание, по его выходе, будучи согласен с сущностью этого воззвания, т.-е. призывом к миру и согласию... Но подписал его не лично, а лишь дал согласие на помещение своей подписи через товарища, передавшего об этом согласии Булгакову».

Подробнее Ф. Х. Граубергер мотивировал свое присоединение к воззванию на суде. Он говорил:

«С того времени, как я сделался человеком религиозным и понял учение Христа в его истинном значении, я убедился, что убийство и война составляют грех против закона Божьего. С тех пор я не раз открыто протестовал против всякого насилия,— между прочим, на публичных диспутах в церквах со священниками. Так как войну я считаю насилием, и притом одной из самых высших форм насилия, то я решил, когда возникла война, протестовать против войны и стал говорить, где можно, о грехе убийства на войне и участия в войне. Встретившись с И. М. Трегубовым, я стал развивать перед ним тот взгляд, что война несовместима с нашими христианскими убеждениями и что нам следовало бы открыто протестовать против нее. Иван Михайлович согласился и сказал: «если можно, то составьте воззвание или «заявление веры», в котором протест против войны был бы выражен так, чтобы он мог об'единить всех тех, кто считает своей потребностью протестовать против войны»... Случилось, однако, так, что Иван Михайлович сам, прежде меня, составил очень пространное воззвание против войны, которое при встрече прочитал мне и спросил, какого я о нем мнения. Он тут же сообщил мне, что предполагает собрать подписи под воззванием и затем отпечатать его за границей на четырех языках, после чего распространять как за границей, так и в России. Я нашел это совершенно основательным и целесообразным и дал свое согласие, чтобы он поместил мою подпись. После оказалось, что опубликовано было не воззвание Трегубова, а воззвание «Опомнитесь, люди братья!», составленное Булгаковым. Так как в этом воззвании я видел протест против войны, а кроме того, увидел в нем и призыв опомниться, призыв к миру, то я вдвойне присоединился к нему».

Народная учительница, дочь помещика Черниговской губ., Н. М. Стрижова (рожд. Чекан, род. в 1873 г.), вместе с своей приятельницей и единомышленницей, вдовой петербургского купца

Е. П. Нечаевой (рожд. Калининской, род. в 1860 г.), проживала в Нежине, Черниговской губ., когда разразилась война. Известие об открытии военных действий потрясло одинаково как Стрижову, так и Нечаеву. Они видели, что совершается что-то ужасное, недопустимое не только в христианском, но и в «самом наиязыческом обществе», как выражалась после Нечаева. Обеим казалось, что надо что-то предпринять, чтобы помешать ужасному делу или, по крайней мере, протестовать против него, говорить, кричать на улице, выпустить воззвание против войны и начать распространять его... И вот, как бы ответом на их «душевное мучение» получается письмо из Полтавы, от Ф. Х. Граубергера, который сообщает, что предполагается опубликовать воззвание против войны, и спрашивает, не согласятся ли они присоединить к этому воззванию свои голоса.

Между тем, Е. П. Нечаева и И. М. Стрижова как раз прочитали в газетах о том, что все выступления против войны будут «караться по законам военного времени». Они не были искушены в тонкостях военной юрисдикции, и для них такая постановка вопроса обозначала: будут казнить. Тем не менее, «боль за совершающее беззаконие» была так велика, что обе, не колеблясь, тотчас же ответили на письмо Граубергера своим согласием на присоединение их подписей к воззванию.

На суде И. М. Стрижова так говорила о мотивах подписания ею воззвания:

«Еще японская война ужаснула меня. Ужас этот увеличился, когда вспыхнуло нынешнее взаимоистребление народов. Узнав из письма приятеля, что среди друзей готовится протест против войны, я с радостью послала свою подпись.

«Девятнадцать веков тому назад великий учитель принес на землю благую весть. Христос открыл людям вечный благой закон бога, нашего небесного отца, призывающего всех чад своих к взаимной любви и общему благу... Но закон Христа столкнулся с государственными законами его страны. И государственные законы Иудеи осудили Христа на смерть. В течение первых трех столетий людей, признавших учение Христа и распространявших его, преследовали, гнали и казнили язычники. С IV века преследование таких людей взяли в свои руки государственные законы христианских государств, принявших из учения Христа одно название. Девятнадцать веков идет борьба между законом Христа и государственными законами. Но закон Христа должен победить, потому что Христос сказал: «Я победил мир»!..

«Государственные законы временны и непостоянны. Мы видим, как они изменяются на наших глазах за последнее время и не только в одном государстве России. 10 лет тому назад японцы признавались этими законами нашими врагами, и русские люди призывались убивать и калечить японцев. Теперь этими же законами японцы об'явлены нашими друзьями и вместе с рус-

скими призываются калечить и убивать австрийцев и немцев, которых 100 лет тому назад мы защищали от французов, наших нынешних союзников. Закон же Христа—вечный, незыблемый закон Бога. Вечное царство мира должно наступить на земле... Для скорейшего наступления этого царства мира путь один, это—путь, указанный Христом и его апостолами: распространение истины».

Далее, на вопрос председателя, не предполагала ли она, что воззвание может вызвать отказы от воинской повинности, Стрижова ответила:

«Если бы я узнала, что человек, готовившийся итти на войну, прочтя воззвание, отказался бы итти, я считала бы себя счастливой!»

А. Е. Никитский-Хованский в особой записке для защитника писал: «Народ не хочет войны с самого его начала. Это станет ясно, если имеешь непосредственное общение с народом. Что бы ни кричали о всеобщем народном патриотизме (в газетах) и что бы ни говорили разные ученые и неученые экономисты о конечных благах этой «священной войны», народ уверен,—уверен своим долгими веками накопленным чувством,—что война, не говоря уже об армии калек, сирот и вдов, на долгие годы расстроенным народном хозяйством, — кроме еще более тяжелой жизни для народа, ничего принести не может.

«Все сражающиеся рвутся к своим оставленным хатам, полям и к своей честной общеполезной трудовой жизни, и весь честно трудящийся народ ждет - не - дождется ее скорейшего прекращения.

«И среди этого ли народа распространять воззвание о неучастии в войне? Говорить и желать ему то, что он лучше нас и давно знает и желает себе испокон веков!..

«У каждого «серого героя» (как у нас прославляет их натравляющая, пишущая в газетах интеллигенция) из рода в род передается более понятное для них, чем это выражено в протесте «Опомнитесь, люди братья!», великое чувство уважения к жизни другого. И если бы не хитрое усыпление правительством и церковью народного сознания (водка, темнота, ложное толкование христианской религии), никогда бы не пошел он на такое дело, как убийство».

М. И. Хорош в письме на имя прис. пов. Н. К. Муравьева от 11 января 1916 г. писал: «Я был крайне возмущен передовой печатью, литераторами, публицистами, писателями, которые стали выражать сочувствие войне, когда в мирное время они разглагольствовали о морали, о нравственности. И вот, читая воззвание, я ясно почувствовал, что оно очень кстати: необходимо сказать, что есть такие, которые не с ними; что исповедуемая всеми воюющими державами религия в корне своем против войны, что только неверующий в живого бога любви и

мира может поддерживать войну. Я подписал воззвание, разделяя душою и разумом все в нем сказанное».

Вслед за воззванием «Опомнитесь, люди братья!» 23 октября в уездном городе Крапивне появилось воззвание сына местного акцизного чиновника Юрия Мут. Автор воззвания был безусый юноша, не старше 20 лет, с длинными волосами, в пенсне, увлеченный взглядами Толстого. Его поступок был крик наболевшего сердца и голос христианского сознания, возмущенного неправдой и жестокостью творившегося. В этом воззвании говорилось о двух законах, руководящих жизнью людей: государственном законе, или законе насилия, и религиозном законе, законе любви; о преступности и лживости первого и инстинности второго. Указывалось на необходимость подчинения единственно религиозному закону, закону любви, выраженному Христом в Евангелии, но затем извращенному духовенством. Раз'яснялась вся фальшь и недальновидность идеалистического оправдания войны. Солдаты прямо призывались к отказам от военной службы. «Сегодня нас заставят убивать немцев, а завтра прикажут расстреливать ваших же отцов и братьев, и вы так же безропотно должны будете покориться этому приказанию!», говорилось в воззвании.

Воззвание носило заглавие «К новобранцам» и было сознательно приноровлено Мутом ко времени происходившего в Крапивне призыва новобранцев. Все это, с юридической точки зрения, должно было впоследствии чрезвычайно отяготить вину Мута перед судом. Но, конечно, молодой человек и не думал об этом.

Дело Мута разбиралось в Туле выездной сессией Московской Судебной Палаты осенью 1915 г. Суд признал Ю. Ю. Мута виновным по 5 п. I ч. 129 ст. Уг. Улож., и приговорил его к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение.

Воззвание Мута послужило непосредственным толчком для составления другого, получившего большую известность воззвания Сергея Попова, который, по примеру Мута, избрал тот же способ распространения — открытое развешивание по городу. С. Попов давно хотел открыто выступить против войны, но не знал как это сделать, пример Мута научил его.

«В самом деле, решил Сережа,—читаем мы в воспоминаниях Вал. Булгакова [1]),—ведь я могу не только в деревнях говорить об истинном благе, но написать воззвание и развесить его в городе, где много людей. Ко мне в землянку приходят понемногу, а если я изложу письменно свои мысли и вывешу их на людной улице в городе, то я могу сразу сообщить их многим людям...» Немедля задуманное было осуществлено 24/X 1914 г. При участии Василия Беспалова и Льва Пульнера Поповым было составлено следующее воззвание:

---

[1]) См. стр. 108.

«*Милые братья и сестры!* Наш общий дух, дух Божий, побуждает нас обратиться к вам. Опомнитесь, одумайтесь, проснитесь от ужасной греховной жизни, от ужасной ложной веры в то, что насилие и убийство дозволено, что оно может быть даже благодетельно. Проснитесь от ужасного военного кошмара! Все люди мира—братья и сестры, проявление той Высшей Силы, которая дает жизнь всему, без нее ничего бы не было. Дух Божий один и тот же во всех людях. Откажитесь от войны, пожалейте, не убивайте друг друга! Те, кого вы называете врагами,—дети того же Бога-Отца, ваши божественные братья. Настоящий враг наш в нас самих,—это грехи, соблазны и суеверия; ложная вера в то, что насилие и убийство дозволено Богом, Бог-Дух—наш истинный Отец. Не делитесь на своих и чужих. Все люди родные, во всех единая светлая радость. Дух Божий—любовь. Опомнитесь же, милые братья и сестры, откажитесь от ужасного закона насилия, закона войны. Поверьте и живите истинным законом души вашей, законом Бога—любовью. Любите друг друга. Одна душа во всех.

«Ваши братья:

Сергей Попов, Василий Беспалов, Лев Пульнер».

В черновом наброске непроизнесенной речи Б. А. Подгорного находим любопытную сравнительную характеристику обоих воззваний:

«Воззвание «Милые братья и сестры»,—говорит Подгорный,—образец той истины, которя глаголется устами младенцев. От него веет радостью, несмотря на скорбь и жалобу. «Все люди родные,—говорится в нем,—во всех единая светлая радость. Дух Божий—любовь. Опомнитесь же, милые братья и сестры, опомнитесь от ужасного закона насилия, закона войны. Поверьте и живите истинным законом души нашей, законом Бога—любовью. Любите друг друга. Одна душа во всех». Конечно, это не призыв к толпе, ведущий к определенным действиям. Это—тихий зов из землянки. Это—трогательная жалоба без укора, это—слезы, зовущие к светлым слезам и умиленным улыбкам...

«Второе воззвание иного склада. Оно также говорит о любви, но написано от рассудка и полно доказательств. В нем чувствуется риторика. В нем ссылка на науку, конечно, ложную; на культуру, несомненно, внешнюю; на цивилизацию, разумеется, машинную. Историческая аргументация приводит пример Аттилы и Чингис-Хана, обычные примеры толстовских поучений. Это—декларация. Но за нею, несмотря на ее риторику, чувствуется сильный драматический момент... Это не тихий зов, это—клич скорбной и смятенной души».

ГЛАВА V.

Социалисты-революционеры и война. — Группа Марка Максимова. — Студенчество и помощь запасным и раненым.—Харьковская листовка „Ко всему русскому обществу".—Листовка „К крестьянам и т. д.".—Листовка „Московской группы с.-р.".—Листовка „На очереди".—Связи московской с.-р. с другими городами.—Резолюция и записка Самарского коллектива.—Листовка „О войне" „тов. Солдата".—Кружок анархистов имени М. Бакунина.—Листовка „Группы независимых с.-р.".—Листовка „Московской группы партии с.-р.".—Деятельность московских народников.—Отношение рабочих к народнической газете „Народная газета".

Война с.-р. застала в состоянии идейного и организационного развала. Если у с.-д., в частности у большевиков, положение вещей было тоже не особенно отрадное, то у с.-р. оно было во много раз хуже. С.-д. большевики имели за собой рабочую массу, в их руках были профессиональные организации, страхкассы и культурно-просветительные учреждения. Располагая таким аппаратом, большевики руководили стачечной и уличной борьбой, столь напугавшей и правительство и буржуазию накануне войны. Ничего подобного у с.-р. не было. Одиночками кое-где вкрапленные в рабочую массу, занятые внутрипартийными дрязгами, остающиеся в стороне от бурлящей волны рабочего движения они оказались вытесненными за борт рабочей массы.

Начало войны кое в ком из с.-р. пробудило желание с головой окунуться в рабочие массы, но таких было мало и сделать не много удалось.

По исчерпывающе освещающим данным охранного отделения работа с.-р. Москвы в первые месяцы войны рисуется в следующем виде.

17 июля 1914 г., по данным осведомителя «Поляк», соц.-рев. Максимов [1]) намерен в следующее воскресенье собрать местных «эсеров» для вырешения вопросов о возможности партийной работы в ближайшее будущее.

«Ближайшей задачей с.-р. Максимов ставит выпуск листовок с содержанием протеста по поводу войны, но эта идея не

---

[1]) Максимов арестован 17 июля 1914 г. за городом на собрании и ликвидированы его связи.

находит пока сочувствия как среди местных эсеров, так и лишена возможности быть осуществленной, за отсутствием технических средств».

Другой осведомитель «Девятнадцатый» [1]) в своей записке сообщает: «Ближайшей партийной задачей Марка Максимова [2]) являлось создать в августе месяце сего года организацию народников и представителей местных профессиональных союзов, почему он вел знакомство с членами профессиональных союзов и затем при помощи их предполагал издавать обще-профессиональный орган с народническим направлением».

Но осуществить свои намерения Максимову не удалось. 17-го июля он был арестован.

После ареста Максимова кружок с.-р., как сообщал осведомитель «Дмитриев», за отсутствием руководителя должен распасться. Опасаясь же, что Максимова сменит кто-либо другой, тот же осведомитель спешил сообщить:

«В кружке «эсеров» рабочих, оставшихся после Максимова, выделяется своей энергичностью и сознательностью рабочий завода Носенкова, по прозвищу «Клук». Его приметы: лет 35, среднего роста, плотного телосложения, лицо круглое с рябинами, блондин, большие прямые рыжие усы, бороду бреет, глаза серые. В этот же кружок входит интеллигент по виду рабочий, уволенный полтора месяца назад из Московского металлического завода, он владеет немецким языком, был в Англии и Америке и очень скрывает от своих товарищей по кружку свою фамилию, его приметы: 27—28 лет, роста выше среднего, стройный, худощавый, лицо продолговатое, брюнет, маленькие пробивающиеся черные усики, бороды нет, темно-серые глаза.

«Кроме того, старый эсер «Пономарев» [3]) при удобном случае ведет среди своих знакомых пропаганду за выступление или рекомендует реагировать каким-либо способом против войны» [4]).

И действительно, с арестом Максимова его группа распалась. После разгрома группы Максимова на сцену выступили эсеры-оборонцы. Об одном собрании последний дает сведения известный уже нам «Поляк» [5]). Он сообщил: «10-го сего августа было частного характера совещание местных социалистов-революционеров, которое происходило на ст. *Перово* Московско-Казанской жел. дор. в квартире слесаря завода Носенкова—Алексея Пантелеева [6]). На собрании присутствовало 6 человек,

---

[1]) „Аг. Зап.“—„Девятнадцый“, от 26/VII 1914 г. за № 69, д. № 833.

[2]) Максимов, Марк Александров, сын потомственного почетного гражданина.

[3]) Пономарев, Николай Лавров, 28 лет, крестьянин Костромской губ., Чухломского уезда, Судайской волости, с. Жартанова.

[4]) „Аг. Зап.“—Дмитриев, от 26/VII 1914 г., д. № 33.

[5]) „Аг. Зап.“—„Поляк“, от 12 августа 1914 г. за № 71, д. № 33.

[6]) Пантелеев, Алексей Тимофеев, 27 лет, крест. Калужской губ., Жиздринского уезда, Запрудной вол., слободы Волковой.

2 с завода Носенкова, Пантелеев Алексей и Голоухов [1]), и с завода Гужона два, Комиссаров [2]) и Пугачев [3]), последний инициатор собрания, пятый был приемщик по постройке дома какого-то товарищества по 1-му Басманному переулку, Василий Васильевич Цветков [4]) и Сосницкий [5]).

«Предметом суждения было: отношение с.-р. к переживаемому моменту. По первому вопросу пришли к такому соглашению: признавая войну принципиально недопустимой, но принимая во внимание освободительный характер войны, с.-р. не должны препятствовать таковой и от активного выступления должны воздержаться. По второму вопросу очень много спорили: Голоухов, Цветков, Комиссаров настаивали на том, чтобы в настоящее время самым энергичным образом развивать подпольную работу и этим хоть немного сплотить ряды рабочих для использования момента по окончании войны и пред'явления ряда требований, которые будут поддержаны крестьянами и рабочими. Сосницкий указывал, что такой путь нецелесообразен и что он будет противоречить первому решению, т.-е. раз решили не противодействовать войне, то должны отказаться от всяких выступлений до окончания войны.

«Кроме того, когда представители с.-р. в Государственной Думе высказались за войну, то естественно с.-р. на местах должны их поддержать, или же, в крайнем случае, воздержаться, но ни в коем случае не итти против их постановлений, и затем нужно принять во внимание, что теперь за всякое политическое преступление будут судить по законам военного времени. Попутно было приведено им, как пример, воззвание Бурцева [6]) и Вандервельде [7]). Сосницкий был поддержан остальными, и, в конце концов, собрание пришло к такому заключению: на все время военных действий совершенно отказаться от подпольной работы, а также предложить и всем московским с.-р. последовать этому примеру. Собранием высказано пожелание в настоящее время вести культурно-просветительную работу, как-то устройство лекций, рефератов и т. п. Постановление свое решено довести до сведения широкой массы».

Несмотря на об'явленную с.-р. самоликвидацию, тем не менее охранка продолжала наблюдать.

---

1) Голоухов, Иван Иванов, крест. Рязанской губ., Пронского уезда, Юрасовской вол., дер. Хомуты.

2) Комиссаров не установлен.

3) Пугачев, Михаил Агапов, крест. Московской губ., Бронницкого уезда, Усмерской волости, села Конобеева.

4) Цветков, Василий Васильев, крест. Московской губ., Богородского уезда, Ивановской волости, с. Петровского.

5) Сосницкий, Александр Ильин, 26 лет, мещанин г. Томска.

6) Бурцев, Владимир Львов, эмигрант.

7) Вандервельде, Эмиль, 48 лет, бельгийский подданный.

«Вернувшийся недавно из ссылки соц.-дем.,—сообщал «Радищев» [1])—студент Сельско-хозяйственного института Смирнов [2]) (был арестован в студенческие волнения в период 1910—1911 гг.) осведомлен, что в Москве среди студентов Сельско-хозяйственного института есть законспирированная группа «эсеров».

«В состав этой группы, возможно, могут входить старые народники студенты института: 1) Чарушин [3]), 2) Вишневский П. К. [4]), Козлов П. А. [5]) и 4) Чудновский [6]).

18 сентября в студенческой столовой на Моховой улице было собрание представителей от студенческих экономических организаций с целью выяснения вопроса по оказанию студентами помощи запасным и их семействам. На собрании было 57 человек студентов и курсисток.

«Собранию было предложено две резолюции:

«1-я—студентом университета Преображенским (не тот, что участвовал в журнале «Студенческое Дело», у этого голова продолговатая огурцом). В этой резолюции он предлагал создать общестуденческую организацию, целью которой было бы подготовить студенчество к выступлению в связи с ликвидацией войны и ее последствий. Большинством голосов против 15-ти резолюция эта была отвергнута, как нецелесообразная по мнению представителей, так как из дебатов по сему вопросу выяснилось мнение большинства, что студенчество не может играть той роли, которую оно играло ранее, а должно уступить таковую рабочим и крестьянам.

«2-я резолюция была предложена представителем университета Шанявского, соц.-рев. Пруссом [7]), с поправками студента Сельско-хозяйственного института Котова [8]) и соц.-дем. курсистки Анны Ильинишны Выдриной [9]), следующего содержания:

«В виду того, что настоящий кризис несет с собой стихийное бедствие, связанное с ужасами войны, и вся демократическая Россия, весь народ потрясен не только материально, но и духовно, собрание находит необходимым сплотиться

---

[1]) „Ар. Зап."—Радищев, от 24/VII за № 74, д. № 33.

[2]) Смирнов, Алексей Георгиев, бывший студент Московского Сельско-хозяйственного института, из московских мещан.

[3]) Чарушин, Владимир Николаев, кяхтинский мещанин, студент Московского Сельско-хозяйственного института.

[4]) Вишневский, Павел Константинов, студент Московского Сельско-хозяйственного института, сын дворянина.

[5]) Козлов, Павел Александров, может быть, Козлов Петр Хрисанфов, студент Московского Сельско-хозяйственного института, из крестьян.

[6]) Чудновский, Василий Кондратьев, дворянин, студент Московского Сельско-хозяйственного института.

[7]) Прусс, Фридрих Вильгельм-Карл Адольфов, мещанин города Витебска.

[8]) Котов, Евгений Петров, студент Сельско-хозяйственного института, сын купца, провокатор, кличка „Радищев".

[9]) Выдрина Анна Ильина, потомственная почетная гражданка вольнослушательница Московского Сельско-хозяйственного института.

в общестуденческую легальную организацию для того, чтобы нести посильную помощь, не ограниченную только целями помощи раненым, но захватывающую широкую область борьбы с экономическим потрясением страны, вызванным войной и особенно остро сказывающимся в положении крестьян в пораженных неурожаем губерниях и населением пограничных областей. Необходимо также внести идейную струю в эту помощь, достойную русской интеллигенции, достойной общечеловеческих идеалов, носителем которых она является».

«В речи Прусса сквозила та мысль, что в настоящее время в связи с войной идея социализма переживает кризис вследствие того, что международная солидарность уже не существует и возможен крах социализма.

«В конце-концов вторая резолюция была принята большинством, и решено создать общестуденческую легальную организацию помощи семьям запасных и раненых» [1]).

В средине августа в Москву была доставлена листовка, выпущенная в Харькове местной группой социалистов-революционеров. В этой листовке указывается на необходимость требовать полной политической амнистии, всеобщего избирательного права, свободы крестьянского и рабочего движения во всех его формах, отмены национальных ограничений и демократизации городского и земского самоуправлений. Листовка указывает на то, что переживаемое Россией тяжелое время хотя и заставило правительство дать обещания, но, судя по прошлому, эти обещания не будут выполнены.

Вот ее текст:

„В борьбе обретешь ты право свое".

«КО ВСЕМУ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

«Граждане!

«Грозные события последнего времени в виде мировой войны заставили правительство обратиться к народу, к призраку народного представительства—Государственной Думе, в поисках единения, в поисках поддержки. Правительство признало, что мощь государства не в военной силе, но во внутреннем порядке, в единении. И в поисках их правительство надавало обещаний, в выполнении которых нас заставляет сомневаться вся предыдущая русская история. Но обещания даны, и ослепленное общество, ослепленный народ готовы принять и отчасти приняли векселя правительства, до сих пор никогда не оплачивавшиеся. Ни одного шага навстречу требованиям демократических масс—лишь одни слова, не закрепленные делом,—вот что дано теперь, что делалось и раньше и что беззастенчиво не выполнялось. Но ослепление, быть может, имеющее основание в чрезвычайно выгодном положении, в котором оказалась Россия

---

[1]) „Ар. Зап."—Радищев, от 19/IX 1914 г. № 82, д. № 33.

в текущих мировых событиях, настолько велико, что самые широкие круги русского общества, забыв свои освободительные традиции, забыв свои насущнейшие требования, в угарном кошмаре бросились в об'ятия тех, чьей мечтой было рабство России, царство безудержного произвола. Туман внешней политики вскружил головы общественных деятелей, и ни одного свободного честного голоса не раздалось, чтобы указать на язвы, до сих пор раз'едающие российскую державу. Но молчать нельзя. Забыть о потоках крови, пролитых русским царем и его шайкой, забыть о страшнейших утеснениях ими народов России, превосходящих германские, забыть о русской инквизиции нельзя. Властно и смело должен прозвучать голос тех, кто действительно любит родину, кто озабочен ее внутренним могуществом, ее счастьем.

«Вы признали силу в обществе, вы обращаетесь к нему за поддержкой, вы даете обещания или намеки обещания — мы требуем доказательности, мы требуем дела: шагов навстречу требованиям демократических кругов России. Вы идете освобождать Галицийскую Русь от власти «шваба». Но дадите ли то же украинцам Галичины, что имеют они в Австрии. Дадите ли вы России те политические гражданские преимущества, которые имели подданные Вильгельма. Где гарантия того, что победоносная Россия снова не станет мрачным казематом всякой честной мысли. Их нет. Вот что должно сказать русское общество и должно потребовать.

«Единодушным кличем по всей России должны пронестись следующие требования:

«Полная политическая амнистия.

«Всеобщее избирательное право.

«Свобода крестьянского и рабочего движения во всех его формах.

«Отмена национальных ограничений.

«Демократизация городского и земского самоуправлений.

«Граждане! Довольно обмана, довольно военного угара.

«Любя родину, вы должны указать правящим верхам тот путь, который только и может привести к ее полному всестороннему раскрепощению.

«Харьковская группа
партии социалистов-революционеров».

Харьков 17 августа
1914 года".

Приложена печать Харьковской группы партии социал.-революц.

Листовка Харьковских с.-р. в Москве, видно, произвела впечатление.

«Местные народники,—сообщал «Радищев», — и трудовая группа Государственной Думы недовольны декларацией депутата Государственной Думы Керенского, сказанной в историческом заседании Гос. Думы; первые и вторые желали в декларации

пред'явить требования о необходимости амнистии со стороны правительства, как компенсации по случаю войны, а последние еще и тем, что Керенский самовольно изменил текст декларации, выработанный на собрании трудовой группы. Керенский в свое оправдание приводит то, что он боялся скандала в Государственной Думе, благодаря общему приподнятому патриотическому настроению членов Думы, почему и смягчил содержание декларации» [1]).

Месяцем позже в Москве появилась вторая неизвестного происхождения эсеровская прокламация с обращением «К крестьянам».

«Появилась она,—как сообщал «Дмитриев»,—недели две или три тому назад в единичных экз.; происхождение ее крайне загадочно, а содержание—с точки зрения народников — весьма странное. Местные «эсеры» не знают ничего о ее происхождении, и предполагают, что она является инициативой одного или двух законспирированных непартийных лиц, а возможно, она привезена в Москву подобно Харьковской «эсеровской прокламации».

«Соц.-рев. Кузнецов [2]), осведомленный вообще в рабочих кругах, ничего не знает и удивлен появлению упоминаемой прокламации. В субботу в 8 часов вечера у Кузнецова должен быть неизвестный, приехавший из Самары с письмом от Самарской организации партии соц.-рев., в котором организация приглашает московских «эсеров» командировать в Самару в конце ноября или начале декабря сего года представителя на имеющую быть там конференцию представителей от крупных центров России. На этой конференции подлежат обсуждению ряд вопросов организационного характера, а также вопросы современного момента. В субботу с неизвестным приезжим у Кузнецова (Семинарский тупик, д. 4, кв. 6) должен видеться соц.-рев. Гавеман)[3], по приглашению Кузнецова [4]).

Текст означенной листовки следующий:

«К КРЕСТЬЯНАМ, РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И КО ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ.

«Вы—труженики, строители и защитники русской земли. Вашим трудом и кровью все держится. Вы — хозяева жизни, и в каждом деле ваш голос должен быть голосом властного хозяина. Но о войне не только никто не спросил у вас, какова ваша воля; до последнего дня от вас таили ее. А французский

---

[1]) „Агент Зап."—Радищев, от 24/VIII 1914 г. № 74, д. № 33.

[2]) Кузнецов, Григорий Федоров, кр. Московской губ., Бронницкого у., Лобановской волости, села Марьино.

[3]) Гавеман, Борис Викторов, сорудняк Москов. охр. отд.

[4]) „Аг. Зап."—Дмитриев, от 14/X 1914 г. № 93, д. № 33.

президент давно уже гостил в Петербурге и тайно совещался о чем-то с царем.

«Война ненавистна трудящимся людям всех стран. А всей своей тяжестью она ложится на них. Если бы воля трудящихся людей,—не бывать бы войне. Немецкие крестьяне и рабочие не желали войны: их гонят силой, и немецкое царское правительство расстреливает их за отказ итти на войну. Грешны в войне господа и цари, а прольется не их, а народная кровь. Мы будем убивать не царей и господ немецких, а взятых на службу немецких крестьян и рабочих, которые братья наши, ибо трудящиеся люди всех народов—братья по беде.

«Остановить войну мы не в силах. Судьба вынуждает нас довести ее до конца, в образцовом порядке, единодушно, спокойно и твердо. Другого выхода нет. Но в наших руках, руках народа, чтобы эта война царей и господ была и последней войной. Для этого народ должен сбросить царей и господ; иначе будут вечные войны, обман и порабощение. Другой дороги нет в царство свободы. И лучшего времени, как теперь, не дождаться. Трудящиеся люди соседних народов так же, как и мы, думают теперь одну, общую для всех притесненных людей, думу и понимают, какое великое время подходит. Стоит освободиться какому-нибудь из народов, и все остальные народы за ним сбросят ярма. И начнется тогда царство трудовых народов, царство мира, свободы и правды.

«Взгляните, что ожидает нас после войны. Теперь Николай II призывает нас к единению с ним. А после войны наденет нам старые цепи и старое рабское ярмо. А там снова будет война, и снова разорение, и слезы, и кровь. И это будет вечно, пока господа и цари на народе.

«Мы для них рабочий скот, а не люди. Они привыкли топтать ногами народную душу. Мы знаем цену их обещаниям: дела их на глазах у всех. Обман, разорение и кровь,—в этих трех словах все дела царя и правительства. Все мы помним, как в 1905 году замученный нуждой и обидами петербургский рабочий народ великой толпой пошел просить у царя новой жизни и правды. Но сердце царя не знало жалости, и петербургские улицы залились рабочей кровью. А в 1906 году кровью крестьян и рабочих залилась вся Россия. От этих ли жадных и злобных людей ожидать народу добра. И долго ли терпеть. И вот, в это кровавое время, когда смерть кругом обступила нас, подходит великая и глубокая дума. Нужно понять, что дело не в том, который из царей затеял войну. От нас хитро закрыто все, что делалось между царями до войны, и жизнь народная не поправится, если бы это узнать. Цари тайно от народов доводят дело до войны, а тогда кричат, что жаждали мира. Так об'явил и Вильгельм, и австрийский Иосиф, и наш Николай. И для народа без пользы копаться в царских ссорах. Без пользы копаться в них потому, что виноват в войне который-

нибудь царь, а убивать друг друга на войне будут рабочие и крестьяне, взятые в солдаты, а они ни в чем не виноваты и никогда не ссорились. А главное—бесполезно копаться в царских ссорах потому, что тогда люди забывают про самое главное дело. Это дело в том, что, пока господа и цари, до тех пор вечные войны и тяжкое горе, и кровь, и слезы. А второе дело в том, что перед нами смерть встала. И нужно понять и решить перед смертью, что делать. Потому что дело людей перед смертью должно быть честное и хорошее дело.

«Тяжело умирать по чужой воле, по приказу людей, которым не веришь, от которых добра не ждешь. Обидно знать, что смерть твоя—не разумная, бесполезная смерть, что правды от нее не прибавится, что детям твоим будет также подневольная, горькая жизнь.

«Сама судьба заставляет нас положить свои силы для очищения жизни от зла, для великого и святого дела свободы. Решайте же, вы, все честные люди. Решайте немедленно и бесповоротно. Вот уже второй раз судьба испытывает нас, давая в руки всю силу; раз'единенные и безоружные люди бессильны бороться с царским правительством; и вот война дает нам двойную силу—она организует нас, соединяя нас вместе, на войне, она дает нам настоящее боевое оружие. Решать нужно немедленно, ибо такая минута, как сейчас, не повторится. Теперь каждый день равняется году, и утерять один месяц,—это значит утерять свою судьбу навсегда. Все, кто знает, что свобода и правда—это самое святое дело в жизни, должны потрудиться, чтобы этот призыв быстро разошелся по русской земле. Перепечатывайте, переписывайте, передавайте на словах, отсылайте по почте. Не теряйте ни дня, ни часа. Готовьтесь сами начать, и каждую минуту будьте готовы на помощь тому, кто начнет раньше вас. Не ждите, пока другие начнут, иначе все утеряют свой случай. И тогда все сделается быстро и прочно. Кто решает всем сердцем, тот всегда побеждает и остается жив. Почуявший свободу народ подобен льву. Десять твердых людей поднимет роту, рота возбуждает и ведет полк. Полк даст опору целому городу. Трудно начать, а там само дело укажет путь.

«Там, на кровавых полях, где вам придется делиться последним куском и спасать друг друга от смерти, вы побратаетесь между собой, и в один день станете ближе друг к другу, чем за долгие годы мирной жизни. Там вы столкуетесь между собой и порешите, как начать свое дело после войны. А мы, оставшиеся дома, изо всех сил будем готовиться к тому, чтобы оказать вам поддержку и помощь. Для этого нужно помнить только три дела:

«1) время баррикад отошло, первые шаги революции должны итти засадами и дерзким натиском;

«2) четыре дробовых ружья, заряженных мелкой картечью, в умелых руках не уступят царскому пулемету;

«3) в каждом деле, в каждом отряде начальниками выбирайте людей наилучших, но повинуйтесь им беспрекословно.

«Так с богом же, братья, в добрый час. Перед нами только две дороги. На одной написано: господа и цари—неправда, невежество, рабство, война, голод и слезы; на другой дороге слова: братство трудовых народов, свобода, разум, справедливость, счастие, мир. Выбирайте, решайте.

«Первые дни после окончания войны,—от них все зависит. Если про это забудем, если выпустим из рук боевое оружие и дадим раз'единить себя, если пойдем по привычной, по старой, по рабской дороге,—тогда уж поздно будет сворачивать на дорогу свободы: она закроется перед нами и перед нашим потомством. Тяжкий грех в этом ляжет на нас, так как в наших руках—полная сила. После окончания войны нельзя расходиться; нельзя выпустить из рук боевое оружие. Нужно немедленно прогнать начальников, которые будут против народа. Последний день войны должен быть первым днем всеобщего восстания. К этому дню должны твердо готовиться все, кому дороги мир и свобода.

«Тогда вокруг восставших крестьян, рабочих и солдат вдруг соберутся самые честные люди русской земли и составят все вместе такую необоримую силу, перед которой в ничто обратятся цари и насильники всего земного шара.

«В последнюю минуту царское правительство выпустит хитрые манифесты с великими обещаниями: не согрейте змею на груди своей!»

Ко дню 17 октября той же группой была выпущена в большом количестве отпечатанная типографским способом листовка, тоже имеющая заголовок—«*Крестьянам, рабочим, солдатам и всем честным людям*» с девизом «В борьбе обретешь ты право свое», и подписанная—«Московская группа социалистов-революционеров». «Октябрь 1914 г.».

«Шесть пачек этих листовок,—как сообщал «Кондуктор»,—(свыше трехсот экземпляров) было принесено неизвестным человеком 14 октября в профессиональное общество рабочих хлебопекарного производства и передано находившемуся в то время в помещении общества секретарю Гусеву [1]), который, не зная, что с ними делать, так как распространение их считал для себя, как социал-демократа, неподходящим, и в то же время боясь провала, передал их одному металлисту, с которым я сжег пять пачек (одна пачка прилагается) [2]). Листовка эта и по стилю и по лозунгам весьма схожа с предыдущей без подписи. Вот ее текст:

---

[1]) Гусев, Иван Иванов, 25 лет, кр. Калужской губ., Тарусского уезда, Белянинской волости, дер. Азарова.

[2]) „Аг. Зан."—Кондуктор, от 16/X 1914 г. № 94, л. № 33.

«КРЕСТЬЯНАМ, РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ и ВСЕМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ.

„В борьбе обретешь ты право свое".

«Товарищи!

«Настало 17 октября. Вместе с празднованием пробуждения родины встает в памяти провокационный шаг Николая. Кто не помнит скольких жертв стоило народу завоевание основ человеческого существования. Кровью лучших сынов заплатил он за грамоту семнадцатого октября. Наши кровопийцы всех рангов, запуганные широким взрывом народного негодования, деморализованные позорной войной с Японией, тогда были готовы итти на уступки лишь бы спасти свою шкуру. Торжествовали русские люди победу и бодро смотрели на грядущее нашей родины, рассвет близился. Но царское правительство во главе с Николаем показало вскоре свое настоящее лицо. Вынужденное, под напором народного движения, издать манифест, возвещающий полноправие граждан, оно схватилось, оно увидало, что при подобных условиях самодержавию и произволу—конец, и, спасая свое положение, оно залило кровью народных масс все надежды на осуществление великого идеала. Кровью добыл себе народ право, кровью и отнято было оно, мрак полицейского гнета покрыл родину и на протяжении шести лет не видно было просвета, пока вдали не вспыхнула искра ленского выстрела. Зашевелилась народная масса.

«Теперь, когда царское правительство снова втянуло Россию в бесчеловечную бойню народов, когда оно ищет поддержки народа, кормя его обещаниями свобод, мы должны крикнуть на весь мир русскому правительству: руки прочь! Довольно обманов, довольно слез вдов и матерей, довольно нищеты, порожденной японской войной, бесправия народа и крови. Эта война не наша, немецкий крестьянин и рабочий так же голодает, как и мы, мы ему не враги; там, в Германии, народ уже понял политику тиранов и готовится к борьбе с ними. Так должно быть и у нас, пора сбросить с себя ярмо бесправия, пора раздавить гидру самодержавия и произвола.

«Товарищи! Во многом должно ответить нам царское правительство. И в последний день войны, мы пред'явим ему вексель, который варвары народные не сумеют оплатить. Пусть день мира будет и днем свободы. Готовьтесь, товарищи, нашей задачей должно явиться создание везде и всюду групп, союзов, братств и других об'единяющих центров. Это—долг каждого, любящего свою родину, долг всякого, кому дорога свобода.

«Московская группа социалистов-революционеров».

Не прошло и 10 дней, как «Московская группа социалистов-революционеров» охранке стала известна. 25 октября осведомитель «Гаврилов» в своей записке за № 98 писал:

«Распространявшаяся на-днях в Москве отпечатанная типографским способом прокламация группы партии соц.-рев. была выпущена по инициативе соц.-рев. Мошина [1]), высланного из Петрограда и недавно приехавшего в Москву, который и составил ее содержание.

«Ближайшее участие в печатании прокламации принимал неизвестный соц.-дем. большевик [2]), бывший секретарь о-ва портных; его приметы: высокого роста, блондин, курчавый, лет 23; одет в бархатную тужурку,—и высланный из Петрограда печатник, ликвидатор Комаров [3]). Прокламация печаталась ручным способом при помощи щетки, в комнате Мошина, в Сокольниках, 4-й Полевой пер., д. № 8, кв. № 3; шрифт достал вышеназванный неизвестный портной».

В октябре та же московская группа социалистов-революционеров выпустила листовку под заглавием «На очереди», на которой перед текстом напечатано: «Побежден лишь тот, кто признает себя побежденным».

В конце листовки имеется подпись: «Московская группа социалистов-революционеров. Октябрь 1914 г.».

Листовка эта, как и предыдущая, напечатана типографским способом на полулисте писчей бумаги, при чем текст ее занимает полностью две страницы.

Текст ее следующий:

„НА ОЧЕРЕДИ".

„Побежден лишь тот, кто считает себя побежденным".

«С разгоном 2-й Думы была поражена и революция. Тяжкие усилия удержаться на прежнем уровне и сохранить дееспособными политические организации были не более, как агонией. Удары реакции обрушились по всему фронту русской общественности. Ожесточенному, мстительному разгрому подверглись социалистические партии, и прежде всего партия социалистов-революционеров. Крестьянские массы потрясли самые основы старого мира—земельную собственность; создали Всероссийский Крестьянский Союз и послали в две первые думы депутатов трудовиков и социалистов-революционеров. Силы реакции разметали крестьянство, обессилили его и стремились держать в прежней зависимости и угнетении. Быстро и решительно были сметены интеллигентские группировки, спешно возникавшие под грохот общественной борьбы. И только организационные детища пролетариата—профессиональные союзы,

---

[1]) Мошин, Леонид Константинов, 21 г., мещанин гор. Порхова, Псковской губернии.

[2]) Неизвестный—Власов, Иван Михайлов, 21 г., кр. Вологодской губ., Тотемского уезда, Миньковской вол., дер. Кулибарова.

[3]) Комаров, Иван Иванов, кр. Вологодской губ., Сольвычегодского уезда, Верхошинской вол., дер. Березенки.

рожденные в годы революции, упорно выживали, несмотря на все удары контр-революционных сил. Неизбежная необходимость в организации, накопленный опыт, наконец наличность глубокого политического и социалистического сознания, успевшего просочиться в толщу пролетариата, поставили преграду их уничтожению.

«На почве всеобщего распада в рядах революции измена делала свое дело. Азефовщина была лишь завершающим ударом, после которого дрогнули поредевшие ряды партии трудового народа. Внутреннее недоверие разбивало ее, натиск реакции и ослабление масс лишали той связи и поддержки, которые раньше давали ее деятелям силу и твердость в самых жестоких испытаниях. Организация распадалась. Члены ее, уцелевшие от разгрома, распылились, теряли политический облик или же, замкнувшись в себе и узком кругу друзей, ждали пока взойдет солнце нового движения масс, способного породить новые силы, разбудить уснувших, собрать рассеянных и укрывшихся.

«Заграничные кружки потеряли для России всякое руководящее значение. Политическая партия переживала агонию и лишь в редких местах вспыхивала искра партийной жизни. Рассеянным, но еще живым и внутренно сохранившимся силам приходилось в одиночку оценивать новые условия и пробивать тропинки новой политической работы.

«Но, «побежден лишь тот, кто признает себя побежденным». Партия с.-р., сковавшая свое мировоззрение на данных строгой науки, ставящая великие задачи социализма, сливающаяся с высшими формами социалистической борьбы Запада, связавшая себя с массами крестьян и рабочих, жизнью своих членов запечатлевшая непоколебимую верность идее социальной борьбы рабочего класса,—не может сойти с исторической сцены.

«В социальной действительности Запада назревают крупнейшие перемены. Внутренняя самокритика социализма не мешает напору пролетариата вынуждать в странах крупного капитализма отступления первостепенной важности и пробивать бреши в самом принципе «священной» собственности. Западное крестьянство, до последнего времени оплот буржуазного строя, начинает колебаться, принимать идеи социализма.

«Собираемая в кооперативах трудовая масса творит коллективную хозяйственную жизнь и становится фактором заметным рядом с гигантами капитала.

«Идея напряженной социальной борьбы пронизывает атмосферу Европы. Поставлен на очередь вопрос о средствах борьбы, всеобщей забастовки. В сознании буржуазии вновь встал страшный призрак социальной революции. Рабочий вопрос поднялся во всем грозном своем об'еме.

«Может ли Россия, так бурно всколыхнувшаяся в годы революции, остаться печальным зрителем мировой борьбы? Неужели иссякли силы, упала энергия, захватило безверие и

тяжелое карцерное положение приучило к жалкой покорности и униженному приспособлению? Неужели устроение личной жизни в целях общественности заело все прежние порывы и социально-жертвенную настойчивость?

«Весь мир, взволнованный напряжением социальной борьбы, служит для рассеянной партии глубочайшим доказательством верности ее идей и гулом классовой борьбы зовет ее к политическому возрождению в новых, возрожденных условиях. Зарево Запада да возжет ответные огни в России, и да соберется старая рать!

«Годы минувшей реакции не были временем только смерти и разложения. Сама реакция, напитанная социальным испугом имущих классов, металась между обещаниями «все устроить», разгромными натисками на население и насильственной землеустроительной политикой. И все же раз всколыхнувшаяся крестьянская масса не могла уже уйти вспять и тысячами мелких переплетшихся ручьев упорно пробивала себе путь.

«В глухую полночь общественности деревня жадно поглощала все доступные ей источники знания; медленно, годами, она вынашивала новые мысли и новые настроения. В несколько лет она покрыла Россию сетью кооперативных организаций, упражняясь в них в общественном творчестве. Не раз и не в одном месте она прорывалась гневом в ответ на правительственные насилия.

«Отсутствие определенной политической борьбы и ярких социальных лозунгов не должно вводить в заблуждение; в массах крестьянства зреют силы, ждущие своих открытых политических проявлений. Промышленный пролетариат уже преодолел свою неподвижность. На далекой Лене и в столицах России он снова запечатлел кровью свою готовность продолжать борьбу. Политические забастовки, уличные демонстрации—проявления политической и классовой самообороны, в то же время явно носили характер нападения. Эти крупные политические факты всколыхнули «успокоенную» Русь, вливая страхи в одних, надежды в других.

«При всеобщем сознании построения жизни, при отсутствии путей для социально-политических реформ пролетарские демонстрации вызвали позабытые опасности революционных потрясений, и возрождение партии социалистов-революционеров, как политической партии рабочего класса, стало вопросом дня, обусловленное нарастанием сил прогресса, нуждающихся в формовке, в гранях организации, в программных задачах.

«В то же время грянул гром европейской войны... Урапатриоты буржуазной печати, развивая националистический угар, травят немцев, закрывая глаза на общие всей Европе глубокие основы войны, делавшие ее почти неизбежной. Интересы капитала с его погоней за рынком и дешевым трудом, обостренная конкуренция, рост богатства и техники, острота

рабочего движения и, наконец, ряд специальных и исторических условий, не исключая элементов расовых и национальной зоологии,—вот общие основы войны. Она буржуазна по существу, но без участия народа, без его согласия, не в пример войнам прошлого, она вестись бы не могла. Она грандиозна по технической усовершенствованности, по об'ему человекоистребления, по своей стоимости и потрясающему влиянию на весь уклад европейской жизни. Повидимому, инициатором явилась Германия. Тем не менее, благородные фразы о справедливости, заполняющие печать противо-германской коалиции, очевидно полны лицемерия. Весьма вероятно, что за кулисами всех событий стояла Англия, без согласия которой едва ли бы явилась решимость России и Франции принять вызов могучего врага. Насильнический захват областей практикуется всеми: ведь и Россия проникла в Персию, подавила в ней освободительное движение, исковеркала конституцию с благословения Англии. Меньше всего приличны именно России позы благородного негодования. Нам ли, залившим кровью свою родину, усмирявшим Польшу, Кавказ, всю сплошь Россию, противопоставлять свое благородство немецкому коварству и зверству? Нам ли, нарушителям конституции, лишившим права родного языка польскую и другие народности, освобождать их от немецкого ига? Или в завоеванную Галицию не посланы первым делом российские городовые? Или манифест о примирении действительно примирил нас, и казацкая орда уже не может быть брошена против русского народа? Или тюрьмы раскрыли свои двери и выпустили измученных борцов за свободу? Или печать освобождена от цензурных тисков, гарантирована неприкосновенность личности, и в час тяжелых бедствий к верховному управлению призваны лица, отмеченные народом?

«Нет, нет и нет. В России все стоит непоколебимо, и тюрьмы принимают все новые и новые жертвы, даже все позабывших политиков, мчавшихся из-за границы, чтобы призвать общество к примирению с правительством.

«Ссылка на оборону сама по себе еще недостаточна, чтобы социализм принял войну: слишком легко обороной прикрывают нападение и завоевание. Не только необходимость самозащиты, но интересы демократии и учет мирового соотношения труда и капитала двигают нас к принятию этой войны. В битве народов острия союзных государств направлены против самого реакционного, отточенного, систематизированного, упорного и талантливого германского империализма. Победа его – гибель для демократии. Поражение неизбежно отразится на общем ослаблении сил буржуазии.

«Вот почему в данный момент, в данной стадии войны, мы не можем отрицать ее, не можем не желать поражения военных сил германцев. Но только до тех пор, пока война не примет характер победоносного завоевания. Победы русского оружия могут укрепить зоологический национализм и наложить

политический мораториум на освободительные векселя, ибо где тот пристав, который потребует уплаты? Правительство может обрушить приобретенную мощь против народа, рвущегося из рук бюрократической опеки. Можно ли ожидать от нашего правительства той мудрости, что заставляет уступать своевременно и без кровопролития? Уже теперь оно делает все, чтобы использовать войну в своих целях. Уже теперь ясно, что в случае победы нашу родину ждет небывалое угнетение. Тот освободительный смысл, который война имеет для трудового народа, не может быть ограничен пределами внешней борьбы. Положение обязывает. Освободив родину от натиска германцев, вооруженный народ должен закончить дело освобождения, свергнув бремя бюрократических пут в собственной стране. Принятие войны обязывает к напряженной внутренней работе. Поэтому не военный клич, не призыв к оружию, к выступлению совместно с правительством должен раздаться из уст русских социалистов. Клич организационной работы для грядущей борьбы с русской цитаделью реакции—вот наше разумение момента. Чтобы народ не только оставил свои трупы на полях битв, но завоевал себе действительную свободу внутри страны, необходимо вести упорную подготовительную работу к следующему дню после войны, может быть, и к тому, чтобы во-время остановить войну и гибельный завоевательный зуд.

«Грандиозные затраты средств и людей, гибнущих в этой войне, ослабление товарного движения, приостановка производительного труда, выход из капиталооборота таких величин, как Германия и Австрия, несомненно вызовет мировой кризис небывалых еще размеров, кризис, который не минует и нейтральные державы и, конечно, с достаточной силой ударит по России, в которой и без того неурожай грозит опасностями голода и хозяйственного разорения. Кризис чрезвычайно обострит социальную борьбу во всем мире и повлечет за собой глубокие пертурбации.

«Германская социал-демократия, оказавшаяся бессильной перед началом войны и затем увлеченная событиями, потеряла всякое социалистическое значение, но и она может поднять знамя республиканской и социальной революции. Тем с большей уверенностью можно предполагать это относительно других стран. В России кризис прикует все внимание, и, ясно, что ничего не сделают прожекторские заплаты, которыми хотят чинить социальные прорехи. Только глубокий переворот спасет Россию от небывалых бедствий. И народ должен быть подготовлен к нему.

«Напряжение всех сил строительства всего народа только и может создать надлежащий выход. Только всенародные и местные организации и Всероссийское Учредительное Собрание в состоянии действительно разрешить кризис и не остановиться в интересах народа перешагнуть через основы старого порядка.

Такова действительность. Не принять ее нельзя; строить надо на ней. Мировые и внутренние события, их неизбежные следствия взывают не только к совести, сильно притупившейся за годы реакции, но и к политическому сознанию, к необходимости быть готовыми, к катастрофам и в грядущей борьбе выковать новые ценности во имя освобождения труда. Наша родина должна стать достойным членом в дружной семье всех народов. Необходимо осветить в сознании народа переживаемые им и ожидающие его бедствия, направить мысль его на ближайшие экономические реформы, на политический строй, который, упившись военными успехами, может тем настойчивее защищать интересы бюрократии, буржуазии и дворянства. Надо раздвинуть границы связей и отношений, надо внести организующую струю в политическую аморфность, надо на всех путях жизни ставить свои укрепления. Надо теснее связаться с другими социалистическими направлениями и в то же время строить собственные группировки путем организующего соприкосновения с массами, необходимо расширять связи этих группировок в целях координации мысли и действий и, наконец, воссоединение в целостный политический организм.

«Когда забурлят потоки революционного движения, когда вся Русь забродит в борьбе за справедливый уклад внутренней жизни, тогда пробьет час использовать эту организационную работу, чтобы, подняв знамя революции с лозунгом «Земля и Воля», напором народа пробить широкий путь дальнейшей борьбы за социализм. Кому дороги идеи социализма, кому близки интересы российского трудового народа, кому нужна политическая партия рабочего класса—да помнит, что пришел час работать над воссозданием партии социалистов революционеров.

«Московская группа социалистов-революционеров. Октябрь 1914 года».

В последней листовке группа уже «приняла войну», хотя в то же время и высказывает предположение, что, может быть, придется «приостановить войну».

Связь Мошина с другими эсеровскими организациями, свидания с Керенским, видно, оказали на него свое оборонческое влияние. Связи же у Мошина были значительные.

Так, по сообщению осведомителя «Гаврилова» [1]) Мошин, будучи в Петрограде останавливался на квартире у отца или родственника Зугрина [2]); был у Керенского [3]); пытался быть

---

[1]) „Ар. Зап."—Гаврилов, от 13/XI 1914 г. за № 107, д. № 33.

[2]) Зугрин, Николай Иванов, кр. Петроградской губ., Петергофского у., Витенской вол., дер. Капорской.

[3]) Керенский, Александр Федоров, присяжный поверенный, член Государственной Думы 4-го созыва.

у члена Г. Думы Петровского [1]), но в это время там был обыск, а затем был арестован и Зугрин, при чем чемодан с вещами Мошина был взят полицией, как якобы принадлежащий Зугрину.

«По возвращении Мошина из Петрограда в Москву, он ездил в Тверь, где находится много высланных из Петрограда товарищей Мошина народников, один из последних приезжал в Москву, чтобы устроиться на службе, но, не устроившись здесь, выехал в гор. Тулу, где, по словам Мошина, он организовал выпуск прокламаций. В распоряжении тульских народников имеется гектограф, приобретенный летом с. г. в Москве.

«О бывшей народнической конференции в Петрограде Мошин говорил, что там поднимались, между прочим, вопросы о терроре и экспроприациях, которые, якобы, вырешены в положительном смысле. На этой конференции было 42 человека,—в этом числе среди неизвестных, кроме Мошина, еще известен близкий знакомый Мошина Соколин, конторщик, участник в Петрограде в обществе «Наука».

«Выпущенная Мошиным в Москве «эсеровская» прокламация его воодушевила к новой работе, что он и намерен осуществить в ближайшее время, но не сам непосредственно, чтобы не навлечь на себя подозрение, а через местных «эсеров». Для выпуска новой прокламации имеется шрифт, ранее бывший в употреблении, много краски, и недавно соц.-рев. Семиным [2]), соквартирантом Мошина, приобретен валик, а в скором времени в квартиру Мошина должна быть принесена бумага, которую обещался доставить печатник Акелин [3]) из типографии Кушнерева.

«Печатать прокламации предполагается в какой-либо другой квартире, но не у Мошина, и бумага, которую принесет ему Акелин, будет принесена на ту квартиру, где должно происходить печатание.

«Мошин предполагает быть издателем Петроградской народнической газеты, которая должна выходить вместо «Северной Мысли».

Еще московские эсеры имели связь с Самарской эсеровской организацией. По сведениям осведомителя по кличке «Агентура 19» [4]).

«Соц.-рев. Кузнецов [5]) получил из Самары, от члена самарской эсеровской организации Белоусова [6]) письмо с сообщением

---

[1]) Петровский, Григорий Иванов, член Государственной Думы 4-го созыва.
[2]) Семин, Александр Петров, мещ. г. Сухиничи.
[3]) Акелин, Василий Сергеев, кр. Рязанского у., Солотчинской вол., с. Коростова.
[4]) „Ар. Зап.“, от 20/X 1914 г. за № 96, д. № 33.
[5]) Кузнецов, Григорий Федоров, кр. Московской губ., Бронницкого у., Лобановской вол., с. Маринно.
[6]) Белоусов, Федор Андреев, кр. Казанской губ., Акраловской вол., дер, Семенкосов.

о предстоящей в Поволжье конференции соц.-рев. с представителями от 5 губерний; это письмо привез товарищ Кузнецов—портной, проживающий в Самаре.

В этом письме Белоусов писал:

«Премногоуважаемый друг Гриша, я передаю через товарища Хаботина, хотел бы много написать, но не успел. Я тебе сообщаю, что у нас работа возобновляется; еще важнее предстоит дело—в скором будущем состоится конференция волжского района пяти губерний. Многие (неразборчиво) вопросы выясняются.

Привет Федя.

«Вопросы следующие:

1) О единстве.
2) Наша работа в профессиональных обществах и культурно-просветительных обществах.
3) О войне, каковы должны быть наши отношения к войне.
4) О терроре.
5) О экспроприации.
6) О участии в Государственной Думе.
7) О минимальной заработной плате.
8) О нашей печати.

«Я одно прошу тебя, скорее сообщи мне до востребования, как вы там решили о настоящей войне. У нас большинство против войны. Прошу, пожалуйста, сообщи. Я буду ждать. Вообще, что найдешь—напиши. Нам необходимо для руководства ваше постановление. Больше, пока нечего. Остальное потом сообщу и постараюсь предоставить наше».

«Портной Хаботин, привезший письмо из Самары от соц.-рев. Белоусова к соц.-рев. Кузнецову не осведомлен о положении дел в Самаре и, кроме передачи письма, других поручений передачи на словах не получил от Белоусова.

«Во вторник в Москве был, проездом в Петроград, неизвестный интеллигент из Самары, который, по поручению соц.-рев. Белоусова, был у соц.-рев. Кузнецова и сообщил, что в Самаре функционирует организация партии соц.-рев., которая намерена устроить в недалеком будущем конференцию с представителями от организаций Поволжского района, что Самарская организация интересуется узнать отношение эсеров других крупных городов (Москвы, Петрограда) по вопросу о настоящей войне.

«Недавно Самарская организация партии соц.-рев. выпустила от имени коллектива резолюцию об отношении ее к войне, отпечатанную на гектографе. Эту резолюцию неизвестный [1]) передал соц.-рев. Кузнецову.

[1]) Неизвестный, может быть, Мавринский, Федор Алексеев (см. „Аг. Зап." по с.-р. № 118).

«Неизвестный поехал в Петроград, где, видимо, будет служить, и обещал о положении дел там сообщить как в Самару соц.-рев. Белоусову, так и в Москву соц.-рев. Кузнецову. Приметы неизвестного: лет 25—30, среднего роста, средней полноты, блондин, светлые волосы коротко острижены, усы и борода обриты, носит пенснэ с белыми стеклами и в белой металлической оправе; одет: зимнее, ватное, желтого цвета пальто с крашеным в черный цвет кенгуровым воротником—шалью» [1]).

Привезенная из Самары резолюция была следующего содержания:

«РЕЗОЛЮЦИЯ САМАРСКОГО КОЛЛЕКТИВА П. С.-Р.

«Самарский коллектив П. С.-Р., обсудив события последнего времени, выражает свое отношение к ним в следующей резолюции:

«1) Считаясь с фактом войны, общее наше отношение к которой может быть только отрицательным, и принимая во внимание, что та политика милитаризма и империализма, в корне противоречащая интересам демократии, которую многие годы вела Германия и следствием которой явилась настоящая война, только укрепится и усилится, если Германия выйдет победительницей из этой войны,—определенно желая победы коалиции над Германией, в настоящий момент воздерживаемся от всяких выступлений, могущих ослабить силу сопротивления России.

«2) Уверенные в том, что в случае победы наше правительство использует все возможности, чтобы через это укрепить свое положение и что тот общественный под'ем, какой замечается в связи с текущими событиями, не вылившись в революционные формы, в лучшем случае может побудить его лишь к незначительным уступкам, ничего не дающим демократии,—мы должны, учитывая настроение страны, приложить все свои усилия к тому, чтобы по окончании войны,—а при благоприятных обстоятельствах и раньше,—вызвать революционное движение характера вооруженного восстания и всеобщей забастовки, подготовка к которому народных масс и армии является задачей данного момента и определяет нашу тактику.

(Принято большинством двух третей голосов).

«ВОЙНА и СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

«Война. Вот событие, которое завладело вниманием всего мира, выдвинуло бездну вопросов, требующих неотложного решения. Не решить эти вопросы, значит обречь себя на бездействие, признать свое жизненное банкротство. Организованное

---

[1]) „Аг. Зап."—Агентура 19, № 103 от 6/XI 1914 г., д. № 33.

действие возможно только тогда, когда организована мысль, сознание,—вот почему решение поставленных войной на очередь вопросов должно иметь для нас первенствующее значение.

«Вопрос войны—нашего отношения к ней,—как и всякий иной вопрос общественной жизни, должен рассматриваться при свете нашего общественного идеала. Все это приближает нас к конечной цели, т.-е. к социализму, иными словами, все, что содействует развитию демократии, приемлемо, желательно для нас. Все, что противодействует, не желательно, противно нам.

«Отношение социалистов к войне, если только она не является войной освободительной, выводимое из социалистического идеала, резко отрицательно. «Долой войну», «Война войне»—вот лозунг социалистов. Война несет столько бедствий, столько страдания и горя, падающих преимущественно на трудовые элементы страны, что иного отношения к ней с нашей стороны и быть не может. Все наши усилия всегда должны быть направлены на предотвращение войны, на недопущение ее.

«Но покамест вопросы войны и мира решаются не нами, и мы стоим, как это ни безумно, перед фактом небывалой еще в летописях истории войны?

«Казалось бы, оставаясь верными своим лозунгам, социалисты должны подчеркнув еще раз формулу «Война войне», призывать солдат сложить оружие и не итти на поле брани. Что же мы видим?

«Загремели первые пушки, и давший нам формулу «Война войне» социалист Вандервельде, призванный к власти, в минуту опасности берет портфель министра и издает манифест к бельгийцам с призывом стать на защиту родины. Непримиримый Гэд вступает во французский кабинет министров и обращается с аналогичным воззванием к товарищам по партии. Русский социалист Керенский с трибуны Г. Д. шлет «низкий поклон и братский привет нашим братьям, проливающим кровь за родину», и только одни русские с.-д. трусливо уклонились от прямого ответа на поставленный историей вопрос и вынесли ничего не говорящую резолюцию.

«Почему так? Почему безусловные противники войны, в этом никто из нас не сомневается, зовут к войне, зовут поднять оружие против врага—Германии. Ответ ясен в их воззвании. Мы боремся за свою самостоятельность, честь, культуру, боремся против капитализма, мы встали на защиту родины, говорят они.

«И они—я говорю это без колебаний—правы. Германия является воистину воплощением идей милитаризма и империализма, при чем с каждым годом она идет все дальше и дальше в этом направлении. В течение многих лет вся национальная энергия Германии была направлена в одну сторону, на увеличение ее военной мощи. В мастерских Крупповских заводов отливались чудовищные пушки, строились блиндированные авто-

мобили, изготовлялись пулеметы. Спускались на воду дредноуты, аэропланы приспособлялись исключительно для военных целей.

«И в ответ на бесконечные вооружения Германии все государства, начиная от великих и кончая последними по счету, бесконечно вооружаются. Военные бюджеты выросли до небывалых размеров и поглощают большие доли общего бюджета данной страны. Конец этому могли положить только или социальная революция, в корне изменившая бы взаимоотношения народов, или война. Война пришла скорее, и социалисты выдвинули смелый и парадоксальный на первый взгляд лозунг: «Война с Германией — война войне».

«Целью этой войны,—говорил Вандервельде,—должно быть уничтожение прусского милитаризма в интересах всей Европы, а в том числе и самой Пруссии. Если Вильгельм II будет побежден, восторжествует свобода и демократия. Если победит Германия, демократии нанесен будет смертельный удар, а маленькие национальности будут побеждены... Коалиция всей Европы поднялась против прусского милитаризма. «Гуманите», орган французских социалистов, пишет: «Под знаменем, цвета которого возвещают всему миру идеи свободы, прогресса, справедливости, весь народ требует вооружения и похода на немецких насильников». В своем известном письме к с.-д. депутатам Г. Д. тот же Вандервельде так характеризует отношение бельгийских и французских социалистов к европейской войне:

«Для социалистов Западной Европы поражение,—я не говорю Германии, которую мы любим и перед которой мы преклоняемся,—но прусского юнкерства есть вопрос жизни или смерти. Если бы судьба решила, чтобы наша маленькая Бельгия была уничтожена, чтобы Франция или Англия были побеждены, чтобы германский милитаризм восторжествовал, нормальное развитие социализма в наших странах на долгие годы было бы подорвано. Чтобы избежать подобной катастрофы, мы решились,—и уже события показали, что и демократы, республиканцы и социалисты Бельгии и Франции решились,—использовать во всей полноте свое право на законную защиту...

«Мы ведем,—говорит он дальше,—войну за независимость, мы сознаем, что боремся за демократию и за политическую свободу Европы; мы считаем, что по крайней мере для наших стран торжество германского милитаризма было бы ужасной катастрофой». И Вандервельде призывает русских товарищей «стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе».

Но для нас, русских, вопрос является в иной форме, должен рассматриваться в иной, отличной плоскости. Конечно, прусское юнкерство—наш злейший враг. Торжество германского милитаризма нанесет удар не только демократии Западной Европы, но и нам. Даже больше. Влияние Германии на Россию, влияние весьма сильное, можно оценивать только отрицательно. Та реак-

ционная политика, та система гнета и беззастенчивого игнорирования прав народа, которой придерживалось наше правительство, всегда находили сочувственный отклик и поощрение в Германии. Ибо это было, во-первых, в ее корыстных интересах, во-вторых, всякое народное волнение в России немедленно отозвалось бы и в ней. Следовательно, здесь наши взгляды совпадают со взглядами социалистов Бельгии и Франции: мы не можем желать и не желаем победы Германии над коалицией. После поражения отрицательное влияние Германии на Россию в области внутренней политики сведется к минимуму и даже может принять характер положительный: дом Гогенцоллернов едва ли переживет поражение.

«Но для нас есть и другая сторона вопроса. У нас нет свободы, на защиту которой мы могли бы встать, как наши западные т. т. Прусский милитаризм враг нам, но не менее страшный и ближайший нам враг—наше правительство, и с ним, с исконным врагом нашим, мы должны итти об руку. Мы должны вступить в союз с таким союзником, который будет разить нас и тогда, когда мы сложим свое оружие против него, чтобы итти вместе с ним против общего врага. На протянутые к нему в знак примирения руки оно надевает кандалы. И наивно звучат у нас призывы к социалистам «об'единиться, поддержать правительство». Бурцев, один из первых подавший голос за поддержку, был арестован, едва переехал границу России. Кропоткин, с уст которого сорвались горячие слова о подавлении «врага самых дорогих нам заветов—немецкого милитаризма и немецкого империализма», знает, что, явись с этими словами в свое отечество, он в лучшем случае отделался бы только каторгой, не за эти слова, конечно, а за прошлые деяния. Военное положение, усиленная охрана, тюрьма, каторга, ссылка—вот чем отвечает наше правительство на призыв об'единиться с ним.

«И здесь мы говорим—нет. Стать на ту «точку зрения положения социалистической демократии», на которой стоят Вандервельде и его товарищи, мы в данный момент не можем, ибо наше положение по существу своему разнится от положения социалистов Бельгии и Франции. Борьба на два фронта может кончиться для нас поражением на главных наших позициях, позициях против правительства, а мы желаем здесь победы и только победы.

«Это желание диктуется нам не исключительно интересами русской демократии, оно стоит в согласии с интересами демократии других стран: русское самодержавие являлось до сих пор лучшим оплотом для всех реакционеров.

«Итак, по силе всего вышеизложенного сущность переживаемого нами момента определяется двумя сходящимися положениями:

«Первое. В интересах демократии не допустить победы Германии над коалицией, и

«В т о р о е. В интересах русской демократии, совпадающих с интересами демократии других стран, не прерывать борьбы с русским правительством.

«Приведенная выше резолюция П. С.-Р. дает ту «равнодействующую, которая может быть выведена из этих двух положений. Не желая поражения коалиции, мы не можем ослаблять ту силу внешнего сопротивления, какою обладает Россия. Продолжая нашу борьбу с правительством, мы направляем наши усилия на подготовку того генерального сражения, которое должно сломить твердыню самодержавия. Наша тактика определяется этой подготовительной работой.

«Условия момента категорически требуют от нас развернуть эту работу по всей линии, использовать весь имеющийся у нас запас сил. Преступлением будет потеря каждой минуты, каждой возможности.

«Бой готовится решительный, а мы хотим победы, только победы.

С».

В первых числах марта месяца 1915 г. соц.-рев. Левиным [1]) была составлена прокламация об отношении к войне. Вследствие ареста Левина прокламация не получила размножения. Текст ее следующий [2]):

«О ВОЙНЕ.

«Вот уже целых семь месяцев длится небывалая страшная война, принесшая миру столько ужасов, крови и слез. Целых семь месяцев безостановочно грохочут пушки, кровь человеческая льется широким потоком, а еще не предвидится конца беспощадной бойне. Селенья горят, гибнут древние города, топчутся посевы, цветущие поля изрыты окопами. Заразные болезни и голод встают уж над Русью. Множество семей осталось без кормильцев, крестьянские полосы порастут лебедой и сорными травами, многие фабрики остановились и сотни тысяч трудящихся остались без заработка. Что-то грозное нависло над нами. И невольно спрашиваешь себя: какие же важные причины заставили правителей десяти держав так встряхнуть всю нашу жизнь и обречь столько людей на верную гибель или на безрадостное существование нищих калек? Ни царские министры, ни газеты не дают нам ответа... И в самом деле. Неужели убийство одного человека, хотя бы это был и наследник престола, заставило Австрию бросить вызов Сербии? Неужели лишь из-за сочувствия к беззащитным сербам и негодования против происков немцев Россия ответила мобилизацией и участием в войне? Почему Англия вступилась за бельгийцев и наши

---

[1]) Левин, Моисей Абрамов, слушатель универ. Шанявского, был арестован 8 марта.

[2]) „Ар. Зап.—„Леонидов", от 8/III 1915 г. № 56, д. № 34.

недавние враги—японцы вступили с нами в союз? Те, кто могли бы сказать нам правду—крестьянские и рабочие газеты,—еще до начала войны были предусмотрительно прикрыты нашим правительством. Вся же остальная печать, как в один голос, твердит нам о том, что Россия и все ее союзники жаждали мира, как манны небесной, что они подняли свой меч против Германии, Австрии и Турции, как против постоянной опасности всем мирно настроенным людям и т. п. Послушаешь эти газеты, да и покажется, что царит на святой Руси мир и в человецех благоволение. Да призадумаешься только невольно: неужели в самом-то деле наш государь и все его приближенные так заботятся о счастье людей, чтобы совсем бескорыстно вступиться за интересы чужой страны? И достаточно вспомнить, сколько своей, народной крови лилось и льется на святой Руси, как плохо у нас живется рабочему люду, как беспощадно давят каждый его голос, чтобы решительно ответить. «Нет, тем, кто с высоты и престола равнодушно взирает на вековые народные муки, маска миротворцев не пристала».

«Ведь еще в марте месяце прошлого года русский военный министр созвал на какое-то тайное совещание депутатов Государственной Думы. Были у него и именитые купцы, и столбовые дворяне, и духовенство. Обошли лишь наших избранников. Обошли рабочих и крестьян—представителей тех самых людей, которые сейчас гибнут на кровавых полях сражения. Скоро мы узнали о чем шла речь в барских хоромах: нужна была новая подачка военному министерству, нужно было увеличить количество новобранцев на целых 130 тысяч в год.

«Уже из этого видно, что к войне Россия давно и упорно готовилась, а не была застигнута ею врасплох, как об этом рассказывают лживые газеты.

«Не зевала все время и Англия. Уж лет десять на всех ее судостроительных заводах кипела лихорадочная работа: один морской гигант выходил за другим, угрожая всему миру жерлами своих громадных пушек. В Германии же военные расходы прямо задушили всю страну, выматывая у нее все ее силы и средства, и все рос орудийный завод Круппа, превращаясь в целый город. Точно так же много-много лет шла подготовка к великой нынешней свалке и во всех других странах—вся-то разница между ними, что кто побогаче да посильнее, тот и подготовился получше.

«Но если во всех державах шла такая гонка, если народные деньги уходили, главным образом, на войну, то можно ли винить в разразившейся над нами беде одного Вильгельма и его придворных? Знать, суровые требования австрийцев и неисполнение нами просьбы немцев отозвать свои войска с их границы были лишь пустыми прицепками. Не будь их, правители придрались бы к чему-нибудь иному, и война все равно, рано или поздно, так или иначе началась бы. Какие-то более глубокие

скрытые от нас, уже настоящие, причины вызвали такую небывалую бойню. И раз в войну вмешалось столько царств, то видно у всех их было одно общее, что так заставляло их стремиться перещеголять друг друга количеством орудий, кораблей и солдат.

«Разные люди населяют страны Европы, на разных они говорят языках, другие у них, чем у нас, обычаи и привычки.

«Но почтив сюду на земле ныне царствует такой порядок, при котором торжествуют и наслаждаются живущие чужим трудом, между тем как сотни тысяч, миллионы вечных тружеников задыхаются в беспросветной нужде. Всю жизнь, все силы и здоровье рабочего люда забирают его хозяева. Они здесь владыки, ибо захватили в свои цепкие лапы деньги, машины, много земли и управление государством, а у рабочего есть лишь одно—покрытые трудовыми мозолями руки. Выгодно для себя продает фабрикант купцу и втридорога купит его тот самый рабочий, который один корпел над ним. А ненасытный аппетит сильных мира сего все растет и увеличивается. Лишь одной неотступной мыслью заняты эти люди, стоящие у трона и диктующие царям все их указы и распоряжения: как бы стать еще побогаче, посильнее. Им нет никакого дела до счастья людского, не тревожат их судьбы своей родины. Им все грезится власть, все сокровища, все богатство мира, хоть достижение этого и стоило бы целого океана крови. Так создается вечная борьба всех против всех, при которой человек становится для человека волком. Всеми силами старается капиталист задавить своих соперников. А когда все соки в своей стране оказываются истощенными и уже нет возможности сбывать у себя товары, капиталистам становится тесно. Пользуясь своей сплоченностью и силой, они стараются проникнуть в чужие страны. Тамошним богатеям хочется, разумеется, противоположного, и враги трудящегося люда всех стран начинают враждовать между собой. А так как верховная власть находится в руках самых крупных фабрикантов или помещиков (как, напр., у нас в России), то уж весь народ поневоле втягивается в войну для защиты ненавистных ему интересов паразитов.

«Таковы истинные главные причины войн последнего времени. Они вызвали так дорого обошедшуюся нам русско-японскую войну. Они привели к нынешней свалке, когда аппетиты господствующих классов разгорелись, как никогда.

«И всем нам надо твердо помнить, что война разразилась не из-за злой воли каких-нибудь отдельных лиц и не благодаря отдельным порывам тех или иных правителей. Нет. Лишь за лакомые для наших притеснителей кусочки: за более выгодные для промышленности условия и новые рынки в Европе, за удобные для торговли проливы и гавани в морях и за обладание колониями в других частях света, куда можно сбывать товар и получать сырье. Вот за что, товарищи, мы сражаемся. Вот за

кого погибаем. И потому, ненавидя весь немецкий народ, мы совершаем величайшую несправедливость, забывая, что немецким крестьянам и рабочим так же враждебна и чужда война, как и нам. Как и у нас, в Германии льется кровь и слезы за господские интересы. И как и во всех других государствах Европы, так и у немцев друзья трудового народа протестовали и боролись против этой войны. Но,—увы!—мы оказались еще недостаточно сильными и не смогли помешать волкам в овечьей шкуре провести свое кровавое темное дело. В западных странах нас просто не захотели услышать, а в матушке России нам зажали рты закрытием всех наших газет, арестами и порой расстрелами солдат и рабочих, а совсем недавно ссылкой наших 5 народных избранников на вечное поселение.

«Итак, война началась, идет и нет у нас сил остановить ее. Так знайте же, по крайней мере, правду. Не верьте своим исконным врагам, когда они говорят нам, что это война последняя, что после нее наступит вечный мир и благодать. Чем ни закончится нынешняя резня, но горькие плоды ее будут отравлять жизнь еще не одному после нас поколению. А пока все будет итти попрежнему, мы ничем не убережены от того, что вновь когда-нибудь разгорится бойня, вновь прольется народная кровь...

«Так будет продолжаться вечно, пока наша судьба, доля народная не будет в наших собственных руках, пока те, которым выгодны войны, будут стоять у власти.

«Нам не от кого, братья, ждать себе помощи и милосердия. Не помогут нам ни денежные мешки—капиталисты и дворяне, ни цари и их вельможи, ибо они плоть от плоти, кровь от крови тех же классов. Лишь собственными силами, братья, своей простой, народной мыслью, мы сможем создать свое счастье и раздобыть его для наших детей и внуков».

Если Левину не удалось выпустить листовку, то неделей позже группою эсеров портных, с которыми Левин был связан, на мимеографе профессионального общества портных была отпечатана прокламация под заглавием «К солдатам» следующего содержания [1]):

«Товарищи солдаты!

«Никогда еще мир не переживал таких страшных бедствий, как в настоящее время. Миллионные армии 10 больших и малых держав ощетинились штыками, встали одной стеной друг против друга и сеют на пути своем смерть и разрушение. Гибнут в борьбе сотни тысяч людей, реками льется кровь, громадные пространства земли опустошаются огнем и мечом и превращаются в пустыни, тратятся безумные деньги, собранные из трудовых грошей рабочего люда... И для чего? Кем все это вы-

[1]) „Ар. Зап."—Леонидов, 14/III 1915 г. № 60/2, д. № 34.

звано? Кому нужны эти жертвы, кому нужны горы трупов, потоки крови, миллионы разоренных семей?.. Нужно ли все это трудовому люду, который должен на своих плечах выносить всю тяжесть обрушившихся бедствий? Разве сам народ требовал войны?.. Конечно, нет!.. Есть картина знаменитого русского художника Верещагина. Называется она «Апофеоз (результат) войны». На безжизненном поле насыпана громадная куча человеческих черепов; кругом мертво и пусто; только от'евшиеся вороны сидят и кружатся стаей над этой страшной кучей. Это хищники клюют и поедают человеческие останки; здесь им привольно, здесь их царство, они нашли тут богатую добычу... Разве не то же происходит и в действительности. Миллионы рабочего люда идут и ложатся костьми, чтобы накормить своими трупами ненасытную стаю хищников—капиталистов. Вот им да еще разным «помазанникам божьим» с их приспешниками, захватившим в свои руки политическую власть и стремящимся посредством победоносной войны закрепить ее за собою, и нужна война. Капиталисты одного государства, гоняясь за миллионными барышами, сталкиваются с капиталистами других стран, вступают с ними в жестокую конкуренцию и доводят дело до войны. В своем стремлении захватить чужие рынки капиталисты встречают сильную поддержку в лице разных политических авантюристов, которые и во сне и наяву мечтают о захвате в свои руки еще большей власти. Вот, значит, кем вызываются войны и кому нужны кровавые жертвы рабочего люда: на ваших трупах, товарищи солдаты, они строят и укрепляют свое благополучие. А что же получает от войны трудовой народ, что война ему приносит?.. Горы убитых, сотни тысяч израненных и искалеченных, миллионы обнищавших и разоренных хозяйств, голод и холод семей, лишившихся своих кормильцев, новые тяжелые налоги,—вот, что приносит война народу. И не только русскому народу, но и трудовому народу других государств. На плечи трудового народа всюду—и во Франции, и в Германии, и в Австрии, и в Англии, и в других государствах—взваливаются все тяжести войны. Смерть и разрушение, голод и обнищание принесла война не только русскому народу, но и народу германскому, и французскому, и бельгийскому, и всякому другому. И пусть народ не думает, что ему после войны дадут разные льготы, что ему кто-то предоставит и землю и волю. Вспомните японскую войну. Разве война с Японией не принесла народу все ужасы эти и бедствия. А когда народ потребовал для себя лучшей доли, лучшей жизни, то что они получили, кроме пуль и нагаек, тюрьмы и виселицы. Таковые же результаты, только в несравненно больших размерах, нужно ожидать от теперешней войны. Помните же, товарищи солдаты, что счастье ваше не в руках тех, с которыми вы теперь сражаетесь, но в руках тех врагов, которые за вашими спинами в тепле и довольстве благоденствуют. Победа народная есть победа над внутренним

врагом, который стоит на пути к свободе и счастью народному. Мы должны помнить, что только тогда прекратятся ужасы военщины (милитаризма), когда трудовой народ сам будет управлять своими делами; когда будет сломлено господство наших самодуров и капиталистов и наступит господство труда. И, помните, товарищи солдаты, что в ваших руках та сила и мощь, которая может это сделать. Вся власть и произвол нашего правительства сильны только до тех пор, пока вы их поддерживаете, они держатся вашими штыками. И вам стоит только повернуть свое оружие против тех, кто властвует над вами и пьет вашу кровь, и потребовать дружно и властно земли и воли.

«Помните же это, товарищи солдаты, и не забывайте, что, не добившись земли и воли, вы, вернувшись домой, найдете там только нищету и разорение. А над вами все также будут сидеть и кружиться стаи воронов-хищников, клевать вам глаза и пить вашу кровь.

«Группа социалистов-революционеров».

По сообщению «Леонидова» [1]) во главе этого кружка стоял Грибанов [2]), что же касается других активных членов группы, то таковыми являлись: «Петров [3]), Кузнецов [4]) и неизвестная девица, служащая где-то в канцелярии, при посредстве которой в ближайшем времени Грибанов намеревается отпечатать на пишущей машине, на восковке, прокламацию, а затем отпечатать таковую на мимеографе, сделанном Грибановым по образцу имеющегося в профессиональном обществе портных».

Тот же осведомитель сообщал, что соц.-рев. булочник Исаев [5]) состоит в группе лиц, в которую входят четыре «эсера»: Исаев, студент Покровский, Анисимов [6]) и неизвестный, три анархиста, присяжный поверенный «Виктор Иванович» [7]), неизвестный старик, приезжий из Швейцарии, и еще какой-то неизвестный анархист.

«Эта группа второй раз не устраивала собрания и ничего не делает.

«Покровский отзывается об этой группе, как о недолговечной и не могущей сыграть какой-либо роли и даже проявить себя активно, вследствие разнородности ее состава».

Вообще о работе с.-р. нужно сказать, что они писали резолюции, листовки и записки, выясняющие их отношение к войне, но этот материал имел весьма малое распространение

---

1) „Аг. Зап."—Леонидов, от 14/III 1915 г. № 60/2, д. № 34.

2) Грибанов, Николай Ефремович, кр. Тверской губ., Новоторжского у., Мариинской вол., дер. Савинской.

3) Петров, Петр Петров, мещ. гор. Воскресенска.

4) Кузнецов, Григорий Федоров, кр. Моск. г., Бронницкого у., Лобановской вол., села Марьина.

5) Исаев, Александр Михайлов, кр. Тверской губ., Высьегонского уезда, Путниковской вол., дер. Фоминок.

6) Анисимов, Николай Васильев, личный почетный гражданин.

7) „Виктор Иванович"—Евтихиев, Виктор Иванов, присяжный поверен.

в рабочих массах. Активными профессиональными работниками в большинстве были большевики, они отказывались от распространения эсеровской литературы, и вся их литературная продукция служила им лишь средством самооправдания своего бездействия и только. Угрозы в будущем расправиться никого не пугали. «Руки коротки»—отвечала вполне резонно реакция. Обрекая себя на полную бездеятельность на время войны и начиная подтягивать в общем хоре буржуазных голосов, партия с.-р., и без того расслабленная, еще больше разлагалась, превращаясь в труп, распространяющий зловоние.

Народнические, эсеровские и анархистские группы во вторую половину 1915 г. проявляли признаки жизни, но попрежнему оставались совершенно несвязанными с рабочей массой и в стороне от того забастовочного движения, какое мы имели в эти месяцы.

Они попрежнему носились с планами разных революционных начинаний, составляли листовки, завязывали связи с другими родственными им группами, но дальше они не шли.

Так, организовавшийся в начале этого года из студентов Московского Коммерческого института кружок анархистов имени М. Бакунина, по сообщениям «Михайлова»[1]), предполагал в ближайшее время собрать в Москве материал для издания гектографированного журнала по разным вопросам анархизма в связи с современным моментом. Печатать журнал предполагали в Орле. С Орлом кружок поддерживал постоянную связь. Кроме Орла, кружок имел связь с Кинешмой, Смоленском, Бежецком и друг. местами. С этими городами кружок вел постоянную переписку по принципиальным вопросам. Последнее же время «в виду напряженности общего положения» кружок предполагал расширить круг своей деятельности приобретением новых связей и изданием соответствующего моменту листка. Кроме того, кружок собирал деньги на побег арестованного в Орле товарища. Но все эти предположения кружку не пришлось осуществить; дальше принципиальных разговоров дело не пошло.

В течение октября и ноября о деятельности анархистов в Москве ничего не было слышно, и агентурой охранки таковая не отмечалась. Только в последних числах декабря месяца поступили сведения о письмах высланных и принятых на военную службу анархистов. Так, по сообщению осведомителя «Криецова»[2]), «служивший ранее на заводе «Густава Листа» в Москве и в этом году принятый на военную службу в Балтийский флот Анатолий Железняков[3]), сообщал в Москву своим единомышленникам, что во флоте наблюдается сильное брожение на полити-

[1]) „Ар. Зап." № 14 от 3/IX 1915 г., за № 64.
[2]) „Ар. Зап." № 17 от 29/XII 1915 г., д. № 64.
[3]) Железняков, Анатолий Григорьев, московский мещанин Басманной слободы.

ческой почве, что в той части, где он служит, есть организация, видимо анархистов, так как он называет участников ее своими друзьями; эта организация имеет сношения с частными лицами, адресами которых пользуются для своих партийных сношений; так, например, Железняков имеет какую-то знакомую женщину, адресом которой намерен воспользоваться для получения анархической литературы.

«Сам Железняков намеревается вести пропаганду анархических идей и выписывает для сего соответствующую литературу, как пособие себе для пропаганды. На будущее, в смысле успеха пропаганды и общего сочувствия ей со стороны моряков, Железняков возлагает большие надежды, и, как на пример сего, с одной стороны, и как на положение, характеризующее развивающееся брожение во флоте, он указывает на бывшие недавно беспорядки на броненосце «Гангут», с которого вся команда матросов была снята, и на беспорядки, бывшие якобы на других военных судах, откуда также сняты команды.

«Попутно с сообщением о вышеизложенных обстоятельствах Железняков сообщает об отличных результатах его учебной стрельбы из револьвера, чему он придает, видимо, известное значение в связи со своей революционной деятельностью.

«Высланный из Москвы в административном порядке анархист Васильев[1]) (ныне служит на заводе в Лысьеве Пермской туб.) отмечает в настоящее время наплыв на завод большого количества лиц, высланных в последнее время из Петрограда и характеризует настроение рабочих на заводе весьма нервным, но пока не использованным вожаками рабочих, вследствие отсутствия там организаций. Из числа служащих на заводе видных партийных работников в прошлом, Васильев указывает на приезжего из Тулы соц.-дем. Василия Степановича Халдина[2]), бывшего члена 2-й Гос. Думы Кузнецова[3]) и неизвестных, приезжих из Петрограда».

Более деятельными были с.-р. Так, в конце августа «группой независимых социалистов-революционеров», по сообщениям Евгения[4]), была выпущена отпечатанная на пишущей машинке листовка, озаглавленная «Обращение к армии», следующего содержания:

«Обращение к армии.

«Солдаты! Год войны показал нам нашу неорганизованность, наши недостатки: нехватает снарядов, нехватает амуниции, нехватает всего того, что необходимо для полного

---

[1]) Васильев, Алексей Васильев, мещанин Сергиевского посада.

[2]) Халдин, Василий Степанович, крестьянин, токарь.

[3]) Кузнецов, Алексей Федотов, крест. Тверской губ., Старицкого уезда (кузнец и бывший член 2-й Государственной Думы).

[4]) „Аг. Зап." № 117 от 24/XII 1915 г., л. № 124.

отражения и поражения врага. Кто же виноват во всем этом? Кто должен быть привлечен к ответственности за напрасно понесенные жертвы, кого должно судить, чтобы оградить страну от дальнейших бесплодных потерь, чтобы сломить, наконец, ту тевтонскую силу, которая мутным потоком залила наши родимые поля?

«Как и в русско-японскую войну, наше правительство скрыло от народа государственные прорехи. Думая больше о своем собственном благополучии, преследуя шкурные интересы, оно ограничилось внутренним спокойствием, пуская в ход силу полицейского надзора, не давая стране выпрямиться во весь свой могучий рост.

«Закрытие профессиональных союзов, рабочих газет, ссылка депутатов с.-д. фракции, расстрелы рабочих в Иваново-Вознесенске и Костроме, прежняя ненависть и угнетение других национальностей—вот те доказательства, которые говорят нам о традиционной карательно-провокационной системе правительства. Во главе государственного правления стоят люди, не отвечающие своему назначению, преследующие вредные антинародные цели, ведущие государство к ослаблению и упадку.

«Что вы скажете, если ваш управляющий будет плохо следить за делами, красть ваше добро, обманывать хозяина и на всем этом строить свое собственное благополучие? Вы должны его прогнать и судить. Представьте теперь, что вся Россия есть огромное хозяйство, а правительство ее—управляющий. Представьте также, что этот управляющий не только плохо управляется с хозяйством, крадет хозяйское добро, обманывает народ, но и старается ослабить хозяйский глаз—народный надзор, забирая его в свои руки, высылая наиболее опасный элемент в далекую Сибирь, а отважных борцов—в рудники и тюрьмы. Разве не заслуживает оно кары? Разве не преступление молчать 12 месяцев, скрывая свою бездеятельность, результатом которой явилось наше поражение?!

«Солдаты! В вас теперь сила, вся страна под ружьем,—тем справедливей суд. Вы должны потребовать от правительства отчета, вы должны удалить его, как неспособного и вредного для благополучия государства управляющего.

«У нас существует народное представительство, но посмотрите, разве считаются г. г. Горемыкины с народными пожеланиями, разве был хоть один случай, когда бы народная мысль нашла себе одобрение среди правительства. Являясь в меньшинстве, левые депутаты бессильны даже в протесте. Но что могут дать протесты! Были и лучшие времена, была первая Государственная Дума, где оппозиция преобладала качественно и количественно, но разве не заткнули ей рот штыком, разве правительство побоялось разогнать ее и наиболее «рьяных» выслать куда следует!

«Довольно бесплодных протестов, надо реального дела, надо силе противопоставить силу. Момент настал. За борьбой с немцами должна следовать борьба с русскими, теми русскими, которые вершат судьбой России, которые продают ее и изменяют ей на каждом шагу.

«Солдаты! Не складывая оружия после боя с немцами, вы должны двинуться на Петроград и очистить его от народных врагов. Долой правительство! Да здравствует республика на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования!

«Группа Независ. Соц.-Рев.».

Листовка распространялась в Союзе Потребительных Обществ, где распространителем ее, по сведениям «Евгения», был Сергей Степанович Калининский.

С роспуском же Государственной Думы 3 сентября была выпущена за подписью «Московской группы Партии С.-Р.» листовка, призывающая к организации и борьбе за ближайшие требования. Листовка, несмотря на ее протест против действий правительства, все же является более умеренной, чем группы независимых. Вот ее текст:

«ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

„В борьбе обретешь ты право свое.

«К московским рабочим!

«Высочайшим указом 3-го сентября Государственная Дума распущена, брошен новый, открытый провокационный вызов народу. Взрывом негодования ответила на это страна. Прокатилась забастовочная волна среди столичного пролетариата.

«Не слова осуждения, а привет шлем этому выступлению рабочего класса, как действенному проявлению готовности стать на путь революционной борьбы во имя спасения гибнущей родины, во имя светлого будущего всего трудового народа.

«Но значение яркой вспышки назревшего рабочего движения ослабляется отсутствием ясной, определенной программы, единых всеми опознанных лозунгов: революционному порыву рабочих недостает самого главного: сплоченности, организованности, планомерности действий, а без этого невозможен успех движения, немыслима победа. Между тем, жизнь ребром поставила перед лицом трудового народа старые, вековые вопросы. Кошмарная, кровавая действительность требует немедленного разрешения сложнейших политических задач, коренного переустройства всего уклада нашей государственной жизни.

«Правительство втянуло страну в ужасную беспощадную войну. Пролиты реки крови, изжиты нечеловеческие страдания.

«Выбиты, искалечены целые поколения трудового народа. Миллиарды народных денег, миллионы человеческих жизней брошены в пасть этого ненасытного чудовища. А органы той

же правительственной власти, не исключая и военного министра, втихомолку продавали и продают отечество оптом и в розницу. Многомиллионная русская армия в самый разгар военных действий по воле того же продажного правительства оказалась на краю бездны, она осталась без пушек и снарядов, без амуниции и ружей. С каждым днем немецкие полчища продвигаются все глубже внутрь страны. Их победоносное шествие грозит стране полным разорением, экономическим порабощением, укреплением того полицейско-самодержавного режима, который привел нашу родину на край гибели.

«Правящая бюрократия, черная рать об'единенного дворянства даже в наши страшные дни продолжают пользоваться государственной властью лишь во имя своекорыстных, шкурных интересов и целей, они открыто измываются над народом и армией, держат страну на грани полного краха, готовы в решительную минуту продать отечество целиком неприятелю, способны опереться на штыки прусских корпусов, чтобы раздавить неизбежно нарастающую революционную волну.

«Отечество в опасности!», раздался клич из лагеря передовой, политически мыслящей буржуазии. Организуется пресловутый прогрессивный парламентский блок. Он требует, чтобы старая власть добровольно уступила место кабинету общественного доверия, требует перехода кормила власти в свои руки, надеясь этим путем организовать оборону страны, спасти отечество от грозной внешней опасности.

«Но наши либералы слишком глухи к страданиям и чаяниям народа, слишком склонны к мелкому политиканству и шушуканию, наконец, слишком трусливы, чтобы выступить на путь решительной, широкой политической борьбы. Одним актом разгона Государственной Думы правительство похоронило их резолюцию требований, от них остался только фальшивый призыв к спокойствию, работе и единению. Лишь вспышка рабочего движения наглядно, отчетливо показала, откуда может притти спасение родины. Товарищи, родина на краю гибели!

«Извне вторгся враг сильный, вооруженный, подготовленный. В тылу—другой враг, наше самодержавное правительство, запятнавшее себя позором предательства, дезорганизующее оборону страны, готовое опустить на нашу голову тяжелый бронированный кулак немецкого империализма, чтобы только спасти собственную судьбу и судьбу преступной династии. И покамест в тылу армии стоит этот внутренний враг—немыслима оборона страны, бесцельны великие народные жертвы. Ваш долг, ваша историческая обязанность революционным натиском заставить старое самодержавное правительство очистить место новой власти, сильной доверием народа, способной гарантировать неприкосновенность личности, свободу слова, союзов, собраний, могущей немедленно осуществить полную амнистию, сменить те человеконенавистнические законы, именем

которых угнетались и угнетаются отдельные народности, подготовить созыв Учредительного Собрания. Только при этих условиях возможна мощная оборона страны, мыслимо спасение гибнущей родины. Вот задача дня, без разрешения которой нельзя сделать ни шагу вперед как по обороне страны, так и в борьбе за социально-политические требования нашей минимальной социалистической программы. Она, эта программа, остается попрежнему неизменной, но непосредственной целью немедленных ваших выступлений должно быть то, что по самой действительности неизбежно.

«Помните, товарищи, что только в единении сила. Разрозненные полустихийные вспышки распыляют рабочее движение, деморализуют народные массы, ослабляют силу удара. Свободы не требуют, а берут. Поэтому прежде всего организуйте ваши силы, теснее смыкайте ваши ряды. Явочным порядком осуществляйте свободу слова, союзов, собраний, создавайте немедленно заводские комитеты, районные группы, общегородские центры. Немедленно начинайте упорную, планомерную борьбу за осуществление ближайших наших требований, без которых нет спасения родины, невозможно движение к светлому будущему всего трудового народа.

«Московская Группа Партии С.-Р.»

Наконец, зашевелились и старички народники. «19 сентября,—по сообщениям «Леонидова»[1])—в помещении комитета о кредитных и ссудосберегательных товариществах было собрание местных народников, на котором участвовали: Кильчевский [2]), Бойченко [3]), Бонч-Осмоловский [4]), Н. Н. Соколов [5]), студент университета Анисимов, неизвестный студент Петровско-Разумовской академии «Александр Иванович» и два неизвестных рабочих, один из них, видимо, с завода «Динамо».

«На этом собрании присутствовавшие обменялись мнением по вопросу о настоящем моменте. Соколов говорил, что в настоящее время какие-либо выступления несвоевременны, дабы не распылять силы; что правительство само ищет случая и вызывает рабочих на выступления в провокационных целях.

«По вопросу о соорганизовании Соколов высказал пожелание о необходимости устройства в Москве совещания народников, чтобы высказаться на нем по затронутым вопросам и попутно с совещанием образовать в Москве об'единяющий центр народников, о желательности работать в профессиональных союзах и проводить народников в правления союзов и поддерживать связи с рабочими на фабриках и заводах. Киль-

1) „Ар. Зап." № 139 от 21/IX 1915 г., д. № 126.
2) Кильчевский. Владимир Агафонов, сын статского советника.
3) Бойченко, Григорий Аверкиев, личный почетный гражданин.
4) Бонч-Осмоловский, Анатолий Иосифов, дворянин.
5) Соколов, Николай Николаев, потомственный почетный гражданин.

чевский присоединился вполне к мнению Соколова по вопросу о совещании и об'единении народников, кроме того, высказался о желательности в некоторых случаях реагировать на такие события, как беспорядки на Страстной площади, забастовкой или демонстрацией рабочих.

«Бойченко был согласен с мнением Соколова, но добавил, что нужно серьезное внимание обратить на деревню в целях агитации там через кооперативные организации, так как для этого он находит настроение крестьян в настоящее время соответствующим.

«Бонч-Осмоловский, соглашаясь с приведенными мнениями и как бывший недавно на фронте, с своей стороны подчеркнул о желательности налаживания связи с армией, что, по его впечатлениям, вынесенным на фронте, сейчас возможно, при офицерском составе из прапорщиков, в большинстве происходящих из народной среды, и замечаемой, якобы, прогрессивности в настроении командного состава. Студент «петровец» сообщил об оживлении, отмечаемом среди студентов, и стремлении студенчества к организациям. Неизвестный рабочий, видимо, с завода «Динамо», сообщил, что его знакомые рабочие имеют около 20 ф. шрифта, но не имеют других приспособлений и помещения для оборудования подпольной типографии.

«Никаких практических решений и выводов на собрании не было сделано.

«В конце собрания участники условились устроить на 20 сентября новое собрание для обсуждения вопроса о созыве в Москве совещания народников и об организации в Москве народнических сил.

«20 сентября, около часу дня, в квартире Кильчевского (Долгий пер., д. № 10, кв. 1) состоялось второе собрание, на котором участвовали: Кильчевский, Бойченко, некто Налетов (работает в кредитном комитете), неизвестный студент «петровец», два ранее упоминавшихся неизвестных рабочих; к концу собрания пришел Бонч-Осмоловский. На собрании по всем нижеприведенным вопросам прений не было, за исключением вопроса о создании центральной организации, против которой говорил Кильчевский, высказав пожелание о существовании в будущем в Москве, в целях конспирации, отдельных самостоятельных групп, связанных между собой на федеративных началах без об'единения центральной организации, но это пожелание успеха на собрании не имело.

«На собрании были приняты следующие предложения:

«1) В данный момент необходимо сохранить и увеличить силы, а потому никакие выступления, в роде демонстраций, забастовок и т. п., не должны иметь места.

«2) В то же время приложить все усилия, чтобы созвать Московское совещание и по возможности областные и на них создать комитеты.

«3) Озаботиться теперь же изысканием средств к созданию собственной нелегальной типографии.

«4) Усилить агитацию за народническую программу в профессиональных обществах.

«Стремиться проводить своих единомышленников в состав правлений профессиональных обществ.

«По вопросу о создании организации соц.-рев. в Москве решено: установить связь настоящего совещания с существующими здесь группами с.-р., оповестить их о принятых предложениях на собрании настоящего совещания и поднять вопрос о созыве общемосковского совещания из представителей групп и настоящего совещания.

«До созыва совещания руководящая роль должна принадлежать данному совещанию. Число групп и наличность народников в Москве совещанию, как видно из обмена мнениями участников совещания, мало известны.

«На совещании 19 сего сентября председательствовал Соколов, и он является среди упомянутых лиц руководителем. На Кильчевского возложена секретарская часть по поддерживанию связей и по устройству подпольной типографии».

Но тщетны были желания народников связаться с рабочими. Рабочие не шли на удочку начинающим розоветь старичкам.

Показательно в этом отношении решение, принятое рабочими 30 ноября в обществе народных развлечений. Вопрос стоял об избрании корреспондентской комиссии в газету «Народная Газета».

«Вопрос этот [1]) был поднят по инициативе редакции газеты, желающей иметь корреспонденции от рабочих и профессиональных организаций. На собрании присутствовал представитель «Народной Газеты».

«По обсуждении этого предложения большинством голосов оно было отвергнуто на том основании, что «Народная Газета» до сего времени рабочего вопроса не касалась и вообще по содержанию своему являлась чисто народнической газетой, абсолютно не затрогивающей интересы рабочего класса».

---

1) „Ар. Зап."—„Владимир", № 121 от 2/XII 1915 г., д. № 34.

ГЛАВА VI.

Правительственное сообщение об аресте.—Обвинительный акт.—Речь государственного обвинителя. — Листовка „группы организованных с.-д." по поводу ареста рабочей фракции.—Закрытие профессионального общества рабочих печатного искусства.

Полной растерянностью и незнанием как быть можно характеризовать настроение рабочих в первые месяцы войны, в месяцы безудержной шовинистической вакханалии, когда «все русское общество», в лице всей наличной прессы, собраний, учреждений,—наперебой, на все лады бросилось оправдывать, защищать ее, приписывая этому величайшему преступлению над человечеством и культурой всевозможные «высокие цели». К ноябрю месяцу это настроение рабочих начало значительно меняться, и этому значительно посодействовал арест с.-д. рабочей фракции Госуд. Думы.

Появившееся по этому поводу правительственное сообщение гласило:

«С самого начала войны народ русский, об'единившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим под'емом, помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями. Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических обществ, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач».

Это короткое правительственное сообщение довело до сведения растерявшихся рабочих масс о том разногласии, какое существует в среде социалистов по вопросу о войне. Больше того, они узнали, что рабочие депутаты Государств. Думы против войны и что они, не боясь поколебать военную мощь рус-

ской армии, работают в направлении осуществления мятежных «социалист. задач». Вскоре из обвинительного акта по этому делу они узнали, что 30-го сентября—1 октября 1914 года членами российской социал-демократической рабочей фракции Государственной Думы, вместе с некоторыми партийными работниками, было устроено в Финляндии совещание, на котором и был выработан отрицательный ответ (напечатан в «Социал-Демократе» [1]) на обращение Эмиля Вандервельде о поддержке войны и необходимости сокрушения германского милитаризма, что в августе 1914 года в Петрограде распространились прокламации различных организаций российской социал-демократической рабочей партии, посвященные оценке военных событий, возбуждающие широкие круги населения к бунту, с призывами «война войне», и что на основании всего собранного следствием материала 11 лицам (в том числе 5 членам Государственной Думы) было пред'явлено обвинение, а затем и вменено судом в вину то, что они: «1) участвовали в преступном сообществе, которое подчинилось контролю Центрального Комитета российской социал-демократической рабочей партии и ставило себе целью ниспровержение путем народного восстания существующего строя и замену его демократической республикой, при чем входили в сношения с различными организациями, содействовали росту последних и служили связывающим звеном между ними и Центральным Комитетом; 2) руководили собраниями и участвовали в распространении прокламаций с призывом прекращения войны; 3) составили прокламацию к студенчеству, где имеется призыв организоваться, организовывать массы и подготовлять их к революции; участвовали в вышеуказанном с'езде (конференции) российской социал-демократической рабочей партии, на каковом с'езде обсуждались: а) резолюция о деятельности во время войны. В этой резолюции утверждается, что лозунгами социал-демократов должна быть всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции, необходимость направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных буржуазных правительств и партий всех стран, для какой пропаганды должно организовать нелегальные ячейки и группы в войсках, при чем должна вестись пропаганда республик немецкой, польской, русской и других; б) на том же с'езде обсуждались—доклад члена Государственной Думы Муранова об об'езде им существующих тайных организаций, открытии новых в Уральском крае и в Поволжьи, а также вопрос о распространении прокламаций среди призывных и о студенческих социал-демократических организациях всех течений в Харькове».

---

[1]) См. „Соц.-Дем.“, № 33 и А. Шляпников—„Канун семнадцатого года“ Изд. второе, стр. 41.

Из этого официального материала стало ясно, что революционные социал-демократы ни на минутку не прекращали и не думают прекращать свою борьбу с царским правительством и с не меньшим, чем прежде, напряжением работают над организацией рабочих масс по подготовке их к революции. Этот процесс открывал рабочим столько скрытого, для них неясного, что каждое новое известие подхватывалось и разносилось везде и всюду, вызывая большие дискуссии, и в конечном итоге приводило к переоценке ценностей.

Если в первое время все разговоры вращались, главным образом, вокруг вопросов обороны, немецкого засилья и т. п., то после ареста рабочих депутатов центр внимания рабочих масс персносится на это событие. Арест разрушил легенду «гражданского мира», рабочие увидели, что все разговоры о «забвении распрей»—одно сплошное надувательство, что революционные соц.-дем., как и накануне войны, ни на час не прекращают своей деятельности и что только меньшевики и с.-р., уже раньше об'единившиеся на ликвидаторской платформе, ушли в лагерь буржуазии, приняв оборону. Старые фракционные споры большевиков с меньшевиками снова стали перед рабочим классом России и притом в еще большей остроте.

До войны эти споры находили свое отражение на страницах рабочей прессы и давали рабочим возможность разобраться в существе вопросов.

С началом же войны большевистская печать была задушена. Уцелела лишь ликвидаторская и народническая—приявшая войну. Интересы обороны страны и поддержки гражданского мира были главными ее задачами. Классовые интересы пролетариата у нее не только отошли на задний план, но и были совершенно отброшены; их заменили «национальные, отечественные интересы». В таких условиях освещение наиболее интересующего рабочих вопроса очень часто исходило оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать. Правительственное сообщение, обвинительный акт, речь государственного обвинителя на суде, копии вещественных доказательств—все это проникало в рабочие массы и служило источником как осведомления, так и политического самоопределения революционно-настроенных рабочих.

В этом смысле сослужила известную службу речь государственного обвинителя по делу депутатов Гос. Думы, проникшая впоследствии в рабочие массы. Последний раз'яснил на суде, что 1914 год принес социал-демократии вообще и российской социал-демократии в частности разочарование. Интернациональная социал демократия гордилась своей силой. Но в 1914 году устои ее рушились. Казалось, между германским правительством и социал-демократией лежит глубокая пропасть. Ожидали дружного выступления против войны. Но пришло ошеломляющее всех русских социал-демократов известие, что германские социал-

демократы вотировали военные кредиты и оказались друзьями правительства. Так поступили германские социал-демократы, но не так поступили «печальные рыцари русской социал-демократии». Во Франции и Бельгии впервые социалистам пришла та мысль, которая ясна была ранее наблюдательным людям,— мысль о дьявольском союзе между немецкой социал-демократией и правительством: немецкие социал-демократы одурманивали чужие головы, проповедуя борьбу с вооружениями, а немецкое правительство готовилось к войне. Социалисты Бельгии и Франции дружно забыли свои раздоры с другими классами, забыли партийные распри и без колебания стали под знамена. С трепетом ожидали, как отнесутся русские социал-демократы к войне, поймут ли они дьявольскую игру своих немецких товарищей или останутся верными трафарету и чужой указке. Ответ был дан 26-го июля 1914 года в Государственной Думе. В этой декларации говорится, что война противоречит чувствам и сознанию пролетариата, что русские социал-демократы вовлечены в нее по вине правительства и что не может быть единства народа с властью, когда власть порабощает народ. Отношение к войне русской социал-демократии, выраженное в декларации и развитое в № 33 «Социал-Демократа», есть разрыв не с данным правительством, а с государственной властью. Смысл деятельности отданных под суд вышеуказанных социал-демократов—по заключению государственного обвинителя—заключался в том, что они хотели «через головы сражающихся подать руки врагам и нанести сражающимся удар в спину».

Вскоре рабочие услышали не только правительственное сообщение и речь государственного обвинителя. В ноябре вышла от имени «группы организованных социал-демократов» листовка следующего содержания [1]):

«Товарищи!

«Уже четыре месяца идет война... Миллионы рабочих и крестьянских рук оторваны от работы... Уже четыре месяца длится вакханалия человеконенавистничества и злобного национализма. Буржуазные правительства посредством продажной прессы всеми силами стараются одурачить народные массы, прикрывая истинный смысл войны фразами о борьбе с милитаризмом и национальным гнетом. Но время идет, и уже нужен злой умысел, чтобы не видеть, что поднятая война, всей тяжестью легшая на плечи трудового населения, ведется не в целях освобождения. Смешно думать, чтобы царское правительство, угнетающее не один десяток национальностей, поработившее

---

[1]) Эта листовка по данным охранки издана группой студентов социал-демократов (См. „Аг. Зап." от 27/XI 1914 г.).

Польшу, Финляндию, чтобы это правительство взяло на себя освобождение других стран.

«Истинный смысл войны заключается в борьбе за рынки, в грабеже стран, в стремлении одурачить, раз'единить и перебить пролетариев всех стран. Из-за барышей, из-за прибыли капиталистов разразилась эта ужасная война.

«Династии России, Бельгии, Сербии, Англии, с одной стороны, и династии Германии и Австро-Венгрии—с другой, в круговороте раздуваемого ими национализма не упускают своих выгод и прочно чинят свои пошатнувшиеся троны. Народным массам эта война несет гнет и нищету.

«В сознании всей гибельности этой войны русская социал-демократия не могла не об'явить войну войне и не выступить на борьбу с шовинизмом и с русским царизмом. И царское правительство начало расправляться с оставшимся верным себе течением. Расточая сладкие слова к буржуазии Польши и Галиции, своими грязными азефовскими руками под шумок оно арестовало всю рабочую социал-демократическую фракцию Государственной Думы.

«И мы, социал-демократы, оставаясь под прежним знаменем интернационального братства рабочих, призываем демократию России встать против войны, столь грозной своими последствиями, против царского монархического шовинизма и его софистической защиты русскими либералами.

«Нашей задачей в настоящее время должна быть всесторонняя, распространяющаяся и на войска, пропаганда социалистических идеалов и необходимости направить штыки не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции царского правительства. Пусть борьба капиталистов... за право большей эксплоатации народов заменится гражданской войной этих народов за свое освобождение.

«Да здравствует учредительное собрание!

«Да здравствует демократическая республика!

«Да здравствует интернациональный пролетариат, несущий с собой мир и свободу!

«Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия!

«Группа организованных соц.-демократов».

Одновременно с этим началась агитационная работа в профессиональных организациях, приведшая к репрессиям и закрытиям. Так, 24 ноября 1914 г., по предложению московского градоначальника, было закрыто городским по делам об обществах присутствием профессиональное общество рабочих печатного искусства.

В докладе начальника Московского охранного отделения полковника Мартынова деятельность этого общества так описана:

«В первых числах января месяца текущего года отделением по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве были получены от секретной агентуры сведения, что лица, принадлежащие к РС-ДРП и группирующиеся вокруг профессионального общества рабочих «печатных искусств», составили и напечатали в одной из легальных типографий (как потом выяснилось—в типографии «Московского Издательства») от имени Российской демократической рабочей партии воззвания под заглавием «К московским рабочим», «День 9-го января». «Страховой закон», в коих призывали рабочих отметить «исторический» для рабочего движения день 9-го января всеобщей забастовкой и демонстративными выступлениями.

«По тем же сведениям, эти листовки предполагалось раздать особо доверенным лицам местных фабрично-заводских предприятий для распространения среди рабочих, в помещении названного выше общества вечером 7-го января.

«В целях недопущения осуществить эти преступные замыслы, в указанный день (7-го января) было установлено наружное наблюдение за приходящими в общество лицами, при чем наблюдением было отмечено необычное стечение разных лиц.

«В виду этого, в помещение общества был введен наряд полиции, задержавший всех собравшихся там в числе 32 человек, и, кроме того, было задержано на улице еще семь человек, вышедших из помещения общества.

«У некоторых, как из числа задержанных на улице, так и в самом помещении общества, были обнаружены в большом количестве однородного содержания воззвания под заглавием «К московским рабочим», «День 9-го января», «Страховой закон».

«Всего было отобрано в самом помещении общества 558 экземпляров вышеуказанных воззваний, что вполне подтвердило агентурные сведения о преступных намерениях лиц, стоящих во главе этого общества. (Доклад отделения от 8-го января сего года).

«Дело об обнаружении воззваний было передано Прокурору Московской Судебной Палаты 18-го января сего года за № 296611, при чем, по имеющимся сведениям, предварительное следствие уже закончено и обвиняемым вручен обвинительный акт, самое же дело назначено к слушанию на 17 сего ноября.

«Несмотря, однако, на произведенные аресты наиболее активных партийных работников из числа членов этого общества, преступная деятельность такового не прекратилась, и в отделение неоднократно поступали сведения, что это общество является рассадником революционных идей в среде рабочих местных типо-литографий.

«В правлении этого общества постоянно избирались лица в большинстве с революционным прошлым и активные партийные работники, почему деятельность общества и всегда была направлена к сплочению и распропагандированию масс.

«Даже и в настоящее время—время всеобщего патриотического под'ема, это общество не перестает преследовать преступные цели и всячески стремится провести в жизнь предначертания революционных партий.

«Так, в октябре месяце были получены сведения, что от имени Московской группы партии социалистов-революционеров выпущены отпечатанные типографским способом листовки с протестом против войны и призывом к борьбе с правительством, под заглавием «Крестьянам, рабочим, солдатам и всем честным людям», с девизом «В борьбе обретешь ты право свое», при чем агентура указала, что распространение этих листовок последует при содействии некоторых профессиональных обществ и в частности общества «печатных искусств».

«В виду этого, в целях предупреждения распространения этих преступных воззваний, 16-го октября сего года было произведено несколько обысков, при чем у секретаря профессионального общества рабочих «печатных искусств» крестьянина Орловской губернии, Дмитровского уезда, Гнездиловской волости, Валериана Георгиева Аничкина, проживающего в помещении общества, был найден 91 экземпляр однородного содержания упомянутых выше воззваний «Крестьянам, рабочим, солдатам и всем честным людям».

«Кроме того, тогда же, в помещении этого же общества, был задержан безработный наборщик—крестьянин Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, Верхотоемской волости, Иван Иванович Комаров, у которого было обнаружено 2 экземпляра воззваний издания Московской группы социалистов-революционеров, из коих один вышеупомянутого образца, а другой схожего содержания, но воспроизведенный на гектографе. (Доклад отделения от 25-го октября сего года).

«Помимо сего, названным обществом в настоящее время допущено и нарушение устава, а именно: из числа членов правления, избранных на последнем общем собрании, налицо находится только один председатель общества, крестьянин Московской губернии, Можайского уезда, Глазовской волости, деревни Маловки, Егор Константинов Степанов, все же остальные члены правления, по тем или иным причинам, выбыли из состава правления; тем не менее в помещении общества еженедельно происходят, под видом собраний членов правления, собрания главарей рабочего движения среди печатников, которые окончательно захватили в свои руки все дела общества, и деятельность его направляют по своему желанию в явно противоправительственном направлении.

«Производство новых выборов членов правления в настоящее время общего патриотического под'ема не улыбается кучке захвативших в свою власть главарей, т. к. они опасаются, что могут теперь пройти в члены правления непартийные лица, и общество, как легальная возможность, пере-

станет служить центром, об'единяющим рабочее движение у печатников.

«Докладывая о вышеизложенном на усмотрение Его Превосходительства Господина Московского Градоначальника, отделение по охранению общественной безопасности и порядка полагало бы необходимым, в виду непрекращающейся преступной деятельности профессионального общества рабочих «печатных искусств» и упомянутых обнаружений воззваний в помещении о-ва, таковое общество закрыть».

12 ноября 1914 года по докладу последовала следующая резолюция градоначальника Адрианова:

«Внести в присутствие об обществах о закрытии общества, деятельность его временно приостановить.

«Членов правления обыскать и арестовать».

«По докладу его превосходительства разрешено обыскать по результатам Степанова. 17/XI 1914 г.»

Степанов обыскан в ночь на 19/XI 1914 г.

Основываясь на этом материале, городское об обществах присутствие своим решением от 24 ноября 1914 г. решило:

«Признавая, что существование профессионального общества рабочих печатного искусства в Москве в настоящее время явно угрожает общественному спокойствию и безопасности, присутствие, руководствуясь ст. ст. 118^{6} и 118^{35} Св. Зак. по XIV Уст. Пред. Прест. по прод. 1912 г. определяет: названное общество закрыть и копию сего определения выдать по принадлежности».

Так погибла одна из крупнейших рабочих организаций. Уцелевшие же общества были поставлены под строжайший контроль и в своей деятельности были скованы по рукам и ногам полицейским произволом.

ГЛАВА VII.

Московское январское совещание с.-д.—Сообщение провокатора „Пелагея".—Питерское совещание большевиков.—Наказ московских рабочих думской фракции.—Статья Мартова „Из современных настроений".—Письмо А. Мартынова „Перспективы войны".—Листовка „Европейская война и пролетариат России".

Аресты и расправа над рабочими депутатами явились в то же время и арестом центральной с.-д. организации в лице арестованных с.-д. депутатов и их связей. Высылка же из Петербурга многих активных с.-д. работников в связи с об'явлением столицы на военном положении еще больше ослабила большевистские силы. К началу 1915 года петербургская организация, понеся громаднейшие потери, еле жила. Военный террор под видом военного положения сильно давал себя чувствовать, и когда наиболее видные партийные деятели признали необходимым собраться и обсудить положение с целью совместной выработки теоретического обоснования отношений партии к войне и внутренним событиям, то нашли удобнее всего это сделать в Москве. Об этом совещании в материалах Московского охранного отделения имеются следующие сведения:

По этому вопросу ездил в Москву известный петроградский присяжный поверенный эсдек Николай Дмитриев Соколов.

В Москве он виделся с местными эсдеками большевиками, окончившими учительский институт, Иваном Ивановичем Скворцовым и помощником присяжного поверенного Валерианом Ивановичем Яхонтовым, с коими условился собрать в Москве на 6-е января 1915 года об'единенное совещание представителей московской и петроградской с.-д. интеллигенции и сочувствующих партии лиц из среды видных общественных деятелей.

Такое совещание в назначенный срок и состоялось. На нем, между прочим, были: Алексей Максимович Никитин, Софья Моисеевна Зарецкая, Любовь Николаевна Радченко, помощник присяжного поверенного Валериан Иванович Яхонтов, Владимир Павлович Милютин, Иван Иванович Скворцов, Сергей Николаевич Прокопович, Екатерина Дмитриевна Кускова, Петр Гермогенович Смидович, Максим Горький—Пешков, Алексей Максимович, Василий Николаевич Лосев, Петр Павлович Маслов, всего до 25 человек.

Разношерстность состава, присутствие таких лиц, как Прокоповича и Кусковой, не являющихся членами партии, заставили собрание не признать себя партийным совещанием, а только совещанием отдельных социал-демократов различных течений и направлений.

На совещании главным вопросом был видвинут вопрос о признании настоящего состава соц.-дем. фракции Государственной Думы за выразительницу идей российской социал-демократии.

Вопрос этот был выдвинут социал-демократами меньшевиками-ликвидаторами, которые усиленно настаивали на признании, но вопрос этот не голосовался.

Затем поступило предложение о необходимости выразить доверие фракции, это предложение тоже не голосовалось, так как посыпались возражения, что еще неизвестно, как себя поведет фракция, а потому доверия авансом выдавать нельзя.

В конце споров и обсуждений собрание сделало вывод, что «по общим условиям и положениям политического момента— фракция может стать выразителем интересов и настроений Р. С.-Д. Р. партии в целом».

По вопросу о том, что же должна сделать фракция теперь же для того, чтобы стать этим выразителем интересов и настроений партии—присутствовавшие на совещании большевики настаивали на том, что фракция должна голосовать против кредитов; но и по этому вопросу единодушия не оказалось.

По вопросу об отношении российской социал-демократии к войне не вынесено было решения, и вопрос этот отложили до другого совещания, намеченного в ближайшем же будущем, на которое ожидался приезд депутата Чхеидзе.

Небезынтересно отметить, что, по сообщениям одного из наиболее видных провокаторов—Андрея Сергеевича Романова («Пелагея»), совещанием была все-таки вынесена резолюция по вопросу об отношении к социал-дем. (меньшевистской) фракции Госуд. Думы, в редакции Максима Горького, следующего содержания: «При сложившихся обстоятельствах на оставшуюся в Государственной Думе социал-демократическую фракцию выпадает роль представительства социал-демократической партии в целом; поэтому она политически и морально обязана перед пролетариатом считаться в своих выступлениях с мнением обоих течений в партии» [1]).

Присутствовавшие на совещании большевики: Лосев, Скворцов, Яхонтов, Смидович и Милютин, оставшись неудовлетворенными расплывчатым решением, вынесенным на названном совещании, выработали свою резолюцию, которую кто-то из них и повез 20 или 21 сего января в Петроград для передачи во фракцию.

---

[1]) См. его записку № 12 от 31 января 1915 года.

В этой резолюции они обращались к фракции и говорили ей, как она должна поступать, чтобы стать выразительницей интересов партии и рабочих масс. Они требовали, чтобы фракция выступила с определенной декларацией в Государственной Думе теперь же и указала:

1) Что та позиция, на которой стоял Интернационал и соц.-дем., осталась той же; современная война не изменяет позиции с.-д. и не дает оснований ей помогать правительству в войне, что каковы бы ни были последствия войны (кто победит), их будут расхлебывать рабочие, и на их спинах она отразится; рабочие не заинтересованы в вопросе, кто победит.

Те доводы, что война идет за освобождение от экономического гнета немцев,—неправильны, так как это обыкновенная борьба капитала.

2) Само правительство показало, что оно не считается ни с интересами общества, ни рабочих, ибо оно: а) расправилось жестоким и наглым образом с представителями рабочего класса в лице его депутатов, б) также яростно преследует рабочие организации и рабочую печать; в) оно угнетает еще сильнее национальности, расстреливает евреев и искусственно раздувает антисемитизм в Польском крае; г) покушается окончательно уничтожить остатки свобод, которые были в Финляндии.

Затем резолюция требует от фракции, чтобы она не ограничивалась словами, а голосовала бы против кредитов на военные нужды и постаралась, чтобы эта резолюция и выступление фракции получили бы самую широкую огласку.

В Петрограде после 6-го сего января происходили также совещания «беков», на которых, между прочим, были «Ольминский» (псевдоним), Михайлов (печатался в «Вперед»), Н. Д. Соколов, присяжный поверенный, и др.

Это питерское совещание примкнуло по своим взглядам и решениям к резолюции, выработанной 5 названными московскими большевиками.

Во второй половине января среди рабочих организаций Москвы появляется наказ соц.-дем. фракции Госуд. Думы, отражающей взгляды уже нами отмеченной пятерки московских большевиков. Этот наказ гласил:

«Тактическое бездействие думской фракции с.-д. во время суда над товарищами, прямолинейно поставившими вопрос о войне с вопросом о тактике последовательной с.-д., было бы неисправимой ошибкой. И нужное выступление с.-д. фракции должно быть не в форме пустых слов, которым грош цена и которые—только увиливание от постановки вопроса ребром. Тактика бездействия создает причастность думской фракции к системе насилия буржуазии и ее правительства.

«И наоборот, прямолинейное наступление оставшейся фракции с действительно имеющим вес протестом было бы

будирующим призывом к отрезвлению тех мало сознательных рабочих масс, которые всецело находятся под влиянием буржуазной печати и вообще бурж. идеологии.

«Вы, как с.-д., должны теперь же поставить вопрос о том, с кем вы будете сотрудничать: попрежнему ли с буржуазией или же с теми самородными силами революционного пролетариата, которые нарождаются в рабочем движении.

«Не ограничивайтесь же словесным заявлением, либо, что еще хуже, осведомлением о том, хорошо ли сидится арестованным депутатам (что, например, сделал на заседании бюдж. комиссии к.-д. Черносвитов). Вашим поведением определяется отношение к вам широких пролетарских масс. Если можете, освободитесь от своего оппортунизма, а не то вы останетесь за бортом нового движения, не поддержанного вами. Не будьте в числе гробовщиков погибшего Интернационала».

Одновременно с этим совещанием появилась в Москве отпечатанная на пишущей машинке статья под названием «Из современных настроений» [1]), в которой автор подробно отвечает на поставленный ему вопрос: разделяет ли он высказанные Г. В. Плехановым, П. П. Масловым, Н. И. Иорданским и др. взгляды на войну. Уверяли, что она принадлежит перу Мартова, а потому ее, как материал к истории эволюции взглядов этого лидера меньшевиков, мы полностью и воспроизведем:

«ИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ.

«Разразившаяся над миром социально-политическая катастрофа сопровождалась некоторыми катастрофами меньшего масштаба. Одна из последних постигла российскую литературу. Пишущему эти строки до сих пор еще не пришлось отозваться в отечественной печати на вызванные войной вопросы. Между тем, появившиеся за это время в той же печати заявления некоторых марксистских и вообще «левых» литераторов могли вызвать у публики совершенно неверное представление о взглядах довольно заметной общественной группы на современный кризис. В нижеследующих строках я постараюсь ответить на недоуменные вопросы, которые мне ставятся некоторыми друзьями.

«Меня спрашивают, прежде всего, разделяю ли я взгляд, высказанный Г. В. Плехановым, П. П. Масловым, Н. И. Иорданским, относительно того, что нынешняя война есть необходимое условие охранения экономической независимости России, возможности беспрепятственного развития ее производительных сил и ограждения ее от превращения в германскую колонию.

---

[1]) По донесениям провокатора Регекампф Серг. Алекс. (он же Яков Златкин) это письмо размножалось учителем Алексеем Федоровичем Хлыновым см. его записку № 9 от 21/I 1915 года.

«Отвечаю на этот вопрос со всей решительностью: нет, не считаю и полагаю, что названные писатели впадают в глубокую ошибку. Можно считать германскую дипломатию чернее черного, возлагать всю ответственность за войну на официальную Германию и видеть в ней виновницу и зачинщицу конфликта, но это не значит, что следует спешить с конструированием такой схемы политико-экономических взаимоотношений между Германией и нашей родиной, которая является принципиальной капитуляцией пред официальной идеологией наших национал-либералов. Я полагаю, попрежнему, что развитие производительных сил такого непочатого грандиозного экономического организма, каким является наша страна, встречает препятствия исключительно в его культурной отсталости и тому подобных «задерживающих центрах». Я полагаю, далее, что только косне ние страны в отсталых правовых условиях может ставить ее перед перспективой стать даннице германских капиталистических «культуртрегеров». Я полагаю, что, завоевав себе внешние условия для беспрепятственного развития могучих своих производительных сил, наша родина не будет, благодаря своей громадности, опасаться экономического или политического давления с чьей бы то ни было стороны. Я, наконец, полагаю, что всякая попытка приковать внимание нации к военному решению вопроса о свободном пути для ее скованных производительных сил есть прискорбная политическая ошибка, которая отомстит за себя глубоким разочарованием и зрелищем чужой мельницы, приведенной в движение нашей водой.

«Затем, признаю ли я, что в нынешней мировой войне решается судьба милитаризма, воплощенного в современной Германии.

«С краской стыда за отсталость своих убеждений, не изменившихся за три с половиной месяца, я отвечаю на этот вопрос признанием, что для меня милитаризм есть законный и необходимый продукт современных общественных форм. И я полагаю, что прусско-юнкерская (весьма «отвратительная») разновидность милитаризма не есть единственная его форма, но, быть может, последнее его слово. Сама она исторически выросла из разгрома другой формы милитаризма—бонапартовской, в двух ее изданиях, и я не могу забыть, что в свое время культурный мир приветствовал, как освободителей от ига милитаризма, прародителей нынешней прусской казармы Блюхера и школьного учителя, победителя при Садовой и Седане. Мне было бы стыдно во втором десятилетии XX века питать иллюзии, которым предавались наши предки 100 лет тому назад, и думать, что с устранением одного врага рода человеческого и воплощенной в нем специфической формы милитаризма исчезнет милитаризм вообще и мир пойдет по пути к миру на земле и благоволению во человецех.

«Подмена милитаризма специальной прусско-юнкерской формой его есть по существу тот же самый оптический обман, который внутреннюю классовую сущность общества подменяет его внешней политической формой и в ее устранении видит уничтожение связанных с классовой сущностью зол. Этот подмен — типическая форма того реформаторства, которое, даже когда делает по существу прогрессивное дело освобождения от отсталых форм, закрывает себе путь к последовательному решению поставленной перед ним исторической задачи тем, что рассматривает ее сквозь иллюзию, будто бы им решается задача устранения основного социального зла. Иллюзия мешает установить исторические границы выполняемой задачи и тем самым применить методы, пригодные для ее наиболее целесообразного решения. В применении к интересующему нас вопросу это значит, что в современном германском милитаризме рядом с типическими чертами милитаризма, как естественного продукта существующих отношений, чертами, свойственными и милитаризму других стран, есть такие черты, которые неразрывно связаны с социальной структурой Германии и ее истории и могут быть сведены к сильному влиянию в ней приспособившегося к капитализму юнкерства. Следует признать до известной степени, но только до известной степени, что эти специфически-юнкерские особенности германского милитаризма сыграли видную роль в том круге мировых событий, который вызвал нынешнюю катастрофу. Поскольку особенности ее предвиделись раньше, рядом с основными общими факторами, создающими и питающими милитаризм, нельзя было игнорировать и антипатичную фигуру прусского юнкерства и в борьбе с ним надо было видеть интегральную часть общей задачи, никогда, однако, не подменяя целого частью. Частная задача устранения прусско-юнкерской опасности разрешима, конечно, гораздо легче, чем общая задача, касающаяся милитаризма вообще. Но она может быть успешно разрешена лишь при условии, что точно выяснены исторические ее границы. Освобождение Европы от прусско-юнкерской опасности могло бы, собственно говоря, легко быть достигнуто одной политической реформой в Германии, которая, установив парламентский режим и действительную зависимость военной власти от гражданской, внесла бы во внешнюю политику этой страны умиротворяющее влияние, которое бесспорно оказывается парламентаризмом на милитаристические проявления во Франции, Италии и Англии.

«Быть может, нынешняя война нанесет прусско-юнкерскому милитаризму тяжелый удар. Но тот, кто пожелал бы содействовать этому результату, пошел бы совершенно превратным путем, содействуя созданию такой комбинации условий, при которой, вместо того, чтобы углубиться, заполнилась бы пропасть, разделяющая юнкерство от прогрессивных элементов германской нации. Эта пропасть может быть заполнена и уже заполняется,

ПЯТЕРКА МОСКОВСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

В. П. Яхонтов.

И. И. Скворцов.

П. Г. Смидович.

В. И. Милютин.

В. П. Лосев.

УЧАСТНИКИ ЯНВАРСКОГО СОВЕЩАНИЯ 1915 Г

поскольку перед всей нацией может быть вызван призрак угрозы самому ее существованию, самым основам ее бытия, как независимого организма. Международная реакция, сознательно раздувая шовинизм, направленный против народа, облегчает возможность германской реакции вызвать перед массами этот призрак. Такие явления, как бойкот немецкой торговли, травля германской культуры и т. д., — лишь вода на мельницу прусского юнкерства; они позволяют ему выступать в роли неприятного, но необходимого защитника благ, дорогих всякому немцу. Мелко-буржуазный идеологизм, вытеснивший в эти дни всеобщей растерянности материалистическое понимание социальных явлений, оказывает чуждой идеологии ту услугу, что позволяет ей присвоить себе задачу борьбы с милитаризмом и тем самым лишить эту задачу ее прогрессивного содержания. Та часть действительной задачи, которая могла быть решена лишь германской демократией (преодоление юнкерства), грозит остаться нерешенной, благодаря возможному заполнению пропасти между юнкерством и германским народом, та же основная часть задачи, которая не носит специфически национального характера и касается милитаризма вообще, просто выходит из поля зрения, и на пути к ее решению становятся преграды новых идеологических предрассудков, видящих во всякой борьбе против юнкерства и его соперника носителя прогрессивных идеалов человечества.

«Кропоткин, Плеханов, Гэд, Вандервельде и др. могут быть заподозрены и в том, что сводили сущность милитаризма к социальной природе прусского юнкерства и задачу борьбы с милитаризмом упрощали до задачи военного разгрома юнкерства.

«Но та постановка вопроса о войне, которую они все дают, логически ведет к подобному упрощению и идет навстречу громадной волне идеологических предрассудков, поднявшейся и в Англии, и в России, и во Франции и грозящей захлестнуть ростки миропонимания, культивированного десятилетиями упорной работы, и великие разочарования ожидают народы всех стран, поскольку они ныне увлечены верою, что в лице прусского юнкерства и руководимой им Германии нынешняя война поражает самый милитаризм. Я полагаю, что только трезвый, до конца проникающий анализ всех взаимоотношений современного общества, сделавших неизбежной нынешнюю катастрофу, позволит народам Европы решить задачи устранения того или другого зла, в роде прусско-юнкерской язвы, а вместе с тем правильно ориентироваться в обстановке мирового кризиса при решении более общих задач.

«Далее, какое должно быть отношение ко взгляду многих германских с.-д., ставшему в начале войны как бы официальным в этой партии и признающему, что Германия в нынешней войне

является прогрессивным борцом против отсталой в политическом отношении России и всего русского народа.

«К счастью, значило бы ломиться в открытую дверь, если бы я захотел доказать, что такая постановка вопроса о прогрессе неприемлема принципиально. Мы не только никогда не мечтали о такой помощи, но лишь с негодованием можем отнестись к мысли о том, что могли бы принять ее от официальной Германии или Австрии. Впрочем, германская с.-д. пресса (напр., устами Каутского) уже констатировала, что и русские рабочие и прогрессивная русская интеллигенция видят в германских штыках сверкающее острие, а отнюдь не красное знамя. В том факте, что многие германские с.-д. увлеклись идеей освободительной миссии, якобы совершаемой Вильгельмом и Гинденбургами по отношению к русскому народу, я могу лишь видеть проявление постыдного оппортунистического малодушия, не только слагающего оружие перед сильным внутренним врагом, но и певшего ему осанну. История дает нам немногие примеры войн, в которых одна сторона вносила и стремилась вносить новые общественные начала в жизнь другой страны. Надо ли говорить, что ни в Бельгии, ни в сев. Франции, ни в нашей Польше германские войска и в отдаленной степени не являлись носителями прогрессивного принципа и не вели себя, как такие носители. Да и кто мог ожидать иного от представителей одной из наиболее сознательно реакционных государственных организаций. Затем, следует ли ожидать от нынешней войны сколько-нибудь полного решения вопроса национального?

«Несомненно, что постановка на очередь забытых или отодвинутых на задний план истории национальных вопросов является фактом прогрессивным. Польский вопрос выдвинут на очередь и тем самым уже подвинулся к своему решению. Еврейский вопрос в России—также. Вопрос о судьбах Эльзас-Лотарингии, и в случае любого исхода войны, вряд ли замрет. Война вывела Европу из состояния устойчивого равновесия и тем самым дала толчок целому ряду существенных проблем. Это касается не одних лишь национальных вопросов. У нас, как известно, стал ярко в общественном сознании вопрос о союзе муниципальных организаций, о кооперации, в Пруссии—вопрос об избирательной реформе и т. д.

«Но как в вопросе о ликвидации юнкерской диктатуры, как и в других общественно-политических вопросах, которые уже выдвинулись или еще будут выдвинуты ходом войны, так и в вопросе национальном, от признания того, что война поставила их на очередь—дистанция великого размера до связывания решения этих вопросов с собственными результатами самой войны. От этих результатов не приходится ждать сколько нибудь удовлетворяющего решения национальных вопросов, а потому аналогичная позиция какого-нибудь Эрве,

воображающего, что все преобразуется в области национального гнета и национальной борьбы, когда армии Вильгельма II будут разбиты, разумеется, совершенно неправильна. И в этом, как и во всех других, имеющих выдвинуться вопросах заинтересованные группы выиграют тем более, чем более они сумеют сохранить свою трезвость и устойчивость в своих взглядах. А для этого, паки и паки, надо охранять независимость своего мышления и не делать софистических попыток сочетать собственное наследство с веяниями, идущими из другой среды.

«Изгоевы в «Р. М.» уже поют победные песни...

«Самая громадность проявлений катастрофы убивает непосредственную реакцию чувства на это зло, служащую в нормальное время опорой для рассудка. Все это так, и все-таки самое сознание грандиозности величайшей исторической драмы, которую нам приходится переживать, которую долг наш будет изучить, должно вооружить каждую смятенную душу максимальным упорством в деле защиты этого идейного наследства тех высших ценностей, которые тесно срослись с нашим духовным «я» и которых переоценка стала якобы неминуема. Более, чем когда-либо, идейная стойкость теперь является первой добродетелью. И я бы желал, чтобы в нашей родине, которую неотвратимый ход истории ставит, повидимому, отныне центром мировых событий в эти дни идейного хаоса, никакие шатания авторитетов не поколебали этой стойкости. Это только кажется, что кругом рушится со всех сторон слагавшаяся в течение десятилетий храмина. Только кажется. Но если и кажется, пусть каждый, тем не менее, отстаивает для себя право сказать прекрасными словами Гюго: «И если останется один, этим одним буду я».

Если верно, что письмо это принадлежит перу Мартова, то желания его сейчас исполнились; сейчас он действительно остался один. Не устоял он против тех общественных настроений, с которыми он так боролся в этой статье, и сейчас, оставленный рабочим классом России, достиг желанного одиночества за рубежом Советской России.

Не менее интересно письмо и другого меньшевика А. Мартынова-Пикера, присланное из-за границы, озаглавленное «Перспективы войны» [1]), следующего содержания:

«ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ.

«Кому желать победы»,—так до сих пор еще ставят вопрос социалисты, пришибленные событиями сегодняшнего дня.

«По нашему мнению, самая постановка вопроса неправильна с точки зрения соц.-демократии.

---

[1]) Напечатано в „Голосе“ № 74.

«Если б Германия одержала сокрушительную победу, как ее себе представляют пангерманисты, это означало бы, может быть, порабощение Бельгии и балканских славян, низведение Англии и Франции до степени вассальных государств, превращение остзейских провинций в сатрапию остзейских баронов и России—до поры до времени — в Московию. Это означало бы, во всяком случае, превращение самой Германии в новую Римскую Империю, задыхающуюся в тисках милитаризма и юнкерской реакции.

«Но не более веселые перспективы открылись бы при осуществлении мечты империалистов другой стороны... Это означало бы не только распад гнилой Габсбургской монархии, но, может быть, низвержение самой Германии до того состояния расчленения и экономического бессилия, в котором она находилась до войны 1866 и 1871 г.г. Это означало бы, во всяком случае, разгул реакции в победоносных государствах. В России для бюрократических и капиталистических кругов наступила бы небывалая эра хищения и обогащения. Рядом с этим в России утвердилась бы надолго «крепкая власть», о которой мечтал П. Струве в своих пресловутых «Вехах», упрочился бы надолго крепкий союз между бюрократией и отечественной буржуазией на почве совместного хищения, восторжествовал бы надолго октябрьски-националистический режим. И везде в Европе верх взяла бы, при таких условиях, конечно, не демократия, а реакция...

«Кто не утратил способности критически относиться к лицемерным фактам, которыми в каждой стране прикрывается истинный смысл настоящей войны, кто знает, что для европейских держав давно прошла пора прогрессивных, национально-освободительных войн, тот не может сказать: я желаю победы той или другой стороны. Уже сама постановка вопроса есть капитуляция социализма перед национализмом, есть признание полного бессилия пролетариата повлиять на ход событий в близком будущем, есть передоверие ближайших судеб народов генеральным штабам воюющих государств, но не исключена, конечно, возможность, что именно генеральные штабы, и только они, будут решителями судеб Европы, что осуществится, хотя едва ли в полной мере, мечта пангерманистов, либо мечта панславистов. В таком случае мы будем далеко отброшены назад, в таком случае общекультурный упадок и одичание, семена национальной розни, взаимного непонимания и взаимного недоверия дадут ядовитые всходы, которые на долгие годы отравят европейскую атмосферу.

«Эта возможность не исключена, ибо история нередко делала зигзаги, ибо зап.-европ. пролетариат, это надо признать, оказался недостаточно подготовленным к таким испытаниям, когда разразилась мировая война, которая, благодаря своим особенностям, внезапно парализовала классовую борьбу и столь

же внезапно воздвигла китайскую стену между народами. Эта возможность не исключена, ибо и соц.-дем. партии передовых стран в этот ответственный момент спасовали перед националистической стихией, поднявшейся с народных низов. Но именно потому, что национализм носит сейчас характер стихийной эпидемии, вызванной особыми условиями современной войны, как войны империалистической и в то же время народной, мы в праве ожидать, что картина европейской жизни в близком будущем вновь радикально изменится, что дальнейший ход войны покажет обратную сторону ее медали, приведет к новым сюрпризам и что на этот раз обманутыми окажутся обманщики. Если мы не дадим себя ослепить ситуацией сегодняшнего дня, перед нами может открыться другая историческая возможность, более вероятная, чем сокрушение одной из воюющих сторон, — возможность близкого реванша социалистического пролетариата за то унижение, которое он сейчас потерпел, ставши на один момент слепым орудием выполнения чуждых ему замыслов.

«Но чтобы открыть эту перспективу, которая одна может встряхнуть гнетущий нас кошмар, нужно, прежде всего, отказаться от шаблонного взгляда на настоящую войну.

«Когда война началась, не только профаны, но и военные специалисты представляли себе ее ход по известному шаблону: победоносная армия, после нескольких решительных сражений, получит, дескать, ключи от побежденной страны и продиктует ей условия мира. Но прошло 4 месяца с начала войны, и уже ясно, что этот шаблон совершенно не применим к ней, война будет иметь крайне затяжной характер, грозящий истощить силы всех передовых европейских стран.

«Вначале германский генеральный штаб надеялся в какие-нибудь 2—3 мес. разбить французскую армию и, получив «ключи» от Парижа, всей тяжестью своих корпусов обрушиться на Россию. Эти мечты не сбылись; германская армия, вначале победоносная, вскоре и на западе и на востоке уперлась как бы в глухую стену, и, пока ведется эта изнурительная война на двух фронтах, Германия, отрезанная неприятельским флотом от внешнего мира, тем вернее идет к полному истощению, чем больше ее могущество основано было на высоко развитом капитализме, нуждающемся в мировом обмене, как легкие нуждаются в воздухе. Эти с каждым днем возрастающие затруднения для Германии окрылили надеждами союзников, которые в свою очередь решили, что близится час, когда они смогут войти с двух сторон в Берлин и Вену за «ключами», и на востоке уже началось победоносное наступление русской армии в Галицию. Казалось, что судьба Габсбургской монархии уже решена. Но в том и особенность настоящей войны, что она ставит ребром все нерешенные и разрешенные в современном обществе вопросы международной политики, и что поэтому

каждый новый этап плодит новые непредвиденные осложнения. Когда Россия уже совсем укрепилась в покоренной Галиции, в войне приняло участие 10-е государство—Турция. Военная сила ее невелика, и все-таки ее выступление способно перепутать все карты: ведь если Англия, прежде всего, заинтересована в том, чтобы сломить силу своей соперницы на мировом рынке—Германию, то она не менее заинтересована в том, чтобы ее союзница—Россия не стала владычицей Константинополя и не угрожала оттуда ее господству в Индии. Так балканский вопрос, вдруг поставленный на порядке дня во всем своем об'еме, грозит стать яблоком раздора между нынешними союзниками.

«И этот вопрос мог бы быть на время решен, напр., передачей Константинополя «нейтральной» Болгарии, но этим осложнения не ограничиваются. Турция, вступив в войну, вызвала брожение во всем азиатском и, отчасти, африканском мире...

«Все это сулит в близком будущем радикально изменить все перспективы настоящей войны. В самом деле, война эта началась из-за борьбы между Австрией и Россией за «сферы влияния» на Ближнем Востоке, из-за борьбы между Германией и Англией за «сферы влияния» во всем мире; война началась, как борьба за власть над колониями и экономически отсталыми народами. Но не успели еще в этой войне чаши весов склониться в ту или другую сторону, как начали восставать те самые «сферы влияния», из-за которых европейские державы между собой передрались. Не грозит ли при таких условиях война одинаковым поражением всем европейским державам, не является ли она при таких условиях чистым безумием даже с точки зрения акул капитализма?

«Этот вопрос должен будет встать во всей своей остроте перед имущими классами Европы, когда новые тучи, надвигающиеся с юга и востока, разразятся грозой, и тогда наступит похмелье тем более страшное, чем сильнее шовинистический угар. Тогда-то слово будет за пролетариатом. Тогда-то рабочие разных национальностей — государств наглядно убедятся в том, кто их враги и кто их друг, тогда-то наступит пора пред'явить буржуазному миру полный счет...

«Такова одна из исторических возможностей, и она осуществилась раньше, чем истребительная война успела превратить европейскую цивилизацию в кучу мусора. Чтобы под руками у пролетариата еще остался годный материал для перестройки международных отношений, чтобы он сам сохранил силу для этой творческой работы, нужно оставить праздные гадания о том, кто кого из воюющих уничтожит, бросить спекуляции на победу той или другой стороны и сейчас же выдвинуть наш старый, но неустанный лозунг, выраженный в резолюциях Интернационала.

А. Мартынов».

Кроме наказа с.-д. фракции Гос. Думы московскими большевиками было выпущено несколько листовок по вопросу об отношении к войне.

Одна из них под заголовком «Европейская война и пролетариат России» была следующего содержания:

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И ПРОЛЕТАРИАТ РОССИИ.

«В кровавое столкновение ныне втянут весь мир. Не только Европа, но и Африка, и Азия, и Америка платят кровавый налог во имя империалистической политики европейского капитала. Как издавна предупреждали социалисты, столкновение европейских капиталистических держав превратилось в кровавую бойню миллионных масс, взятых из цвета трудового населения и обреченных на всевозможные страдания. Вместе с тем, война влечет за собой громадный экономический кризис, неся разорение, голод, нищету и безработицу для всех воюющих стран. Свершилось таким образом то, против чего европейский рабочий класс боролся всеми силами. Война обрушилась на голову цивилизованного человечества стараниями дипломатии, старающейся производить орудия убийства в целях политики династии. Настоящая война есть прямое и ужасное последствие ужасного общественного строя, который создан капиталом. Она является результатом конкуренции империалистических держав за мировые рынки. В этой чудовищной войне капитал дает истинную картину того, что в своем стремлении к эксплоатации он не останавливается ни перед чем. Вместе с тем, эта война, вскрывая всю дикость и варварство капиталистического господства, должна поднять против капитала самые широкие слои европейских народных масс. Несмотря на то, что социалистическим рабочим Европы не удалось предотвратить войну,—а теперь ясно, что она может быть предотвращена лишь социалистической революцией,—социализм показал себя, как громадная народная сила, и эта война подготовит для него мир. Мир, погруженный в варварство под владычеством капитала, может быть спасен лишь социализмом. Это-то станет на другой день после войны и даже еще во время войны убеждением самых широких народных масс не только пролетариата, но и крестьянства, ремесленников и т. д. Международный социалистический конгресс 1907 года ясно и точно определил общую задачу социалистов в случае вспыхнувшей войны: «И если,—гласит его резолюция,—война, несмотря на протесты пролетариата, все-таки об'явлена,—долг рабочих всех стран стоять за быстрое ее окончание и всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть народные массы и ускорить уничтожение классового господства. Эта задача должна встать превыше всех других частных задач. Рабочие не должны позволить национализму

буржуазных государственных властей и буржуазной прессе отвратить их от этой социалистической задачи». Особенно ответственная роль при этом возлагается на пролетариат России. Истинной основой нынешнего кровавого столкновения служит конкуренция... капитала Англии и Германии. Победив в 1871 г. Францию и составив об'единенную Германскую империю с гегемонией Пруссии, Германия сама заняла гегемонию в Европе. Она стала промышленным капиталистическим государством, вступившим в борьбу за мировые рынки с Англией. У европейских государств был единственный способ обезопасить себя от молодой и быстро развивающейся Германской империи. Этот способ заключался в том, чтобы противопоставить ей широкое развитие демократизма, чтобы решительно и бесповоротно вступить на путь радикальных реформ. Социалисты Франции все время указывали на этот путь, требуя от своего правительства отказа от колониальных авантюр, от воинственной политики, замены постоянной армии милицией, перестройки всего бюджета на основе обложения богатых классов и т. д., но подобная политика оказалась недоступной для господствующей буржуазии: она не захотела опоры свободы и независимости на пути демократического прогресса и, наоборот, вступила в конкуренцию с Германией на ее почве—на почве усиленного обложения низших классов населения.

«Совершенно естественно, что, не желая отказаться от империалистической политики, буржуазные классы Франции и Англии должны были искать себе против Германии опоры в русском деспотизме. Так возник противоестественный союз республиканской буржуазии Франции и либеральной буржуазии Англии с официальной Россией. Оба эти союза совершились и могли существовать лишь за счет интересов русского народа и демократии вообще. Республиканская буржуазия Франции платила русскому правительству за союз громадными займами, которые шли на подавление освободительного движения в России. Так, именно французской буржуазией были даны те миллионы, благодаря которым петербургское правительство получило возможность разогнать первую Думу и вообще спастись в критический для себя момент. С другой стороны, и соглашение Англии с Россией—примирение этих старинных врагов—могло совершиться лишь за счет подавления персидской революции и поддержания Англией условий, созданных 3-июньским режимом. Таким образом, вместо того, чтобы, как указывали французские и английские рабочие, даже радикалы, искать себе опоры в развитии демократизма и в поддержке демократического движения в России и Азии вообще, буржуазные правительства и классы этих стран построили всю свою политику на подавлении демократии у себя и в России. Вся европейская буржуазия, таким образом, поддерживала в России помещико-крепостнический режим, надеясь использовать Россию, как пушечное

мясо, в предстоящем столкновении враждующих капиталов европейских держав. Чем более обострялась в Европе конкуренция из-за азиатских и африканских рынков, чем настойчивее и грознее становилось там социалистическое движение, тем более реакционна, националистична и шовинистична становилась буржуазия и с тем большей охотой поддерживала она реакционную политику в России. В столкновении европейских капиталистических держав русскому народу предстоит роль пушечного мяса, которое должно тащить каштаны конкурирующих капиталов немецкого или англо-французского. Между тем, интересы русского народа ни капли не затронуты от того, в чьих руках будут находиться рынки Африки и Азии, в руках немцев или англичан. Нищий и голодный русский народ, доведенный до полного разорения господством дворянства, не имеет никаких интересов на колониальных рынках Европы. Он мог бы совершенно спокойно остаться в стороне при столкновении немецких и английских капиталистов. Только эксплоататорская политика правительства, нуждавшегося в иностранном золоте, заставляет ныне русский народ играть роль стенобитного орудия в руках одной буржуазии против другой. Эта позорная, недостойная, роль России грозит неисчислимыми бедами для прогресса, потому что влияние экономическое и политическое в Европе России есть влияние отсталой страны. Против милитаризма Германии могут быть выставлены два орудия: или ясно демократическая политика, которую отстаивали социалисты Германии и Англии при явном сочувствии германского рабочего класса, или деспотическая Россия с ее огромными массами обращенного в рабство населения. Буржуазия, боявшаяся реформ из-за пролетариата, предпочла бы обратиться к каким-нибудь варварским ордам, чем сделать уступку собственным социалистам. При этих условиях простою буржуазною ложью представляется стремление приписывать России какую-то «освободительную роль». Россия не может принести в Европу ничего, кроме навыков крепостнического господства. Более того, свержение гегемонии Германии во имя гегемонии России означает длительную задержку капиталистического развития; это станет особенно ясно, если обратиться к рассмотрению положения на Ближнем Востоке, т.-е. на Балканском полуострове. Если в Западной Европе идет вопрос о конкуренции между сильно развитыми капиталистическими странами, если идет вопрос о господстве на мировом рынке, то на Балканском полуострове решается только вопрос национального строения, решенный передовыми странами Европы еще в прошлом столетии. Государственные и национальные границы настолько переплетены, религиозные предрассудки имеют еще такую силу, положение национального меньшинства взаимно настолько утеряно, что страны эти являются постоянной ареной политики династий и клик. Поставленные под контроль европейского крупного капи-

тала и раздираемые противоречивыми его интересами, эти страны лишены возможности решить вопрос национального и государственного своего устроения согласно желанию самого населения. Благодаря тому, что Балканский полуостров представляет из себя большую дорогу к Средиземному и Черному морям, а также в ближнюю Азию, вопрос его политического и национального устроения давно уже из'ят из рук балканских народов дипломатическими чиновниками европейских капиталистов. Но то, что могла бы принести сюда Россия, сводится лишь к раздроблению этих областей, укреплению династической политики и национальной розни. Эти страны, земледельческие и отсталые в капиталистическом отношении, под верховным руководством России стали бы барьером между западом и востоком, хотя на короткое время, и в конце концов промышленное развитие победило бы и это препятствие, как оно побеждает даже Китай. Исполнились бы варварские мечтания землевладельцев о заторможении всего прогресса Восточной Европы. Отсталые страны получили бы, таким образом, в Европе роль, совершенно не соответствующую их развитию, и весьма возможно, что понадобился бы ряд новых столкновений для того, чтобы сломать эту новую и огромную преграду для развития производительных сил, а следовательно, и пролетариата и его борьбы за социализм. Таким образом, отказ буржуазных правительств Западной Европы от широкой демократической политики в интересах народных масс и страшный рост империализма и милитаризма открывают ворота для идущей с востока отсталости. Это был бы громаднейший удар для торжества социализма, великий урон для прогресса рабочего дела. Это указывает на задачи рабочего класса России в данный момент. Рабочий класс России — единственный последовательный представитель европейского развития и прогресса. Он не может ни на минуту забыть реакционной роли русского дворянства внутри страны и вне ее. Он ни минуты не верит в освободительную роль русского самодержавного правительства. Он решительнейшим образом возлагает ответственность за переживаемые им страдания на тех, кто задерживает его развитие и вверг его в войну, в которой он не имеет ни малейших интересов и в которой заинтересованы только буржуазные классы. Он знает, что единственный способ предотвратить реакционные последствия этой войны в том, чтобы использовать современное положение для создания свободной и демократической России. Никаких других задач, кроме задачи собственного освобождения от помещико-правительственного ига, от господствующей системы, он не имеет. Пусть либералы тянутся в хвосте правительственной войны и прославляют ее, как освободительную и отечественную. Пусть кто угодно зовет русский пролетариат хотя к косвенной поддержке правительства и IV Думы,—мы должны знать свое дело: освобождение родины.

«Чем бы ни кончилась эта война, она, несомненно, раскроет в глазах широких масс населения и Англии, и Франции, и Бельгии то, что борьба с империализмом и милитаризмом возможна лишь путем низвержения господства буржуазного порядка. Если в этих странах льется кровь рабочих социалистов, то за грех буржуазии. Самая решительная борьба с ее политикой, с ее господством будет прямым последствием войны, и силы рабочих должны слиться не с усилиями правительства, а лишь с силами социалистов. Мы не должны воспользоваться современным положением для того, чтобы нанести удар нашим врагам. Создавая свободную Россию, мы создадим единственный оплот для демократической Западной Европы. Покуда в России будет господствовать реакция, она всегда будет угрозой миру. Европейские конкуренты всегда будут стремиться отвоевать друг у друга кусок земли руками русских солдат. Только тогда, когда Россия будет управляться самим народом, европейский капитал перестанет питать воинственные надежды, опираясь на русскую силу».

Широко распространялись перепечатки разных статей и в частности «Манифест английской независимой рабочей партии», слова привета которого товарищам всех стран как бы восстанавливали связь между пролетариями воюющих стран и тем самым как бы восстановляли интернациональную связь. В этом манифесте мы читаем:

«Независимая Рабочая Партия всегда настойчиво утверждала, что дипломатические методы, практикуемые европейскими правительствами—в том числе и нашим, и поддерживаемые силой смертоносных сооружений, неизбежно должны привести к мировой войне или к мировому банкротству,—а то и к тому и к другому. Это предположение, основывающееся на фактах и тенденциях действительности, только скоро слишком и трагически исполнилось. Вместо того, чтобы стремиться к об'единению Европы в один союз для совместного обеспечения мира, дипломатия умышленно старалась разделить Европу на два враждебных друг другу вооруженных лагеря: на тройственное соглашение и тройственный союз. Дипломатия была полна коварства, хитрости и тайн, покушаясь на то лучшее, что есть у соседей.

«Печать разжигала взаимные опасения, охватившие все страны. Каждая страна стремилась превзойти другую размером своих вооружений. Всесильные, заинтересованные в вооружениях слои общества выполняли свою роль, толкая народы в эту бездну, чтобы нажить в этом деле разрушения и смерти колоссальные богатства.

«Трудно и, пожалуй, бесполезно установить в настоящий момент точные размеры ответственности, падающей на различные страны. Было бы также неправильно утверждать, что английская политика совершенно чиста, а немецкая вполне нечиста,

как утверждать и обратное. Обычно незасматривающий в глубь вещей народ той или другой страны может безоговорочно принять ту или иную альтернативу,—но опыт учит нас, что история даст впоследствии совсем другое изображение происшедшего.

«Сэр Эдуард Грей издал свою белую книгу, чтобы доказать, что Германия—нападающая сторона. Германия издает свою белую книгу, чтобы доказать, что нападающая сторона—это Россия, а Россия—чтобы доказать, что нападающая сторона это Австрия. Если считать даже верным каждое слово английской белой книги, то в ней недостает нескольких предшествовавших глав.

«Допустим, что в дни, непосредственно предшествовавшие войне, Сэр Эдуард Грей добивался мира. Но было уже поздно. В течение целого ряда лет он сам вместе с другими дипломатами рыл эту открывшуюся теперь бездну, между тем как разумная государственная политика должна была заранее предвидеть и устранить этот неизбежный результат.

«Не сербский и не бельгийский вопрос втянули нашу страну в эту страшную войну. Великобритания не ведет этой войны ради угнетенных национальностей или соблюдения нейтралитета Бельгии. Мы ведь были бы втянуты в нее и в том случае, если бы Германия не нарушила нейтралитета Бельгии. Кто поверит, что если бы Франция, нарушая договорные права, произвела бы нашествие на Бельгию, чтобы добраться до Германии, — мы открыли бы враждебные действия против Франции. За спиной парламента и народа британское министерство иностранных дел вступило с Францией в тайное соглашение, существование которого отрицали, когда об этом спрашивали. Вот причина, почему страна сейчас должна быть обречена на полное обеднение и разорение, приносимые войной. Договоры и соглашения потащили республиканскую Францию на буксире у России, а Великобританию — на буксире у Франции. Все это будет в свое время выяснено, и виновные будут привлечены к ответственности.

«Мы не желаем усиления ни немецкого, ни русского милитаризма, но опасность заключается в том, что настоящая война должна привести к одному или к другому. Англия пошла за Россией, этой самой реакционной, самой подкупной и самой жестокой силой Европы. Если будет позволено России удовлетворить свои завоевательные стремления и расширить свое казацкое могущество, цивилизация и демократия подвергнутся жестокой опасности. Для этого ли Великобритания подняла свой меч? Десятки тысяч наших товарищей находятся на поле брани и не знают, вернутся ли они когда-нибудь домой. Многие уже погибли, список потерь принимает ужасные размеры, и раненые, страдая, лежат на поле битвы, на палубах кораблей и в госпиталях. Между этими людьми, храбро идущими навстречу своей судьбе, есть много наших товарищей социалистов.

«Едва ли менее ужасное положение остающихся дома женщин и детей, существование которых зависит от ушедших на войну отцов и мужей, как и положение рабочих, обреченных войной на безработицу и нищету.

«Самые большие усилия, даже и в этом случае, если подвоз средств пропитания будет достаточен, не смогут устранить свирепствующие среди них нужды.

«Все рабочие—наши товарищи. Для нас, социалистов, рабочие Германии и Австрии, точно так же как рабочие Франции и России — товарищи и братья. В этот час кровопролитий и ужасов мы чувствуем дружбу и сострадание ко всем жертвам милитаризма. Мы готовы защищать нашу национальность и самостоятельность, которые нам дороги, но мы не можем радоваться этому организованному избиению десятков тысяч рабочих других стран, истребляемых по приказу властителей, для которых народ—только средство.

«Военный пожар охватил всю Европу. До последней минуты мы старались помешать этому. Теперь нация должна ждать первого подходящего случая для деятельного вмешательства. В отношении будущего мы приготовимся к затруднительным и опасным положениям, которые могут проистечь из длинной войны. Народ должен повсюду бороться против территориальных расширений и унижений национальностей, так как это привело бы к новым войнам. Везде по всей Европе рабочие должны добиваться того, чтобы дипломаты вели честную политику под контролем пролетариата, — политику, направленную на уничтожение милитаризма и создание Соединенных Штатов Европы, чтобы, благодаря этому, достигнуть всеобщего мира. Если это не будет сделано, то и и после теперешних ужасов Европа еще больше подпадет под растущую власть милитаризма и еще в большей мере подвергнется опасности быть затопленной кровью. Нам говорят, что интернациональный социализм умер, что все наши надежды, идеалы погибли в огне и крови Европейской войны.

«Это не верно. Из глубины мрака мы посылаем привет нашим товарищам всех стран. Среди грохота пушек мы выражаем наши симпатии социалистам Германии. Они беспрестанно и неутомимо стремились добиться хороших отношений с Англией, как мы—с Германией. Они не враги наши, а друзья. Навязывая народам это отвратительное преступление, властители-милитаристы ставят крест на своей собственной судьбе. Из слез, крови и ненависти родится еще более сильная демократия. С непоколебимой верой приветствуем мы будущее. Наше дело свято и несокрушимо, и наша работа не была напрасной.

«Да здравствует свобода и братство, да здравствует Интернациональный Социализм!

«Правление Независимой Рабочей Партии».

Голоса протеста против войны, выпуск соответствующих листовок и принятие рабочими организациями соответствующих наказов социал-демократической фракции Государственной Думы вынудили лидера этой фракции Чхеидзе 27 января выступить в Гос. Думе с критикой внутренней политики правительства.

«От имени с.-д. фракции, — начал свою речь Чхеидзе, — я имею честь сделать следующее заявление. В день 26 июля прошлого года Г. Д. выразила безусловное доверие безответственной бюрократии. В ответ на призыв правительства «забыть все внутренние распри» Г. Д. отказалась от помощи в деле внутреннего обновления страны. Только с.-д. фракция сочла своим долгом тогда противоречить против этого единства Г. Д. с властью. Шесть месяцев войны доказали, что с. д. фракция была права. Разразившаяся мировая катастрофа, явное наследие милитаристической и империалистической политики господствующих классов, повергла человечество в бездну небывалого в истории ужаса, море крови, миллионы раненых и искалеченных и убитых, миллионы сирот и вдов, разрушение и уничтожение производительных сил и культурных благ, одичание и воскрешение в самих центрах человеческих цивилизаций доисторического человека-зверя, — вот пока результат 6 месяцев войны. У нас в России созданное положение усугубляется политикой безответственной перед народом бюрократии и всех тех, которые открыто или молчаливо поддерживают эту политику. Призвав народ к забвению всех внутренних распрей, само правительство с первых же шагов стало пользоваться созданным положением внутри страны для закрепления своих старых позиций. Провозглашается право национальностей на свободу развития, освобождение и об'единение Польши, свобода южных славян, и одновременно с этим исконная политика угнетения народов, разжигание народных страстей и предубеждений доводится до небывалых размеров (справа смех). Ярче всего это вопиющее противоречие между словом и делом обнаруживается по отношению к еврейской нации. Сотни тысяч российских граждан — евреев наравне с другими поставлены под ружье, но вместе с тем не ослабевает гнет бесправия даже в отношении раненых солдат. Реакция уверенно и систематически сеет темные слухи — явную клевету на еврейский народ. Разрешение национальной проблемы в Галиции производится путем обычных приемов насильственной руссификации населения, путем преследования религий, путем уничтожения всех свобод, которыми Галиция пользовалась до сих пор безвозбранно. Провозглашается будущая автономия Польши и одновременно с этим подготовляется новое покушение на права финляндского народа. Взрыв шовинистических страстей широко использовался в целях травли граждан немецкого подданства. Под предлогом сохранения военной цензуры устроена предварительная цензура и задушено

всякое свободное, независимое слово, уничтожена вкся ураинская пресса, не говоря уже о прессе рабочих.

«В других странах война взваливает на плечи народа тяжелое бремя экономических и финансовых расстройств и безработицу, вызвала к жизни рост всякой полезной общественной деятельности и принятие целого ряда государственных мер помощи пострадавшим. У нас все попытки общественной организации подавляются в корне, якобы под предлогом национальной обороны. Но главный удар пришелся по рабочим и по рабочим организациям. Все то, что здесь так или иначе уцелело от натиска предшествовавшей реакции, беспощадно уничтожено. Теперь и всякая попытка пролетариата коллективно бороться с бедствиями войны немедленно подавляется при самом широком содействии предпринимателей, в полной мере пользующихся дезорганизованным положением рабочего класса для ухудшения условий его жизни. Борьба с рабочим классом имела свое яркое выражение в аресте 5 с.-д. депутатов, наших товарищей. Правительство не остановилось пред таким шагом, как арест представителей миллионной массы. Пользуясь единственной предста влявшейся нам возможностью, мы протестуем по этому поводу пред Гос. Думой, перед страной и заявляем свой энергичный протест и негодование. Мы знаем, господа, что Гос. Дума и теперь не нарушит данного ей обета молчания и будет снова без всяких условий, без требования какой бы то ни было гарантии вотировать доверие правительству. Тем ответственнее положение с.-д. фракции, уже раз выразившей осуждение политике молчания и примирения. С.-д. фракция считает своим долгом раскрыть смысл молчания и указать, что за ним скрывается для одних попытка реставрации старого порядка, а для других—неспособность к решительной борьбе с закрепощением России. С.-д. фракция вместе с тем заявляет, что она присоединяется к выраженному недавно на состоявшейся в Копенгагене конференции пожеланию немедленно приступить к содействию скорейшему прекращению войны и заключению мира (голос из центра—пошел вон!»), который должен быть одновременным выражением воли народов всех воюющих держав, но не воли безответных дипломатов. (Голос из центра—«а сколько вам заплатили немцы?», шикание—«молчите»). Только такой мир создаст условия для предотвращения захвата чужих территорий для свободного самоопределения наций, для ограничения вооружений, введения народной милиции и учреждения третейского суда для решения международных конфликтов». (Шикание).

Стенограмма этой небольшой речи не была напечатана в газетах, но она скоро стала известной в Москве. Ее перепечатывали и распространяли не только с.-д. и рабочие организации, но и отдельные радикально настроенные лица.

Недовольство правительством росло с удивительной быстротой, захватывая новые слои населения. Милые речи

и отвратительные поступки не могли не вызывать возмущения.

«14 июля в 8 часов вечера, в квартире доктора Верховского [1]) (угол Ленивки и Волхонки, дом № 6/7, кв. № 6), по инициативе члена Государственной Думы Скобелева [2]), состоялось собрание местных меньшевиков для выяснения отношения к войне в связи с последними событиями и военными неудачами и вопроса о позиции, которую должна бы занять с.-д. фракция Государственной Думы.

«На собрании присутствовали:

«Верховский, Скобелев, Розенфельд [3]), Екатерина Самойловна [4]), Руденко [5]) и какой-то рабочий.

«Скобелев изложил точку зрения с.-д. фракции на войну в данное время.

«По его словам, члены с.-д. фракции, исходя из того соображения, что они являются сынами России, считают, что было бы преступным в настоящее время, когда отечество находится в опасности, не содействовать благополучному окончанию войны; но, в виду того, что у власти стоит безответственное правительство, доказавшее свою неспособность к продуктивной работе в течение целого года войны, они не находят возможным доверить этому правительству народных денег, необходимых для снабжения армии предметами снаряжения и продовольствия, а потому только и не принимают активного участия в национальной самообороне.

«Поэтому необходимо прежде всего стремиться к свержению стоящего ныне у власти правительства и замене его, в крайнем случае, хотя бы правительством, пользующимся доверием народа, как того требуют даже и кадеты в вынесенной ими резолюции на только что закрывшемся с'езде по борьбе с дороговизной.

«Затем фракция будет настаивать на немедленной широкой амнистии по политическим делам, на свободе печати, слова, собраний и союзов и на свободе развития профессиональных рабочих организаций.

«Это минимум требований, на которых они будут настаивать и при условии выполнения которых они бы приняли активное участие в обороне страны и содействовали бы своим влиянием на рабочих благополучному окончанию войны.

«В противном случае, они не могут принять участие в обороне и воздержатся от голосования кредитов на войну.

---

[1]) Верховский, Глеб Алексеевич, врач.

[2]) Скобелев, Матвей Иванович, член Государственной Думы 4 созыва.

[3]) Розенфельд, Орест Иванович, помощник присяжного поверенного.

[4]) Екатерина Самойловна—Гадаскина Екатерина—Хася Самойловна—Шмуиловна, женщина—зубной врач.

[5]) Руденко, Прокофий Тимофеевич, кр. Киевской губ., Уманского уезда, Шатлихской вол., дер. Юрпаш.

«К этому Скобелев добавил, что эта точка зрения, однако, совершенно не разделяется большевиками, в чем ему пришлось убедиться, участвуя на партийном с.-д. собрании, происходившем 13-го сего июля, под прикрытием с'езда по борьбе с дороговизной, на котором большинство оказалось «большевистское» и была принята резолюция, гласящая, что отношение с.-д. к войне остается то же, что и раньше.

«В виду же того, что в настоящее время с.-д. фракция является представительницей всей российской с.-д. в Государственной Думе, она не считает возможным совершенно игнорировать резолюцию большевиков и потому поставлена в затруднительное положение, усугубляемое еще и тем, что в своем предстоящем выступлении ей не на что опереться, так как в ее распоряжении до сих пор не имеется никакой другой, кроме большевистской резолюции.

«Между прочим, Скобелев сказал, что, попав на вышеуказанное большевистское собрание и сознавая, что его точка зрения на войну безусловно не была бы разделена участниками собрания, он и не пытался излагать этой точки зрения и во избежание бесцельных споров даже делал вид, будто соглашается с большевиками.

«Заслушав доклад Скобелева, участники собрания пришли к единогласному заключению, что точка зрения с.-д. фракции безусловно правильна и что необходимо дать фракции в предстоящем ее выступлении в Государственной Думе возможность сослаться на какое-либо постановление с.-д. кругов.

«Для этого было решено отправить во фракцию от имени московских социал-демократов меньшевиков особый наказ, в коем определенно изложить точку зрения на войну в связи с последними событиями и точно указать минимум требований, на выполнении которых должна настаивать фракция.

«С этой целью, т.-е. для выработки специального наказа фракции, решено собрать экстренное собрание местных меньшевиков и составленный на таковом наказ отправить во фракцию» [1]).

Собрание это состоится 16 сего июля, в 8 часов вечера, в квартире же доктора Верховского.

Кроме перечисленных выше лиц, за исключением Скобелева, будет присутствовать Колокольников [2]); возможно же, что будут и другие.

По данным Поскребухина [3]) текст декларации с.-д. фракции, предположенный к прочтению на первом заседании Государственной Думы, Скобелев передал для сведения московских товарищей.

---

[1]) „Аг. Зап."—Босяк, 15/VII 1915 г. № 117, д. № 14.

[2]) Колокольников Павел Николаевич, потомственный почетный гражданин, литератор.

[3]) „Аг. Зап."—Евгений, 9/VII 1915 г. № 106, д. № 14.

Текст этой декларации значительно разнится от того, что говорил Скобелев меньшевикам 14 июля. Текст ее следующий:

«Последние события на театре военных действий должны вызвать изменения в той тактике, которую официально заняла рос. соц.-дем. с самого начала войны.

«Сущность этих событий заключается в том, что Россия стоит перед лицом весьма реальной опасности разгрома, виновником которого является прежде всего правительство и вся господствующая система управления страной. Перед народом в его целом, таким образом, стоит задача самообороны в самом широком смысле этого слова: прежде всего освобождение страны от господствующей системы управления и взятие дела самообороны в свои руки. Никакое штопание режима, сотрудничество так называемых общественных элементов с правительством помочь делу не могут, т. к. на этой почве в дело самообороны втягиваются лишь верхние слои народа—буржуазия и буржуазная интеллигенция, неспособные к широкой организации народных сил, боящиеся народной стихии, и, как показал опыт с практикуемой мобилизацией промышленности, союзами земств и городов и проч., делающие из дела самообороны лишь новый источник обогащения и угнетения народных масс. Таким образом, проблема национальной обороны в России в настоящий момент имеет безусловно революционный характер, ее практическое разрешение в ходе самоорганизации народа означает громадный сдвиг влево.

«Как должна отнестись к этой проблеме (в такой ее постановке) с.-д.?

«Может ли она игнорировать ее или, наоборот, должна всеми средствами стимулировать развитие этого по существу своему революционного процесса?

«Интернационал всегда признавал законность самообороны, не делая, однако, из самообороны выводов в смысле признания святости для с.-д. всякого захвата и подчиняя всякую необходимость самообороны интересам соц.-револ. развития в интернациональном масштабе.

«Поэтому, желая оставаться на почве интернационального рев. социализма, рос. соц.-дем. должна рассмотреть этот вопрос именно с этой точки зрения.

«Я думаю, что принятие лозунга самообороны подсказывается рос. соц.-дем. не столько интересами России, сколько интересами международными, ибо разгром России означает разгром прежде всего Бельгии и Франции.

«Мы можем как угодно мало вдохновляться империалистической политикой конкурирующих великих держав, в частности тех же Бельгии и Франции, но спокойно пройти мимо их разгрома и обусловленного этим расцвета империалистских вожделений госп. классов Германии, я думаю, мы не можем. Раз война

стала фактом и международный социализм оказался бессильным не только остановить ее, но и сколько-нибудь ее локализировать, и до тех пор, пока он не найдет в себе внутренней силы организовать действительную борьбу за мир в интернациональном масштабе, нам приходится волей-неволей считаться с аргументацией оружием. Новейшее выступление германской соц.-дем. в ее целом за мир открывает в этом отношении весьма радужные перспективы: весьма возможно, в зависимости от темпа развития герм. соц. движения, что в скором времени перед всем международным социализмом встанет необходимость новой ориентировки. Как только германская агитация за мир без аннексий примет реальное значение, перед социализмом воюющих стран встанет задача борьбы за мир с своей стороны. Пока же этого нет, и раз завоевательный характер войны со стороны Германии признан самой герман. соц.-дем., которая пока еще бессильна обуздать свои господствующие классы, задача самообороны не перестает быть очередной политической задачей соц. других стран, подобно тому, как в 1870 г., после превращения войны Пруссии против Франции в войну завоевательную и после выступления герман. соц.-дем. за почетный мир во Франции, старый Интернационал, устами Маркса, признавал долгом французских рабочих содействовать самообороне страны.

«Таким образом, я думаю, что самооборона социалистов стран антигерманской коалиции (в данном случае не имею в виду Италию) и борьба за мир германской соц.-дем. вполне укладывается в рамки нашего понимания интернационализма и отвечает интернациональным интересам рабочего движения.

«Не скрываю особенную трудность положения рос. соц.-дем. Для России самооборона не имеет того значения (с национальной точки зрения), как, напр., для Бельгии, стоящей перед угрозой лишения своей политической самостоятельности и насильственной инкорпорации, или перед Францией, стоящей перед опасностью утраты наиболее промышленных северных департаментов. Политической самостоятельности России ничего не угрожает. Что же касается до территориальных потерь, то они касаются завоеванных земель, из которых, например, Польша вовсе не так дорожит своей связью с Россией. Таким образом, борьба за целость территории России (исключение составляет, пожалуй, Прибалтийский край) в ее границах до войны может при известных условиях и не найти отклика среди с.-д. Статус кво до войны был построен все-таки на угнетении инородцев. Равным образом, и, так сказать, «экономическая» аргументация (Германия навяжет невыгодные для России торговые договоры и проч.) для соц.-дем. опасна, она легко может вовлечь ее в фарватер империалистской политики, ограничивая все эти трудности положения рос. соц.-дем. при позиции нац. самообороны (я не касаюсь того, что такая позиция в неумелой ее

постановке может содействовать росту шовинизма и пр.),— трудности, делающие необходим. особую обдуманность лозунгов движения; я, тем не менее, думаю, что с.-д. нужно принять эту позицию, принимая во внимание все международное положение и ее революционное значение для России.

«Этапы этой позиции рисуются мне следующим образом:

«1) Долой правительство, ведущее страну к разгрому; это означает всестороннюю критику правительства, отказ ему во всех кредитах и пр.

«2) Борьба с той формой мобилизации промышленности и общественных сил, которая практикуется сейчас. Борьба не в форме бойкота и только критикой, а попытками самостоятельной организации народных сил на почве так называемых вопросов обеспечения тыла (дороговизна, муниципалитеты и проч.). Организовать массы на этой почве. Что же касается до мобилизации специально на военные нужды (обеспечении армии), то—требование ухода ответственных сейчас лиц и избрание на их место «доверием облеченных». На деле это может свестись на первый случай (в качестве этапа дальнейшего развития) к поддержке либерального лозунга ответственного министерства, но поддержки не безусловной, а осложненной требованием определенных гарантий (амнистии, равноправия национальностей, предоставления возможности освобожденной самодеятельности, свободы печати, ограничения предпринимательской прибыли, охраны труда и проч.). Лозунг национальной самообороны не допускает расстройства всего механизма, а должен, наоборот, иметь организующее влияние на вспышки стихийного недовольства народных масс и сочетать его с крайней революционной энергией в проведении намеченного плана. Поэтому многое, что целесообразно в мирное время, теперь неприменимо. Положение обязывает к иным методам революционной работы. В качестве примера сошлюсь на Маркса, который в воззвании Интернационала 1870 г. рекомендовал рабочим Франции воздержаться от воззвания против временного правительства, вполне признавая его непригодность, а пользуясь той относительной свободой, которую принесла навязанная прусскими штыками республика для самоорганизации. Эта последняя, т.-е. организация пролетариата в самостоятельную силу, должна проходить красной нитью через всю кампанию. Она должна явиться той силой, которая способна вдохнуть жизнь в организацию народной самообороны и питать революционный процесс против старой власти и последовательно тех властей, которые придут ему на смену.

«3) Построенная так национальная самооборона не должна выкидывать за борт лозунги мира. Вся ее цель—обеспечение последнего, почетного для обеих сторон, мира, в программу которого должно быть включено удовлетворение и тех национальных притязаний, которые до войны насильственно подавля-

лись, но были войной разрушены. Например, Польша. Революционный народ, отражая нападение германских империалистов, всегда должен быть готов протянуть руку германскому народу. Отсюда лозунг мира, как противоядие против шовинизма, должен быть включен в программу той национальной самообороны, которая может вырасти на почве революционной борьбы со старым режимом.

«Лозунг национальной самообороны рисуется мне, как процесс революционного движения, разбуженного войной и поставленного последней в специфическую обстановку, с которой мы до войны при построении нашей тактики не считались. Его историческими прецедентами были французская коммуна и особенно национальные войны великой французской революции, войны, приведшие к власти якобинцев, как наиболее крайнюю и решительную партию. С таким ходом войны, между прочим, всегда считался Маркс и на нем строил свои надежды и планы».

В июле месяце, по сведениям провокатора Поскребухина [1]) местной интеллигентской с.-д. меньшевистской группой было издано открытое письмо за подписью «Р. . . . . к. А. Бернский, Нилов». Одним из авторов этого письма, по его данным, скрывающимся под псевдонимом «А. Бернский», является доктор химии Фишгендлер, Абрам Маркович. Положение дел на фронте видно, тоже имело свое влияние на авторов письма.

Текст следующий:

«Чем дальше затягивается европейская война, чем больше усложняются международные отношения, тем все с большей настоятельностью встает перед с.-д. необходимость определить точно свое отношение к происходящим событиям и ту роль, которую должна стремиться выполнить в настоящее время партия рабочего класса. Обращаясь с этим письмом к товарищам, мы не можем, конечно, здесь подробно обосновать нашу позицию, но мы думаем, что определенное мнение по ряду выдвинутых войной и оказавшихся даже в среде с.-д. спорными вопросов может дать повод к обсуждению их среди широкого круга товарищей и к выяснению намечающихся в русской с.-д. течений.

«Существует точка зрения, согласно которой настоящая война является об'ективно войной против прусского милитаризма, приводившего к бешеному росту вооружения во всех странах и поглощавшего силы и средства, создаваемые человечеством. Сторонники такой точки зрения вполне последовательно утверждают, что поражение Германии послужит к сокращению вооружений, к уменьшению той вредной роли, которую играл милитаризм в европейских странах. Но современный милитаризм является необходимым следствием той империали-

[1]) „Ар. Зап."—Евгений, 8/VII 1915 г. № 105.

стической политики захвата под свое влияние областей и стран, стоящих на низших ступенях развития, которая характеризует настоящую фазу европейского капитализма и является основным фактором, определяющим международные отношения. Германия в силу определенных условий играет наиболее активную роль в этой политики. Быть может, в этой войне она будет сбита со своей позиции, но кому бы ни было суждено,—прусскому, английскому или русскому милитаризму играть в ближайшем будущем первую роль, борьба за господство на мировом рынке не прекратится, пока существуют буржуазные общества, а вместе с нею не прекратится и рост вооружений и роль милитаризма, поглощающего материальные средства человечества и насаждающего в нем звериные чувства. Мы понимаем исключительную роль, которую играет Германия в подготовке современного конфликта, но как бы ни была отвратительна особая форма прусско-юнкерского милитаризма, замена Германии какой-либо другой страной ничего по существу не изменит в положении.

«В согласии с позицией международной с.-д., как она определилась до войны мы утверждаем, что есть единственный путь, который ведет к уничтожению милитаризма—это путь об'единения пролетариата всех стран для борьбы с буржуазным обществом. Война, которая разрушила интернациональную организацию с.-д., которая бросила пролетариев с орудием в руках друг на друга, которая влила в среду рабочего класса разных национальностей взаимное раздражение и недоверие, которая поглотит в виде жертв большую часть энергичного и здорового населения Европы, которая подорвет веру среди демократии в свои силы, чем бы ни кончилась эта война—для демократии самое возникновение уже было поражением, а чем дальше война затягивается, тем более растет значение этого поражения.

«Нельзя оправиться от этого поражения, солидаризировав свои усилия с боевыми действиями той или другой воюющей стороны, нельзя вернуть нам утерянные позиции путем присоединения к триумфальному шествию победителей. И то, и другое есть отказ с.-д. от тех завоеваний, которые совершены ею на международной почве и лишь энергичными усилиями к воссозданию боевой интернациональной организации пролетариата мы оправимся от понесенного поражения и, быть может, превратим его в победу. Но говорят, что поражение Германии обязательно вызовет и поражение самой сильной, а потому и самой опасной для дела прогресса в Европе прусской реакции. Прежде всего, на основании чего можно утверждать с такой несомненностью, что война обязательно окончится поражением Германии? А если бы это даже и было столь очевидно, то откуда следует, что поражение Германии приведет к существенной демократизации ее внутреннего строя? Во-первых, положение с.-д. в Германии весьма ослаблено войной, в ближайшем будущем оно еще более будет ослаблено внутренним расколом в ее рядах; во-вторых, возмож-

ность успешного демократического движения рабочих масс против правительства значительно уменьшена шовинистическим настроением, охватившим всю либеральную оппозицию, а также частью и самих рабочих: в-третьих, разгром Германии, если бы он был и возможен, разгром, совершаемый при участии русского царизма,—такой разгром не может импортировать в Германию демократический строй, эти побудители, наоборот, скорее всего постараются поддержать в разбитой ими Германии именно реакционное правительство. Вместе с тем опасность этого разгрома об'единит, быть может, еще более всю массу народа в Германии с правительством, чтобы общими силами спасти Германию от поражения, которое повело бы ее не только к большим экономическим потерям, но и к потере тех завоеваний демократии, которые были сделаны на почве растущих экономических успехов. Конечно, всем этим далеко не исчерпывается сложность положения, и учитывать с уверенностью теперь результаты того, как кончится война, и что и какой стране она принесет, абсолютно невозможно. Поэтому со стороны с.-д. являлось бы преступным утопизмом высказываться за продолжение войны во имя каких-то проблематических ее результатов, которые затемняются тем больше, чем все большая часть Европы и всего мира вмешиваются в этот конфликт.

«Но если бы даже мы могли надеяться, что предположения эти о результатах войны справедливы, то и тогда для с.-д. невозможно, пока она не отказалась от самой себя, добиваться тех или иных демократических реформ разрушения Интернационала, путем об'единения с реакционными силами страны и прекращения своей демократической и социалистической пропаганды, путем хотя бы моральной поддержки того ужаса, который представляет из себя война, путем, наконец, санкционирования бесконечных жертв, от которых мы не знаем еще, как скоро удастся Европе оправиться. Где те обеспечения каких-то великих прогрессивных результатов войны, во имя которых с.-д. должна отказаться от всей своей прежней позиции и под теми или иными условиями поддерживать вооруженную реакцию и, следовательно, облегчать правительствам, затеявшим войну, продолжать ее все дальше и дальше.

«Таких обеспечений, таких гарантий нет и быть не может, а потому с.-д. ничего другого не остается, как звать рабочий класс занять ту позицию, которая ясно была формулирована всеми постановлениями интернациональных с'ездов: пока нет войны, с.-д. должна работать над укреплением мира и собирать силы, чтобы противостоять тем, кто захочет толкнуть народы на взаимное истребление; когда война, вопреки усилиям пролетариата, началась, задача с.-д. только одна: вести агитацию и собирать силы рабочего класса всех стран, чтобы путем давления на правительство добиться самого скорого заключения мира.

«Война, ведующаяся на международной арене, конечно, может быть прекращена не усилиями рабочего класса одной какой-либо национальности, а лишь об'единенными усилиями пролетариата всех стран, восстановившего свою интернациональную организацию и создавшего во имя мира могучее солидарное движение. Отсюда ясно, что основной и единственный задачей «внешней политики» с.-д. должна быть работа по восстановлению Интернационала для организации движения и борьбы за мир.

«Все же стратегические расчеты относительно победы тех или других армий и утопические предположения относительно прогрессивных результатов взаимного истребления народов должны быть возвращены тем, у кого они взяты,—буржуазии и ее идеологам.

«Но нам указывают на занятые немцами Бельгию и Францию, нам указывают на право нации защищать свою свободу и напоминают постановления интернациональных с'ездов относительно участия рабочих в оборонительной войне. Такие постановления существуют, но применимы ли они к настоящему конфликту, который по своей сложности и запутанности исключает всякую возможность разделить воюющих на «нападающих» и «обороняющих». Если с.-д. союзных стран должна поддерживать свои правительства, пока не будут очищены от немцев Франция и Бельгия, то в процессе этой борьбы, если она будет успешна, будут, конечно, заняты немецкие территории и можно ли будет возражать немцам, если они, во имя того же права «обороны», опираясь на постановление интернациональных с'ездов, пожелают то же поддерживать свое правительство, пока эти территории не будут очищены. Но можно ли рассчитывать, что в современной свалке будет момент, когда все попранные права будут восстановлены, занятые чужими войсками территории будут очищены и отдельные национальности будут освобождены от угнетения. Можно ли думать, что наступит такой идеальный момент, который может быть признан сторонниками войны во имя права «обороны» подходящим для требования мира.

«В конфликт вмешалась Италия, быть может, вмешается Румыния, Болгария и т. д. Те захваты, которые готовятся совершить эти страны, не должны ли тоже оправдать с этой точки зрения дальнейшее затягивание войны. Постановления интернациональных с'ездов, конечно, имели в виду тот простой случай, когда имеются только нападающие и защищающиеся—случай, ничего общего не имеющий с современным запутанным конфликтом. Поэтому те, кто стоят в данном случае на такой точке зрения, в сущности дают свое моральное одобрение всеобщей войне без конца и до полного истощения сил. Но в противоположность этому с.-д., оставаясь верной своим старым традициям, должна все усилия направить на воссоздание Интернационала и на организацию движения для немедлен-

ного заключения мира. Конечно, такой мир не решит тех сложных вопросов, начиная от господства милитаризма вплоть до права на самоопределение каждой национальности, которые и до войны стояли перед европейской демократией и лишь обострились и усложнились благодаря военному столкновению. Но признаем же, что те вопросы, которые не в силах была до войны решить об'единенная и все усиливавшаяся интернациональная демократия, не могут быть и не будут решены вооруженной реакцией; вспомним, что эта реакция и не стремится решать эти вопросы, что она преследует совершенно иные цели, и будем, как всегда, надеяться лишь на те силы, которые, несмотря ни на что, вновь воспрянут и вновь будут расти, на те силы, которые поведет за собой воскресший Интернационал. Быть может, дальнейшее затягивание войны приведет к освобождению Бельгии, но ведь война ведется не из-за одной Бельгии, и не только интересы этой несчастной страны, которой мы глубоко сочувствуем, здесь пострадают. У нас, у международной с.-д., у всего движущегося вперед человечества нет иных путей для борьбы с бесконечной массой эла, порождаемой буржуазным обществом, кроме пути, намеченного Интернационалом. Работать над воссозданием его—вот единственная международная задача с.-д.

«Воскресший Интернационал, который поведет за собой сдвинутые из спокойного состояния обыденной жизни массы рабочего класса, опираясь на растущее стремление пролетариата к миру и на сознание в нем единства интересов рабочих всех стран, сознание, которое тем больше проясняется, чем больше проходит первоначальная растерянность и угар шовинистических настроений,—Интернационал, воскресший с новыми силами и с сознанием той великой задачи, которая стоит перед ним,—не только добьется скорейшего мира, но и мир, заключенный под его давлением, будет миром на условиях наиболее справедливых. Выработать эти условия будет задачей ближайшего интернационального с'езда, к организации которого мы прежде всего должны стремиться. Чем более успешна будет работа по воссозданию Интернационала, тем более полно будут осуществлены и эти условия.

«Отсюда ясно, что самая главная задача с.-д. в каждой отдельной стране —подготовлять почву для этой работы в рамках своего государства.

«Сверх того, перед русской с.-д. стоит особая задача—показать всю опасность для России новых аннексий и разоблачить значение той авантюры, которую затевают наши реакционеры при поддержке либералов на берегах Босфора. Присоединение Константинополя вызвало бы необходимость вновь выкачивать многие миллиарды из русского народа для укрепления проливов и для создания сильного флота на Черном море.

«Но, высказываясь решительно за мир, мы столь же решительно должны высказаться против анархистской школы «дезор-

ганизации тыла». Эта тактика не привела бы в настоящее время в России ни к чему кроме облегчения противной воюющей стороне добиться максимума успехов и разожгла бы аппетиты немецких генералов. Сторонникам такой тактики мы еще раз укажем, что война, в которую втянуты почти все европейские страны, может быть остановлена только об'единенными усилиями демократии всех стран.

«Стремясь подготовить русский рабочий класс к выполнению его роли в этой общей работе близкого будущего, надо пользоваться всеми возможными средствами для его организации и сплочения. Путь экономической и политической борьбы должен быть использован для этого в полной мере. Стремление буржуазии использовать период затишья в экономической борьбе для ухудшения положения рабочего класса и набить свои карманы за счет казенных заказов ставит перед рабочим классом необходимость отстаивать улучшение условий труда, и здесь приходится несколько отказываться от тех методов борьбы путем укрепления профессиональных союзов и организаций забастовок, которые употребляются рабочими и в мирное время. Правительство попрежнему представляет из себя реакционную клику, занятую гораздо больше в настоящее время подготовкой борьбы против ожидающегося революционного движения, чем организацией всего, что нужно для победы над внешнем врагом.

«Агитация, которая энергично ведется представителями правящей клики среди армии и народа против евреев с целью об'явить их виновниками наших поражений, которые являются необходимым следствием хищнической и дезорганизаторской работы самого правительства,—эта агитация стремится оправдать неподдающиеся описанию жестокости, которые совершаются правительством против евреев в настоящее время, и она же готовит новые погромы в будущем, когда правительству надо будет по этой линии наименьшего сопротивления направить возмущение народных масс, внеся в него разврат и разложение. С такой же целью был организован и немецкий погром в Москве, с помощью которого правительство надеялось отвлечь внимание массы населения от истинного виновника наших поражений, а в то же время остановить в обществе рост оппозиционного настроения, запугав его призраком дикой и необузданной толпы, против которой необходимо поддерживать «сильную власть». Но это очередное выступление наших государственных руководителей не удалось,—а новые поражения все с большей определенностью даже и слепым показывают, что перед Россией два пути, или полный и окончательный разгром, если настоящее правительство останется у власти, или надежда отстоять страну, если старое правительство будет сброшено и власть возьмет в свои руки новый общественный класс. В этой борьбе оппозиционных общественных слоев с правительством мы на стороне первых. Задача партии рабочего класса—стремиться привлечь

к активному участию в этой борьбе возможно более широкие слои народа и прежде всего—рабочего класса. Теперь, когда колеблются основы старого порядка, с.-д. должна все силы напрячь, чтобы предстоящая перестройка общественных отношений пошла наиболее демократическим путем. С.-д. не может связать своей судьбы с новым правительством. Если оно возникнет, с.-д. не должна, конечно, итти путем анархистской тактики дезорганизации тыла,—она должна лишь стремиться обеспечить наибольшую демократизацию общественного строя и требовать от государства наибольших усилий для борьбы с теми бедствиями, в которые ввергла война широкие народные массы; с.-д. в этих новых условиях, если они осуществятся, должна со всей энергией развить свою работу по организации движения за восстановление Интернационала для одновременного восстановления мира среди всех воюющих стран Европы.

«Вместе с тем с.-д. должна теперь всюду проповедывать ту истину, что только силой может быт сброшено настоящее правительство, только сила добьется действительного изменения настоящих условий, и что поэтому война для нас нисколько не исключает возможности и необходимости революционного движения внутри страны. Это не будет «дезорганизацией тыла», тыл армии дезорганизован систематически реакционной кликой, убивающей всякую общественную инициативу, закрывающей путь для общественной самодеятельности. Если бы под давлением массового движения правительство принуждено было бы пойти хотя на некоторые уступки, это лишь облегчило бы работу тех общественных сил, которые так или иначе организовались для помощи жертвам войны и для прямого содействия обслуживанию тыла армии.

«Но не являясь «дезорганизацией тыла», такое движение подготовило бы победу народных масс над господствующими в России реакционными общественными силами. Миллионы рабочих и крестьян, наполняющих ряды армий, несомненно бы с радостью приветствовали весть о том, что и те, которые остались дома, не сидят сложа руки, а, сколько могут, подготовляют лучшее будущее. Отказ от помощи жертвам войны даже из своей собственной среды на том основании, что война затеяна не нами и не мы за нее ответственны, и что такая помощь облегчает правительству дальнейшее ведение войны, такой отказ является самой вредной формой бойкотистской тактики. Мы не отказываем в своей помощи повседневным жертвам капитала, мы организуем кассы взаимопомощи, кассы для безработных и т. д. на этой почве такого естественного стремления поддержать своих товарищей мы создаем и укрепляем свою силу и самодеятельность и не боимся облегчить так. обр. капиталистам их эксплоатацию рабочего класса. И теперь, когда на почве работы помощи жертвам войны все другие общественные слои открыто организуются и укрепляют свои силы, пролетариат должен поставить

такую же задачу и перед своими организациями. В этой работе он будет собирать свои рассыпавшиеся силы, в ней передовые слои свяжут себя с широкой массой, во главе которой им, может быть, скоро придется итти.

«В армии, говорят, существует очень сильное течение за мир, но проснувшееся чувство национального достоинства побуждает огромную массу солдат желать лишь почетного мира, с чем, по мнению многих, необходимо считаться.

«Пробуждение среди русских народных масс чувства национального достоинства мы можем только приветствовать, но оно будет направлено на ложный путь, если во имя его будет поддерживаться стремление продолжать войну для новых побед и одолений. Чувство национального достоинства давно уже должно было заговорить в русском народе, оно давно должно было его наполнить возмущением против существующего внутри России строя и презрением к шайке разбойников, господство которых у нас является позором для страны. Если же нам говорят, что это чувство прежде всего требует почетного мира, то мы спросим, что такое этот «почетный мир». Для союзников этот почетный мир—это мир, заключенный в Берлине; для Вильгельма почетный мир—это мир, заключенный в Париже, Лондоне или в ставке Главнокомандующего, для демократии почетный мир—это мир, заключенный в возможно ближайшем будущем под давлением воскресшего Интернационала. Мир, заключенный правительствами буржуазных стран, так долго и так старательно готовившихся к войне, чтобы силой оружия раздавить своих конкурентов на мировом рынке,—заключенный тогда, когда цель их раздавить друг друга еще не достигнута, заключенный под давлением рабочих масс, громко об'явивших, что все пролетарии—братья и что у пролетариев различных стран нет противоположных интересов, во имя которых им надо было бы убивать друг друга, вот мир почетный для интернациональной партии рабочего класса с.-д.

«Такой мир больше всякого другого может обеспечить права каждой отдельной национальности, такой мир вольет новые силы в интернациональную с.-д. и приблизит крушение буржуазного общества, а вместе с тем и всякой реакции и всякого милитаризма. Стремиться во время всеобщего озверения, в период разгула шовинистических страстей, к самой человеческой, величественной и прекрасной цели,—вот действительно почетная задача, достойная партии, так много лет и с такой заслуженной гордостью несшей впереди всего человечества знамя освобождения, красное знамя Интернационала.

«Р...к. А. Бернский, Нилов...».

Что же касается состояния партийных организаций, то этот вопрос получил некоторое освещение на собрании, устроенном рабочей группой совещания по борьбе с дороговизной

13 июля в юридическом отделе Всероссийского Союза Городов. На этом собрании, как сообщал «Кондуктор» [1]), присутствовали:

«Кассиор, Милютин, стекольщик Соколов, Токарев, Абентум и два неизвестных (Москва), Киселенко, Хаустов и Скобелев (Петроград), Давыдов (Тула), Гинзбург (Витебск) и неизвестный (Самара) [2]).

«Председательствовал Давыдов.

«Были сделаны доклады:

«От Москвы выступал Милютин. Он доложил, что в Москве существует литературная с.-д. группа и партийные организации в Лефортовском, Симоновском, Городском и Даниловском районах, при чем во главе районных организаций, за исключением Даниловского, стоят особые коллективы, об'единенные в один общегородской коллектив.

«По его словам, в Москве в недалеком будущем должна состояться общегородская конференция для избрания Московского комитета.

«Деятельность общегородского коллектива выразилась в последнее время в выпуске нескольких листовок.

«От Петрограда—Киселенко. По его словам, в Петрограде существуют три организации: большевистская, меньшевистская и примиренческая, но, благодаря недавним провалам, в настоящее время они бездействуют.

«До провала эти организации проявляли широкую деятельность: имелась типография, выпускались листовки, устраивались собрания, митинги и т. д.

«От Тулы — Давыдов. В Туле существуют две марксистских организации: большевистская и меньшевистская, насчитывающие до 200 человек и одна народническая до 70 человек.

«Деятельность этих организаций выражается в устройстве партийных собраний и в руководстве выступлениями рабочих.

«От Витебска—Гинзбург. Оформленной соц.-дем. организации нет.

«Имеется пока только несколько бундовских групп, но уже намечается создание партийной с.-д. организации.

«Представитель Самары. Существуют две организации: большевистская и меньшевистская, периодически выпускающие листовки, печатающиеся в легальных типографиях; устраиваются собрания, обсуждается отношение к войне и т. п.

«Член Государственной Думы Скобелев говорил о положении партийной работы на Кавказе.

«По его словам, Кавказ, за исключением Баку, организован хорошо. Почти всюду имеются оформленные партийные организации; в особенности хорошо организованы грузины. Во всех организациях имеется хорошо оборудованная техника, на

---

[1]) „Аг. Зап."—„Кондуктор", от 14/VII 1915 г. № 116, д. № 14.
[2]) Благовещенский, В. П.

которой выпускаются в большом количестве листовки, постоянно устраиваются собрания и сходки; было несколько местных конференций для выяснения отношения к войне.

«Член Государственной Думы Хаустов доложил о своей поездке по Волге.

«По его словам, в Поволжских городах существуют партийные ячейки и налаживается партийная работа, хотя здесь она слабее, чем на Урале, где также ему пришлось побывать.

«Кассиор сделал доклад о Киеве, откуда он приехал три месяца тому назад. По его словам, в Киеве существует хорошо оформленная с.-д. организация, в которую входят как большевики, так и меньшевики. Партийная работа ведется в широких размерах: постоянно выпускаются листовки, печатаемые в собственной типографии, устраиваются рефераты, собрания, митинги и т. п.

«После докладов выяснялся вопрос об отношении соц.-дем. фракции Государственной Думы к войне в настоящее время.

«Оба депутата заявили, что отношение фракции к войне— прежнее и что об этом будет заявлено с трибуны Государственной Думы.

«После докладов Милютин, резюмируя сделанные сообщения с мест и выяснившееся отношение представителей пяти городов и членов фракции к войне, предложил принять резолюцию, составленную Московской литературной группой от имени московских марксистов.

«Резолюция эта была принята единогласно и тут же вручена Хаустову».

ГЛАВА VIII.

Протест против суда над рабочими депутатами. — Агитация в профсоюзах. — Листовка ЦК РС-ДРП. — Листовка студентов Коммерческого Института за подписью „Организованные с.-д."—Листовка „К студенчеству".—Листовка „Что делать?". — Группа с.-д. при профсоюзе металлистов. — Арест группы.

В Москве первые шесть месяцев войны марксистская мысль водиночку и небольшими группами болезненно билась в определении своего отношения к войне и всем тем социалистическим группировкам, какие создала война. Какой-либо работы в массах в это время ни большевики, ни меньшевики не вели. Выпускаемые той или другой группой листовки дальше круга ближайших знакомых не расходились, а в рабочие массы и совсем не попадали. И только в феврале начинается настоящая работа в массах.

Суд над рабочими депутатами давал удобнейший случай для развертывания этой работы и им не замедлили воспользоваться. Рабочие все время с большим вниманием следили за ходом процесса, и когда последовал призыв к забастовке протеста в день суда над рабочими депутатами (10 февр. 1915 г.), то ряд предприятий забастовал.

В профессиональных организациях инициатива забастовки протеста исходила от бывшего секретаря правления профессионального общества рабочих хлебопекарного производства Ивана Ивановича Гусева. По предложению последнего правлением этого общества было принципиально решено провести в день суда над рабочими депутатами, в знак протеста, однодневную забастовку и устроить уличные демонстрации, но, принимая во внимание, что выступление одних булочников не могло бы иметь серьезного значения и не носило бы характера внушительной демонстрации, было постановлено: вопрос о выступлении 10 го февраля внести на рассмотрение центрального бюро профсоюзов.

8-го февраля состоялось экстренное собрание членов центрального бюро проф. союзов, на котором Гусев сделал доклад о желательности выступления. По докладу Гусева, подавляющим большинством была вынесена резолюция протеста против суда над рабочими депутатами, и для ее составления была избрана комиссия из троих, в которую вошел и Гусев.

По агентурным сведениям охранного отделения Гусев и деревообделочник Алексей Михайлович Запевало остались недо-

вольны решением центрального бюро и решили самостоятельно изготовить и выпустить соответствующие листовки.

Накануне суда над депутатами, в ночь с 9-го на 10 февраля, был произведен ряд обысков и арестов, закончившихся высылкой из Москвы следующих товарищей: Алексеева Петра Алексеевича, Гусева Ивана Ивановича, Жалкова Константина Алексеевича, Запевало Алексея Михайловича, Легостаева Михаила Никитича и др.

Кроме этого профсоюза тот же Иван Иванович Гусев вел работу и в других организациях. Так, 6-го февраля в помещении общества торговых служащих он читал доклад на тему о войне.

В своем докладе он указывал, что настоящая война не является народной, почему пролетариат должен стоять в стороне и во всяком случае не содействовать правительству в благополучном окончании таковой, тем более что пролетариату она в обоих случаях, т.-е. и при удаче и неудаче, принесет только вред.

Далее он коснулся точки зрения на войну Плеханова, Маслова, Гэда, Вандервельде и других и указал, что они, по его мнению, заняли неправильную позицию и что российский пролетариат должен придерживаться лозунга, об'явленного оставшимися верными принципам социал-демократии: «война—войне».

Оппонентом выступил Лобанов, который, принципиально с ним соглашаясь, указал, что Маслов безусловно прав, говоря, что если Германия победит, то Россия превратится в своего рода германскую колонию, и неправ Маслов только в том, что он думает, что тогда России, т.-е. главным образом российскому пролетариату, будет хуже.

В подтверждение своих слов, что Россия в случае победы Германии будет подчинена последней в экономическом отношении, Лобанов ссылался на статьи Гольдштейна в «Русском Слове».

Затем выступали Кроль и Гавеман.

Кроль соглашался и с Лобановым, и с докладчиком, и только не соглашался с доводами Лобанова об экономическом подчинении России, отрицая совершенно в этом отношении авторитет Гольдштейна.

Нужно отметить, что тот же Кроль Сам. Янков. (студент Коммерческого института) еще в ноябре 1914 года в том же обществе и в том же духе делал доклад о результатах войны с промышленной точки зрения.

По сведениям хорошо осведомленного Лобова (кличка «Мек»), «в Москве периодически и довольно регулярно устраиваются собрания под флагом различных легальных организаций в отсутствии полиции. Члены профессиональных союзов собираются нелегально, при чем посещаемость таких собраний часто превышает 100 человек.

«С докладом на собраниях выступает довольно разнообразная публика, но преобладают партийные. Темы докладов— война и отношение к ней.

«Что же касается настроений, то за последнее время наблюдается резкое повышение оппозиционного настроения в самых широких кругах. В рабочей среде усиливается течение, рекомендующее активное выступление против войны.

«Сведения о росте антивоенного настроения поступают и из других источников. Наиболее интересны сведения, характеризующие отношения к войне раненых, находящихся в московских госпиталях. Приходится все чаще и чаше слышать рассказы, что в настроении русской армии наступил перелом.

«И не только среди солдат говорят о необходимости прекращения войны, но и среди офицеров. Последнее понятно, так как и офицерство сильно демократизировалось с наплывом лиц, совершенно чуждых офицерскому корпусу» [1]).

Все это создавало весьма благоприятную почву для нашей агитации, чем сейчас же и воспользовались. В феврале заметно усиленнее издаются листовки, хотя густая и ловко расставленная сеть агентов-провокаторов охранного отделения весьма многие перехватывала, не допуская распространения, тем не менее в этом месяце листовки доходили до самой рабочей гущи— фабрик и заводов. В этот месяц много издано листовок о войне и о суде над рабочими депутатами. Каждая вновь появляющаяся группа считала первым своим долгом изложить свое отношение к войне, а для этого выпускала соответствующую листовку. Но, кроме вопроса о войне, рабочую массу в сильной степени волновал арест и суд над рабочими депутатами. Требовалось осветить этот вопрос, и группы выпускали листовки. Правда, техника была еще примитивная—гектограф, и выпуск листовки, хотя бы в 300 экземпляров, как тогда большею частью делали, был большим делом. Издавали не только свои листовки, но и переиздавали другие, часто без изменений, сохранив даже подпись прежней организации, как это делали с петербургскими листовками, или же изменяли некоторые выражения или лозунги и ставили свою подпись.

Из петербургских особенно усиленно переиздавалась и распространялась следующая листовка:

«РОССИЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи!

«На-днях будет суд над рабочими депутатами. Правительство хотело обвинить их в «измене» и напечатало свою клевету в газетах,—это дело сорвалось. Военному суду хотелось

[1]) См. „Записку“ № 20 от 7/II 1915 г.

предать, но верховные заправилы теперешней резни, обозвав министров дураками, решили, что расправляться по-военному с представителями рабочих, переполняющих армию,—это значит сеять своими руками возмущение.

«И наших депутатов будет судить судебная палата.

«Обвиняют их по 102 статье за принадлежность к социал-демократической партии. Только всего.

«Но по этой статье полагается до 8 лет каторги. Социал-демократические рабочие депутаты пойдут в каторгу только за то, что принадлежали к своей рабочей партии,—только за то, что были действительно социал-демократическими депутатами.

«Они слишком намозолили глаза правительству и буржуазии.

«Вспомните последние годы. Кто в Думе всегда отстаивал рабочие интересы? Кто больше всех беспокоил министров запросами о беззакониях властей? Кто расследовал взрывы на пороховых заводах и в угольных шахтах? Кто мешал гулять полицейскому кулаку при похоронах рабочих и при демонстрациях? Кто собирал пожертвования для пострадавших товарищей? Кто издавал газету «Правда» и «Пролетарская Правда»? Кто протестовал против убийства и увечья миллионов людей на войне?!

«Все—они, все—рабочие депутаты. И за это они пойдут на каторгу.

«Вся буржуазия рада, что их закуют в кандалы. Когда их арестовывали, кадеты в «Речи» сказали министрам: Не бойтесь, закатайте их; ведь теперь все стоят за войну и за правительство; арест рабочих депутатов дело несерьезное.—А трудовики и фракция Чхеизде как будто сразу оглохли и онемели.

«Кто же может защитить теперь рабочих депутатов? Только те, кто избрал, кто их поддерживал. Только пролетариат может защитить их, только он может показать, что суд над ними—дело серьезное и что оно не может пройти так тихо и гладко, как хотели бы охранники, министры и генералы...

«Через тюремные стены привет товарищам депутатам, нашим стойким борцам.

«Да здравствует революция! Долой войну!
«Да здравствует демократическая Республика!
«Долой царскую монархию!
«Да здравствует социализм!

«Петербург. Комитет. Российск. Соц-.Дем. Раб. Парт.».

Что же касается выпуска группами своих листовок, то в материалах охранного отделения имеются следующие данные:

«4-го февраля 1915 г. провокатор Поскребухин сообщал [1]), что при Московском Коммерческом институте организовалась социалистическая группа, ставящая целью своей деятельности ведение пропаганды социалистических идей в широких массах.

«С этой целью предполагается периодически выпускать листовки, для печатания которых уже имеется «техника» (гектограф или шапирограф).

«Кроме того, группа предполагает оказывать посильное содействие вообще всем социалистическим организациям, предоставляя в их распоряжение для печатания листовок свою «технику».

«В настоящее время у этой группы еще не имеется широких связей в Москве, они только заводятся и пока активной деятельности не проявляют.

«В настоящее время идет подготовительная работа и вырабатывается план деятельности, для чего члены группы устраивают частные совещания преимущественно в помещении студенческой столовой (Коммерческого института).

«Из числа лиц, входящих в эту группу, известны: «Бано», он же Иван Минаевич, Вардянянц. Оганес, личный почетный гражданин, студент Коммерческого института (в марте прошлого года был арестован на собрании студентов, в числе 13 человек), Нестеров, Фокин, председатель студенческой столовой, и «Степа» (Степан Карапетович)».

Несмотря на своевременную информацию московского охранного отделения, группа вскоре выпустила следующую листовку:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи! 10-го февраля будет происходить суд над социал-демократической рабочей фракцией Гос. Думы. Этот суд над нашими представителями так связан со всем тем, что делается кругом, что его невозможно отделить от хода событий. Когда началась война, необходимо было правительству создать в стране подходящее настроение, ибо трудно вести войну, когда широкие массы народа не сочувствуют ей; для этого нужно было указать, что война ведется в интересах народа. В ход была пущена вся сила буржуазной и правительственной печати, и она принялась за дело. Дело было трудное: доказать русским рабочим и крестьянам, что для них очень выгодно перебить как можно больше крестьян и рабочих других стран, что именно в этом-то и лежит ключ к их счастливому будущему. Началось самое дикое натравливание одного народа на другой. Борьбой за освобождение от ига милитаризма, угнетающего все нации, за право на существование небольших наций, за общечеловеческое

[1]) См. „Записку“ № 13 от 4/II 1915 г.

право и справедливость выставляется это, не имеющее себе примеров в истории, избиение народов.

«Буржуазия идет рука об руку с правительством, помогая ему всеми силами в его разрушительной работе. В этот хор спевшихся голосов, с самого начала войны, влился голос, говорящий другое: это был голос представителей рабочего класса. Они говорили о том, что эта война затеяна и ведется в интересах правительства и имущих классов, что погоня за приобретениями новых земель в целях обогащения и наживы капиталистов есть единственная цель этой войны. Не о праве и справедливости в отношениях между народами могут думать они—угнетатели своего народа, а о том, как бы свалить своего конкурента на рынке, как бы путем колоссального избиения народа отвлечь внимание его от внутренней политики страны, чтобы с большей свободой вести эксплоатацию как своих рабочих, так и рабочих в завоеванных областях. Войной не уничтожится милитаризм, пока не будет уничтожена система захватной политики, которой придерживаются руководители современных государств. Свобода и право завоевываются и укрепляются народами не тогда, когда они уничтожают друг друга во внешних войнах, но когда они с успехом ведут внутреннюю (войну) за лучшее будущее. И когда раздался этот голос и нашел отклик среди рабочих, царскому правительству необходимо было задушить этот голос, раз'ясняющий истинный смысл и значение этой бойни. Начались самые ожесточенные преследования. Задушена рабочая печать, разгромлены рабочие профессиональные союзы, клубы, школы и т. д. Стараются лишить рабочих возможности высказать свое мнение. Аресты, обыски, ссылки усилились во время войны. Ни на минуту не переставала та внутренняя борьба правительства с народом, в которой на долю рабочего класса доставались всегда самые сильные удары. Одним из таких ударов, одним из проявлений этой внутренней войны является арест рабочих депутатов и суд над ними. В чем же их вина? Не в том ли, что они были сознательными представителями своих избирателей—рабочих? Не в том ли, что до войны они отдали свои силы на укрепление рабочих организаций и создание рабочих газет? Товарищи рабочие! Гнет царизма и беспримерное издевательство переходят всякие границы. Нужен отпор решительный и дружный наступающему врагу народа. Вместе с международным интернационалом мы говорим: «война—войне».

«Организуйтесь, товарищи, к решительной схватке с царизмом.

«Всюду и везде распространяйте правду о войне, укрепляйте единство всех народов против эксплоататоров всех стран.

«Новые жертвы ненасытному царизму не остановят нас на нашем пути к светлому будущему.

«Долой войну! Да здравствует солидарный международный рабочий класс! Да здравствует демократическая республика!

«Да здравствует социализм!

«Да здравствует Российск. с.-д. рабочая партия!

«Организованные с.-д.

«Москва, февраля 6-го.»

По сведениям того же Поскребухина листовка была написана социал-демократом-большевиком Василием Николаевичем Лосевым [1]). Листовка эта в количестве 230 экземпляров Поскребухиным была перехвачена и представлена в охранное отделение. Кроме этой листовки, последним тоже была перехвачена в количестве 75 экземпляров уже нами воспроизведенная листовка петербургского комитета РС-ДРП относительно суда над рабочими депутатами. Листовка эта была отпечатана группой рабочих [2]), при содействии студента Коммерческого института Александра Николаевича Фокина. Кроме этих листовок была выпущена большевистская листовка под названием «Против течения». Есть основания полагать, что и эта листовка составлялась не без участия того же Лосева, так как 6-го февраля в о-ве торговых служащих, делая доклад, он цитировал отдельные места этой листовки. Еще видели эту листовку у булочника Василия Тимофеева Иванова.

Сорганизовавшаяся марксистская группа при московском императорском техническом училище в половине февраля тоже выпустила листовку «К студенчеству» от имени «группы с.-д.». Листовка эта следующего содержания:

«К СТУДЕНЧЕСТВУ.

„Станем ли, братья, мы дольше молчать. Наших сподвижников юные очи может ли вид эшафота пугать“.

«Товарищи!

«Мировая катастрофа послужит для всех слоев населения России могучим толчком к определению своих позиций в современном капиталистическом строе. Не избежит этого и русская «интеллигенция», но ее самоопределение должно стать в то же время самоупразднением.

«Если прежде, благодаря экономической отсталости страны, интеллигенция могла считать себя какой-то носительницей исторического разума, стоящей выше классовых интересов, то теперь эта иллюзия невозможна. Образование, которое отличало ее от других сословий и давало ей возможность смотреть на

---

1) См. „Агент. Зап.“ № 24, 1915 г.

2) Есть указания, что к этому делу имел отношение столяр Запевало Алексей Михайлович, кр. Ярославской губернии. *И. М.*

них сверху вниз, стало таким же товаром, как и всякая другая рабочая сила. Образованный человек не может пользоваться образованием для удовлетворения своих собственных потребностей, так как у него нет необходимых для этого орудий научного труда. Он вынужден, как и всякий другой рабочий, продавать свою рабочую силу, знание капиталистам. Он идет на фабрики, заводы, в капиталистическую прессу и не может уже тешить себя сознанием своей научной независимости, ибо во всех его действиях слишком ясно проглядывает направляющая рука капитала.

«С ходом экономического прогресса существование «интеллигенции», как независимого целого, становится мифом... С развитием классовых противоречий она распадается, и большая часть ее попадает в ряды пролетариата. И как последний, «интеллигенция» знает уже все прелести безработицы, экономические кризисы отражаются на ней так же, как и вообще на пролетариате.

«Товарищи, мы не сегодня, так завтра, по выходе из школы, а некоторые и раньше, станем пролетариями. Будем же настолько смелы, чтобы открыто признать эту истиину. Сознаем, что надежда избежать этой участи так же нелепа, как надежда на стотысячный выигрыш в благотворительной лотерее.

«Мы должны отказаться от всяких иллюзий, должны бросить подчеркивание своей «интеллигентности», так как оно только затушевывает классовые противоречия. Термин «интеллигентный пролетариат» как бы говорит, что между «интеллигентным капиталистом» и «интеллигентным» рабочим больше общего, чем между последним и всяким другим рабочим. Но разве это так? Ведь тот и другой для капиталиста являются прежде всего об'ектом для эксплоатации.

«Что же может быть общего между эксплоататором и эксплоатируемым? Они смертельные враги. Противоречие между капиталистом и пролетарием исчезнет лишь с упразднением первого.

«Мы отбрасываем кличку—«интеллигентный пролетариат», которую сострадательно бросают нам буржуазные идеологи. Мы должны стать пролетарской интеллигенцией, противопоставить себя буржуазной интеллигенции—апологетам капитала.

«И порывая, т. о., всякую связь с буржуазией, мы, как представители пролетариата, как выразители его классового самосознания, должны заявить, что не можем поддерживать империалистическую политику правительства, а наоборот, отказываясь от какого бы то ни было единения с ним, продолжаем непримиримую борьбу с русским самодержавием, как крупнейшим препятствием развитию классового самосознания русского пролетариата.

«Да здравствует пролетариат и его партия—социал-демократия.

«Февраль 1915 года.» «Группа с.-д.

«Эта группа связалась уже с социалистической группой студентов Московского Коммерческого института, и в самом недалеком будущем предполагается устроить об'единенное собрание членов обеих групп, на котором будет поставлен вопрос о создании единой студенческой социал-демократической организации и о выпуске в Москве нелегального печатного органа, для печатания которого будет оборудована тайная типография.

«Для этой типографии уже имеется часть шрифта, полученная, повидимому (сообщает тот же Поскребухин), коммерсантами от призванного на военную службу Василия Иванова, но так как имеющегося шрифта недостаточно для печатания газеты, то для приобретения такового они хотят связаться с типографскими рабочими, которые бы постепенно и доставили необходимое количество шрифта».

Сейчас же после выпуска листовки в эту группу проник соратник Поскребухина — Андриан Николаев, по кличке охранного отделения «Андреев», предложивший группе свое содействие—доставить необходимый шрифт, с помощью типографских рабочих из типографии Сытина.

В состав группы, между прочим, входили: Иванов, Василий Тимофеев, кр. Смоленской губернии, Гжатского уезда, Михайловской волости, дер. Холзакова.

Прокопьев-Сахаров, Василий Алексеев, мещ. гор. Тамбова.

Чеботарев, Владимир Петров, студент Коммерческого института, из казаков Новочеркасской станицы.

Мышкин, Георгий Сократович, студент Коммерческого института, сын врача.

Вскоре эта группа начала работу в профсоюзах. Так, при профессиональном обществе рабочих и работниц портновского производства она сорганизовала две нелегальных группы-ячейки, из коих одна являлась чисто социал-демократической ячейкой, а другая — «общеобразовательной», как бы подготовительной к первой.

Руководителями этих групп являются студенты Коммерческого института; первой—Мышкин, а второй—Чеботарев.

Кроме листовок, выпускаемых марксистскими или с.-д. группами, появились и листовки, написанные одним лицом. К числу таких принадлежит листовка под названием «Что делать», призывающая к восстанию в день окончания войны. Листовка, по сведениям провокатора «Томский» (Мария Владимировна Марош), была выпущена Александром Георгиевичем Скобенниковым (Горский), студентом имп. университета. Листовка эта была следующего содержания.

«ЧТО ДЕЛАТЬ.

«Безмерно дорогое время уходит, мы живем, как бы спим, и как бы ничего особенного не происходит. Или народная жизнь и без того хороша, и нечего больше желать? Или, может быть,

мы чересчур подготовлены и во всякое время способны подняться и завоевать наше право на новую справедливую жизнь? Нет. Но народ хочет верить, что в 1915 году случится, чего еще никогда не бывало. Царское правительство и буржуазные газеты усыпили нас сказкой о том, что после войны наступит обновление новой жизни. Что это за обновление? И может ли обновление притти само собой? С тех пор, как стоит земля, угнетатели ни разу не уступали добром. Каждый шаг, пройденный пролетариатом, был взят с бою, каждое слово на правах трудового класса записывалось кровью. И каждый раз, когда пролетариат забывает об этом, кровь его льется особенно щедро, а в запись народных прав не добавляется ни одной буквы. Этого ли хотим и теперь? Но, может быть, правительство честно и открыто на глазах у всех делает приготовления, чтобы обновить всю народную жизнь? Громким голосом обещало оно обновление народам Австрии, где живется свободнее, чем нам. Обещано обновление и Польше; но не польскому трудовому народу, а польской буржуазии, польским господам. А для нас, для России, правительство начало готовиться еще до войны, но не к обновлению жизни, а к тому самому революционному восстанию, о котором мы не хотим сейчас думать. За месяц перед войной был издан закон, чтобы за все политические дела судить без задержки военным судом. Во всех городах и губерниях, где в 1905 г. народ добивался земли и свободы, об'явлено военное положение и усиленная охрана. При начале войны были захвачены в тюрьмы все люди, о которых правительство знало, что они будут стоять за народное дело. Немедля были закрыты все честные газеты и журналы, которые могли раз'яснить народу в чем дело. Вот как готовится царское правительство, чтобы помешать обновлению русской жизни. Правительство знает, что пролетариат очень терпелив и доверчив, но без конца доверять и терпеть невозможно, и правительство хорошо понимает, что дело окончится восстанием. Богатые, под предлогом войны, поднимают цену на товары. Мука, сахар, соль, керосин— все эти товары остаются теперь в России и должны подешеветь, а они все дорожают, а к концу войны цены будут совсем не под силу для бедных людей. А когда в каждой семье будет убитый или калека, и везде будет голод и слезы, и люди увидят, что война только называлась «освободительной», а трудящимся людям всех стран стало от этой войны еще хуже, что только начальство да богачи торжествуют в завоеванных землях и домах,—тогда все увидят, в чем было дело и в гневе начнут народное восстание. Правительство хорошо знает все это и готовится к нашему восстанию. Но для правительства очень важно, чтобы мы, как можно дольше, ничего не понимали и ни к чему не готовились. А тогда нас и задавить будет нетрудно, потому что тогда будет не революционное восстание народа, а беспорядочный бунт. Не будем же терять времени и твердо

пойдем по своей дороге. Положение наше такое: если не готовиться к восстанию, тогда будет беспорядочный бунт, который погасят нашей кровью, и жизнь от него ухудшится. Тогда лучше наперед, теперь же и решить, что будем смиренно всему покоряться, как бы тяжело и обидно ни было после войны. Или же, как раз наоборот: решить, что восстание должно быть победоносным, и немедля готовиться к нему. О том, как готовиться к восстанию, много говорить не приходится, потому что, как только люди серьезно за дело возьмутся, то само дело укажет. Но кое-что, чему люди из прежних восстаний научились, нужно знать наперед: 1) нужно об'единиться в дружины с людьми, на которых твердо надеешься, и нечего унывать, если народа в дружине немного, потому что много дружин будет. А дел у дружин по-горло: притягивать новых надежных людей; посылать опытных товарищей в родные деревни и в другие города, чтобы везде там дружины заводились; изучать все закоулки своей местности, чтобы воспользоваться во время восстания каждым удобным местечком; добывать оружие и учиться владеть им; одним словом, стараться ко всему быть готовым; 2) правительство не даст сорганизоваться в одно целое народу, и дружины не будут знать друг друга. А для восстания необходимо, чтобы дружины ударили разом. Потому наперед нужен срок, когда начать восстание. Такой срок—окончание войны: «война окончилась,—а восстание началось». Время это будет у всех на виду, и каждая дружина увидит друг друга, и они соединятся в большую силу; 3) для успеха восстания нужно, чтобы в войске было побольше солдат и офицеров, готовых стать за народное дело; 4) время баррикад отошло. Успех восстания—в наступлении. Баррикады должны быть средством достижения и перехода к намеченным другим трудным задачам; 5) охотник и ружье, заряженное крупной дробью, может сделать великое дело. Если сделать засаду повыше идущих врагов и только находить прицел, то каждый выстрел выведет многих из строя. А для верхних засад и деревня и город очень удобны; 6) нынешняя война дает великий урок: несмотря на пулемет и пушки, борьба всегда доходит до штыков. Главное, значит, даже в смелости, а, стало быть, на восстание, больше надежды, чем раньше думали, и, стало быть, нужно подготовлять всякое оружие; 7) когда видно, что время к восстанию подходит и правительство старается побольше людей в тюрьмы захватить, нужно быть настороже и самим защищаться и друг друга не выдавать. Иначе выхватят всех лучших людей; 8) кто зовет на серьезное и опасное дело, должен итти впереди всех; 9) не будем спорить о том, как устроится новая жизнь после нашей победы. Такие споры на руку одним правительствам. Главный грех нынешней жизни в том, что одни люди насильно заставляют других жить по-своему. Будем же помнить об этом вечном грехе и воздержимся от него в день победы. С этим заветом и знаменем будем гото-

виться и начнем восстание, и тогда лучшие люди и нерушимая святая правда будут за нас».

Кампания протеста против суда над рабочими депутатами и усиленный выпуск листовок, которые имели место в феврале месяце, не могли не вызвать целого ряда репрессий, разрушивших налаживающуюся партийную работу.

В силу этого март месяц принадлежит к числу наиболее спокойных месяцев. Хотя и в этом месяце народилась и вскоре была ликвидирована соц.-дем группа при профессиональном обществе металлистов «Единение». По сведениям бывшего секретаря этого общества—провокатора Сергея Ивановича Соколова (кл. «Кондуктор»)—ядро этой группы составляли: Емельян Михайлов Маленков, Иван Михайлов Богданов и Иван Алексеев Беляев.

Группа эта решила выпустить к 15 марта листовку «О войне», составление которой было поручено Ивану Богданову. Представленный им через несколько дней текст был, однако, признан неприемлемым как по содержанию, так и по об'ему, и составление нового было поручено Емельяну Маленкову.

Листовку, составленную последним, нашли удовлетворительной, и она, с некоторыми редакционными поправками, была принята и передана тому же Маленкову для напечатания, помогать которому взялся Богданов.

В ночь на 14 марта эти лица были обысканы и арестованы, при чем обыском квартиры Маленкова обнаружено семь только что отпечатанных экземпляров этой листовки от имени «Московской группы рабочих с.-д.», два подлинника, написанные гектографическими чернилами для копирования, оригинал ее, написанный чернилами рукою Маленкова, и пр. принадлежности гектографа и с.-д. литература.

У Богданова обнаружено воззвание по поводу войны, озаглавленное «Зачем», написанное им чернилами на почтовом листе и являющееся, повидимому, той самой листовкой, текст коей был забракован. На этом уже листе в двух местах воспроизведены гектографическим путем стихи, озаглавленные «Боевой Марш»; написанная на машинке статья неизвестного автора, озаглавленная «Из современных настроений», представляющая собой полемику автора ее с Плехановым, Масловым, Иорданским и др. по поводу войны и значения ее для России, и воззвание Р. С.-Д. Р. П. по поводу суда над 5-ю рабочими депутатами с.-д. фракции 4-й Г. Д. [1]).

16-го марта по этому делу были произведены дополнительные обыски и аресты у братьев Ивана Андреева и Христофора Андреева Чужаевых и др.

Центральной фигурой в этой группе являлся тов. Маленков Е. М., происходящий из мещан г. Богородска, Московской

[1]) См. „Ар. Зап.“, № 35—46, от 7/III 1915 г.

губернии. В одной из своих справок московское охранное отделение о нем сообщает следующее:

«В 1909 году был он допрошен московским жандармским управлением по обвинению по 2 ч. 103 ст. Уг Ул. и отдан под особый надзор. Дело это московским губерн. совещ. прекращено за недостатком улик. Бывший слесарь Перовских ж.-д. мастерских принадлежит к организации РСДРП. Участвовал 15/II 1914 года на неразрешенном собрании, устроенном в помещении проф. о-ва рабочих-металлистов «Единение», созванном по инициативе членов этого о-ва, Богданова (он же Казаков) и Аборина, на каковое были приглашены наиболее видные рабочие металлисты-марксисты. На одном таком собрании было решено создать особую марксистскую группу, которая руководила бы всеми выступлениями металлистов, носящими политический характер, и являлась бы чисто партийной организацией, отсутствие каковой в названном о-ве сильно дает себя чувствовать, так как многие вопросы чисто политического свойства рассматриваются правлением о-ва, состав которого зачастую является далеко не марксистским. 4 марта в помещении союза состоялось второе собрание для обсуждения редакции листовки «О войне», составленной слесарем завода Бромлей, Богдановым. На этом собрании присутствовал и слесарь завода «Дукс», Иван Беляев, и др.»

11 марта состоялось следующее собрание группы, утвердившее листовку в редакции Маленкова [1]).

---

[1]) См. „Ар. Зап.“, № 35—46, от 7/III 1915 г. О последующей работе Маленкова см. „Памятники“, вып. II, стр. 172.

ГЛАВА IX.

Мнение Керенского о настроениях.—Продовольственные беспорядки.—Обсуждение событий.—Листовка трамвайщиков.—Листовка по поводу Ленских событий.—Листовка о войне и дороговизне за подписью „Организованная группа социал-демократов".—Приезд питерских товарищей—Смилги, Молотова, Татьяны Сергеевны.—Работа в клубе „Образование".—Подготовка к празднику 1-го мая.—Первомайские листовки.

После мартовского затишья, апрель месяц был снова тревожным месяцем. В этом месяце мы имеем ряд довольно крупных беспорядков на почве дороговизны. В начале месяца в Москву приезжал представитель фракции трудовиков Государственной Думы, присяжный поверенный Александр Федорович Керенский, с целью уяснить себе настоящее настроение народных масс, в интересах разрешения вопроса, не представляется ли возможным каким-либо путем сорганизовать более «левые группы населения». По его наблюдениям, на местах, в провинции, начинает вырабатываться политическая мысль, но за отсутствием там же руководящих организаций эта мысль развивается не далее своего теоретического зародыша и не претворяется в действие. Такую руководящую роль среди крестьянства, по мысли Керенского, должны взять на себя местные кооперативы, а для городского населения—интеллигенция и рабочие. Были бы пригодны общественные учреждения, в роде «Московского общества помощи жертвам войны», но в виду исключительно филантропической задачи этого общества, симпатичной самой по себе для лиц всяких политических воззрений, подобные организации не соответствуют задуманной цели, так как в них зачастую преобладают правые элементы. Эту задачу с успехом могут исполнить частные общества трезвости и такие же общества устройства народных домов (разумных народных развлечений), по самой сущности своего дела свободные от правых элементов.

Об'езд Керенским многих местностей России имел целью личное ознакомление на местах с настроением различных классов населения, которое в это время уже начинало внушать известные тревоги. Так, в Москве начались беспорядки на почве дороговизны, едва не приведшие к расправе над помощником градоначальника Модль. В общем картина этих событий следующая:

1) На Преображенском рынке.—На поднятый бабами шум по поводу дороговизны собралась толпа. Приподнятость настроения сейчас же опрокинулась на полицию, и когда г. Модль стал в резкой форме говорить толпе, одна женщина ударила его камнем, и тут же толпа вытащила его из автомобиля, била и тащила к реке, при чем г. Модль просил: «Что я вам сделал, братцы, простите»... и т. д. Были вызваны войска, но женщины вплотную подошли к солдатам и стали кричать: «Разве у вас нет жен—им так же плохо, как и нам! Стреляйте в нас, и ваших застрелят».

2) На Пресне.—Обстановка рисуется, приблизительно, в том же роде, с той только разницей, что здесь отмечается участие в дебоше рабочих, и не только на почве дороговизны, но вообще недовольства. Как на повод в пользу такого утверждения указывается на слова в об'явлении главноначальствующего, что пресненское выступление поименовано «хулиганством». Мы знаем, что обозначает начальство этим словом. Отсутствие арестов на Пресне об'ясняется, как полнейшая растерянность и испуг.

3) На Грузинах.—Также участвовало много рабочих, а беспорядок выразился в разгроме лавок возле лазарета по Ср. Тишинскому переулку. Передавалось об аресте 400 человек.

4) На Сивцевом Вражке разбиты все стекла в магазине Чичкина, по случаю отказа в молоке одним и отпуска его другим.

События вызвали очень заметное волнение во всех слоях, заставили многих насторожиться, а распускаемые толки вызывают еще большее недоумение и напряженность...

Очень определенно говорили, что это «начало» и «ожидание» являются господствующим настроением.

Распоряжение г. главноначальствующего о закрытии ворот с 6 часов вызвало сильное недоумение и многими было истолковано: «уже не началось ли».

Такие недоуменные вопросы толкали на устройство разных собраний и совещаний как для выяснения, так и для определения своего отношения к событиям. Об одном из таких совещаний, устроенном студентами Коммерческого института, дает сведения в своей записке за № 39 от 13 апреля провокатор «Михайлов» (Павел Николаевич Николин). На совещании собрались представители различных революционных взглядов. Были предложены следующие вопросы:

1) Являются ли эти волнения чем-то случайным и скоропреходящим, или они являются началом еще больших событий.

2) Принимали ли какое-либо участие в них рабочие организации.

3) Как должно быть рассматриваемо отношение солдат к этому.

4) Каково должно быть наше, собравшихся, к этим событиям отношение.

5) В чем реально оно должно было проявиться.

Ответ на эти вопросы собрание дало в следующем виде:

«1) Беспорядки, хотя и возникли внезапно и к ним никто не был подготовлен, и даже администрация проявила полнейшую растерянность, но случайными считать их нельзя. Главнейшая причина их—экономический кризис, дороговизна, спекуляция торговцев. Деревня стонет от отсутствия работников, семян и хлеба. Армия истощена, солдаты часто отказываются итти в бой, расправляются с офицерами.

«Рабочие и вообще городские обыватели стиснуты дороговизной. Энергичная работа правительства в разных комитетах—хозяйственных, финансовых и др.—говорит только за то, что правительство чувствует серьезность положения и старается всеми способами найти выход. Но выхода ему не найти, события развернутся с поразительной быстротой. Нет таких сил, чтобы остановить надвигающийся голод, а с ним и волнения. Только что развернувшиеся беспорядки являются началом широкой волны—и уже идут вести об аналогичных волнениях в Петрограде и Смоленске. Скрытое недовольство масс должно вылиться громадным потоком, и существующие стеснения жизни являются только поводом.

«2) Рабочие организации в этих первых выступлениях участия не принимали, но несомненно, что не обошлось тут без участия «сознательных» рабочих. Поскольку организации еще сохранились—они должны несомненно отозваться и использовать момент. Путем листовок рабочие массы будут оповещены о всех таких выступлениях и будет дано возможно желательное направление. Рабочие ближе всего и больше всего заинтересованы в ходе событий, теперь их участие будет несомненно с первых же шагов».

«3) Солдаты, настоящие служаки, перебиты, в плену, остался солдат-обыватель, переодетый в шинель. Заставить его стрелять в обывателя же, во вчерашнего знакомого, приятеля,—не так легко. Отказ стрелять в толпу у Преображенской заставы—явление характерное и благоприятное.

«4) Отношение собравшихся: а) возможно полнее осведомлять друг друга обо всем происходившем; б) чаще встречаться для совместного обсуждения выходящей нелегальной литературы в связи с событиями; в) прислушиваться к голосу организаций или к отдельным ее представителям; г) а главное, без различия революционных окрасок об'единиться и вести совместную определенную работу в направлении стихийного движения в ясных и определенных рамках.

«5) Реально такое отношение пока проявиться ни в чем не может, но в зависимости от событий будут приняты известные шаги».

Такое отношение является преимущественно в среде непосредственно не работающей в революционных организациях публики.

В этом месяце подполье тоже оживает. С начала войны страшно возросла дороговизна жизни, цены на предметы первой необходимости поднялись в полтора, в два, а иногда и в три раза. Высокие цены, новые налоги и акцизы—все вместе создало совершенно невозможное положение для трудящихся классов. Начались на этой почве стихийные выступления, выражающиеся в разгроме базаров и лавок. Нужно было его ввести в организованное русло, и вновь появляющиеся ячейки и одиночки большевики принялись за это дело. Примером такой работы может служить письмо листовка, распространяемая среди трамвайщиков. В этом письме-листовке группа сознательных трамвайщиков писала:

«Товарищи!.. Пора подумать о той нужде, о той дороговизне, которая надвигается к нам. То, что мы получаем, нам нехватает уже на жизнь, которая с каждым днем дорожает. Мы не должны дожидаться, пока мы и наши семьи будут голодать и просить хлеба, не должны беспомощно разводить руками. Не надо забывать, что мы на городской службе. Раз город заботится о других, то его святая обязанность позаботиться о нас, его служащих.

«Мы должны соединиться все вместе и просить увеличить наше жалованье. Если мы будем действовать поодиночке, то ничего не добьемся, как это показал случай в Уваровском парке 6 с. м. Мы должны выбрать делегатов от каждого парка, они же, собравшись вместе, выяснят степень нашей нужды, напишут петицию и подадут управляющему. Выбирайте из кондукторов и вожатых уполномоченных—и за дело. Помните, что в единении—сила».

Не осталось из-за войны забытыми и 4-е апреля—день расстрела ленских рабочих.

В этот день появилась следующая листовка:

«РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи, прошло 3 года, как на Ленских золотых приисках было расстреляно 500 рабочих за мирную экономическую забастовку. Но даже теперь, когда гибнут десятки тысяч рабочих в рядах армии, пролетариат не может забыть этих жертв. 4-е апреля 1912 года, как и 9 е января 1905 года, останутся неизгладимо в памяти рабочих.

«Поэтому рабочие не могут присоединиться к хору либеральных и продажных газет, которые с начала войны не пере-

стают кричать, что Россия—едина, что все классы общества примирились с правительством и между собой. Эти крики—ложь и клевета на рабочих.

«Новым уроком нам служит расправа с рабочими социал-демократическими депутатами Государственной Думы. Всего 2 месяца назад 5 представителей рабочего класса приговорены судом к вечной ссылке в Сибирь.

«Да и сама война, навязанная народу ради завоевательных интересов господствующих классов, есть тягчайшее преступление царского правительства против народа. О каком же единении с царем может быть речь: такого об'единения нет и не может быть.

«В действительности же об'единились буржуазные классы с правительством для того, чтобы сохранить покорность народа их корыстным интересам, а также для того, чтобы скрыть правду о войне. Но мы, рабочие, должны помешать этому. Об'единению верхов рабочие должны противопоставить об'единение своих сил, создать нелегальные соц.-дем. группы, поддержать вольную рабочую печать, укрепить Российскую социал-демократическую партию.

«Годовщина же ленской бойни еще и еще раз напомнит нам о нашей обязанности до конца бороться с произволом царизма.

«Товарищи, помните, что мы не должны оставить без протеста чудовищных преступлений царизма.

«Долой произвол насильников! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует мир и братство народов! Да здравствует организованная группа социал-демократов»!

Листовка эта, по сообщению Романова (кл. «Пелагея»), издана Лефортовской группой с помощью техники группы студентов Коммерческого института через студента Фокина [1]).

Из Петербурга в апреле месяце были доставлены и распространены следующие листовки:

1) «К печатникам»—издания группы печатников П. К. Р.С.-Д.Р.П.

2) Без заглавия—издания районного комитета Р.С.-Д.Р.П и

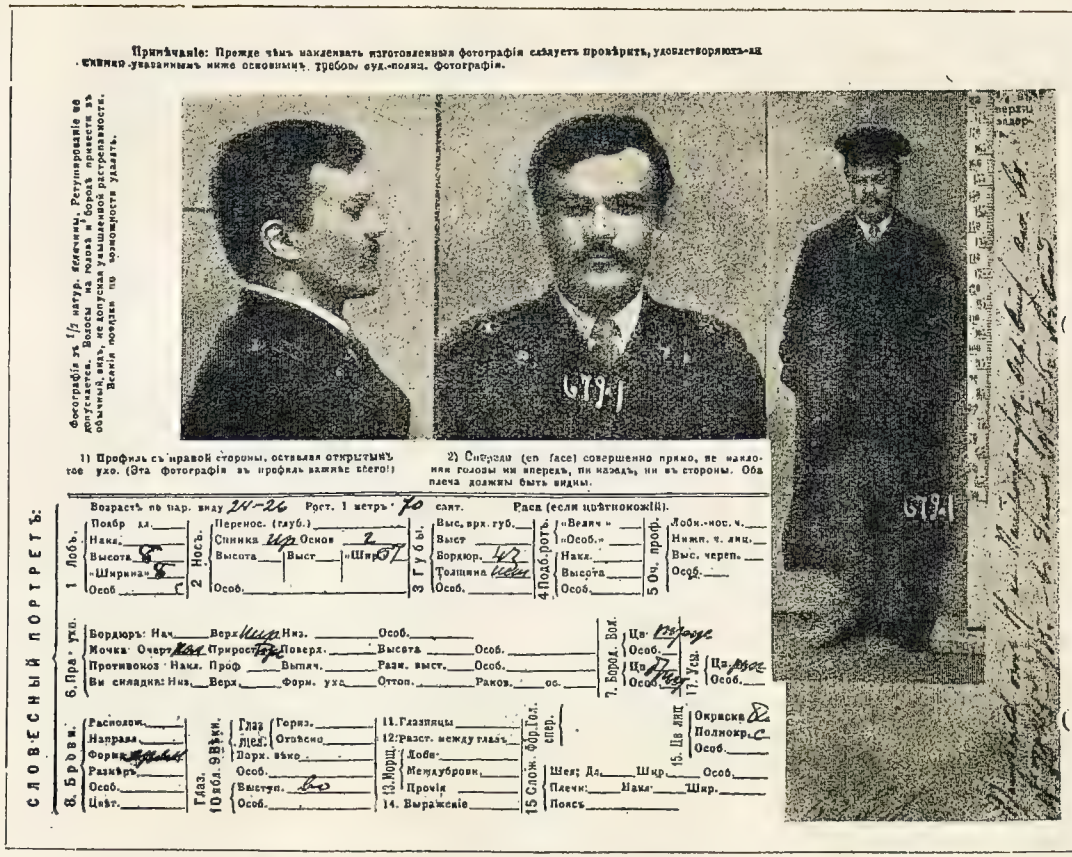
3) С обращением «Товарищи, солдаты»—издание П. К. Р.С.-Д.Р.П.

Кроме петербургских листовок, имели распространение в этом месяце и листовки, изданные в Москве. К числу последних относится листовка о войне и дороговизне, изданная Пресненской группой [2]) за подписью «Организованная группа социал-демократов», следующего содержания:

---

[1]) См. дело охр. отд. с агентурными записками по с.-д. за 1915 г., № 50.

[2]) О Пресненской группе см. мою статью в сборнике „Накануне Велик. Револ.“ и т. II.



Примѣчаніе: Прежде чѣмъ наклеивать изготовленныя фотографіи слѣдуетъ провѣрить, удовлетворяютъ-ли снимки указаннымъ ниже основнымъ требов. суд.-полиц. фотографіи.

Фотографія въ 1/2 натур. величины. Ретушированіе не допускается. Волосы на головѣ и бородѣ привести въ обычный видъ, не допуская умышленной растрепанности. Всякія поѣздки по возможности удалять.

1) Профиль съ правой стороны, оставляя открытымъ тое ухо. (Эта фотографія въ профиль важнѣе всего!)

2) Спереди (en face) совершенно прямо, не наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни въ стороны. Оба плеча должны быть видны.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТЪ:

Возрастъ по пар. виду 24-26 Рост. 1 метръ 70 сант. Раса (если цвѣтнокожій).

1 Лобъ. Подбр. дл. ___ Накл. ___ Высота 8 «Ширина» 8 Особ. ___

2 Носъ. Перенос. (глуб.) ___ Спинка Ир Основ 2 Высота ___ Выст ___ «Шир» 67 Особ. ___

3 Губы. Выс. врх. губ. ___ Выст ___ Бордюр. 43 Толщина нем Особ. ___

4 Подб. роть. «Велич.» ___ «Особ.» ___ Накл. ___ Высота ___ Особ. ___

5 Оч. проф. Лобн.-нос. ч. ___ Нижн. ч. лиц. ___ Выс. череп. ___ Особ. ___

6. Пра. ухо. Бордюръ: Нач. ___ Верх Шир Низ. ___ Особ. ___ Мочка: Очерт. [illegible] Прирост. [illegible] Поверх. ___ Высота ___ Особ. ___ Противокоз: Накл. Проф ___ Выпяч. ___ Разн. выст. ___ Особ. ___ Ви силадка: Низ. ___ Верх ___ Форм. ухо ___ Оттоп. ___ Раков. ___ ос. ___

7. Бород. Вол. Цв. [illegible] Особ. ___ Цв. [illegible] Особ. ___

17. Усы. Цв. [illegible] Особ. ___

8. Брови. Располож. ___ Направл. ___ Форма [illegible] Размѣръ ___ Особ. ___ Цвѣт. ___

9. Вѣки. Глаз. Глаз. мел. Гориз. ___ Отвѣсно ___ Верх. вѣко ___ Особ. ___ Выступ. во Особ. ___

10. Глаз. 11. Глазницы ___ 12. Разст. между глазъ ___ Лобн. ___ Междубровн. ___ Прочія ___ 13. Морщ. 14. Выраженіе ___

15. Слож. фор. Гол. спер. Шея: Дл. ___ Шир. ___ Особ. ___ Плечи: ___ Накл. ___ Шир. ___ Поясъ ___

15. Цв. лиц. Окраска 8 Полнокр. с Особ. ___

Регистрационная карточка Московского охранного отделения на Вячеслава Михайловича Скрябина (Молотова) (стр. 227, 236—239, 245, 347).

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи!

«Вот уже 9 месяцев, как идет страшная, неслыханная война народов. Во славу личного всемогущего капитала гибнут миллионы русских, германских, английских, французских, австрийских и др. рабочих и крестьян.

«И ради кого же ведется это чудовищное истребление народов? Ради тех, кто потом с победными звуками пройдет по трупам народа в завоеванные страны, чтобы занять место прежних правителей и угнетателей. Ради тех хищников капитала ведется это истребление народов, которые и теперь хорошо знают, как греют руки у пожарища войны. Эксплоататоры всех стран хорошо знают свой девиз: лови момент. И они не зевают. Во всех воюющих странах, и особенно в России, с начала войны страшно возросла дороговизна жизни. Цены на предметы первой необходимости поднялись в полтора, в два и три раза. Семьи призванных на войну с ужасом думают о завтрашнем дне. На что купить подорожавшую муку, хлеб, мясо, дрова; чем заплатить за квартиру? Эти вопросы стоят перед городской беднотой во всей остроте. Высокие цены, новые налоги и акцизы—все вместе делает совершенно невыносимым положение трудящихся классов. Таково положение народа. А те меры, которые принимают городские думы против дороговизны,—сплошное лицемерие и издевательство над демократией. Ведь там сидят те же самые хозяева и хозяйчики, которые теперь не дремлют, стригут и стригут бессильного потребителя. Действию же кооперативов препятствуют тысячи политических скорпионов царизма. Зато хищники капитала набивают свою мошну. Понятно, что они за войну. Понятно, кто кадит войне, кто славословит ее.

«Одним бичом господствующие клики согнали миллионы своих рабов на передовые позиции, другим бичом нещадно хлещут по изнуренному телу оставшихся в тылу, выколачивая из них последние копейки. Где же, наконец, предел преступной алчности капитала?

«Во всех воюющих странах началось народное движение против дороговизны. Протесты против дороговизны начались и в России. Но та форма, в которую они пока вылились в Москве, Петрограде и в других городах, не может быть поддержана сознательными рабочими. Рабочие не могут участвовать в разгроме лавок и избиении лавочников. Нужен решительный протест против общей причины дороговизны—против войны. Этот протест должен быть направлен и против рабских условий самодержавного строя, который душит всякую общественную инициативу в борьбе с дороговизной. Свой протест рабочие должны провести не стихийно, а организованно.

«Товарищи, пусть 1-е мая будет днем протеста против дороговизны и ее общей причины—войны. Мы призываем вас в этот день к протесту однодневной, общей забастовкой и демонстрациями в пользу мира.

«Долой войну! Да здравствует братство народов и социализм! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!

«Организ. группа соц.-дем.

«Москва, апрель 1915 года».

Листовка эта переиздавалась и другими группами.

В апреле месяце связь Москвы с Петербургом значительно усиливается. В этом месяце петербургский комитет РС-ДРП посылает в Москву целый ряд видных партийных работников. Так, по сведениям Поскребухина [1]) («Евгений»), в первых числах приезжал с поручением найти связи и заручиться адресами для транспортировки в Москву партийной литературы интеллигент, известный в петроградских партийных кругах под кличкой «Евгений» [2]). «Евгений» раньше работал в Москве и был известен под кличкой «Максим».

«Летом 1911 года он был арестован и содержался в Арбатском полицейском доме вместе с бывшим секретарем профессионального общества поваров Петром Николаевым Львовым [3]).

«В Москве «Евгений»—«Максим» связался с Лефортовской группой через некоего Меркулова, с присяжным поверенным Яхонтовым, студентом Коммерческого института Фокиным и некоторыми другими.

«По его словам, в Москве сейчас находится также командированный «Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.», член этого комитета, бывший секретарь рабочей газеты «Правда», некий «Андрей», имеющий специальное поручение с широкими полномочиями.

«Андрей» пробудет в Москве довольно продолжительное время, так как должен наладить работу. «Максим» же дней через пять собирается уезжать обратно в Петроград.

«Остановился «Максим» в Москве у некоего «Павла Денисовича», проживающего в д. № 4, кв. 4, по Лукову переулку, Сретенка».

По сведениям другого не менее осведомленного провокатора Романова («Пелагея») [4]), перед пасхой приезжал в Москву из Петрограда командированный «Петербургским Комитетом Р. С.-Д. Р. П.», бывший секретарь рабочей газ. «Правда», некий

---

[1]) См. „А. З."—„Евгений", № 51 от 6/IV 1915 г.

[2]) „Евгений", „Максим"—Смилга, Иван Денисов, кр. Лифляндской губ., Вольмарского уезда, Пюркельской волости, усадьбы Межурча.

[3]) Львов, Петр Николаев, московский мещанин Варварской слободы.

[4]) См. „А. З."—„Пелагея", № 50 от 4/IV 15 г.

Вячеслав или Всеволод [1]), бывший студент, для восстановления партийной работы в Москве и области центрального промышленного района.

«В Москве он сейчас разыскивает «областников» и вообще ищет связи, при чем ему уже удалось «через посредничество Марии Ильиничны Ульяновой связаться с металлистом Андреевым, парт. кличка «Ленька» [2]), а через последнего с Лефортовской группой, которой, при его содействии, выпущена от имени «Организованной группы социал-демократов», гектографированная листовка по поводу «Ленских событий», печатавшаяся, кажется, на гектографе, имеющемся у с.-д. гр. студентов Коммерческого института, с членом каковой—студентом Фокиным он связался также, видимо, через «Леньку».

«Ульянова перед пасхой уехала из Петрограда, вероятно, будет видеться с местными партийными деятелями».

Через две недели после приезда «Максима» тот же Поскребухин сообщил [3]), что в виду того, что командированный в Москву «Петербургским комитетом Р. С.-Д. Р. П.» «Максим» (он же «Евгений») до настоящего времени собственно ровно ничего не сделал и даже ничего не сообщал о себе названному ныне комитету, последним командирована некая «Татьяна Сергеевна» [4]), которая и приехала в Москву около недели тому назад.

Ей даны комитетом широкие полномочия по восстановлению на местах партийной работы и созданию новых организаций и поручено об'ехать центральные и южные губернии как с указанной выше целью, так и для подготовки почвы к предполагаемому созыву, летом текущего года, партийного с'езда, или конференции, а также заручиться адресами для партийных сношений с «П. К.» и для транспортировки партийной литературы.

В Москве «Татьяна Сергеевна» побывала как в интеллигентских, так и в рабочих кругах, при чем делала доклады о партийных делах и ближайших задачах.

«По ее словам, в Петрограде работа идет весьма успешно, почти во всех районах города имеются солидные организации, во главе которых стоит комитет, временно играющий также роль и центрального комитета, в распоряжении которого имеются довольно крупные денежные средства и две типографии, однако неважно оборудованные; в ближайшее же время будет

---

1) Вячеслав—Всеволод—Вячеслав—Михайлов Скрябин, б. студ. петроградского Политехнического института, из мещан гор. Каминска, Вятск. г.

2) Андреев, Алексей Андреев, кр. Московской губернии, Подольского уезда, Красно-Пахорской волости, дер. Дыбина

3) См. „А. З."—„Евгений", № 58, 19 IV 1915 г.

4) „Татьяна Сергеевна"—старая партийная, определенная большевичка, проживавшая долгое время за границей.

поставлена третья и хорошо оборудованная типография в Финляндии.

«Комитет состоит из двенадцати человек, почти исключительно рабочих и при нем имеются комиссии: исполнительная, пропагандистская и литературная, в которую входят, главным образом, интеллигенты и, между прочим, проживающий в Москве литератор Скворцов.

«Комитетом уже выпущен ряд листовок и издается нелегальная газета «Пролетарский Голос», в ближайшем же будущем должна выйти и легальная газета «Весть».

«Кроме того, комитетом будут выпускаться соответствующие брошюры и периодические листовки.

«Вся эта литература будет рассылаться в города по полученным комитетом адресам, при чем для Москвы и области центрального промышленного района таковая будет привозиться в Москву особым лицом,—служащим на Николаевской железной дороге и два раза в неделю бывающим в Москве.

«Для города Москвы и для области литература эта будет доставляться по разным адресам.

«Для сношения Москвы с «Петербургским комитетом» «Татьяной Сергеевной» даны следующие адреса: 1) для письменных сношений: Нарвская застава, Огородный переулок, д. № 64, кв. 2, Михаилу Александровичу Кудельникову и 2) для личных сношений (явка)—Петроградская сторона, Кронштадтская улица, больничная касса металлического завода «Вулкан», спросить «Прасковью Афанасьевну»—пароль: «Где живет Савва Морозов».

«Для письменных же сношений с литературной группой при «П. К.», дан адрес: Забалканский проспект, дом № 20—польская студенческая столовая, Мечиславу Антоновичу Домбовскому.

«Для письменных сношений с «П. К.» дан шифр (специально для Москвы): «Преступление и наказание» Достоевского, издание журнала «Нива».

«Шифр обозначался дробью, при чем числитель обозначает строчку, а знаменатель букву; ключ, указывающий страницу, ставится в конце зашифрованного текста и обозначается также дробью, напр.: 1/15 (115 стр.), после же ключа ставятся еще две произвольных дроби, так что ключом будет третья дробь с конца.

«Для города Москвы литература будет доставляться по адресу: Мытная улица, д. № 70, кв. 2, Николаю Кузьмичу Гончарову [1]), или ему же на фабрику «Деминт» (Даниловка, Духовский переулок).

---

[1]) Гончаров состоял председателем профессионального общества торговых служащих.

«Московская явка для «П. К.» дана на Елену Царик [1]) в вегетарианскую столовую; пароль: «как найти Сергея Сергеевича».

«Из Москвы Татьяна Сергеевна уезжает сегодня или завтра в Тулу, а оттуда в Харьков, Екатеринослав, Николаев и Одессу, где предполагает пробыть более или менее продолжительное время.

«Кроме этих лиц, из Петербурга в Москву приезжал бывший секретарь профессионального общества архитектурно-строительных работ в Москве, Сапронов [2]), проживающий в Петрограде под чужим именем.

«Из Москвы Сапронов уехал в Орел, где и предполагает устроиться, очевидно, тоже под чужим именем.

«В Москве Сапронов побывал у некоторых лиц, которым передал вышедшие в Петрограде листовки, при чем сообщил архитектурно-строительному рабочему Нечаеву [3]) и булочникам Журавлеву [4]) и Никулину (ныне арестованным) несколько петроградских адресов для письменных сношений на предмет получения из Петрограда листовок.

«С Сапроновым также виделся проживающий на М. Бронной ул., д. № 15, кв. 3, студент Тележников, который находится в сношениях и с Нечаевым [5])».

В профессиональном обществе портных имелась группа, руководимая возвратившимся в 1914 г. из административной высылки старым партийным работником Андреем Андреевичем Андреевым [6]), который, по сообщению Поскребухина, этой группой в октябре месяце был выдвинут во «Временный Московский с.-д. комитет».

В этом же месяце, кроме других, уже отмеченных листовок, был доставлен из Петрограда отпечатанный на пишущей машинке «Манифест английской независимой рабочей партии» против войны. Манифест был размножен и получил довольно широкое распространение.

В этом месяце велась довольно крупная агитационная работа во всех рабочих клубах и культурно-просветительных комиссиях профсоюзов. К числу таких клубов нужно отнести клуб «Образование [7]).

---

[1]) Царик, Елена Дмитриевна — домашняя учительница.

[2]) Сапронов, Тимофей Владимирович, кр. Тульской г., Ефремовского уезда, Ситовской вол., д. Мостушки.

[3]) Нечаев, Дмитрий Степанович, кр. Рязанского уезда, Троицко-Лисуновской волости, села Ключ.

[4]) Журавлев, Иван Тимофеев, кр. Тульской губернии, Лаптевской вол., деревни Федоровки.

[5]) См. „Аг. Зап.“„—Ярославский“, № 57 от 19/IV 1915 г.

[6]) Андреев, Андрей Андреевич, кр. Московской губ., Рузскаго уезда, Судниковской вол., д. Соснино, был арестован 4 ноября 1915 г., см. том II, стр. 189, 190.

[7]) См. дело охр. отд. № 284—1915 г.

Учрежденный в 1913 году, он должен был заменить закрытый «3-й Женский клуб» и явиться центром, об'единяющим рабочих различных профессий местных фабрично-заводских и промышленных предприятий; однако, вследствие принимавшихся охранным отделением мер, деятельность инициаторов открытия этого клуба все время тормозилась, и фактически клуб существовал только номинально, не имея даже почти целый год своего помещения.

В конце же прошлого года (т.-е. 1914 года), по инициативе нелегально сорганизовавшегося «Ц. Б. профессиональных союзов», был поднят вопрос о возобновлении деятельности этого клуба, дабы под его прикрытием иметь возможность собираться представителям различных профессиональных обществ для обсуждения вопросов чисто партийного характера и руководить как экономическими, так и демонстративными выступлениями рабочих.

Предложение это, поставленное на обсуждение профессиональных союзов, встретило сочувствие; была произведена запись членов, нанята квартира на 4-й Самотечной ул., в доме № 1, и клуб начал функционировать. В клубе начали устраиваться нелегальные собрания революционно-настроенной части рабочих, на которых распространялись присылавшиеся из Петрограда листовки, изд. «Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» и друг.

Охранным отделением неоднократно производились обыски в помещении клуба и переписка участников собраний, а равно арест и высылка более активных революционных деятелей. Все эти меры значительно ослабляли деятельность клуба, но благодаря усилиям сплотившихся вокруг клуба рабочих оставались полумерами.

Исходя из этих соображений, а также основываясь на том, что по сведениям охранного отделения в связи с предстоящим 1-го мая—23 апреля в помещении названного клуба должно состояться собрание представителей проф. союзов для обсуждения вопроса о праздновании и демонстративных выступлениях 1 го мая, клуб был закрыт. Одновременно с этим за видную деятельность в клубе были высланы [1]):

1. Дерешев, Павел Владимирович, кр. Калужской губернии, Тарусского уезда, Заворовской волости, д. Малахова, 26 лет.

2. Журавлев, Иван Тимофеев, кр. Тульской губернии и уезда, Лаптевской волости, дер. Федоровки.

3. Петраков, Иван Иванов, кр. Калужской губ., Козельского уезда, Колодецкой волости и села—17 лет.

В этом месяце революционная зараза проникла даже в юнкерскую среду.

---

[1]) См. „Аг. Зап." „Петроградский", № 48 от 2/IV 1915 г.

По словам некоторых юнкеров Алексеевского военного училища, среди юнкеров названного училища сорганизовалась марксистская группа, в которую вошли преимущественно студенты.

В двадцатых числах апреля месяца наиболее революционно настроенными рабочими был поднят вопрос о желательности проведения в день «рабочего праздника» (1-е мая) однодневной забастовки, устройства уличных демонстраций и выпуска соответствующих листовок.

Инициатива исходила, главным образом, от портных—членов профессионального общества рабочих и работниц портновского производства и клуба «Образование». Для детального обсуждения вопроса о выступлениях предполагалось устроить 23-го апреля в помещении клуба «Образование» совещание, а также с этой же целью использовать созывавшееся на 26 апреля в помещении «Биржи Труда» общее собрание членов профессионального союза металлистов «Единение».

Однако привести в исполнение намеченный ими план не удалось, так как общее собрание металлистов было запрещено, в клубе «Образование» были запрещены какие бы то ни было собрания. Несмотря на все принятые меры, собрание должно было состояться во что бы то ни стало. Получив об этом сведения, охранное отделение в ночь на 26-е апреля произвело ряд обысков и арестов.

Аресты все же не помешали выпуску листовок.

Были изданы и распространены следующие листовки:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«Товарищи! Первое мая—праздник труда—в этом году выпал при исключительно-тяжелых обстоятельствах. Международный пролетариат вопреки своему желанию вовлечен в кровавую резню, устроенную правящей буржуазией. Тяжелое положение российского пролетариата стало еще безотраднее: его ряды во время войны поредели, тысячи безработных выброшены на улицу и вместе с семействами запасных оставлены на произвол судьбы, предоставлены голодной смерти.

«В эту трудную минуту, во всеобщий праздник международного пролетариата, мы громче прежнего должны провозгласить свои старые, но вечно новые лозунги. Пусть услышит их зарвавшаяся буржуазия. Пусть узнает, что российский пролетариат не изменил, а остался верен своим старым принципам своей борьбы и лозунгам. Пусть узнает царская монархия, что в лице пролетариата она всегда встретит только своего заклятого врага, что его рука не протянется для поддержания и укрепления царских устоев.

«Довольно братской крови!
«Долой войну, долой царскую монархию!
«Да здравствует мир!
«Да здравствует первое мая!
«Да здравствует рабочий день!
«Да здравствует демократическая республика!

Моск. группа Р. С.-Д. Р. П.».

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

«1 мая 1915 года.

«В день первого мая организованный пролетариат всего мира громко заявлял, что рабочий класс во всех странах идет к одной цели—к социальной революции, идет одними и теми же путями, накопляя в повседневной борьбе силы и средства для борьбы за социализм. Классовая борьба в каждом государстве—часть общей классовой борьбы. Одни цели, одна воля, одно красное знамя, одна интернациональная песнь.

«В этот день сознательные рабочие всех стран протестовали против милитаризма, требовали замены постоянной армии народной милицией, требовали демократического государственного строя (всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право). Они заявляли свою непреклонную волю и при существующих политических условиях добиваться лучших условий жизни (восемь часов труда).

«В этот день сознательные рабочие во всех странах подсчитывали свои силы, учитывали свою борьбу за год, обсуждали план предстоящей борьбы.

«Прошел еще целый год. Правящие классы сделали свое гнусное дело, к которому они так долго готовились: идет десятый месяц небывало-кошмарной войны, конца которой все еще не видно.

«Военная буря растерзала на части международную организацию рабочих, разметала силы пролетариата по траншеям и крепостям. Революционный голос рабочих придушен. Уничтожены все свободы, все гражданские права. Новые налоги, дороговизна, безработица, голод, болезни, кровь, смерть...

«Революционный голос рабочих на время придушен. Из среды рабочих партий громко раздались голоса противников пролетарской революции, оппортунистов, с влиянием которых настойчиво и умело боролась раньше старая международная организация рабочих (Второй Интернационал). Оппортунисты зовут рабочих слить на время войны свои силы с силами бур-

жуазии. Они изменили делу классовой борьбы. Они внесли еще больше расстройства в ряды рабочих.

«И ликует патриотическая буржуазия, поет гимны национальному единству.

«Но не рано ли? Все происходящее неизбежно и неуклонно приводит всю массу рабочих к знанию того, что необходимо теперь же, не останавливаясь ни перд какими жертвами, добиться осуществления тех требований, которые раньше отстаивали только сознательные рабочие. Оставив в лагере буржуазии всех ушедших туда, очистив ряды свои от всех сочувствующих им, пролетариат с невиданной силой снова подымется на борьбу, и из этой борьбы вырастет новая революционная международная организация рабочих (Третий Интернационал).

«Революционное крестьянство и городская беднота, измученные и наученные ужасами войны, пойдут вместе с рабочими. Эта гражданская война, война всех эксплоатируемых со всеми эксплоататорами при первых же успехах заставит прекратить европейскую войну между государствами. При своем победоносном завершении она сотрет границы между государствами и создаст одно европейское государство—Европейские Соединенные Штаты. Созданные революционерами и демократическими силами Европейские Соединенные Штаты будут республиканскими и демократическими. Тогда исчезнет навсегда опасность новой европейской войны. Об'единенная и демократически организованная Европа разовьет свои экономические силы, как никогда. Пролетариат получит материальную и духовную возможность быстро итти к своей конечной цели,—к социализму.

«Товарищи, вся текущая жизнь готовит силы для предстоящей гражданской войны. Наша задача—связать, об'единить эти силы. Для этого мы должны восстановить организацию Росс. Соц.-Дем. Раб. партии.

«Делая это дело, мы можем уверенно провозглашать:

«Долой войну, затеянную капиталистами!

«Да здравствует новый революционный пролетарский интернационал!

«Да здравствует республика и демократические Соединенные Штаты Европы!

«Да здравствует 1-е мая!

«Организованная группа с.-д.».

Небезынтересно отметить, как охранное отделение готовилось к встрече 1-го мая.

Прежде всего департамент полиции циркуляром от 19/IV за № 168524 предложил: «В виду исключительных условий переживаемого ныне момента и особенной необходимости поддержать в текущем году полное спокойствие внутри государства, принять самые решительные меры к недопущению в день 1-го мая каких бы то ни было беспорядков на местах».

Основываясь на этом предписании, московское градоначальство особым секретным прибавлением к приказу по московскому градоначальству и столичной полиции от 27/IV за № 91 давало целую инструкцию, по которой мобилизовывались в этот день все наличные силы полиции, устанавливался порядок сношений и распоряжений на случай возникновения беспорядков. Кроме того, 28 апреля за № 299623 был разослан дополнительно «список местностей, в коих в день 1-го мая и вообще в летнее время происходили собрания левых элементов рабочей массы».

В этом списке значится 11 мест, вблизи которых устанавливались полицейские засады, и такой же список в 30 мест, за которыми устанавливалось лишь секретное наблюдение.

Вслед за этим началась усиленная чистка Москвы от неблагонадежного элемента. Начиная с 26-го апреля, производятся усиленные обыски и аресты. Все более видные профессиональные работники подверглись аресту. Вскоре дошла очередь и до студенчества. Так, 29/IV были обысканы следующие студенты московского Коммерческого института: 1. Вейсброд, Абрам Авнадарович; 2. Чеботарев, Владимир Петрович; 3. Шумаев, Аким Акимович; 4. Кириллов, Сергей Петрович; 5. Нечаев, Иван Лаврентьевич; 6. Фокин, Александр Никитич; 7. Митькин, Алексей Михайлович; 8. Сокольский, Леонид Дмитриевич; 9. Алавердов, Степан Карапетович; 10. Трусов, Василий Петрович; 11. Дария, Евгений Самсонович. Кроме того, был произведен обыск и в столовой студентов Коммерческого института.

Обыски и аресты нисколько не смущали большевиков. Их агитация в пользу празднования 1-го мая от этого нисколько не ослабла. В каждой рабочей организации, не смущаясь провала, они смело выступали в защиту празднования. Так, 28-го апреля в помещении профессионального о-ва взаимопомощи торговым служащим на очередном открытом собрании членов правления Матеранский обратился к правлению с вопросом, как последнее смотрит на день 1-го мая и следует ли по его (правления) мнению поддерживать в этот день рабочих, в случае возможного их выступления, при чем указал на отношение в текущем году к этому дню западно-европейской соц.-демократии, которая празднование 1-го мая, в виду происходящей войны, отменила. На этот вопрос члены правления ответили как-то неопределенно, но по всему было видно, что они не на стороне каких-либо демонстративных выступлений, и только присутствовавший на собрании присяжный поверенный Яхонтов произнес по этому поводу весьма яркую речь, в которой определенно настаивал на необходимости активных выступлений в день «рабочего праздника», указывая на то, что в России не произошло ничего такого, что могло бы способствовать отмене празднования этого дня, так как существует та же царская монархия и репрессии правительства скорее увеличились, чем уменьшились, а потому лозунги социал-демократии остаются

в полной силе, и Западная Европа в этом отношении не может служить нам примером [1]).

Несмотря на все эти репрессии, 1-е мая все же было отмечено как выпуском ряда листовок, так и однодневной забастовкой в 74 предпр. Москвы. Рабочие же завода «Динамо» даже вышли с завода с пением марсельезы. Кроме того, 1-го мая на Панской улице был снят с дерева красный флаг с надписью—«Да здравствует Интернационал» и на Дмитровском шоссе флаг с надписью—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Всем арестованным в связи с подготовкой выступления рабочих 1-го мая, постановлением московского градоначальника от 13-го июня, по докладу начальника охранного отделения Мартынова, в целях пресечения попыток к созданию оформленной с.-д. организации было воспрещено жительство в г. Москве и пределах московского градоначальства. В это число попали следующие лица [2]): 1. Петр Маркович Сидоров; 2. Филипп Максимович Балабанов; 3. Сергей Мартынович Сухарев; 4. Захар Тимофеевич Бондаревич; 5. Григорий Степанович Назаров; 6. Николай Федорович Башмаков; 7. Павел Семенович Семенов; 8. Дмитрий Степанович Нечаев.

---

1) См. „Агент. Зап."—„Евгений", № 65 от 1/V 1915 г.
2) См. дело охр. отд. № 498—1915 г.

ГЛАВА X.

Собрание большевистских сил.—Группа Альперовича „Организационная комиссия".—Центральная руководящая группа.— Конференция в „Измайловском Зверинце".— Платформа московских большевиков.—Записка Поскребухина.—Собрание в „Измайловском Зверинце" от 1 июня.—Загородные экскурсии.

С апреля месяца 1915 года в Москве замечается значительный под'ем революционного настроения местного социал-демократического подполья. Одновременно с этим, все настойчивее начали ставить вопрос о необходимости создания оформленной с.-д. организации путем об'единения отдельных самостоятельных ячеек и групп. В этих целях в Лефортовском районе тов. Скрябиным (Молотов) была сорганизована марксистская группа, успевшая по поводу Ленских событий выпустить листовку за подписью «организованная группа с.-д.».

Кроме этой группы с этими же задачами была организована студентом Генрихом Мейеровичем Альперовичем другая группа, присвоившая сначала себе наименование «организационной комиссии», а потом «центральной руководящей группы».

Наконец Иваном Ивановичем Егоровым, известным в партийной среде под именем «Прокопа», была создана третья группа, ставящая те же цели, что и две первых, и тоже именовавшаяся «центральной руководящей группой».

На устраиваемых обществом содействия по устройству общеобразовательных народных развлечений загородных экскурсиях, в которых принимали участие рабочие всех профессий и различных районов города, некоторые члены этих с.-д. групп связались друг с другом, а также и некоторыми другими группами: так, между прочим, с «марксистским кружком в Симоновском районе», организованным Ильей Борисовым, особым с.-д. кружком, «организованным Ильей Цивцивадзе», и др.

Связавшись друг с другом, эти группы поставили вопрос о создании одного руководящего центра и решили в этих целях созвать конференцию этих групп, а также и других, поскольку это представится возможным.

Душой созыва такой конференции, по данным охранки, являлись Скрябин и Альперович, последний даже взялся подготовить соответствующий материал для конференции.

На устроенном 1 июня 1915 г. в Сокольническом лесу собрании окончательно было решено созвать конференцию на 7-е июня в лесу «Измайловского Зверинца», на котором избрать М. К. и подвергнуть обсуждению следующие вопросы:

1. Война и ее последствия.
2. Экономическая жизнь России.
3. Позиция с.-д. при ликвидации войны.

Кроме того, на этой же конференции предполагалось обсуждать текст заготовленной Альперовичем листовки, по поводу происшедших в г. Москве 28—29 мая событий, выразившихся в разгроме магазинов и имущества, принадлежавших лицам немецкого происхождения.

Накануне этой конференции 6-го июня 1915 г. были арестованы:

1. Митрофанов, Алексей Христофоров, кр. Калужской губ., Медынского у., Незамаевской волости, д. Лапина.
2. Коссауров, Иван Кириллов, кр. Московской губ., Дмитровского у., Сильковской волости, дер. Савелова.
3. Борисов, Илья Иванович, кр. Московской губ. Богор. уезда, Греб. волости, д. Кожина.
4. Цивцивадзе, Илья Бенедиктов, слуш. унив. Шанявского.
5. Бессонов, Михаил Александров, мещ. г. Щигры, Курской губ.
6. Скрябин, Вячеслав Михайлов, студент петроградского Политехн. института.
7. Альперович, Евгений Марков, студент императорского Техн. училища.

В работе этих групп, поставивших довольно широкие организационные задачи, принимали участие довольно видные старые партийные работники. О некоторых из них в делах охранного отделения имеются довольно полные сведения.

Вот некоторые из них [1]):

«Митрофанов, Алексей Христофоров, кр. Калужской губернии, Медынского у., Незамаевской вол., дер. Лапина, род. в 1879 г.

«В 1904 г. в г. Перми Г. Ж. У. привлекался по обвинению в участии в с.-д. сообществе.

«В 1908 г. в г. Екатеринбурге по суду приговорен по 126 ст. к 6-мес. тюремному заключению в крепости, каковое отбыл в Екатеринбурге, и освобожден 21 августа 1909 года.

«22 октября 1910 г. обыскан и арестован в Москве при ликв. орг. с.-д. (дело Г. Ж. У. 30/X).

«По агентурным сведениям, принадлежит к Р. С. Д. Р. П., член проф. общества деревообделочников, в коем входит в страховую и культпросветительную комиссию. Состоит членом раб. клуба «Образование», членом об-ва по устр. общеобраз. народн. развлечений.

---

[1]) См. „Дело“ № 767—1915 г.

«В сентябре 1914 года намечался в городской руководящий с.-д. центр, входил в состав сорганизованной в Москве «центральной руководящей группы», в каковой являлся одним из наиболее активных и деятельных членов.

«В мае 1915 года вошел в группу, присвоившую наименование «Орг. Ком.», а затем «центральн. руководящей группы».

«Принимал участие в загородных экскурсиях, где связывался с другими с.-д.

«Принял участие в организации конференции в «Измайловском Зверинце» 7 июня 1915 года.

«Борисов, Илья Иванович, гр. Московской губернии, Богородского уезда, Гребневской вол., дер. Кожина, род. в 1893 г.

«10 марта 1912 г. был обыскан и арестован в Москве за присоединение к Московской организации Р. С.-Д. Р. П., в каковой являлся активным представителем центр. района, и, согласно постановления Особ. Совещ., был выслан под гласный надзор полиции на 3 года в Вологодскую губернию, считая с 8 июня 1912 г.; 8 июня за сокращением срока возвратился из ссылки.

«По агентурным сведениям охранного отделения, Борисов вел непосредственные деловые сношения партийного характера с представителем Ц. К. партии А. А. Масленниковым. По возвращении из Вологодской губернии, поселившись в Москве, завязывает связи с фабрично-заводскими рабочими и организует марксистский кружок рабочих в Симоновском районе.

«Приглашался на конференцию в «Измайловский Зверинец» 7 июня 1915 года.

«Цивцивадзе, Илья Бенедиктович, сын священника, род. в 1881 г., Кутаис.

«Воспитывался в кутаисской духовной семинарии и в 1902 г. был исключен из 4-го класса за участие в беспорядках.

«В марте 1904 года в Кутаисе привлекался в качестве обвиняемого по делу обнаружения в ночь на 31 марта 1904 года тайного типографского станка.

«В 1904 году 2/X задержан в г. Тифлисе и освобожден в силу манифеста 17 октября 1905 года.

«15 ноября 1914 года в г. Москве был арестован, как член с.-д. группы слушателей ун. Шанявского, которыми было выпущено воззвание от имени социалистически настроенной молодежи.

«По сведениям охранного отделения в мае месяце 1915 г. организует особый с.-д. кружок, приглашался на конференцию в «Измайловский Зверинец» 7 июня.

«Скрябин, Вячеслав Михайлов, мещ. Нолинска, Вятской г., родился в 1890 году, студент императорского петроградского Политехнического института.

«В 1909 году в Казани по делу об организации революционной группы в казанской духовной семинарии был выслан под гласный надзор в Вологодскую губернию на 2 года.

«14 ноября 1912 года, в связи с организацией Р. С.-Д. Р. П. в день открытия 4-й Г. Д. политической забастовки, в его квартире был произведен обыск, после чего Скрябин, опасаясь ареста, перешел на легальное положение и проживал под именем Николая Ивановича Смирнова и 1 апреля 1913 года, при ликвидации «Об'единенного с.-д. студ. комитета», был арестован и отбыл 3 месяца заключения и выслан из Петрограда.

«7 декабря 1914 года, как разыскиваемый П. Ж. У. по делу о «П. К.», был обыскан и арестован.

«По агентурным сведениям охранного отделения, Скрябин исполнял поручения Ленина, с которым находился в переписке, вел партийную работу в Выборгском районе, принимал активное участие в создании с.-д. кружка среди служащих Николаевской ж. д.

«В 1912 и 1913 г.г. состоял секретарем газеты «Правда». В конце марта месяца Скрябин командируется в Москву для восстановления партийной работы в Москве и центральном промышленном районе.

«Скрябин сорганизовал в Лефортовском районе марксистскую группу, которой была выпущена листовка о Ленских событиях от имени «Организационной группы с.-д.».

«В целях об'единения ряда групп по его и Альперовича инициативе созывалась конференция в «Измайловском Зверинце».

«Альперович, Евгений Инок. Марков-Мееров, мещ. г. Вильны, род. в 1888 года, ст. М. И. Т. Уч.

«Арестован 6 июня в своей квартире, обыском обнаружен оригинал, писанный карандашом, листовки с.-д.

«По сведениям охранного отделения—с.-д., состоит членом «Ц. рук. гр.». Принимал активное участие в подготовке конференции в «Измайловском Зверинце», которая была назначена на 7 июня, в порядке дня которой стояло: 1. Война и ее последствия. 2. Экономическая жизнь России. 3. Позиция с.-д. при ликвидиции войны, а также обсуждение заготовленной Альперозичем листовки о «майских немецких погромах».

«Аборин, Федор Тихонов, мещ г. Бронницы, Московской губернии, родился в 1895 году (ар. 27 июня 1915 года). Состоял членом правления о-ва металлистов «Единение» и членом созданной при этом обществе Маленковым марксистской группы. Был арестован по делу этой группы 14 марта, но освобожден. После ликвидации этой группы вошел в состав марксистской группы Лефортовского района, организованной Скрябиным.

«Гаврилов, Николай Иванов, мещ. г. Кашина, Тверской губ., р. в 1874 г., состоял членом лефортовской марксистской группы, являясь представителем фабрики Ронгаллер. Участвовал на собрании 1 июня в Сокольниках, где окончательно было решено созвать конференцию 7 июня в «Измайловском Зверинце».

«Лукин, Сергей Лукич, кр. Московской губернии, Рузского уезда, Орешковской волости, д. Волкова, род. в 1889 г.

«20 октября 1914 года был арестован за принадлежность к РС-ДРП и агитацию к устройству демонстративного выступления 1 мая. Был выслан из столицы на 2 года. В 1915 году самовольно вернулся в Москву, проживая нелегально, и вошел в состав лефортовской марксистской группы.

«Милютин, Дмитрий Петрович, сын губ. секретаря, род. в 1889 г. 14 ноября 1910 года за участие в уличной демонстрации в г. Москве был подвергнут аресту при полиции на 1 месяц.

«26 ноября 1913 г. был задержан в ред. бывшей рабочей газеты «Наш Путь».

«В 1913 г. в г. Костроме принимал участие в страховой кампании.

«8 марта 1914 года опять арестовывается за принадлежность к студенческой группе с.-д.

«В 1915 году занимал должность конторщика в симоновской больничной кассе, исключительно с целью сближения с рабочими; он, совместно с секретарем этой кассы Тихомировым, принял активное участие в создании с.-д. кружков, в коих являлся в роли пропагандиста.

«Охлопков, Илья Михайлов, мещ. г. В. Устюг. род. в 1884 г. 8 марта 1914 г. был обыскан и арестован за принадлежность к студенческой группе с.-д. в связи с арестом 7 марта на кв. Варданянца. Состоял членом лефортовской группы и после ареста Скрябина вел всю работу».

За всеми этими организационными об'единительными попытками по созданию одного руководящего партийного центра охранное отделение вело весьма внимательное наблюдение. Каждая даже случайная встреча партийных товарищей не ускользала от его внимания. Его осведомители проникли везде и всюду.

Так, 8 мая в квартире Альперовича происходит собрание группы, присвоившей наименование «Организационной Комиссии».

И что же мы видим?

На нем мы имеем двух охранников—Поскребухина («Евгений») и Маракушева («Босяк»). Первый из них в своей записке № 70, от 15 мая, потом сообщал: «Целью этого собрания было выяснение отношения членов группы к войне. Из обмена мнений выяснилось, что Альперович Е. Г., Прокофьев-Сахаров В. А. и он, Поскребухин, в этом вопросе солидарны с Лениным и только несогласны с последним в том, что российский пролетариат должен стремиться к поражению России. Что же касается второго провокатора—Маракушева, то он вел себя еще более хитро, он уклонялся высказаться определенно по этому вопросу и обещал высказаться в следующий раз, мотивируя это тем, что он будто бы недостаточно знаком с точкой зрения на этот вопрос Ленина, и просил ознакомить его с таковой. В виду этого было решено

Цивцивадзе, Илья Венедиктов. Бывш. слушатель ун. Шанявского. Был арестован: 15/XI—1914 г. за выпуск воззвания от имени соц. настроенной молодежи и 6 июня по делу конференции в „Измайловском Зверинце“ (стр. 80, 81, 236—238, 350).

пригласить на следующее собрание Смидовича, которого просить сделать по этому вопросу соответствующий доклад. Кроме Смидовича П. Г., на это собрание был приглашен Митрофанов А. Х. (деревобделочник) и еще двое».

«Штурман» (С. А. Регекампф) 20 мая 1915 года (записка № 72) сообщал:

«Яхонтов в последнее время занят организацией центральной руководящей с.-д. группы, которую он называет «Московским комитетом». В нее вошли девять лиц старых партийных работников. Он надеется так подобрать периферийных работников, чтобы не было «провала».

«По словам Яхонтова, пора об'единить силы; ликвидаторы ушли с горизонта, их деятельности не видно».

В июне месяце в Москву приезжает из Петербурга присяжный поверенный Соколов для выяснения отношения московских с.-д. к последним событиям. Об этом совещании уже известный нам провокатор Поскребухин сообщал:

«На-днях из Петрограда в Москву приехал социал-демократ большевик, присяжный поверенный Соколов, с участием коего на квартире у присяжного поверенного Яхонтова состоялось частное совещание, в котором, кроме Соколова и Яхонтова, приняли участие Смидович и плехановец Милютин.

«Приезд Соколова в Москву был вызван желанием петроградских социал-демократов выяснить отношение московских социал-демократических кругов к вопросам, в связи с последними событиями на театре военных действий, о войне и о мобилизации промышленности.

«Соколов предложил присутствовавшим на совещании высказаться, не следует ли социал-демократам, в виду нахождения государства в опасности, изменить занятую ими позицию и стать на точку зрения необходимости национальной самообороны.

«По его словам, многие петроградские социал-демократы, во главе с с.-д. депутатами, склонны в настоящее время признать необходимость самообороны с вытекающими из таковой последствиями, т.-е: признать желательной мобилизацию промышленности и, таким образом, явить доброжелательное отношение к военно-промышленному комитету.

«Яхонтов и Смидович вполне определенно заявили, что, по их мнению, пока не произошло ничего такого, чтобы могло послужить поводом для изменения социал-демократией своего отношения к настоящей войне, вызванной империалистической буржуазией, попавшей ныне в критическое положение и стремящейся выйти из такового, мобилизовав промышленность.

«Отсюда ясно, что и к мобилизации промышленности в данном случае социал-демократия должна отнестись отрицательно.

«Такого же мнения был и Соколов, который, видимо, хотел только заручиться поддержкой московских социал-демократов.

«После этого решено было выпустить от имени московских рабочих особую декларацию с подробным освещением затронутых на совещании вопросов и об отношении к ним рабочих, каковую отправить в социал-демократическую фракцию ко времени созыва Государственной Думы.

«Составление такой декларации взял на себя Яхонтов, а затем она будет передана на расмотрение в профессиональные общества и уже после этого отправлена во фракцию».

Согласно этого решения, Яхонтовым была составлена следующая декларация:

«О текущем моменте.

«1) Принимая во внимание, что современная война есть война национальных буржуазий за преобладание на мировом рынке, что пролетариат не может связывать с нею никаких положительных задач, что, стоя под знаменем международной с.-д., пролетариат до конца должен остаться решительным противником войны, что настоящую войну он должен использовать исключительно в целях своего освобождения, стремясь превратить ее в гражданскую войну международного пролетариата против буржуазии всех стран;

«2) что, с другой стороны, поражения русских армий в Галиции и внутреннее положение страны не только не дают основание изменять прежную точку зрения Р.С.-Д.Р.П., а, наоборот, подтверждают ее правильность. Эти поражения указывают, какой страшной ценой народных жизней российское правительство и буржуазия расплачиваются за свои империалистические вожделения и какие громадные усилия необходимо употребить международному пролетариату, чтобы прекратить эту братоубийственную бойню.

«Мы полагаем, что задачей текущего момента является не сотрудничество с правительством и буржуазией под знаменем защиты отечества, а решительная борьба за прежние лозунги рабочей демократии.

«Эти соображения заставляют нас требовать, чтобы оставшиеся в Государственной Думе с.-д. вновь подтвердили свою верность международному пролетарскому знамени, заявили протест против войны и призвали к об'единению все рабочие массы, верные этому знамени.

«Об отношении к военно-промышленным комитетом и другим подобного рода организациям.

«Принимая во внимание:

«1) что участие пролетариата в войне допустимо только тогда, когда оно диктуется интересами международного проле-

тарского движения, когда пролетариат защищает свои демократические приобретения против нападения на них враждебных демократии сил;

«2) что происходящая сейчас «мобилизация» промышленных сил происходит не в интересах защиты демократических приобретений, каковых в России нет, а в целях поддержки той империалистической авантюры, которая потерпела поражение на полях Галиции и против которой всеми силами протестует пролетариат;

«3) что, стремясь к своим империалистическим задачам, русские промышленники разрешают их путем «мобилизации» своих сил прежде всего за счет народа, как и их германские собратья, и стремятся нажить миллионы;

«4) что происходящая «мобилизация» промышленности, ставя ее под контроль военных властей, угрожает самым насущным интересам пролетариата и отдает рабочий класс в руки буржуазии, так как всякий протест против эксплоатации труда будет рассматриваться промышленниками и правительством, как измена «национальному делу»;

«5) что участие рабочих в подобного рода организациях находится в противоречии с международными принципами пролетарского движения;

«6) что ослабить отрицательное значение для рабочего класса возникающих буржуазных организаций своим участием в этих организациях представители рабочих могли бы, только опираясь на сильные рабочие организации и рабочую прессу, наличность которых возможна только при полной коалиционной свободе и полной демократизации нашего государственного строя, чего в настоящее время нет,—по всем этим соображениям мы полагаем, что рабочий класс не должен участвовать в организациях «промышленной мобилизации» и должен принять меры к тому, чтобы восстановить и укрепить свои рабочие организации, дабы дать нужный отпор реакционной по отношению к рабочему классу политике правительства и буржуазии.

«Об отношении к с.-д. фракции.

«Принимая во внимание:

«1) что после ссылки рабочих депутатов оставшиеся в Государственной Думе с.-д. являются единственным социал-демократическим представительством в Государственной Думе;

«2) что их мнения и заявления идут от Р. С.-Д. Р. П. в целом, мы требуем, чтобы с.-д. депутаты в своих выступлениях руководствовались директивами как той, так и другой части партии.

«В тех же случаях, когда депутаты ее смогут в виду непримиримости разногласий быть выразителями мнений той и другой части партии, с.-д. депутаты обязаны при своих высту-

плениях сделать заявление, что они выступают представителями только части с.-д., а не всей Р. С.-Д. Р. П.» [1]).

Эту декларацию, в виду предстоящего созыва Государственной Думы, было решено выпустить от имени московских рабочих и послать в социал-демократическую фракцию Государственной Думы, с целью оказать на фракцию известное давление. Предполагалось, что декларация до отправки во фракцию получит одобрение местных профессиональных обществ и марксистских групп.

«21 июня, днем, в «Измайловском Зверинце»,—сообщает Маракушев (Босяк),—состоялось собрание представителей местных социал-демократических групп, на которое явилось только пять человек, а именно: 1) от литературной группы присяжный поверенный «Валериан Иванович», 2) от 1-й центральной—Маракушев [2]), 3) от 2-й центральной — «Прокоп», 4) от групп Лефортовского, Даниловского и Симоновского районов,—неизвестный интеллигент [3]), приметы коего: 25 лет, выше среднего роста, среднего телосложения, русый, коротко острижен, небольшие светлые усики, бороду бреет, пенснэ, носит темно-серую тужурку австрийского образца и фетровую шляпу темно-серого цвета и 5) неизвестно от какой группы Кирилл Иванов Шутко, который, однако, сославшись на необходимость быть в каком-то другом месте, участия в совещании не принимал и ушел.

«Так как в совещании приняло участие всего четыре человека, то таковое носило совершенно частный характер и никаких определенных решений вынесено не было.

«Прежде всего были сделаны доклады по организационному вопросу.

«Валериан Иванович» доложил, что в Москве существует с.-д. литературная группа, в числе шести человек, представителем которой и является он. Эта группа состоит из интеллигентов и ставит целью своей деятельности обслуживание местных партийных с.-д. организаций, главным образом в литературном отношении, т.-е. берет на себя составление докладов, резолюций, листовок и т. п.

«Кроме того, по его словам, в распоряжении литературной группы имеется 300 рублей партийных денег, которые могут быть израсходованы на вышеуказанные цели.

«Далее он указал, что литературная группа находится в постоянном сношении с заграницей, откуда получает литературу, и в своей деятельности руководствуется оттуда идущими указаниями.

«После «Валериана Ивановича» говорил неизвестный интеллигент [4]), заявивший, что до последнего времени он работал

---

[1]) См. Приложение к „Агент. Зап.“ № 98 от 2/VI 1915 г.

[2]) Маракушев—провокатор.

[3]) Неизвестный интеллигент—Охлопков, Илья Михайлов, студ. Московского Университета, сын купца г. Великого Устюга.

[4]) Неизвестный интеллигент—Охлопков.

вместе с бывшим секретарем «Правды», «Андреем Петровичем» [1]), но теперь, после недавнего ареста его, остался один, и ему приходится обслуживать три района: Лефортовский, Симоновский и Даниловский, где имеются группы—в первом из 7 человек, во втором и третьем из 6 человек. Все эти группы об'единены вместе, и ими устраиваются общие собрания.

«Деятельность этих групп выразилась в выпуске нескольких листовок по поводу разных событий, которые, однако, за отсутствием широких связей, не имели большого распространения.

«Прокоп» заявил, что он является представителем центральной городской группы из 12 человек, во главе «с исполнительной комиссией» из 4-х лиц. Эта группа сорганизовалась очень недавно и еще не успела проявить никакой деятельности, но, несмотря на это, потеряла одного из членов «четверки», недавно арестованного.

«Маракушев доложил, что он собственно сейчас не является представителем какой-либо группы, так как группа, в которую он входил, состояла всего из 5 членов, из коих двое «сели», а он один уехал из Москвы [2]).

«После докладов опять говорил «Валериан Иванович», выражавшийся от имени партийных деятелей, работающих над сплочением разрозненных пролетарских масс и над созданием оформленной организации.

«Далее он указал на желательность совместной и дружной работы всех социал-демократов как большевиков, так и меньшевиков, так как теперь не время фракционных раздоров.

«Теперь идет сплочение общественных сил, и социал-демократия не может оставаться безучастной ко всему происходящему, а должна не упускать момента и работать, не покладая рук.

«Однако деятельность социал-демократии должна быть совершенно самостоятельной, и не может быть речи о перемене занятой ею позиции, в связи с неудачами на войне.

«Социал-демократия должна оставаться на той же точке зрения, и отношение ее к войне безусловно отрицательное, и в этом духе необходимо определенно высказаться, чтобы социал-демократическая фракция Государственной Думы в своей деятельности могла опереться на рабочие массы.

«В связи с этим, неизвестным интеллигентом (Охлопков) был поднят вопрос об отношении к фракции, которая, по его мнению, не может являться в Думе представительницей до тех пор, пока открыто не признает всех решений и постановлений «Центрального Комитета», так как, в противном случае, она останется представительницей только одних ликвидаторов.

---

[1]) „Андрей Петрович"—Скрябин.

[2]) Нужно понимать—посадили, т.к. слово „сели" им взято в кавычки. *И. М.*

«С такой точкой зрения совершенно не согласился один из присутствующих, заявив, что нельзя заставлять фракцию признавать то, чего не признает, напр., сам он. Лично он, большевик-партиец, и его единомышленники признают решения «Центрального Комитета» только до 1910 г., а с этого времени не признают ни решения, ни самого комитета.

«Однако это, конечно, не доказывает, что вынесенные с этого времени «Ц. К.» решения должны совершенно игнорироваться, но их только необходимо пересмотреть сообща и вынести соответственные постановления.

«С этим вполне согласился и «Валериан Иванович» [1]), заявивший, что именно так и нужно действовать и что все текущие дела-опросы, связанные с последними событиями, литературная группа предполагает обсудить на ряде совещаний с участием представителей местных групп, а затем созвать общегородскую конференцию, от имени которой и вынести известное постановление, так как только такое постановление будет обязательным для фракции.

«На этом с поднятым вопросом и было покончено, решив возвратиться к нему на следующем собрании, имеющем быть в пятницу на квартире Смидовича—также члена «Литературной группы».

«Потом был поднят вопрос о дороговизне, по каковому вопросу созывается 15-го июля «Всероссийским союзом городов» с'езд и в каковом с'езде, по мнению «Валериана Ивановича», необходимо принять активное участие местным рабочим организациям, проводя на таковой социал-демократов.

«По словам «Валериана Ивановича», вопрос о привлечении рабочих к работам с'езда обсуждался Комитетом союза городов, при чем это предложение было внесено Астровым, против же привлечения рабочих был, главным образом, Челноков, который, однако, после долгих прений, уступил, согласившись на допущение рабочих с известными ограничениями и без права решающего голоса, но пока этот вопрос все-таки окончательно не решен.

«Тем не менее, рабочие должны теперь же приступить в профессиональных союзах к обсуждению этого вопроса и избрать своих представителей на с'езд» [2]).

С наступлением лета собрания в маленьких, тесных комнатушках сменились прогулками за город и при этом довольно большими партиями, иногда по нескольку сот человек. Большую помощь в этом деле, как мы уже отмечали, оказывало общество по устройству разумных развлечений. Загородные прогулки и экскурсии, устраиваемые этим обществом, вскоре превратились в своего рода массовки, на которых товарищи встречались,

---

[1]) „Валериан Иванович"—Яхонтов.
[2]) См. „Агент. Зап." № 94 от 21/VI 1915 г.

обменивались взглядами и мнениями, знакомились с последними новостями, читали доклады, распространяли листовки и проч. Правда, все эти экскурсии и маевки постоянно были переполнены осведомителями охранки, которые на следующий день спешили сообщить, примерно, следующее:

«Вчера, 21 июня, около ст. «Люблино» Московско-Курской ж. д. и дер. Кузьминки была экскурсия, устроенная обществом народных развлечений. На экскурсии было около 200 человек из профессиональных обществ: портных, металлистов, торговых служащих, кондитеров, архитектурно-строительных рабочих и др. Во время экскурсии группа торговых служащих с придатком других лиц устроила собрание, на котором неизвестный социал-демократ, член о-ва торговых служащих, сделал доклад на тему об отношении к войне, проведя в нем мысль, что в настоящее время нужно стремиться к прекращению войны и усилению подпольной работы и организаций; мысль докладчика развивалась затем на собрании еще двумя неизвестными соц.-дем., которые были в общих чертах солидарны с ним» [1]).

Несмотря на полную уверенность в постоянном присутствии на всех таких собраниях подобных свидетелей-информаторов, это партийцев нисколько не смущало. Каждая сложившаяся группа переходила на массовую агитацию. Никто не мог быть уверенным, что он когда-нибудь сможет уйти от зоркого глаза охранки, а поскольку это так, нужно было не смущаться провала, а действовать; так и делали. Отмеченный в первом донесении как неизвестный скоро становился известным и, наконец, попадал в цепкие лапы охранки. Так, сознательно идя на провал, подпольщики один за другим вылезали на свет белый, обжигали серую массу бодрым революционным словом, пробуждая и развивая ее сознательность и активность.

Рабочая масса начала пробуждаться, подполью нужно было удовлетворить пробудившиеся интересы к политике, и все имеющиеся группы, часто создаваемые лишь только для самоуяснения и осведомления, начали завязывать связи с рабочими организациями и отдельными предприятиями. Началась работа в массах. Майские живительные лучи солнца согрели не одну только скованную зимой природу, они начали пробуждать и оживлять уснувшее с начала войны рабочее движение.

---

[1]) См. „Агент. Зап.“—„Леонидов“ № 74, 1915 г.

ГЛАВА XI.

Легальная партработа.—Совещание по борьбе с алкоголизмом.

Майские лучи солнца, оживив и расширив сферу влияния подполья, не менее благотворно повлияли и на легальную работу. Неудачи на фронте, всполошившие кадетские круги, привели к ряду собраний и совещаний. Эти собрания и совещания представители рабочих великолепно использовали в своих агитационных целях. К числу одного из таких совещаний следует отнести состоявшееся с 9 по 10 мая в Москве совещание врачей и представителей врачебно-санитарных организаций, земств и городов по вопросу о борьбе с алкоголизмом, созванное «Обществом русских врачей в память Н. И. Пирогова».

В совещании присутствовала группа представителей от рабочих во главе с петроградским рабочим Козловым, в феврале сего года судившимся петроградской судебной палатой по делу о с'езде большевистской группы «Российской социал-демократической рабочей партии». Под влиянием этой группы совещание уклонилось от своих медицинских задач и приняло ряд резолюций, выступивших за пределы его компетенции и касающихся преимущественно государственных и общественно-правовых вопросов в смысле разрешения таковых с точки зрения программ левых политических партий. В какой степени эти резолюции уклонились от поставленной с'езду специальной задачи, указывает, между прочим, принятая им резолюция о необходимости введения повсеместно в России мелкой земской единицы.

Основные положения всех докладчиков, как доносил один из осведомителей охранного отделения («Михайлов»—П. М. Николин), сводились к следующему [1]): необходимо изменение существующего экономического, социального, правового и бытового положения масс. Запреты вина недействительны—запрещения должны сопровождаться изменением условий жизни.

«Неужели вы думаете, что какие-то эксперименты сверху могут изменить жизнь и уничтожить алкоголизм?», заявил Яхонтов.—Никакие постановления городских дум и законопроекты Государственной Думы не помогут, так как их никто из тех,

[1]) См. „Агент. Зап."—„Михайлов", № 54, 13/V 1915 г.

кому дано разрешать и запрещать, не послушает», заявил доктор Жбанков, Дмитрий Николаевич. «Алкоголизм глубоко связан с социально-экономическими условиями жизни. Улучшение заработной платы,—улучшение питания и жилищ рабочих, клубы и организации, а не «подобные декреты» могут разрешить вопрос. Современные условия негодны, в них нет и намека на свободное развитие личности, на самоопределение. Необходимы общественные и социальные преобразования и улучшения материального благосостояния и т. д.»,—сказал доктор Винокуров.

«Таким направлением проникнуты были все доклады.

«Необходимо отметить:

«Выступление от рабочих Путиловского завода—Козлова с докладом, привезенным им из Петрограда, в котором разбирался вопрос о развитии суррогатного пьянства и всех последствий, связанных с ним, при чем в докладе было сделано заключение: разрешите продажу казенного вина, но дайте рабочим возможность развиваться и т. д. Такое заключение Козловым было заменено резолюцией, переданной Яхонтовым и прочитанной Козловым с кафедры, которую он передал как резолюцию от группы рабочих на присоединение к общей резолюции совещания. «Массовый алкоголизм имеет свои корни в современном капиталистическом обществе. Только замена современного общества высшей формой общественной организации прекратит массовый алкоголизм», так начинается резолюция, и, считая некоторые меры борьбы с алкоголизмом ценными, резолюция останавливается на том, что в частности, касательно рабочего класса, необходимо улучшение положения рабочего класса, свободное развитие рабочих организаций, свободы печати и т. д.

«Доклад озаглавлен «Старые приемы в новое время», очевидно, потому, что в нем подвергнуты критическому разбору все меры борьбы с алкоголизмом со стороны правительства. И хотя при чтении эти места были отчасти выпущены, но вывод был сделан вполне в вышеуказанном смысле. Доклад был поддержан доктором Канелем [1]), Винокуровым (из Петрограда), Яхонтовым, доктором Грановским и Соловьевым (последний был только на последнем заседании).

«Выступавший Бахтин В. С. (из Тулы) говорил о голосе пролетариата, об уменьшении рабочего дня до 8 часов и т. д. в том же роде. Им переписана у себя резолюция, предложенная Козловым, и резолюция от больничной кассы Мюр и Мерилиза, предложенная Родионовым; эта же резолюция переписана и Винокуровым (из Петрограда) и Мошечковым от Общества народных развлечений [2]).

---

[1]) Канель, Вениамин Янкелев, доктор.

[2]) Резолюции потом служили хорошим материалом, а вернее—поводом для агитации. *И. М.*

«Виноградов И. М.[1]) (от кондитеров Москвы) осуждал собрашихся за незнание «пролетарской жизни» и т. д.

«В общей резолютивной части указаны следующие стороны: медицинская, физиологическая и др., но и общественная сторона алкоголизма выявлена вполне рельефно, при чем «в частности относительно трудящихся» целиком взята та же часть резолюции рабочих, в которой указаны практические изменения (программа минимум), необходимые для борьбы с алкоголизмом. Вообще в резолюции совещания резолюция рабочих использована почти вполне.

«О суррогатах—их общем значении и причинах—была внесена весьма определенная резолюция Грановским[2]), которую весьма отстаивала рабочая группа и которую приняли голосованием 24 голоса рабочих и сочувствующих, как придаток к общей резолюции от меньшинства совещания.

«Подводя некоторые итоги совещания, необходимо отметить:

«1) Его прогрессивный характер, где, несмотря на войну, было ясно и определенно указано и заявлено, что условия современной жизни «не годны, нужно их коренное изменение».

«2) Для проведения этого изменения необходимо об'единение всех существующих общественных организаций и развитие новых (кооперативы, союзы и прочее).

«3) Трезвость дает поразительные результаты, но отстоять ее можно только большой борьбой, «так как декреты как возникают, так и сменяются весьма быстро».

«4) Запретительная мера недействительна, нужны вообще преобразования и «свобода слова, печати и союзов».

«5) Необходим созыв обширного и более свободного с'езда общественных деятелей для всестороннего изучения явлений и причин алкоголизма.

«6) Вообще совещание производит впечатление маленького смотра прогрессивным силам, и смотр этот, видимо, многих удовлетворил, что было видно хотя бы из последнего заявления доктора Жбанкова, который подчеркнул достигнутое на совещаниях единомыслие участников по принятию мер борьбы с алкоголизмом. Жбанков, как и другие, придавая большое значение Пироговскому с'езду, обратил внимание участников, что постановления с'езда будут разнесены во все углы России и окажут всюду должное действие.

«7) Мнение, высказанное в последнем слове председателем, казанским профессором Вериго, что «после войны Россия, находясь в союзе с такими странами, как Англия, Франция и Италия, не может оставаться в том состоянии, в каком она

---

[1]) Виноградов, Иван Максимов, кр. Калужской губер., Тарусского уезда, Выскинической волости, дер. Шапино.

[2]) Грановский, Лев-Лазарь Берков, санитарный врач.

находилась до сих пор. Она должна выступить на путь широких общественных реформ и преобразований. Нам необходимо быть готовыми к той волне, которая должна разлиться» и т. д.; мнѣние это было принято громкими аплодисментами.

«8) Заслуга совещания признается всѣми участниками и во взаимном ознакомлении собравшихся и в том, что, раз'ехавшись во все концы, разнесут его слова, постановления и мысли».

ГЛАВА XII.

Неудачи на фронте и рост недовольства.—Записка „Захарьина" о настроениях.—Письмо врача.—Арест С. Н. Сухомлинова.—Планы и виды буржуазной оппозиции.

В течение марта и первой половины апреля русская армия довольно успешно наступала—продвинулась в Галицию и даже начала один за другим завоевывать горные перевалы Карпат. Такие значительные военные успехи сильно подогревали патриотическое настроение, вызывая не одну радостную манифестацию и ликующее настроение печати [1]). Но вскоре вслед за этими успехами последовали одна за другой неудачи. Русские войска оказались в Карпатах разбиты. На левом фланге начавшая наступление немецкая армия заняла Виндаву и Митаву. В польском районе противник начал угрожать обхватом Варшавы. Все эти неудачи в патриотических кругах создали тяжелое настроение.

Настроение же в армии было еще более тяжелым. Сведения с фронта понемногу просачивались в тыл и с невероятной быстротой распространялись по всей стране. Победный гром воинствующей печати не мог заглушить слабого стона умирающих фронтовиков, на смертном одре повествующих правду о положении на фронте. Газетам перестали верить и жадно прислушивались к вестям очевидцев, фронтовиков, раненых и медперсонала. Люди, преданные престолу, жаждавшие победы во что бы то ни стало, с отчаянием и ужасом очень часто принуждены были вскрывать цензурную завесу и рисовать потрясающие картины положения дел на фронте. Так, один патриотически настроенный враг, побывавши в Карпатах, так описывал положение дел:

«Пишу в очень тяжелые для нас всех минуты. Особенно тяжелы они нашему корпусу и нашей армии: 7 месяцев мы в суровых, я бы сказал, в невероятных условиях бились за Карпаты, где буквально каждая высота полита нашей кровью, где легли сотни тысяч наших серых шинелей, откуда ушли тысячи калек, обмороженных, больных и сумасшедших, помещавшихся

---

[1]) О рабочей легальной антимилитаристической печати говорить не приходится: ее не существовало. *И. М.*

в мокрых и холодных горных окопах... и вдруг кто-то могучий и смелый пришел и в 4 дня буквально отшвырнул нас с Карпат под самый Перемышль, и сейчас стоим под самыми фортами его, грозя запереть нас здесь или отрезать от нашей базы—Львова. Мы буквально опомниться не успели, как с северных частей Венгрии очутились на тех позициях, которые занимали в сентябре. При этом отступлении мы потеряли до 100 тысяч, сожгли массу провианта и фуража, взорвали мосты, тоннели и едва успели уйти сами. Немцы шли за нами по пятам на громадном фронте, громили наши обозы тяжелой артиллерией. Говорят, Николай Николаевич в штабе армии Радко, которая первая приняла на себе удар громадного немецкого кулака, пришел в бешенство—зарубил офицера, надавал пощечин генералам, но это делу не помогло. Радко давно кричал и просил о помощи, говорил, что против него накапливаются громадные силы—ему не верили или посылали мелкими частями подкрепления из необученных солдат; никто еще не разобрал, как и почему мы прозевали, но ропот общий растет и растет против нашего генерального штаба. Утешают, что под Перемышлем произойдет генеральное сражение и мы, наверное, его выиграем, но плохо верится этому. Мы спешно готовим позиции, спешно кое-как укрепляем форты Перемышля и, конечно, ничего не успеем. Я уже не говорю про армию—они совсем не обучены, а офицеров нет, остались только генералы, да висит в воздухе матерная брань... Буквально плакать хотелось, проходя по местам, уже прочно занятым нами, где население привыкло к нам, получило наши семена на засевы полей, стало понемногу обстраиваться и жить на мирный лад...

«Надо видеть этот ужас перед немецким нашествием, надо слышать это «что же с нами будет», чтобы понять, с каким чувством мы отступали... Все, где мы проходили, будто вымирало, а те, которые почему-либо остались, не хотели верить, что придут немцы, а мы должны были их успокаивать, сами не веря своим словам. В одном селе я заехал к жене брата своего товарища—жене священника. Священник, его сыновья и братья все в австрийской тюрьме. Жена его с двумя детьми говорит, у нее нет средств выехать и нет решимости бросить дом, нажитое добро, которое, как она говорит, моментально разграбят. Стоя три месяца возле ....[1]), мы познакомились с одной польской семьей, часто ездили туда в гости, возили им конфеты, помогали, где могли, просиживали иногда до поздней ночи и очень сдружились.

«Когда мы уезжали оттуда в Венгрию, в этой семье нам говорили: «если теперь опять сюда придут мадьяры или немцы, нас всех повесят», и сейчас мне страшно вспомнить, что там уже три дня назад хозяйничали немцы—и думать, «что-то ста-

[1]) Военной цензурой зачеркнуты названия мест.

лось с бедными нашими паненками». Стыдно было и за то, что, уходя, мы бросали своих больных и раненых в ужасных условиях. В г. Лиски, откуда в 9 часов утра ушли госпитали и куда в 3 часа дня пришел наш штаб, было брошено 400 человек больных при одном враче и 4-х санитарах в таких условиях, что волосы дыбом становятся. Больные валялись в грязной соломе, многие в бреду, в большинстве тифозные рядом с невритиками, вперемежку с дизентерийными, обмороженными и проч. Все это валялось в своем платье и шинелях, без всякого намека на уход, тут же испражнялись, отплевываясь, блюя и проч. В некоторых палатах стояли давно переполненные «параши» с лужами вокруг них. В одной палате я нашел несколько совершенно голых скелетов, обмазанных кровью, на голых же нарах с лужами кровянистых испражнений на нарах и на полу. Это были медленно умиравшие дизентерийные. Я обошел палаты в 7 часов вечера того же дня и среди живых нашел 10 трупов, а к утру следующего дня их было уже 17. Холерный барак был брошен на произвол судьбы,—в нем я нашел в полной тьме на грязной соломе ползающих 6 живых больных и между ними три трупа.

«Двери барака были открыты, никакого служителя возле них не было, на балконе 2-го этажа, где помещались больные, стояло ведро с испражнениями, которые медленно стекали вниз на улицу. Что делалось во дворах, клозетах этих «госпиталей», и описать нельзя. Мне сразу сделалась понятна причина вспышки холеры в наших войсках и занос ее именно из тыла. И вот все это оставлено немцам. Я целый день со своим отрядом, прямо из стыда за свое русское свинство, дезинфицировал, убирал эти здания, но успел это сделать только в Лисках. А в Хорове при таких же условиях мы бросили 4.000 больных... Где наша честь, наша национальная гордость, прямо даже чисто врачебная гордость?! Ужасно все это, больно, горько и обидно.

«Ну, пока довольно».

И действительно подобных известий достаточно было, чтобы вывести из равновесия самых благонамеренных людей. И вопрос о том, где причина всего случившегося, навязчиво стал пред каждым патриотом.

Вопрос о шпионах и предателях стал темой едва ли не каждого разговора. Правда, и раньше подобные разговоры встречались, но тогда шпионами и предателями изображались забастовщики и социалисты, отвергающие оборону, теперь же изменников и предателей усиленно искали среди сильных мира сего—среди придворных Николая, полиции и так далее.

Такой поворот мысли произошел еще в феврале месяце. 20 февраля благонамеренно настроенные граждане узнали из газет, что во 2-м часу ночи на 19 февраля сильный наряд полиции явился на квартиру отставного жандармского полков-

ника С. Н. Мясоедова, проживающего в доме № 11 по Колокольной улице.

Об этом обыске «Русское Слово» сообщало:

«Обыск продолжался слишком 20 часов. Были вскрыты все шкапы, письменный стол и другие хранилища.

«Найдены огромная переписка и дневник С. Н. Мясоедова. Между прочим обнаружены документы, указывающие, что у отставного полковника С. Н. Мясоедова имеется еще и вторая квартира, в доме № 7 по Лиговской улице.

«Сюда был командирован новый отряд полиции, и здесь также был произведен обыск.

«Как выяснилось, в квартире на Лиговской улице до Мясоедова, в течение 20 лет, проживал германский подданный К. А. Валентини, в начале января 1915 года высланный из Петрограда. Вместе с владельцем квартиры были высланы и его сестры.

«После от'езда Валентини в Вятскую губернию квартира, вместе со всей обстановкой и двумя прислугами, оставленными немцами, была передана отставному полковнику С. Н. Мясоедову.

«В обеих квартирах Мясоедова отобрано огромное количество документов, отправленных в полицию на трех возах.

«Квартиры опечатаны» [1]).

Днем позже был произведен обыск в квартире братьев Спиридоновых по 2-й Рождественской улице.

«Обыск продолжался 19 часов. Забрано несколько пудов документов и переписки.

«Оба брата Спиридоновы из Петрограда отсутствуют. Полицией арестованы жены Спиридоновых, которые препровождены в Литовский замок.

«20-го с 3 часов до 12 часов ночи производился вторичный обыск в д. № 11, по Колокольной улице, в квартире, занимаемой оставным полковником Мясоедовым.

«Обыск производился, главным образом, в помещении, занимаемом женой Мясоедова. Здесь было найдено громадное количество документов [2]).»

Вслед за этими сообщениями в номере от 21/II, в заметке «Обыск у С. Н. Мясоедова» (старый знакомый), «Голос Москвы» дал некоторые пояснения случившегося. Он писал:

«Наш петроградский корреспондент сообщил об обыске на квартире бывшего жандармского подполковника С. Н. Мясоедова.

«Любопытно припомнить, что в апреле 1912 года в петроградской газете «Вечернее Время» появилось несколько статей, в которых одному офицеру, служившему на пограничной стан-

---

[1]) „Русское Слово", № 41, от 20 февраля 1915 года.
[2]) „Русское Слово", № 42, от 21 февраля 1915 года.

ции и якобы заведывавшему контр-разведкой, ставилось в категорических формах обвинение в преступных сношениях с иностранной державой.

«Офицер этот оказался бывшим жандармским подполковником, состоявшим в то время в распоряжении военного министра, С. Н. Мясоедовым.

«Подполковник Мясоедов долго добивался у редактора «Вечернего Времени» Б. А. Суворина имени автора этих статей, но, получив решительный отказ, через несколько дней напал на Б. А. и нанес ему оскорбление действием.

«Спустя несколько дней А. И. Гучков, как член комиссии народной обороны, в беседе с сотрудником «Нового Времени» по поводу раскрывшейся истории со шпионажем сделал дальнейшие разоблачения деятельности подполковника Мясоедова.

«Оказалось, что одна из соседних держав, с которой мы находимся ныне на положении войны, стала значительно осведомленнее в наших военных делах, чем раньше. Подозрения пали на подполковника Мясоедова.

«Последствием этой беседы был вызов А. И. Гучкова подполковн. Мясоедовым на дуэль, которая и состоялась в Петрограде 22 апреля, но, к счастью, кончилась благополучно.

«Подполковник Мясоедов промахнулся, а А. И. Гучков стрелял в воздух.

«После всего этого подполковник Мясоедов был отчислен от военного министерства и вернулся в отдельный корпус жандармов и впоследствии был уволен в отставку.

«Очевидно, газеты были правы, как был прав А. И. Гучков, заклеймив подполковника Мясоедова позорной кличкой шпиона.

«Его арест, конечно, последует в непродолжительном времени и прольет свет на всю эту историю» [1]).

Но одним Мясоедовым подозрения не исчерпывались.

В Москве упорно говорили о существовании в России, а именно в Петрограде, сильной немецкой партии, работающей как в пользу заключения мира с Германией, так и в пользу всего, что привело бы в конечном результате к торжеству над нами врагов. Циркулировали самые разнообразные и иногда малоправдоподобные рассказы о выступлениях этой группы; такие катастрофы, как взрыв на Охтенском заводе или случившийся осенью взрыв снарядов в Бресте, об'ясняли, как действие изменников. Среди подобных предположений, некоторые обращают на себя внимание, во-первых, как наиболее распространенные и как исходящие из самых разнообразных слоев.

По этому случаю один из осведомителей охранного отделения сообщал: «три совершенно различных по своему положению человека—журналист С. Н. Бриллиантов, молодой ученый, кооператор и педагог Карл Христофоров Фрейман (латыш, ныне

---

[1]) „Голос Москвы", № 43, от 21 февраля 1915 г.

прапорщик) и служащий в Кредитном обществе коммерсант Анатолий Порфирьев Гамов,—все передают исходящий откуда-то рассказ о том, что государыня императрица Александра Феодоровна всяческими путями пытается облегчить положение пленных немцев и будто бы для раненых военнопленных организовала прекрасный санитарный поезд, который великим князем Николаем Николаевичем был, однако, назначен для русских воинов.

«Из редакционных кругов газеты «Утро России» исходит слух, широко разошедшийся в свое время по всей журнальной Москве, о неблаговидной роли известного «старца» Григория Распутина, которого называли деятельным агентом немецкой партии и приписывали ему целый ряд энергичных выступлений в пользу мира, сделанных им в октябре месяце минувшего года.

«История с Мясоедовым вызвала особенно много толков о деятельности «немецкой партии». Причастными к шпионажу называли целый ряд лиц из высшей петроградской аристократии»[1]).

По данным осведомителя «Захарьина» «в пятницу, 12 июня, в Москве на заседании членов Союза 17 октября А. И. Гучков, между прочим, давая об'яснения по поводу отставки военного министра генерала Сухомлинова, заявил, что одним из мотивов отставки послужило раскрытие в Военном Министерстве грандиозных хищений. Так, например, говорил Гучков, в одном из складов, где должно было находиться 70 тысяч снарядов, их оказалось всего 2 тысячи. В такой же якобы пропорции оказались и другие запасы Военного Министерства. Гучков заявил, что отставка генерала Сухомлинова—важная победа над немцами, но что сам бывш. министр заслуживает не отставки, а суда и, пожалуй, каторги... Слова А. И. Гучкова произвели на собрание большое впечатление, и сейчас же были разнесены по всей Москве.

«На указанном же собрании А. И. Гучков возмущался тем, что в настоящее время на ответственные должности назначаются лица, опороченные по суду, как, например, генерал Рейнбот.

«Мне, как уполномоченному, приходилось подчиняться Рейнботу,—возмущается Гучков.—Моим начальником оказался человек, которому бы я не подал руки».

«Большое возмущение вызвало сообщение Гучкова о том, что в Галиции состоял на службе ротмистр Трещенков, известный по событиям на Ленских приисках» [2]).

Такими же настроениями было проникнуто торжественное открытие «Общества сближения с Англией» (22 мая), собравшее самый цвет либерально-буржуазных кругов. На этом собрании, в качестве учредителей нового общества и его членов,

---

[1]) См. „Агент. Зап."—„Захарьин", № 46 1/V 1915 г.
[2]) „Аг. Зап."—Захарьин, от 16/VI 1915 г. за № 72.

присутствовали: член Государственного Совета М. М. Ковалевский и Государственной Думы—П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Коновалов, В. А. Ржевский, М. М. Новиков и бывший председатель 2-й Государственной Думы Ф. А. Головин. Большинство собравшихся—члены местных кадетских и прогрессивных групп. Присутствовала почти в полном составе Московская Городская Управа во главе с городским головой М. В. Челноковым, который затем был единогласно избран председателем собрания и, прежде чем занять председательское место, одел на себя цепь городского головы, что придало этому собранию как бы официальный характер. Этот прием получил свое об'яснение в последующих кулуарных разговорах членов-учредителей нового общества, высказавших мысль о необходимости возможно широкого привлечения в члены его, в особенности в провинциальные его отделы, деятелей земского и городского самоуправления, что создаст обществу прочный фундамент и более или менее обезопасит от репрессий со стороны властей, которые не рискнут в нынешние времена на какой-либо конфликт с представителями городского самоуправления и земства.

«Первые приветственные речи открывающему свою деятельность обществу были высказаны Челноковым и Ковалевским и не выходили за пределы обычных приветственных речей, и только по отбытии посетивших собрание главноначальствующего над гор. Москвою и градоначальника тон ораторов заметно повысился и вызвал большой под'ем, так что к концу заседание приняло характер серьезного политического собрания, напомнившего аналогичные собрания 1905—1906 года.

«Сущность речей достаточно правдиво изложена в появившихся в местных и петроградских газетах отчетах об этом собрании, но эти отчеты, не будучи стенографическими, не заключают в себе того, что было сказано в живых речах ораторов, а главное, не могут передать ни тона этих речей, ни их воздействия на слушателей. На этом собрании, привлекшем цвет московской интеллигенции левого направления, как и на большинстве общественных собраний и чтений последнего времени, в особенности было ярко заметно ожидание в ближайшем будущем крупных событий во внутренней жизни России в смысле дальнейшего развития основ манифеста 17 октября 1905 года. Не только смысл большинства речей, но и отдельные в них фразы прямо указывали, что Россия «накануне своего нового политического строя», осуществить который ей поможет ее союзница Англия—«эта родоначальница политической свободы».

«Член Государственной Думы Милюков в своей речи проводил мысль о том значении, какое имеют в жизни всех конституционных государств ответственные министерства; ответственность правительства перед обществом и народом особенно сильна в Англии, где ныне, именно под сознанием такой ответственности в виду крайне серьезных событий настоящей войны

призвано к власти коалиционное министерство из крупнейших представителей всех политических партий страны. Английский закон о свободе печати дает обществу право свободной критики деятельности правительства, и в доказательство того, насколько широко пользуется английская пресса этим правом, Милюков тут же перевел из бывшего у него номера «Times» некоторые наиболее характерные выдержки. Такая система дает обществу всю возможность своевременно исправлять и направлять деятельность правительства.

«По окончании торжества открытия в помещении «Московского Литературно-Художественного Кружка» состоялся банкет членов нового общества с участием приглашенных гостей и некоторых представителей печати. На банкете члены Государственной Думы Коновалов и Милюков делились своими впечатлениями от пребывания на передовых позициях, куда они ездили в качестве уполномоченных санитарных отрядов. По словам Коновалова, впечатления его самые безотрадные: никакой серьезной организации тыла в военных интересах не сделано, почему является недостаток в боевых снарядах, а 4-я армия уже в течение нескольких месяцев бездействует, не имея вооружения; высший командный состав—сплошные бездарности, через неделю, много—две, Галиция будет очищена от наших войск, а затем нужно ожидать обхвата Варшавы с флангов. Милюков, отряд которого обслуживал дивизию генерала Корнилова и будто бы едва спасся от плена, тоже рассказал примеры бездарного командования высших чинов вверенными им воинскими частями, а также подчеркивал в некоторых случаях неудачи такого командования, как результаты штабных интриг, практикующихся даже на фронте действующей армии. Здесь же приводилась приписываемая министру внутренних дел будто бы сказанная им фраза, «что Германия – единственный оплот монархизма в Европе, почему Россия никогда не допустит ее окончательного разгрома». Это суждение будто бы проникло в иностранные газеты, чем и об'ясняется нерешительность действий наших союзников на западном фронте.

«Сущность всех бесед сводилась к тому, что в виду неурядицы в организации военного и продовольственного дела в тылу и вследствие серьезности надвигающихся военных событий, необходимо в возможно скором времени иметь правительство, которое руководилось бы в своих действиях указаниями страны.

«М. Ковалевский, на обращенный к нему вопрос, какое впечатление производит на него Москва, ответил следующими словами: «Старушка-Москва—сердце России, которое спит и отдыхает, когда в России царит реакция, и пробуждается к полной жизни, когда только Россия начинает итти вперед. Теперь именно я наблюдаю, что старушка проснулась и собирается зажить новой жизнью».

«У всех присутствующих на открытии «Общества сближения с Англией» и на его банкете в результате сложилось убеждение, что блок левых партий, во главе с их лидерами в Государственной Думе, подготовляет какое-то активное выступление в смысле пред'явления некоторых требованнй правительству. Одновременно с этим, сначала в московских, а затем и в петроградских газетах появились сообщения о постановке на очередь вопроса о досрочном созыве Государственной Думы» [1]).

Непорядки в армии и неудачи на фронте все больше и больше начинали беспокоить империалистическую, либерально настроенную буржуазию. Между ею и правительством, правительством, неспособным привести страну к победе, снова пробежала черная кошка. Общественное мнение снова противопоставляется мнению русских официальных сфер. Созданное «Общество сближения с Англией», между прочим, ставило одной из главных своих задач «ознакомление Англии с действительным русским общественным мнением, а не с мнением русских официальных сфер».

Вскоре потом, видно по дружескому совету Англии, видные деятели партии ка-де начинают серьезно подумывать о создании прочной, центральной организации, связанной с рядом провинциальных организаций, которая продолжала бы функционировать и по окончании войны, при чем носила бы вполне определенный политический характер. С целью создания такой центральной организации с самого возникновения Всероссийского Союза Городов» держится мысль о созыве большого всероссийского с'езда городских деятелей, на котором выработана была бы политическая программа организации и избраны были бы руководители ее как в центре, так и на местах. Однако, по чисто тактическим соображениям, от мысли о созыве с'езда и немедленном создании организации с более широкими задачами признано было необходимым пока отказаться. Но, отказавшись от мысли о создании центральной организации, деятельно принялись за работу на местах, именно за создание местных организаций, которые, об'единившись в будущем, и создадут прочную, мощную, всероссийскую городскую организацию с единым направляющим центром.

«По словам секретаря «Союза» [2]), бывшего члена 2-й Государственной Думы Василия Васильевича Волк-Карачевского, закулисные планы этой общественной организации сводятся к следующему:

«Сначала должна быть создана центральная организация, и уже по ее инициативе будут созданы организации на местах, т.-е. рост всероссийской городской организации будет происходить от центра к периферии. Жизнь опередила теоретические

---

[1]) См. донесение (доклад) охранного отделения от 6/VI 1915 г.
[2]) Писал в своем докладе полковник Мартынов.

расчеты и показала, что мы гораздо скорее придем к цели, идя от периферии к центру, т.-е. сперва создавая местную организацию, а затем в результате об'единения их сразу поставим правительство лицом к лицу с фактом—мощной центральной организацией, базирующейся на мощных провинциальных организациях.

«В данном случае руководители Всероссийского Городского Союза имели в виду следующее обстоятельство: состоявшийся в Омске 11—14 апреля областной с'езд представителей городов Западной Сибири, на котором заложен был прочный фундамент Областного Союза Городов Западной Сибири. Созданная организация—это именно то, что давно представлялось желательным руководителям Союза Городов из кадетского лагеря. Во-первых, организация носит ясно выраженный политический характер, так как областной с'езд, положивший начало этому союзу, принял такие резолюции, как необходимость коренной реформы городских самоуправлений, равноправие евреев и т. д. Во-вторых, во главе союза поставлен комитет, в состав которого, в силу принятия принципа кооптации, могут быть введены левые элементы в самых широких размерах. Для начала фактическое возникновение западно-сибирской городской организации, не вызвавшее ни малейшего подозрения со стороны местной администрации, считается большой победой.

«В то время как западно-сибирская городская организация является уже реальным фактом, в ближайшее время должна возникнуть совершенно аналогичная организация и на Кавказе. В конце мая в Тифлисе должен состояться четвертый с'езд городских общественных деятелей Кавказского края, на котором будет положено начало второму по счету областному союзу—Союзу Кавказских Городов.

«В настоящее время предпринимаются подготовительные шаги для дальнейшего развития этой сети—намечается союз городских деятелей Поволжья (союз поволжских городов с центром в Нижнем-Новгороде) и союз городских деятелей Юга, для которого центром намечается Киев.

«Говорят о возможности об'единения после производства выборов на новых началах и городов Царства Польского.

«Все эти местные союзы и рождаемые ими областные союзы будут носить строго легальный характер—разрешать задачи, вызванные войной, но действительный замысел сводится к тому, чтобы незаметно создать политическую организацию, которая могла бы властно заявить свои политические требования после войны».

ГЛАВА XIII.

Немецкий погром. Причины погрома.—Оценка событий с.-д.—Отношение интеллигенции к погрому.—Отношение рабочих.—Резолюция рабочих.—Листовка о погроме.—„Группа с.-д.“.—Доклад начальника охранного отделения.—Речь в Государственной Думе М. М. Новикова.—Характеристика момента.

Последние события на войне после потери Перемышля сложились настолько неблагоприятно для русской армии, что главное командование не находило возможным сообщать о тех громадных потерях и отступлениях, которые все время шли изо дня в день. Отсутствие официальных данных и частные сообщения, поступающие с фронта, приподняли настроение до крайности. Возмущение против бездарного и продажного правительства с каждым днем все усиливалось. Рабочая, крестьянская и мелко-буржуазная масса, задыхаясь от дороговизны и всех тягот войны, все яснее и резче начинали осуждать войну и затеявшее ее правительство. Этот рост революционных, оппозиционных настроений повлиял и на партию прогрессивных промышленников—ка-де. Последние тоже составили оппозицию правительству, как неспособному привести страну к победе, и снова вспомнили лозунг ответственного министерства.

Все это создало такие условия, что достаточно какого-либо даже незначительного повода, чтобы вызвать взрыв недовольства. Правительство прекрасно все это понимало, и единственным, хотя и временным клапаном, куда все это недовольство могло быть выпущенным, нашло немцев. 28—29 мая задуманное было приведено в исполнение. Москва первая подала сигнал «громить немцев».

Секретарь бюро московского военно-промышленного комитета Александр Михайлович Кошкарев, работавший в охранном отделении под именем «Павлова», в своей записке от 30 мая 1915 г., за № 64, по этому поводу сообщал:

«Главной и непосредственной причиной разгрома было озлобление против немцев, сильным поводом послужил факт остро-желудочных заболеваний на Прохоровской мануфактуре женщин и детей. Ходили слухи о том, что немцы отравили воду. Следствием было движение среди рабочих к устранению с заводов и фабрик немцев-мастеров, которые за последнее

время особенно вели себя нагло. На фабриках и заводах шло обсуждение вопроса о немецком засильи, постепенно охватывая население, и вылилось в погромах 28 мая. Ходили слухи в темном народе, что эти погромы организованы немецкими провокаторами, с целью вызвать движение против правительства и создать затруднения внутри России. Общее же настроение было таково, что погром проявился на почве патриотизма, что немцев следует бить и что разгромы фабрик и заводов—дело хорошее; жалели только, что все это добро не пошло для русских, что надо было фирмы отобрать в казну, а немцев из Москвы выгнать, а самый факт ломки и разграбления немецких фирм приняли бы, как должную дань патриотизму, как борьбу против немецкого засилья. Средний класс населения был доволен происшедшим. В заседании Московской Городской Думы 28 мая, собравшейся вечером, настроение было подавленное, здесь ждали общей резни и введения военного положения. Была уверенность, что все дело организовано «двухглавцами», при явном содействии и попустительстве полиции. Указывали на то, что в руках погромщиков были личные списки немецких фирм, что погром был организован заранее, что у громил была уверенность в том, что полиция и войска не будут противодействовать разгрому. Говорили, что хотя погром и затевался в широких размерах, но что пьяные участники, грабежи, пожары, убийства, разнузданность толпы не входили в первоначальные расчеты, и что действительность опередила самые широкие надежды; результаты свелись к тому, что администрация, допустившая погром, сама не в силах была с ним справиться; выражалось сожаление, что погром был допущен, что правительство в нем виновато уже одним тем, что допустило погром, что оно не смогло и не сумело его предупредить, путем ли реквизиции немецких фирм, путем ли высылки немцев, что разгромы сыграют лишь в руку нашим врагам, что опозорили Москву и недостойны русских. Кроме того, возникли опасения за участь тех, кто остался безработным, что при введении военного положения правительство расправится с Земским и Городским Союзами и общественными организациями, что надо ждать военной диктатуры. Интеллигенция, об'единенная в Земском и Городском Союзах и в «Русских Ведомостях», иначе определила погром; по ее мнению, инициатором и организатором его является г. главноначальствующий города Москвы князь Юсупов, и что «двухглавцы» по своему положению не могли здесь сыграть той заметной роли, какая им отводилась в первый момент. Что погром был организован и что полиция помогала погромцам или бездействовала, считается несомненным. «Двухглавцы» же не могли принять в нем деятельного участия будто бы уже по одному тому, что полиция помогала погромщикам или бездействовала; считают, что Германская империя и Пруссия будут полезны русским в борьбе с революцией, как единственный

оплот монархизма в Европе, что разграбления фирм и убийства немцев здесь совершенно вырывают почву из-под ног у лиц, жаждущих спасти твердыню монархизма. И в соответствии с этим, на верхах происходила ожесточенная борьба партий—германофилов, во главе с государыней императрицей Александрой Феодоровной, и германофобов—во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Князь же Юсупов, как ставленник великого князя, явился здесь представителем партии германофобов и, организуя погром, мог смело рассчитывать, что последняя возможность для России и партии германофилов—заключить сепаратный мир—будет вырвана, и что русским не останется ничего более, как продолжать войну до последнего солдата.

«В связи с введением военного положения—в той же среде имеются опасения за работу московских общественных организаций в смысле их подавления, а также за участь многих общественных деятелей.

«В Городском общественном управлении будет поставлен на очередь вопрос об изыскании мер по организации помощи лицам, оставшимся без работы после погрома».

О том, как отнеслись и оценили события с.-д., дает сведения в своей записке № 83 от 31 мая 1915 года А. С. Романов («Пелагея»). По этому поводу он писал:

«События, происшедшие в г. Москве 28—29 мая и выразившиеся в разгроме и разграблении имущества, принадлежащего лицам немецкого происхождения, явились для социал-демократических кругов полной неожиданностью, и отношение таковых к этим событиям определенно отрицательное.

«Неожиданностью было, конечно, не самое выступление рабочих, так как недовольство в широких рабочих кругах, благодаря немецкому засилью, наблюдалось уже давно, а те формы, в которые вылилось это выступление, т.-е. грабежи и поджоги.

«Хотя огромное большинство рабочих, устроивших это движение, и не принимало участия в расхищении имущества, но считает себя виновным в том, что, воспользовавшись этим выступлением, подонки населения столицы учинили форменный грабеж.

«Теперь рабочие сознали всю нелепость такого выступления и считают, что они были введены в заблуждение разными слухами об отравлении немцами воды на фабрике Прохоровской мануфактуры и о каком-то подкопе в Марьиной роще к пороховому заводу, каковые слухи будто бы поддерживались и чинами местной полиции.

«В виду этого в широких рабочих кругах растет сильное озлобление против полиции, которую считают главной виновницей всего происшедшего: открыто говорят, что погром устроила сама полиция, воспользовавшись существовавшим озлоблением против немцев.

«Виновность полиции в устройстве погрома рабочие склонны видеть в том, что она не только не противодействовала начавшемуся погрому, но даже способствовала ему, указывая в некоторых случаях толпе магазины и фирмы, принадлежавшие немцам.

«Таково отношение к этим событиям широких рабочих кругов.

«Что касается интеллигентских социал-демократических кругов, то таковые также во всем обвиняют и администрацию и полицию, но считают, что как та, так и другая была слепым орудием в руках так называемой «партии мира», членами каковой состоят особо высокопоставленные лица, преимущественно немецкого происхождения, из придворных и весьма влиятельных кругов, стремящейся во что бы то ни стало найти повод к заключению с Германией сепаратного мира.

«Для этого названной партии было крайне выгодно начавшееся в Москве движение, которое бы могло распространиться и по другим городам и фабрично-заводским районам, благодаря чему остановилось бы производство необходимых для снабжения армии предметов и, таким образом, поставило бы правительство в безвыходное положение и явился бы повод к заключению мира, так как можно было бы сослаться на внутренние беспорядки и на отсутствие предметов снабжения.

«О существовании такой партии определенно говорят в широких интеллигентских кругах, преимущественно, конечно, оппозиционных, при чем указывают даже на принадлежность к ней государыни императрицы Александры Феодоровны, великой княгини Елисаветы Феодоровны, военного министра Сухомлинова и других.

«В этих кругах (оппозиционной интеллигенции) недовольство и озлобление против «партии мира» растет, и даже говорят о неизбежности государственного переворота, при чем указывают, что вероятнее всего на престол будет возведен великий князь Николай Николаевич, пользующийся широкой популярностью как в обществе, так и в армии.

«Толки о неизбежности переворота пока служат темой для разговоров только в интеллигентских кругах и в широкие рабочие круги еще не проникли.

«Социал-демократы — интеллигенты, считаясь с возможностью такого переворота, говорят, что социал-демократию «замена одного царя другим» не может удовлетворить, но что необходимо начавшееся брожение использовать в партийных целях и постараться дворцовый переворот превратить в революцию, если, конечно, для этого социал-демократия будет располагать достаточными силами; в противном же случае, не мешая перевороту, добиваться возможно больших привилегий для рабочего класса».

Об отношении к событиям интеллигенции дает сведения «Захарьин» в своей записке от 30 мая 1915 года за № 62; он писал:

«29 мая на местах разгрома немецких магазинов перебывала вся Москва: на Мясницкой приходилось слышать, как публика сожалела, что машины Роберта Кенца и Листа были уничтожены без всякой пользы. Приводилась в пример Англия, где во время разгрома немецких предприятий вещи не портились, а увозились. Много разговоров вызвали случайные жертвы погрома, напр., фирма Эрманс и Жирардовская мануфактура, магазины коих по ошибке тоже подвергались разрушению.

«Вообще к происшедшему интеллигентная публика отнеслась довольно отрицательно. Большинство ошеломлено и называет разгром—провокацией. Торжествует лишь чернь, выражающая сожаление о том, что начальство сегодня громить не велит... «Дало один денек, и—будет».

«В более благоразумных кругах первоначальная растерянность вылилась в определенное недовольство и даже негодование. При этом в стихийность погрома никто не верит. По мнению многих, во всех действиях громивших сквозила организованность и полная уверенность в безопасности всего, что они делают. Указывают, напр., что главари манифестаций ходили со списками предприятий, подлежащих уничтожению.

«Виновники происшедшего—очень многие из высших представителей местной администрации, но, говоря о них, большинство полагает, что они были исполнителями чьей-то воли, и Москва уже занялась построением на этот счет всевозможных гипотез, при чем говорят так:

«События на театре военных действий настолько неутешительны, что германофильские круги Петрограда решились весьма настойчиво говорить о мире. Чтобы заставить их замолчать, противная партия решила инсценировать «взрыв народного негодования в сердце России», каким и явился нарочно вызванный администрацией погром, допущенный 28—29 мая.

«Но Москва вполне сознательно учитывает и все последствия разгрома немецких предприятий. Со всех сторон слышатся сожаления о том, что теперь огромное количество продуктов вздорожает, и русские купцы, давно уже взвинчивающие на все цены, уничтожением конкурентов воспользуются для себя.

«Все эти беспорядки дают плюс врагам,— говорят умеренные круги Москвы.— Мы своей рукой разгромили родной город, и никто другой, как мы, понесем за это наказание».

«Люди, революционно настроенные, пытаются воспользоваться беспорядками в свою сторону. Можно слышать разговоры о том, что «Елисавета Феодоровна — тоже немка по происхождению и ничем не лучше всяких Цинделей и прочих немцев». «Дойдет очередь и до нее», говорили в толпе.

«Между прочим, в группах чернорабочих приходилось слышать и определенно революционные разговоры о нашем правительстве и о необходимости его «сменить», как «онемечившееся».

«Изложенное указывает на враждебное отношение населения Москвы к в. к. Елисавете Феодоровне. Вечером, напр., уже ходили слухи о том, что ее высочество подвергалось где-то нападению женщины; откуда то, видимо, непрерывно истекают злонамеренно распространяемые инсинуации о ее германофильских симпатиях.

«Что касается немецкого населения Москвы, то страх, вызванный среди него погромом 28 мая, настолько велик, что склады для хранения мебели непрерывно получают просьбы прислать подводы за вещами. Но были случаи, когда русская прислуга, живущая в немецких семействах, предупреждала конторы складов, что если склад исполнит такую просьбу и пришлет фуры,—то сам подвергнется разгрому.

«Применение вооруженной силы, которое было сочтено за запоздалое, лишь обозлило массы и придало повсеместно разлитому напряженному состоянию какой-то оттенок революционности. Сознание, что, борясь с немцами, они борются уже с правительством, «состоящим из немцев», распространялось в народных кругах.

«Обязательное постановление, вывешенное еще вечером 29 мая, вызвало недовольство. На Тверской, в том месте, где были расклеены листки, публика собиралась группами, и часто можно было слышать ропот по поводу запрещения появляться на улице позднее 10 часов вечера. Событиям 28 мая, говорили в публике, явно придается слишком значительный вес, и это у активно участвовавшей в погроме массы вызовет преувеличенное о себе представление.

«Слухи о деятельности немцев внутри России продолжают расти; говорят об отравлении ими мытищенской воды, о заговоре на жизнь великого князя Николая Николаевича, сорганизованном, якобы, через «петроградских немцев», при чем под последними понимают самых высокопоставленных особ. Все это поддерживает в массах все нарастающую ненависть к врагам, «свившим,—как говорят в населении,—прочное гнездо в столице».

«В некоторых пунктах погрома толпой будто бы руководили: на Мясницкой прапорщик, которому, когда он показался в окне разгромленного магазина, толпа устроила овацию; у Красных ворот—другой прапорщик советовал толпе разгромить немецкий магазин».

Третий агент охранки «Михайлов» (П. М. Николин) так описывал события:

«За несколько часов до погрома заметны были кучки людей, где велась беседа на тему, что немцы все заполнили, отравили рабочих на Прохоровской фабрике, что управляющий Цинделя застрелил 2 рабочих и т. д. в этом роде.

«Со стороны мелких коммерсантов и учащихся указания делаются на то, что полиция подготовила погром, были разосланы агенты для возбуждения толпы и даже, якобы, было организовано самое начало погрома. Как, например, у «Скорохода», в подтверждение этого указывается на один факт, когда в один из магазинов т-ва «Скороход» явилось трое неизвестных и потребовали документы и удаления двух заведующих немцев, но когда оказалось, что документы в порядке и что немцы еще раньше сменены, то пришедшие звонили в 5-е сыскное отделение, докладывая, что все в порядке, после чего отвели толпу и сами ушли.

«Полиция делала указания, где живут немцы, и останавливала разгром там, где хотела.

«Достаточно было небольшого вмешательства и сопротивления погрому, и его не было бы.

«Разгул толпы дошел до края, и не стали разбирать русского от немца; громились магазины с просто «подозрительно» иностранной фамилией. Так были разгромлены Эрманс и др.

«На Никольской, недалеко от склада Циндель, выделялась группа, где горячо ораторствовал загорелый, здоровый рабочий.

«Он резко отзывался о погроме, обвинял во всем полицию и буржуазию и вообще указывал, что, «если и действовать так, не немцев избивать, а вообще все перевернуть». Уходя, он назвался ленским рабочим и на ходу продолжал негодовать. Один студент обратился к нему и сказал: «встречаю за все время погрома одного, который действительно правильно на все смотрит».

«Вечером, часов в 10, большая толпа собралась на Страстной площади. Встретились 2 манифестации. Около флагов произносились речи об избиении немцев, и, между прочим, один из ораторов призывал громить магазины Зингера, так как агенты его раскиданы по всей России. Они снабжают немцев всеми сведениями и планами. Толпа направилась на Тверскую к магазину Зингера, но не громила, так как в окнах были бюсты государя и государыни. В 1—2 часа ночи у Петровских ворот собралась возбужденная толпа и говорила о столкновениях с полицией. С Петровки толпу теснили и гнали к бульварам. Резко выделялись отдельные протесты, угрозы по адресу полиции.

«Тут один прилично одетый молодой человек горячо говорил о несправедливости полиции, которая гонит русских людей, толкает, а немцев оберегает.

«Вообще ночью заметна была перемена настроения, ставшего враждебным в отношении полиции, был замечен ряд мелких столкновений, которые на другой день пришлось ликвидировать уже более крупными мерами.

«В перемене настроения от немцев к возбуждению вообще надо отметить такие моменты и слухи. В Газетном 29, в 11 ч.

дня, стоял рабочий, у которого был разбит глаз. Он упал, сшибленный полицейскими. Его окружили. Все негодовали, старались разыскать полицейского. Рабочему советовали итти к толпе, которая в это время бушевала на Тверской, чтобы итти «колотить полицию». «Ребята, запасайся камнями, не дадим себя дуть».

«Патрули оружейных магазинов также послужили указанием, что, очевидно, боятся, как бы и за них не принялись, и стали охранять оружие.

«Это ничего, что с немцев начали, доберутся и до всех, кому следует «накласть». «С этого же и раньше начиналось»— слышались возгласы [1]).»

Вскоре по поводу событий высказались и организованные рабочие. В городскую думу на имя городского головы была представлена следующая резолюция рабочих:

«Г-ну ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ.

«Резолюция рабочих.

«Принимая во внимание указание официальных сообщений, что в погромах принимали участие рабочие, мы с своей стороны заявляем, что никакого участия, ни активного, ни пассивного, мы не принимали, а указываем, что главными участниками погрома были те, кто не хочет защищать родину и не умеет править страной...

«Мы знаем, что погром был вызван для того, чтобы отвлечь внимание русского народа от тех поражений, которые несет русская армия на фронте, благодаря тому, что сплошь и рядом наши военные авторитеты продают или торгуют народной кровью, на что указывают многие факты.

«При этом истинно варварский факт явился результатом той пропаганды, которая велась нашими официальными патриотами при помощи всей русской печати, не исключая либеральной, приложившими все усилия к тому, чтобы вылить в более дикие формы народное зло, которое накопилось в течение 10 месяцев происходящей кровавой бойни, устроенной ради интересов капитала, и указывавших, что виновником всех бед, которые сейчас мы испытываем на собственной шкуре, как-то, например: дороговизна жизни, безработица и пр. прелести русской жизни, является «немецкое засилье». При этом указываем, что погром был устроен в интересах борьбы русских промышленников с сильным конкурентом, каким является немецкий капитал.

«Мы с своей стороны всеми силами будем протестовать против таких фактов, а также и против той незаслуженной

---

[1]) См. „Агент. Зап.“—„Михайлов“, № 67, 2/VI 1915 г.

клеветы, которая кладется на нас нашими старательными якобы спасителями отечества, и требуем опровергнуть официально, что не рабочие участвовали в погроме, а подонки общества и студенты-академисты, чиновники—вот эта тепленькая компания и работала под наблюдением чинов полиции.

«Рабочий класс никогда не боролся таким способом за лучшие условия существования. Укажем хотя бы на революционные дни 1905 года, когда рабочий класс не запятнал себя ни одним таким варварским фактом, который был совершен в такой критический момент для родины.

«Поэтому мы, рабочие, слагаем с себя всю ответственность за совершенный факт и опять-таки указываем, что виновников погрома нужно искать не в душных корпусах фабрик и заводов, среди мозолистых рук измученных пролетариев, которые никогда не способны на такие грязные дела, а нужно искать в кабинетах наших сановников, стоящих у кормила власти.

«Поэтому мы заявляем, что никакие расследования и комиссии ничего не помогут, что до тех пор, пока не будет страна управляться самим народом, пока не будет налицо гарантий политической свободы, как-то: свобода собраний, союзов, печати и т. п.; что до тех пор, пока не будут разбиты эти ржавые цепи, в которые закован русский измученный и голодный народ, русское правительство будет увлекать народ на разные авантюры и сеять между национальностями вражду, как-то: еврейские погромы, а теперь немецкие, для того, чтобы отвлечь внимание русского народа от его насущных задач, очередных лозунгов, выставленных в революционные дни 1905 года и поддержанных в последние дни широким рабочим движением».

По сведениям провокатора Поскребухина [1]), присяжным поверенным Никитиным было составлено заявление, переданное им портному Афанасьеву (приехавшему из Харькова), который должен был собирать подписи рабочих, а затем передать его в Городскую Думу.

Текст этого заявления был следующий:

«В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ.

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем самый решительный протест против погромов, убийств, насилий, грабежей и пожаров, которые пережила Москва 27—29 мая. Мы решительно протестуем против стремления возложить ответственность за все это на трудящиеся классы Москвы. Погром вызван теми промышленниками, которые под шум войны хотят вытеснить конкурентов и захватить в свои руки всю русскую промышленность и обложить потребителя огромными налогами в свою пользу, погром вызван продажной прессой, безнаказанно травившей без-

---

[1]) „Ар. Зап."—„Евгений", 3 июля 1915 г., № 88.

защитных и разжигающей темные инстинкты масс. Погром вызван всеми теми, кто легкой победой над беззащитными хочет прикрыть свою неспособность вести борьбу с немецкой армией и разумно управлять страной.

«Несовместимо с достоинством трудящихся, создающих ценности всего мира, разрушать произведения рук своих, осквернять себя кровью и награбленным имуществом и лишать заработка своих товарищей. И если под влиянием разнузданной черни и под влиянием попустительства сверху часть трудящихся вмешалась в позорное дело погрома, то в этом повинно отсутствие рабочих организаций, отсутствие рабочей прессы и невозможность устраивать собрания. Несомненно, что и дальше темные силы будут делать свое темное дело. Борьба с ними возможна только при свободе организаций, собраний и печати.

«Мы требуем этого и предлагаем Думе заявить это требование от имени всего населения города Москвы. Мы требуем беспристрастного и гласного расследования событий 27—29 мая и ответственности истинных виновников и попустителей погрома.

«Мы требуем немедленного оказания помощи всем рабочим и служащим, оставшимся без работы вследствие разгрома фабрик, магазинов и контор».

Правление О-ва взаимопомощи торговых служащих вынесло следующую резолюцию:

«Правление О-ва взаимопомощи торговых служащих, обсудив события, происходившие в Москве 28—29 мая, высказывает свое глубокое убеждение в том, что разгром предприятий, принадлежащих иностранным подданным, организован тою же опытной рукой и протекал при многих сходных условиях с погромами 1905—1906 г.г., что данные проявления общественного одичания систематически подготовлялись уличной прессой и при отсутствии в силу условий времени независимой рабочей прессы не встретили себе должного противодействия, что погром этот имел своей единственной целью разжигание шовинизма в несознательных массах за счет отдельных личностей; что, в конечном счете, погром всей своей тяжестью обрушился не на тех, кому был предназначен удар, а на те тысячи работников, которые отдавали свой труд ныне разгромленным предприятиям.

«Так как О-во взаимопомощи торговых служащих является представителем пострадавших торгово-промышленных служащих, то правление считает необходимым немедленную организацию помощи со стороны Московского Городского Общественного Управления оставшимся без заработка служащим и рабочим. При этом правление полагает, что как выяснение размеров нужды, так и оказание самой помощи правильно может быть организовано только при активном участии профессиональных рабочих организаций» [1]).

---

1) См. „А. З.“—„Евгений“, № 88—91, 1915 года.

По сведениям того же Поскребухина [1]), социал-демократической группой портных, при ближайшем участии секретаря профессионального общества рабочих и работниц портновского производства Ивана Токарева, приготовлена к выпуску от имени «группы с.-д.» о происшедших в Москве 28—29 мая событиях следующая листовка:

«Товарищи!

«Кошмарные погромы, сорганизованные и руководимые черной сотней, провокаторски покровительствуемые полицией, забросали отвратительной грязью погромщиков русских рабочих и их освободительное движение.

«Ужасы, которые несет с собой война, это поистине чудовищное истребление трудящихся масс всех без исключения воюющих стран, стали с неумолимой остротой подтачивать народные массы.

«Правительствам, а с ними и буржуазии, выгодно было потопить в потоках крови народ, стремящийся освободиться из-под царской нагайки, сделать, перебив его, послушным, чтобы потом долгие годы безбоязненно восседать на тронах, поставленных на плечах опекаемого народа, и безудержно угнетать его. Алчной буржуазии нужна была непомерная нажива, нужны были новые рынки, где бы они могли эксплоатировать побежденных, опираясь на законы бюрократического правительства. Кроме того, буржуазии необходимо было уничтожить мощное рабочее движение, которое вот-вот, не сегодня, так завтра, сбросит с себя иго алчной эксплоатации капиталистов.

«И правительство и капиталисты с ужасом озирались на революцию, которая становилась неизбежной. Они с жуткостью ожидали того времени, когда помазанники бога, а с ними и прибыль капиталистов, полетят с треском в пропасть. Удержаться собственными силами нет возможности. Война стала неизбежна. Они собственными руками изготовили плахи для своих врагов—народа.

«Но чтобы смысл войны не стал известен народу, на шкурах которого она ляжет, правительство и буржуазия пустили в ход свои усилия, всю свою власть. Они прикинулись казанскими сиротами, пустили утки, что на них нападают враги, горячо призывают народ к борьбе с врагом и т. д. Между тем, сами они не идут. Они участвуют в этой войне так, что несут на лазареты из награбленных миллионов сторублевки. А правительство щедрою рукою сыплет на войну выколоченные кулаками и нагайками из русских мужиков последние их гроши.

«Но война несет голод, холод семьям призванных на борьбу, и правительство с капиталистами нашли выход.

---

[1]) По сведениям Поскребухина—„Евгений"—авторами этой резолюции являются служащие аптекарского склада на Таганке, Шмарин и Кудрявцев; см. его записку от 12 июня 1915 г. за № 91.

„Мы, чуткие и интеллигентные наблюдатели, ясно видим, что мы ходим на вулкане, что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка чтобы все пришло в колебание и смятение". (Из речи П. Н. Милюкова).

«Правительством выдаются пайки, раздаются казенные работы—острота надвигающегося голода исчезает.

«Все становится тихо, хорошо... Но неудача на войне подымает успокоенную принятыми мерами совесть правительства, этого скопища воров и грабителей. Буржуазия, которая видит, как на их глазах без их посредства зарабатывают семьи казенной работой деньги. Им стало жаль, они запустили свои лапы: захватили все работы в свои мастерские, понизили расценок до минимума и т. д., чтобы таким образом захватить прибыль в свои руки и лишить многих работы и хлеба... Голод и бунт ждут. Этим положением они воспользовались с выгодой для себя: всю вину свалить на немцев. Они виновники ваших бедствий, они отняли у вас работу и т. д. Бейте их, а не нас. Оборванцы Хитрова рынка, согнанные полицией, которым все равно что делать, возбужденные бабы, а за ними и мужья их—рабочие, на потеху русских купцов стали громить.

«И в этих погромах было попрано рабочее знамя, было забыто братство трудящихся.

«Товарищи, мы призываем вас к братству всех трудящихся.

«Мы призываем вас на борьбу с нашими заклятыми врагами—правительством и капиталистами.

«Группа с.-д. Москва, 3 июня».

Изложив в своих донесениях все подробности о событиях 28—29 мая, начальник московского охранного отделения полковник Мартынов в своем докладе по общественному движению от 6 июня 1915 года передает оценку событий с точки зрения их значения и возможности по ним предугадать ход течения внутренней жизни России. Отмечая тревожные факты, он в то же время радостно отмечает, что без организаторов, без вождей массы бессильны пойти дальше простого разрушения. На другой день они сами пойдут и отдадутся в руки своих врагов. В виду особенного интереса этого места доклада, мы его ниже и воспроизводим:

«Учитывая происшедшие события с точки зрения их значения сейчас и возможности по ним предугадать ход течения внутренней жизни России в будущем, в случае если интересы общества и цели правительства столкнутся во взаимном конфликте, политическая мысль московских общественных кружков приходит к следующим соображениям и выводам:

«Последние события на войне настолько неблагоприятны для нас, что не находят возможным что-либо сообщать после Перемышля. Между тем для всех ясно, что у нас громадные потери, отход от всех позиций, к которым шли с таким упорством все это время. Возможно, что Львов взят, как ряд и других мест. Настроение под влиянием слухов с войны безусловно

у всех приподнятое до крайности. Достаточно небольшого повода, чтобы оно вылилось в самых резких формах и беспорядках, и безусловно также, что первым виновником было бы поставлено правительство, его представителям первым и досталось бы. Все это правительством прекрасно учтено и единственным, хотя бы временным клапаном ослабления напряженности, куда все это недовольство могло быть выпущено, и послужили немцы. Почва, как нельзя более благодатная и могущая принести пользу. Разгром немцев не только даст возможность вылиться наружу накипевшему настроению и злобе, но и отвлечет массы от настоящих виновников всех бедствий войны и создаст настроение обратное, когда масса почувствует свою виновность. Отдельные моменты разгрома и убийств встанут перед глазами единиц и вызовут угнетенность и раскаяние, которые выльются или в предательство, или в упорное углубление в работу. Вообще возможна реакция настроения как раз в том направлении, какое нужно правительству, настроения при котором не только не будет желания на новые выступления, но и не будет желания сопротивляться, когда будут душить и за то, что позволялось сначала, т.-е. расправа за погром. Все учитывалось соответствующими кругами и на это рассчитывалось, и очень во многом это оправдалось. Но считается, что совершенно было упущено из виду 2 момента в жизни масс: это, что настроение может внезапно меняться и перебрасываться с такой же силой на другого врага, который внезапно делается открытым, и что такие выступления хотя и создают угнетенное состояние, но это состояние лишь временное; за ним следует сознательное отношение, карты раскрываются, обнаруживается истинная подоплека происшедшего, и вся ненависть и злоба обрушиваются уже сознательно на тех, кто ввел в заблуждение и заставил все пережить. Таким образом, такой взрыв может оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва.

«Другое обвинение правительства сводится к тому, что представителям власти желательно было ввести не только фактически, как теперь, военное положение в Москве, но и юридически. Для этого нужен был серьезный повод; лучшего по теперешним временам повода, как только что происшедшее, подыскать трудно.

«Подводя итоги не только этим данным, а также припоминая все происшедшее, приходится сделать такой вывод, высказанный старыми политическими работниками и просто людьми, присматривающимися к жизни, просто прогрессивными:

«1) Массы были введены в заблуждение правительством, отвлекшим их затаенное недовольство в сторону немцев.

«2) Массы проявили зверские инстинкты, за которыми неизбежно должно явиться раскаяние и угнетение.

«3) В дальнейшем все-таки виновные будут найдены, сами события выведут их наружу, и гнев толпы обратится на них.

«4) Толпа проявила только дух разрушения и обнаружила полную свою несостоятельность при созидании.

«5) В массах совершенно отсутствовал дух организации, и буйство было ураганно, но бесцельно.

«6) Не имея перед собой цели, толпа труслива и неспособна на сопротивление.

«7) Столкновения с полицией могут быть названы самыми обыкновенными столкновениями.

«8) Ждать перехода на сознательные выступления масс приходится только в том случае, если какие-либо неожиданно развернувшиеся события толкнут их на это.

«9) В действительном достижении каких-либо результатов необходимо, чтобы войска были согласны или инертны к действиям масс.

«10) Без организованности, без вождей массы бессильны пойти дальше простого разрушения. На другой же день они сами пойдут и отдадутся в руки своих врагов.

«11) После войны безусловно жизнь поставит все вопросы и потребует их коренного разрешения.

«12) Неудачи на войне ускорят ход событий и выдвинут в жизнь такие силы, о которых сейчас трудно предполагать. Совершающиеся события имеют большую важность и трудно сказать, какие формы они примут»[1]).

Московские беспорядки нашли отклик в стенах Государственной Думы. Член Г. Д. М. М. Новиков в заседании 18 августа 1915 г., выступая в защиту внесенного запроса, сказал:

«Гг. члены Государственной Думы! В переживаемое нами тревожное и трудное время, когда наши надежды возлагаются на единение внутренних сил страны, в это время одна из первейших обязанностей правительства должна бы, казалось, заключаться в том, чтобы самыми энергичными мерами предотвращать всякое проявление непонимания или враждебного отношения между различными слоями населения. Между тем, гг., события в Москве 27—29 мая с очевидностью показали, что столичная правительственная власть не только не предупредила известного ей заблаговременного погрома, но бездействовала во время этого погрома и в значительной части даже содействовала или, по крайней мере, попустительствовала ему. Производимая сейчас в Москве сенатором Крашенинниковым ревизия вскроет, конечно, многие детали этого печального, опозорившего столицу, события, но и в настоящее время мы располагаем уже значительным количеством данных, свидетельствующих о том, что полиция была виновата во всем происшедшем в Москве. Уже одно то обстоятельство, что московский градоначальник через несколько дней после погрома должен был сложить свою должность, является достаточным

[1]) См. приложение V.

показателем этой виновности московской полиции. Позвольте, гг., мне задержать вас только очень немногими примерами из числа тех, которые были собраны в качестве свидетельских показаний лиц, заслуживающих полного доверия,—примерами того, насколько московская полиция была участницей происходивших в Москве беспорядков. Вот приват-доцент московского университета М. удостоверяет, между прочим, в своем заявлении на имя московского городского головы, что о происходящих погромах задолго было известно в кругах, близких к столичной администрации; об этом чиновник московского губернатора еще 12 мая ему сообщил, как он выражается, «с глубокой тревогой и возмущением». Затем один из присяжных поверенных сообщает городскому голове, что когда в первый раз толпа громил подошла к магазину Эрманса, у Мясницких ворот, и один из несших флаг разбил у магазина стекло, то присутствовавший в толпе полицейский чин, взглянув на бумажку, находившуюся у него в руках, замахал руками и крикнул: «этого нельзя, за это нам достанется», и магазин Эрманса в это время громить не стали. Один из видных гласных московской городской думы, лидер правого крыла думы, сообщает, между прочим, что разгром производился по заранее составленным спискам, в которые были внесены квартиры и торговые фирмы, при чем разгромом руководили лица, разъезжавшие даже на автомобиле, а один из членов московской городской управы удостоверяет, что при разгроме магазинов от начала до конца присутствовали чины московской полиции, не принимавшие безусловно никакого участия в предупреждении и пресечении беспорядков, несмотря на очевидную возможность вмешательства. Другой гласный московской городской думы указывает, что при разгроме фабрики Зибрехта присутствовала местная полицейская власть, и, по приказанию старшего, после двухчасового неистовства погром был прекращен в течение нескольких минут. Чтобы охарактеризовать, насколько легко можно было прекратить беспорядки, этот самый гласный указывает, что в доме Кнопа в грабеже участвовало только шесть человек. Далее этот гласный сообщает характерный инцидент. По свидетельству гр. Коковцова, с которым гласному пришлось разговаривать, с графа была во время беспорядков сбита шапка. Блюститель порядка, полицейский, к которому граф обратился за защитою, дал ему совет в будущем в подобных случаях подчиняться требованию толпы. То же самое свидетельствуют многие другие лица. Один из старейших мировых судей в Москве видел, как по площади проехал отряд человек в 20 городовых под командой унтерофицера; ехали они шагом и совершенно хладнокровно смотрели на бесчинства громил и грабителей, уносивших с площади имущество. «Такое глубоко возмутительное отношение полицейских чинов,—пишет мировой судья,—такое невиданное мною до сих пор попустительство с их стороны производило глубоко отвра-

тительное, волнующее впечатление. Невольно являлась мысль, что этот погром и грабеж был сознательно допущен московскими полицейскими властями». А вот еще один, последний по этому поводу, голос, который я хочу привести, голос московского купца, говорящего не только от себя, но и от имени всех торговцев, занимающих помещение в одном с ним торговом дворе. Этот купец говорит следующее: «По нашему глубокому убеждению (я подразумеваю всех торговцев нашего двора), все беспорядки прекратились бы, если бы два—три человека из полицейских обратились к толпе с резким требованием прекращения беспорядков, и тогда, без всякого сомнения, не было бы таких ужасных последствий, как разграбление и пожары коренных русских фирм». Дальше, гг., я не стану вас задерживать приведением подобных же примеров, которые в моем распоряжении имеются в неограниченном количестве и которые все единогласно свидетельствуют, как я уже сказал, о виновности московской полиции. Я перейду теперь, в дополнение того, что сказано в нашем заявлении, к характеристике пострадавших от погрома. В заявлении нашем сказано, что из 692 пострадавших только 113 германских и австрийских подданных, а из 38.000.000 пока зарегистрированных убытков (в настоящее время их зарегистрировано уже 43.000.000) только 6.000.000 приходится на долю подданных воюющих с нами стран. В самом деле, если вы просмотрите список наиболее крупно пострадавших фирм, вы увидите, что в этом списке редко встречаются указания: германский или английский подданный, при чем большинство последних указаний относится к лицам славянского происхождения, главным образом, к чехам. Но зато список все время пестрит такими именами и фирмами, как Долгополов, товарищество Алексеевых, гр. Шереметев, Московское городское кредитное общество и т. д. и т. д.,— лицами и фирмами, пострадавшими на несколько сот тысяч рублей. Всех пострадавших от беспорядков можно, в сущности говоря, распределить на две категории. Во-первых, это крупные фирмы, которые потеряли, правда, очень много, но которые все-таки при известной поддержке могут восстановить свою прежнюю деятельность, и, во-вторых, лица и торговцы бедные, которые во время беспорядков потеряли все свое имущество и находятся в безвыходном положении. Среди заявлений об убытках, которые были поданы московскому городскому голове, встречаются, например, такие, как о разгроме квартиры артистки императорских театров Л. М. Востоковой, которая потеряла все свое имущество и осталась буквально на улице, пострадало несколько учительниц московских городских школ, учительниц с русскими фамилиями, пострадало много торговых заведений, владельцы которых находятся в действующей армии, и т. д. «Несмотря на пред'явление мною торговых документов,— пишет представитель одной маленькой торговой фирмы,— и

заявление о том, что мой родной брат находится офицером в действующей армии на войне, грабители не пощадили ничего и уничтожили все, не исключая даже икон». «В одну ночь,—говорит содержательница модной мастерской Сазонова,—я очутилась в положении человека, у которого нет ни крова, ни пищи, и я не имею возможности опять начать свое дело без поддержки». «Все добытое долголетним неустанным трудом имущество,—пишет третий заявитель,—погибло, и в настоящее время мы—беспомощные нищие, сразу лишившиеся всего. Умоляем вас вступиться за нас и избавить нас от позора нищеты, которая на нас обрушилась так незаслуженно и неожиданно». А в одной издательской фирме, гг., как сообщает содержатель этой фирмы, толпа уничтожила огромное количество уже изданных таблиц, картин и книг, погибло около 20 серий новых учебных пособий, находившихся уже в работе и наполовину награвированных на цинке и камне, мало того, до 200 оригиналов картин, писанных маслом и акварелью, заготовленных для репродукции, изорваны толпою и не поддаются никакой реставрации. Погибли тысячи негативов, клише, множество рукописей известных педагогов, предназначенных для издания. Среди негативов было немало уников. «Я,—пишет издатель,—собирал их всюду, где сохранились остатки русской художественной старины; в Россию, Польшу и Галицию ездили фотографы специалисты по русскому искусству и делали снимки для моих изданий. Потеря этих снимков совершенно невознаградима». Этот состав жертв, гг., ясно говорит о том, что погром, который начался в качестве как бы анти-германского, затем скоро перешел в погром, направленный, главным образом, против русских. Таково, гг., печальное положение пострадавших, которое жестоко усугубляется полнейшей неизвестностью относительно того, могут ли они рассчитывать на какое-либо вознаграждение или возмещение своих потерь. Страховые общества отказываются или, по крайней мере, воздерживаются платить убытки, да и убытки, которые произошли от пожаров, достигают очень маленькой цифры по сравнению со всеми громадными убытками от погромов и разграблений. Что касается до гражданской ответственности правительственных агентов, то даже в том случае, если бы сенаторской ревизией или каким-нибудь другим путем была установлена виновность этих агентов, и к ним были бы пред'явлены гражданские иски, пострадавшие навряд ли могли бы рассчитывать на какое-либо серьезное возмещение из этого источника, потому что таких громадных убытков частные лица возместить не в состоянии. А между тем, гг., в московских торгово-промышленных кругах циркулируют упорные слухи, во-первых, о том, что немецкие подданные, пострадавшие от погрома, при посредстве американского консула рассчитывают получить от германского правительства возмещение своих убытков, а во-вторых, что подданные нейтральных и союзных

с нами держав через посредство своих консулов хлопочут перед русским правительством о возмещении их потерь. И только одни русские подданные, значит, остаются в полнейшей неизвестности относительно того, кто и как придет к ним на помощь в постигшем их большом горе. Все это вместе взятое, гг., усугубляет душевную горечь невинно пострадавших людей, а, кроме того, создавая беспокойство и неустойчивость, несомненно, вредно отражается и на московской торговле и промышленности. С другой стороны, я не могу не отметить перед вами, что идея защиты или возмещения убытков московским жертвам со стороны государства не представляется отнюдь идеей абсурдной. Напротив, она имеет за собою весьма серьезные основания. Ведь, даже в случаях стихийных бедствий государства нередко приходят на помощь своим отдельным гражданам. В Государственной Думе, в ее финансовой комиссии, только на-днях была признана заявленная 215 членами Государственной Думы желательность вознаграждения за убытки, причиненные войной. И такая желательность была признана финансовой комиссией, несмотря на то, что в комиссии заявили, что убытки могут простираться до суммы нескольких миллиардов рублей. Тем более, казалось бы, гг., что государство должно притти на помощь тем лицам, которые в связи с обстоятельствами военного времени потерпели ущерб и разорились по вине его собственных полицейских агентов. На основании всех этих данных мы и просим Государственную Думу предложить правительству вопрос о том, предполагает ли оно принять какие-либо меры к возмещению потерь пострадавших от погрома лиц. Воздерживаясь от каких-либо требований в этом отношении и предлагая только вопрос, я не могу в заключение не высказать того положения, что подобного рода возмещение или воспособление за убытки, отвечая, с одной стороны, чувству справедливости и сострадания к невинным жертвам буйной толпы, с другой стороны, явилось бы для правительства и некоторым побуждением к тому, чтобы на будущее время принимать энергичные меры к предотвращению и прекращению погромов, ложившихся темным пятном на тот блестящий ореол благородного геройства, которым окружена наша родина на поле брани, и который ставит ее на один уровень с самыми культурными государствами Европы». (Рукоплескания слева).

Немецкий погром нисколько не разжижил атмосферы общественного недовольства правительством. Испытанное средство находить козла отпущения всех бед на этот раз оказалось неудачным. Погром в последние дни, как видим, начал переходить в нападения на полицию и других агентов правительства. Кроме того, после первого отрезвления от общего погромного угара, каждый из его участников, поняв всю мерзость и глупость своих действий, еще больше озлоблялся на подстрекателей и провокаторов погрома.

Думали, что наивысшее проявление шовинизма, вылившееся в безобразнейший немецкий погром, в своем бурном порыве человеконенавистничества затопит и изничтожит всякую оппозиционность и революционность нарастающих общественных настроений. Но все эти ожидания остались тщетными. Они не заметили того, что многие шли на погром, между прочим, и потому, что думали, что, громя немцев, они громят и царское правительство, их поддерживающее. Этот элемент, поняв ту глупую роль, какую ему пришлось разыграть в событиях 28—29 мая, озлобился еще больше на правительство. Атмосферу общественного недовольства погром не только не разжижил, но, наоборот, еще больше ее усилил. Такой дальновидный политик, как лидер партии кадетов П. Н. Милюков, все это прекрасно понимал и в своем докладе на партийной конференции (6—8 июня ПТБ) твердил: «Не поддерживать сейчас правительство—это значило бы шутить с огнем». «Мы, чуткие и интеллигентные наблюдатели, ясно видим, что мы ходим на вулкане, что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Пусть скажут делегаты с мест, чего можно ждать на почве одной только дороговизны жизни. Здесь напряжение достигло последнего предела, здесь все в том состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни вас бог увидеть этот пожар. Это не была бы революция (революция в белых перчатках, желанная кадетам. И. М.), это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, который приводил в трепет еще Пушкина».

«Какова бы ни была власть,—резюмировал свою мысль Милюков,—худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо»... [1]).

Выступавшие после Милюкова делегаты с мест вполне подтвердили, что настроение на местах таково, что «всего можно ожидать». И это верно. К концу первого года войны продовольственный кризис, дороговизна и низкая заработная плата сделали положение рабочего весьма критическим. Атмосфера недовольства и отчаяния все шире захватывала бедноту города. Отчаивающиеся полуголодные жены солдат, призванных в армию, беженцы с захваченных неприятелем местностей и плохо оплачиваемые рабочие громили базары, изливая свой гнев на торговцев, спекулянтов и немцев. Кто мог поручиться в том, что в тот или другой день этот гнев не обрушится на действительного виновника всех его бед и на первопричину его страданий—войну. Это можно было ожидать, и этого ожидали. Одни—с трепетом милюковского ужаса, а другие—с боязнью за неподготовленность пролетариата, но и не без надежд.

---

[1]) См. приложение. Доклад о конференции партии ка-де 6/VI 1915 г.

ГЛАВА XIV.

Дороговизна и рабочие. Спекуляция.—Недоедание и заболевания рабочих.—Заявление Симоновской больничной кассы.—Мысль о созыве совещания по борьбе с дороговизной.—Подготовка созыва совещания по данным охранки.—Борьба двух точек зрения в рабочей делегации.—Победа большевиков.—Отношение ка-де к приглашению рабочих на совещание от 10 июля 1915 года.

С начала войны во всех воюющих странах и в особенности в России страшно возросла дороговизна жизни. Цены на предметы первой необходимости поднялись в полтора, в два и в три раза. Особенно возросло в цене продовольствие, отчего больше всех страдали рабочие городов, семьи призванных в армию и беженцы из оккупированных неприятелем местностей. «Семьи призванных на войну,—читаем мы в одной уже нами цитированной листовке [1]),—с ужасом думают о завтрашнем дне. На что купить вздорожавшую муку, хлеб, мясо, дрова, чем заплатить за квартиру? Высокие цены, новые налоги и акцизы,—все вместе делает совершенно невозможным положение трудящихся классов». «И вот, в то время,—писала в своей листовке пресненская группа [2]),—как миллионы русских бесправных крестьян и рабочих были брошены на поле брани под огненный вихрь всесокрушающей германской артиллерии, под свинцовый дождь пулеметов, здесь на оставшихся в тылу русских обывателей обрушились вооруженные беспощадным капиталом, волчьей жадностью купцы и фабриканты. На другой же день после об'явления войны они открыли действия своего пламенного патриотизма повышением цен на необходимые предметы. Такой патриотизм, такая любовь к родине действительно тронули сердца народа и вызвали не одну слезу из глаз бедных людей, оставшихся из-за войны без кормильцев. Тогда, чтобы успокоить и окончательно облагодетельствовать сильно взволнованных торгашеским патриотизмом, правительство узаконило грабительские цены, издав таксу, которую, по желанию купцов, меняют почти каждый день, внося новые повышения цен. Вследствие такого законного бронирования стоимости предметов потребления, цены на хлеб, мясо, дрова, одежду, обувь и пр.

---

[1]) См. стр. 225.
[2]) См. „Накануне Вел. Революции", стр. 95—96.

необходимые предметы настолько оказались укрепленными, что для трудящихся масс их можно считать почти неприступными...

«Мы оказались как бы в осажденном городе, при чем осаждающие—не кто иные, как почтенные граждане-купчики и все прочие капиталисты, наши соотечественники».

Как вели эту осаду наши почтенные соотечественники, можно судить хотя бы по так называемому сахарному кризису.

Покупателю, заходившему в лавку, часто отпускалось только по 1 ф. и даже, как это было в Киеве (в центре сахарных заводов), по $^1/_2$ ф. и $^1/_4$ («Р. В.» [1]), № 115). Но и эти $^1/_4$ ф. отпускали по невероятно дорогой цене. Во многих магазинах сахара не было совсем. Отсутствие сахара и страшное повышение цен на него вызвало вполне понятную тревогу. Некоторые города обратились в министерство промышленности с просьбой установить предельные цены на сахар («Р. В.», № 117). К министру финансов стали поступать заявления о необходимости немедленного выпуска всего неприкосновенного запаса сахара («Р. В.», № 119) и т. д. Однако даже одно более внимательное рассмотрение газетных сообщений о «сахарном кризисе» обнаруживало целый ряд фактов, которые заставляли усомниться в том, действительно ли сахара нет.

Вот эти факты: по официальным данным к 1 апреля с. г. количество производства сахара превысило размеры назначенного утвержденным 6-го июля 1914 года положением совета министров для этого периода из общего нормального производства («Р. В.,» № 114). Особое совещание по пересмотру тарифа, по перевозке сахара и сахарного песку отменило пониженный тариф на вывоз сахара за границу («Р. В.», № 115). Дальше отменены, по представлению министра финансов, существующие льготы на вывоз сахара в Финляндию («Р. В.», № 117).

Сахар есть. Куда же девался сахар?

По сообщению «Р. Ведом.» (из Киева) «на станциях Юго-Западн. желдорог обнаружено свыше $3^1/_2$ миллионов пудов залежей неотправленного сахара». При этом корреспондент «Р. В.» сообщает, что «обнаружение таких огромных залежей в связи с острым недостатком сахара вызвало всеобщее изумление» («Р. В.», № 116).

В Киеве же реквизиция рафинада на заводах обнаруживает, что заводчики припрятали огромные запасы с целью выждать дальнейшее повышение цен («Р. В.», № 119).

Далее... В телеграмме ПТА из Минска (губерн.) от 19 июня сообщается, что при осмотре властями обнаружены в нескольких оптовых складах скрываемые огромные запасы сахара («Р. В.», № 141).

---

[1]) „Р. В."—„Русские Ведомости"

Приведенные факты бесспорно доказывают, что хищники капитала прятали сахар для того, чтобы поднять на него цену и продать его с большим барышем.

Но такая история была не с одним только сахаром. Спекулировали всем, на чем только можно было спекулировать. Но этого им было еще мало. Они начали примешивать в продукты вредные для организма вещества.

Пользуясь растущей с каждым днем дороговизной и постоянной недохваткой в бюджете рабочего, торговцы всех рангов в погоне за наживой сбывали на окраинах, в рабочих кварталах, всякую заваль и гниль, тухлое замороженное мясо, вместо масла маргарин и хлопковое масло, подмешивали во все продукты вещества, отравляющие организм потребителю.

По сведениям городской столичной лаборатории, почти 50% всех продуктов поступало в продажу в поддельном виде, с разными примесями, зачастую ядовитыми, и, конечно, большая часть этой отравы выпала на долю рабочих, покупавших товары в мелких лавченках, куда совершенно не заглядывал санитарный надзор...

К прежним массовым отравлениям на фабриках удушливыми газами или бензином прибавился еще новый вид отравления недоброкачественными продуктами.

Насколько это широко было, можно судить хотя бы по тому факту, попавшему в московскую печать, что в Старо-Екатерининскую больницу в один только день обратилось больше 150 больных, преимущественно рабочих с острыми признаками отравления, происшедшего, по отзывам врачей, вследствие фальсификации продуктов и примеси в них каких-то вредных для организма веществ.

Такое отношение торговцев к здоровью и жизни рабочих не нашло отпора со стороны отцов города.

«Городские самоуправления почти целиком находятся в руках тех элементов, которые повинны в создании условий дороговизны и спекуляции», заявляли рабочие в ряде принятых ими резолюций, а поэтому—«необходимо для борьбы с дороговизной и продажей недоброкачественных продуктов начать организацию городской демократии...»

Участники же Симоновской больничной кассы в поданном заявлении писали:

«Вследствие скверного питания, происходящего из-за дороговизны предметов первой необходимости, скученности квартир, длинного рабочего дня и сверхурочных работ замечается усиленная заболеваемость рабочих. Каждый день на приеме у доктора можно встретить по 50—60 человек. Десятки рабочих остаются по нескольку дней без всякой медицинской помощи, и болезни затягиваются, принимая хронический характер. Бывали случаи, когда, не дождавшись приема, приходилось отправлять больных прямо в больницу. 5-го октября на приеме

было около 60 человек повторных больных и столько же вновь поступивших. На просьбу больных, чтобы их приняли, доктор ответил, что он примет тех, у кого температура 40°. Отказ заводоуправления «Динамо» в подаче медицинской помощи членам семей рабочих в связи с организацией больничной кассы создал ужасные условия. Отсутствие врачей, фельдшеров и аптеки в районе Симоновской слободы ставит семьи членов в такие невыносимые условия, что из-за несвоевременной подачи медицинской помощи бывают смертные случаи. Мы можем указать десятки таких случаев, ярко показывающих, что это вопрос неотложный и должен получить немедленное разрешение, ибо наши семьи неповинны в уродливом законе страхования рабочих.

«Такое положение вынуждает нас сделать немедленное заявление заводоуправлению, чтобы оно приняло меры к устранению данного явления и к передаче больничной кассе организации медицинской помощи участникам кассы и членам их семейств за счет заводоуправления» [1]).

Как ни были глухи отцы городов к страданиям городской бедноты, все же им пришлось подумать о борьбе с дороговизной. В феврале месяце 1915 года второй с'езд представителей городов, по предложению Н. И. Астрова, дал главному и областным комитетам директиву «образовать совещание по экономическим вопросам с целью изыскания мер борьбы с растущей дороговизной продуктов первой необходимости». После произведенного анкетного обследования положения на местах главный комитет решил созвать общее совещание по борьбе с дороговизной из представителей городских управлений с участием представителей земств, кооперативов, рабочих организаций и научных обществ. Совещание это было первоначально назначено на 27—29 июня, но потом его перенесли на 11—13 июля.

«Инициатива поднятого гласным Астровым вопроса о приглашении на совещание рабочих принадлежит собственно не кадетам (писал в своей записке провок. Поскребухин), а социал-демократам меньшевикам, в лице, главным образом, присяжного поверенного Никитина, литераторов Петра Павлова Маслова и Сергея Николаевича Прокоповича, видимо, желающих привлечением рабочих к участию в совещании по вопросу о снабжении армии доказать лояльность последних и иметь впоследствии возможность пред'явить правительству известные требования о предоставлении рабочим организациям различных льгот.

«С этой целью меньшевики хотят провести исключительно «своих», и потому Никитин, например, против приглашения на с'езд рабочих от Урала, Кавказа, Донецкого и Северного районов, откуда могли бы, по его мнению, приехать делегаты, не стоящие на меньшевистской точке зрения.

---

[1]) См. „Вопр. Страх." № 7, 1915 года.

«Против приглашения на с'езд рабочих стоят главноуполномоченные: Союза Городов Челноков и Земского Союза князь Львов, которые, видимо, опасаются, что рабочие только затормозят продуктивность работ с'езда, заняв явно враждебную позицию.

«Также против приглашения представителей профессиональных союзов и известный кооператор, сын генерал-майора, Владимир Николаевич Зельгейм, мотивирующий это тем, будто профессиональные союзы не пользуются никакой популярностью в широких рабочих кругах.

«Это заявление Зельгейма крайне удивило рабочих, и, возможно, они потребуют от него об'яснений.

«Что касается социал-демократов большевиков, то у них в вопросе о принятии рабочими участия в работах с'езда произошел раскол.

«Так, например, один из лидеров большевиков, присяжный поверенный Яхонтов, в настоящее время определенно высказывается против участия рабочих в работах с'езда, другой же видный большевик Исаак Самуйлов Кизельштейн—за, но исключительно для использования с'езда в партийных целях.

«По его, Кизельштейна, мнению, разделяемому большинством местных профессиональных обществ, рабочим следует явиться на с'езд, но не для участия в работах, а для прочтения декларации об отношении к войне, в коей определенно указать, что рабочие безусловно против войны, выставив лозунги «война войне», и для того, чтобы громогласно заявить, что прежде, чем говорить о совместной работе с буржуазными обществами, какими являются Всероссийские Городской и Земский Союзы, необходимо сначала созвать всероссийский рабочий союз, который и обсудит вопрос о национальной самообороне.

«После же этого рабочие должны демонстративно уйти со с'езда.

«Таким образом, часть большевиков стоит только за устройство исключительно политического характера демонстрации.

«Какими именно мотивами руководствуется Яхонтов, высказавшийся против участия рабочих в с'езде, пока точно неизвестно.

«Насколько выяснилось, против участия в с'езде высказались большинство местных больничных касс и профессиональное общество рабочих и работниц портновского производства, но пока также неизвестно по каким именно мотивам» [1]).

6-го сего июля состоялось предварительное совещание представителей экономического отдела при главном комитете Союза Городов (Астров, Щепкин, Прокопович) с представителями

---

[1]) См. „Аген. Зап."—„Евгений", № 941 А от 27 июня 1915 г

17 московских профессиональных организаций и больничных касс, в числе коих были представители:

1) Профессионального союза металлистов,
2) Профессионального союза портных,
3) Торгово-промышленных служащих,
4) Общества взаимопомощи коммерческих служащих,
5) Профессионального союза серебренников,
6) Профессионального союза архитектурных работников,
7) Профессионального союза мраморщиков и фарфорщиков,
8) Профессионального союза поваров,
9) Профессионального союза официантов,
10) Профессионального союза деревообделочников,
11) Общества взаимопомощи купеческих приказчиков,
12) Больничной кассы служащих Мюр и Мерилиза,
13) 5-й больничной кассы типографских рабочих и еще 4 представителя других профессиональных обществ.

Совещание открылось речью Астрова, в коей он указал следующее [1]):

«Участие на с'езде примут представители местных комитетов Общегородского Союза; все представители Общегородского Союза из различных городов, которые откликнулись на анкету, предпринятую еще в мае сего года экономическим отделом Общегородского Союза по вопросу о с'езде; представители местных и Центрального военно-промышленного комитетов; экономическая группа при Чупровском обществе в полном составе (человек 30—Прокопович С. Н., Маслов П. П., Лосицкий А. Е., Кафенгауз Л. Б., Чаянов А. В., Сперанский С. В., Фомин А. А., Федотов А. А., Каценеленбаум З. С., Соколов А. А., Арцимович А. М., Поплавский И. А., Барыков С. И., приват-доцент Первушин С. А., Владимир Павлович Милютин (живет в Серпухове), Тюрин Сергей Петрович (с.-д. меньшевик), Богомазов М. И., служащий в губернской земской управе, Свавицкий Н. А., Кулыжный А. Е., Зельгейм В. Н., Громан В. Г., Череванин Ф. А., Потресов А. Н. (Старовер [2]) и др., затем централь-

---

[1]) См. „Аген. Зап—„Штурман" от 7 июля 1915 года № 104.

[2]) Маслов, Петр Павлов, казак Оренбургского войска, Троицко-Уисской станицы, литератор.

Лосицкий, Александр Емельянов, губернский секретарь.

Кафенгауз, Леон Борисов, окончивший курс Московского университета, мещ. гор. Подольска.

Чаянов, Александр Васильев, преподаватель Сельско-Хозяйственного института.

Сперанский, Сергей Васильев, потомственный гражданин.

Фомин, А. А.

Каценеленбаум, Захар Соломонов, помощник присяжного поверенного.

Арцимович, Андрей Михайлов, потомственный дворянин.

Поплавский, Иван Александров, дворянин—ревизор Северных жел. дор.

Барыков, Сергей Иванович, дворянин.

Первушин, Сергей Александрович, потомственный почетн. гражданин.

Богомазов, Михаил Иванов, мещ. гор. Суджи.

ные кооперативные организации, в том числе Московский союз потребительских обществ, товарищество кооперативов в Пермской губернии, таковой же Харьковской, а также и некоторых других губерний; в общем должны принять участие все центральные союзы кредитных и потребительских обществ в России; приглашены представительствовать на с'езде всего 50 организаций (по одному представителю) профессиональных союзов и больничных касс, в том числе от Москвы.

«По словам Астрова, предполагается не с'езд, а «совещание», которое имеет только консультативное значение и его решение необязательно. Совещание было задумано давно и ставит себе задачей выяснить условия наилучшей борьбы с дороговизной. На с'езде придется столковаться об условиях борьбы с дороговизной, при чем эти условия нельзя рассматривать изолированно вне общих текущих условий. На с'езде нельзя будет ставить вопроса о помощи армии и для этого придется устроить отдельный с'езд; теперь же в центре тяжести лежит разрешение экономических вопросов, при чем требуется не академическая, а практическая постановка вопросов; атмосфера с'езда должна быть деловая, уравновешенная; только так можно достичь победы и успеха; работы с'езда продолжатся три дня, с 11 по 13 июля, при чем сначала предстоит общее собрание, а затем работа в секциях.

«Астров при этом прочел отпечатанную программу с'езда.

«Далее он заявил, что экономическим отделом Общегородского Союза в настоящее время получены ответы на разосланную Союзом анкету и эти ответы теперь рассматриваются в Чупровском обществе.

«В конце своей речи Астров призывал кооперативы, профессиональные организации, городские, земские силы к совместной работе и высказал надежду, что участники с'езда отнесутся к работе серьезно, чем и подвинут вперед предстоящую работу».

«После речи Астрова присутствовавшие рабочие просили разрешения устроить им отдельное совещание для обсуждения вопросов, связанных с выслушанными ими заявлениями Астрова.

«Удалившиеся на отдельное совещание рабочие выбрали председателем совещания служащего союза потребительских обществ Василия Селиверстовича Иванова (беспартийный) и поставили на совещании вопрос о том, какие пожелания должны

Тюрин, Сергей Петров, преподаватель Коммерческого института.
Свавицкий, Николай Андреев, сын священника.
Кулыжный, Андрей Евменьев, личн. почетн. гражданин.
Зельгейм, Владимир Николаев, сын генерал-майора.
Громан, Владимир Густавов, помощн. присяжн. поверенного.
Черванин, Федор Андреев, сын действительного статского советника, литератор.
Потресов, Александр Николаев, сын генерал-майора.

быть высказаны от имени представителей рабочих центральному комитету Общегородского Союза. Было выработано:

«1) Чтобы каждая рабочая организация имела право послать на с'езд не одного, а двух представителей.

«2) Если на с'езд явится представитель хотя и приглашенной рабочей организации, то чтобы он был допущен на с'езд, хотя бы эта организация не была заблаговременно приглашена с'ездом (этим руководители рабочих хотят достигнуть возможно большего рабочего представительства на с'езде).

«3) Затем выставили требования приглашения на с'езд представителей думской фракции трудовиков и с.-д.

«4) Чтобы для рабочих на с'езде была отведена отдельная комната для совещания.

«5) Чтобы в пятницу 10-го сего июля, в 8 часов вечера было бы разрешено собраться еще раз представителям рабочих, имеющим быть на с'езде, для выслушивания всех предстоящих докладов от рабочих или касающихся вопроса о рабочих; предположено прослушать доклад Прокоповича, Тюрина, Громана, а также хотят выяснить злободневные вопросы и подготовиться к ним.

«Астров хотя и обещал довести до сведения центрального комитета Общегородского Союза все эти пожелания, но, кажется, решил удовлетворить только последнее (о совещании 10 июля), а также просил рабочих довести до его сведения о тех тезисах, которые будут выдвинуты рабочими на этих совещаниях.

«На том же собрании рабочих было решено, что вопрос о линии поведения рабочих на с'езде был бы перенесен на разрешение комиссии, которая была тут же выбрана в составе четырех лиц из присутствующих представителей от союзов:

«а) металлистов,

«б) портных,

«в) обществ взаимопомощи;

«г) коммерческих служащих,

«д) торгово-промышленных служащих».

Переходя к оценке и настроениям рабочих и демократов, тот же осведомитель писал:

«Состав рабочей делегации в общем нужно было признать слабым по составу, при чем на присылку из провинции серьезных деятелей также не рассчитывали.

«Все рабочие, имеющие присутствовать на с'езде, насколько это выяснилось, намерены сделать политические заявления; предстоят требования к правительству о снятии запрещений с закрытых союзов, обществ, к облегчению разрешения к открытию и существованию рабочих союзов; последует требование об образовании всероссийского кооперативного союза по примеру существующего Всероссийского Земского и Общегородского Союзов; будет выставлено требование созыва всероссийского с'езда представителей больничных касс и профессиональных

Регистрационная карточка Московского охранного отделения на Ивана Ивановича Скворцова-Степанова (171, 172, 228, 290, 294).

организаций для того, чтобы противопоставить в результате «буржуазным» Общеземскому и Общегородскому Союзам свой, «рабочий», «демократический» и «трудовой» союз.

«Все эти требования будут проводиться в речах, докладах, отдельных мнениях, в репликах с мест и отдельных требованиях.

«Определенно бойкотистских тенденций, которые ранее чувствовались в среде рабочих, теперь нет.

«Общество взаимопомощи коммерческих служащих создало у себя отдельную комиссию для руководства действиями своего делегата на упомянутом с'езде.

«От этого общества делегатами на с'езд выбраны с.-р. народник Иосифов и Василий Селиверстович Иванов — беспартийный.

«Не выбрали с.-д. только потому, что выбирали только от правления общества, где очень мало левого элемента вообще, а из с-тов единственным подходящим был Тартаковский, но он, во-первых, еврей, что считалось неудобным, и, кроме того, по случайным причинам он не был на этом собрании.

«Комиссия эта предполагает собираться ежедневно.

«7-го сего июля, в 6 часов вечера, предположено было соединенное собрание упомянутых двух комиссий, т.-е. комиссии от общества коммерческих служащих (человека 3) и комиссии, выбранной, в составе 4 лиц, на собрании рабочих представителей, участвовавших на заседании 6-го сего июля.

«Предположены к обсуждению вопросы, касающиеся поведения рабочих на упомянутом с'езде».

Работа по подготовке к совещанию проходила под самым бдительным надзором охранки. Одна за другой агентурные записки отмечают даже самые мелочные факты, то и дело внося дополнения или исправления. Так, об описанном уже нами совещании от 6-го июля Поскребухин («Евгений») в своей записке от 9 июля за № 107 дополнительно сообщал:

«Как известно, на происходившем 6-го сего июля предварительном совещании рабочих делегатов от Москвы на общегородское совещание по борьбе с дороговизной при главном комитете Всероссийского Союза Городов с некоторыми членами экономического отдела была избрана особая комиссия из четырех (Гончаров [1]), Иосифов [2]), Карасев [3]) и Токарев [4])), которой было поручено составить от имени рабочих соответствующие доклады и которая бы впоследствии, т.-е. на обще-городском совещании, руководила выступлениями рабочих.

---

1) Гончаров, Николай Кузьмин, московск. цеховой живописн. цеха.

2) Иосифов, Капитон Андреев. мещ. города Смоленска.

3) Карасев, Иван Алексеев, кр. Моск. г., Клинск у., Соболевск. вол., дер. Максимовка.

4) Токарев, Иван Степанов, кр. Владимирск. губ., Ковровского уезда, Егорьевской волости, дер. Шешукова.

«Однако в виду того, что эта комиссия избрана исключительно представителями московских рабочих организаций, из коих даже не все будут участвовать на общегородском совещании (как, наприм., от общества взаимопомощи торговых служащих делегатом на общегородское совещание избран Кассиор [1]), а кандидатами Петров, на предварительном же совещании 6-го июля присутствовал Гончаров, и он же прошел в комиссию из 4-х), то решено эту комиссию переизбрать, или, вернее, считать эти выборы недействительными и произвести на имеющем состояться в пятницу, 10-го июля, предварительном совещании с участием иногородних делегатов избрание особого «Бюро», число членов которого пока еще неопределено.

«Это-то «Бюро» и будет непосредственно руководить всеми выступлениями рабочих, но, в свою очередь, будет подчиняться и руководствоваться директивами особой комиссии из 5-ти лиц: Яхонтов, Скворцов [2]), Милютин, Лукин [3]) и Кизельштейн, каковая фактически и явится руководящим центром.

«Этой комиссией (пятеркой) составлен и разослан уже в московские профессиональные союзы особый анкетный лист о влиянии войны на эти союзы.

«Анкета эта послужит материалом для особого доклада рабочей группы на общегородском совещании.

«Помимо этого доклада, Скворцовым составляется от имени рабочих декларация, в основу которой положена резолюция, вынесенная на-днях обществом взаимопомощи торговых служащих (принципиально отрицательное отношение к войне, требование немедленного заключения мира и созыва Учредительного Собрания, как средства мира, а не обороны страны).

«С этой декларацией предположено ознакомить рабочих делегатов в пятницу на предварительном совещании.

«В состав вышеназванного «Бюро» предполагается пригласить членов социал-демократической фракции Государственной Думы, кои будут присутствовать на общегородском совещании, однако при непременном условии подчинения «пятерке».

«Кроме того, для ближайшего руководства деятельностью своего делегата обществами взаимопомощи торговых и коммерческих служащих избраны особые комиссии. В состав комиссии первого общества вошли: Матеранский, Кизельштейн и Руденко, а второго—«Тинин», Суслов, Шапошников и Баратов.

«Однако обе эти комиссии никакого значения иметь не будут и ни в коем случае не повлияют на деятельность рабочей группы, которой, как указано выше, будет руководить «пятерка».

«Ничтожность значения комиссии общества взаимопомощи коммерческих служащих определилась с самого начала ее

---

1) Кассиор Станислав.

2) Скворцов, Иван Иванович, окончивший курс в Учительск. ин-те.

3) Лукин, Николай Михайлович, ст. Моск. унив., сын почетн. гражданина.

возникновения, на первом же об'единенном совещании этой комиссии и «четверки» с участием Кизельштейна, происходившем 7-го сего июля на квартире Леонида Иосифовича Мумрикова, когда единственное предложение ее о приглашении в состав рабочей группы, в качестве сведущих лиц, Маслова, Прокоповича, Громана и других ликвидаторов, было категорически отвергнуто.

«Из вынесенных на этом совещании пожеланий заслуживает быть отмеченным: рабочая группа должна занять обособленное положение и ни в коем случае не итти в состав президиума.

«Интересно отметить, что после предварительного совещания рабочих делегатов (6 июля) Астров в частной беседе с одним лицом сказал: «У рабочих выявилось три течения— «пораженцы», сторонники мира и сторонники национальной самообороны, однако преобладает второе течение».

О том, как работали подсобные комиссии при профсоюзах, можно судить по работам комиссии, образованной при 1-м обществе взаимопомощи коммерческих служащих. О работах этой комиссии «Штурман» писал следующее [1]):

«Вчера вечером (т.-е. 7-го сего июля) состоялось 1-е совещание комиссии (подсобной), образованной при 1-м обществе взаимопомощи коммерческих служащих для руководства выступлениями и действиями делегата общества на предполагаемом 11—13 сего июля с'езде по борьбе с дороговизной [2]).

«После дебатов были приняты следующие положения:

«а) рабочая делегация на с'езде должна определенно конструироваться и представлять собой законченное целое и выступать со своей особой программой и тактикой, дабы проявить ярко свою физиономию;

«б) для ведения дела на с'езде выбрать «рабочее бюро»;

«в) так как на с'езде будут представлены особые конспиративные группы и особо будет держаться левая интеллигенция, то рабочая группа должна, не сливаясь с ними, заставить их итти за собой, где только будет возможно.

---

1) „Ар. Зап."—„Штурман", № 104/б от 8/VII 1915 г.

2) На совещании были члены правления названного общества, вошедшие к комиссию, а именно:

„Шапошников, Феофилакт Иванов, кр. Рязанской губернии, Зарайского уезда, Дашковской волости. дер. Деднева.

Гринберг, Михаил Гершев, гор. Лодзи.

Тартаковский, Лазарь Моисеев, немец гор. Ромны (мещанин).

Климов, Иван Алексеев, гор. Твери.

Иосифов, Капитон Андреев, гор. Смоленска.

Иванов, Василий Селиверстов, кр. Владимирской губ., Судогодского у., Быковской волости, села Погоста-Быкова.

Суслов, Георгий Засимов, гор. Тулы.

Баратов, Николай Дмитриев, мещ. гор. Торжка.

Кошкин, Александр Михайлов, мещанин посада Крохина, Новгородской губернии

«Покончив с этим организационного характера вопросом, комиссия определила вопросы тактического характера, постановив:

«1) Рабочая группа не должна принимать участия в президиуме с'езда.

«2) Рабочая группа должна воздержаться от участия в его выборах, о чем и заявить, однако, без всякой мотивировки.

«3) Рабочая группа не должна делать никаких деклараций о войне.

«4) Если на с'езде будет организована секция «о снаряжении армии», то рабочая группа не должна принимать в ней участия, что собственно и должно будет служить показателем отрицательного отношения рабочих представителей к войне...

«5) Рабочая группа обязана делать политического характера выступления на с'езде и всячески их поддерживать, откуда бы они ни последовали.

«6) Рабочая группа обязана демонстративно удаляться, если на с'езде будут молебствия, посылаться верноподданнические телеграммы и проч.

«В конце заседания названной комиссии выяснилось, что 2-е общество взаимопомощи торгово-промышленных служащих выбрало у себя такую же подобную комиссию из 3-х лиц, в нее входят: Кизельштейн [1]), Руденко [2]) и 3-й неизвестный пока [3]).

«Решения эти будут доложены на совещании рабочих делегатов, имеющем состояться 10-го сего июля в Общегородском Союзе».

Работы подсобной меньшевистски настроенной комиссии, организованной при 1-м обществе взаимопомощи торговых служащих, оказались бесцельными, так как все внесенные ею предложения были отвергнуты. Победили большевики. Об этом меньшевистском поражении дает сведения «Штурман» в своей записке № 109 от 10 июля 1915 года, в которой он писал:

«В разработке той позиции, которую надлежит занять рабочим на с'езде, приняли большое участие указанные ранее те «подсобные» комиссии, которые были организованы при 1-м и 2-м обществах взаимопомощи коммерческих и торгово-промышленных служащих.

«Положения, выработанные во 2-м обществе торгово-промышленных служащих, были в общем решением «большевистски» настроенных рабочих кругов, и эти решения победили, так что мнения, выработанные в 1-м обществе взаимопомощи коммерческих служащих как бы для руководства своему делегату, теперь, на совместном обсуждении вчера, 9-го сего июля, в квар-

---

[1]) Кизельштейн, Исаак Самуилов, бывш. студент Московского ун-та, сын врача.

[2]) Руденко, Прокофий Тимофеев, кр. Киевской губернии, Уманского уезда, Шаулихской вол., дер. Юрпаш.

[3]) Третьим неизвестным был Материнский.

тире рабочего Гончарова на Мытной улице потерпели поражение.

«В конце концов, на ряде совещаний, между прочим, членами правления профессионального общества портных, в 5-ти больничных кассах и пр. были рассмотрены вопросы, касающиеся линии поведения рабочей группы на предстоящем с'езде по борьбе с дороговизной.

«Сегодня на совместном совещании рабочих представителей в бюро Общегородского Союза (Камергерский пер.) комиссия из 4-х представителей рабочих, выбранная на первом таком же совещании, доложит выработанные резолюции и определит линию поведения рабочей группы и затем сложит свои полномочия; после чего, вероятно, будет выработана новая комиссия, уже с участием приезжих рабочих с мест.

«Принятая «большевистская» позиция основана на следующих отношениях рабочих к самому с'езду:

«1) По мнению рабочих, главный вопрос предстоящего с'езда есть снабжение армии с точки зрения национальной обороны и завоевательной политики.

«2) Рабочие, как они это понимают, приглашены буржуазным большинством с'езда для того, чтобы они, рабочие, продемонстрировали бы единение всех классов общества по этому вопросу.

«3) По мнению рабочих, с'езд не может при тех условиях, в которых он протекает, дать каких-либо практических результатов для рабочих.

«Исходя из этого, рабочие пришли к заключению, что, во-первых, на с'езде они должны продемонстрировать свое отношение к войне (вопреки мнению меньшевистски настроенной части, выработавшей мнение и резолюции по тому же вопросу в «подсобной» комиссии при 1-м обществе взаимопомощи коммерческих служащих), что они и так долго молчали и надо сделать так, чтобы рабочие массы могли знать мнение организованной социал-демократии, и что, во-вторых, участие в органической работе с'езда нежелательно и необходимо выставить требование программы-максимум вплоть до созыва Учредительного Собрания.

«Резолюция от имени рабочей группы, имеющая быть прочитанной на с'езде, примерно, следующая:

«С'езд ставит себе задачей демонстрирование об'единения всех классов общества на почве национальной обороны, на самом же деле никакого об'единения не существует, и война не нарушила и не изменила никаких классовых перегородок, почему рабочие попрежнему стоят на классовой точке зрения.

«Как вывод—заключение рабочих такое:

«Организация и ведение войны не есть наша задача. Наша задача—добиться мира во что бы то ни стало, а осуществить его можно путем восстановления международного Интернацио-

нала и воздействием об'единенных рабочих на правительства всех стран.

«Рабочая группа как бы говорит:

«Поскольку мы идем на с'езд, мы идем не для работы, а с точки зрения пролетариата осветить вопрос о дороговизне и меры борьбы с ней».

«Приблизительно такая резолюция будет предложена сегодня на совещании и, вероятно, она будет принята.

«На том же совещании затем была предложена резолюция «о дороговизне», будто бы авторами ее являются Скворцов и Яхонтов. Сводится она по содержанию своему к следующему:

«Виной дороговизны является правительство, ведущее неправильную экономическую политику в лице министерства финансов; министерство путей сообщения не приняло мер транспорта, и издан и принят ряд мероприятий, мешающих кооперации.

«Для налаживания дела необходимо демократизировать российский государственный строй.

«На с'езде примет участие до 20 представителей из больничных касс, профессиональных союзов и обществ взаимопомощи.

«Из Петрограда на с'езд уже приехал представитель больничной кассы рабочих завода Эриксон. Приметы его: бритый, шепелявит, инородец, похож на еврея, загорелое лицо, лет 30—32.

«Кроме него, будто бы уже выехал из Петрограда делегат от завода Айваз от больничной кассы; получены сведения, что на с'езд выбран от металлического завода Петроградской стороны член рабочей страховой группы, член главного совета по страховым делам Судаков, но еще не приехал и, может быть, и не приедет, так как завод не отпускает его уехать с сохранением жалованья и уволит его, если он уедет.

«В Москву приехали члены Государственной Думы Скобелев и Хаустов и теперь выясняется, что от Петрограда будет всего человек 5—6.

«Рабочие Путиловского и завода Лиснер бойкотируют с'езд, так как они там настроены большевистски.

«Кроме того, приехал представитель из Тулы от больничной кассы оружейного (или патронного) завода.

«Ожидается, что, может быть, приедет еще 3—4 человека, но едва ли больше, так как организаторы с'езда, видимо, запоздали с рассылкой приглашений и только 8-го сего июля посылали приглашения, часть телеграфно. Рабочие думают, что это сделано, может быть, нарочно, чтобы рабочих представителей было меньше [1]).

«Надо думать, что состав рабочей группы, таким образом, определяется: во-первых, что она будет по настроению «боль-

---

[1]) Совершенно верно, см. соображения Никитина.

шевистская» и, во-вторых, поэтому тактика ее та, что была одобрена вчера на заседании об'единенной комиссии (из торговых служащих, портных, представителей больничных касс), т.-е. демонстративное заявление и отказ от работы по снабжению армии.

«В вопросах о дороговизне, возможно, они примут участие.

«Определенного и яркого руководителя рабочей группы не будет.

«Представители кооперативной группы на с'езде, видимо, люди спокойные».

Об этом же совещании дает сведения и другой провокатор—Поскребухин. Он писал:

«Первоначально предполагалось на общегородском совещании по борьбе с дороговизной при главном комитете Всероссийского Союза Городов прочесть от имени рабочих декларацию, составленную в резких выражениях, при чем в основу этой декларации должна была быть положена вынесенная на-днях обществом взаимопомощи торговых служащих резолюция (принципиально отрицательное отношение к войне, требование немедленного заключения мира и созыва Учредительного Собрания, как средства мира, а не обороны страны); однако, в виду того, что такая декларация может послужить поводом для возбуждения против рабочей группы уголовного преследования по 129 ст. Уголовн. Улож., вчера было решено составить резолюцию в более мягких выражениях и без упоминания о созыве Учредительного Собрания, каковая резолюция и была составлена Яхонтовым, а затем принята на собрании «четверки» с участием представителей комиссий обществ взаимопомоши коммерческих и торговых служащих Кизельштейна и делегатов от второго общества—Кассиора и Петрова.

«Против декларации голосовали только двое, все же остальные—за.

«Затем на этом же собрании представителем комиссии общества взаимопомощи коммерческих служащих был сделан доклад о позиции, какую должна занять рабочая группа на общегородском совещании, при чем в этом докладе указывалось, что рабочая группа не должна выставлять неосуществимых требований, ни в коем случае не выставлять требования о созыве Учредительного Собрания и требовать не ответственного, а лишь подконтрольного министерства.

«Доклад этот, конечно, успеха не имел и был поддержан только одним Иосифовым.

«После доклада были рассмотрены и приняты две составленные «пятеркой» резолюции: а) по вопросу о причинах дороговизны и б) по вопросу о роли кооперативов в борьбе с дороговизной.

«Кроме того, решено воздержаться от явно демонстративных выступлений на общегородском совещании и с этой целью

просить Прокоповича предупредить рабочих, будет ли поднят вопрос о выражении членами совещания верноподданнических чувств и посылке на высочайшее имя такой телеграммы, с тем, чтобы в это время рабочие могли отсутствовать, и только в том случае, если не будет рабочим своевременно известно и они будут находиться в зале общего собрания, выйти».

Подготовительные работы по созыву с'езда по борьбе с дороговизной и выборы на этот с'езд представителей рабочих организаций значительно оживили политическую жизнь рабочих районов. Неизбежно возникшие вопросы итти или не итти рабочим на этот с'езд либеральной буржуазии и с чем итти, какой линии держаться,—все это необыкновенно оживило политическую дискуссию и дало возможность большевикам широко развернуть свою платформу. Надежды на обеспеченность меньшевистского состава рабочей делегации не оправдались. Большевики, как это уже сообщали и «Евгений» и «Штурман», восторжествовали и провели свои резолюции. Все это московских кадет привело в большое смущение. Они боялись, что с'езд, разбудив сознание рабочей массы, может послужить исходным пунктом нового революционного движения. Об этом дает интереснейшие сведения агент «Блондинка» в своей записке № 110 от 10-го июня 1915 г.

В этой записке он писал:

«В среде московских «кадет» чувствуется смущение от той политики, которую повел Астров, выразившейся приглашением рабочих на с'езд по дороговизне.

«Кадеты» считают это приглашение ошибочным, так как они знают, что поведение рабочих на с'езде не будет органическим, деловым, а демонстративным.

«Так как вопросом о с'езде чрезвычайно заинтересованы все общественные круги, то естественно, что редакции больших газет приготовились к даче значительных сведений по с'езду. По телеграфу в провинцию, в ряд больших провинциальных газет Киева, Харькова, Одессы, Ростова и друг., пойдут немедленно и срочно телеграфные сообщения о с'езде, его работах, условиях, в которых он протекает, и его резолюциях; в Петроград такие же сообщения пойдут срочно по телефону.

«Если появятся в газетах статьи на тему о с'езде, и они по условиям военной цензуры будут сокращены, то не исключена возможность, что газеты дадут статьи с так называемой «белой икрой», т.-е. будут пропущены места, что даст понять, что «независящие обстоятельства» не позволяют газете дать обществу более интересный материал, фактически имеющийся, и естественно будет вызывать раздражение в обществе на правительство.

«По поводу самого с'езда «кадеты» говорят, что он, разбудив сознание рабочей массы, пожалуй, может послужить исходным пунктом нового революционного движения.

«В кругах кадетских, организовавших названный с'езд и вообще ведущих большую общественную работу как в городском общественном управлении, так и в разных общественных организациях, возникла мысль об устройстве особых бюро посреднического характера, в задачу коих было бы возложено контролирование и урегулирование условий найма, договорных отношений и расценки труда рабочих—нечто в роде организации, параллельно существующему обществу фабрикантов и заводчиков московского промышленного района, но, конечно, преследующих цели отстаивать интересы трудового класса. Кадеты предполагают этим бюро придать характер муниципальных учреждений и ввести туда рабочих представителей, как информаторов; однако когда эти предположения доходили до руководителей рабочего класса (так, например, Яхонтов), то кадеты чувствовали, что рабочие хотят иметь такие бюро, но с тем, чтобы быть там хозяевами положения и диктовать самим условия нормировки и установления расценок».

10-го июля, с $8^1/_2$ до 2-х час. пополуночи, в помещении Юридического отдела Всероссийского Союза Городов (Камергерский переулок, № 5) состоялось предварительное совещание рабочих делегатов общегородского совещания по борьбе с дороговизной с некоторыми членами Всероссийского Союза Городов и докладчиками на предстоящем совещании.

Об этом совещании участник его, представитель союза металлистов Сергей Иванович Соколов, работавший в охранном отделении под кличкой «Кондуктор», сообщал следующее [1]).

«На собрании были: Астров, Щепкин, Прокопович, Громан, Тюрин, кажется, Маслов, члены Государственной Думы: Скобелев и Хаустов и представители рабочих организаций—московских: общества взаимопомощи торговых служащих: Кассиор, Петров и Гончаров (последние два—кандидаты); общества взаимопомощи коммерческих служащих: Иосифов и Иванов, кандидат поваров—неизвестный; портных—Токарев, кондитеров—Абентум; металлистов—Соколов, хлебопеков—Титов (сторож профессионального общества); деревообделочников—Заботкин; официантов—неизвестный; золото-серебренников—Петров; сапожников—неизвестный; мануфактуристов—Комаров, стекла и фарфора—Соколов, архитектурно-строительных рабочих—неизвестный; кошелечников—неизвестный; чаеразвесочников—неизвестный; больничных касс: служащих Мюр и Мерилиза—неизвестный; 5-й центральной—Карасев; 3-й центральной—Павлуновский; иногородных: завода Эриксон (Петроград)—Киселенко, заводов Айваз (Петроград)—Сурин; общества металлистов в г. Туле—неизвестный; больничной кассы Тульского патронного завода—неизвестный и боль-

[1]) См. „Аг. Зап."—„Кондуктор", № 1121 июля 1915 г.

ничной кассы «Помощь» (Витебск)—неизвестный еврей (вопрос о допущении его, как еврея, на совещание не выяснен) [1]).

«По открытии собрания Астров об'явил рабочим, что ходатайства их, выраженные на первом предварительном совещании об увеличении представительства профессиональных организаций и больничных касс на общегородском совещании, а также об увеличении числа рабочих делегатов до двух от каждой организации главным комитетом, по независящим обстоятельствам не могли быть удовлетворены, что же касается предоставления рабочим на совещании особой комнаты для занятий группы, то в виду того, что совещание будет происходить в здании городской думы в присутственные дни—в субботу и понедельник, когда все помещения заняты, в эти дни не представляется возможным отвести им отдельную комнату, в воскресенье же, когда занятий в думе не будет, отдельное помещение им будет предоставлено.

«Затем всем рабочим были розданы для ознакомления: 1) анкета о дороговизне, 2) содержание коллективного доклада комиссии по исследованию современной дороговизны при обществе имени А. И. Чупрова, 3) краткое содержание и тезисы доклада профессора Гензеля — финансирование закупочной кооперации городов, 4) доклад Ф. А. Лузина—продовольственные операции гор. Москвы, 5) свод резолюций кавказского, самарского и петроградского областных с'ездов по дороговизне и 6) передовая статья из № 20 «Союза Потребителей» от 11 сего июля.

«После этого Прокопович в нескольких словах ознакомил рабочих с докладами, которые будут сделаны на совещании и которые, за неимением таковых, не могут быть розданы, и, указав на существующие в них пробелы, рекомендовал рабочим выступить по некоторым вопросам с особыми докладами, а именно: 1) по вопросу вздорожания предметов потребления и движения заработной платы, 2) по вопросу о борьбе с дороговизной городских самоуправлений, указав, что таковые, как буржуазные, близки интересам торговцев, рабочие же, как наиболее страдающие от вздорожания жизни, совершенно лишены возможности влиять на деятельность городских самоуправлений в этом вопросе, что крайне ненормально, и 3) что успешность борьбы с дороговизной зависит от организованности общественных сил, но, конечно, не только буржуазных, а и рабочих, а потому необходимо теперь же приступить к сорганизованию рабочих и созданию Всероссийского Рабочего Союза.

«После Прокоповича был сделан Громаном доклад о дороговизне хлебных продуктов, в котором он указал, что цены на хлеб в настоящее время на 30% выше когда-либо существо-

---

[1]) Состав рабочих делегатов см. в приложении.

вавших и даже выше цен, существующих в Пруссии—стране неземледельческой и в данное время совершенно изолированной, а, между тем, такого вздорожания не должно было бы быть, так как хотя урожай 1914 г. в Европейской России и ниже на 30% такового же в 1913 г., но зато в Азиатской России он на те же 30% был выше урожая 1913 г.; кроме того, до войны из России ежегодно вывозилось 550 миллионов пудов хлеба, в прошлом же году весь хлеб остался в России, и если даже из этой цифры вычесть 270 миллионов пудов, закупленных для армии, то и то останется 280 миллионов пудов лишних в сравнении с годами до войны.

«Произошло же это вздорожание, главным образом, по спекулятивным причинам, а также из-за транспорта, который по вине министерства путей сообщения до сего времени не урегулирован, и вследствие существовавшего во многих губерниях запрещения вывоза.

«Меры борьбы со спекуляцией банков и маклаков он видит в организации общественных сил страны и находит необходимым принудительный возврат к ценам, существовавшим до войны.

«Но так как эти меры не могут быть проведены в короткий срок, то для ослабления чувствительности дороговизны необходимо теперь же регулировать заработную плату.

«Потом говорил Тюрин, проведший параллель между вздорожанием жизни и заработной платой, и указал, что в то время как заработная плата в среднем увеличилась всего на 10%, а у металлистов, по непонятной совершенно причине, даже понизилась, жизнь вздорожала на 45%.

«Никаких выводов Тюрин не делал и даже не указал, какие же, по его мнению, принять против дороговизны меры.

«Последним был доклад Маслова о повышении цен на сельскохозяйственные продукты.

«В своем докладе он указал, что землевладельцы стремятся доказать причину вздорожания сельскохозяйственных продуктов отсутствием рабочих рук, но это совершенно неверно.

«Хотя в армию и призвано около 25% сельскохозяйственных рабочих, но зато прекратилась эмиграция и отлив рабочих рук за границу, куда ежегодно уходило свыше 400 тысяч душ на полевые работы.

«Следовательно, рабочие руки есть, если даже не считать труда военнопленных.

«Но что удивительнее всего, это то, что плата сельскохозяйственных рабочих в Европейской России теперь даже понизилась на 2—15%, не говоря уже о плате военнопленным, получающим в месяц всего по 8 рублей, и только в Сибири и на Кавказе плата возросла приблизительно на 4%.

«Отсюда ясно, что цены на сельскохозяйственные продукты искусственно вздуваются самими же землевладельцами.

«После этих докладов был сделан перерыв, во время которого состоялось собрание одних рабочих, с участием членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова.

«Председателем собрания был избран Киселенко (Петроград).

«Затем была произведена проверка полномочий, при чем представителям союза потребительских обществ и Народного банка, как не являющимся членами рабочих организаций, было предложено удалиться.

«Всего на собрании участвовал 31 человек, из коих 24 с решающим голосом (делегаты рабочих организаций на совещание) и 7 с совещательным (два члена Государственной Думы и пять кандидатов к делегатам).

«После поверки полномочий был заслушан доклад «четверки» (комиссии, избранной на первом предварительном совещании).

«В докладе этом были указаны выработанные положения для рабочей группы на общегородском совещании: 1) рабочая группа должна быть совершенно обособленной и не должна входить в соглашения ни с какими группами, 2) никто из членов рабочей группы не должен входить в состав президиума, 3) рабочая группа в целом подчиняется особому «бюро», выборы которого должны быть теперь же произведены и 4) никто из группы не может выступать самостоятельно, т.-е. помимо «бюро».

«Затем Гончаровым от имени трех членов «четверки» (кроме Иосифова) было предложено выработать для прочтения на общем собрании особую декларацию, положив в основу ее: принципиально отрицательное отношение к войне и требование заключения мира и созыва Учредительного Собрания, заменив слова «учредительное собрание» каким-либо другим равнозначащим выражением».

«К этому Гончаров добавил, что проект такой декларации уже составлен, но его нужно признать неудовлетворительным и лучше всего выработать декларацию теперь же самим.

«Предложения «четверки» были приняты единогласно, предложение же трех членов «четверки» о декларации было принято всеми голосами против двух (Иосифова и представителя Тульского профессионального общества металлистов—ликвидатора), но составление самой декларации за поздним временем перенесено на следующее предварительное совещание, которое состоится 11 июля в 10 часов утра в помещении Экономического отдела Всероссийского Союза Городов (в том же здании).

«После этого были произведены выборы «бюро», в которое вошли Киселенко и Сурин (Петроград), Токарев, Соколов и Кассиор (Москва).

«В состав «бюро» приглашены также (без избрания) члены Государственной Думы Скобелев и Хаустов, однако еще не выяснился вопрос, будут ли они допущены на общегородское совещание.

«На этом собрание и закончилось.

«Следует добавить, что решено декларацию рабочей группы прочесть на общем собрании во что бы то ни стало, и если читающий ее будет лишен слова, то немедленно должен встать другой и продолжать чтение, затем в случае лишения и его слова—третий и т. д.

«С этой целью декларация будет заготовлена в нескольких экземплярах, чтобы не вышло промедления в чтении ее».

Победа большевиков и на этом предварительном заседании, с участием представителей от других городов, явилась полным и окончательным закреплением победы большевиков в рабочей делегации этого с'езда. Против резолюций большевиков голосовало только двое: представитель ликвидаторски настроенного 1-го общества взаимопомощи коммерческих служащих—Иосифов и ликвидатор из Тульского профессионального общества металлистов (фамилия не выяснена) [1]). После этого, чувствуя полную свою беспомощность влиять на работы с'езда, означенный Иосифов, ранее входящий в руководящую четверку, демонстративно заявил о своем уходе из состава делегации с'езда. Об этом инциденте дает сведения осведомитель «Штурман». В своей записке за № 111 от 11 июля 1915 г. он сообщал:

«На совещании, окончившемся вчера ночью, рабочие представители были ознакомлены с предстоящими на с'езде докладами, и была принята резолюция (большевистская), о которой было сказано ранее.

«После этого представитель от 1-го общества взаимопомощи коммерческих служащих Иосифов заявил о своем отказе участвовать в работах с'езда, так как он обществом уполномочен участвовать в делах с'езда только в составе рабочей группы, а с решениями ее, выразившимися так ярко в резолюции, он согласиться не может, а самое общество, от которого он является представителем, не уверено в том, что мнения, выраженные в резолюции, есть мнение большинства рабочего класса.

«Таким образом, представители от 1-го общества взаимопомощи коммерческих служащих на с'езде не будут.

«На упомянутом совещании вчера было выбрано бюро из 5 членов для руководства делами рабочей группы; оно по составу «большевистское». Из провинции введут еще одного представителя в «бюро». Это не изменит характера и физиономии «рабочей группы», группа останется большевистской и

---

[1]) Степанов, С. И.—см. состав рабочей группы в приложении. *И. М.*

поведение ее на с'езде уже определено: демонстративное заявление, резолюция, участие в работах по вопросу о дороговизне и отказ участвовать в работах по вопросу о снабжении армии.

«Бюро составляет: представитель от металлистов—Соколов, представитель от 2-го общества взаимопомощи торгово-промышленных служащих—Кассиор; представитель от портных—Токарев, еще один неизвестный, представитель из Москвы и представитель из Петрограда от больничной кассы, о которой сказано было ранее (в записке от 10 с. июля).

«Выясняется, что «рабочая группа» займет обособленное положение и не войдет в связь даже с «кооперативной группой» или какими-либо могущими образоваться на с'езде демократического характера группами.

«11 июля, в 11 часов утра, в помещении Экономического отдела Всероссийского Союза Городов состоялось экстренное собрание членов «бюро» рабочей группы, с участием членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова, а также члена Чупровского общества Милютина, кондитера Абентум, виленского делегата Гинзбурга и витебского (еврей—фамилия неизвестна).

«На собрании должна была быть выработана декларация рабочей группы, но в действительности таковой не вырабатывали, а приняли с незначительными поправками декларацию, принятую уже ранее «четверкой».

«Окончательная редакция этой декларации такова:

«Так как настоящий с'езд, по мысли его инициаторов, должен демонстрировать об'единение всех классов русского общества на единственной очередной задаче—национальной обороне, мы указываем, что такого об'единения в действительности не существует.

«Большинство этого с'езда, как и его инициаторы, стоят на буржуазной точке зрения, мы же, как и раньше, стоим на пролетарской — классовой позиции, которая является точкой зрения пролетарского Интернационала.

«Наше знамя—знамя об'единения пролетариата всех стран.

«Организация ведения войны не наша задача.

«Наша цель—путем упрочения международного пролетарского об'единения и ведения последовательной классовой борьбы осуществить мир.

«Явившись на с'езд, мы считаем нужным заявить, что участвуем в его работах исключительно в целях освещения с точки зрения интересов пролетариата и широких слоев демократии вопросов дороговизны и борьбы с ней.

«Только в этих пределах мы принимаем участие в работах с'езда».

«Затем было решено, во избежание невольного участия в демонстрировании верноподданнических чувств членов с'езда, не присутствовать на открытии с'езда во время вступительной

речи Челнокова, командировав на открытие только двух членов групп для внеочередных заявлений: Давыдова (тульский металлист)—для прочтения декларации и Токарева (московский портной)—для внесения предложения о приглашении на с'езд членов Государственной Думы Скобелева и Хаустова.

«Кроме того, было постановлено принять участие в общих прениях».

На этом собрание и закончилось в начале второго часа дня.

ГЛАВА XV.

Рабочие на совещании по борьбе с дороговизной.—Роль большевиков на совещании.—Поражение меньшевиков в рабочей делегации.—Речи рабочих на совещании.—Декларация рабочей группы.—Резолюция рабочей группы о причинах дороговизны.—Записки „Штурмана“ и „Случайного“.—Общая резолюция совещания и проект резолюции рабочей группы.

В 2 часа дня того же 11-го июля в здании городской думы открылось совещание по борьбе с дороговизной.

На совещание прибыло свыше 900 делегатов.

При открытии совещания рабочая группа, за исключением Давыдова и Токарева, отсутствовала, хотя, как потом оказалось, отсутствование было излишним, так как никаких выражений верноподданнических чувств не было.

После вступительной речи Челнокова слово было предоставлено рабочему делегату Давыдову, который начал чтение вышеуказанной декларации, однако после слов: «такого об'единения в действительности не существует», он был лишен слова.

Предложение рабочего делегата Токарева о приглашении на с'езд членов Гос. Думы Скобелева и Хаустова было единогласно принято, и последние были приглашены.

Затем начались доклады, к началу которых явились и рабочие делегаты.

Доклады Астрова и Некрасова касались исключительно вопросов снабжения армии предметами снаряжения и продовольствия и прочитаны были в патриотическом духе.

Доклад Мануилова касался общих причин дороговизны.

Указывалось на спекуляцию и расстройство транспорта.

Следующий значащийся в программе доклад Шингарева, за отсутствием его, не состоялся.

Потом состоялся доклад Литошенко о нуждах и потребностях городов и их мероприятиях по борьбе с дороговизной.

После этого доклада был об'явлен перерыв до 8 часов вечера.

На докладе Литошенко рабочая группа отсутствовала, так как было решено устроить собрание для ознакомления вновь прибывших делегатов (из Петрограда: от металлических заводов—Судаков, Невского завода—неизвестный, и Франко-Русского—неизвестный; из Самары от общества приказчиков и конторщиков—неизвестный; из Вильны представитель 7 про-

Регистрационная карточка Московского охранного отделения на Владимира Павловича Милютина (171, 172, 205, 241, 286, 290, 302, 305).

фессиональных организаций—Гинзбург; из Харькова от общества взаимопомощи рабочих ремесленников—неизвестный и из Брянска от общества металлистов—неизвестный, с постановлением группы пополнить состав «бюро», наметить план работ в секциях и обсудить вопрос о приглашении сведущих лиц.

Собрание было устроено в здании думы, в особо отведенном для рабочей группы помещении.

Было решено пригласить, в качестве сведущих лиц, но с правом решающего голоса, членов Чупровского общества—Череванина, Маслова и Милютина, членов Государственной Думы—Скобелева, Хаустова и вновь приехавшего Керенского, а также делегата потребительного общества г. Белого, Смоленской губернии (фамилия неизвестна).

Все эти лица были тут же приглашены и приняли участие в обсуждении различных вопросов.

С приглашением Керенского произошел инцидент.

Об этом инциденте, как и о вторичном выступлении и уходе Иосифова, дает сведения Соколов («Кондуктор») в своей записке № 112а:

«Он, т.-е. Керенский, был приглашен в группу просто как представитель оппозиции в Государственной Думе, представитель же московской 5-й центральной больничной кассы, народник Карасаев хотел было этим воспользоваться и внес предложение о признании рабочей группы представительницей пролетариата и трудового крестьянства.

«Однако предложение это было подавляющим большинством голосов отвергнуто.

«Керенский обиделся и заявил, что он, как представитель трудового крестьянства, после этого не может оставаться на собрании, и ушел, а за ним ушел и Карасаев, остальные же народники остались.

«Тут только сообразили, что поступили необдуманно и решили завтра же уладить этот инцидент.

«Потом возникли горячие споры из-за принятой уже и даже частью прочитанной декларации.

«Новые члены группы, а также и часть старой заявили, что они не участвовали в принятии этой декларации и она не соответствует их взглядам.

«Пришлось вопрос о декларации поставить на голосование и она вторично была принята огромным большинством.

«Результатами голосования остался недоволен представитель общества взаимопомощи коммерческих служащих народник Иосифов, и, заявив о выходе из состава группы, покинул собрание.

«Не соглашались первоначально новые члены группы и с постановлением безусловного подчинения «бюро», однако вопрос этот довольно скоро уладился.

Затем были приглашены (без избрания) в «бюро» с правом решающего голоса Гинзбург (Вильна), Садуков (Петроград),

неизвестный по фамилии из Харькова, члены Государственной Думы—Скобелев и Хаустов и члены Чупровского общества—Череванин, Маслов и Милютин.

«Так как первоначально прения тянулись долго, то так и не удалось наметить план работ в секциях, оставив этот вопрос до следующего собрания».

После перерыва, в 8 часов вечера, возобновились занятия с'езда, и были прочитаны Масловым и Громаном доклады об исследовании современной дороговизны, доклады же Прокоповича по этому же вопросу, а также и другие доклады перенесены на следующий день, оставшееся же время было посвящено прениям по состоявшимся уже докладам.

В виду сравнительно позднего времени, время речей было ограничено пятью минутами.

Прения носили весьма страстный характер, во время которых Давыдову, получившему слово по вопросу о дороговизне, все-таки удалось прочесть до конца, несмотря на звонки Челнокова, на которые под конец совсем перестали обращать внимание, декларацию рабочей группы.

Затем было произнесено несколько ничем не выделяющихся речей по вопросу о дороговизне, после которых выступили представители рабочих организаций. Первым говорил представитель больничной кассы, питерец Н. А. Киселенко. Он сказал:

«Сегодня мы слышали, что дороговизна жизни началась с войны, и выходит, как будто этот вопрос народился только 11—12 месяцев тому назад. Но ведь дороговизна жизни лежит в организации капиталистического строя. Война только усугубила это явление. Дороговизна стала так заметна только потому, что о ней заговорили не только рабочие, но и дворяне и промышленники. Но системы борьбы с дороговизной жизни, которая давит нас, я здесь не вижу, я не вижу борьбы, я слышу только слова и слова. Была бы только одна возможность борьбы с дороговизной, если бы в этом принимали участие рабочие кооперативы, профессиональные союзы, представители больничных касс. Но мы знаем, что тогда будут моментально закрыты кооперативы рабочих и будет наложена рука на представителей рабочего класса. Спрашивается, при таких условиях может ли рабочий класс вести борьбу с дороговизной? Городские думы должны заняться вопросом о коренном преобразовании всей нашей государственной системы на демократических началах, чтобы туда попали и другие классы, чтобы туда вошли и представители рабочих; тогда возможна будет борьба с дороговизной».

«Вы должны знать, что дороговизна отражается на нас, рабочих, самым ужасным образом,— заявил другой питерец, С. Я. Сурин.—Что вы видели из докладов? Вы видели, что цены на предметы первой необходимости страшно повысились, но в связи с этим повысилась ли заработная плата? Нет. Затем

вы ставите вопрос, как бороться с этой дороговизной. Мы тоже ставим такой вопрос, но мы видим, что не можем так ставить вопрос, как ставите его вы. Ведь мы находимся в отличном от вас социально-политическом положении, вед всякое проявление жизни рабочих организаций правительством подавляется. Значит, прежде чем говорить о мерах борьбы с дороговизной, нам нужно говорить о том, чтобы за нами были признаны права человека, нам нужно бороться за неприкосновенность личности представителей рабочего класса. Только тогда, когда все это у нас будет, станет ясным вопрос, как, каким образом мы сможем бороться с дороговизной».

Вслед за этими выступлениями рабочих взял слово член Гос. Думы Родичев Ф. И., произносивший свою речь с большим под'емом. Обращаясь к рабочей группе, он призывал ее забыть старое и, хоть временно, об'единившись с остальным обществом, также оказать и свою помощь в таком важном деле, как одоление врага. Он сказал:

«Вы говорите: «признайте за нами права». Мы все стоим на этой точке зрения, на точке зрения равноправия и на точке зрения равенства долга перед родиной. Перед нами стоит враг внешний и перед нами стоит опасение за внутренние раздоры, и поэтому мы должны призывать всех и каждого: во имя идеалов будущего, каких бы то ни было, принимайся за общий труд, клади свою жертву не только кровью, не только деньгами, но и трудом, пониманием и чувством. Вызови в себе чувство солидарности к своей родине и помни, что не декламациями завоевывается право, не декламациями борются за освобождение, а борются пониманием и чувством; пониманием, в чем состоит трудность положения, которую нужно преодолеть. И когда вы все это поймете, то полдела будет уже сделано, а остальное приложится. Задача нашего совещания и состоит в том, чтобы понять, в чем дороговизна неизбежна и в чем можно и должно ее победить. Я здесь не буду говорить о подробностях. Это дело секций, и я думаю, что выводы должны быть сделаны только после того, как вся система, которая предложена в докладах, будет обсуждена.

«Разойдемся же отсюда в одном настроении,—мы во что бы то ни стало должны победить внешнего врага и должны справиться с теми затруднениями которые должны быть общими, дружными усилиями всего народа устранены, должны быть устранены пониманием необходимости в данный момент победить. И это понимание необходимости—оно самым ходом событий навязывается всем тем, кто прежде не мог или не хотел понимать. Из нашей среды да не будет этого непонимания. В чем нужда страны в данный момент? Ее можно выразить одним словом: дружные усилия всех за каждого и каждого за всех».

Эта речь Родичева была покрыта довольно шумными аплодисментами, но выступавшие после него большевики—Милютин

В. П., питерец П. И. Судаков и особенно москвич И. А. Карасев сломили подогретое Родичевым настроение собрания.

«Речь последнего произвела большое впечатление, и он был награжден шумными аплодисментами». «Интересно отметить,— сообщал в охранку Соколов,—что аплодировали Карасеву многие те же, которые аплодировали и Родичеву».

В своей речи В. П. Милютин сказал:

«Г. Родичевым были высказаны общие слова, но не было указано на те нужды, которые действительно стоят перед страной. Мне представляется, что в настоящее время мы действительно приближаемся к краху, если только демократические низы, производительные силы страны в лице рабочих и крестьян, не смогут проявить активной деятельности и не придут на смену тех, кто до сих пор стоял во главе и привел страну в такое положение, в каком находится теперь. Только в организации рабочего класса мы найдем до известной степени спасение, и нужно напрячь все силы, чтобы те оковы, которые до сих пор сковывали рабочий класс, были разорваны».

«Родичев обращался к нам, рабочим,—начал свою речь П. Судаков,—и сказал: «Раз вы представители пролетариата, то докажите свое единство; раз стране грозит опасность,—защитите ее. Но как возможно слиться воедино, когда мы не имеем права собираться в количестве трех человек, чтобы обсудить не только нужды государства или вопрос о переустройстве его на более демократических началах, но для обсуждения тех насущных нужд, которые соприкасаются с повседневными нуждами. Один выход может быть в данном положении — переустройство государственного строя на более демократических началах, должны быть даны свобода слова, собраний, неприкосновенность личности. А в данное время, если нас призывают к единению, но права на об'единение у нас нет, то никакого об'единения и не может быть».

«Только случайно мне, как еврею, приходится здесь высказываться; другого голоса тех, кто является париями из париев, вы не услышите»,—начал свою речь представитель больничной кассы из Витебска Б. Х. Гинзбург.

«Если представители рабочих других национальностей могут критиковать условия, в которые они поставлены, мы, к сожалению, лишены и этих элементарных условий. Курс недопущения профессиональных и вообще рабочих организаций, который проводится из различных побуждений, у нас проводится еще и из побуждений националистических. Ко всему этому нужно прибавить последние события, которые заставили беженцев направляться в густонаселенные места черты оседлости, что в свою очередь создало пауперизм, нищенство и трудовые элементы превратило в нищих. На этой почве еврейская буржуазия, которая обычно думала, что она оказывает

помощь рабочим-евреям, предоставляя им работу, еще больше понизила заработную плату и тем выявила свою истинную альтруистическую точку зрения. Положение еврейского рабочего класса еще больше ухудшилось, и поэтому в такой момент от того недоверия, которое теперь проявляется к нашей национальности, должен страдать еврейский трудовой класс двояко. Еврейскому элементу приходится встречаться с таким характером недоверия, которое, собственно, ничем необ'яснимо; у еврейского рабочего нет злобного отношения к родине, в которой он живет, борется и строит свои будущие идеалы. В виду того, что лучшие элементы русского общества сейчас призывают друг друга к об'единению во имя борьбы за право, они должны создавать это право в отношении ко всей родине. И вот наступил такой момент, когда пора сказать об отмене черты оседлости. Я думаю, что относительно русского рабочего класса можно сказать, что мы друг другу верим, друг друга понимаем, но пусть и лучшие элементы русского общества поймут, что наступил момент сказать, что определенная нация задыхается, дайте воздуха, отмените черту оседлости».

В уже отмеченной нами речи И. А. Карасева, вызвавшей шумные аплодисменты, он сказал:

«Г. Родичев обратился к нам, рабочим, с такими словами: страна в опасности, дайте свои силы. Какие еще силы мы должны дать? Здесь иллюстрировалась, и из докладов Чупровского общества видно, что все предметы первой необходимости, которыми пользуется рабочий, поднялись на 30%. Разве наш заработный рубль стал больше? Обратился в 1 р. 30 коп.? Из отчета центральной кассы видно, что женщины, которые до войны зарабатывали 16 р. в мес., и мужчины, которые зарабатывали в среднем 43 р. 94 к., после нового года стали получать—женщины—16 р., а мужчины—37 р. 24 к., следовательно, минус 6 р. 70 к. Значит, вместо рубля у них остается 54 к. Я не знаю, что еще от нас хочет г. Родичев? Последних 46 к.? Уже с мая месяца рабочие начинают чувствовать, что у них отняли. По статистическим данным больничных касс Москвы мы имеем следующий рост смертности детей: 2-го мая—7, 8-го—2, 6-го июня—3, 13-го—10, 20-го—7, 27-го—8, в то время как до мая смертность была в день 2—3 ребенка. Так что теперь наши жены меньше родят, чем наших детей умирает. Заболевания по участкам с 30 поднялось до 80 и, конечно, от недоедания. Больничные кассы скоро лопнут, потому что прежде выдавали по 300 р. в месяц, а теперь 800 р. Мне невольно хотелось обратить ваше внимание еще на один факт. Недавно в «Русских Ведомостях» Лурье писал о положении женщин в Германии. Там думают о том, что если в 1935 году будет война, то не будет новобранцев этого года. А что мы дадим в 1935 году, не знаю».

Вслед за Карасевым выступил член Государственной Думы А. Ф. Керенский, делегированный на с'езд обществом потребителей г. Саратова.

Он сказал: «Здесь указывали на то, что должно быть сделано, чтобы создать единство в стране, чтобы поднять ее производительные силы. Выходили и другие и говорили, что это не своевременно, что этого сейчас не нужно, что сейчас не время торговаться, а следует слиться в едином порыве, что в единении должна быть вся страна. Но, господа, эти слова, которые мы слышали в продолжение последних 10 месяцев и в начале войны, что они нам дали реального? Они нам дали то положение на фронте, о котором говорил Некрасов. Был отказ от политической личности, был пресловутый нейтралитет, который провозгласили в начале войны. А результаты? Вас, представителей трудящихся классов, призывают к совместной работе в пользу родины. Но я спрошу, что такое родина? Разве это не те же миллионы крестьян или рабочих? И те, кто является крестьянином или рабочим, разве им нужно думать о родине вне себя? Рабочие и крестьяне—это демократия, это масса, а государство, когда масса не удовлетворена, задыхается, государство при таком положении жить не может, такое государство гибнет. И мы видим, что, несмотря на все порывы на единство, которое здесь провозглашалось, мы пришли к ужасному концу. Теперь не время декламировать старые слова. Мы должны создать новую Россию и новую волю. Теперь настал момент, когда не может быть безответственных людей и позиций. Те, кто обращается к рабочим и крестьянам, должны действиями своими показать, чтобы они поняли, что примирение невозможно с теми, кто ведет Россию к гибели не только внутренней, но и внешней. Здесь выступали представители рабочих и говорили, что, конечно, и рабочие не хотят, чтобы немцы победили, но они это остерегались говорить, потому что такое их положение, потому что с вашей точки зрения они являются невежественными, темными людьми. Но они знают, что будет, если они пойдут туда, куда вы их зовете, что будет с ними и их семьями, с той задачей, которая стоит сейчас перед Россией. Здесь один оратор говорил, что мы должны понять, что сейчас идет борьба за право. Да разве бесправие когда-нибудь побеждало, разве для того, чтобы открыть перед миром правду, нужно, чтобы человечество обагрилось кровью? Мы счастливы сказать, что приближение государства к демократическим идеалам, проведение демократических реформ есть условие единства, при котором мы можем выйти из кризиса. Недавно в Самаре был областной с'езд, и 1-й пункт его резолюции гласит: созыв Государственной Думы для постоянного неотложного контроля над действительностью власти, 2-й—создание власти от лица страны, 3-й—немедленное осуществление гражданских свобод. Что же, мы—люди, не понимающие интересов страны? Может

быть, мы—презренные интернационалисты, издалека не видим ближнего? Нет, мы—люди, которые прозрели. Не мы, а вы к нам идите. Мы в начале войны сказали, что победа невозможна, пока вы не дадите амнистии сидящим в Сибири, пока вы не создадите условий для развития свобод, для осуществления самодеятельности, пока не улучшите положения рабочих и крестьян. Год тому назад говорили, что все это—партийность или государственная глупость, но теперь и вы приходите к тому же, когда уже миллиона людей нет между нами, когда мы изжили все то, что имели, когда капитал энтузиазма народного истрачен преступно. Я скажу вам прямо: первая задача тех элементов, которые были в начале войны в другой позиции, чем мы, должна заключаться не в том, чтобы призывать нас к кому-то присоединиться, а притти к нам и понять, что есть предпосылки, которые необходимы для выполнения технического дела,—это создание свобод в стране, свобод человека и гражданина. Теперь идите вы к нам и скажите: мы поняли, что мы ошибались, потому что нет людей, которые бы не ошибались. Скажите, что во имя страны вы даете Аннибалову клятву в том, что всю волю, все силы и разумение вы направите в одну сторону: к созданию новых целей и новой власти, которая бы пользовалась доверием страны».

Общие прения на вечернем заседании 11-го июля, несмотря на ограничительный регламент, прошли весьма оживленно. Выступали и высказывались представители рабочих организаций, а Давыдову даже удалось прочесть декларацию рабочей группы. Председательствовавший Челноков, как сообщал в охранку Соколов, совершенно не справлялся со своими председательскими обязанностями. «На него просто жалко смотреть. Он тщетно звонит и лишает слова, но его почти никто не слушает. Он безусловно против резких выступлений, но он бессилен что-либо сделать».

12-го июля, после докладов А. И. Шингарева и Н. И. Астрова по организационным вопросам, в прениях выступал снова целый ряд представителей рабочих организаций.

Ответная речь Родичева на вчерашние выступления рабочих делегатов на них нисколько не подействовала. Напрасно он с большим пафосом требовал от рабочих «принести своей родине ту самую тяжелую жертву, какая только бывает».

Вот содержание некоторых из этих речей:

Н. А. Киселенко (больничные кассы, Петроград). Настоящее совещание явилось результатом войны, крайне обострившей дороговизну. Рабочие, особенно страдающие от переживаемого кризиса, не могут не принимать участия в борьбе с этим злом, и потому они явились на совещание. Но они пришли еще и для того, чтобы напомнить о другой войне, ведущейся в России. Эта вторая война длится со времени Белинского, вот уже 40 лет; в последние годы она приняла особенно

ожесточенный характер и так же, как и первая, главною своей тяжестью обрушивается на рабочий класс. Последний, вследствие разгрома организаций, оказался совершенно беспомощным, и в то время, как жизнь вздорожала на 70%, заработная плата остается неизменной. С другой стороны, узко-классовый состав органов местного самоуправления исключает возможность успешной борьбы с дороговизной. В этом отношении следует многому поучиться от немцев. Немец-юнкер и немец-буржуа мирятся и с существованием сильной социал-демократической партии, и со всеобщим избирательным правом; благодаря этому Германия — страна классической организованности, а организация — сила. И если теперь говорят о мобилизации промышленности, то и рабочим должна быть дана возможность мобилизовать свои силы. Поэтому необходимо выставить в резолюциях следующие требования: полная свобода профессиональных союзов, предоставление последним и больничным кассам права об'единяться и создавать свои центральные органы, организация потребительских обществ на широких демократических началах и, вообще, демократизация государства сверху до низу.

С. Я. Сурин (больничные кассы, Петроград) указывает, что рабочие разделяют мнение о том, что только общественные организации могут вести борьбу с дороговизной. Но рабочие почти не имеют профессиональных союзов и лишены возможности иметь представителей в органах местного самоуправления. Общественные организации должны притти на помощь рабочему классу в создании для него нормальных социально-политических условий, и тогда русский рабочий класс будет в состоянии притти на помощь родине, как некогда спас свое отечество французский пролетариат.

Р. И. Гинзбург (проф. о-ва Вильны) описывает борьбу с дороговизной и положение рабочего класса в г. Вильне. Городская дума отвергла проект устройства хлебопекарен и мясных лавок, борьба с дороговизной свелась к безрезультатной таксировке. Учреждение кооперативов встречало неодолимые препятствия, то из-за национальности учредителей, то из-за проволочек в проведении устава. Необходимым условием рациональной борьбы с дороговизной оратор считает демократизацию органов городского самоуправления, предоставление свободы коалиций, печати и слова и отмену ограничений по организации кооперативов.

П. И. Судаков (больничные кассы, Петроград) обращает внимание на тот факт, что от петроградских рабочих имеются лишь представители больничных касс. Все остальные рабочие организации разгромлены. Как могут быть привлечены при таком положении вещей представители пролетариата к той совместной работе, о которой говорили другие ораторы? Что касается созыва с'езда представителей больничных касс, то эту

идею следует, конечно, приветствовать, но предварительно необходимо создать гарантии неприкосновенности для рабочих делегатов; иначе повторится история выборов в Страховой Совет, в котором из 27 представителей рабочих через год осталось всего 7 человек.

Настоятельные требования рабочими делегатами демократических реформ местного самоуправления и выступления против полицейского гнета смутили даже либерально настроенную буржуазию. Князь Д. И. Шаховской внес предложение о реорганизации власти высказаться в конце с'езда, подводя итоги его работам. Несмотря на это предложение, В. И. Хаустов (член Гос. Думы) от имени рабочей группы предложил следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что правящие слои в настоящий критический момент обнаруживают полное банкротство, что хозяйственная дезорганизация страны принимает угрожающий характер и что борьба с ней может вестись только при непосредственном и активном участии всех живых сил страны и особенно наиболее заинтересованных в этом вопросе трудящихся классов,—совещание признает необходимым: 1) Создание полновластного народного представительства, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и образование ответственного министерства. 2) Установление неприкосновенности личности, полной свободы слова, печати, собраний и коалиций. 3) Гражданское и политическое равноправие всех национальностей и вероисповеданий. 4) Полную политическую амнистию и немедленное восстановление в правах осужденных членов Гос. Думы рабочей фракции. 5) Полную демократизацию земского и городского самоуправления и, до введения в жизнь соответствующего закона, немедленное привлечение в исполнительные комиссии по борьбе с дороговизной представителей рабочих и демократических слоев населения. 6) Немедленное создание центрального органа по борьбе с дороговизной, составленного из представителей общественных организаций и обладающего широкими «полномочиями».

Выступавший затем А. Ф. Керенский, видно смущенный тем впечатлением, которое произвели выступления рабочей группы, старался их раз'яснить и смягчить, что дало повод Шингареву и Астрову в заключительном слове отметить, что «общий язык под конец находится». На самом деле это был не больше как самообман и усиленное желание демонстрировать «единение всех живых сил страны». Представители рабочих организаций твердо стояли на своей прежней классовой платформе, оглашенной на вечернем заседании 11 июля т. Давыдовым. В этой платформе рабочие ясно, без всяких двусмысленностей, заявили:

«Настоящий с'езд, по мысли его инициаторов, должен демонстрировать об'единение всех классов русского обще-

ства на единственной очередной задаче — национальной обороне.

«От имени рабочей группы я заявляю, что такого об'единения в действительности не существует.

«Мы же, как и раньше, стоим на классовой точке зрения, которая является точкой зрения пролетарского Интернационала.

«Наше знамя—знамя об'единения пролетариата всех стран. Организация ведения войны—не наша задача.

«Наша цель—путем упрочения пролетарского об'единения осуществить мир.

«Явившись на с'езд, мы считаем нужным заявить, что участвуем в его работах исключительно в целях освещения, с точки зрения интересов пролетариата и широких слоев демократии, вопроса дороговизны и борьбы с нею.

«Только в этих пределах мы примем участие в работах с'езда».

13 июля совещание заканчивало свои работы. Инициаторам с'езда страшно хотелось продемонстрировать «единение всех живых сил». «Но хочется и колется». Боязно, чтобы рабочая группа своими новыми выступлениями не испортила весь с таким трудом налаживаемый концерт общественных голосов. В конце концов, решились и открыли общие прения по вопросам кооперации. Как первый раз, так и сейчас, время ораторов ограничили до 5 минут.

Первым выступил представитель больничных касс Петрограда Н. А. Киселенко. Он сказал:

«В борьбе с дороговизной кооперация может кое-что сделать. Но есть двоякого рода кооперация. Есть так называемая рабочая кооперация, которая ставит своей целью не только материальное улучшение класса, не только стремится обеспечить его доброкачественными продуктами, но ставит себе и другую цель—дать рабочим и духовную пищу. Кооперативное движение в России развивается. Рабочее кооперативное движение не развивается, а в последнее время умирает. На всю Россию было около 50 кооперативов, а сейчас их существует всего 15, на них сыплются административные кары. Если у рабочих нет возможности вести борьбу с дороговизной жизни, нам приходится для того, чтобы бороться с дороговизной, вести борьбу за заработную плату. В совещании, происходившем в министерстве торговли и промышленности, констатировалось повышение заработной платы на 35—100%. Это неверно и опровергается начавшейся забастовкой на петроградских заводах, о которой упоминает об'явление генерала Рузского. На отсутствие заработной платы указывает и падение взносов в больничные кассы. Вместе с тем повысился расход больничных касс в связи с увеличением числа болезней, что об'ясняется повышением интенсивности труда и сверхурочными работами.

Говоря об увеличении заработной платы, фабриканты совершили подтасовку. У нас в Петрограде чернорабочие переводятся на некоторые специальные станки. Заработок чернорабочего колеблется от 1 р. до 1 р. 20 к.; но когда чернорабочий переводится на специальный станок, он, вместо 1 р. 20 к., зарабатывает 2 р., 2 р. 50 к. Заработная плата токарей, которая была 4 р. до войны, теперь не увеличена. Слесаря зарабатывали 2 р.—2 р. 50 к.,—сейчас заработная плата их стоит на том же уровне. Чернорабочие зарабатывали 1 р., 1 р. 20 к.,—их заработная плата осталась та же, за исключением тех счастливчиков, которых перевели на специальные станки. Женщина получала раньше 70 к., и теперь то же. Мальчики-ученики получали 40 к., и теперь они получают столько же. В Петрограде началось движение среди рабочих, чтобы как-нибудь улучшить свое положение. Дороговизна поднялась на 70%, а заработная плата осталась та же. Следовательно, заработная плата понизилась на 70%. Мы должны принять меры, чтобы улучшить наше положение».

Делегат И. К. Давыдов от проф. о-ва Тулы сказал: «Кооперация может понизить цены на продукты первой необходимости. Но в иных случаях, когда параллельно сокращается бюджет трудящегося населения, мы сталкиваемся с вопросом о заработной плате. Жизнь вздорожала на 70%, но заработная плата не повысилась. В Туле на заводе работает почти половина женщин-солдаток; они зарабатывают 40 к. в день. Из отчета фабричной кассы видно, что 551 рабочая семья болела анемией, которая развивается на почве систематического недоедания. Это было до повышения дороговизны на 70%. Теперь положение еще острее. Возникшая на этой почве стачка раздавлена фабрикантами и администрацией. На Тульском оружейном заводе за 12 часов труда рабочие получают в месяц 25—30 рублей. При этих условиях мы вынуждены бороться за повышение заработной платы».

О положении рабочей кооперации и профессиональных организаций говорил москвич И. С. Токарев.

«В настоящее время,—сказал он,—рабочая кооперация так же, как и профессиональные организации, задавлена. Кооперация могла бы быть действительным орудием борьбы с дороговизной и действительной выразительницей широких масс населения, если бы имели возможность существовать рабочие кооперативы и профессиональные организации».

И. А. Карасев, делегат больничных касс Москвы, высказался против предложения гг. Кафенгаузена и Сироткина о привлечении труда военнопленных. В настоящее время на сельскохозяйственные работы взято 56.000 военнопленных, которые сильно понизили заработную плату. Что касается заготовки топлива, то при господствующих в настоящее время в угольной промышленности порядках сомнительно, чтобы хватило и тех

55 милл. с. дров, о которых говорил г. Сироткин. Из материалов с'езда углепромышленников видно, что число рабочих на шахтах уменьшилось на 8.100 человек. Рабочие бегут из-за невозможных условий труда: при нищенской заработной плате рабочий день длится 10—11 час., а что касается жилищных условий, то даже и министр торговли и промышленности при осмотре помещений рабочих признал их крайне неудовлетворительными. В заключение оратор предостерегает против передачи дела снабжения страны топливом в ведение расшатанной правительственной машины.

На последнем вечернем заседании:

М. И. Скобелев (член Государственной Думы) от имени рабочей группы совещания заявил, что группа целиком стоит на почве требований, оглашенных членом Государственной Думы Хаустовым. Что же касается оглашенной резолюции, то рабочая группа воздерживается от голосования первой ее части, заканчивающейся словами: «Для успеха борьбы необходимо единение всех сил страны и быстрое приспособление всей жизни к состоянию войны» из тех соображений, которые изложены в заявлении от имени рабочей группы, сделанном в первый день заседания. Относительно дальнейшего пункта резолюции по вопросам государственно-правового строительства, рабочая группа предлагает к пункту, где говорится о примирении и забвении старой политической борьбы, другую редакцию: «полная политическая амнистия и немедленное восстановление в правах осужденных депутатов рабочей фракции».

Пункт, трактующий о равноправии национальностей и вероисповеданий, рабочая группа предлагает дополнить резолюцией специально по еврейскому вопросу. Еврейский вопрос является в руках властей не только орудием угнетения этой народности и затемнения сознания народных масс, но и орудием отвлечения внимания от вопросов государственного строительства. В данный исторический момент люди русских общественных начал должны сказать, что они не причастны к наветам, которые возводятся на целую народность, что они хотят предохранить сознание русского населения от того яда, который преподносится под видом нового навета.

К пункту 4, говорящему о свободе образования профессиональных организаций и союзов, рабочая группа предлагает добавить требование о неприкосновенности личности и свободы коалиций, имея в виду все виды профессиональной экономической борьбы рабочего класса.

Что касается последнего пункта, где говорится о новом правительстве из лиц, пользующихся доверием общества, то рабочая группа предлагает высказать ясно и недвусмысленно требование российской демократии. Вместо предложенной Н. М. Кишкиным редакции рабочая группа предлагает следующую:

«Создание полновластного народного представительства, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и образование ответственного министерства».

Против внесенной рабочей группой и Анисимовым от имени кооперативных учреждений поправок к резолюции выступил А. И. Шингарев. «Соглашение, состоявшееся между представителями городов,—сказал он,—выразилось в об'единяющей формуле, которая оглашена. Мы полагали, что она выражает настроение большинства городов и, может быть, большинства собравшихся. Наше единение должно быть подчеркнуто принятием этой резолюции. Мы не считаем себя в праве стать на чисто партийную точку зрения (?) и ради опасности, стоящей перед родиной, мы считаем необходимым настаивать на принятии этой единой резолюции». Собрание не осталось глухим к этим патриотическим призывам, и резолюция, с исключением одного слова «вполне», сделанного, видно, для удовлетворения кооперативной группы, прошла в прежней редакции, при незначительном количестве голосов против и воздержавшихся.

Рабочие, составляющие очень небольшой процент совещания, конечно, не думали проводить свою резолюцию; они присутствовали с тем, чтобы заявить свой голос протеста против полицейского насилия над профессиональными организациями, рабочей кооперацией, против низкой заработной платы и дороговизны. В принятой ими резолюции о причинах дороговизны они сказали:

«I) война не создала, а только ускорила и обострила развитие дороговизны, в котором выражается постоянное уменьшение доли рабочего класса в производимых им продуктах и столь же постоянное увеличение капиталистической прибыли.

«II) Война, послужив для правительства поводом к уничтожению рабочей печати и разгрому рабочих организаций, посредством которых пролетариат осуществлял свою классовую самооборону, а с другой стороны, вооружив господствующие классы чрезвычайными охранами, военными и осадными положениями, создала для рабочего класса исключительно неблагоприятные условия для борьбы со все усиливающимся вздорожанием жизни.

«III) Этому чрезвычайному росту дороговизны способствует как общая, так и вся финансовая и экономическая политика правительства, которая проявляется:

«1) В увеличении существующих косвенных налогов, особенно на предметы потребления широких народных масс.

«2) В дезорганизации транспорта, являющейся результатом как всей системы нашего железнодорожного хозяйства, так и повышения тарифов.

«3) В произвольных и несогласованных мероприятиях местных правительственных агентов, совершенно безответ-

ственных и в то же время вооруженных всеми чрезвычайными полномочиями под предлогом военного времени.

«4) В системе закупок для армии.

«5) В непринятии серьезных мер против финансовых и торговых спекуляций.

«6) В деятельности государственного банка, приводящей к понижению курса нашего рубля.

«7) В стеснении общественной самодеятельности в борьбе с дороговизной.

«8) В систематических репрессиях против рабочей и общей печати, профессиональных и иных рабочих организаций; в недопущении свободы слова и собраний.

«Все усиливающийся рост дороговизны всей тяжестью ложится на рабочие массы, понижая реальную заработную плату ниже привычного уровня жизни, что означает в условиях капиталистического строя чрезвычайное усиление пауперизации и вырождение рабочего класса.

«Принимая все это во внимание, рабочая группа полагает, что радикальным средством в борьбе с современным обострением дороговизны может быть лишь полная демократизация нашего государственного строя и преобразование местного самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права без различия пола и национальности, а также осуществления действительной свободы слова, печати, собраний, стачек и союзов, при признании гражданского и политического равноправия за всеми национальностями России».

Эта резолюция, как и декларация рабочей группы, не нуждалась в голосовании и в принятии голосами буржуазной части совещания. Чистые и незапятнанные буржуазной рукой, они пошли в рабочие массы, и там у многих рабочих с их затемненных дурманом национализма глаз сняли завесу.

Московское охранное отделение о ходе работ совещания получало от своих осведомителей исчерпывающий материал. Небезынтересны эти сведения о последних заключительных заседаниях совещания.

Так, осведомитель «Штурман» [1]) 13 июля писал:

«С'езд по борьбе с дороговизной закончился сегодня в 12 часов ночи.

«Всего на с'езде было 327 делегатов; билетов же было выдано 358.

«С 10 часов вечера началось общее собрание делегатов, которое продолжалось два часа, на нем была прочитана членом Государственной Думы Шингаревым резолюция от имени с'езда, составленная президиумом с'езда, и большинством голосов 101 против 77 была принята.

---

[1]) „Ар. Зап."—Штурман, 13/VII 1915 г., № 114, д. № 14.

«Рабочая и кооперативная группы, получив вчера около 6 часов вечера текст политической резолюции, выработанный кадетским президиумом с'езда, обсуждали его у себя, отдельно каждая группа; резолюция эта гласит приблизительно следующее:

«Под влиянием войны выяснилось, что русское правительство оказалось совершенно неподготовленным для охраны страны, не было припасов и пр. Это является результатом того, что хозяйничало бсеконтрольно правительство; это отягчается дороговизной, расстройством транспорта и проч. Надо победить врага, вторгшегося в пределы России; надежды на обновление власти не (вполне) оправдались; а потому необходимо:

«1) единение всех элементов России;

«2) прощение и забвение всех пострадавших за политические убеждения;

«3) равноправие всех национальностей;

«4) незамедлительное введение свободы союзов, печати и слова и

«5) составление правительства по крайней мере из лиц, пользующихся общественным доверием и способных вести к победе страну.

«Рабочая группа решила:

«а) по поводу вводной части резолюции воздержаться;

«б) по поводу 2-го пункта—потребовать амнистию и восстановления в правах осужденных 5 депутатов Государственной Думы; в 3-м пункте внести особую резолюцию о еврейском вопросе; в 4-й пункт внести требование свободы коалиций вообще и неприкосновенности личности; по 5-му пункту внести требование: создания полноправного правительства на основе всеобщего, прямого, тайного, равного избирательного права.

«Кооперативная группа в свою очередь решила:

«а) голосовать за введение в резолюции:

«к 1-му пункту присоединиться;

«по 2-му пункту ясно формулировать требование амнистии;

«по 3-му пункту присоединиться к рабочей группе в ее требованиях по еврейскому вопросу;

«по 4-му пункту внесены незначительные поправки;

«по 5 му пункту выражено несколько мягче, чем у рабочей группы, требование: «Необходимо правительство, построенное на демократических началах».

«С 10 часов вечера началось общее собрание, резолюция от имени с'езда читается Шингаревым; вначале о правительственном центральном продовольственном органе.

«Далее Астров оглашает свой доклад. Читается резолюция о необходимости введения земских учреждений на окраинах. Принята так: «признавая дело введения земских учреждений в губерниях и областях Кавказа, Сибири и Степного края совершенно неотложным, при чем земская реформа ни в коем

случае не может быть отложена до окончания войны, так как успешный исход таковой зависит от мобилизации общественных сил и прочной организации тыла на всем пространстве империи, совещание признает необходимым довести об этом до сведения правительства и просить членов Государственной Думы, присутствующих на совещании, а также всех депутатов от означенных местностей принять со своей стороны меры к немедленному проведению в Государственной Думе соответствующих законопроектов.

«Далее были приняты резолюция о реализации урожая, резолюции о борьбе со спекуляциями банков и ряд административных и технических пожеланий.

«Было высказано пожелание о том, чтобы, с целью урегулировки положения рабочего вопроса, созвать при Министерстве Торговли и Промышленности с'езд представителей больничных касс.

«Далее были приняты тезисы по докладам В. Зельгейма «об об'единении деятельности городских управлений и кооперативов» и В. Зельгейма «о роли кооперативов в борьбе с дороговизной».

«Шингарев затем сообщил, как докладчик от хозяйственной секции, что в этой секции принят ряд пожеланий по докладу Д. В. Сироткина «по вопросу о заготовке дровяного топлива» и по докладу члена московской городской управы Ф. А. Лузина—«продовольственные операции г. Москвы». Эти пожелания будут переданы в Главный Комитет Обще-Городского Союза.

«Далее приняты резолюции по вопросу финансирования городов (положение профессора Гензеля:—«необходимо установить известные взаимоотношения между кооперативом—Московским Народным Банком и городским самоуправлением на почве финансирования»).

«Затем были доложены резолюции по 2-й секции (административной)—докладывал Астров, во-1-х, о таксах,—таксы признаны недостигающими цели и во всяком случае, поскольку необходимо таксировать, надо организовать особые комиссии из представителей кооперативов, профессиональных организаций и городских управлений и земств; комиссии эти должны определять таксы.

«Далее следовала резолюция по вопросу о запрещении вывоза из отдельных губерний; признаны вредными эти распоряжения.

«По вопросу об урегулировании транспорта признано необходимым привлечь все силы страны для разрешения этого вопроса. Приняты положения, изложенные в докладах Громана и Юренева.

«По вопросу о реквизиции: надо принять их в целях обороны, но необходимо организовать такие же комитеты, как по вопросу о таксах.

«Кроме того, вчера же состоялось собеседование некоторых членов совещания по вопросу военно-технического характера; резолюции не приняли, но были высказаны пожелания: создать центральный орган с прерогативами министерства, с участием городских самоуправлений, кооперат., профессион. организаций и технически-ученых обществ в узком составе и вполне автономно. Задачи этого органа намечались так: выдача заказов, распределение, об'единение деятельности Земского и Городского Союзов и Центрального Военно-Промышленного Комитета; на местах должны быть созданы такие же комитеты из таких же представителей.

«Необходимо иметь в виду, что 12-го сего июля, днем, было не общее собрание делегатов, а соединенное заседание секций, на котором, правда, было вообще большинство участников с'езда; шло оно под председательством Кишкина, а 13-го сего июля Кишкин докладывал о работах этого заседания уже на общем собрании.

«Упомянутое заседание об'единенных секций было посвящено почти исключительно политическим вопросам и как результат его явилась изложенная выше резолюция с политическими требованиями.

«В конце общего заседания, после прочтения кадетской резолюции, выступил Скобелев от имени рабочей группы, его встретили аплодисментами.

«Он от имени рабочей группы между прочим сказал: «сейчас правительство старается отвлечь народный гнев туда, куда оно всегда его отвлекало—по линии наименьшего сопротивления,—на головы евреев, но ему не удастся отвлечь гнев народной руки, от тех, кто является первоисточником всех зол нашей родины». За ним выступил Анисимов с поправками от имени кооперативной группы (поправки указаны выше).

«Поправки, однако, путем голосования приняты не были.

«Челноков в этом случае, по общему мнению, неправильно считал голоса, все были возмущены его поведением, он явно подтасовывал решения в пользу членов партии ка-де. Некоторые поправки он прямо затушевывал, затем сказал в конце несколько приветственных слов и закрыл с'езд».

Другой осведомитель «Кондуктор» [1]) голосование резолюций так описывает: «резолюция рабочей группы была президиумом отклонена, а потому было поручено Скобелеву, от имени рабочей группы, во время прений по резолюции президиума, постараться видоизменить последнюю внесением ряда поправок согласно резолюции группы, что было им сделано; однако, все эти поправки провалились, и была принята 101 голосом право-кадетская резолюция, против которой голосо-

[1]) „Ар. Зап."—„Кондуктор" от 14/VII 1915 г., № 116, д. № 14.

вали марксисты, народники и кооператоры, в числе 77 голосов; остальные воздержались от голосования.

«Таким образом в голосовании приняла участие только половина участников с'езда.

«Следует отметить, что кадетская резолюция голосовалась по пунктам и от голосования первого пункта рабочие воздержались, так как этот пункт, хотя и не удовлетворял рабочих, все-таки был составлен в довольно энергичных выражениях.

«Характерно что, по открытии прений Челноков пытался уговорить рабочих голосовать за резолюцию президиума, но, конечно, из этого ничего не вышло».

Более интересный отчет дает осведомитель «Случайный» [1]). Из этого отчета мы узнаем следующие подробности: «Принятая 13 сего июля на общем собрании с'езда по борьбе с дороговизной «политическая» резолюция явилась результатом до некоторой степени соглашения между рабочей группой и кооперативной, с одной стороны, и представителями городов—с другой. Для примирения разногласий между этими группами с'езд вчера до открытия официального вечернего общего заседания разбился на три отдельных совещания, в результате которых с громаднейшими трудностями достигнута была как бы примиряющая, компромиссная резолюция. Предварительные переговоры и страстные споры заняли около двух часов.

«Эти почти двухчасовые споры в среде представителей городов («кадетская» окраска этой группы определилась с первого же дня с'езда) с полной ясностью определили позицию «кадет» и те мотивы, которые заставили их, в конце концов, пойти навстречу рабочим и, хотя и в смягченной форме, принять как требование ответственного министерства, так и требование амнистии.

«Открывая вчера указанное частное совещание группы «представителей городов», Челноков сначала категорически заявил, что он ни в коем случае не допустит проведения резкой политической резолюции.

«Итти в настоящий момент слепо за рабочими,—заявил он,—это прямо безумие. Они зарываются, они теряют головы, но тем больше трезвости должно быть у нас. Внесение политики в деловую работу как с'езда, так и союза является страшной угрозой для тех задач, которые выполняет союз. Кому дорога будущность союза, кто отдает себе ясный отчет в возможных последствиях резкого политического выступления, тот не может не согласиться, что такое выступление в данный момент является по меньшей мере преждевременным. Только после того, как выяснится полная безнадежность всех домогательств союза, следует итти на более решительные шаги в борьбе с властью.

---

[1]) „Ар. Зап." № 115 „Случайного" от 14 июля 1915 г. Дело № 14.

Сейчас же, когда есть признаки, что власть постепенно идет на уступки и в этих уступках может зайти еще дальше, сейчас слишком нажимать на власть значило бы испортить то, что так хорошо начато и, быть может, лишиться того, что уже в этом отношении достигнуто. Является совершенной очевидностью, что надеяться на осуществление ответственного коалиционного министерства—это значит верить в совершеннейшую утопию, а между тем поддержка этой утопии может привести к самым неожиданным и тяжелым последствиям. Идя рука об руку с рабочими, мы подвергаем риску самое существование союза; дорожа его возможной политической ролью в будущем, мы должны сейчас уклониться от принятия резких политических резолюций».

«Последний аргумент Челнокова вызвал резкую реплику со стороны Астрова.

«Астров заявил:—«Неужели вы серьезно верите, что правительство может закрыть союз. Пусть только попробует. Мы связаны тысячью нитей с армией, тысячью нитей с самыми разнообразными слоями населения, и насилие над союзом вызвало бы как в армии, так и в народе такой взрыв негодования, что правительство никогда не посмеет пойти на такой шаг. К резолюции, какую примет Городской Союз, несомненно присоединится Земский Союз, и в таком случае правительству пришлось бы закрыть оба союза. Но ведь это было бы уже катастрофой. Это значило бы отнять у армии три четверти той помощи, какую под флагами Красного Креста оказывают ей союзы. Принятие решительной политической резолюции—гражданский долг союза, и отказываться от выполнения этого долга во имя призрачного страха за существование союза прямо гражданское преступление».

«Астрова поддержал Родичев. Он также не верит, что союзу грозит какая-нибудь опасность. «Союз пустил слишком глубокие корни в армии и в народе, чтобы его мог закрыть какой-нибудь урядник с той же легкостью, с какой закрывается какой-нибудь профессиональный союз рабочих в глухом углу провинции.

«Репрессии в отношении Городского и Земского Союзов (а сейчас это единая сила) значили бы, что правительство идет не на всероссийский, а на мировой скандал. Кроме того, ведь не останется безучастной зрительницей такого насилия и Государственная Дума, которая за подобный шаг потребует к ответу правительство. Государственная Дума не сможет отрицательно отнестись к вопросам и требованиям, поднятым на настоящем с'езде. Те же вопросы и требования будут поставлены и перед ней. С первых же шагов работы Государственной Думы вскроется, что таится за обновленным кабинетом; есть ли это действительное обновление, желание итти навстречу обществу, или же это шантаж, стремление обмануть общество и при первой воз-

можности вернуться к старому. И если окажется, что это так, то страстный крик «долой правительство» раздастся в самой Думе, и она выдвинет тот же лозунг—борьбу за ответственное коалиционное министерство. Что же касается требования амнистии, то это такое требование, что было бы просто позорно отказываться от него».

«Примирительную позицию занял князь Шаховской.

«Он доказывал, что требования рабочих в сущности ровно ничего революционного в себе не заключают и весь вопрос лишь в том, чтобы эти требования изложить так, чтобы они не звучали слишком резко, пугающе для правительства.

«На такую точку зрения стал и Шингарев. И тут же он первый предложил более смягченную формулу вместо слов «ответственное министерство»—«власть, облеченная доверием всех слоев населения», вместо слова «амнистия»—«примирение и всепрощение».

«За подобную смягченную формулу стали раздаваться голоса многих провинциальных делегатов, и, видя создавшееся настроение, Челноков стал уступать.

«Между прочим один из провинциальных делегатов высказал такую мысль:

«Если мы не примем сейчас определенную политическую резолюцию, мы останемся в хвосте событий. Наш голос не останется одиноким.

«Имеются сведения, что подобные же резолюции будут приняты многими провинциальными военно-промышленными комитетами и вообще общественными организациями. Отдельные голоса сольются в дружный хор, и перед таким натиском правительство не сможет не пойти на уступки. Сейчас, когда мы теряем Варшаву, Ригу, когда перед нами еще более страшные угрозы, сейчас правительство находится в состоянии той растерянности, что более удобный момент для пред'явления требований едва ли представится».

«Последнее соображение для очень многих делегатов было решающим, кроме того, многие делегаты определенно выражали страх перед надвигающимися военными событиями, какую-то слепую веру, которую избегают выражать громко, что военная катастрофа неизбежно сметет настоящую правительственную власть. Это, с одной стороны. А с другой—на с'езде проводилась такая масса фактов, рисующих дезорганизацию власти, оставившей армию без снаряжения, так громко кричалось о «вопиющих преступлениях власти», что многие даже вовсе не революционно настроенные пришли к мысли о необходимости борьбы с настоящим правительством.

«Выступая в этом же частном совещании в защиту требования ответственного министерства, один из провинциальных делегатов снова в ярких красках стал рисовать ужасное положение армии, беспомощность работ в тылу, вопиющие престу-

пления—хищения и т. д. на местах и в заключение истерическим голосом стал кричать о гибели родины. Это выступление произвело на присутствующих громадное впечатление. Возражающие притихли. Челноков явно сдался, и судьба «политической» резолюции была решена в утвердительном смысле.

«Выработав свою смягченную резолюцию, т.-е. ту, что была прочтена вечером 13-го сего июля на общем собрании при голосовании резолюции, кадеты были уверены, что достигли полного соглашения с рабочими и кооператорами, и что в этой форме в открытом официальном заседании резолюция будет принята единогласно. Тем более неприятное впечатление на кадет произвело выступление Скобелева и представителя кооперативов Анисимова, потребовавших поставить на голосование поправки крайних левых.

«Челноков во время произнесения речи Скобелевым растерялся.

«Когда же левые потребовали голосования своих поправок, Челноков стал резко обрывать рабочих и, как у них говорилось, подтасовывать голосование.

«Характерна внешняя позиция, какой придерживались кадеты при голосовании поправок левых. Все они проваливались подавляющим большинством. При чем, когда рабочие бурными аплодисментами поддерживали такое требование как амнистия, на скамьях кадет почти не раздалось ни одного хлопка.

«Даже когда Скобелев в страстных словах выступил в защиту евреев и потребовал включения в резолюцию требования еврейского равноправия, кадеты ответили на это требование молчанием.

«Как известно, в своей резолюции кадеты высказали лишь общее положение о равноправии всех без различия национальностей и вероисповеданий».

Принятая совещанием резолюция гласила:

«Год войны поставил страну перед великим испытанием.

«Совершая подвиги и принося неисчислимые жертвы, русская доблестная армия оказалась недостаточно снабженной боевым снаряжением, для изготовления которого не были приняты своевременно должные меры со стороны безответственных пред страной органов власти.

«Великий труд и жертва нашей армии отягчается условиями дезорганизации внутри страны в деле продовольствия и связанных с ним товарообмена и транспорта.

«Армия и население готовы ко всяким испытаниям и великим жертвам, чтобы оборонить страну и победить врага, вторгшегося в наши пределы.

«В начале войны все слои населения сливались в общем сознании своего исторического долга пред родиной и ее будущим, в стремлении к победе, но дружный порыв одушевления и напряжения сил народа не нашел условий для своего

выражения; надежды, возлагавшиеся на обновление, не оправдались.

«1) Для успеха борьбы необходимо об'единение всех сил страны и быстрое приспособление всей жизни страны к состоянию войны.

«2) В минуты опасности акт примирения и забвения старой политической борьбы должен поднять дух населения и вернуть к работе и общественной деятельности на пользу родины граждан, теперь по политическим причинам отозванных от этой работы.

«3) В целях об'единения всех сил страны должны быть уничтожены все различия в правах для всех национальностей и вероисповеданий, входящих в состав русского государства.

«4) В тех же целях и для успешной борьбы с явлениями дороговизны, а также для обеспечения правильной непрерывной работы на заводах и фабриках, необходимо незамедлительно предоставить свободу образования профессиональных организаций и союзов, дать свободу печати и слова.

«5) Не предрешая дальнейших форм организации народного представительства, представляющихся различными отдельными политическими течениями и партиями, совещание признает, что в настоящее время для успеха борьбы необходимо, по крайней мере, чтобы правительство состояло из лиц, пользующихся доверием страны. Только такой состав сделает правительство сильным, бодрым и способным повести великую страну к победе».

Первоначальная же резолюция рабочей группы, внесенная ею в президиум совещания и последним отклоненная, гласила:

«Принимая во внимание, что правящие слои в настоящий исторический момент обнаружили свое полное банкротство, что хозяйственная дезорганизация страны принимает угрожающий характер и что борьба с этой дезорганизацией может успешно вестись только при непосредственном и активном участии всех живых сил страны, а в особенности наиболее заинтересованных в этом вопросе трудящихся классов,

«совещание считает необходимым:

«1) создание полновластного народного представительства, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, и образование ответственного министерства;

«2) установление неприкосновенности личности, полной свободы слова, печати, собраний и коалиций;

«3) гражданское политическое равноправие всех народностей и вероисповеданий;

«4) полную политическую амнистию и немедленное восстановление в правах осужденных рабочих депутатов рабочей фракции;

«5) полную демократизацию земского и городского самоуправлений и до введения в жизнь соответствующего закона немедленное привлечение в исполнительные комиссии по борьбе

с дороговизной представителей рабочих и демократических слоев населения и

«б) немедленное создание центрального органа по борьбе с дороговизной, составленного из представителей общественных организаций, об'единяющих все слои населения, и обладающего широкими исполнительными полномочиями».

Эта резолюция президиумом даже не была поставлена на голосование. Несмотря на это, ее призывные лозунги были брошены на фабрики и заводы и там будили рабочие массы и звали их не к забвению распрей, как это хотелось буржуазии, а к новым схваткам с царизмом и капиталом.

Притихшее в первые дни войны рабочее движение на исходе первого кровавого года было снова вызвано к жизни.

Лозунг «социального мира» лопнул; его сменила социальная вражда—классовая борьба.

С лозунгом борьбы не с внешним врагом, а с своим внутренним снова выступил российский пролетариат. При громах военной канонады два года шла эта борьба, которая в конечном счете привела к свержению власти царя, а потом и капитала.

ГЛАВА XVI.

Война и забастовочное движение.—Забастовки по Московской губернии за 1914—1915 г.г. Общие данные о забастовочном движении.—Поводы и результаты забастовок.—Русская промышленность военных годов.—Заработная плата по Москве и другим районам и профессиям.—Труд женщин и подростков.—„Золотой век".

Было бы не совсем верно, если бы мы согласились с утверждением как охранного отделения, так и некоторых исследователей о том, что в связи с об'явлением войны в рабочих массах наблюдался патриотический под'ем, приведший рабочих к воздержанию от забастовочных выступлений.

Освещение вопроса, каково было настроение рабочих в первые годы войны (1914—1915 г.г.),—задача не только этого, но и второго тома. В этой же главе мы попытаемся с помощью некоторых цифровых данных внести большую ясность в общую картину рабочего движения этих годов,

При этом мы постараемся на ряду с данными за эти годы дать цифры и за предшествующие, так как оценить характер классовой борьбы каждого отдельного момента только и можно, не вырывая его из исторической связи. Наконец, говоря о рабочем движении Центрально-Промышленного (Московского) района, мы не могли не коснуться и общероссийских данных тем более, что число стачечников Центрально-Промышленного района в 1914 г. составляло 25,5% общероссийского, а в 1915 г. оно еще более возросло и достигло 67,5%.

После этих предварительных замечаний перейдем к существу вопроса.

По статистическим данным количество классовых конфликтов и число вовлеченных в них рабочих по Московской губернии за 1914 и 1915 г.г. [1]) дают нам следующую картину (см. табл. № 1).

Из этой таблицы мы узнаем, что в Московской губернии число вовлеченных в стачки в 1914 г. было 149.124, а в 1915 г.—155.848 рабочих. Если припомнить, что в 1914 году Россия выдвинулась по числу забастовок и забастовщиков на первое место сравнительно с западно-европейскими странами и только за 7 довоенных месяцев число забастовок было почти в полтора раза больше чем в предыдущем году, то цифры эти будут

[1]) «Статистический Ежегодник» за 1913—1917 г. (изд. ЦСУ).

Таблица № 1.

Количество классовых конфликтов и число вовлеченных в них рабочих по Московской губернии за два первые года войны.

№№ по порядку.	Отрасли производства.	Число конфликтов по Московской губернии.				Число вовлеченных рабочих.					
		В абсол. числах. 1914 г.	В %%.	В абсол. числах. 1915 г.	В %%.	В абсол. числах. 1914 г.	В %%.	В абсол. числах. 1915 г.	В %%.	Число вовлеченных раб. на 1 конфликт.	
										1914 г.	1915 г.
1	Обработка волокнистых веществ.	31	7,4	59	28,5	25.579	16,8	105.364	70	825	1.786
2	Бумажно-полиграфическая . .	77	18,42	36	17,4	16.027	10,7	6.973	4,4	208	193,5
3	Обработка пищевых и вкусовых веществ.	11	2,63	7	33,38	3.743	2,5	4.740	3,0	340	677
4	Обработка металлов и машиностроение	242	58,2	85	41,0	96.399	64	36.255	23,2	398	425,5
5	Химическая промышленность. .	5	1,2	—	—	1.624	1,1	—	—	325	—
	По всем отраслям производства.	418	100	207	100	149.124	100	155.846	100	356	725

весьма показательны. Не менее важно отметить, что по данным этой таблицы число вовлеченных рабочих в один конфликт в 1914 г. было 356, а в 1915 г.—725. Последние данные показывают нам, что в этом году забастовки происходили в наиболее крупных предприятиях. То же самое мы имеем и во всероссийском масштабе, хотя и не в столь выразительных цифрах. Вот некоторые данные (см. табл. № 2).

Эта таблица тоже показывает, что количество вовлеченных в конфликты экономического характера, исчисляемое в 1914 г. в 272.347, в 1915 г. достигло 383.587 рабочих. То же самое и количество вовлеченных рабочих в один конфликт от 231,5 в 1914 г. поднялось до 265,8 в 1915 г. Если же мы обратим внимание на то, что текстильная промышленность (обработка хлопка, шерсти и прочих волокнистых веществ) в 1915 г. дала значительное увеличение числа вовлеченных в забастовки рабочих и что она главным образом расположена в Московском районе, то яркость данных Московского района будет понятна. Об экономических забастовках 1915 г. можно сказать, что центр их—это текстильная промышленность. В числе 383.587 забастовщиков (экономических забастовок) в 1915 г. мы имеем 273.952 текстилей. В 1914 г. их было всего только 115.532.

Что же касается характера экономических конфликтов и их результатов, то ответ на этот вопрос может дать следующая таблица, составленная по данным «Отчета отдела промышленности за 1913, 1914 и 1915 г.г.» (см. табл. № 3).

Из этих данных мы видим, что большинство конфликтов экономического характера в 1915 г., а именно 72,2%, произошло из-за заработной платы. Среднее количество потерянных человеко-дней на один конфликт,—с 275 в 1913 г. поднялось до 2.350 ч.-д. в 1915 г. [1]).

Стачки, которые шли под требованием улучшения условий труда и быта, оканчивались, по сравнению с другими требованиями, относительно благоприятно для рабочего класса: 8,8%—1913 г. и 37% — 1915 г. окончились победой рабочих, а 81,3%—1913 г., 21,9%—1915 г.—победой капиталистов. Особый интерес представляет анализ стачек, окончившихся в ничью, компромиссом. Конфликты из-за заработной платы окончились компромиссом в 56,6 случаях из ста в 1914 году, в 44,2 случаях из ста в 1915 г.; из-за рабочего времени—76,5% в 1914 г. и 53,8% в 1915 г., из-за улучшения условий труда и быта—65,9% в 1914 г. и 41,1% в 1915 г. Во всех трех случаях ряд компромиссных стачек убывает к 1915 г. Под воздействием силы наступления рабочего

[1]) Относительно приводимых цифр стачечного движения в России следует оговорить, что они дают далеко неполную картину этого движения, так как касаются только забастовок в предприятиях, подведомственных фабричной инспекции. Между тем был целый ряд забастовок также в горных, трамвайных, казенных предприятиях. Сила стачечного движения, измеряемая количеством человекодней, потерянных на один конфликт, было на самом деле еще больше, чем можно судить по приведенным выше цифровым данным.

Таблица № 2.

Количество и интенсивность классовых конфликтов в России в 1914 и 1915 г.г. экономического характера.

№№ по порядку.	Отрасли промышленности.	Число конфликтов.				Число вовлеченных рабочих.				В среднем на 1 конфл.	
		Абсолют. на		В % к итогу.		Абсолют. числа.		В % к итогу.		Вовлеченных раб.	
		1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.
1	Обработка хлопка	96	195	9,9	27,2	94.661	225.655	34,0	59,0	986	1.252
2	Обработка шерсти	10	19	1 т.п.т.	2,7	2.405	3.487	0,8	1,0	240,5	183
3	Прог. пр.-во по обработке волокнистых веществ	42	83	4,3	11,6	18.466	41.810	6,6	11,6	439	503
4	Произв. бумаг-полиграф.	48	40	4,8	5,5	4.565	2.121	1,6	0,5	95	53
5	Механич. обработка дерева . . .	61	101	6	14,1	5.085	5.369	1,8	1.3	63	53,85
6	Обработка металлов	303	136	31	19	87.773	81.853	31,0	21,0	289	601
7	Обработка минеральн. веществ. .	50	58	5,1	8,1	8.064	6.196	2,8	1,4	161	106
8	Обработка живот. продуктов . .	41	16	4,2	2,2	5.559	5.155	1,3	1.2	135	322
9	Обработка пищевых и вкусовых веществ	49	56	4,9	7,8	8.759	11.367	3,7	3,9	179	203
10	Химическое производство . . .	18	3	1,8	0,4	10.022	128	3,5		208	43
11	Добывающая промышл.	212	8	27,1	1,1	32.179	446	11,0	-	151	55
12	Прочие производства	9	-	0,9	—	809	—	0,3	—	—	—
		969	715	100	100	278.347	383 .887	100	100	231,5	265,8

Таблица № 3.

Классификация экономических конфликтов 1914 и 1915 г.г.

Годы.	Требования касались			Конфликты окончились									
				В пользу рабочих.			В пользу предпринимателей.			Компромиссом.			
	Заработной платы.	Рабочего времени.	Др. условий труда и быта.	Зарплата.	Рабочее время.	Другие условия труда и быта.	Зарплата.	Рабочее время.	Другие условия труда и быта.	Зарплата.	Рабочее время.	Другие условия труда и быта.	
	100%	100%	100%										
1914 . . .	474	349	146	65	6	18	141	33	32	268	310	96	Таблица составлена по данным отчета отдела промышленности за 1913, 14 и 15 г.г. М. Т. и Пр.
1915 . . .	520	18	175	131	2	64	159	10	39	230	6	72	
В % 1914 . . .	48,9	36,0	15,1	13,7	1,7	12,3	29,7	9,7	21,8	56,6	76,5	65,9	
В % 1915 . . .	72,7	2,5	24,5	25,1	11,1	37	30,7	35,1	21,9	44,2	53,8	41,1	
1913 . . .	1.020	55	295	81	7	26	347	30	240	592	18	29	
В % 1913 . . .	74,5	4,0	21,5	7,6	12,7	8,8	31	54,5	81,3	62,4	32,8	9,9	

класса и силы сопротивления класса капиталистов «неустойчивое равновесие», в котором находилась классовая борьба в 1914 г., во второй год войны нарушается, и убывающий ряд цифр компромиссных стачек лучше всего характеризует обострение классовой борьбы. Как в первый, 1914, г., так и во второй, 1915 г., войны стачечников в Центрально-Промышленном районе было больше, чем по всей России. 1915 г. дает преобладание экономических забастовок над политическими: 715 экономических и 213 политических, а среди экономических преобладают забастовки из-за заработной платы: 72,7% (сведения общероссийские). Исключительно тяжелым экономическим положением массы рабочих Московской области обусловлено значительное превышение числа стачечников этого района.

Переходя к вопросу об экономическом положении рабочих, приходится отметить и положение русской промышленности.

По данным сборника «Вопросы заработной платы» [1]) интересующие нас данные дают следующую картину (см. табл. № 4).

Из данных этой таблицы мы видим, что число занятых рабочих в непрерывно действующих предприятиях возросло с 1913 г. по 1915 г. на 6,3%, годовая же выработка за то же время возросла на 34,4%. Все это была победа нашей военной промышленности на нашем внутреннем фронте, как сейчас мы выражаемся. Из военных индустрий особенно процветали в эти годы металлургическая и химическая. Заведения, работавшие на оборону и обнаружившие тенденцию к расширению, к 1915 г. увеличили число рабочих до 129,5%, а валовая продукция этих же заведений увеличилась до 185,4%.

Только в текстильной промышленности к 1915 г. число рабочих снизилось до 97,7% и валовая продукция до 97,3%.

На ряду с этим процветанием промышленности с самого же начала войны возникла диспропорциональность в соотношении различных отраслей промышленности между собою. Например, обработка металлов и машиностроение, производство кислот и взрывчатых веществ быстрым темпом расширяли производство средств вооружения армии, текстильная же промышленность в это же время сокращала и рабочих и выработку. Нарушение пропорциональности между отраслями промышленности было одной из причин salto mortale цен, глубинных ценностных сдвигов 1915—1916 г.г. Период дороговизны отразился отрицательным образом на положении рабочих масс, т. к. снижалась их доля дохода в общественном годовом доходе, благодаря снижению реальной заработной платы.

Вот несколько данных, иллюстрирующих динамику заработков фабрично-заводских рабочих в Московской области. Данные разработаны Миндлиным [2]) и охватывают 94 предприятия с 95 тысячами рабочих.

[1]) „Вопросы заработной платы“, Москва, 1924 г.
[2]) „Статистика труда“, № 8—10, 1919 г., стр. 8—14.

Таблица № 4.

Русская промышленность 1913, 1914 и 1915 г.г. [1]).

ГОДЫ.	Число непрерывно действовавших предприятий.	Число рабочих.		Годовая выработка.		В ТОМ ЧИСЛЕ.											
						Заведения, работавшие на оборону обнаруж. тенденцию.						Заведения, не работ. на оборону, необнаруж. тенденции.					
						к расширению.				к сжатию.				к расширению.		к сжатию.	
						Число рабочих.		Выраб. продукт.		Число рабочих.		Выраб. продукт.		Число рабочих.		Выраб. продукт.		Число рабочих.		Выраб. продукт.	
		Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.	Абсолют. в тысяч.	В %%%.
1913 . .	2230	772	100,0	1.830,3	100	244	100	779,9	100	418,9	100	875,8	100	39	100	64,0	100	—	100	—	100
1914 . .	2290	795,0	102,9	1.915,6	104,5	269,1	110,2	887,8	113,9	418,3	99,8	850,0	97,7	39,5	100,9	70,5	110.3	—	98,5	—	96,9
1915 . .	2290	825,6	106,9	2.467,4	134,4	316,6	129,5	1.414,5	185,4	409,3	97,7	852,6	97,3	38,2	97,6	78,6	121,9	—	87,1	—	83,7

1) „Вопросы заработной платы". Москва, 1924 год.

Таблица № 5.

Динамика месячного заработка фабрично-заводских рабочих в Московской области.

Годы.	Все рабочие.		Текстильщ.		Металлисты.		Всеросс. индекс цен.
	Ном.	Реал.	Ном.	Реал.	Ном.	Реал.	
1914 { 1-е полугодие . . .	22,53	25,5	14,47	14,5	31,21	31,2	1,0
1914 { 2-е „ . . .	21,18	19,6	14,25	13,2	32,40	30,0	1,08
1915 { 1-е полугодие . . .	23,35	19,5	15,31	12,8	34,85	29,1	1,20
1915 { 2-е „ . . .	30,07	21,5	17,14	12,2	46,59	33,3	1,40
Заработок 2-го полугодия 1915 г. в % к 1 полугодию 1913 г. . . .	134	84	—	84	—	106	—

Дороговизна с самого начала войны вызвала снижение заработной платы рабочих Московской области. Повышение реальной заработной платы замечается лишь со второй половины 1915 г., но и то реальный заработок всех рабочих достиг 84% довоенного уровня.

Та же картина наблюдается и по всей России. По данным, приведенным Струмилиным в его работе «Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 г.» (изд. Москва, 1923 г.), мы имеем следующую картину:

Таблица № 6.

Средний месячный заработок текстильщиков и металлистов в России (в рублях).

Годы.	Текстильщики.				Металлисты.				Оплата металл. и опыти. текстильщиков.
	Номинальной по данным.		Реальной по данным.		Номинальной по данным.		Реальной по данным.		
	Цсу.	Фаб. ин.	Цсу.	Фаб. ин.	Цсу.	Фаб. ин.	Цсу.	Фаб. ин.	
1914	17,4	17,6	16,4	16,6	39,2	38,0	37,0	35,9	2,16
1915	22,9	19,5	17,6	15,0	54,8	46,4	42,2	35,7	2,38
Заработок 1915 г. в % к 1914 г. .	—	—	—	90,3%	—	—	—	99,4%	—

Процесс обнищания рабочих масс всероссийскими данными несколько скрадывается, затушевывается годовыми данными. По полугодиям сведения по Московской области гораздо лучше изображают динамику в изменении заработной платы. Но и по годам явно наметилась понижательная тенденция по группам квалифицированных рабочих (металлистов) и неквалифицированных (текстильщиков).

Период дороговизны не сказался бы с такой силой на снижении заработной платы, если бы не произошло больших изменений в составе рабочей массы, если бы труд взрослых мужчин не был бы так «разжижен» трудом женщин и детей, неорганизованных и неумевших развить почти никакой силы сопротивления. Вовлечение работниц в стачечную борьбу в начале их поступления в промышленное предприятие—дело трудное. И там, где количество работниц значительно увеличилось, наблюдается уменьшение стачечного движения, т.-е. уменьшается сила сопротивления рабочего класса наступлению капитала. Это положение достаточно подтверждается изучением распространения женского труда по Москве и по России и стачечной борьбы в Центрально-Промышленном районе сравнительно со всей страной.

% женщин среди фабрично-заводских рабочих по всей России в 1914 и 1916 г.г. изменился следующим образом [1]).

Таблица № 7.

Изменение % женщин среди фабрично-заводских рабочих 1914—1916 г.г.

Название производства.	%% женщ. (всех возраст.) к общ. числу раб. на:	
	1914 г.	1916 г.
Производство по обработке металлов	4,5	12,12
Текстильное производство	55,1	62,4
Производство химич. и строит. матер.	21,8	30,3
„ по обработке дерева	9,7	13,9
Писчебумажное производство	36,0	40,8
Пищевое и табачное производство	26,0	34,0
Сахарное производство	17,2	26,2
Полиграфическое производство	10,6	15,5
По всем производствам (1—9) . .	30,5	6,3 3

1) Данные взяты из статьи тов. Л. Рашина „Динамика рабочего состава в пром. за 1913—1922 г.г.“ в сборнике „Вопросы зар. платы“, М., 1923 г.

В среднем % женщин среди фабрично-заводских рабочих возрос на 6,3%. По отдельным производствам прирост колеблется от 7,7% по обработке металлов и текстилю и др. до 4% по пищевому и табачному производствам.

По Москве, данные которой типичны для Центрально-Промышленного района, распространение женского труда за первые два года войны изменилось значительно меньше, чем по всей стране.

Распространение женского труда по данным больничных касс г. Москвы [1]) мы имеем следующее:

Таблица № 8.

Распространение женского труда по данным больничных касс г. Москвы.

Название производства.	% женщин к общему числу рабочих на:	
	1914 г.	1915 г.
Текстильное производство	40,05	41,61
Бумажное производство	11,37	12,35
Механич. обработка дерева	11,49	9,50
Обработка металлов	11,08	13,54
„ минеральных веществ	8,49	10,71
„ животных продуктов	14,61	15,24
„ веществ вкусовых и питат.	51,80	52,62
Химическое производство	19,13	23,67
По всем группам	25,28	27,60

В среднем процент женщин возрос к 1915 г. на 2,32% в Московском районе и по всей России на 6,3%.

По текстилю возрастание по Москве равняется 1,55%, по России—7,3%, по металлу в Москве—равняется 0,93, по России—7,7%. То же соотношение, примерно, получается и по остальным производствам. Число забастовщиков Центрально-Промышленного района составляло 25% числа всех забастовщиков по России в 1914 г. К 1915 г. процент поднялся до 67,5—$^2/_3$ числа забастовщиков всей страны падает на Центрально-Промышлен-

[1]) Каплун,—„Труд и здоровье“, стр. 116.

ный район. В значительной мере благодаря тому, что рабочий состав Центрально-Промышленного района и не был сильно «разжижен» трудом вновь принятых работниц, которые вначале непривычны к организованности и борьбе, мы имеем выдвижение пролетариата Московской области по силе сопротивления наступлению капитала на первое место.

Констатированное нами расширение женского труда достигло в 1916 г. 36,0%. Женщина все больше и больше выходила из узкого круга домашних, семейных интересов, все более привлекалась к непосредственному участию в классовой борьбе [1]).

По отдельным же производствам мы имеем следующую картину:

Таблица № 9.

Изменение % подростков и малолетних среди фабрично-заводских рабочих России с 1914—1916 г.г.

Название производств.	% подростков к общему числу рабочих на:	
	1/I 1914 г.	1/I 1916 г.
Производство по обработке металлов	8,9	9,1
Текстильное и швейное производство	11,2	13,9
Производство химич. и строит. матер.	14,3	16,5
„ по обработке дерева	6,2	12,1
Писчебумажное производство	13,6	17,1
Пищевое и табачное производство	17,3	10,7
Сахарное производство	7,2	11,7
Кожевенное производство	8,8	10,8
Полиграфическое производство	24,2	26,2
По всем производствам (1—9) . .	10,7	12,6

1) Вот как о привлечении к производству женщин и подростков высказался Вл. И. Ленин в своей книге „Развитие капитализма в России“, стр. 433. „Говоря о привлечении к производству женщин и подростков, необходимо заметить, что это явление есть в основе прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды населения в особенно тяжелое положение, но зато втягивание в промышленную работу женщин и подростков разрушает и патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений, привлекал их

Увеличение числа подростков и малолетних среди фабрично-заводских рабочих 1914—1916 г.г. шло приблизительно тем же темпом, каким шло распространение женского труда в г. Москве. По всем производствам процент увеличился на 2,1 к концу 1915 г.[1]).

Широкое распространение труда женщин и подростков об'ясняется стремлением капитала иметь дополнительную прибыль от эксплоатации дешевого труда.

Революционизированию сознания этой наиболее отсталой части пролетариата сильно помогло драконовское рабочее законодательство военных годов. Закон 9 марта 1915 года отменял воспрещение ночных и подземных работ для лиц женского пола и малолетних рабочих, недостигших 15-летнего возраста, в отношении каменноугольных копей Европейской России, а по второму закону 1 октября того же года министру торговли и промышленности было предоставлено право разрешать отступления от требований закона о работе малолетних, подростков и женщин для всяких предприятий, работающих на нужды государственной обороны. Издание этих законов мотивировалось тем обстоятельством, что усиленный спрос на труд женщин, подростков и малолетних в промышленных предприятиях, работающих на оборону страны, вызвал якобы необходимость устранения тех законодательных ограничений, которые являлись помехой к использованию этой рабочей силы в полной мере. Разумеется, не потребности в обороне страны, а потребности в повышении нормы прибыли вынуждали капитал к удлинению рабочего дня и использованию дешевого труда подростков и малолетних. Вот некоторые относящиеся сюда цифры, взятые из работы Н. Козьминых-Ланина [2]).

Расширяя производство, увеличивая производительность и используя дешевый труд женщин и подростков, наши русские промышленники-оборонцы благоденствовали. Как же им в таком случае было не кричать «до победного конца». Независимо от результатов войны, они победили рабочий класс, заставив его за гроши отдавать им свой труд. Миллионы текли в их карман, хотя страна разорялась, но что им до этого, лишь бы росли их дивиденды. Желание же это исполнялось, как никогда.

Вот несколько данных:

В области механической и машиностроительной промышленности прибыль шести обществ составила за 1915 г., по данным

к непосредственному участию в общественном производстве. Крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность". Современникам и участникам Октябрьского переворота понятна вся глубина замечания тов. Ленина. Действительно, без машинной индустрии, не пережившн каторжных условий труда военного времени, из женщин не выработался бы так скоро революционер-застрельщик февральской революции.

[1]) Из статьи „Динамика рабочего состава в промышленности за 1913—1922 г.г." А. Рашина в сборнике „Вопросы заработной платы", М., 1923 г.

[2]) См. „Заработки фабрично-заводских рабочих в России", вып. I, Москва, 1918 г.

«Торг.-Пром. Газ.», 18,9 м. р.—на 7,3 м. р., или на 37% более, чем в 1914 г. В отдельных обществах это увеличение доходит и до 50%. В некоторых обществах новая чистая прибыль составляет по отношению к основному капиталу 20,30 и даже 35%. В табачной промышленности чистая прибыль восьми фирм почти удвоилась, с 3,9 м. р. в 1914 г. увеличившись до 6,9 мил. руб. в 1915 г. У шести крупных петроградских коммерческих банков чистая прибыль за 1915 г. увеличилась с 25,4 мил. руб. до 35,5 мил. руб., т.-е. на 33%. У шести крупнейших московских банков чистая прибыль повысилась с 11,7 до 14,4 мил. руб., или на 23%.

Таблица № 10.

Возраст, половой состав и поденная оплата труда рабочих в русской фабрично-заводской промышленности за июнь 1914 и 1916 г.г. в довоенных (товарных рублях):

Характер данных.	Год обследования.	Взрослые.		Подростки.		Малолетн. об. пола.	Все группы.
		Мужчин.	Женщин.	Мужчин.	Женщин.		
1. Число обследованных рабочих в %% . .	1914	54,3	34,4	5,4	4,1	1,8	100
	1916	46,0	40,7	6,1	5,0	2,2	100
2. Заработок в коп. . .	1914	141	72	60	47	33	107
	1916	145	62	60	42	27	99

По данным «Русского Слова», прибыль 19 крупнейших предприятий металлургической промышленности увеличилась с 31,9 м. р. в 1913 г. до 52,3 м. р. в 1914 г., или на 20,4 м. р., т.-е. на 65,5%; в 12 предприятиях суконной, шерстяной и льняной пром. чистая прибыль увеличилась с 4,2 до 6,8 м. р., т.-е. на 2,6 м. р., или 61,9%; прибыль 8 предприятий в сахарной промышленности увеличилась с 1,9 до 4,3 м. р., т.-е. на 2,4 м. р., или на 126,3%; в 4 крупнейших предприятиях резиновой индустрии прибыль увеличилась с 14,7 до 18,0 м. р., т.-е. на 3,3 м. р., или на 22,4%. Отдельные предприятия дали гораздо большее увеличение прибыли. Так, Брянский завод дал увеличение с 4,7 до 7 м. р., или на 45%, «Гартман»—на 73%; Общество меднопрокатных и трубочных заводов—на 18%; Демидовская мануфактура—на 82%; Нарвская мануфактура—

на 60%, Сеньков—на 240%, Костромская мануфактура—на 73,8%, сахарный завод Н. Таволжанского—на 151%, Катермунд и Вейсе—на 166%, «Богатырь»—на 109%, «Каучук»—на 216%, фабрики Рябушинских—на 230%, Сев.-Кавказ. нефт. О-во—на 99%, «Эмба»—на 95% и т. п. [1]).

Так жирела и купалась в золоте русская буржуазия. Для нее наступил «золотой век». Рабочий же, придавленный дороговизной, низкой заработной платой и тяжелым трудом, изнывал у станка.

---

[1]) „Современный Мир", кн. 1, 1917 г.; см. Загорский „Финансовые итоги и перспективы", стр. 254.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. **Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы.** (Анохин, А. А., Байков, И. С., Балякин, И. Д., Барышников, Н. Я., Берман, Р. И., Боровиков, Е. М., Бородкин, Ф. Я., Боролин, Н. Ф., Бочкин, Г. М., Буксин, В. М., Волков, Ф. К., Вязков, И. Г., Гааке, С. В., Голубев, А. А., Голубин, Д. В., Гравировский, В. М., Доброжинский, В. С., Дриллих, И. Я., Кирпачев, И. П., Комаров, И. И., Комаров, И. С., Кошкарев, А. М., Кривов, И. Г., Лебедев, М. Е., Леонов, В. К., Лычагин, Н. Е., Мароши, М. В., Маракушев, А. К., Миронов, А. И., Митропольский, А. И., Муратов, П. Н., Николаев, А. Н., Николин, П. М., Панин, М. Е., Поляков, А. А., Попок, Ф. Н., Поскребухин, А. А., Регекампф, С. А., Романов, А. С., Соколов, С. И., Шварц, В. К.).

II. **Дело „Руководящего коллектива Московской Окружной организации Р.С.Д.Р.П.“** (Обвинительный акт по делу Е. А. Пахман, А. А. Сольц, П. В. Заварзина и П. А. Андреева.—Протокол судебного заседания.—Приговор.—Справка на А. А. Сольц.).

III. **О деятельности политических партий.** (Циркуляр департамента полиции от 2/IX-1914 г.).

IV. **О конференции к-д. (6—8 июня) в Петрограде.** (Докладная записка московского охранного отделения).

V. **Материалы по общественному движению.** (Циркуляр департамента полиции о плане Коновалова.—Сводки по общественному движению.—Записка М.О.О. № 109/а.—Записка осведомителя „Григорьева“ № 91/б.

VI. **Состав рабочей группы с'езда по борьбе с дороговизной (11-13 июля 1915 г.).**

Приложение первое.

Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы.

Комиссия по охранению нового строя и последующие инстанции, разбиравшие дела бывших охранников, были весьма «гуманными» учреждениями и к грехам и слабостям лиц, продавших себя охранке и в течение многих лет предававших рабочие организации, отнеслись весьма снисходительно. Тысячи лучших сил рабочего класса по милости этих предателей вырывались из рядов рабочего класса и гноились в тюрьмах, ссылке и каторге. Мы в нашей революции не в меньшей мере были под влиянием желания показать «западным варварам»—буржуазии свою гуманность, снисходительность. Этой снисходительностью к поверженному, разбитому врагу отличились все пролетарские революции, начиная с Парижской Коммуны, и не раз этот амнистированный элемент в тяжелые для пролетариата минуты снова становился в ряды врагов пролетариата и делал свое старое дело.

Мы далеки от мысли предлагать уничтожение этого элемента, кто бы нас так понял—ошибся бы, но мы считаем необходимым держать его под оком не только соответствующих учреждений, но и всего пролетарского общественного мнения. Списки, в свое время опубликованные, уже забыты, и это дает возможность этим молодцам просунуть свой нос дальше, чем это следовало бы. Давая подробные о них сведения, мы стремимся напомнить о них, и кроме того сообщаемые данные о провокаторах во многих случаях могут послужить в качестве указателя для всякого, кто бы пожелал разрабатывать материалы по истории подполья.

Сведения составлены частью самостоятельно по данным архива охранного отделения и комиссии по обеспечению нового строя и частью по печатным материалам (публикация комиссии по обеспечению нового строя и книжке С. Б. Членова «Московская охранка и ее секретные сотрудники»). Наиболее подробные данные о 10 провокаторах (Боролин, Н. Ф.; Гравировский В. М.; Леонов, В. К.; Лычагин, Н. Е.; Миронов, А. И.; Митропольский, А. И.; Мароши, М. В.; Маракушев, А. К.; Муратов, П. Н. и Поскребухин, А. А.) составлены сотрудницей Историко-Революционного Архива (III отделение Госархива) Н. Фенстер, весьма внимательно и вдумчиво отнесшейся к своей работе.

Анохин, Аким Алексеевич, кр. Рязанской губ. кондуктор трамвая (кличка «Рязанцев»). Освещал трамвайное движение, между прочим, во время октябрьской забастовки 1915 г. сообщал фамилии делегатов своего (Рязанского) парка. По его доносу арестован делегат от парка И. Ожигов. Был арестован.

Байков, Иван Семенович, кр. Смоленской губ., Ельницкого у., (кличка «Максим»), рабочий на заводе «Динамо». Давал сведения по рабочему движению.

Балякин, Иван Дмитриевич (кличка «Механик»), кр. Брон. у. Моск. губ., рабочий фабрики Эйнем. Был членом профессионального о-ва кондитеров, сообщал о профессиональном движении, о рабочих загородных экскурсиях и пр. Сведений давал много, многих называл. Принадлежит к числу средней ценности осведомителей по партии с.-д. В 1913 г. подлежал аресту, но скрылся, затем сам явился в охранное отделение к ротм. Иванову, после чего был оставлен на свободе. Служил до последнего времени.

Барышников, Николай Андреевич, кр. Роменской вол., Брон. у., Моск. губ. (кличка «Фотограф»). Служил в типографии «Мюр-Мерилиз», с.-д., секретарь профессионального о-ва рабочих печатного искусства.

Берман, Рудольф Иванович, латыш (кличка «Майский»), бывш. сотрудник охранного отделения в Либаве под кличкой «Петерсон». Давал сведения о латышских с.-д. организациях в связи с антивоенной пропагандой, при чем сам стоял к этим организациям очень близко. В 1916 г. давал сведения об анархистах-рабочих и о планах побега из тюрем.

Боровиков, Евгений Михайлович (кличка «Цветков»). Сотрудник «Раннего Утра» (вел там академический отдел) и провинциальных газет. Делопроизводитель о-ва деятелей периодической печати. Осведомлял охр. отдел. о работах экстренных с'ездов уполномоченных земств и городов (1915 г.). Давал сведения о настроении студенчества и профессуры (1916 г.), о с'езде журналистов, о деятельности кооперативов. Был арестован.

Бородкин, Федор Яковлевич, кр. Волоколамского уезда, Яропольской вол., мест. Сыркова. Рабочий завода Михельсон (кличка «Борисов»). В 1916 г. стал сотрудником моск. охран. отдел., давал сведения о забастовочном движении и о всех партийных организациях на завод, где он работал.

Боролин, Николай Филиппович, крестьянин Ярославской губ., Рыбинского уезда, Георгиевской волости, дер. Дымовское. Член профессиональн. о-ва деревообделочников, социал-демократ. Состоял агентом московск. охран. отделения под кличкой «Ярославский». Доносил о заседаниях различных проф. о-в

о работе «О-ва разумных развлечений» и районных партийн. к-тов. Он был арестован в Батуме в 1917 году [1]).

Сохранилась лишь небольшая часть его донесений следующего характера:

1914 г. «Аг. Зап.», дело № 74.

19/XI. О собрании о-ва содействия устройству общеобразов. развл. Выборы в комитет о-ва. Следует список.

26/XI. О собрании членов проф. о-ва древообделочн. Порядок дня: выборы нового правления, фамилии.

12/XII. О собрании представителей профессион. обществ по вопросу о возобновлении деятельности клуба «Образование».

1915 г. «Аг. Зап.», дело № 14.

20/I. О собрании в о-ве народн. развлечений по вопросу об об'единении лекционной и экскурсионной комиссии. Состав собрания.

10/II. Об экстренном собрании членов «Центрального бюро проф. союзов», по вопросу о суде над рабочими депутатами. Предложение б. секретаря проф. союза хлебопекарн. произв. И. И. Гусева [2]) отметить день суда однодневной забастовкой. Об избрании комиссии для составления резолюции протеста.

19/IV. Экскурсия в Измайловский дворец по вопросу об отношении к войне.

21/V. Экскурсия, устроен. проф. о-вом кожевников, и одновременно там обсуждался вопрос об отношении к войне.

29/V. О работе соц.-демокр. орг. Лефортовского района, и марксистск. кружков под руководством Район. К-та. Районный К-т состоит из представителей кружков. Фамилии: Скрябин, Вячеслав Михайлов, Охлопков, Илья Михайлов, Маталин, Александр Арсеньев, он же Александр Селиванов, и Лукин Сергей.

29/VI. О собраниях латышской группы ун-та Шанявского и о предполагаемом выпуске с.-д. листовок.

Бочкин, Гавриил Михайлович, кр. Калужской губ., Медынского у. Слесарь на заводах «Износков и Зуккау» и «Добров и Набгольц». Давал сведения в течение 1916 г. о рабочем движении, о профессиональном о-ве «Единение», доносил об отдельных лицах.

Буксин, Валентин Михайлович, кр. Смоленской губ., Сычевского у., Воскресенской волости, печатник типографии Мамонтова (кличка «Воскресенский»). Член правления о-ва рабочих печатного искусства и клуба разумных развлечений. С 1911 по 1916 г. состоял осведомителем охр. отд. по рабочему движению в Москве. Его донесения весьма многочисленны, касаются профессиональных союзов (печатников и металлистов),

[1]) Опубликован в книжке С. Б. Членова, „Московская охранка и ее секретные сотрудники". По данным комиссии по обеспечению нового строя.

[2]) Гусев, Иван Иванов, кр. Калужск. губ., Тарусского у., д. Азирова.

рабочих клубов и школ, экскурсий, санитарных попечительств. Отмечал все проявления организационной и агитационной деятельности партии с.-д. в рабочих кругах, попутно доносил и на с.-р. и анархистов. Называл целый ряд фамилий.

Волков, Филипп Кирьякович, кр. Тульской губ., Веневского у., Подоходинской вол., с. Подоходина (кличка «Паша»). Рабочий, последнее время служил на телефонном заводе. Работал в охран. отд. с октября 1915 г., осведомлял по рабочему движению.

Вязков, Иван Григорьевич, кр. Калужской губ., дер. Вяткина (кличка «Промышленник»). Член совета р.-д., член рабочей группы областн. Моск. военно-промышленного комитета. Был в Петрограде делегатом на совещании 14 декабря в помещении рабочей группы центр. военно-промышлен. комитета. По его доносу не допущено собрание выборщиков от рабочих Моск. обл. военно-промышл. комитета 15 октября 1916 г. в доме Купеческого о-ва на Солянке.

Гааке, Сергей Викторович, статистик Северного Страхового О-ва (кличка «Петербургский»). Работал в качестве агента долгое время. Освещал главным образом с.-д. большевиков, но доносил и на с.-р. Журналист. Был редактором газеты «Наша Жизнь». Доносил на многих партийных лиц, указывая адреса, паспорта, состав групп, способы междугрупповых сношений. Указал на одну марксистскую группу в Алексеевском военном училище.

Один из энергичнейших осведомителей. В Москве работал в 1913 и 1914 г.г. В 1913 году представил 19 агентурных записок—22/XI; 29/XI (см. дело № 9); 1/II; 10/II; 13/II; 16/II; 3/III; 14/III; 28/III; 16/VI; 14/IV; 4/V; 5/V (см. д. № 13); 20/XI; 22/XI; 30/XI; 10/XII, 20/XII; 27/XII (см. д. № 32). И в 1914 г. шесть записок—1/II; 12/VIII; 12/VIII (см. д. № 33); 21/IX; 14/XI; 1/XII (см. д. № 97).

Голубев, Александр Александрович, кр. Ардатовск. у., Симб. г., 32 лет (кличка «Монтер»), конторщик т-ва «Проводник». Член Моск. обл. комитета партии с.-д., член о-ва коммерческих служащих, кооператива «Труд» и пр. Служил в охран. отдел. с 1910 г. до последнего времени. По его доносам многие арестованы. Был арестован.

Голубин, Дмитрий Васильевич, кр. Егорьевского уезда, Рязанской губ. (кличка «Кузьма»), с.-д. большевик. Близко стоял к печатанию прокламаций. В 1913 г. был арестован. Был представителем союза деревообделочников. В феврале 1914 г. уже делал доносы, по которым арестовано несколько десятков рабочих, главным образом освещал деятельность профессиональных союзов. Принадлежал к числу довольно серьезных сотрудников. Допрошен.

Гравировский, Валентин Митрофанович, родился 21-го марта 1888 года в деревне Телешно, Землянского у.,

Воронежской губернии. Потомственный почетный гражданин. Отец его был помощником начальника станции Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Гравировский получил начальное образование в Воронежской духовной семинарии, откуда был исключен в 1909 году из VI класса, как привлеченный к дознанию «...за принадлежность и активное участие в деятельности местной организации партии социалистов-революционеров». В конце 1909 года он был вновь арестован за принадлежность к Воронежской организации партии социалистов-революционеров и по постановлению министра внутренних дел выслан на два года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию. В декабре 1910 г. он скрылся с места высылки. 1-го февраля 1913 года в силу «высочайшего манифеста» взыскание с Гравировского снято.

Осенью 1912 года Гравировский поступил слушателем в московский Коммерческий институт. 12-го июня 1913 года он был арестован московским охранным отделением вследствие имевшихся сведений о нелегальном проживании его в Москве. Взыскание за побег снято еще не было. На допросе в охранке Гравировский об'яснил, что бывает в Москве изредка наездами.

19-го июня 1912 года ротмистром Темниковым на имя смотрителя арбатского полицейского дома было направлено распоряжение: «...Прошу немедленно освободить Валентина Гравировского, обязав подпиской явиться в охранное отделение к часу дня 20/VI». Расписка о явке была дана, и Гравировский был освобожден.

Что послужило столь неожиданному распоряжению ротмистра Темникова,—из дела не видно.

В уведомлении об изменении меры пресечения в графе: «причины изменения меры» есть лаконичная пометка: «обстоятельства переписки».

Вслед за сим переписка о Гравировском передана на рассмотрение особого совещания с указанием «предполагаемой меры административного взыскания»: «отдача под гласный надзор полиции в г. Москве на срок не менее 4 лет». Министерство внутренних дел, уменьшив срок наблюдения, пошло навстречу высказанному «желанию» охранки и уведомило последнюю о своем решении «подчинить Гравировского гласному надзору полиции на два года». В посланной в департамент полиции ведомости на Гравировского от 10-го августа 1913 г. значится: «занятия: занимается уроками, от казны пособия не получает».

4-го сентября 1913 года к начальнику московского охранного отделения поступило прошение б. студента московск. Ком. ин-та В. Гравировского с просьбой выдать удостоверение о неимении препятствий к продолжению Гравировским образования.

Просьба была удовлетворена, о чем был уведомлен директор московского Коммерческого ин-та [1]).

10-го июня с Гравировского был также снят надзор полиции.

Если судить по дате агентурных донесений, то Гравировский В. М. сотрудничал в моск. охранном отд. с 1912 года.

В 1914 году организация начинает подозревать Гравировского в связи с охранкой. Охранное отделение информировано об этом самим Гравировским, который носил кличку «Воронец». Регистрационная карточка Гравировского «Воронец» 16/II 15 г. Его заподозревают в своих арестах Фридрих Прусс, Илья Цивцивадзе..., а осведомитель «Радищев» параллельно подтверждает «провал» Гравировского («Радишев», 20/V 15 г.). «Его (Гравировского) в союзе потр. об-в подозревают в сношениях с охранным отделением, о чем будет об'явлено во 2-м № револ. газеты «Призыв».

Об этом подозрении говорят также письма отдельных товарищей из организации [2]).

Донесения «Воронца» носят чрезвычайно тщательный характер, подробно, не за страх, а за совесть освещает «Воронец» охр. отд. внутреннюю жизнь Коммерческ. ин-та, работу отдельн. комиссий о-ва взаимопомощи слушателей ун-та имени Шанявского, работу отдельных членов организации, работу отдельных групп,—порядок дня собраний, фамилии и даже приметы присутствующих. Агентурные донесения «Воронца» в большинстве на трех—четырех листах.

Занесенные по датам сведения «Воронца» представляют следующую картину:

1912 г. 19/V («Аг. Зап.», д. № 7); 19/V, 23/V («Аг. Зап.», д. № 31) ;1/IV, 3/IV («Аг. Зап.», д. № 45).

1913 г. 20/I («Аг. Зап.», д. № 10); 20/I, 5/VII, 3/IX («Аг. Зап.», д. № 32); 6/IX, 4/XI, 20/XI («Аг. Зап.», д. № 57); 15/IX («Аг. Зап.», д. № 81); 15/III, 1/IV, 3/IV, 20/XI, 27/XI, 7/XII, 20/XII («Аг. Зап.», д. № 46).

1914 г. 25/IX, 6/X, 6/X, 6/X, 24/XI, 27/II («Аг. Зап.», д. № 49); 18/I, 22/I, 25/I, 28/I, 3/II, 27/II, 22/III, 1/IV, 2/IV, 2/IV, 17/IV, 7/V, 25/IX, 6/VII, 6/X, 17/X, 18/X, 24/XI, 18/XII, 23/XII («Аг. Зап.», д. № 71); 6/IX, 23/IX, 4/XI, 20/XI, 27/XI, 7/XII, 18/I, 22/I, 22/I, 25/I, 28/I, 27/II, 11/III, 22/III, 1/IV, 1/IV, 1/IV, 1/IV, 2/IV, 2/IV, 17/IV («Аг. Зап.», д. № 47); 1/IV, 10/VII («Аг. Зап.», д. № 74); 30/VIII, 6/X, 24/XI, 18/XII («Аг. Зап.», д. № 33).

1915 г. 11/I, 23/I, 26/II («Аг. Зап.», д. № 85); 23/I, 16/II, 3/III («Аг. Зап.», д. № 73).

Для более полного представления о характере сведений секр. сотр. «Воронца» даем краткое содержание ряда донесений по разным годам из вышеуказанной сводки:

---

[1]) Моск. Истор.-Рев. арх. Дело моск. охр. отд., № 494—1913 г.
[2]) Там же. Разработка № 131—1914 г. (Моск. охр. отд.).

1912 г. 19/V. Вал. Горбачевский возвратился из-за границы в Петроград. Его маршрут Вологда—Тотьма, где в ссылке находится его сестра и мать, затем Москва, где в тюрьме сидит его тетка Селихова. В с. Никольском проживает теперь Тюнина, имеющая связи с Симсоном, и др. Желательно ее ни в каком случае не трогать (приметы).

23/VI. Тюнина—член партии с.-р. В настоящее время она без работы, поддерживает связи с С. П. Симсоном («Аг. Зап.», д. № 31).

1913 г. 15/III. 12 марта в Коммерческом и-те два студента, принадлежащие к Закавказскому землячеству и стоящие близко к редакции «Студенческого Дела», раздавали приходящим студентам гектографированные листки с призывом к однодневной забастовке в знак сочувствия студентам Военно-Медицинской академии.

1/IV. 30-го марта в Коммерческом и-те разбрасывались гектографированные листки с призывом отметить 4 апреля однодневной забастовкой годовщину Ленских событий. (Приложено два экз. листовки).

27/XI. 21 и 24-го ноября происходили разрешенные градоначальником общие собрания членов о-ва взаимопомощи ун. Шанявского (указан порядок дня, представлен подробный отчет о собраниях).

20/XII. Извещение о предстоящих после Рождества выборах в члены различных комиссий о-ва взаимопомощи ун-та Шанявского. (Приведена характеристика новых членов Правления («Аг. Зап.», д. № 46).

1914 г. 22/I. Слушательница ун-та Шанявского Бобровская принимает активное участие в работе какой-то с.-д. группы.

22/I. 19-го января в помещении правления о-ва взаимопомощи ун-та Шанявского было собрание для организации мастерских для безработных членов о-ва. (Указаны фамилии лиц присутствовавших и их парт. принадлежн. После собрания было частное совещание. Предложено создать межфракционную социалистическую группу из с.-д. и с.-р. для регулирования деятельности правления о-ва взаимопомощи).

28/I. 26-го января в ун-те Шанявского было общее собрание членов о-ва взаимопомощи. Присутствовало 160 чел. Порядок дня собрания.

3/II. О борьбе в о-ве взаимопомощи между старыми правленцами и социалистическим новым правлением. (Группа Монастырского с.-р.—7—8 чел., группа Бобровской с.-д. 12—15 чел. и литовская ведут борьбу против правленцев).

27/II. На 16-е февраля было созвано общее собрание членов о-ва. Собрание не состоялось, сорванное группой социалистов. Из социалистической группы названо 13 челов.

Резолюц. охр. отд.: «Пора уже разбить названную группу, она далеко заходит».

11/III. Сообщение об арестах и настроении в ун-те Шанявского.

22/III. Тоже об арестах и настроении среди с.-д. организации ун-та Шанявского в связи с последними.

1/IV. О причастности семьи Сопляковых к легальной с.-р. газете «Стойкая Мысль» («Аг. Зап.», д. № 47).

7/V. Среди группы взаимопомощи ун-та Шанявского обсуждался вопрос об отправлении в с.-д. фракцию Государственной Думы от имени служащих Союза Потребительских О-в протеста по поводу исключения левых депутатов на 15 заседаний.—Денежные сборы производились в фонд с.-д. и с.-р. на «Правду» и «Мысль» («Аг. Зап.», д. № 71).

1915 г. 16/III. О создавшемся среди группы товар. по отношению к Гравировскому подозрении в его сношениях с охранным отделением («Аг. Зап.», д. № 62).

11/I. Об арестах с.-д. в Моск. Потреб. О-вах.

23/I. Кооперативный с'езд в Москве. Состав.

25/IV. В Моск. Союзе Потреб. О-в 2-го апреля с.-д. (Цивцивадзе) распространялась листовка, приуроченная к годовщине Ленских событий («Аг. Зап.», д. № 85).

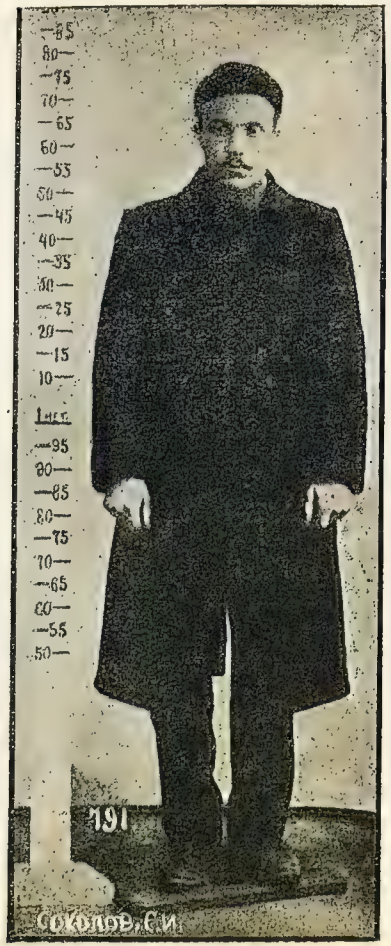
Гравировский В. М., кл. «Воронец», опубликован в книжке С. Б. Членова «Московская охранка и ее секретные сотрудники». Не разыскан.

Доброжинский, Викентий Станиславович, мещ. г. Старая Русса, студент Москов. университета (кличка «Парень»). Давал сведения по студенческому движению в 1916 и 1917 г. г. Был арестован.

Дриллих, Иван Яковлевич (кличка «Блондинка»). Работал с начальником охранного отделения полк. Мартыновым. Сотрудник «Русск. Слова», где заведывал одно время Петроградским отделом. Работал также в «Киевской Мысли». Вращался в прогрессивных кругах, особенно среди к.-д. Давал точные сведения не только о заседаниях партии народной свободы, но и о работе и настроении в комитете партии. Сообщал о заседаниях на частных квартирах, при чем некоторые речи, как, напр., речи Коновалова, приводил почти дословно. Доставлял сведения, повидимому, с чужих слов о собраниях в «Русских Ведомостях» и в «Эрмитаже». Сообщал массу сведений об отношении общественных деятелей к правительственной политике к выборам в Государственную Думу. В 1911—12 г.г. давал сведения о с'ездах потребительских обществ, по народному образованию, о лекциях о-ва народных университетов. В 1914 г. давал сведения о поездке Щепкина в Варшаву, о докладе Прокоповича в Союзе Городов. В 1916 г. сообщил о поездке общественных деятелей за границу, о подготовительной работе к кооперативному с'езду и т. д. Числился на службе до последнего времени. Не разыскан. Работал в московском охранном отделении с 1910 года. Представил следующие агентурные записки:

ПРЕДАТЕЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Маракушев, А. К.



Соколов, С. П.

Николаев, А. Н.

ПРЕДАТЕЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

25,VIII—1912 г. (см. д. № 6); 10,VII—1915 г. (см. д. № 14); 1,II—1912 г. (см. д. № 57); 7,I—1914 г. (см. д. № 74); 1,VII, 2,VII (см. д. № 53) *); 13,I; 20,I—1914 г. (см. д. 40); 11,III (см. д. № 41) *); 2,1; 13,1; 20,1;—1911 г. (см. д. № 42); 7,I—1914 г. (см. д. № 47); 14,III—1914 г. (см. д. № 51); 22,XI; 28,XI; 29,XI 29,XI; 6,XII; 7,XII; 14,II; 14,XII; 14,XII; 18,XII—1911 г. 7,I; 13,I; 17,II; 25,II; 25,II; 12,III; 14,III; 4,V; 8,VII; 31,X; 8,XI, 12,XI; 12,XI; 12,XI; 21,XI; 22,XI; 23,XI; 24,XI; 30,XI; 20,XII; 22,XII—1910—11 г.г. (см. д. № 75); 25,II; 25,II; 12,III; 14,III; 14,III; 4,V, 3,VII; 9,XI (см. д. № 76) *); 5,IV; 3,V; 3,V; 8,VII; 8,VII; 8,VII (см. д. № 77)*); 16,VIII; 17,VIII, 18,VIII; 19,VIII; 20,VIII; 22,VIII; 23,VIII; 24,VIII; 26,VIII; 27,VIII; 28,VIII; 29,VIII; 30,VIII; 1,IX; 31,X; 30,I; 3,II; 4,II; 9,II; 18,III—1911—12 г.г. (см. д. 78); 4,I; 30,I; 31,I; 18,II; 18II,; 18,II; 24,II; 10,III; 17,III; 15,IV; 17,V; 25,VI; 18,XII; 18,XII—1912 г. (см. д. № 79); 6,II; 28,III; 27,IV; 29,VIII; 15,IX; 17,IX; 22,IX; 11,XI; 11,XI; 11,XI—1913—14 г.г. (см. д. № 81); 11,X—1913—14 г.г. (см. д. № 82); 3,V; 4,V; 8,VII; 8,VII; 30,XI; 20,XII—1910—11 г.г. (см. д. № 83); 7,IX—1913—1914 г.г. (см. д. № 84); 13,II; 20,II; 5,III; 16,III; 29,IV; 8,V; 1,VII; 2,VII; 7,VII; 19,VIII; 12,X; 12,X; 12,X; 13,X; 19,X; 10,XI—1915 г. (см. д. № 85); 6,XI; 3.XI; 3,XI; 3,XI; (см. д. № 87) *); 19,I; 14,I; 1,II; 29,II; 16,IV; 16,IV; 6,V; 7,IX—1916 г. см. д. № 86); 18,XI—1910 г.; 25,VIII; 7,IX (см. д. № 95) *); 12,IX—1911 г. (см. д. № 109); 4,IV; 11,IV; 4,IV; 6,X; 31,X—1911 г. (см. д. № 116).

Карпачев, Иван Петрович, врач по нервным болезням (кличка «Пушкарев»). Работал в охран. отд. с января 1910 г. Давал сведения по общественному движению. Освещал Пироговские с'езды, студенческое движение, партию с.-д. Был арестован.

Комаров, Иван Иванович, кр. Вологодской губ. Верхототянск. вол., Сольвыч. у., (кличка «Гаврилов»). С октября 1914 г. стал давать сведения моск. охран. отд. Освещал деятельность профессиональных союзов и о-в, в которых играл видную роль. В апреле 1915 г. был признан охр. отд. не заслужившим доверия. Не разыскан.

Комаров, Иван Степанович, кр. Рязанской губ., Переяславск. вол. и села (кличка «Рязанский»), с.-д. деревообделочник. В 1915 г. был председателем о-ва содействия устройству общеобразовательных народных развлечений. Служащий завода «Дукс». Принимал участие в экскурсиях, в сборах в пользу политических ссыльных. На службу в охр. отд. поступил после возвращения в 1915 г. из административной ссылки (согласно прошению, посланному им начальнику охр. отд.). Был арестован. Приговором международного советского суда от 27 мая 1917 г. признан провокатором, подлежащим содержанию под стражей до созыва Учредительного Собрания. Лишен политических прав.

Кошкарев, Александр Михайлович (кличка «Павлов»), секретарь бюро Моск. областного военно-промышленного коми-

тета. С начала деятельности военно-промышленного комитета доставлял охр. отд. копии стенограмм заседаний и переписки военно-промышленного комитета. Получал в охр. отделении 200 р. постоянного жалования. Кроме подробных сведений о военно-промышленном комитете, осведомлял охр. отд. об о-ве имени Чупрова (1915—1916), об о-ве сближения с Англией, о заседаниях Моск. гор. думы, о настроениях в кругах гласных, о Союзе Городов и «Земгор». Ранее работал в Вятском губерн. жандармском управлении по партии с.-р. под кличкой «Викторов». Был арестован.

Представлены им следующие агентурные записки:

28,XI—1915 г. (см. д. № 15); 7,III; 7,III; 7,III; 7,III—1914 г. (см. д. № 49); 30,I; 5,I; 13,I; 17,I; 1,II; 13,II; 24,III; 29,III; 5,IV; 3,V; 24,V; 26,VI; 25,VII; 22,XI (см. д. № 87) *); 7,III; 7,III; 7,III; 7,III; 18,IV; 4,V; 4,V; 8,V; 8,V; 8,V; 10,V; 13,V; 19,V; 20,V; 4,V; 29,V; 30,V; 13,VI; 21,VI; 17,VII; 1,VIII; 3,VIII; 3,VIII; 3, VIII; 9,VIII; 9,VIII; 29,VIII; 25,VIII; 28,VIII; 24,IX; 16,X; 11,XI; 23,XI; 28,XI; 13,XII; 21,XII; 27,XII; 28,XII; 28,XII—1915 г. (см. д. № 85); 19,V (см. д. № 73); 24,III; 5,IV—1915 г. ?,V; ?,V (см. д. № 112) *).

Кривов, Иван Григорьевич, мещ. Нижнего-Новгорода (кличка «А. Н. О.»), техник на заводе бутырского товарищества «Устрицева и Виноградова». Служил в охр. отд. не менее 5 лет до последнего времени. Осведомлял, главным образом, о движении трамвайных служащих. Был арестован. Приговором межпартийного суда от 1 июля 1917 г. лишен политических прав.

Лебедев, Михаил Емельянович, кр. Тульской губ., Ржевского у., Лаптевской вол., дер. Лушаки, служил рабочим в Моск. союзе потребительных обществ. Сотрудничал в моск. охр. отд. под кличкой «Климченков» в августе и сентябре 1916 г. Получал от 40 до 60 р. в месяц. Не разыскан.

Леонов, Василий Константинович, работал в московском охранном отделении под кличкой «Зоя» с 1910 года.

Он родился в феврале 1882 года и происходит из мещан гор. Смоленска. Первая агентурная записка «Зои» датирована 21/III 1910 года.

В ней он знакомит охранное отделение с целым рядом членов с.-р. организации.

В ней же он дает следующие сведения о самом себе в третьем лице:

«...Леонов, Василий Константинович, в 1898 году познакомился с Теодоровичем и Розановым и под их влиянием поступил на катушечную фабрику Гергарди с целью революционной пропаганды. В 1900 году работал в Москве на лесопильном

---

*) Дел, отмеченных звездочкой, в Историко-Революционном архиве не имеется. (III отделение Госархива).—И. М.

заводе фабрики Сиу и К⁰. В 1902 году поступил в драматическую труппу Аксенова, а в 1903 г. в Смоленский Народный Дом артистом. В мае 1903 года заключен в тюрьму, освобожден 31 октября 1904 года. В ноябре 1904 года писал листки и прокламации, был членом с.-р. комитета, в составе которого были А. Биценко—убийца генерала Сахарова, П. Швейцер, погибший от взрыва в Северной гостинице, Р. А. Ривкин—видный максималист, Евгений Ратнер и др. 20-го ноября с огромным успехом выступал на банкете. 14-го декабря по приглашению Петербургского Комитета выступал на банкете совместно с Мякотиным, Анненским и другими. В январе работал в Брянском уезде, в феврале в Белостоке руководил всеобщей стачкой, в марте на Бежецком лесопрокатном заводе. В апреле 1905 года приглашен в Москву, где выступал на митингах во всех районах. Осенью выступал в зданиях учебных заведений.

Летом 1906 года работал во Владимирской губернии В сентябре присутствовал на с'езде партийных крестьянских работников, в декабре 1906 года и в январе 1907 г. работал в Пятигорске, откуда провел в Государственную Думу с.-р. Горбунова; с 4-го февраля по 1-е августа 1907 года был в Баку, где входил в стачечный комитет каспийских моряков: руководил Беби-Эйбатским районом и состоял членом Бакинского Комитета.

15-го августа 1907 года арестован в Симферополе и отправлен на родину, в марте 1908 года работал в Москве в немецком районе (всего 2 недели).

С августа 1908 года по 4-е февраля 1910 года заведывал книжным магазином «Мысль», далекий от с.-р., и постепенно перешел в обратную сторону» [1]).

Что подразумевает «Зоя» под термином «обратная сторона»—неясно.

Так исповедуется «Зоя»—Леонов В. К. перед своим начальством.

Не для того ли, чтоб повысить себе цену, говорит «Зоя» об «огромном успехе» на банкете, о «приглашении» в Москву, о выступлениях «во всех районах и зданиях учебных заведений». Очевидно! В скромности вообще Леонова нельзя заподозрить. Он описывает себя со вкусом, зная, что от полноты портрета он может только выиграть в глазах своих новых друзей и покровителей.

С меньшей осведомленностью, но достаточно подробно «Зоя» в своих дальнейших сообщениях за 1910 год—27/III, 17/IV, 15/V, 2/VI, 30/VI, 12/VII, 20/VIII, 1/IX, 15/IX, 25/IX, 16/X, 25/X, 1/XI, 16/XI, 3/XII, 14/XII, 22/XII, 31/XII сообщает биографии, дает характеристики отдельных членов эс-эровской орга-

---

[1]) Там же. „Агент. Зап.“, д. № 2.

низации, как-то: Гейне Натальи Ивановны, Ратнер Евгении Моисеевны, Никитского Андрея Васильевича (литературный псевдоним «Новоторжский»), Биценко Михаила Степановича, Бородулина Алексея Николаевича, Паршиной Улиты Алексеевны, Норовской Ольги Ивановны, Бориса Антоновича Костюшко-Валюженец и других [1]).

В том же духе продолжает свою работу «Зоя» и в 1911, 1912 и 1913 годах, уделяя в своих донесениях за этот период большое внимание студенческому движению.

Донесения «Зои» по организациям и датам за указанный период по архивным документам представлены следующим образом:

За 1911 год по Российской социал-демократической рабочей партии 2 записки — 21/III и 2/VIII («Аг. Зап.», д. № 2).

По студенческому движению 14 зап.; 26/I, 30/I, 31/I, 28/II, 10/X, 15/X, 20/X, 31/X, 16/XI, 16/XI, 12/XII, 16/XII, 16/XII, 17/XII («Аг. Зап.», д. № 42) и по с.-р. движению 25 донесений— 14/I, 14/I, 25/I, 7/II, 14/II, 21/II, 28/II, 7/III, 21/III, 31/III, 31/III, 5/IV, 8/V, 2/VIII, 16/VIII, 1/IX, 5/IX, 9/IX, 20/X, 3/XI, 12/XII, 16/XII, 16/XII, 18/XII, 21/XII («Аг. Зап.», д. № 29),

За 1912 год: по Российской социал-демократической орг. 1 зап.—24/V («Аг. Зап.», д. № 7).

По студенческому движению 4 записки—16/XI, 27/II, 17/IV и 19/IV («Аг. Зап.», д. № 43),

и по с.-р. движению—43 записки: 12/I, 18/I, 22/I, 2/II, 9/II, 14/II, 18/II, 22/II, 22/II, 22/II, 23/II, 27/II, 9/III, 9/III, 14/III, 14/III, 20/III, 30/III, 2/IV, 6/IV, 7/IV, 9/IV, 14/IV, 18/IV, 25/IV, 30/IV, 7/V, 21/V, 23/V, 4/VI, 28/VII, 11/IX («Аг. Зап.», д. № 31) и 26/II, 9/III, 28/VII, 14/VIII, 19/VIII, 27/VIII, 11/IX, 17/IX, 3/X, 9/X, 16/X («Аг. Зап.», д. № 32).

За 1913 год: по студенческому движению 3 записки: 11/XI, 28/XI, 14/XII («Аг. Зап.», д. № 47).

По общественному движению 2 записки: 28/XI, 29/XI («Аг. Зап.», д. № 81).

По неопределенному движению—5 донесений: 24/IX, 30/X, 3/XI, 14/XI, 23/XII («Аг. Зап.», д. № 57).

Донесения за 1914 год относятся большей частью к настроению рабочей массы в связи с войной, как-то: донесения от 17/VII, 26/VII, 25/VIII («Аг. Зап.», д. № 74).

Донесения «Зои» за 1915 год также передают настроение в рабочей среде по отношению к войне. Указаны фамилии. 12/VIII, 22/VIII, 10/IX («Аг. Зап.», д. № 73).

В 1916 году «Зоя» сообщает 24/X: «Настроение в массах тяжелое, всеобщее недовольство. Среди призванных работников упадок духа и мечты о мире».

---

[1]) III отделение Госархива. „Агент. Зап.“, д. № 27.

Леонов—«Зоя», как и большинство, в конце концов попался и ответил перед Революционным Трибуналом.

За свою предательскую работу Леонов, Василий Константинович, был приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 30/VI 1918 года.

Лобов, Алексей Иванович, мещ. г. Саратова, бывш. студент московского Коммерческого института (кличка «Мэк»). Сотрудник «Столичной Молвы», «Копейки» и «Утра России», хроника профессиональной жизни. С.-д. большевик. По собственным указаниям был в Москве представителем центрального комитета Российской с.-д. р. п. и входил в состав московского комитета партии. Находился, по данным за 1912 год, в непосредственных деловых сношениях с заграничными верхами партии, являлся одним из наиболее серьезных и законспирированных руководителей партийной работы в деле восстановления подпольных учреждений партии в Москве. Был арестован в 1910 г. и 1913 г. и с августа 1913 г. появляется его подробное донесение о Московской Окружной Организации с.-д., о деятельности депутата Госуд. Думы Малиновского (также сотр. моск. охран. отд. под кличкой «Портной»), об организации партийной школы в Паронине (Галиция). В 1914 г. давал подробнейшие сведения о деятельности областного бюро центрально-промышленного района, о работе партийных кругов. Выдал участников так называемого ленинского совещания (принимал участие в нем и сам), из которых был арестован делегат Новожилов. В октябре 1913 г. был вызван в Петроград Малиновским, от которого получил поручение об'ехать Владимирскую и Костромскую губ., при чем выдал охр. отд. явочные адреса. В связи с этим были аресты в Иваново-Вознесенске, вызвавшие запрос в Государственной Думе. Выдал также бывших выборщиков с.-д. в 4-ю Государственную Думу, собиравшихся в Москве в октябре 1913 г. По доносам Лобова было произведено очень много арестов. Один из наиболе крупных провокаторов. Расстрелян по приговору Верховного Революционного Трибунала от 30 июня 1918 г.

Представлены им следующие агентурные записки:

26,VI; 2,VIII; 9,VIII; 17,VIII; 18,IX; 8,IX; 18,X; 19,X; 27,X; 31,X; 10,XI; 20,XI; 2,XII; 19,XII; 28,XII; 30,XII—1913 г. (см. д. № 9); 20,III; 19,V; 21,VI; 23,VI; 25,VI—1914 г. (см. д. № 13); 7,II; 10,IV—1915 г. (см. д. № 14); 26,VI—1913 г. (см. д. № 10); 11,II—1913 г. (см. д. № 73); 2,VIII; 17,VIII; 9,VIII; 8,IX; 18,IX; 18,X; 19,X; 27,X; 31,X; 10,XI; 20,XI; 2,XII; 19,XII; 28,XII; 30,XII—1911 г. (см. д. № 11); 24,I—1915 г. (см. д. № 85); 7,VII; 13,VII—1914 г. (см. д. № 97).

Лычагин, Николай Емельянович, крестьянин Калужской губернии, Малоярославецкого уезда, Неделинской волости, родившийся в 1873 году, получил только начальное образование в сельской школе (которую не окончил) [1]).

[1]) III отделение Госархива. Дело моск. охран. отд., № 1581 1912 г.

Состоял осведомителем московского охранного отделения с 19 октября 1915 года по 29 декабря 1916 года, под кличкой «Владимир».

Лычагин два раза, как бывший охранник, привлекался Комиссией по обеспечению нового строя в 1917 г.: 16 марта и вторично 8 апреля. Первый раз был освобожден, как не представляющий опасности для нового строя, но был лишен права участвовать в профессиональных, политических и общественных организациях. Из-под второго ареста был освобожден только 1 июля согласно медицинскому свидетельству. (Страдал, как выяснилось, периодическим психозом и находился в Преображенской больнице на излечении в 1895, 1909 и 1911 г.г.) [1]).

Прошлое Лычагина выясняется, начиная с 1912 года, еще задолго до того времени, как он поступил в сотрудники охранного отделения.

В ноябре месяце 1912 года он был арестован, вследствие имевшихся агентурных сведений о том, что он принадлежал к московской организации Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), был избран союзом по обработке дерева в качестве кандидата в члены правления, и что он в числе других настаивал на проведении в г. Москве стачки столяров [2]).

Лишь спустя три года, как явствует из показаний Лычагина в Комиссии по обеспечению нового строя, по весьма ничтожному поводу, а именно: лишась службы в Миусском парке городских трамваев и стремясь получить необходимое для возвращения на службу свидетельство о политической благонадежности из охранного отделения, он получает предложение:

— Свидетельство можно дать при условии стать секретным сотрудником.

Охранка дала ему всего одни сутки на размышление [3]).

Этот срок оказался достаточным для «бунтаря и революционера» (каким себя рекомендует сам Лычагин), чтобы по прошествии его дать утвердительный ответ.

По данным охранного отделения дело рисуется так:

30/IX 1915 г. Лычагиным Н. Е. было подано прошение в охранное отделение с просьбой выдать свидетельство о политической благонадежности. 5/X, через 5 дней, отделение уведомило городскую посредническую контору (отд. городской службы): ...«по пересмотре дела о крестьянине Малоярославецкого уезда, Неделинской волости, села Панова, Николае Емельяновиче Лычагине, со стороны отделения не встречается препятствий к оставлению его на службе на городском трамвае» [4]).

Дело (стать охранником) произошло очень просто.

---

[1]) III отд. Госархива. Дело Комиссии по обесп. нового строя, № 2, лист 25.
[2]) Там же. Дело моск. охр. отд., № 1581 1912 г.
[3]) Там же. Дело Комиссии по обесп. нового строя, № 2, лист 5.
[4]) III отделение Госархива. Дело моск. охран. отд., № 1581 1912.

Лычагин, лишившись службы, в поисках работы сразу же находит себе совершенно не соответствующее для безработного (притом подпольного партийца) поле деятельности—охранку.

Попавшись, наконец, как все его сотоварищи по ремеслу в 1917 году, арестованный Комиссией, он пишет свое покаянное письмо, снабдив его весьма характерным эпиграфом, который приводим:

«Дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную. Верующий в него не судится, а неверующий уже осужден», «Еванг., гл. III Иоанна», а несколько ниже, давая сведения о себе, как о «революционере и бунтовщике», он же пишет: ...«в 1905 году вступил в союз зонточно-токарного производства и стал изучать учение социализма и литературу этого направления» [1]).

Евангелие, гл. 3 Иоанна (изумительная точность), учение социализма и служба в охранке—последовательность, достойная предателя и ханжи.

Однако, этот покаявшийся христианин-бунтарь и революционер весьма ретиво берется за дело, как только охранка пишет, что не встречает препятствий к оставлению его на городском трамвае,—уже чрезвычайно скоро появляются его донесения.

Первое донесение 19/X («Аг. Зап.», д. № 15).

Последующие донесения по датам распределяются следующим образом:

1915 г.—19/X, 2/XII, 5/XII, 9/XII, 18/XII («Аг. Зап.», д. № 15); 30/X («Аг. Зап.», д. № 14); 6/XI («Аг. Зап.», д. № 16); 2/XII («Аг. Зап.», д. № 34); 2/XII, 5/XII, 9/XII, 18/XII («Аг. Зап.», д. № 73).

1916 г. 11/I, 28/I, 9/II, 16/II, 25/II, 5/IV, 7/IV, 19/IV, 6/V, 14/V, 22/VI, 20/VIII, 28/VIII, 2/IX, 7/IX, 14/IX, 19/IX, 21/IX, 30/IX, 3/XI, 1/XII, 29/XII («Аг. Зап.», д. № 62) и освещают настроение рабочей среды Миусского парка, работу о-ва народных развлечений, профессионального о-ва металлистов «Единение» и клуба «Просвещение».

Мароши, Мария Владимировна, урожденная Пахотинская, быв. слушательница московских высших женских курсов под кличкой «Томский», состояла секретным сотрудником московского охранного отделения с апреля 1912 года до революции 1917 года. Получала в охранном отделении сначала сорок, затем сто рублей. Работала разновременно под руководством ротмистров Белавина, Зубковского, Темникова и начальника охранного отделения полковника Мартынова.

Пахотинская М. В. родилась в 1893 году, 13-го января 1912 г. венчалась с Юлием Мароши, который, согласно ее показаниям, состоя секретным агентом охранки, ввел ее в близкое

---

[1]) III отделение Госархива. Дело Комиссии по обеспеч. нового строя, № 2, лист 7.

отношение с последним. 8-го мая 1912 года Мароши М. В. разошлась с мужем, но связь с охранкой сохранила.

Первая работа охранного отделения была поручена Мароши в июне 1912 года ротмистром Белавиным. Первые шаги «Томского» в Париже: наблюдение за политическими группами и установка существующих связей политэмигрантов с Россией. Пробыв в Париже два месяца и вернувшись «с реальными результатами», Мароши устроилась в «Обществе распространения технических знаний» машинисткой на жаловании 50 рублей. 18-го июня 1914 года перешла на службу в городскую управу. Весь этот период «Томский» «освещала» студенческое движение, доносила об обществе оказания помощи политическим (международный красный крест), доносила на членов с.-д. организации, особенно активно о Пресненской группе с.-д.

На свою «работу» в охранном отделении Мароши смотрела вполне определенно и делала ее согласно своим убеждениям. Она дает показания Комиссии по обеспечению нового строя в 1917 году: «... стимулом моей деятельности в охранном отделении не играли деньги, которые все ж не были для меня безразличны...». «... Вследствие этой моей деятельности некоторые личности пострадали...». Относительно своей «деятельности» в 1914 году она дает весьма туманные показания, ссылаясь на то, что в этот период она не вполне помнит подробностей, вследствие того, что употребляла наркоз (кокаин). Не менее интересно следующее указание Мароши: «... в последнее время перед революцией моя деятельность в охранном отделении была для меня мучительна, но «б е ж а т ь, к а к к р ы с а с т о н у в ш е г о к о р а б л я» (по выражению начальника московской охранки А. П. Мартынова), я не могла».

О «Томском» дал показания той же Комиссии ротмистр Квицинский. Он говорит о ней «... до меня работала с ротмистром Зубковским, с которым отказалась продолжать сношения из-за его грубости, как она пожаловалась на это полковнику Мартынову. Очень развитая женщина, с которой я проводил время в приятных разговорах, т. к. никаких связей в общественных кругах Москвы у нее не было. Получала 75 рублей в месяц, бывала у меня по телефонному соглашению».

Что подразумевает Зубковский под отсутствием связей у Мароши в общественных кругах Москвы? Очевидно, то, что она персонально не входила ни в какие партийные организации. Стиль чисто «ротмистровский» и чрезвычайно «туманный».

Определением междупартийного совестного суда в г. Москве 24-го мая 1917 г. было установлено, что Мароши добровольно и сознательно состояла секретным сотрудником московского охран. отделения, а потому суд счел нужным лишить ее политических прав с содержанием под стражей до созыва Учредительного Собрания.

Через некоторое время Мароши начинает писать на имя Комиссии взывающие к «человечности и гуманности» заявления и просит смягчить ее участь.

Комиссия видоизменила свое первоначальное постановление, отдав Мароши на поруки матери [1]).

По сохранившимся документам московского охранного отделения за «Томским» числится следующее количество донесений:

За 1912 год.

По организации междупартийного Красного Креста . .	11 записок.
По студенческому движению	5 „
Итого за 1912 г. . .	16 записок.

За 1913 год.

По неопределен. партиям и разн. сведениям	2 зап.
По студенческому движению	1 „
По общественному движению	2 „
По Р. С.-Д. Р. П.	2 „
Итого за 1913 г. . .	7 записок.

За 1914 год.

По Р. С.-Д. Р. П.	1 зап.
По партии с.-р.	3 „
По студенческому движению	21 „
По неопределенным партиям и разным сведениям . .	7 „
Итого за 1914 г. . .	32 записки.

За 1915 год.

По студенческому движению	3 зап.
По неопределенному движению	5 „
По Российск. соц.-дем. партии	1 „
Итого за 1915 г. . .	9 записок.

За 1916 год.

По студенческому движению	1 зап.
По разным сведениям	2 „
Итого за 1916 г. . .	3 записки.

По датам донесения «Томского» распределяются следующим образом:

1912 г.—28/III, 22/IV, 6/V («Аг. Зап.», дело № 45).

1913 г.—12/III, 28/III («Аг. Зап.», д. № 57); 14/III («Аг. Зап.», д. № 46).

1912, 1913, 1914 г. г.—11/IV, 22/IV, 6/V, 27/XI, 7/XII, 10/XII; 18/1, 10/II, 19/II, 10/III, 17/V («Аг. Зап.», д. № 50);

[1]) Московск. Истор.-Рев. арх. Дело Комиссии по обеспечению нового строя, № 19.

17/X, 21/X («Аг. Зап.», д. № 81); 21/X («Аг. Зап.», д. № 82); 18/I, 17/II, 26/II, 27/II, 28/II, 28/II, 3/III, 5/III, 6/III, 10/III, 14/IV, 14/V, 21/V («Аг. Зап.», д. № 13); 3/I, 17/II, 19/II, 3/III, 6/V, 12/V, 1/XII («Аг. Зап.», д. № 74); 12/III, 5/VI, 1/VII («Аг. Зап.», д. № 33); 17/II, 6/III, 14/IV («Аг. Зап», д. № 48); 31/X, 6/XI, 10/II, 6/III, 12/III, 26/III, 6/VII, 14/VII («Аг. Зап»., д. № 49); 27/I, 4/II, 7/II, 28/V, 6/XI («Аг. Зап.», д. № 71).

1915 г.—26/X («Аг. Зап.», д. № 14); 26/X, 4/XI, 10/XI, 12/XI («Аг. Зап.», д. № 15); 6/II, 10/II, 12/II, 12/III, 26/III («Аг. Зап.»), д. № 73).

1916 г. — 2/XI («Аг. Зап.», д. № 17); 8/IX, 30/IX («Аг. Зап.», д. № 62); 14/VII («Аг. Зап.», д. № 52).

Маракушев, Алексей Ксенофонтович (он же нелегальный Воронов), известный в партийных кругах под кличкой «Алексей», являлся с 1911 года секретным сотрудником московского охранного отделения под кличкой «Босяк».

Происходит он из крестьян Владимирской губернии, Ковровского уезда, с. Лежнева. Родился в 1874 г. 10 февраля. Начальное образование он получил на родине в церковно-приходской школе, позже окончил Крестовскую начальную школу в Москве.

С этим тощим багажом познаний Маракушев вырастает и работает кузнецом в ковровских железнодорожных мастерских в период 1902—1906 г.г. (ст. Ковров, Владимирской губернии).

В то время он, еще не будучи провокатором, не став еще «секретным сотрудником», 5 июня 1906 г. был привлечен Владимирским Губернским Жандармским Управлением по делу о противоправительственной пропаганде в столовой ковровских жел.-дор. мастерских (обв. по 129 и 103 ст. уг. ул.) и был отдан под особый надзор полиции, 25 сентября того же года Владимирским Губернским Совещанием дело о нем прекращено, и надзор полиции с него снят [1]).

Тогда, как видно, еще не было «причин» Маракушеву стать охранником, но через 3 года, в 1909 году, когда он работает ремонтным слесарем центральной электрической станции городского трамвая г. Москвы, жандармы обращают на него «благосклонное» внимание, и 10/VI он арестовывается на собрании Замоскворецкого Районного Комитета Р. С.-Д. Р. П. и 27-го июня отдается под особый надзор полиции. С этого момента жандармерия не выпускает Маракушева из-под наблюдения и в октябре того же года производит следующий арест. Последний арест Маракушева, еще не павшего, не ставшего еще «иудушкой» (как он сам назвал себя в покаянном письме, отправленном на имя Комиссии по обеспечению нового строя, арестовавшей Маракушева, как охранника, в 1917 году), происходит в феврале 1911 года.

---

[1]) Моск. Истор.-Рев. арх. Дело моск. охр. отд. № 664 1906 г.

Напрасно Маракушев в означенном письме, называя свое дело грязным, старается обобщить факты, выискивая весьма невеские доводы, чтобы хоть чем-нибудь об'яснить, смягчить свое преступление перед рабочим классом. Весьма неумело, многословно и водянисто пишет он о каком-то количестве водки, поглощаемом народонаселением страны в период от 1906—1912 г. (0,61 ведра на душу). В том числе, как видно, и его душа.

Барахтающийся в грязи собственных самоизобличений Маракушев периодом реакции и этим алкогольным психозом об'ясняет, повидимому, и свое падение. Дело, дескать, касается «... историка и психиатра» [1]).

А в самом деле, 37-летний рабочий Маракушев же видный партийный работник, социал-демократ-меньшевик, впоследствии даже член Замоскворецкого Районного Комитета Р. С.-Д. Р. П., арестованный в пятый раз—5-го февраля 1911 г., посидев три недельки, изменяет интересам своего класса и 27-го того же месяца подает прошение на имя начальника московского охранного отделения с «всепокорнейшей» просьбой вызвать его для дачи «важных показаний» [2]).

Известно, конечно, какие это были «важные» показания. Всепокорнейшая просьба удовлетворена. Жандармы любят покорность, но они же сами шельмуют провокатора, дав ему секретное прозвище «Босяк», достаточно характеризующее даже их презрительное отношение к изменнику-рабочему, предавшему свой же класс.

Дело сделано. Он освобожден. 27-го мая он дает подробный обзор ковровской соц.-дем. организации, начиная с 1902 года. Маракушев старается, припоминает... Срок немаленький: 1902 — 1911 год, девять лет. Нужно припомнить, уточнить, чтоб не дать жандармам заподозрить его в недобросовестности («...историк оценит, разберется в нашей грязной работе»—пишет он в своем будущем покаянии), тут же он сам «историк» ковровской организации... Очевидно, этого было недостаточно для «экзамена», и через два дня 29/V он дает подробную информацию о структуре Московского городского и окружного Комитета Р. С.-Д. Р. П., о проведенной с 1906 года работе, тут же отмечены все проведенные организацией кампании за этот период. Дает целый ряд фамилий: Покровский, Михаил Николаевич, Смидович, Петр Гермогенович и др.

Первый год проходит. В жандармерии его оценили.

Так «Босяк», «Чугун» (у жандармов) [3]) и «Алексей» (в партии) начинает работать по всем правилам охранного порядка.

---

[1]) Дело комиссии, № 507.
[2]) Дело моск. охр. отд. № 664—1906 г.
[3]) Кличка наблюдения за Маракушевым.

Донесение за донесением (1911 г.—6/IV, 27/V, 29/V, 31/V, 3/VI, 5/VI, 6/VI, 27/VI («Ар. Зап.», дело № 3); 2/VII, 3/VII, 25/VII, 30/X, 27/XI («Ар. Зап.», д. № 4); 30/X, 27/XI («Ар. Зап.», д. № 2). 1912 г. 26/I, 8/IV, 16/V («Ар. Зап.», д. № 5); 19/IX, 21/IX, 22/IX, 6/XI, 16/XI («Ар. Зап.», д. № 6 и 8).

1913 г.—12/I, 3/IV, 13/IV, 19/IX, 20/IX, 28/IX, 28/XI, 7/XII, 16/XII («Ар. Зап.», д. № 9); 20/VII, 9/IX, 12/IX, 22/IX («Ар. Зап.», д. № 57); 20/IX, 12/XI, 16/XII («Ар. Зап.», д. № 92).

1914 г.—18/I, 19/I, 21/I, 23/I, 28/I, 3/II, 11/II, 22/II, 25/II, 27/II, 3/III, 11/III, 27/III, 30/III, 3/IV, 11/IV, 14/IV, 17/IV, 19/IV, 13/V, 24/V, 29/V, 2/VI, 10/VI, 13/VI, 16/VI, 19/VI, 24/VI, 27/VI («Ар. Зап.», д. № 13); 1/VII, 5/VII, 6/VII, 8/VII, 9/VII, 10/VII, 22/VII, 27/VII, 29/VIII, 20/IX, 22/IX, 17/X, 28/X, 8/XII («Ар. Зап.», д. № 97).

1915 г. — 15/I, 9/III, 3/VI, 22/VI, 4/VII, 7/VII, 15/VII, 22/VIII, 2/IIX, 11/IX, 12/IX, 14/IX, 18/IX, 22/IX, 3/X, 6/X, 10/X, 29/X «Ар. Зап.», д. № 14).

1916 г. — 27/V, 15/VI («Ар. Зап.», д. № 86) — день за днем месяц за месяцем. Довольно регулярно. Аккуратно и добросовестно. В 1914 году в № 13 «Агент. Записок» он доносит о собраниях Лефортовской районной организации Р. С.-Д. Р. П., собраниях профессионального общества металлистов «Единение» и др., а в апреле 1914 г., очевидно, в целях конспирирования, его арестовывают, нарочно...

Так и в таком духе протекает иудушкина работа, без перебоя, без перелома, ровно, точно: аккуратно получается жалованье..., и только в 1917 г. арестованный при Временном Правительстве Комиссией по обеспечению нового строя Маракушев пробует кого-то растрогать, расчувствовать, называет себя и своих единомышленников грязненькими, иудушками, попавшими в несчастье, надеется и просит какого-то парадного суда...

Провокатор и охранник Маракушев в самом деле дождался парада, но последнего и рокового для себя, когда волей революционного трибунала он проследовал туда, куда революционная воля народа направляла своих врагов. Алексей Ксенофонтович Маракушев (охранник «Босяк») был расстрелян в 1918 г. приговором Военно-Революционного Трибунала.

Миронов, Александр Иванович, по происхождению крестьянин Рязанской губернии, Данковского уезда, Хитровской волости, деревни Стрешнево, служил секретным сотрудником в московском охранном отделении под кличкой «Валентин»— по собственным показаниям Миронова с 1915 года по 1916 год, когда был взят на военную службу.

Даты агентурных донесений «Валентина» подтверждают указанный период службы в охранном отделении Миронова А. И.

Долго скрывался и разыскивался Комиссией по обеспечению нового строя и, наконец, по указанию журналиста Л. Е. Панова был задержан в Петрограде, где находился на военной службе.

Будучи на фронте и вернувшись уже после февральского переворота, несмотря на вероятную возможность быть разоблаченным среди общих списков уличенных охранников, он получает рекомендательные письма в разные редакции, к членам организации с.-д., стараясь проникнуть в рабочие организации, потом, будучи опубликован как провокатор, Миронов скрывается, пока по распоряжению Комиссии по обеспечению нового строя его не арестовывают и требуют ответа за злодеяния в прошлом.

Изобличенный документальными данными, он начинает сознаваться и дает в показании целый перечень своих доносов:

1915 год.

1) «3 августа. Этого сообщения не помню».

2) «26 августа. Было мною сообщено. Они и так знали, потому что списки о членах Правления посылались в Градоначальство».

3) «24 сентября. Мое сообщение».

4) «15 октября. Этого сообщения не помню. От Артамонова листовок не получал. От нелегальной литературы я уклонялся, и этого не могло быть мною передано».

7) «30/IX. Мое сообщение».

8) «3/XI. Мое сообщение».

9) «6/XI. Сообщение мое, только многое добавлено не мной. Я лично от Гуторенки не слышал, что он состоит в какой-то партии, мне говорил Буксин и даже не раз предлагал, чтобы я вступил к ним в партию, но я от этого отказался».

Дальше идет еще целый ряд вынужденных признаний о доносах: 10/XI, 21/XI, 23/XII.

В показании Миронов дает сведения из своей биографии и историю поступления его в охранку.

Причины, конечно, общие.

В январе 1913 года привлекался за вооруженное сопротивление властям, но был оправдан.

В 1914 году находился в ссылке. По приезде в Москву из ссылки работал секретарем союза печатников, затем председателем клуба «Просвещение» и позже в типографии «Русская Мысль».—Заработки (как обычно у кандидатов в охранники) скверные и... однажды..., конечно, арест. Конечно, угрозы жандарма, увещевания некоего «старика в штатском» с «орлиными глазами, который впился в меня» (собственные слова Миронова), уговоры этого штатского, что Миронов молод, недавно женился, что жизнь его будет разбита, его с семьей сошлют в Сибирь и т. д.

А в финале этого решающего разговора назначенные жандармом 35 руб. жалованья и тут же 25 рублей в виде задатка.

Дальше описываются первые минуты раскаяния: «когда я пришел в камеру, тут же заплакал и начал проклинать себя,

до утра не спал, мучился, утром меня выпустили, я решил возвратить обратно деньги и не служить у них»...

Однако, денег он не вернул и, выйдя из тюрьмы, берется за аккуратное исполнение своих обязанностей.

Вот шаблонный облик провокатора, обычный трафарет, по которому он и другие охранники старались растрогать Комиссию, уменьшить свою вину перед рабочим классом [1]).

Давал сведения о партийных организациях (с.-д.) и профессиональных союзах. По датам донесения «Валентина» распределяются следующим образом:

1915 год.—3/VIII, 28/VIII, 3/IX, 13/IX, 24/IX, 15/X, 30/X («Аг. Зап.», д. № 14); 3/IX, 13/IX, 24/IX, 15/X, 30/X, 3/XI, 6/XI, 6/XI, 16/XI, 20/XI, 19/XII, 21/XII, 23/XII («Аг. Зап.», д. № 15). 3/XI, 6/XI («Аг. Зап.», д. № 16); 16/XI, 21/XII, 23/XII («Аг. Зап.», д. № 23); 24/I, 7/II («Аг. Зап.», д. № 73).

1916 год.—24/I, 7/II («Аг. Зап.», д. № 62).

Митропольский, Арсений Иванович, сын статского советника, родился 8/VI 1889 г. Окончил 6 классов Нижегородского, графа Аракчеева, кадетского корпуса. В 1910 году поступил на военную службу рядовым, на правах вольноопределяющегося. В 1915 году произведен в подпоручики. Ко времени революции имеет уже ордена за боевые отличия.

Будучи в 1917 году задержан и находясь под следствием Комиссии по обеспечению нового строя за сотрудничество в охранном отделении, Митропольский цинично заявил: «...В охранное отделение я поступил весною 1913 г. по мотивам, которые сообщить не желаю. Во всяком случае мое вступление было добровольное...», но как бы пожалев о столь откровенном признании, Митропольский приводит «смягчающие вину обстоятельства»: «...в этот период моей жизни я находился почти в состоянии невменяемости, так как постоянно нюхал кокаин...» [2]).

Митропольский «работал» в охранном отделении г. Москвы под кличкой «Захарьин» под руководством ротмистра московского охранного отделения Якубова, по его показаниям с 1-го марта 1913 года до августа 1915 года. Получал 40 руб. жалованья. Донесения «Захарьина» сохранились именно за указываемый период.

«Захарьин» доносил о партийной деятельности отдельных с.-д. и с.-р., о работе отдельных редакций,—раскрывал охранному отделению литературные псевдонимы, работая сам как журналист в газете «Семафор» (не смешивать с однофамильцем редактором журнала).

Опубликован как провокатор в книжке С. Б. Членова и отнесен к разряду типичных мелких доносчиков.

---

[1]) III отделение Госархива, дело Комиссии по обесп. нового строя № 41.
[2]) Моск. Истор.-Рев. арх. Дело Комиссии по об. и. стр. № 172.

В сохранившихся документах московского охранного отделения значатся следующие донесения «Захарьина».

1913 г.—12/III, 12/III, 16/III, 28/III, 10/IV, 7/V, 13/VII 18/VII, 4/IX, 30/IX, 18/X, 29/X, 29/XI («Аг. Зап.», д. № 9); 13/VII, 18/VII, 29/X, 29/XI («Аг. Зап.», д. № 11); 12/III, 16/III, 28/III, 10/IV («Аг. Зап.», д. № 10); 16/III, 23/III, 28/III, 26/IV («Аг. Зап.», д. № 32); 12/III, 16/III, 23/III, 28/,III 10/IV, 16/IV, 25/IV, 26/IV, 30/IV, 1/VI, 11/VI, 13/VI, 14/VI, 20/VI, 16/VII, 31/VII, 4/IX, 30/IX, 6/XI, 19/XI, 3/XII, 5/XII («Аг. Зап.», д. № 57).

1914 г.—24/I, 26/V («Аг. Зап.», д. № 13); 12/I, 31/I, 9/IV, 18/XI, 29/XI («Аг. Зап.», д. № 74); 25/XI («Аг. Зап.», д. № 71); 25/XI («Аг. Зап.», д. № 49); 21/V, 16/XI («Аг. Зап.», д. № 33).

1915 г.—3/I, 23/IV, 20/IV, 1/V, 12/V, 30/V, 16/VI, 22/VIII («Аг. Зап.», д. № 73).

1913 г. Краткое содержание донесений «Захарьина» следующее:

12/III, 16/III, 23/III, 28/III, 10/IV, 16/IV, 25/IV, 26/IV, 30/IV, 1/VI, 11/VI, 14/VI, 20/VI, 16/VII, 31/VII, 4/IX, 30/XI, 6/XI, 19/XI, 3/XII, 5/XII—о газетах «Сибирь», железнодорожной газете «Семафор»,—направление газеты, список сотрудников газеты «Семафор», — раскрытие литературных псевдонимов «Тэффи»—сестра Мирры Лохвицкой, Н. А. Лохвицкая, сотр. «Русского слова», Колышко б. секр. гр. Витте—псевдоним «Баян» и др. («Аг. Зап.», д. № 9).

12/III, 12/III, 28/III, 10/IV, 7/V, 13/VII, 18/VII, 4/IX, 30/IX, 18/X—сведения по Р. С.-Д. Р. П. (В. Лобова—отделение газеты «Правды» в Косом пер., Малиновский В. Р., Лобов А. И. («Аг. Зап.», д. № 57).

1914 г.—12/I, 31/I, 29/IV, 18/XI, 29/XI—о сотрудниках газеты «Семафор», об арестах в университете Шанявского («Аг. Зап.», д. № 74).

1915 г.—3/I, 20/IV, 1/V, 12/V, 30/V, 16/VI, 22/VIII—доносы на отдельных лиц—сестер милосердия, об отрицательном отношении интеллигенции в связи с разгромом немецких магазинов, общественное настроение в связи с информацией Гучкова об отставке Сухомлинова («Аг. Зап.», д. № 73).

Муратов, Павел Никитич, сын московского купца, начинает свою революционную деятельность довольно наивно и просто. За надпись на воротах «Долой самодержавие» он в 1905 году привлекается московским губернским жандармским управлением, но за отсутствием свидетелей дело было прекращено [1]).

В 1907 году он был обыскан в с. Преображенском, Ивановской волости, Шуйского уезда, и препровожден в распоряжение московского охранного отделения, где был обвинен в перевозке нелегальной литературы социал-демократического направления с целью распространения в г. Иваново-Вознесенске. В 1909 году,

---

1) III отделение Госархива. Дело моск. губ. жанд. упр. № 178, 1905 г.

в своем показании по этому же делу в Московском губернском жандармском управлении Муратов, купеческий сынок, решил, очевидно, итти на попятный и делает первый шаг предательства, указав, что транспорт с литературой был им получен от Петра Волкова, служащего железной дороги. Это его, однако, не спасает, и в марте 1910 года Муратов был осужден Московской судебной палатой на три года крепости. Срок этот был ему сокращен по 266 ст. Устава о содержании под стражей. 23-го января 1912 года он был освобожден [1]). Провокатор «Сидор» [2]) в своем донесении от 16-го апреля 1912 года отметил: «...он (Муратов) отбывал крепостное заключение за принадлежность (как активный деятель) к Р. С.-Д. Р. П.» [3]).

После освобождения Муратов продолжал работать в московской организации, состоял в комиссии по приобретению средств на нужды социал-демократической работы и являлся кассиром общества красного креста помощи заключенным и ссыльным. До 1913 года о деятельности Муратова, как охранника, нет данных, но провокатор «Орлов» [4]) в своем донесении от 16 июля 1912 года сообщает о нем следующее: «он скрылся с партийными деньгами».

С 1913 года Муратов, оставаясь в рядах организации, стал ее предателем, поступив секретным агентом в московское охранное отделение, где ему была дана кличка «Павловский». Будучи слушателем московского народного университета имени Шанявского (1914 год), участвуя в марксистской группе при университете, «Павловский» информирует, доносит в охранное отделение о работе, настроении студенчества и социал-демократической организации. Попутно освещает работу отдельных членов организации.

По сохранившимся архивным материалам за «Павловским» числится 80 донесений.

По годам и организациям донесения «Павловского» распределяются следующим образом:

1913 год.

По Р. С.-Д. Р. П.	5	донесений	(см. „Агент. Зап.“, д. № 10).
„ неопред. движению . . .	6	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 57).
„ партии с.-р.	14	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 32).
„ студенческому движен. .	6	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 46).
„ анархистам	1	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 66).

1914 год.

По студенческому движен. .	13	донесений	(см. „Аг. Зап.“, д. № 47, 49, 71).
„ партии с.-р.	14	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 33).
„ неопр. движен.	13	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 74).
„ общественному движен. .	1	„	(см. „Агент. Зап.“, д. № 81).

[1]) III отделение Госархива. Дело моск. охр. отд. № 1905, 1907 г.
[2]) „Сидор“—провокатор Поляков, Андрей Александрович.
[3]) Там же. Регистрационная агентурная карточка на с.-д. Муратова.
[4]) „Орлов“—провокатор Тулупов, Дмитрий Петрович.

ПРЕДАТЕЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

ПРЕДАТЕЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

1915 год.

По неопределенному движен. 3 донесения (см. „Агент. Зап.“, д. № 73).
„ анархистам . . . . . 1 „ (см. „Агент. Зап.“, д. № 64).

1916 год.

По общественному движен. . 1 донесение (см. „Агент. Зап.“, д. № 86).

В 1916 году Муратов, укрываясь от воинской повинности, проживал как Сергей Михайлович Кетлер, чем, вероятно, об'ясняется его слабая деятельность в охранном отделении.

В 1917 году Комиссией по обеспечению нового строя было возбуждено против Муратова, как охранника, дело, но он не был разыскан [1]).

Николаев, Адриан Николаевич, мещ. г. Тарусы, Калужской губернии (кличка «Андреев»), работал с ротмистром Ганько, главным образом, по с.-д. движению. В 1914 г. сообщил об образовании «руководящей инициативной группы большевиков» (присутствовал на собрании, где был доклад об этой группе). Посещал собрания Замоскворецкой районной с.-д. организации. Осведомлял о движении в типографии Сытина, в профессиональном обществе рабочих печатного дела, в клубе «Просвещение». В 1915 году был членом с.-д. коллектива печатников. Сообщал о собраниях комитета тверской группы р. с.-д. р. п., о движении среди трамвайных служащих, о пресненской группе, с. д. кружке типо-литографов. Давал общие заметки о рабочем движении. Число выданных им довольно велико. Числился сотрудником охранки до последнего времени.

Представлены им следующие донесения:

13,VII—1910 г. (см. д. № 1); 13,I; 16,IX; 20,X—1911 г. (см. д, № 2); 13,I—1911 г. (см. д. № 3); 16,IX; 20,X—1911 г. (см. д. № 4); 3,VIII; 11,VIII; 14,IX; 9,X; 15,X—1912 г. (см. д. № 6); 3,VIII; 15,X; 11,VIII; 9,X; 24,X—1912 г. (см. д. № 8); 10,I; 8,II; 26,II; 16,III; 3,X; 26,X; 1,XI; 2,XII; 9,XII; 28,XII—1913 г. (см. д. № 9); (8,II); (18,III); 25,III; 29,III; 2,IV; 3,IV; 24,IV; 21,V; 24,VI—1913 г. (см. д. № 10); 6,VII; 15,VII; 9,IX; 3,X; 26,X; 1,XI; 2,XII; 9,XII; 18,XII; 28,XII—1913 г. (см. д. № 11); 21,II; 1,III; 7,IV; 30,IV—1914 г. (см. д. № 13); 16,III; 19,XIII; 26,VIII; 29,VIII; 31,VIII; 4,IX; 5,IX; 23,IX; 20,IX; 6,X; 26,X—1915 г. (см. д. № 14); 4,IX; 5,IX; 23,IX; 29,IX; 6,X; 26,X; 2,XI; 8,XI; 13,XI; 24,XI; 1,XII—1915 г. (см. д. № 15): 2,XI; 8,XI; 13,XI 1,XII—1915 г. (см. д. № 16); 26,X; 29,X; 1,XI; 9,XI; 28,XI; 14,XII—1916 г. (см. д. № 17); 1, 17,VI; 17,VI; 13,VII—1910 г. (см. д. № 96); 13,II—1911 г. (см. д. № 28), 18,XII—1913 г. (см. д. № 32); 17,IV; 27,XI—1914 г. (см. д. № 33); 14,XI—1916 г. (см. д. № 65); 25,III; 2,IV; 3,IV; 24,IV; 9,IX—1913 г. (см. д. № 57); 13,VII;

[1]) III отделение Госархива. Дело Комиссии по обеспечению нового строя № 272.

14,XI—1916 г. (см. д. № 62); 19,XI—1916 г. (см. д. № 63); 24,VI; 1,II; 5,II (д. № 72); 13,I; 23,I; 20,IX; 31,XI—1914 г. (см. д. № 74); 25,III; 29,III—1912 г. (см. д. № 45); 16,X—1911 г. (см. д № 42); 29,III—1913 г. (см. д. № 46); 27,XI; 29,IX—1914, 15, 16 г.г. (см. д. № 49); 21,V; 6,VII; 15,VII; 23,VII—1913 г. (см. д. № 21); 9,VII—1914 г. (см. дело № 22); 2.XI—1915 г. (см. дело № 23); 11,VII—1907 г. (см. д. № 84); 16,X—1911—12 г.г. (см. д. № 43); 14,IX (см. д. № 96); 14,VII; 21,X; 27,XI; 8 XII; 26,XII (см. д. № 97).

Николин, Павел Михайлович, кл. «Михайлов», служил в потребительских обществах, затем в Союзе Городов. Давал сведения о с.-р., с.-д., студентах Коммерческого института и университета Шанявского. Обстоятельно и подробно доносил о Союзе Городов, называл служащих, распространявших речи депутатов Государственной Думы. В 1916 г. давал сведения о Комитете западного фронта. Был арестован и признан междупартийным судом от 17 июля 1917 г. опасным для нового строя и подлежащим содержанию под стражей до Учредительного Собрания. В настоящее время на свободе.

Представлены им следующие донесения:

9,VI—1911 г. (см. д. № 3); 11,I; 5,III; 24,V; 13,VII—1910—1911 г.г. (см. д. № 68); 26,XI; 9,XII; 17.XII—1916 г. (см. д. № 65); 13,VII—1911 г. (см. д. № 4); 20,IV; 27.IV; 7.V; 20,V; 20,V—1912 г. (см. д. № 5); 3,II; 9,II;18,II; 28,III; 17,V; 12,VI; 28,VIII; 3,IX; 6,XI—1915 г. (см. д. № 64); 20,IV; 27,IV; 7,V; 20,V; 15,IV; 26,IX; 10,XII—1912 г. (см. д. № 7); 7,XI; 10,XI; 24,XI; 2,XII—1914 г. (см. д. № 74); 9,VI; 13,VII—1911 г. (см. д. № 91); 27,II, 2,III; 29,IV; 29,IV; 4,V; 9,V; 11,V; 13,V; 3.IX, 3,IX; 3,IX—1915 г. (см. д. № 73); 11,I; 28,III; 3,IV; 10,IV; 7,V; 16,VI—1910 г. (см. д. № 90); 9,II; 23,II; 27,II—1915 г. (см. д. № 14); 10,XII—1916 г. (см. д. № 54); Орл. ж. Упр.; 23/I—1911 г. (см. д. № 30; 25 I—1911 г. (см. д. № 29); 15/IV 1915 г. (см. д. № 35); 27/II, 27/II, 25/II, 18/II, 7 IV, 3/IX—1914—16 г.г. (см. д. № 49); 13/IV, 2/IV—1915 г. (см. д. № 85); 23/I—1911 г. (см. д. № 120).

Панин, Матвей Ефимович, кр. д. Мантюшина, Московской губ. (кличка «Саша»). В 1913 г. уже работал в охр. отд. Столяр, с.-д. большевик. Был «представителем партийной работы в сфере легальных возможностей». Находился в деловых сношениях с членами особого руководящего коллектива, сформированного в о-ве полезных и доступных развлечений. Сам распространял с.-д. литературу. Считался «важным сотрудником».

Поляков, Андрей Александрович, кр. д. Дубков, Калужской губ., 40 лет, с.-д., в партийных кругах известен под псевдонимом «Кацап» (охр. кличка «Сидор»). Бывший член областного комитета партии с.-д. Давнишний партийный работник в Одессе и Москве. Делегат на конференцию с.-д. в Вене. Неоднократно судился. Работал в охр. отд. с 1911 г. Во время предвыборной кампании в 4-ю Думу входил в комитет по вы-

борам в качестве представителя от с.-д. Тогда же заподозрен в сотрудничестве в охр. отд. По недостатку улик об'явлен провокатором не был, но от работы в партии устранен. После революции прислал на имя А. М. Никитина письмо, в котором выражал желание реабилитироваться. Сознался. Один из наиболее крупных осведомителей. Был арестован. Расстрелян по приговору Верх. Революц. Трибунала от 30 июля 1918 г.

Попок, Фаддей Николаевич (кличка «Птицин»), кр. Виленской губ., быв. сотрудник петроградского охр. отд., где был провален, рабочий, давал сведения об организации с.-р., с.-д. и анархистов. Был арестован в Петрограде.

Поскребухин, Алексей Алексеевич, состоял в числе секретных сотрудников московского охранного отделения в период 1912—1916 г.г. под охранной кличкой «Евгений». По происхождению он мещанин гор. Ефремова, Тульской губернии, родившийся в 1887 году и получивший образование на родине в городской школе.

По справке Московского охранного отделения в 1907 году Поскребухин был обыскан в гор. Ефремове по связям с Петром Степановым[1]). Сведений о Поскребухине за период 1907—1910 г.г. нами не обнаружено.

В 1911 году Поскребухин работает в Москве конторщиком фирмы Келлер и 14-го декабря арестовывается, как явствует из архивных материалов, вследствие... «имеющихся в охранном отделении сведений о принадлежности (его) к анархистам-коммунистам».

Арест оказался непродолжительным, и всего только через 4 дня (18 декабря) на имя смотрителя арбатского полицейского дома поступает распоряжение из московского охранного отделения о «немедленном» освобождении Поскребухина из-под стражи[2]).

Краткий срок нахождения Поскребухина под стражей, затем категорическое (не мотивированное даже) распоряжение о «немедленном» освобождении заставляет думать, что именно к этому времени: до ареста ли, если считать «арест» инсценированным, или же во время его—происходит поступление Поскребухина на службу в охранку. Ибо очень скоро, а именно — с 1912 г. появляются первые донесения секретного сотрудника «Евгения».

Так, наприм., 29/XI 1912 г. «Евгений» сообщает в охранное отделение о под'еме настроения в рабочей среде и о замечающемся стремлении отдельных, пока разрозненных представителей Р. С.-Д. Р. П. по гор. Москве предпринять те или иные меры к воссозданию местных партийных организаций.

Охранное отделение в имеющейся на донесениях графе «Резолюция начальника, установка по ним и исполнение» в том же

[1]) Петр Степанов—Ефремовский мещанин, анархист-коммунист, казнен. Моск. Истор.-Рев. арх., д. № 1647 1911 г.

[2]) Там же. То же дело.

донесении 29/XI отмечает: «Общее положение сотрудником обрисовано правильно и с пониманием. Подп. Мартынов» [1]).

Сотрудника охранка оценила сразу же. С первых, так сказать, его шагов. И этот лестный отзыв о его «работе» дает такой охранный «спец», как подполковник Мартынов.

В 1913 году «Евгений» сообщал в московскую охранку о социал-демократах: Шумкине Василии Григорьеве, Скачкове Иване Ивановиче, Липаеве Василии Ивановиче (участники собрания соц.-дем. за Семеновской заставой), Хрынине Михаиле Ивановиче, причастном к выпуску с.-д. прокламаций, призывающих к однодневной забастовке на 23/IX по поводу закрытия газеты «Наш Путь», о Иванове Василии Тимофееве и также о других.

Охранка взвешивает все эти аккуратные донесения, учитывает и распоряжается: «Хрынина арестовать»... «За Федотовым установить наблюдение»... и т. д. [2]).

Деятельность «Евгения» развивается, делается планомерной, и сотрудник начинает вполне оправдывать данный охранкой отзыв о нем.

Повидимому, для более «плодотворной» работы «Евгения», т.-е. во избежание провала, подозрений в организации, Поскребухин 29-го ноября 1913 года арестовывается нарочно охранным отделением за принадлежность к местной подпольной с.-д. группе. Арест, как и надо полагать, недолгий, и 13 января Поскребухин—«Евгений» вновь на воле. [3]).

Но охранка, очевидно, дорожит своим сотрудником. Она заботится о его реномэ в подпольных кругах и старается создать вокруг него ореол гонимого и преследуемого: опять 20-го апреля 1914 года обыск, но без ареста. 2-го августа 1915 года—арест. Поскребухина, конечно, освобождают и отдают под гласный надзор полиции на два года [4]).

К этому времени Поскребухин занимал уже определенное положение в с.-д. организации: входил в состав «руководящего коллектива» с.-д., поставившего себе целью ведение работы исключительно в подполье, являлся членом «Областного Комитета», членом правления о-ва торгово-промышленных служащих. Весь этот период «Евгений» достаточно аккуратно информирует охранное отделение о Пресненской группе, о Лефортовской организации, о работе о-ва торгово-промышленных служащих (собрания комиссии), о деятельности марксистских групп университета Шанявского и Коммерческого института [5]).

В 1916 году Поскребухин по мобилизации уезжает из Москвы, и в сохранившихся документах московского охранного отделения донесений «Евгения» с 1916 года не встречается.

---

[1]) Моск. Истор.-Рев. арх. „Агент. Записка“ № 6.
[2]) III Отделение Госархива. „Агент. Записки“.
[3]) Там же. Дело моск. охр. отд. № 1647 1911 г.
[4]) Там же. То же дело.
[5]) Там же. „Агент. Записки“.

Наступает февральская революция, и только в апреле 1917 года Поскребухин, заключенный, как охранник, в Бутырскую тюрьму, шлет, как это делали многие из охранников, письмо-исповедь в Исполнительный Комитет общественных организаций. Обращение подписано Поскребухиным и Николиным П. М. Исповедь — «коллективная», об'яснения, мотивы вступления в охранку — общие.

Приводим дословную выдержку из этого письма: «...каждый из нас, прежде чем перейти к деятельности в охранном отделении, пережил полосу революционной работы, и эти страницы нашего прошлого овеяны глубоким идеализмом и страстным желанием принести пользу народу...»

Очевидно, страсть эта (в пользу народа) была столь темпераментна и так неудержимо влекла этих «идеалистов» в охранку, что любовь перешла в настоящее предательство, столь быстро получившее взаимность в отнюдь не чувствительном и сентиментальном подполковничьем сердце Мартынова.

Дальше: «...наступившая реакция в области политической, время распада и общей растерянности, если не принесли полного разочарования во всем прошлом нашем служении, то избороздили наши души настолько, что подготовили почву для нашего падения».

Но несколько ниже мы читаем и о других побудительных причинах поступления в охранку Поскребухина, а именно:

«...Мы были бы неискренними, если бы сказали, что нас заставили пойти на сделку с совестью исключительно материальные соображения, в виде ли денег, получения свободы или права жительства в Москве, но мы не можем умолчать и о том, что эти мотивы играли не последнюю роль, на ряду с нашими разочарованиями, общим моральным упадком...» [1]).

Очевидно, эта (не излишняя) откровенность в достаточной мере охарактеризовала всю степень «разочарования» и морального упадка Поскребухина.

«Идеализму» его не поверили, «душевные мотивы» не были приняты во внимание. Разжалобить никого не удалось.

По постановлению Верховного Революционного Трибунал Поскребухин был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 30/VI 1918 года.

Регекампф—«Штурман», Сергей Александрович (он же Яков Златкин), литератор, деятель кооперативного движения. Был арестован. Приговором междупартийного советского суда от 5 июня признано установленным, что Регекампф являлся в течение ряда лет весьма серьезным сотрудником моск. охр. отд. по рабочему движению, кооперативному движению и с.-д. партии. Постановлено содержать Регекампфа под стражей

---

1) III отделение Госархива. Дело Комиссии по обеспечению нового строя Д. № 507 1917 г.

до созыва Учредительного Собрания и лишить политических прав. Расстрелян по приговору Верх. Револ. Трибунала от 30 июня 1918 года.

В охранное отделение представлены им следующие донесения:

10,VII; 16,VII; 17,VII; 23,VII; 23,VII; 24,VII; 25,VII; 27,VII; 17,VIII; 17,VIII; 5,IX; 13,IX; 20,IX; 4,X; 4,X; 4,XI; 6,XI; 6,XI; 7,XI; 13,XI; 4,XII; 4,XII; 9,XII—1912 г. (см. д. № 6); 1,IX; 17,IX; 23,IX—1915 г. (см. д. № 15); 19,V; 20,V—1915 г. (см. д. № 73); 10,VII; 16,VII; 17,VII, 23,VII; 24,VII—1912 г. (см. д. № 7); 4,X; 4,XII; 25,VII; 5,VIII—1910—14 г.г. (см. д. № 72); 19,VI; 19,VI; 29,VI (см. д. № 85) *); 25,VII; 27,VII; 7,VIII; 17,VIII; 5,IX; 13,IX; 20,IX; 4,X; 4,XI; 6,XI; 6,XI; 7,XI; 13,XI; 4,XII; 8,XII—1912 г. (см. д. № 8); 12,I; 10,II; 12,III; 21,IX; 25,X; 23,XI; 24,XI—1913 г. (см. д. № 9); 13,I; 10,II; 2,IV; 27,IV; 28,IV; 20,VI; 18,VII; 1,XI—1913 г. (см. д. № 57); 12,I; 13.I; 10,II; 10,II; 12,III; 2,IV; 27,IV; 28,IV; 19,VI; 20,VI; 25,VI; 29,VI—1913 г. (см. д. № 10); 23,XI (см. д. № 21) *); 18,VIII; 25,VII; 5,VIII; 21,IX; 25,X; 23,XI; 23,XI; 24,XI—1913 г. (см. д. № 11); 7,VII; 8,VII; 10,VII; 11,VII; 13,VII (см. д. № 53) *); 30,I; 18,II; 1,III; 13,III; 16,IV; 6,V; 17,VI—1914 г. (см. д. № 13); 21,I; 9.III; 20,V, 20,V; 7,VII; 7,VII; 8,VII; 10,VII, 11,V; 13,VII; 20,VIII; 1,IX; 17,IX; 23,IX—1915 г. (см. д. № 14); 6,XI—1912 г. (см. д. № 31); 27,XI—(см. д. № 87) *); 30,III; 20,IV—1916 г (см. д. № 86); 7,I; 23,II; 19,III; 19,III; 9,IV; 9,IV; 1,VI; 6,VI; 22,VI; 31,VII; 10,III; 1,IX; 27,XI—1915 г. (см. д. № 85); 21,IX—1913—14 г.г. (см. д. № 82); 29,III; 12,VIII; 15,VIII; 17,VIII; 2,IX; 2,IX; 21,IX; 17,X; 18,X; 18,XI; 18,XI—1913—14 г.г. (см. д. № 81); 23,XI—1913 г. (см. д. № 92); 9,VII; 12,VIII; 2,IX; 30,IX; 16,X; 6,XII; 18,XII—1914 г. (см. д. № 97); 20,V (см. д. № 112) *).

Романов, Андрей Сергеевич, кр. Владимирской губ., Переяславского уезда, той же волости, слободы Нагорной (кличка «Пелагея») или «Поля». Типографский рабочий, занимавшийся переплетным мастерством, с.-д.-большевик. Был учеником школы М. Горького на о. Капри (1909). По возвращении в марте 1910 г. сделался секретным сотрудником охр. отд. Был членом Моск. «Инициативной группы» с.-д., ликвидированной охр. отд. по его сообщениям в 1910 г. В 1911 г. был сослан в Тулу и Тверь, откуда по приглашению заграничных партийных кругов ездил с ведома охр. отд. на конференцию большевиков. Вернувшись, принял участие в работе моск. областной группы российской с.-д. р. п. В связи с этим выдал очень многих членов партии. Сообщил охр. отд. подробные сведения о предполагавшейся конференции с.-д., организованной после думской фракции большевиков в Озерках. Результатом сообщений Романова явился арест членов думской фракции с.-д. Получал вначале 40 руб., впоследствии 100. В 1915 г. поступил во Всероссийский Земский Союз и был заведующим починочной сапожной мастерской на

фронте. Один из осведомителей исключительной важности. Расстрелян по приговору Верх. Революц. Трибунала от 30-го июня 1918 года.

В охранное отделение им представлены следующие донесения: 1,XII—1916 г. (см. д. № 86); 28,III—1912 г. (см. д. № 45); 28,III—1913 г. (см. д. № 46); 17,II; 26,II—1914 г. (см. д. № 47); 11,I; 19,I—1913 г. (см. д. № 57); 8,XI (см. д. № 38); 15,IX; 17,IX; 18,IX; 8 X; 13,X; 16,X; 24,X; 1,XI; 8,XI; 9,XI; 13,XI; 22,XI; 28,XI; 11,XII; 6,XII; 14,XII—1910 г. (см. д № 1); 1,II—1911 г. (см. д. № 2); 2,II; 4,IV; 6,V; 11,V—1911 г. (см д. № 3); 9,V—1912 г. (см. д. № 5); 11,VIII: 14,VIII; 24,IX; 27,IX; 1,XI; 7,XII; 11,XII—1912 г. (см. д. № 6); 11,VIII; 14,VIII; 24,IX; 27,IX; 1,XI; 7,XII; 11,XII—1912 г. (см. д. № 8); 10,I; 13,I; 17,I; 18,I; 19,I; 17,II; 10,III; 24,III; 24,III; 8,IV; 22,IV; 23,IV; 24,IV; 24,IV; 25,VIII; 7,IX; 20,IX; 22,IX; 24,IX; 1,X; 24,X; 30,X; 1,XI; 6,XI; 13,XI; 22,XI; 22,XI; 26,XI; 26 XI; 3,XII; 19,XII; 27,XII;—1913 г. (см. д. № 9); 10,I; 11,I; 13,I; 17,I; 18,I; 19,I; 17,II; 10,III; 24,III; 28,III; 8,IV; 22,IV; 23,IV; 24,IV; 24,IV 1913 г. (см. д. № 10): 25,VIII; 7,IX; 20,IX; 22,IX; 24,IX; 1,X; 24 X; 30,X; 1,XI; 6,XI; 22,XI; 26,XI; 26,XI; 3,XII; 19,XII; 27,XII; 31,XII—1913 г. (см. д. № 11); 5,I; 7,I; 8,I; 23,I; 30,I; 4,II; 9,II; 15,II; 17,II; 26,II; 3,III; 14,III; 18,III; 28,III; 12,IV; 16,IV; 17,IV; 24,IV; 16,V; 21,V; 10,VI; 14,VI; 25,VI—1914 г. (см. д. № 13); 15,I; 15,I; 23,I; 31,I; 22,II; 4,IV; 17,IV; 18,IV; 22,IV; 29,IV; 31,V; 31,V; 4,VII; 7,VIII; 31,VIII; 17,IX; 26,IX; 9,X—15 г. (см. д. № 14); 11,IX; 17,IX; 26,IX; 9,X; 1,XII—1915 г. (см. д. № 15); 1,XII—1915 г. (см. д. № 16); 8,III; 13,V; 17,V; 17,V; 19,V; 20,V; 21,V; 15,IX; 17 IX; 18,IX; 16,X; 24,X, 1,XI; 8,XI; 9,XI; 13,XI; 22,XI; 28,XI; 4,XII; 6,XII; 14,XII—1910 г. (см. д. № 89): 14,V; 9,VI—1910 г. (см. д. № 90); 2,II; 6,V; 11,V; 4,IV—1911 г. (см. д. № 91); 17,V (см. д. № 96)*); 3,VII; 10,VII; 16,VII; 23,VII; 25,VII; 30,VII; 1,VIII; 14,VIII; 28,VIII; 7,IX; 22,IX; 16,X; 27,X; 26,XI; 6,XII; 22,XII; 30,XII—1914 г. (см. д. № 97).

Соколов, Сергей Иванович (кличка «Кондуктор»), кр. Московской губ., Бронницкого уезда, с. Рогачева. Слесарь об-ва электрического освещения 1886 г. В 1914 году был секретарем о-ва металлистов. Участвовал во многих с.-д. организациях рабочих. Считался деятельным большевиком. Представлял сведения о деятельности самых разнообразных организаций.

Более точные сведения были им доставлены о составе временного комитета московских с.-д. и о заседаниях с'езда Всероссийского Союза Городов. 25-го октября 1915 г. доставил сведения для ареста членов с.-д. комитета. 4-го декабря 1915 года по его указанию были арестованы 4 члена комитета и хозяин явочной квартиры. Намечал отдельных лиц, за которыми устанавливался надзор. За один только 1915 год донес больше чем на 100 лиц, из которых большая часть отдана под надзор. Работал с охранкой до последнего времени.

Человек энергичный, осведомленный, аккуратный в донесениях, доносчик-профессионал. Относится к числу довольно серьезных, но не первостепенных «секретных сотрудников». Был арестован. Расстрелян по приговору Верх. Революционного Трибунала от 30 июня 1917 года.

Представлены им следующие донесения:

3,XII—1912 г. (см. д. № 6); 3,XII—1912 г. (см. д. № 8); 13,I; 3,III; 4,III; 4,III; 18,III; 9,IV; 23,IV; 10,IV; 20,IX; 22,IIX; 12,X; 2,XI; 5,XI; 6,XI; 22,XI; 30,XI; 16,XII — 1913 г. (см. д. № 9); 13,I; 3,III; 4,III; 14,III; 18,III; 3,IV; 9,IV; 23,IV; 30,IV; 16,V; 10,VI; 22,VI—1913 г. (см. д. № 10); 2,VII; 23,VII; 20;IX; 22,IX, 12,X; 2,XI; 5,XI; 6,XI; 22,XI; 30,XI; 7,XII; 16,XII — 1913 г. (см. д. № 11); 16,II—1913 г. (см. д. № 12); 7,I; 22,II; 5,III; 9,IV; 30,IV; 19,V; 25,VI—1914 г. (см. д. № 13); 18,I; 9,II; 18,II; 7,III; 13,III; 21,IV; 7,VII; 11,VII; 12,VII; 13,VII; 14,VII; 15,VII; 6,IX; 12,IX; 14,IX; 21,IX; 24,IX; 1,X; 14,X; 29,X; 28,X — 1915 г. (см. д. № 14); 6,IX; 8,IX; 12,IX; 21,IX; 24,IX; 1,X; 14,X; 23,X; 28,X; 2,XI; 4,XI; 9,XI; 14,XI—1915 г. (см. д. № 15); 2,XI; 11,XI; 9,XI; 14,XI—1915 г. (см. д. № 16); 16,XII — 1916 г. (см. д. № 17); 7,VII; 11,VII; 13,VII — 1915 г. (см. д. № 53); 10,II — 1916 г. (см. д. № 63); 3,IV; 6,IV; 16,V; 25,IX; 7,XII — 1913 г. (см. д. № 57); 29,I; 5,III; 19,III; 5,V; 12,VI; 22,VII; 31,XI—1914 г. (см. д. № 74); 22,II — 1914 г. (см. д. № 47); 30,VI; 16,VI; 22,VI; 2,VII; 23,VII—1913 г. (см. д. № 21); 2,IV; 10,X — 1914 г. (см. д. № 22); 8,IX—1915 г. (см. д. № 23); 16,X—1914 г. (см. д. № 33); 9,VII; 20,X; 13,XI; 18,VII; 27,XI; 12,XII — 1914 г. (см. д. № 97).

Шварц Вячеслав Карлович, мещ. Могилевской г. (кличка «Раиса»), бывший студент Моск. техническ. училища. Работал в охр. отд. не менее 6 лет до последнего времени. Официально получал 40 р. в месяц. Доносил на студенческие кружки с.-д. и с.-р. Был арестован. Приговором междупартийного суда от 9 июня лишен политических прав. Из-под стражи освобожден.

Приложение II.

Дело „Руководящего коллектива Московской Окружной организации Р.С.-Д.Р.П.".

Обвинительный Акт

по делу о присяжном поверенном Ефиме Лазареве Пахмане, пот. поч. гражданине Ароне Александрове Сольце, мещанине г. Ростова-на-Дону Петре Васильеве Заварзине и домашнем учителе Павле Андреевиче Андрееве[1]).

В июле месяце 1914 г. в отделении по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве получились сведения, что квартира присяжного поверенного Ефима Лазарева Пахмана, по М. Лубянке, д. № 16, летом сего года посещалась подозрительными в политическом отношении лицами и в том числе некоим Коростелевым, служившим в типографии Левенсона. 1 августа помощником начальника резерва московской полиции Потаповым в квартире Пахмана был произведен обыск и в кабинете на письменном столе был найден один экземпляр отпечатанного на пишущей машине воззвания от имени руководящего коллектива Московской окружной организации Р.С.-Д.Р.П. к рабочим и солдатам (л. д. 24).

Тогда же на дознании было установлено, что означенное воззвание в рукописи было получено письмоводителем Пахмана Павлом Андреевым от некоего Арона Сольца, проживавшего в Москве под фамилией Коростелева, при чем Андреев, по просьбе последнего, отпечатал это воззвание в 3-х экземплярах на пишущей машине в квартире Пахмана с ведома последнего (л. д.).

31 июля 1914 года при личном задержании упомянутого Коростелева полицией, между прочим, у него было найдено следующее: 1) бессрочная паспортная книжка на имя крестьянина Якова Яковлева Коростелева, 2) письма от неизвестных лиц, административно сосланных в Нарымский край, 3) клочок бумаги с карандашными заметками о порядке дня предполагавшегося в августе месяце с. г. заграничного с'езда членов Р. С.-Д. Р. П. (л. 19).

При допросе на дознании задержанный Коростелев об'яснил, что он проживал в Москве по паспорту на имя крестьянина

---

[1]) Из дела Моск. Воен.-Окружн. суда, № 760 за 1914 г.

Якова Яковлева Коростелева, чтобы иметь возможность получить место и работать, и что в действительности он – бежавший из Нарымского края, места своей ссылки в административном порядке, поднадзорный Арон Александрович Сольц (л. 2 об).

Тогда же на дознании, а затем и на следствии было установлено, что Сольц под фамилией Коростелева был прописан по дому Кальмеера на Рождественке с 28 июня 1914 года, а в действительности проживал сперва в квартире Пахмана, а затем по Сытинскому переулку, в д. № 5, в квартире Фомичевой, где был прописан лишь 17 июля (19 и 59).

На возникшем по этому поводу предварительном следствии по осмотру вышеуказанного воззвания оказалось следующее: написано оно на листе писчей бумаги на пишущей машине; начинается обращением: «Товарищи рабочие и солдаты» и оканчивается подписью: «Руководящий коллектив Московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П.»; вверху воззвания изображено: «Российская с.-д. партия» и эпиграф—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Содержание этого воззвания сводится к следующему: начиная с 1889 г., организованные пролетарские массы твердят из года в год «долой войну»; все пролетарии—братья: у них нет противоположных интересов, и все же не оказалось достаточных сил предотвратить настоящую войну, обрушившуюся на всю Европу страшным бедствием. Далее автор задается вопросом, кто в этом виноват и кто отвечает за это бедствие, и тут же поясняет, что в этом виновны те, кто, не справившись с народной волей, с желаниями и интересами народных масс, даже вопреки ясно выраженной их воле, сосредоточив в своих руках народные военные силы, бросили вызов один другому. Этой войны хотел не народ, а правительства Германии и Австрии, а брошенный ими вызов приняли правительства России, Франции, Англии и других государств.

Затем в воззвании говорится, что у современных буржуазных государств в борьбе с мировой солидарностью пролетариата осталось только одно средство—науськивать одну народность на другую.

Во второй части воззвания указывается на то, что настоящая война по своим размерам и форме свидетельствует о том чрезвычайно важном факте, что современный капитализм уже не в силах справиться и руководить вызванными им самим производительными силами и правовыми нормами, так как она громко говорит пролетариату и широким демократическим массам: «если хотите избавиться от подобных бедствий, кончайте раз навсегда с капиталистическим порядком, установите строй социалистический, основанный на солидарности людей; недаром,—говорит автор,—протестовали только представители рабочих и крестьян, заявив, что ликвидировать войну должен сам народ».

В конце воззвания говорится: для того, чтобы положить конец этой братоубийственной войне и хозяйничанию безответственных правительственных групп, в России и Германии, в Англии и Франции, в Австрии и Бельгии должен быть брошен один неизменный клич: «Долой войну, да здравствует братская солидарность народов!». Нельзя верить тому, что этим ослабляются силы в борьбе с германским правительством; революционный народ, сознающий, что он борется за свое политическое и экономическое освобождение, за землю и волю, во много раз сильнее бесправного народа, которым руководят титулованные слуги имущих классов; никакой враг не страшен, когда сам народ является хозяином борьбы. В ответ на призыв об'единиться вокруг существующей власти, мы говорим: «Долой самодержавие! Да здравствует вооруженный народ, да здравствует демократическая республика, да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» (л. 45—47).

В виду изложенных данных прис. поверенному Пахману, пот. поч. гр. Арону Сольцу и домашнему учителю Павлу Андрееву было пред'явлено на предварительном следствии обвинение в участии в преступном сообществе, именующемся руководящим коллективом Московской и окружной организации Р. С.-Д. Р. П., каковая партия заведомо для них целью своей деятельности ставит насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя, при чем Пахман, будучи допрошен в качестве обвиняемого, не признал себя виновным в приписываемом ему преступном деянии и об'яснил следующее: в июне месяце с. г. к нему на квартиру явился его товарищ по гимназии Арон Сольц, который возвратился из административной ссылки. Сольц несколько раз ночевал у него, Пахмана, и часто обедал; ему удалось устроить Сольца в типографию Левенсона на должность корректора, и тогда Сольц поселился в Сытинском пер., в д. № 5, куда письмоводитель его, Пахмана, Павел Андреев отвез Сольцу корзину с вещами. Ему, Пахману, не было известно, что Сольц жил и служил в Москве под чужим именем—Якова Яковлева Коростелева. По словам Пахмана, как-то в июле месяце во время обеда к нему на квартиру пришел неизвестный ему господин высокого роста со вдавлиной на лбу, оказавшийся знакомым Сольца, и пробыл у него некоторое время. На следствии ему, Пахману, была пред'явлена фотографич. карточка Петра Васильева Заварзина (снимок моск. охран. отделения), и он положительно признал, что на ней изображен упомянутый знакомый Сольца, приходивший в его квартиру. Далее Пахман об'яснил, что в конце июля Сольц попросил его, Пахмана, по телефону прислать к нему на квартиру письмоводителя Андреева, но для чего, не сказал. Андреев отправился и принес написанную карандашом бумагу, которую Сольц просил перепечатать в нескольких экземплярах на пишущей машине. Прочитав эту бумагу, он, Пахман, убедился, что это было воз-

звание, написанное, очевидно, рукой Сольца, тождественное по содержанию с тем, которое было найдено по обыску у него на столе. Хотя он и советовал Андрееву не перепечатывать этой бумаги, но последний не послушался, и тогда он, Пахман, ушел спать. На следующий день утром к нему, Пахману, на квартиру явился упомянутый Заварзин и сказал, что тут для Сольца должен быть пакет. Тогда он, Пахман, взял оставленный на столе пакет и подал Заварзину, который, вынув воззвания из конверта, прочитал их, при чем нашел, что напечатанные под прокладкой экземпляры были неясны и тут же, с разрешения его, Пахмана, исправил их на машине. После этого Заварзин ушел, оставив на столе один экземпляр воззвания для Сольца (л. д. 55—57 и 98—99).

Спрошенный на следствии в качестве обвиняемого Андреев не признал себя виновным в приписываемом ему преступлении и об'яснил, что он 6 лет служил у прис. пов. Пахмана в должности письмоводителя и, кроме того, управлял домами Кальмеера. Летом этого года к Пахману стал ходить его товарищ по гимназии некто Арон Александрович, который, как оказалось впоследствии, проживал в Москве по паспорту на имя Якова Яковлева Коростелева. По словам Андреева, Пахман дал ему паспорт на имя Якова Коростелева для прописки и сказал, что последний рабочий и что он снял комнату в доме Кальмеера; после этого он, Андреев, отдал паспорт дворнику Обухову (л. 100). Потом Арон Александрович поселился в Сытинском переулке, д. № 5, куда он, Андреев, отвез ему от Пахмана корзину с вещами. 29 июля, часов в 10 вечера, Пахман откуда-то позвонил ему, Андрееву, по телефону и просил немедленно сходить на квартиру к Арону Александровичу по делу, что он и исполнил. Последний дал ему какую-то рукопись и просил перепечатать на пишущей машине непременно к следующему утру в возможно большем количестве экземпляров. Возвратившись домой, он, Андреев, застал Пахмана, которому и показал эту рукопись. Пахман прочитал ее и, ничего не сказав, вскоре ушел спать, а он сел печатать и, будучи утомлен дневной работой, делал это, как автомат, не вникая в смысл и содержание рукописи.

Перепечатав ее в 3-х экземплярах, положил их в конверт и оставил на письменном столе Пахмана. Давая работу, Арон Александрович сказал ему, Андрееву: «Утром мы придем и возьмем напечатанное», очевидно, имея в виду себя и Заварзина, которого, он, Андреев, застал у Арона Александровича в комнате лежащим на кровати, а до этого раза видел его у Пахмана вместе с Сольцем (л. 49 и 50, 100 и 101).

Кроме того, допрошенная на следствии в качестве свидетельницы Варвара Фомичева показала, что 19 июля с. г. к ней на квартиру по Сытинскому пер., № 5, переехал некто Яков Яковлев Коростелев, который работал в типографии. Коростелев

переехал без вещей, а затем их привез ему какой-то мужчина; последний затем был в гостях у Коростелева как-то поздно вечером вместе с другим мужчиной, которого видела лежавшим на постели с закрытым руками лицом (л. 69 об. и 70).

Прислуга обвиняемого Пахмана, Антонина Гринкевич, будучи допрошена на следствии в качестве свидетельницы, показала, что в конце июня месяца с. г. в квартире Пахмана появился дотоле неизвестный ей господин, которого барин называл Ароном. Последний прожил у барина в квартире с неделю, а затем куда-то выехал после того, как дворник потребовал паспорт для прописки, и приходил лишь обедать; однажды вместе с ним обедал еще какой-то мужчина, знакомый Арона, затем Арон перестал бывать (л. 68 и об.).

Обвиняемый Арон Сольц, будучи допрошен на следствии, не пожелал отвечать на вопрос о виновности в приписываемом ему преступном деянии и об'яснил, что он Пахмана знает с детства, по гимназии; находясь в ссылке, он переписывался с ним; после побега из Нарымского края приехал в Москву и здесь посетил Пахмана и стал бывать у него. В 20 числах июля получил место корректора в типографии Левенсона. Бывая у Пахмана, познакомился с его письмоводителем Андреевым, которому дал рукописный оригинал воззвания руководящего коллектива Московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П. к солдатам и рабочим, и Андреев по его просьбе перепечатал в нескольких экземплярах на пишущей машине в квартире Пахмана. Ни оригинала, ни копии воззвания обратно не получил (52 и 53).

19 августа с. г. в дачной местности—Кунцеве близ Москвы был задержан поднадзорный Нарымского края Петр Васильев Заварзин, проживавший под фамилией и по паспорту Ильи Козьмина (л. 121).

Привлеченный в виду изложенных данных к следствию в качестве обвиняемого в участии в преступном сообществе, именующемся «руководящим коллективом Московской и окружной организации Р. С.-Д. Р. П.», каковая партия заведомо для него целью своею ставит насильственное ниспровержение существующего в России государственного строя. Заварзин не признал себя виновным и об'яснил, что 3-го июля он бежал из Нарыма; в конце июля месяца прибыл в Москву, а затем поселился в Кунцеве под именем Ильи Семенова Козьмина, прописавшись по случайно найденному на имя Козьмина паспорту. В Москве разыскал своего знакомого по ссылке Сольца и вместе с ним обедал у прис. повер. Пахмана. По приглашению Сольца отправился как-то в конце июля месяца к нему ночевать и вечером при нем к Сольцу пришел письмоводитель Пахмана, в это время он, Заварзин, усталый лежал на постели, а Сольц стал что-то писать за столом. На следующее утро он, по просьбе Сольца, ходил на квартиру к Пахману и взял там запечатанный пакет,

который передал у памятника Пушкина неизвестному ему молодому человеку, ранее указанному ему Сольцем (л. 119 и 120).

Согласно осмотра программы Р. С.-Д. Р. П., в издании Моск. окружн. комитета партии, содержание ее сводится к следующему: считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран и которая определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев, вынужденных поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества. Поэтому конечная цель всей деятельности международной соц.-демократии—в социальной революции, необходимым условием которой является диктатура пролетариата. Царское самодержавие по самой природе враждебно всякому общественному движению и является злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата, поэтому Р. С.-Д. Р. П. ставит ближайшей своей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой. Стремясь к достижению своих ближайших целей, Р. С.-Д. Р. П. поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка (61 и 62).

Из имеющихся в деле письменных сведений видно:

1) Обвиняемый Ефим Лазарев Пахман, 38 лет от роду, сын коллежского ассесора, состоит присяжным поверенным округа Московской судебной палаты под судом и следствием не состоял (55, 104).

2) Обвиняемый Павел Андреев, 54 лет, домашний учитель, под судом и следствием не был (49 л.).

3) Обвиняемый Арон Сольц, 42 лет от роду, потомственный почетный гражданин, бывший студент петроградского университета; в 1901 году привлекался в порядке охраны при петербургском охранном отделении по делу о лицах, прикосновенных к революционному социал-демократическому сообществу «Искра»; привлекался по этому делу и в административном порядке был выслан под гласный надзор в Н.-Удинск, откуда бежал за границу и возвратился в 1905 году. В 1906 г. он был привлечен к переписке по охране при Петербургском Губернском Жандармском Управлении по обвинению в прикосновенности к деятельности партии социалистов-революционеров и в административном порядке был выслан в Тобольскую губернию. В 1913 году Сольц, как член Петербургского большевист-

ского Ленинского комитета Р. С.-Д. Р. П. был привлечен к переписке в порядке положения о государственной охране, по рассмотрении коей в особом совещании по постановлению министра внутренних дел был выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции на 3 года, считая срок с 8 апреля 1913 г. (л. 4).

4) Обвиняемый Петр Васильевич Заварзин, 24 лет от роду, ростовский-на-Дону мещанин; в 1908 г. вошел в Ростовскую с.-д. организацию. В 1913 г. был выслан административным порядком под гласный надзор полиции на 3 года в Нарымский край, считая срок с 29 января 1914 года (л. 122 и 123).

На основании высочайшего указа (Собрание узаконений и распоряжений Правительства от 25 июля 1914 г., № 199) гор. Москва об'явлена на положении чрезвычайной охраны, в виду чего и на основании п. 3 ст. 26 положения о чрезвычайной охране (прил. 1 к ст. 1, прим. 2 уст. пред. прест. кн. XIV Св. Зак.) настоящее дело и передано к производству военного суда, в порядке ст. ст. 17 и 18 упомянутого положения.

На основании вышеизложенного, пот. поч. гражданин Арон Александров Сольц, мещанин гор. Ростова-на-Дону Петр Васильев Заварзин, присяжный поверенный округа Моск. судебн. палаты Ефим Лазарев Пахман и домашний учитель Павел Андреев Андреев обвиняются в том, что в 1914 г. в гор. Москве, по предварительному между собой соглашению, приняли участие в преступном сообществе, именующемся «Руководящим коллективом Московской и окружной организации российской социал-демократической рабочей партии», заведомо для них поставившего целью своей деятельности насильственное, посредством вооруженного восстания, ниспровержение установленного основными законами образа правления и замену его демократической республикой, при чем для осуществления задач названной партии:

а) Сольц и Заварзин, желая скрыть свои настоящие имена, проживали: первый—под фамилией Коростелева, а второй—Козьмина, составили предназначенную для распространения рукопись, заключающую в себе призыв рабочих и солдат к прекращению раз навсегда братоубийственной войны путем борьбы с капиталистическим строем государства и установления социалистического, при чем сам революционный народ должен явиться хозяином борьбы, и затем при посредстве названных Пахмана и Андреева с целью распространения отпечатали это воззвание в трех экземплярах.

б) Пахман для осуществления задач названной партии представил обвиняемому Сольцу свою квартиру для временного проживательства, прописав его в то же время через своего письмоводителя Андреева по дому Кальмеера по паспорту на имя Коростелева; далее, при посредстве того же письмоводителя Андреева, взял у названного Сольца, по просьбе последнего,

означенную рукопись и предоставил свою пишущую машину для напечатания Андреевым этой рукописи в нескольких экземплярах с целью распространения, а затем передал их названному Заварзину.

в) Андреев же, в видах осуществления задач упомянутой партии, в качестве управляющего домами Кальмеера в Москве, прописал Сольца под чужим именем и тем дал ему возможность скрыть свое имя, а затем, получив от того же Сольца означенное воззвание, на пишущей машине напечатал его с целью распространения в нескольких экземплярах.

Это преступное деяние в отношении всех обвиняемых предусмотрено 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.

За означенное деяние названные пот. поч. гр. Сольц, мещанин Заварзин, присяжный поверенный Пахман и домашний учитель Андреев преданы, согласно 3 п. 26 и 27 ст. ст. положения о государственной охране, 262 и 1182 ст. ст. кн. XXIV С. В. П., Московскому военно-окружному суду Вр. Командующим войсками Московского военного округа.

Помощник Военного Прокурора
Полковник Гуторг.

„17“ сентября 1914 года,
гор. Москва.

ПРОТОКОЛ

1914 года, октября 9-го дня, в 11 ч. 15 м. утра, Московский Военно-Окружный Суд открыл судебное заседание при закрытых дверях в следующем составе:

Председатель—генерал-лейтенант Домбровский.

Временные члены: полковник 4-го запасного кавалерийского полка Усов и подполковник окружного Интендантского Управления Егоров, при участии помощника военного прокурора полковника Гуторг, при секретаре статском советнике Сперанском.

Председатель, удостоверясь, что все должностные лица находятся на своих местах, об'явил, что рассмотрению суда подлежит дело о потомственном почетном гражданине Ароне Сольце, мещанине Петре Заварзине, присяжном поверенном Ефиме Пахман и домашнем учителе Павле Андрееве и что, согласно постановления суда, дело во всем об'еме будет рассмотрено при закрытых дверях, о чем и сделано соответствующее распоряжение. Подсудимые, находясь под стражей, заняли назначенные им места. Защитниками их были присяжные поверенные: Мандельштам и Бобрищев-Пушкин — Пахмана,

ПРЕДАТЕЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА.

ПРЕДАТЕЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Муравьев—Сольца, Малянтович—Заварзина и Лидов—Андреева. Согласно 808 ст. XXIV кн. С. В. П., председатель предлагал подсудимым вопросы, служившие для определения их личности, и получили ли они копию с обвинительного акта и список судей и прокурора. Прочтен список свидетелей, при чем по поверке их оказалось, что не явились свидетели: мещанка Фомичева за неразысканием ее по месту жительства и врач Страхов по обстоятельствам военного времени, как уведомил о том главный врач Московского военного госпиталя. Выслушав заключение помощника военного прокурора о законности неявки свидетелей и мнение сторон о возможности продолжать судебное заседание и согласно с таковым суд постановил: причину неявки Фомичевой и Страхова, согласно 812 ст. XXIV кн. С. В. П., признать законною, показание Фомичевой для дела существенным и Страхова несущественным, показание Фомичевой подлежащим оглашению, и дело рассмотреть в отсутствии этих свидетелей. По распоряжению председателя свидетели удалены в особую комнату с принятием мер против стачки между собой и сношений с посторонними лицами. Прочтен обвинительный акт, после чего председатель, изложив подсудимым существо возникшего против них обвинения, спрашивал, признают ли они себя виновными. Подсудимые не сознались, и суд постановил перейти к поверке судебных доказательств. Введены свидетели, которым председатель предлагал вопросы для определения личности и отношений к участвующим в деле лицам, при чем спрашивал свидетельницу—жену подсудимого Пахмана, Марью Пахман, желает ли она давать показание; свидетельница Пахман ответила утвердительно. Председатель спрашивал стороны, не имеют ли они причин к отводу свидетелей от присяги. Помощник военного прокурора дал заключение, что согласно 846 ст. XXIV кн. С. В. П., жена подсудимого Пахмана, Марья Пахман, должна быть допрошена без присяги, а остальные свидетели подлежат допросу под присягой. Подсудимые и их защитники против заключения помощника военного прокурора не возражали. Суд постановил из всех свидетелей допросить, согласно 846 ст. XXIV кн. С. В. П., без присяги жену подсудимого Пахмана, Марью Пахман, а остальных свидетелей под присягой, к каковой лица православного исповедания и свидетель Топчиев армяно-григорианского исповедания с его согласия были приведены православным священником, выслушав от него предварительно внушение о святости ее; свидетельница Гринкевич, римско-католического исповедания, была приведена к присяге духовным лицом этого вероисповедания, выслушав предварительно внушение о святости ее, и свидетели иудейского исповедания Жирмунский и Кальмеер были приведены к присяге председателем суда. Председатель напомнил свидетелям об обязанности показывать правду и об ответственности за ложное показание, при чем предупредил

свидетельницу Пахман, что она хотя и не принимала присяги, но также обязана говорить правду. Все свидетели удалены в особую комнату с соблюдением 817 ст. XXIV кн. В виду ходатайства свидетелей Доброхотова и Михновского, председатель, с согласия сторон, разрешил этим свидетелям удалиться из суда до трех часов дня, предупредив, что они по настоящему делу не должны иметь ни с кем сношений. Приглашен свидетель Потапов, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы сторон. Дано слово подсудимым. Приглашена свидетельница Гринкевич, которая по напоминании о присяге дала показание и отвечала на вопросы сторон. Согласно просьбы помощника военного прокурора суд постановил огласить те части показания свидетельницы, которые она запамятовала, каковые места ее показания и были прочитаны. Стороны продолжали допрос свидетельницы. Дано слово подсудимым. Приглашен свидетель Калягин, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы сторон. Дано слово подсудимым. Председатель предлагал подсудимому Сольцу вопросы с предупреждением, что он может и не отвечать на таковые; тому же подсудимому предлагал вопросы помощник военного прокурора через председателя, предупредив того подсудимого Сольца, что он может и не отвечать на предлагаемые вопросы. Приглашен свидетель Клецкин, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы защиты и помощника военного прокурора. Дано слово подсудимым. Приглашен свидетель Топчиев, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы защиты и помощника военного прокурора. Дано слово подсудимым. Приглашена свидетельница Пахман, которая по предупреждении, что и без принятия присяги обязана показывать правду, дала показание и отвечала на вопросы защиты; помощник военного прокурора от допроса отказался. Дано слово подсудимым. Приглашен свидетель Жирмунский, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы защиты. Дано слово подсудимым. Приглашен свидетель Курлюков, который по напоминании о присяге дал показание и отвечал на вопросы защиты и помощника военного прокурора. Дано слово подсудимым. Далее вызывались свидетели каждый отдельно: Пономарева, Казанский, Кальмеер, Курлюков, Гусаров, Доброхотов и Михновский, которые по напоминании каждому из них о присяге и ответственности за ложное показание давали каждый порознь показание и были спрошены сторонами; после показания каждого свидетеля давалось слово подсудимым. По просьбе помощника военного прокурора, согласно постановления суда, было оглашено показание свидетельницы Фомичевой; подсудимым предоставлено право возражения. В 5 часов дня председатель об'явил перерыв судебного заседания до 7 часов вечера.

В 7 ч. вечера председатель об'явил о продолжении судебного заседания. По желанию сторон были вскрыты и осмотрены вещественные доказательства. Согласно ходатайства помощника военного прокурора суд постановил из числа вещественных доказательств огласить воззвание к рабочим и солдатам, каковое и было прочитано. Подсудимым предоставлено право дать об'яснение. Помощник военного прокурора предлагал через председателя вопросы подсудимому Сольцу, который предупрежден был, что может и не отвечать на предлагаемые вопросы. Согласно ходатайства помощника военного прокурора, суд постановил огласить письмо из Тюмени на имя подсудимого Пахмана и протокол осмотра писем подсудимого Заварзина, каковые письма и были прочитаны. Подсудимым после чтения каждого письма предоставлено право дать об'яснение. Председатель предлагал вопросы подсудимому Заварзину, а затем подсудимому Пахману с предупреждением, что они могут не отвечать на предлагаемые вопросы. Тем же подсудимым предлагал вопросы через председателя помощник военного прокурора, при чем подсудимые Заварзин и Пахман были предупреждены, что могут не отвечать на предлагаемые вопросы. В виду заявления сторон, что они ничем более не желают дополнить судебного следствия, таковое об'явлено оконченным. Последовали речи: помощника военного прокурора, защитника Сольца—присяжного поверенного Муравьева и защитника Пахмана—присяжного поверенного Мандельштама. В 11 ч. 15 мин. вечера председатель об'явил перерыв судебного заседания до 11 ч. утра 10 октября.

В 11 час. 10 мин. утра 10 октября председатель об'явил о продолжении судебного заседания. Предоставлено слово защитнику Пахмана — присяжному поверенному Бобрищеву-Пушкину. Затем защитнику Заварзина—присяжному поверенному Малянтовичу и защитнику Андреева—присяжному поверенному Лидову. Дано последнее слово подсудимым, каждому в отдельности. Прения об'явлены оконченными, и суд удалился для совещания и постановления резолюции. По возвращении суда в зал председатель при открытых дверях прочел резолюцию, присовокупив, что приговор в окончательной форме будет об'явлен 13 октября в 11 час. утра. Заседание закрыто в 2 час. дня.

Председатель генерал-лейтенант Домбровский.

Временные члены: полковник Усов.
подполковник Егоров.

Секретарь статский советник Сперанский.

ПРИГОВОР.

По указу его императорского величества 1914 г., октября десятого дня, Московский военно-окружной суд под председательством (военного судьи) председателя сего суда генерал-лейтенанта Домбровского в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали временные члены: 4 запасного кавалерийского полка полковник Усов и Окружного Интендантского Управления подполковник Егоров, при помощнике военного прокурора полковнике Гуторг и секретаре суда статском советнике Сперанском слушал дело о потомственном почетном гражданине Ароне Сольце, мещанине Петре Заварзине, присяжном поверенном Ефиме Пахмане и домашнем учителе Павле Андрееве, преданных Московскому военно-окружному суду вр. командующим войсками Московского военного округа по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 ч. ст. 102 Угол. Улож. на основании ст. 17, прил. 1 к ст. 1 (прим. 2) Устава о прест. и пред. прест. (т. XIV Св. З.), ст. 262 и 1182 кн. XXIV Свод. изд. IV. По имеющимся в деле письменным сведениям значится:

1) Подсудимый Ефим Лазаревич Пахман, 38 лет от роду, сын коллежского ассесора, присяжный поверенный.

2) Подсудимый Арон Александрович Сольц, 42 лет от роду, потомственный почетный гражданин.

3) Подсудимый Павел Андреевич Андреев, 54 лет от роду, домашний учитель; ранее состоял в Костромском мещанском обществе.

4) Подсудимый Петр Васильевич Заварзин, 24 лет от роду, мещанин г. Ростова-на-Дону, конторщик. Все четверо под судом не были.

По рассмотрении обстоятельств дела, раз'ясненных на судебном следствии и в заключительных прениях, Московский военно-окружной суд признал подсудимых Сольца, Пахмана, Заварзина и Андреева виновными в том, что в июле 1914 года в г. Москве, действуя по предварительному соглашению, они составили, с целью распространения, рукопись, заключающую в себе призыв рабочих и солдат к прекращению раз-навсегда «братоубийственной» войны народов между собой, каковою является и настоящая война России с Австрией и Германией, путем борьбы с капиталистическим строем государства и установления социалистического строя, при чем сам революционный народ должен явиться хозяином борьбы, каковое воззвание в заключение призывало к ниспровержению существующего государственного строя и к замене его демократической республикой; означенное воззвание отпечатали в трех экземплярах, но распространения этого воззвания не последовало. При этом судом признано, что во исполнение означенного соглашения подсу-

димые Заварзин и Сольц составили упомянутую рукопись; Пахман при посредстве Андреева взял по просьбе Сольца эту рукопись, предоставил Андрееву свою пишущую машинку для напечатания рукописи, а Андреев отпечатал на этой машинке три экземпляра вышеупомянутого воззвания, каковые экземпляры Пахман передал Заварзину. Обвинение же подсудимых Сольца, Пахмана, Заварзина и Андреева в том, что в 1914 году в г. Москве по предварительному между собой соглашению приняли участие в преступном сообществе, именующемся «Руководящим коллективом Московской и окружной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», и заведомо для них поставившем целью своей деятельности насильственное, посредством вооруженного восстания, ниспровержение установленного основными законами образа правления и замену его демократической республикой, и что для осуществления задач названной партии они составили с целью распространения вышеупомянутую рукопись и отпечатали ее в трех экземплярах,—суд признал недоказанным, по недоказанности на суде самого существования описанного преступного сообщества, а посему и всех подсудимых невиновными по этому обвинению. Обращаясь к определению по закону свойств, признанных за подсудимыми Сольцем, Пахманом, Заварзиным и Андреевым преступного деяния и к назначению за оное наказания, суд нашел, что деяние это есть составление и размножение, с целью распространения сочинения, призывающего к учинению бунтовщического деяния, предусмотренного 1 п. ст. 129 Угол. Улож., при чем распространение этого сочинения не последовало; преступление это вполне подходит под определение ст. 132 Угол. Улож., за что виновным полагается заключение в крепости до трех лет. Принимая во внимание, что подсудимые Сольц, Пахман, Заварзин и Андреев учинили это преступление по взаимному между собой соглашению и что все они непосредственно участвовали в выполнении задуманного, почему они и должны быть, согласно ст. 51 Уг. Ул., признаны соучастниками преступления, подлежащими наказанию, в законе за учиненное ими деяние положенное, т.-е. заключению в крепости на срок до трех лет, как это определено в ст. 132 Уг. Ул. Руководясь ст. 19 того же уложения и сообразно с обстоятельствами, выяснившимися на суде в отношении виновности каждого из подсудимых, суд признал справедливым подвергнуть заключению в крепости: подсудимых Сольца и Пахмана—на два года каждого, Заварзина—на 1 год и Андреева—на шесть месяцев. А посему и на основании 1 п. ст. 910 В. С. У., ст. 19, 51 и 132 Уг. Ул. Московский военно-окружной суд постановил:

1) Подсудимых присяжного поверенного Ефима Лазаревича Пахмана, потомственного почетного гражданина Арона Александровича Сольца, мещанина Петра Васильевича Заварзина и домашнего учителя Павла Андреевича Андреева за составление и размножение по взаимному между собой соглашению, с целью

распространения сочинения, возбуждающего к учинению бунтовщического деяния, при чем распространения этого сочинения не последовало, подвергнуть заключению в крепости: Пахмана и Сольца—на два года каждого, Заварзина—на один год и Андреева—на шесть месяцев;

2) вещественные по делу доказательства, по вступлении настоящего приговора в законную силу, на основании 916 ст. В. С. У.:

а) преступное воззвание к солдатам и рабочим — уничтожить;

б) 2 письма на имя Пахмана возвратить ему; 2 письма и записку, отобранные у Сольца, возвратить ему; 2 письма, отобранные у Заварзина, возвратить ему;

в) паспорт на имя Ильи Семенова Кузьмина препроводить в Медновское волостное правление, Новоторжского уезда, Тверской губернии; паспорт (книжку) на имя Якова Яковлевича Коростелева препроводить в Чубаровское волостное правление, Пермской губернии.

3) По обвинению подсудимых Сольца, Пахмана, Заварзина и Андреева в участии в сообществе, составившемся для учинения насильственного посягательства на изменение в России или какой-либо части ее установленного основными государственными законами образа правления, на основании 1 п. ст. 910 В. С. У. считать их всех по суду оправданными.

Председатель суда генерал-лейтенант Домбровский.

Министерство ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
Департамент полиции.
По 6 делопроизводству.
16 августа 1914 г.
№ 124050.

20 августа.
Секретно.

Судебному следователю Московского окружного суда по особо важным делам Р. Р. Вольтановскому.

Вследствие отношения от 6-го августа сего года за № 527 департамент полиции уведомляет ваше высокоблагородие, что потомственный почетный гражданин Арон Александров Сольц в бытность студентом с.-петербургского университета, в 1899 г., за участие в студенческих беспорядках был выслан в город Вильну и, будучи в 1900 году вновь принят в тот же университет, в 1901 году был исключен за беспорядки из названного университета. В 1901 году Сольц привлекался при с.-петербургском губернском жандармском управлении к двум дознаниям:

1) О социал-демократической рабочей библиотеке и 2) о революционной организации «Искра».

По высочайшему повелению, последовавшему 21 октября 1904 года в разрешении сих дознаний, Сольц был выслан под

гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на три года, но из места водворения скрылся за границу, откуда явился лишь после манифеста 17 октября 1905 года. В 1906 году Сольц привлекался к новому дознанию при том же жандармском управлении по обвинению его в преступлении, предусмотренном 102 ст. Угол. Улож., но в виду недостаточности собранных против него улик для направления дела к производству предварительного следствия—по утвержденному г. министром внутренних дел 5-го февраля 1907 года постановлению особого совещания, образованного согласно 34 ст. положения о государственной охране, был выслан в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции, сроком на три года. В 1909 году Сольц привлекался в городе Тобольске к предварительному следствию по обвинению его в преступлении, предусмотренном 102 ст. Угол. Улож., но приговором тобольского окружного суда от 8 декабря 1909 года оправдан. В 1913 году Сольц привлекался при с.-петербургском охранном отделении к переписке в порядке положения об охране и по утвержденному г. министром внутренних дел 8 апреля 1913 года постановлению особого совещания выслан под гласный надзор полиции в Нарымский край, Томской губернии, сроком на три года. В виду отзыва томского губернатора о неодобрительном поведении в месте водворения Сольца, милости высочайшего указа 21 февраля 1913 года на него не распространены. В настоящее время Арон Сольц находится в бегах.

Что же касается упомянутого в отношении вашем за № 527 некоего А. Бакалова, то сведений о нем в департаменте не имеется.

Исп. об. вице-директора (подпись).

За делопроизводителя (подпись).

Приложение III.

О деятельности политических партий.

М. В. Д.

Департамент полиции

По 9 делопроизводству

2 сентября 1914 г.

№ 175641.

Совершенно секретно.

ЦИРКУЛЯРНО.

Начальникам губернских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка, жандармских полицейских управлений железных дорог и г. г. офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск.

В переживаемый ныне нашим отечеством исторический момент, об'единивший, повидимому, людей всех политических партий, наблюдается почти полное отсутствие революционных эксцессов.

Было бы ошибочным, однако, заключить из этого, что революционное движение в России прекратилось. Наоборот, изучение революционного движения в проявлениях последнего перед войной времени указывает, что движение приостановилось,—ибо, естественно, оно было бы не только не популярно теперь, но и вызвало бы колоссальный взрыв контр-революции,—и приостановилось с тем именно, чтобы, даже при благоприятном окончании для нас войны, напрячь все усилия для новых безумных попыток достигнуть ниспровержения установленного основными законами образа правления в России.

Из изложенного явствует, что все разыскные органы империи, деятельность коих об'единяется департаментом полиции, в настоящее время должны использовать для всемерного подготовления к подавлению внутренней смуты с тем, чтобы предупредить своевременно все выступления в этом отношении разрушительных антигосударственных сил.

Вследствие сего департамент полиции считает необходимым наметить вкратце тот путь, по которому должны итти разыскные органы при выработке сказанных предупредительных мер. В этих целях представляется полезным охарактеризовать тот момент революционного движения в России, на котором оно застигнуто было текущими событиями.

Как известно, главную руководящую роль в русском революционном движении играло и продолжает играть так называемое общественное или оппозиционное движение. Оставаясь

в стороне от активного участия в революционных эксцессах, за исключением периода 1904—5 г.г., либеральная часть общества всегда была интеллектуальным участником его, вызывая и поддерживая во всех слоях населения оппозиционное настроение по отношению к правительству и создавая тем благоприятную в стране почву для пропаганды и агитации явно революционных идей, а также широко снабжая революционные партии материальными средствами.

Изучение революционной смуты 1904—5 г.г. выяснило, что в организации ее первенствующее, руководящее значение имели представители той оппозиционной части общества, которая с разделением русского общества на политические партии образовала всем известную конституционно-демократическую партию, а в частности левое крыло ее, скрывающее под флагом «конституционно-демократической» партии республиканские стремления.

С трибуны Государственной Думы была выяснена роль представителей этой партии совместно с представителями революционных русских партий, выработавших план, по которому осуществилась смута 1904—5 годов.

И по настоящее время положение вещей в революционном лагере остается то же; несмотря на совершенную ненависть доминирующих революционных партий—партии социалистов-революционеров и российской социал-демократической рабочей партии—к конституционно-демократической партии, несмотря на сознание революционных партий, что они являются лишь физической силой в руках отвергающих лицемерно в своей программе насильственный путь изменения государственного строя левых «кадетов», все же и та и другая партия, следуя революционному лозунгу «врозь итти, вместе бить», признают неизбежным единение с оппозицией, рассчитывая, что на том этапе движения, до которого доведет общее мятежное выступление революционных сил, представители кадетской партии займут важнейшие правительственные посты, почему будет достигнуто расширение свободы слова, союзов, собраний и т. п., то-есть создадутся такие условия, при которых усиленная социалистическая пропаганда и агитация почти не будут встречать противодействия, что в свою очередь ускорит приближение к осуществлению программы всех социально-революционных партий—к водворению в России республики.

Из изложенного явствует, что разыскные органы на местах обязаны выяснить и всегда иметь на учете таких представителей конституционно-демократической партии, которые, не выходя внешне за пределы лойяльности, являются тайными руководителями революционных организаций.

Переходя затем от этого так сказать управляющего революцией элемента к революционной армии, как с гордостью себя именуют обе социально-революционные русские партии,

необходимо отметить, что во главе этой «армии» стоит ныне, как и ранее, рабочая масса и что так же, как и прежде, понятия «революционное» и «рабочее» движения являются синонимами.

Поэтому департамент полиции считает необходимым упомянуть здесь о состоянии рабочих организаций, независимо от партийности последних, в том виде, как они представляются после 1905 года.

Нужно сказать, что в то время как до означенного года рабочее движение находилось в подполье и являлось результатом деятельности тайных организаций, после возникновения в 1905 году смуты оно как бы вышло наружу, благодаря возможности вести преступную деятельность под прикрытием внешних легальных форм.

В разгаре смуты в октябре—декабре 1905 года, как известно, все тайные частные рабочие организации заменились одной общей, наименовавшей себя Советом Рабочих Депутатов, роль которого в мятежах в Петрограде и Москве достаточно известна, чтобы останавливаться на ней. Достаточно отметить, что эта организация впервые взяла в свои руки как политическую, так и экономическую стороны рабочего движения и первая пыталась провести явочным, революционным порядком 8-часовой рабочий день.

Эта же организация дала новый вид революционных вожаков, так называемую теперь «рабочую интеллигенцию», которая должна заменить постепенно прежних «буржуазных интеллигентов»—организаторов, пропагандистов и агитаторов в рабочей среде из учащихся высших учебных заведений, врачей, учителей и др. Уже теперь значение этой рабочей интеллигенции громадно. Кадры ее создались из тех распропагандированных сознательных рабочих, получивших революционную подготовку в подпольных организациях и усовершенствовавшихся в тюрьмах и ссылках, где и восприняли немудреную технику революционной пропаганды и агитации, усвоив в виде теоретической подготовки ту массу революционных брошюр, которая выброшена была на книжный рынок в конце 1905 и начале 1906 годов. Почувствовав свои силы, эта рабочая интеллигенция прежде всего стала вытеснять из организаций буржуазную интеллигенцию, к которой всегда существовало отрицательное отношение со стороны рабочих из-за требований ею себе права домогательства организационных реформ в подпольных организациях и т. п., и мало-помалу взяла руководящую власть, добившись, таким образом, демократизации движения.

Возобновление рабочего движения на «новых» началах относится к концу 1906 и началу 1907 г.г., когда стали основываться рабочие клубы, явившиеся первой попыткой использовать новые законы о собраниях и союзах для революционной работы при легальных возможностях, затем клубы эти вскоре

заменились культурно-просветительными обществами, больничными кассами и профессиональными союзами. Особенно привились, развились и заняли угрожающее положение последние. Безошибочным будет сказать, что все рабочее движение, а также и движение среди приказчиков и др. категорий лиц профессионального труда теперь находится в руках профессиональных союзов, которые сделались центром организации рабочей массы, одной из задач которых партиями поставлено подготовлять новый строй, пробуждая инициативу пролетариата и формируя органы действия, которые, будучи применены в коммунистическом строе, сделаются органами администрации.

С возникновением профессиональных союзов на заводах явился новый род пропагандистов и агитаторов за вступление в эти союзы, так называемые уполномоченные, которые являются фактическими авторами и проводниками решений союзов.

Что касается чисто революционной работы в этих организациях, то надо отметить следующее. Культурно-просветительные общества занимаются чисто революционной работой.

В их делах происходят непрерывные дискуссии большевиков с меньшевиками, ликвидаторов с партийцами, а также социалистов-революционеров с социал-демократами и синдикалистами. Этим и исчерпывается культурно-просветительная деятельность среди рабочих. Эти общества выработали тип пропагандистов и агитаторов, в виде рабочих-дискуссантов, рабочих-лекторов и рабочих-референтов.

Что касается профессиональных союзов, то здесь, как выше сказано, собран цвет революционеров — рабочих-интеллигентов. Первейшее значение в этих союзах имеют правления их, на которых и лежат всецело организационные и агитационные обязанности. Дезорганизация этих правлений должна составлять одну из самых неотступных задач розыска.

На должности в этих правлениях представителей, секретарей и казначеев, а также в члены революционных и разных специальных комиссий попадают рабочие-интеллигенты исключительно с солидным революционным прошлым, основательно разбирающиеся в политических и социальных вопросах, чтобы надлежащим образом руководить организацией.

В то время как культурно-просветительные общества и профессиональные союзы привлекают в свои ряды революционную боевую и активную молодежь, больничные кассы притягивают к себе «революционных инвалидов», «потерпевших» рабочих более пожилого возраста, которые занимают в них места или в правлениях касс или же в качестве уполномоченных от рабочих и также составляют солидное революционное ядро.

Наконец, в самое последнее время в рабочем движении стали принимать более или менее видное участие и женщины-работницы, во всяком случае заметны настойчивые стремления сорганизовать для революционных выступлений и их; есть слу-

чаи, что женщины являются членами правлений профессиональных союзов, должностными лицами в просветительных обществах и даже уполномоченными и членами правлений больничных касс. Всякое выступление женщин в организациях искусственно раздувается, с целью привлечения в организации наибольшего числа их. Отмечается роль женщин работниц и в забастовочных движениях, где их агитационное значение иногда больше, чем мужчин.

Настоящий очерк о рабочей интеллигенции был бы не полон, если не сказать, что одной из главнейших задач перечисленных здесь новых революционных рабочих организаций является вовлечение во все эти общества, союзы самой зеленой молодежи, как материал, наиболее подходящий для революционизирования.

Об'единение и направление деятельности всех рабочих организаций лежит на легальной профессиональной прессе, при чем состав редакций рабочих газет необходимо рассматривать, как бывшие местные «комитеты». Так как в рабочем движении доминирует социал-демократическая партия, то и большинство профессиональных органов прессы является как бы и органами этой партии. В таких же партийных органах партии социалистов-революционеров рабочему движению отводится второе место, так как первое отводится крестьянскому движению, находящемуся попрежнему в руках этой партии и ее правого крыла трудовиков, о чем будет сказано ниже.

В профессиональной прессе с самого ее возникновения принимают участие «рабочие публицисты», представители всех рабочих организаций. Этим рабочим публицистам принадлежит корреспонденция с мест, заметки дискуссионного характера, статьи на злободневные темы и, наконец, фельетоны и обзоры. Что же касается буржуазной интеллигенции, то ее исторической привилегией в профессиональной прессе остались пока передовые статьи о задачах движения и общие стачечные обзоры.

Как только что сказано, руководящая роль в революционной работе в крестьянской среде осталась за партией социалистов-революционеров, в частности в виду дезорганизации, наблюдаемой ныне в этой партии, работа эта ведется тщательно законспирированной организацией, так называемой трудовой народно-социалистической партией. Истинное значение ее выяснилось в 1906 году, когда учредители ее, пользуясь некоторое время чрезмерной свободой печати, высказались, что, в сущности, партия эта представляет собою замаскированную часть партии социалистов-революционеров.

Начало трудовой народно-социалистической партии («трудовики») положил кружок литераторов, группирующихся по преимуществу около журнала «Русское Богатство» (Вл. Короленко, Пешехонов, Мякотин, Тан, Стааль и др.). Основатели ее,

не отрицая важности и необходимости существования революционных социалистических партий, действующих на конспиративных началах, поставили себе задачей составить свою программу так, чтобы партия могла существовать открыто и не отталкивала от себя широких масс трудового народа, подразумевая под таковым рабочих и крестьян, а равно и не давала бы властям прямого указания на преступность замыслов партии. В этих целях «трудовики», оставляя, так сказать, сердцевину, идейное основание программы партии социалистов-революционеров без всякого изменения, обратили внимание на внешнюю формулировку отдельных положений программы: так, из программы «трудовой партии» выкинут путь вооруженной борьбы, а вопрос о тактике оставлен как бы открытым, в расчете, что при общем революционизированном настроении вопрос о действии только насильственным путем разрешится сам собой; затем, некоторые понятия заменены аналогичными, но не содержащими в себе явных социалистических признаков преступления, так, «диктатура класса» заменена «силой и волей всего народа», «демократическая республика» заменена «всей полнотой законодательной власти народного представительства» и т. п.

Эта трудовая партия выдвинула в 1905 году активную организацию под внепартийным флагом—Всероссийский крестьянский союз, который, именно благодаря сохранению в тайне даже от видных представителей и организаторов союза истинных революционных целей его, получил громадное распространение, тем более, что проводниками идей его, якобы вполне лояльных, явилась громадная армия народных учителей, об'единившихся в Союз учителей, почва для возникновения которого всегда существует, фельдшеров, фельдшериц, статистиков и т. п., заменяющих рабочую интеллигенцию социал-демократов, работающих на этом поприще под руководством партийных земских деятелей, земских врачей и т. п.

Борьба с разрушительной работой трудовиков, или как они называют себя в легальной прессе «народников», благодаря описанной замаскированной тактике их, крайне затруднительна и требует громадного напряженного внимания со стороны разыскных органов, ибо медленная подтачивающая деятельность Всероссийского крестьянского союза и крестьянских братств партии социалистов-революционеров, этих двух идущих рука об руку опаснейших революционных организаций, трудно поддается обследованию обычными разыскными приемами, а требует проявления в каждом отдельном случае личной инициативы и находчивости представителя розыска.

В то время как профессиональные союзы служат, как выше было отмечено, социал-демократам для сорганизования рабочих масс, сплочения их, об'единения общностью профессиональных интересов, социалистами-революционерами и народниками используются с теми же целями легко прививающиеся

в деревне кооперативы (об'единение мелких производителей в товарищества для производства кредитных операций и различные артели). При этом указанными элементами проводится мысль, что кооперативы могут достигнуть своей благотворной цели тогда, когда они не будут находиться под опекой, как теперь, правительства, а будут пользоваться полнейшей свободой, что может быть достигнуто только путем завоевания «гражданской свободы». К об'единению для такого завоевания и призывают крестьян руководители кооперативного движения, убеждая, что с достижением этой свободы разрешится благоприятно для крестьян и аграрный вопрос, так как тогда последние будут обладать средствами производства на правах полной собственности.

Как подготовительная мера к такой борьбе за гражданскую свободу и является, по толкованию агитаторов, об'единение отдельных лиц в первичные ячейки—кооперативы (а последние—в коалиции), которые подразделяются по однородности на сельскохозяйственные потребительские лавки, скотоводные и т. п. и по территориальным условиям—на уездные, губернские, областные для удобства управления ими из революционных центров.

Крестьянская рабочая пресса партии социалистов-революционеров и трудовой находится, главным образом, в руках активных интеллигентных деятелей, в том числе и находящихся за границей. Перу сознательных крестьян и рабочих принадлежит лишь корреспонденция с мест.

Говоря о партии социалистов-революционеров, уместно будет напомнить о той ее особенности, которая привлекает в ее ряды и заставляет выступать под ее флагом таких отдельных лиц и такие организации, которые в обычное время держатся вдали от явно революционного пути, тая в себе лишь революционные стремления. Особенность эта—«активный» дух партии, мало обращающей внимание на теоретическую сторону дела, которой так увлекаются социал-демократы, а прямо начинающей с «действия» (партия социалистов-революционеров так и называет себя «партией действия»). Поэтому мы видели, что в 1904—1905 г. г. в ее именно ряды вступили все боевые элементы, а также под ее флагом выступили такие почти внезапно возникшие организации, сыгравшие столь видную роль в смуте, как Всероссийский железнодорожный союз и Почтово-Телеграфный союз. Отсюда вытекает, что нельзя оставлять без внимательного наблюдения сохранившиеся ячейки этих организаций, готовых также внезапно возникнуть при первом благоприятном к тому случае.

Что касается партий националистических, окраинных, то в программах их за это время существенных перемен не произошло, тактика же их применяется к тактике доминирующих русских партий, к которым они тяготеют, как, например, «Бунд»

и другие еврейские организации—к социал-демократической рабочей партии, «Дашнакцутюн»—к партии социалистов-революционеров и т. д.

Обращаясь к оценке успехов, достигнутых революционным движением в момент возобновления его и до последнего времени, необходимо прежде указать ту постепенность, в которой осуществляются, как показал опыт, революционные выступления. Постепенность эта такова: 1) устная и письменная пропаганда с целью распространения идеи социализма; 2) таковая же агитация с целью организации масс; 3) частичные экономические забастовки с тою же целью организации масс и внедрения в них партийной дисциплины; 4) частичные и общие в отдельных местностях явно политические забастовки, как средство организации больших масс и проверки партийной дисциплины; 5) демонстрации и манифестации по важным поводам и без всяких поводов в целях придать сорганизованным массам боевое настроение; 6) вооруженные демонстрации, как подготовка к боевым выступлениям; 7) террор единичный, (направленный против единичных лиц) и массовый (в отношении известной категории правительственных агентов); 8) партизанские выступления для развития инициативы и смелости в отдельных боевых дружинах; 9) экономический террор (аграрный и фабричный); 10) всеобщая политическая забастовка; 11) частичные вооруженные восстания и 12) общее вооруженное восстание. В таком порядке шли события до 1905 года, в таком порядке дошли они до вооруженных демонстраций, имевших место в Петрограде в июле сего года.

Ко всему вышеизложенному необходимо присовокупить, что сами революционные партии возлагают большие надежды на долженствующие возникнуть при последующих выступлениях такие выработанные опытом 1905 года общепартийные об'единяющие и руководящие центральные организации, как Совет Рабочих Депутатов, Совет Крестьянских Депутатов, а в подготовительный период на такие способствующие организации масс, как профессиональные союзы и Всероссийский крестьянский союз.

Конечно, в текущий момент невозможно предположить даже, в какие именно формы выльется новая революционная волна, но, тем не менее, представляется соответственным быть готовым встретить более сложные революционные эксцессы и сообразно этому направить разыскную работу.

Для этого Департамент Полиции считает необходимым, чтобы теперь же, без всякого отлагательства, лица, ведущие политический розыск на местах, приняв во внимание сказанное в настоящем циркуляре, ориентировались бы о положении вещей в обслуживаемых ими местностях с тем, чтобы, не предпринимая никаких активных частичных мер, если, конечно, таковые не будут вызваны необходимостью предупредить или пресечь

определенные революционные эксцессы, были бы готовы в каждый данный момент, когда в том встретится надобность, принять решительные и в то же время действительные меры к парализованию злоумышлений, имея в виду, главным образом, что существеннее всего должно будет обезвредить руководящие «верхи», «центры», а никак не начинать снизу, с неотдающей себе отчета массы, которая в большинстве случаев, как известно, является жертвой пропаганды и агитации сознательных врагов существующего строя.

Подписал: директор Брюнде-Сент-Ипполит.

Скрепил: заведывающий делопроизводством

М. Броецкий.

Приложение IV.

Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве.

Копия.
Секретно.

О состоявшейся конференции к.-д. (6—8 июня) в Петрограде.

О состоявшейся в Петрограде с 6-го по 8-е сего июня конференции партии Народной Свободы в отделении имеются следующие сведения.

Председателем конференции был избран П. Н. Милюков; участие в ней приняли также члены партии, прибывшие из провинции и с фронтов действующей армии. На обсуждение конференции были поставлены вопросы, касающиеся политического и экономического положения страны, вызванного настоящей войной. Хотя прения по этим вопросам и были весьма оживленными, но по тону своих суждений и принятым по многим вопросам пожеланиям конференция носила весьма сдержанный характер, благодаря в особенности Милюкову и его группе, занявшей определенную, сравнительно благожелательную для правительства позицию, что особенно ярко выразилось в докладах Милюкова «Об общем политическом положении» и «О тактике фракции». Эти доклады, доклад А. И. Шингарева «О дороговизне жизни» и доклады о впечатлениях уполномоченных партий на боевых фронтах исчерпали собою главнейший интерес совещения; остальные доклады, касавшиеся по большей части вопросов об отдельных националистических группах, имели уже только академический интерес, представляя из себя теоретические проблемы более или менее отдаленного будущего, практическое разрешение которых целиком зависит от военной обстановки, в настоящую минуту неблагоприятной даже для их гадательного решения. Единственным положительным результатом совещания по этим вопросам был уход из «центрального комитета» партии П. Б. Струве, занявшего в этих вопросах, а в особенности в «украинском вопросе», оппозиционное партии положение, что известно уже из целого ряда его газетных и журнальных статей. По этому вопросу совещание высказалось за предоставление украинцам прав широкого культурного самоопределения. Совещание уделило свое внимание и «литовскому» вопросу, постановив включить подробное обсуждение его

в программу своих ближайших занятий. По «еврейскому» вопросу конференция постановила следующую резолюцию:

«Не только во имя братства и приязни между народами, которым суждено жить под общей государственной кровлей, не только для поддержания в самом еврейском населении надежды на лучшее будущее, но и во имя общей задачи поднятия родины на уровень истинно культурного государства необходимо попрежнему настойчиво и твердо указывать, что еврейский вопрос может быть решен только в одном смысле, какого требуют самые основные начала современной государственности,—в смысле признания гражданского равноправия и права на национально-культурное самоопределение».

Большой интерес на конференции представляло обсуждение известной записки главноуправляющего землеустройством и земледелием о мерах к земельному обеспечению воинов и их семейств. Точка зрения кадетской партии на этот проект уже известна департаменту полиции из подробной агентурной записки отделения от 4-го минувшего мая за № 291658; возникшие по этому поводу прения на конференции не дали ничего существенного, подчеркнув лишь основную точку зрения партии, признающей нежелательным, даже с государственной точки зрения, такое частичное разрешение аграрного вопроса. Сообразно с этим была принята следующая резолюция:

«Имея в виду, во-первых, что по окончании войны станет на очередь земельный вопрос; во-вторых, что для разрешения этого вопроса на правильных основаниях не могут служить предположения, намеченные в об'яснительной записке главноуправляющего земледелием и землеустройством о земельном обеспечении воинов и их семейств, явно недостаточные даже для выполнения и этой частичной задачи, и, в-третьих, придавая земельному вопросу первостепенное государственное значение, совещание поручает центральному комитету партии заняться разработкой общих предположений поземельной реформы, передавая на обсуждение местных комитетов относящиеся к настоящим постановлениям материалы и проекты».

Большое внимание конференции привлек к себе доклад А. И. Шингарева «О дороговизне жизни», как имеющий непосредственное отношение к экономическим явлениям, вызванным настоящей войной.

Докладчик указал, что наблюдаемая дороговизна жизни есть сложный результат взаимодействия хозяйственно-экономических, финансовых и политических причин более или менее длительного характера. Причины эти в экономической области—общее тягостное положение мирового рынка вследствие войны, нарушение спроса и предложения, громадное потребление продуктов армией в связи с расстройством товарообмена и железнодорожного движения, падение нашей валюты и обесценение денег вследствие выпуска ассигнаций и торговая спекуляция

крупных предпринимателей, банков и синдикатов. Политические же причины этого явления лежат в бессистемности и несогласованности мероприятий отдельных правительственных органов, в подозрительном отношении и даже противодействии общественной инициативе в этом деле, в репрессиях отдельных национальностей и, наконец, в неорганизованности всей системы нашего внутреннего управления.

Из краткого обзора приведенных причин видно, по мнению докладчика, что некоторые из них по природе своей или неизбежны, или весьма трудно устранимы, тем настойчивее должна быть наша борьба с прочими, так как дороговизна угрожает расстройством тыла, вносит раздражение в народные массы, обостряет озлобление между отдельными классами и даже вызывает в некоторых случаях упадок патриотических чувств, столь необходимых для победоносных результатов войны, а при значительном обострении таких явлений возможны анархические проявления, опасные для общественного спокойствия и порядка в тылу армии.

В заключение Шингарев предложил следующую резолюцию по принятию практических мер в борьбе с дороговизной:

«Принимая во внимание, что для успеха такой борьбы необходимо об'единение всех сил государства и планомерность их работы, представляется настоятельным немедленная организация единого для империи наделенного властью органа, который сосредоточивал и регулировал бы все вопросы, связанные с продовольствием населения и снабжением его продуктами первой необходимости. В этом органе вместе с особоуполномоченными лицами исполнительной власти должны принять участие представители Земского и Городского Союзов и союзов кооперативных учреждений. Вместе с тем, широкое создание союзов потребителей, самопомощь граждан в борьбе с чрезмерным развитием торгового посредничества должны найти себе широкое приложение. Деятельность органов самоуправления, кооперативов и частных лиц в борьбе с дороговизной должна получить всяческое содействие центральной и местной власти, и должны быть устранены все законодательные и административно-полицейские препятствия для их успешной работы».

В докладах о положении дел на фронтах армий, действующих в Галиции и в Привислинском районе, приводились сообщения, уже более или менее известные из однородных докладов о том же, прочитанных на последних с'ездах Всероссийского Земского и Общегородского Союзов. Указывалось на общее утомление армии войною, недостаток боевых материалов и снаряжения, неорганизованность подвоза, бездарность высшего командного состава, интриги штабов и т. д. Все эти информации служили как бы прелюдией к конечным вышеуказанным докладам Милюкова, определившим пожелания партии в настоящем

и ее тактику в будущем. Милюков раз'яснил, что партия с самого начала войны и ныне продолжает преследовать одну и ту же задачу: поддержание армии и активную организацию всех сил страны для победного окончания освободительной и народной войны. С этой точки зрения и определяется тактика партии и ее думской фракции в предыдущие 2 короткие сессии Государственной Думы. Тактика эта выражается в устранении всяких внутренних пререканий ради стремления сосредоточить все мысли населения на опасности неприятельского нашествия и для достижения великих национальных и мировых задач этой войны. Теперь, в виду создавшегося на фронтах и в тылу особенно серьезного положения, угрожающего самому существованию России, как свободного государства, единственным из него выходом является скорейший созыв народных представителей для неотложного принятия мер к обеспечению полного единения власти и общества.

Из возникших по поводу этих докладов прений выяснилось, что большинство партии держится однородных с Милюковым взглядов на необходимость организации победы во что бы то ни стало, именно в интересах великодержавности России, так как победа Германии сделала бы Россию ее вассалом на много лет, не говоря уже о том, что такая победа грозила бы уничтожением права и всей общечеловеческой культуры. Под таким углом зрения определяется и дальнейшая тактика партии, признающей, что рекомендуемые Милюковым практические мероприятия момента—созыв Государственной Думы и единение правительства и общества—должны служить к устранению всех препятствий, которые могут стоять на пути достижения этой главнейшей исторической задачи.

Резолюция конференции о необходимости полного единения власти и общества «была принята после страстных прений», в результате энергичного выступления в защиту ее лидера партии П. Н. Милюкова. В данном случае Милюков занял в партии правую позицию, как острят теперь кадеты,—«ультраправительственную». Лидер кадетов оказался более умеренным, чем даже прогрессисты и некоторые из октябристов и националистов.

С первых же моментов зарождения в кадетской среде идеи о неотложности энергичного натиска на правительство и в случае отказа в созыве Государственной Думы, созвать ее явочным порядком, слова, что Дума явилась бы «скверной и бедной копией выборгского воззвания», принадлежат именно Милюкову.

Борясь с крайним течением среди кадетов, Милюков исходил не только из принципиальных соображений политического характера, но базировался на имеющихся в распоряжении центрального комитета кадетов данных о настроениях на местах. Суммируя эти данные частью в форме устных сообщений при-

бывших на конференцию местных деятелей, Милюков пришел к выводу, что «не поддерживать сейчас правительство—это значило бы шутить с огнем».

Вот почти дословная передача одной из речей Милюкова на конференции, которая об'ясняет всю тактику кадетов в последние дни:

«В настоящий момент вся Россия повернула лицом в одну сторону,—в сторону фронта, армии, и делать попытки повернуть ее в другую сторону было бы не только непозволительной, но и тщетной попыткой. Пусть Государственная Дума рвется притти на помощь армии, пусть она полна страстного желания исправить вопиющие ошибки бездарных героев тыла, их военного министерства, но раз она соберется явочным, т.-е. революционным порядком,—это явится таким оглушительным взрывом среди общественно-политического затишья, что на секунду вся Россия повернется от армии в сторону народного представительства, повернется для того, чтобы с изумлением посмотреть на зрелище, которое может радовать только врагов наших. Обществу станет известно лишь то, что брошен вызов правительству, что об'явлена война ему, что Дума призывает общество, народ бороться с правительством; но чем вызвана эта борьба, во имя чего Дума пошла на такие крайние меры,—это останется для общества скрытым, ибо, ясно, печать не сможет заикнуться об этом. А судьба самой «явочной» Думы? Ясное дело, она без малейшего труда будет «распущена», т.-е. разогнана правительством. И получится бледная и скверная копия выборгского воззвания. В более спокойных общественных кругах отнесутся ко всей этой затее, как к шагу крайне неумному, свидетельствующему о политической незрелости, в кругах, более страстно относящихся к переживаемому патриотическому моменту, посмотрят на эту затею не только как на неумную, но и как на затею преступную, стремящуюся создать правительству затруднения в такой момент, когда всякое замешательство, всякое волнение, всякое раз'единение—важный и опасный козырь в руках врагов России.

«Представим себе на одну минуту, что Государственной Думе действительно удалось собраться явочным порядком. Газеты успели оповестить об этом факте общество. Общество узнало и основное требование Думы—долой бездарных министров, долой бездарное правительство, которое обрекает армию на гибель в тот момент, когда доблестная армия грудью прокладывает себе путь к победе и славе. Но бездарное правительство не желает без боя уходить. Что же должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту его необходимо революционное выступление? Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?

«Это именно легкомыслие того порядка, которое должно быть названо преступным. Лица, бросающие подобные лозунги, играют с огнем, они, очевидно, совершенно не учитывают того ужасного напряжения, в каком сейчас находится Россия, в ужасной слепоте не видят тех последствий, к каким привело и приводит это напряжение. Весьма вероятно, что правительство пока также не отдает себе отчета в том, что происходит там «в глубине России», но мы, чуткие и интеллигентные наблюдатели, ясно видим, что мы ходим по вулкану, что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Вся Россия сейчас—сплошная распаленная рана, все—боль, все—горе, все—страдание. С одной стороны, величайшее, невиданное испытание во внутренней жизни. Пусть скажут делегаты с мест, чего можно ждать на почве одной только дороговизны жизни. Здесь напряжение достигло последнего предела, здесь все в таком состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни нас бог увидеть этот пожар. Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный, который приводил в трепет еще Пушкина. Это была бы та вакханалия черни, свидетелями которой мы были только что в Москве. Это была бы новая волна той мути, поднявшейся со дна, которая погубила прекрасные ростки революции в 1905 г. Какова бы ни была власть,—худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо. Каждая политическая партия должна сейчас чувствовать всю крайнюю ответственность, лежащую на ней, и не предпринимать ложных шагов, совершенно не соответствующих ни духу момента ни реальному соотношению сил.

«В лучшем случае «энергичный нажим на правительство» со стороны депутатов может оказаться холостым выстрелом, и в таком случае они станут участниками глупого фарса, в худшем—такой «нажим» может привести к таким ужасным последствиям, которые не только совершенно скомпрометируют поддержавшие его политические партии, но и могут в поднявшемся бурном вихре смести самое народное представительство.

«Все, что в данный момент можно сделать,—это стремиться раскрыть глаза правительству, языком неопровержимых фактов бороться с той министерской гнилью, которая ведет нашу армию к разгрому. Менее всего я оптимист, когда речь идет о правительстве, но у меня есть основание заявить, что правительство пойдет за страстно прозвучавшим голосом общественного мнения, и обновление кабинета и легальный созыв Государственной Думы без особого нажима станут фактом. В данный момент слишком «нажимать» и слишком форсировать события—это значит играть с огнем».

Речь Милюкова произвела огромное впечатление. Выступившие после Милюкова делегаты с мест вполне подтвердили, что настроение на местах таково, что «всего можно ожидать». Указывая на этот факт, местные деятели настойчиво подчеркивали роль в данном случае дороговизны и налоговых тягостей.

Начальник Отделения

полковник Мартынов.

18 июня 1915 года.

Приложение V.

Материалы по общественному движению.

Циркуляр департамента полиции о плане Коновалова.—Сводки по общественному движению за период с 1—15/IV, 1—15/V; 15/V—6/VI 1915 г.—Записка М. О. о № 109а.—Записка осведомителя „Григорьева" № 91/б.

м. в. д.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

По 9 делопроизводству.

13 мая 1914 года.

№ 171494.

По I отделению.

Секретно.

Циркулярно.

Начальникам губернских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка, г. г. офицерам Отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском [1]).

По полученным в департаменте полиции сведениям, товарищем председателя Государственной Думы Коноваловым задумано было образование с целью противодействия правым думским группам левого думского центра, то-есть создание в Государственной Думе сплоченного большинства из конституционалистов-демократов, прогрессистов и левых октябристов. В дальнейшем, однако, Коновалов, разочаровавшись в самой Государственной Думе левого центра, измыслил план об'единения оппозиционных элементов вне Думы, стремясь привлечь к участию в этом на-ряду с конституционалистами-демократами также прогрессистов, левых октябристов, социал-демократов и социал-революционеров (народные социалисты): план Коновалова, коим уже предприняты к осуществлению сего реальные начинания, заключается в том, что об'единенная оппозиция не только должна всем мероприятиям правительства давать дружный и энергичный отпор, но и совместными усилиями создать ряд эксцессов, которые запугали бы правительство и заставило бы его пойти на уступки. В этих видах все оппозиционные партии, отнюдь не поступаясь своими программами и применяя свойственные им тактические приемы, должны поставить себе ближайшей задачей совместными усилиями вызвать в империи: 1) рабочие беспорядки, 2) брожение в крестьянской среде, 3) недовольство в буржуазных классах и 4) единовременные демонстрации—протесты газет.

---

[1]) Дело м. о. о. № 19, 1913—1914 г.г.

В качестве ближайшей подготовительной меры Коновалов рекомендовал создание в гор. Москве «информационного комитета» всех партий и оппозиционных групп, куда вошли бы представители оппозиции, от октябристов до социал-демократов включительно, в тех видах, чтобы означенный комитет координировал все выступления, давал общие лозунги и т. п.

Сообщая об изложенном, департамент полиции просит вас, милостивый государь, установить тщательное наблюдение за проведением в жизнь во вверенной вашему надзору местности вышеозначенных противоправительственных начинаний и принять меры к своевременному таковых обнаружению с тем, чтобы в случае выяснения виновных, деятельность последних была бы немедленно пресекаема, с доведением о сем до сведения местной высшей административной власти и департамента полиции.

Подписал: директор Брюн-де-Сент.

Скрепил: заведывающий делопроизводством М. Броецкий.

Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

Секретно.

По общественному движению в гор. Москве с 1 по 15 апреля 1915 г.

Составлен 15 апреля 1915 г.

1. Взамен закрытой по распоряжению г. главноначальствующего г. Москвы за вредное направление газеты на татарском языке под заглавием «Иль» («Родина») левая группа мусульманской колонии в Москве предполагает исполнить разрешение на издание новой татарской газеты «Безмен Иль» («Новая Родина»), в состав редакции которой войдут те же литературные силы, что работали в «Иль». Настойчивое желание издавать татарскую газету именно в Москве об'ясняется условием местной цензуры, где переводчиком с татарского языка является армянин, слабо владеющий восточными наречиями. Об изложенном доложено г. московскому градоначальнику 6 апреля, и, согласно резолюции его превосходительства, разрешение на издание «Безмен Иль» не будет выдано, а о дефектах цензурного надзора сообщено в главное управление по делам печати.

2. 2-го сего апреля городской санитарный врач Грановский (с.-д.) в помещении одной из московских воскресных школ прочел лекцию «О войне», в которой позволил себе внушать слушателям мысли о вредном влиянии войны на будущее экономическое и санитарное состояние населения; лекция про-

извела на слушателей удручающее впечатление. По распоряжению его превосходительства, г. московского градоначальника, о таком выступлении врача Грановского будет сообщено московскому городскому голове с просьбой предупредить Грановского, что он будет уволен со службы, если в будущем позволит себе говорить в том же духе.

3. 5 сего апреля на Преображенском рынке на почве поднятия цен на продукты первой необходимости возникли беспорядки, при чем толпа черни разгромила некоторые магазины и лабазы и имела столкновение с полицией. 8-го того же апреля беспорядки повторились на Пресне, но уже с чисто хулиганским направлением, без всяких явных поводов. В обоих случаях подстрекательства или участия в этих буйствах местных революционных элементов или же «сознательных» рабочих не обнаружено. По обстоятельствам дела подробно представлено г. московскому градоначальнику докладами 8, 9 и 13 того же апреля, по коим последовали особые распоряжения его превосходительства в административном и дисциплинарном порядке.

4. В первых числах текущего месяца в Москву приезжал представитель фракции трудовиков Государственной Думы, присяжный поверенный Александр Федорович Керенский, где он виделся, между прочим, с присяжным поверенным Алексеем Максимовичем Никитиным.

По словам Керенского, он посетил многие местности империи с целью уяснить себе настоящее настроение народных масс, в интересах разрешения вопроса, не представляется ли возможным каким-либо путем сорганизовать более «левые группы населения». По его наблюдениям на местах, в провинции, начинает вырабатываться политическая мысль, но за отсутствием там же руководящих организаций эта мысль развивается не далее своего теоретического зародыша и не претворяется в действие. Такую руководящую роль среди крестьянства должны взять на себя местные кооперативы, а для городского населения — интеллигенция и рабочие, были бы пригодны общественные учреждения, в роде московского общества помощи жертвам войны, но в виду исключительно филантропической задачи этого общества, симпатичной самой по себе для лиц всяких политических воззрений, подобные организации не соответствуют задуманной цели, так как в них зачастую преобладают и правые элементы. Эту задачу с успехом могут исполнить частные общества трезвости и такие же общества устройства народных домов (разумных народных развлечений), по самой сущности своего дела свободные от правых элементов.

Об'езд Керенским многих местностей России имел целью личное ознакомление на местах с настроением различных классов населения и агитацию за организацию на местах обществ трезвости и обществ устройства разумных народных развлечений. Мысль эта будет поддержана также и левой пе-

чатью. От посещения мест Керенский особенно утешительного впечатления не вынес; нет достаточного числа подходящих для этой цели людей, большинство заняты войной, или как ее непосредственные участники, или же как деятели тыла, или же просто как лица, находящие настоящий момент неподходящим для предприятий мирного времени.

5. 9-го сего апреля в большом зале Московской консерватории состоялся музыкально-литературный вечер в пользу еврейского комитета помощи жертвам войны. Уже за несколько дней до вечера все билеты (от 1 р.—25 р.) были проданы, и публики на вечер собралось очень много, до 1500 человек, две трети которой составляли евреи; в первых рядах были, однако, и некоторые представители московского торгово-промышленного мира, как В. Морозов, Рябушинский и др. Учащейся молодежи среди публики было мало, но было заметно присутствие нижних чинов, вольноопределяющихся из евреев, преимущественно авиационных и автомобильных частей. Был один нижний чин с рукой на перевязке.

Перед началом концерта, по требованию нескольких голосов с левой стороны партера, оркестр трижды исполнил народный гимн, при чем на это время $^1/_5$ часть еврейской публики вышла из зала.

Хотя все участники вечера были горячо приняты публикой, но особенные овации вызвало появление на эстраде писателя Алексея Пешкова (Максима Горького), которого встретили громом рукоплесканий и подношением красных роз. Большинство публики бросилось к эстраде, где создало страшную давку, сдвинув кресла и стулья первых рядов, и даже поломав их связи. Это движение и суматоха в зале заставили всю публику в зале встать со своих мест. С балкона раздались крики: «Да здравствует свободное русское слово!» Благодаря слабой акустике помещения и общему шуму, крики эти были услышаны не везде в зале. М. Горький благодарил публику, сказав, что он глубоко рад услышать приветствия и от русского пролетариата и от русской интеллигенции. За общим шумом речь его была слышна плохо. Этой овацией закончился вечер.

Об этом вечере было подробно представлено г. московскому градоначальнику, при чем его превосходительство приказал выяснить личный состав указанного выше еврейского комитета.

6. В Москве в связи с симпатиями к пострадавшей от неприятельского нашествия Польше обнаружены некоторые успехи католической пропаганды и обращение нескольких лиц в католичество. Пропаганда ютится около костела в Милютинском переулке, где иногда раздаются прихожанам приглашения на польском языке на посещение польских чтений и собраний, отпечатанные без даты разрешения и без указания типографий. Подробно о сем представлено его превосходительству, г. мос-

ковскому градоначальнику докладом отделения от 13 сего апреля.

7. С 6-го по 8-е сего апреля в Москве при Московском обществе сельского хозяйства происходили совещания комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах для обсуждения вопроса «о земских кассах мелкого кредита». В совещаниях приняло участие около 200 человек, из коих более 100 иногородних, — не членов названного комитета, а представителей местных касс, так что в действительности совещания эти обратились в с'езд представителей земских касс мелкого кредита. Представители из провинций все были лицами определенных крайних левых политических убеждений (эс-эры и эс-деки), и, хотя с'езд и имел деловой характер, но на нем фактически происходило об'единение местных левых элементов. Выяснилось, что такие «с'езды» под видом совещаний «комитета» будут происходить раза 2—3 в году и, таким образом, послужат к фактическому об'единению и общению левой интеллигенции. На этом с'езде народническими элементами высказывалась мысль о необходимости поддерживать постоянную связь действующей армии с тылом. Нужно, чтобы там знали, что делается здесь: дороговизна жизни, бездействие в этом деле администрации, избиение народа на почве возмущения дороговизной припасов первой необходимости и т. д. Необходимо армии дать знать, что «вы нас там защищаете, а здесь нас бьют». Необходимо внушить солдатам, чтобы при возвращении на родину по окончании военных действий они бы не сдавали своего вооружения. Нынешние солдаты не те, что были даже 10 лет тому назад и прекрасно понимают свою связь с народом.

На совещаниях «комитета» присутствовал и представитель местной полиции, который сначала изумленный многолюдством собрания (собственно, членов комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ) потребовал для проверки именной список членов «комитета», но затем, по усиленной просьбе секретаря «комитета» Владимира Кильчевского, поддержанной и просьбами всех участников собрания, не настаивал более на своем требовании. Такая уступчивость представителя полиции в этом деле в виду намерения повторять такие с'езды по 2—3 раза в год и тайной их цели несомненно создаст для устроителей этих с'ездов весьма желательный прецедент, не говоря уже о тех результатах об'единения московских и провинциальных левых элементов, которое имело место в данном случае.

Полковник Мартынов.

Секретно.

Доклад Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

По общественному движению в г. Москве с 1-го по 15-е мая 1915 года.

Составлен 16 мая 1915 года.

1. Появившиеся в минувшем апреле в московских и петроградских газетах сообщения о проекте статс-секретаря Кривошеина—наделить наиболее отличившихся воинов участками из земельного фонда, имеющего образоваться после ликвидации немецкого землевладения в России и еврейского в Галиции, вызвали особую сенсацию в левых общественных группах и смуту в умах русинского населения и даже в армии. Подробные по сему делу сведения отделения представлены г. градоначальнику в секретной записке от 4-го сего мая за № 291658.

2. По инициативе члена Государственного Совета М. М. Ковалевского и члена Государственной Думы М. М. Новикова, в Москве учреждено Общество сближения с Англией, устав коего зарегистрирован 5-го сего мая. В общество войдут самые разнообразные элементы: профессора, политики, историки, члены Государственного Совета и Думы и разных общественных учреждений, журналисты, адвокаты, общественные деятели и простые обыватели, а задачей своей работы общество ставит взаимное ознакомление России и Англии в широких кругах общества обеих стран, в особенности же «с действительным же русским общественным мнением», а не с мнением русских официальных сфер. В тех же видах группою этих лиц задумано издание в Москве особого печатного органа под заглавием «Английский Журнал».

3. Видные деятели Всероссийского Городского Союза из партии ка-де в последнее время были озабочены созданием прочной центральной организации, связанной с рядом провинциальных организаций, которая продолжала бы функционировать и по окончании войны, при чем носила бы вполне определенный политический характер. С целью создания такой центральной организации с самого возникновения Всероссийского Городского Союза держится мысль о созыве большого, всероссийского с'езда городских деятелей, на котором выработана была бы политическая программа организации и избраны были бы руководители ее как в центре, так и на местах. Однако, по чисто тактическим соображениям, от мысли о созыве с'езда и немедленном создании организации с более широкими задачами признано было необходимым пока отказаться. Но, отказавшись от мысли о создании центральной организации, деятельно принялись за работу на местах, именно за создание местных

организаций, которые, об'единившись, в будущем и создадут прочную, мощную, всероссийскую городскую организацию с единым направляющим центром.

По словам секретаря союза, бывшего члена 2-й Государственной Думы Василия Васильевича Волк-Карачевского, закулисные планы этой общественной организации сводятся к следующему:

«Сначала должна быть создана центральная организация, и уже по ее инициативе будут созданы организации на местах, т.-е. рост всероссийской городской организации будет происходить от центра к периферии. Жизнь опередила теоретические расчеты и показала, что мы гораздо скорее придем к цели, идя от периферии к центру, т.-е. сперва создавая местную организацию, а затем в результате об'единения их сразу поставим правительство лицом к лицу с фактом мощной центральной организации, базирующейся на мощных провинциальных организациях».

В данном случае руководители Всероссийского Городского Союза имели в виду следующее обстоятельство: состоявшийся в Омске 11—14 апреля областной с'езд представителей городов Западной Сибири, на котором заложен был прочный фундамент Областного союза городов Западной Сибири. Созданная организация—это именно то, что давно представлялось желательным руководителям Городского Союза из кадетского лагеря. Во-первых, организация носит ясно выраженный политический характер, так как областной с'езд, положивший начало этому союзу, принял такие резолюции, как необходимость коренной реформы городских самоуправлений, равноправие евреев и т. д. Во-вторых, во главе союза поставлен комитет, в состав которого в силу принятия принципа кооптации могут быть введены левые элементы в самых широких размерах. Для начала фактическое возникновение Западно-Сибирской городской организации, не вызвавшее ни малейшего подозрения со стороны местной администрации, считается большой победой.

В то время как Западно-Сибирская городская организация является уже реальным фактом, в ближайшее время должна возникнуть совершенно аналогичная организация и на Кавказе. В конце мая в Тифлисе должен состояться четвертый с'езд городских общественных деятелей Кавказского края, на котором будет положено начало второму по счету областному союзу, Союзу кавказских городов.

В настоящее время предпринимаются подготовительные шаги для дальнейшего развития этой сети,—намечается союз городских деятелей Поволжья (союз поволжских городов с центром в Нижнем-Новгороде) и союз городских деятелей Юга, для которого центром намечается Киев.

Говорят о возможности об'единения после производства выборов на новых началах и городов Царства Польского.

Все эти местные союзы и рождаемые ими областные союзы будут носить строго легальный характер—разрешать задачи, вызванные войной, но действительный замысел сводится к тому, чтобы незаметно создать политическую организацию, которая могла бы властно заявить свои политические требования после войны.

Об изложенных планах кадетской группы Всероссийского Союза Городов лично доложено г. градоначальнику.

4. 4-го сего мая особое по городским делам присутствие утвердило «Устав общества по устройству в г. Москве студенческого дома». По сведениям агентуры отделения, независимо от своей прямой задачи облегчения материальной нужды учащейся молодежи и помощи во время прохождения ее университетского курса, указанное общество имеет скрытую цель—об'единение демократического студенчества в Москве, а в будущем, может быть, и всей России, вместе с «избранными» профессорами и с кооперативными, профессиональными и общественными организациями левого политического направления. Подробная по сему секретная записка представлена г. градоначальнику 14-го сего мая за № 291702.

5. В начале мая на должность члена московской городской управы избран уполномоченный по эвакуационному отделу при главном комитете Всероссийского Земского Союза и преподаватель московского Коммерческого института по кафедре «Организация местного самоуправления» Николай Николаевич Авинов. Кандидатура Авинова была выставлена и поддержана прогрессивной частью московской городской думы, при ближайшем содействии М. И. Челнокова и Н. И. Астрова. Подробные сведения о мотивах этого избрания и о значении Авинова, как серьезного общественного деятеля левого направления, подробно доложены г. градоначальнику особой запиской отделения.

6. В начале минувшего апреля Москву посетил член трудовой фракции Государственной Думы, присяжный поверенный А. Ф. Керенский. Как установлено агентурным за ним наблюдением, здесь, в тесном кругу своих единомышленников, при участии князя Дмитрия Ивановича Шаховского и Владимира Агафоновича Кильчевского (ка-де и народник), а также и литератора Петра Павловича Маслова (соц.-дем.), он сделал доклад о необходимости организации русской интеллигенции во внепартийный прогрессивный союз в целях известного воздействия на правительство по окончании войны. После обмена мнений выяснилось, что доклад Керенского был признан практически неосуществимым. Подробные по сему сведения представлены г. градоначальнику секретной запиской от 15-го сего мая за № 291711.

7. С 9 по 11 сего мая в Москве при Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова состоялось совещание врачей

и представителей врачебно-санитарных организаций, земств и городов по вопросу о борьбе с алкоголизмом. В совещании присутствовала и группа представителей от рабочих, во главе с петроградским рабочим Козловым, в феврале сего года судившимся петроградской судебной палатой по делу о с'езде большевистской группы Российской социал-демократической рабочей партии. Под влиянием этой группы совещание уклонилось от своих медицинских задач и приняло ряд резолюций, выступивших за пределы его компетенции и касающихся преимущественно государственных и общественно-правовых вопросов в смысле разрешения таковых с точки зрения программ левых политических партий. В какой степени эти резолюции уклонились от поставленной с'езду специальной задачи, указывает, между прочим, принятая им резолюция о необходимости введения повсеместно в России мелкой земской единицы. Предварительные по сему сведения доложены г. градоначальнику запиской от 14 сего мая за № 291703; дальнейшая разработка для подробного представления его превосходительству всех обстоятельств дела продолжается.

8. 12-го сего мая в Большой аудитории Политехнического музея состоялась публичная лекция приват-доцента московского университета А. М. Гольдштейна на тему: «Война и евреи». Половина сбора с этой лекции предназначена в пользу Общества охранения здоровья еврейского населения.

Лекция собрала около 500 слушателей, преимущественно евреев; явившиеся на лекцию русские положительно в этой еврейской массе растворялись. На балконе заметно несколько нижних чинов, в партере—юнкера и студенты военно-медицинской академии, группа рабочих (человек 20) также присутствует на балконе; есть в зале несколько представителей местной печати.

Лектор начал с того, что настоящая война вполне доказала правоспособность евреев быть полноправными гражданами, так как везде евреи оказались достойными верноподданными, что было бы неудивительно для тех стран, где, как в Англии и во Франции, евреи имеют все политические и общественные права; но евреи оказались достойными и благородными сынами России, где права их ограничены и где их привыкли считать врагами русского народа и русской государственности; из них на театре военных действий явились сотни героев, сотни георгиевских кавалеров. Эти же евреи первые подвергались ужасам нашествия врага; однако же русская печать, проливая крокодиловые слезки над «русской Бельгией», Польшей, молчит о «еврейской Бельгии» в России. Даже еврейские общества помощи жертвам войны появились только недавно, да и то они висят на кончике ножа русского национализма и могут умереть в любой момент. В Польше и Литве еврейская благотворительность встречает особые препятствия со стороны польской аристократии и интеллигенции, так как поляки привыкли видеть

еврея униженного, оскорбленного, еврея, лобзающего панскую руку, но время делало свое дело: «теперь евреи выросли духовно, народилась новая еврейская нация, в то время как крепостнические привычки польского панства остались прежними. Отсюда— вражда между поляками и евреями, отсюда старания евреев освободиться». На этих словах лекция была прекращена представителем полиции, указавшим, как причину, уклонения лектора от темы.

Прекращение лекции повлияло неблагоприятно не только на евреев, но и на русских и польских слушателей, шикавших лектору в некоторых местах его чтения. Раздались голоса: «произвол», «подавление свободы слова», указывали на свободу слова в Германии и т. д. Публика разошлась очень медленно. О лекции и причинах ее прекращения особо доложено отделением г. градоначальнику.

9. 14 сего мая в той же аудитории состоялась публичная лекция члена Государственной Думы князя С. П. Мансырева на тему «Война и национальный вопрос».

Лекция хотя собрала всего около 200 слушателей из средней интеллигенции, в том числе и немного учащейся молодежи, но по содержанию своему и умелому изложению возбудила живой интерес и неоднократно прерывалась рукоплесканиями. Указав на значение национального вопроса для России, где почти $^1/_3$ населения состоит из инородцев, лектор одинаково отнесся к односторонним увлечениям в этой области. С одной стороны, неправы консерваторы, признающие полноправность только за великорусским племенем и считающие всех остальных как бы за граждан 2-го разряда, с другой стороны, равно неправы и те, которые требуют для инородцев особого покровительства государства, как слабейшей стороне. Чтобы понять основную, правильную мысль, заключающуюся в этом вопросе, необходимо припомнить, что инородчество в России резко определилось со времени Петра; до эпохи Петра Московская Русь была однородной во всех своих общественных классах; после Петра даже высшие правящие классы стали для народа инородческими, подпав под иностранное влияние, преимущественно немецкое. Исключительным проводником такого действительного немецкого засилья стала быстро народившаяся после Петра бюрократия, в особенности при своих молчалинских типах, увековеченных и осмеянных Грибоедовым. Отсюда подчинение русского общества германскому влиянию во всех сферах жизни— политической, экономической и культурной и отсюда же историческая до сей поры рознь народа с правящими классами. Настоящая война совершила перелом во всех общественных слоях и об'единила все классы общества в борьбе с действительным врагом России и славянства; более того, она об'единила в борьбе с этим врагом все прочие подвластные России племена

и народцы, что наглядно проявилось в день исторического заседания Государственной Думы 26-го июля 1914 года.

Когда в кулуарах некоторые из публики обратились частным образом к князю Мансыреву с вопросом, скоро ли после войны можно ожидать созыва Государственной Думы, лектор ответил: «После войны мы ждем созыва не Думы, а Учредительного Собрания».

10. Московские мусульмане решили организовать новое общество под названием «Нашир - Масариф» (просветительное общество), устав этого общества уже выработан и на днях будет представлен на утверждение. В числе его учредителей состоит Бакинский миллионер, имеющий свою контору в Москве, Шамсулла Асадулаев.

Полковник Мартынов.

Доклад отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве.

Совершенно секретно.

По общественному движению в г. Москве с 15-го мая по 6-е июня 1915 года.

Составлен 6-го июня 1915 года.

Во второй половине минувшего мая наибольший интерес общественных кругов г. Москвы и ее прессы сосредоточился около открытия деятельности основанного в Москве Общества сближения с Англией и вопроса об экстренном созыве Государственной Думы, инициатива возбуждения которого связана с началом функционирования названного общества. По сведениям вверенного мне отделения дело представляется в следующем виде:

Торжественное открытие Общества сближения с Англией состоялось 22 мая в Большом зале московской городской думы, в присутствии многих профессоров, интеллигентной публики и представителей московской и петроградской печати. На собрании в качестве учредителей нового общества и его членов присутствовали: член Государственного Совета М. М. Ковалевский и Государственной Думы — П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, А. И. Коновалов, В. А. Ржевский, М. М. Новиков и бывший председатель 2-й Государственной Думы Ф. А. Головин. Большинство собравшихся — члены местных кадетской и прогрессивной групп. Присутствует почти в полном составе московская городская управа во главе с городским головой М. В. Челноковым, который затем был единогласно избран председателем собрания и, прежде чем занять председательское место, одел на себя цепь городского

головы, что придало этому собранию как бы официальный характер. Этот прием получил свое об'яснение в последующих кулуарных разговорах членов-учредителей нового общества, высказавших мысль о необходимости возможно широкого привлечения в члены его, в особенности в провинциальные его отделы деятелей земского и городского самоуправления, что создаст обществу прочный фундамент и более или менее обезопасит от репрессий со стороны властей, которые не рискнут в нынешние времена на какой-либо конфликт с представителями городского самоуправления и земства.

Первые приветственные речи открывающему свою деятельность обществу были высказаны Челноковым и Ковалевским и не выходили за пределы обычных приветственных речей, и только по отбытии посетивших собрание г. главноначальствующего над гор. Москвою и г. градоначальника тон ораторов заметно повысился и вызвал большой под'ем и у слушателей, так что к концу заседание приняло характер серьезного политического собрания, напомнившего аналогичные собрания 1905—1906 годов.

Сущность речей достаточно правдиво изложена в появившихся в местных и петроградских газетах отчетах об этом собрании, но эти отчеты, не будучи стенографическими, не заключают в себе того, что было сказано в живых речах ораторов, а главное, не могут передать ни тона этих речей, ни их воздействия на слушателей. На этом собрании, привлекшем цвет московской интеллигенции левого направления, как и на большинстве общественных собраний и чтений последнего времени, в особенности было ярко заметно ожидание в ближайшем будущем крупных событий во внутренней жизни России в смысле дальнейшего развития основ манифеста 17 октября 1905 г. Не только смысл большинства речей, но и отдельные в них фразы прямо указывали, что Россия «накануне своего нового политического строя», осуществить который ей поможет ее союзница Англия—эта «родоначальница политической свободы».

Член Государственной Думы Милюков в своей речи проводил мысль о том значении какое имеют в жизни всех конституционных государств ответственные министерства; ответственность правительства перед обществом и народом особенно сильна в Англии, где ныне, именно под сознанием такой ответственности в виду крайне серьезных событий настоящей войны, призвано к власти коалиционное министерство из крупнейших представителей всех политических партий страны. Английский закон о свободе печати дает обществу право свободной критики деятельности правительства, и в доказательство того, насколько широко пользуется английская пресса этим правом, Милюков тут же перевел из бывшего у него номера «Таймс» некоторые наиболее характерные выдержки. Такая система дает обществу

сю возможность своевременно исправлять и направлять деятельность правительства.

По окончании торжества открытия в помещении «Московского литературно-художественного кружка» состоялся банкет членов нового общества с участием приглашенных гостей и некоторых представителей печати. На банкете члены Государственной Думы Коновалов и Милюков делились своими впечатлениями от пребывания на передовых позициях, куда они ездили в качестве уполномоченных санитарных отрядов. По словам Коновалова, впечатления его самые безотрадные: никакой серьезной организации тыла в военных интересах не сделано, почему является недостаток в боевых снарядах, а 4-я армия уже в течение нескольких месяцев бездействует, не имея вооружения; высший командный состав—сплошные бездарности, через неделю, много две, Галиция будет очищена от наших войск, а затем нужно ожидать обхвата Варшавы с флангов. Милюков, отряд которого обслуживал дивизию генерала Корнилова и будто бы едва спасся от плена, тоже рассказал примеры бездарного командования высших чинов вверенными им воинскими частями, а также подчеркивал в некоторых случаях неудачи такого командования, как результаты штабных интриг, практикующихся даже на фронте действующей армии. Здесь же приводилась приписываемая г. министру внутренних дел будто бы сказанная им фраза, «что Германия — единственный оплот монархизма в Европе, почему Россия никогда не допустит ее окончательного разгрома». Это суждение будто бы проникло в иностранные газеты, чем и об'ясняется нерешительность действий наших союзников на западном фронте.

Сущность всех бесед сводилась к тому, что, в виду неурядицы в организации военного и продовольственного дела в тылу и вследствие серьезности надвигающихся военных событий, необходимо в возможно скором времени иметь правительство, которое руководилось бы в своих действиях указаниями страны.

М. Ковалевский, на обращенный к нему вопрос, какое впечатление производит на него Москва, ответил следующими словами: «Старушка - Москва—сердце России, которое спит и отдыхает, когда в России царит реакция, и пробуждается к полной жизни, как только Россия начинает итти вперед. Теперь именно я наблюдаю, что старушка проснулась и собирается зажить новой жизнью».

У всех присутствующих на открытии Общества сближения с Англией и на его банкете в результате сложилось убеждение, что блок левых партий, во главе с их лидерами в Государственной Думе, подготовляет какое-то активное выступление в смысле пред'явления некоторых требований правительству. Одновременно с этим, сначала в московских, а затем и в петроградских газетах появились сообщения о постановке на очередь вопроса о досрочном созыве Государственной Думы.

Содержащие в себе отчеты о публичном заседании этого общества вырезки из № 117 газеты «Русские Ведомости» и № 140 газеты «Утро России» при сем представляются.

Конец истекшего мая ознаменовался уличными волнениями московского населения на почве противодействия немецкому засилью, потребовавшими применения вооруженной силы. Подробные данные о причинах, вызвавших эти беспорядки, последовательное изложение хода событий и приблизительный подсчет жертв и убытков от разрушения торговых и промышленных фирм имеются в представляемых при сем копиях донесений моих г. директору департамента полиции от 28, 29 и 30 минувшего мая и 4-го июня в №№ 289173, 291789, 291796 и 291831.

О настроениях общественных кругов и населения г. Москвы по окончании погрома в распоряжении вверенного мне отделения имеются следующие сведения:

Среди народа держится слух, что погром организован немецкими провокаторами с целью вызвать движение против правительства и создать затруднения внутри России. Общее же настроение таково, что погром проявился на почве патриотизма, что немцев следует бить и что разгромы фабрик и заводов — дело хорошее, жалели только, что все это добро не пошло для русских, что надо было фирмы отобрать в казну, а немцев из Москвы выгнать, а самый факт ломки и разграбления немецких фирм принят был как должная дань патриотизму, как борьба против немецкого засилья. Средний класс населения был доволен происшедшим. В заседании московской городской думы 28-го мая, собравшейся вечером, настроение было подавленное, здесь ждали общей резни и введения военного положения. Была уверенность, что все дело организовано «двухглавцами» при явном содействии и попустительстве полиции. Указывали на то, что в руках погромщиков были личные списки немецких фирм, что погром был организован заранее, что у громил была полная уверенность в том, что полиция и войска не будут противодействовать разгрому. Говорили, что хотя погром и затевался в широких размерах, но что пьяные участники, грабежи, пожары, убийства, разнузданность толпы не входили в первоначальные расчеты и что действительность опередила самые широкие надежды. Результаты свелись к тому, что администрация, «допустившая» погром, сама не в силах была с ним справиться; выражалось сожаление, что погром был допущен, что правительство в нем виновно уже одним тем, что оно не смогло и не сумело его предупредить путем ли реквизиции немецких фирм, путем ли высылки немцев, что разгромы сыграют лишь в руку нашим врагам, что они опозорили Москву и недостойны русских. Кроме того, возникли опасения за участь тех, кто остался безработным, что при введении военного положения правительство расправится с Земским и Городским Союзами и общественными

организациями, что надо ждать военной диктатуры. Факт, что многие, имевшие к тому основания, 29-го мая из Москвы уже скрылись; думали, что этот вопрос возникнет в Государственной Думе. Интеллигенция, об'единенная в Земском и Городском Союзах и в «Русских Ведомостях», иначе определила погром; по ее мнению, инициатором и организатором его является г. главноначальствующий города Москвы князь Юсупов и что «двухглавцы» по своему положению не могли здесь играть той роли, какая им отводилась в первый момент. Что погром был организован и что полиция помогла погромщикам или бездействовала, считается несомненным. «Двухглавцы» же не могли принять в нем деятельного участия будто бы уже по одному тому, что они германофилы, стоят за сепаратный мир с Германией, что Германская империя и Пруссия будут полезны русским в борьбе с революцией, как единственный оплот монархизма в Европе, что разграбление фирм и убийства немцев здесь совершенно вырывают почву из-под ног у лиц, жаждущих спасти твердыню монархизма. И в соответствии с этим на верхах происходила ожесточенная борьба с партией германофилов, во главе с государыней императрицей Александрой Федоровной, и германофобов, во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Князь же Юсупов, как ставленник великого князя, явился здесь представителем партии германофобов и, организуя погром, мог смело рассчитывать, что в результате его для России и партии германофилов не останется ничего более, как продолжать войну до последнего солдата.

В связи с введением военного положения в той же среде возникли опасения за работу московских общественных организаций в смысле их подавления, а также и за участь многих общественных деятелей.

В городском общественном управлении поставлен на очередь вопрос об изыскании мер по организации помощи лицам, оставшимся без работы после погрома.

Учитывая происшедшие события с точки зрения их значения сейчас и возможности по ним предугадать ход течения внутренней жизни России в будущем, в случае если интересы общества и цели правительства столкнутся во взаимном конфликте, политическая мысль московских общественных кружков приходит к следующим соображениям и выводам:

Последние события на войне настолько неблагоприятны для нас, что не находят возможным что-либо сообщать после Перемышля. Между тех для всех ясно, что у нас громадные потери, отход от всех позиций, к которым шли с таким упорством все это время. Возможно, что Львов взят, как ряд и других мест. Настроение под влиянием слухов с войны безусловно у всех приподнято до крайности. Достаточно небольшого повода, чтобы оно вылилось в самых резких формах и беспорядках, и безусловно также, что первым виновником было бы поста-

влено правительство, его представителям первым досталось бы. Все это правительством прекрасно учтено, и единственным, хотя бы временным клапаном напряженности, куда все это было выпущено, и послужили немцы. Почва, как нельзя более благодатная и могущая принести пользу. Разгром немцев не только даст возможность вылиться наружу накипевшему настроению и злобе, но и отвлечь массы от настоящих виновников всех бедствий войны и создаст настроение обратное; обратное настроение, когда масса почувствует свою виновность. Отдельные моменты разгрома и убийств встанут перед глазами единиц и вызовут угнетенность и раскаяние, которые выльются или в предательство или в упорное углубление в работу. Вообще возможна реакция настроения как раз в том направлении, какое нужно правительству, настроение, при котором не только не будет желания на новые выступления, но и не будет желания сопротивляться, когда будут душить и за то, что позволялось сначала, т.-е. расправа и погром. Все учитывалось соответствующими кругами и на это рассчитывалось, и очень во многом это оправдалось. Но считается, что совершенно было упущено из вида 2 момента в жизни масс,—это, что настроение может внезапно меняться и перебрасываться с такой же силой на другого врага, который внезапно делается открытым, и что такие выступления, хотя и создают угнетенное состояние, но это состояние лишь временное; за ним следует и сознательное отношение, карты раскрываются, обнаруживается истинная подоплека происшедшего, и вся ненависть и злоба обрушиваются уже сознательно на тех, кто ввел в заблуждение и заставил все пережить. Таким образом, такой взрыв может оказаться только репетицией для другого, настоящего и серьезного взрыва.

Другое обвинение правительства сводится к тому, что представителям власти желательно было ввести не только фактически, как теперь, военное положение в Москве, но и юридически. Для этого нужен был серьезный повод. Лучшего по теперешним временам повода, как только что происшедший, подыскать трудно.

Подводя итоги не только этим данным, а также припоминая все происшедшее, приходится сделать такой вывод, высказанный старыми политическими работниками и просто людьми, присматривающимися к жизни, просто прогрессивными:

1) Массы были введены в заблуждение правительством, отвлекшим их затаенное недовольство в сторону немцев.

2) Массы проявили зверские инстинкты, за которыми неизбежно должно явиться раскаяние и угнетение.

3) В дальнейшем все-таки виновные будут найдены, сами события выведут их наружу, и гнев толпы обратится на них.

4) Толпа проявила только дух разрушения и обнаружила полную свою несостоятельность при созидании.

5) В массах совершенно отсутствовал дух организации, и буйство было ураганно, но бесцельно.

6) Не имея перед собой цели, толпа труслива и неспособна на сопротивление.

7) Столкновения с полицией могут быть названы самыми обыкновенными столкновениями.

8) Ждать перехода на сознательные выступления масс приходится только в том случае, если какие-либо неожиданно развернувшиеся события толкнут их на это.

9) В действительном достижении каких-либо результатов необходимо, чтобы войска были согласны или инертны к действиям масс.

10) Без организованности, без вождей массы бессильны пойти дальше простого разрушения. На другой же день они сами пойдут и отдадутся в руки своих врагов.

11) После войны безусловно жизнь поставит все вопросы и потребует их коренного разрешения.

12) Неудачи на войне ускорят ход событий и выдвинут в жизнь такие силы, о которых сейчас трудно предполагать. Совершающиеся события имеют большую важность, и трудно сказать, какие формы они примут.

По последним сведениям, по инициативе М. Челнокова и редакции «Русских Ведомостей» по делу о московских событиях 27—29 мая производилась особая следственная анкета для представления ее результатов частному собранию фракций Государственной Думы, и для этой анкеты будто бы ассигновано из городских сумм 25.000 руб. Эта анкета едва ли будет достаточно об'ективной, так как среди левых общественных групп уже возникло подозрение на участие в этих событиях, с ведома и попустительства властей, существующих в Москве монархических организаций. Поводом к такому предвзятому мнению могла послужить деятельность московского отдела «всероссийского Национального с'езда» и общества «За Россию», которые с самого начала войны вели боевую агитацию против немецкого засилья как в экономической жизни империи, так и в ее бюрократических верхах. Подробные сведения о деятельности названных обществ изложены в представляемой при сем копии записки моей г. товарищу министра внутренних дел, командующему Отдельным корпусом жандармов от 31 минувшего мая за № 300518. По только что полученным указаниям с результатами «анкеты» уже выехали из Москвы в Петроград член Государственной Думы М. М. Новиков и литератор А. К. Дживелегов.

По вопросу о досрочном созыве Государственной Думы, его причинах, предстоящей деятельности думских фракций, в положительном и отрицательном случаях решения этого вопроса и вообще о ближайшей политике думской оппозиции подробные сведения агентуры отделения изложены в представляемой при

сем копии телеграммы моей г. директору департамента полиции от 3 сего июня за № 289184.

В течение текущего июня предстоит ряд общественных с'ездов, так как в ближайшее время соберутся:

1) С'езд городских голов.

2) С'езд представителей губернских и уездных земских управ, и параллельно с ним с'езд представителей центральных кооперативных организаций, при чем работа их будет вестись в контакте друг с другом.

Главным вопросом, подлежащим обсуждению и разрешению на этих с'ездах, явится «мобилизация общественных сил».

В ближайшее же время намечен и с'езд деятелей тех же организаций, посвященных вопросу о дороговизне.

Все эти совещания общественных и земских групп и организаций будут обслужены внутренним наблюдением.

Начальник отделения полковник Мартынов.

6 июня 1915 года.

Записка отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

24-го августа 1915 года.

Секретно.

По общественному движению.

Записка № 109/а.

Те общественные деятели оппозиционного настроения, которые несколько дней еще тому назад ярко демонстрировали невозможность для них вести работу по снабжению армии при настоящем внутреннем режиме, в настоящее время как бы заняли выжидательное положение.

С одной стороны, вследствие данного ими толчка, известными заседаниями: московской городской думы 18-го сего августа и собранием общественных деятелей 16-го сего августа у А. И. Коновалова, по всей стране продолжается манифестационное движение вынесения общеполитических резолюций рядом общественных организаций, и этим как бы выполняется, наружным образом, затеянный общественный шум, направленный к нажиму на власть.

С другой стороны, в силу разных причин, о которых излагается ниже, как чисто кадетские круги, так и несколько стоящие правее, но с ними участвующие в нажиме на власть, с целью ее захвата в свои руки, не чувствуют в себе достаточной силы и влияния на более широкие демократические круги; необходимо иметь в виду, в связи с этим, что в «кадетских» и вообще интеллигентских, оппозиционных кругах принята крайняя осторожность в требованиях к правительству, и на

рискованные и крайние выступления эти круги, несомненно, не пойдут.

Некоторыми более спокойными элементами высказывается мнение, что первый испуг общества и вместе с тем растерянность правительства, вызванные событиями на нашем фронте в связи с падением всех наших крепостей и преувеличенно трактовавшихся всюду слухов о быстром и будто бы беспрепятственном марше немецких армий на столицы, миновал.

Теперь, когда эти растерянность, с одной стороны, и испуг — с другой, прошли, для общественных кругов, делавших нажим на власть, как бы прошла благоприятная минута, которая может, особенно при некоторых хотя бы военных успехах с нашей стороны, и пройти в самой значительной степени.

Момент как бы пропущен, и это уже учитывается в названных общественных кругах, где как бы приостановились на время, как бы ждут, как снова собраться с силами и как и когда возобновить атаку на власть.

В этой заминке характерно еще следующее: обозначалось, что провинция во многих местах далеко не подготовлена к сформированию затеянных «коалиционных комитетов», местами выбор и сформирование таких комитетов, как, например, в области Центральной, Московского района, не из кого было бы пополнить их, и состав таких комитетов был бы в этих местах в значительной степени случайным.

Одновременно члены «кадетской» партии выяснили, что по составу своему нынешняя «кадетская» партия сильно изменилась сравнительно со временем ее возникновения и, как таковая, в развале, а новой еще нет. Таким образом произошло и количественное и качественное ослабление партии.

В составе вновь созданных и сильных общественных организаций, как-то: Общеземский, Общегородской Союзы и Военно-Промышленный Комитет, также не чувствуется бесспорного преобладания членов партии Народной Свободы, что в значительной степени не дает возможности солидарных по всем вопросам выступлений этих организаций.

Наконец, в самом создании Московского Коалиционного Комитета, имевшем в начале своем, по замыслу, быть центральным, до сих пор не произведены выборы его членов; выборы состоялись только в Биржевом Комитете и Военно-Промышленном. Происходившие почти непрерывно за последние дни, за отсутствием в Москве А. И. Коновалова, у П. П. Рябушинского собрания лиц, имевших отношение к известному заседанию 16 сего августа у А. И. Коновалова, происходят как частные собрания гостей, а не полноправных членов какой-либо оформленной организации. На этих собраниях, например, участвовал все время Н. И. Астров, несмотря на то, что от московской городской думы не было производимо никаких выборов в Коалиционный Комитет; следовательно, Астров,

как и многие другие участники этих собраний, бывает там как гость, а не по уполномочию.

Попутно в Москве за последнее время некоторыми из лиц, принадлежащими к кадетской партии и принимающими участие в общественных организациях, были сделаны попытки к тому, чтобы найти какие-либо пути к известным соглашениям с широкими кругами демократии.

Посредничество в этом деле имели известные литераторы С. Прокопович и Е. Кускова; кадеты выяснили, насколько демократия пошла бы на поддержку общественным деятелям, в случае пред'явления ими правительству ультимативных требований и какие бы она (демократия) выставила сама требования к интеллигенции. Ответ демократии, видимо, был неприятен кадетам; ответ был приблизительно таков: рабочие и демократические слои населения не желают подставлять свои спины г.г. Рябушинским, чтобы те по ним добрались до власти.

Одновременно идут переговоры о праве рабочих участвовать в военно-промышленных комитетах и о той форме, в которой участие должно выразиться.

Рабочие ставят условием своего участия контроль их над деятельностью этих комитетов в целом и в частности над деятельностью тех фабрик и заводов, которые заняты изготовлением военных заказов, т.-е. они ставят снова вопрос о сформировании и функционировании своих рабочих организаций.

Полковник Мартынов.

Совершенно секретно.

ЗАПИСКА № 91/б.

Агентура „Григорьев". 28 июля 1915 года.

Священник Владимир Игнатьевич Востоков (Кузнецкая ул., 39) живет ныне на дачах у знакомых или в Коломне, высказывает приблизительно следующее:

«В наше время особенно резко чувствуется какое-то чисто животное одичание в силу постоянно нависшей опасности смерти и на войне и здесь, в виду полной беззащитности личности и имущества от посягательств грабителей и убийц, действующих не только с согласия, но иногда и по наущению высших чинов администрации, не только на театре войны, где бессознательные солдаты вымещают свои военные неудачи на мирных жителях, громя и убивая их, но и здесь, внутри России и, к сожалению, в сердце ее—Москве, чему мы все были свидетелями в печальные майские дни. Теперь более, чем когда-либо нужна искренняя христианская проповедь, а не казенно-церковное благословение

войны, нужен горячий призыв человечества к миру. Грешно высшим «сильным мира сего», немецким и русским правителям за то, что они подчяли братоубийственную войну, но еще более грешно тем, кто из корыстных или других низких целей разжигает ее, особенно ужасную междоусобную войну всех против всех, например, поляков и русских против евреев, армян против мусульман и т. п. Русскую чернь натравляют на лиц, которые не услужили или не поладили с начальством, особенно если они сверх того имеют не русскую фамилию. Проповедь духовенства стесняется, правда Божия, истинное пасторское слово так же сжаты, как всякое честное свободное выражение мысли. Духовенство не смеет говорить иначе, как прикажут, особенно в провинции, где урядники и мелкие доморощенные патриоты широко применяют слово «изменник»,—иногда даже к священникам. Жалобы к архиереям, клевета, а то и самые грубые угрозы в ходу у населения, подуськиваемого темным элементом. Оттого священники говорят заведомую ложь и вместо бога служат сатане... Материальная зависимость сельского духовенства от населения, безапелляционность архиерейских распоряжений и невысокий культурный уровень самих пастырей делают их послушным орудием государственной власти. Но, повидимому, давно уже недовольное своим положением, мелкое духовенство сделалось значительно оппозиционным, отчасти вследствие внешних событий, отчасти благодаря общему желанию всех верующих пастырей и паствы о созыве поместного всероссийского собора. Православная церковь попрежнему пребывает в плену чиновной бюрократии, ничего не смыслящей в делах веры, но руководящей ею из кабинетов синода и консисторий. Бюрократия в истории русской церкви сыграла ту же роль, какую вообще и в других областях русской жизни; и если в области общественных взаимоотношений она заменила закон административным усмотрением, то то же самое сделала в области религии, подменив ее формой и циркуляром. Однако, можно надеяться, что такое положение не протянется слишком долго. Уже теперь много появилось христианских кружков среди интеллигенции, разрабатывающих вопросы обновления церковной жизни, а после войны, можно надеяться, религиозными вопросами заинтересуются еще более, и тогда волей и неволей, даже и самые домоседливые пасторы должны будут выйти и сказать свое слово. Пока же только небольшие группы передовых священников стараются сделать, что можно».

Начальник отделения полковник Мартынов.

Приложение VI.

Состав рабочей группы с'езда по борьбе с дороговизной (11—13 июля 1915 г.).

1	Абентум В. М.	Москва.	Професс. О-во Кондитер.
2	Благовещенский В. П. . .	Самара.	О-во Взаимн. Вспомощ. Приказчиков.
3	Бурмистров П. Ф.	Брянск.	Больничная касса Брянского завода.
4	Белковский И. П.	Петроград.	Больничная касса Невского Судостроительного завода.
5	Гинзбург Р. И.	Вильно.	Професс. Об-во Рабочих Печатного Дела.
6	Горюнов И. Н.	Москва.	Проф. О-во Арх.-стр. раб.
7	Давыдов И. К.	Тула.	„ „ Металлистов.
8	Дощатов Н. И.	Брянск.	О-во Професс. Раб. Метал.
9	Иосифов К. А.	Москва.	О-во Взаимон. Коммерч. Служ.
10	Калашников Н. С. . . .	„	О-во Купеческ. приказч.
11	Карасев И. А.	„	5-я общая.
12	Карвелис К. Ю.	Петроград.	Больничная касса при заводе Франко-Русск.
13	Кассиор С. В.	Москва.	О-во Взаимопом. Торгов. Служащ.
14	Киселенко Н. А.	Петроград.	Больничная касса при зав. „Эриксон“.
15	Князев Г. А.	Тверь.	Больничная касса при зав. Верхне-Волжского О-ва.
16	Кондратьев Ф. А.	Харьков.	О-во Взаимопомощи Рабоч. Рем. Производства.
17	Корчагин	Москва.	Проф. О-во Золотосеребренников.
18	Крючков К. Д.	„	Представитель типографской кассы.

19	Махров И. Ф.	Харьков.	Больничная касса паровозо-строит. завода.
20	Митув-Гинзбург Б. Х. . .	Витебск.	Больн. касса „Помощь“.
21	Мишенко Н. Ф.	Москва.	Проф. О-во рабочих Ремешечник.
22	Никандров И. М.	„	Проф. О-во раб. Сапожн.
23	Никитин М. И.	Николаев.	Больнич. касса при зав. Акц. О-ва Николаевск. зав. и верфей.
24	Новиков П. Я.	Москва.	Профессион. О-во Мануфактуристов.
25	Осипов И. Р.	„	Общая касса при фабрике „Мюр и Мерилиз“.
26	Павловский К. С.	„	Профес. О-во Поваров.
27	Рахманов С. И.	„	3-я Общая.
28	Решетников В. И. . . .	„	О-во Рабоч. по обработке дерева.
29	Соколов В. Ф.	„	Профессион. О-во Рабоч. по обработке стекла и фарфора.
30	Соколов С. И.	„	Профессиональное О-во „Единение“.
31	Степанов С. И.	Тула.	Больн. касса при медно-прокатн. и патрон. зав.
32	Судаков П. И.	Петроград.	Больничная касса при зав. металлических изделий.
33	Сурин С. Я.	„	Больничная касса при зав. Стар. и Нов. Айваз.
34	Титов П. П.	Москва.	Профессион. О-во Хлебопеков.
35	Токарев И. С.	„	О-во Официантов.
36	Туманов И. Р.	„	О-во Официантов.

Именной указатель.

Абентум, В. М.—московский рабочий, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 205, 297, 302, 429.

Аборин, Ф. Т.—московский рабочий, металлист, состоял в марксистской группе Лефортовского района, 239.

Абрамов, С.—толстовец, подписавший воззвание „Наше открытое слово", 116.

Абрамов, М. С.—провокатор, кл. „Кривцов", стр. 155.

Авинов, Н. Н.—преподаватель Московского Коммерческого института, 415.

Адрианов, А. А.—градоначальник гор. Москвы, 72, 73, 75, 76.

Азеф—известный провокатор, 47, 48.

Ангелин, В. С.—печатник типографии „Кушнерева", имел отношение к выпуску эсеровской листовки, 143.

Аксельрод, П. Б.—один из основателей группы „Освобождение Труда", входил в редакцию „Искры" (1901 г.), на втором с'езде партии в 1903 году примкнул к меньшевикам. Один из видных ликвидаторов. В настоящее время входит в 2½ Интернационал, 42.

Алавердов, С. К.—студент Московского Коммерческого института, входил в социал-демократическую группу института (211), был обыскан накануне 1-го мая (234), 211, 234.

Александра Федоровна—жена Николая II, 257, 264, 265, 422.

Алексеев, П. А.—московский рабочий, был выслан из Москвы накануне суда над рабочими депутатами, 208.

Алексинский, Г. А.—вместе с А. Богдановым издавал журналы „Вперед". Впередовцы пытались играть роль левого крыла большевиков. С начала войны Алексинский занял ультра-шовинистическую позицию (департамент полиции, несмотря на это, все же относит Алексинского к левому крылу, см. стр. 82). По возвращении в Россию в 1917 году А. примкнул к группе „Единство", а в июльские дни по просьбе контр-разведки согласился дать свою подпись на подложных документах, долженствовавших в целях срыва движения скомпрометировать Ленина и большевиков, как германских агентов. В настоящее время проживает за границей и пользуется репутацией грязного интригана и нестесняющегося в средствах человека, 82, 83, 84.

Альперович, Г. М.—студент Московского Технического училища, по сведениям охранного отделения—с.-д., состоял членом Центральной руководящей группы. Был арестован 6-го июня 1915 года, 236—239, 240.

Альтшулер, А.—толстовец, 116.

„Андреев"—кличка провокатора Николаева, А. Н.

Андреев—ленинградский рабочий, убитый городовым во время демонстрации в 1914 году, 22.

Андреев, Ал. Анд.—московский рабочий, металлист, партийная кличка „Ленька", 227.

Андреев, Ан. Анд.—московский рабочий, портной, старый партийный работник, из крестьян Московской губ., умер в 1919 г., 229.

Андреев, П. А.—секретарь присяжного поверенного Пахмана, Е. Л., судился по одному делу с А. Сольц, 69, 377—388.

Анисимов, В. В.—слушатель университета Шанявского, был арестован 15 ноября 1914 г. по делу Социалистической группы, 80, 81.

Аничкин, В. Г.—секретарь о-ва „Печатных Искусств", 169.

Анисимов—кооператор., 307, 321, 325.
Анисимов, Н. В.—с.-р., 154.
Анненский, Н. Ф.—народник, статистик и публицист. Член Вольно-Экономического Общества, сотрудник „Русского Богатства"; один из организаторов народно-социалистической партии, 355.
Анохин, А. А.—кондуктор трамвая, осведомитель охранного отделения, кличка „Рязанцев", 346.
Архангельский, А.—толстовец, стр. 111, 120.
Арцимович, А. М.—член Чупровского общества, 286.
Антонов, С.—толстовец, подписавший воззвание „Наше открытое слово", 115.
Астров, Н. И.—гласный городской думы, 246, 248, 285, 288, 291, 296, 298.
Афанасьев—портной, стр. 270.
Балабанов, Ф. Н.—был выслан из Москвы в связи с делом о подготовке выступления рабочих 1-го мая, 235.
Балеев, В.—толстовец, 116.
Балеев, Н.—толстовец, 116.
Балякин, И. Д.—рабочий ф-ки „Эйнем", осведомитель московского охранного отделения, кличка „Механик", 346.
Баратов, Н. Д.—член О-ва взаимопомощи торговых и коммерческих служащих, 290, 291.
Бариков, С. И.—член Чупровского о-ва, 286.
Барышников, Н. А.—секретарь профессионального о-ва рабочих печатного искусства. Осведомитель охранного отделения под кличкой „Фотограф", 346.
Башмаков, Н. Ф.—тоже, 235.
Байков, А. А.—профессор Московского унив., 71.
Байков, И. С.—рабочий завода „Динамо", осведомитель охранного отделения под кличкой „Максим", 346.
Бебель, А.—один из основателей немецкой с.-д. партии и ее вождь, 11, 12.
Белавин—ротмистр московского охранного отделения, 359, 360.
Белковский, И. И.—петроградский рабочий, участник С'езда, стр. 429.
Белоусов, Ф. А.—член Самарской с.-р. организации, 143, 145.
Беляев, И. А.—входил в с.-д. группу металлистов, 218, 219.
Берман, Р. И.—сотрудник охранного отделения под кличкой „Майский", 346.
Бернский, А.—меньшевик, один из авторов открытого письма, 197, 204.
Беспалов, В.—толстовец, стр. 109, 110, 111, 113, 120, 124, 125.
Бессонов, М. А.—был арестован 6-го июня 1915 года в связи с делом так называемой конференции в „Измайловском Зверинце", 237.
Бирюков, П.—толстовец, 112.
Биценко, А.—убийца генерала Сахарова, стр. 355.
Биценко, М. С.—стр. 356.
Благовещенский, В. П.—представитель о-ва взаимопомощи приказчиков гор. Самары на с'езде по борьбе с дороговизной, 205, 249.
„Блондинка"—кличка провокатора Дрилих, И. Я.
Бобрищев Пушкин—присяжный поверенный, защитник Пахмана, 384, 387.
Бобровская—слушательница университета Шанявского, с.-д., 351.
Богачев—председатель о-ва мануфактуристов, 10.
Богданов, М.—толстовец, 115, 118.
Богданов (он же Казаков)—московский раб., металлист, 219.
Богомазов, С. И.—286.
Болдырев, В. С.—слушатель университета Шанявского, был арестован 15/XI 1914 г. по делу о Социалистической группе, 80, 81.
Бондаренко, Е.—толстовец, 116.
Бондаревич, З. Т.—был выслан из Москвы в связи с делом о подготовке 1 мая, 235.
Бонч-Осмоловский, А. И.—160, 161.
Борисов, И. И.—входил в Марксистский кружок Симоновского района, был арестован по делу о так называемой конференции в „Измайловском Зверинце", 236. 238.
Боровиков, Е. М.—сотрудник газеты „Раннее Утро", осведомитель охр. отд. под кличкой „Цветков", 346.

Бородкин, Ф. Я.—рабочий завода Михельсон, осведомитель московского охран. отделения под кличкой „Борисов", 346.
Боролин, К. Ф.—агент московского охран. отд. под кличкой „Ярославский", 345, 346.
Бочаров—толстовец, стр. 116.
Бочкин, Г. М.—осведомитель охр. отд., 347.
Бойченко, Г. А.—с.-р., народник, 160, 161.
Бородулин, А. Н.—356.
Бриллиантов, С. Н.—журналист, 256.
„Босяк"—кличка провокатора Маракушева.
Броецкий, М.—400, 409.
Брюн-де-Сент, директор департамента полиции, 400, 409.
Буксин, В. М.—печатник типографии Мамонтова, освед. московского охранного отделения под кличкой „Воскресенский", 347.
Булгаков, В.—толстовец, 109, 116, 120, 121, 124.
Булкин—ликвидатор, сотрудник журнала „Новая Заря", 45, 46.
Бурмистров, П. Ф.—представитель больничной кассы Брянского завода на с'езде по борьбе с дороговизной, 429.
Бурцев, В. Л.—известный эпигон народовольчества, специализировавшийся в годы царизма на разоблачении провокаторов. Оголтелый социал-патриот, в настоящее время является орудием черносотенной буржуазии и застрельщиком травли большевиков, 128.
Буткевич, Г. В.—толстовец, 109, 120.
„Валентин"—кличка провокатора Миронова, А. И.
Валентини, К. А.—германский подданный, 255.
Валькенштейн, А.—115.
Вандервельде, Э.—бельгийский социалист, крупнейший лидер II Интернационала. Война превратила его в социал-предателя, 88, 128, 164, 177, 208.
Вардянянц, О.—211.
Васильев, А. В.—анархист, 156.
Верховский, Г. А.—врач, 192.
Вейсброд, А. А.—студент Коммерческого института, 234.
Вильгельм—император германский, 178.
Винниченко, П.—116.
Винонуров—участник с'езда по борьбе с алкоголизмом, 249.
Виноградов, И. М.—т о ж е, 250.
Вишневский, П. К.—116.
„Владимир"—кличка провокатора Лычагина.
Власов, И. М.—с.-д.-большевик, 137.
Волк-Карачевский, В. В.—бывший член второй Государственной Думы, 260.
Волков, Ф. К.—осведомитель охран. отделения под кличкой „Паша", 348.
„Воронец"—кличка провокатора Гравировского.
Воронов—он же Маракушев „Босяк", 362.
Воронов—служащий газеты „Наш Путь", 10.
Востоков, В. И.—священник, высказывавший крамольные мысли, 427.
Востокова, Л. М.—артистка император. театров, квартира ее подверглась разгрому во время немецкого погрома, 277.
Вольский, В. К.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.
Волькенштейн, Ольга—толстовка, 116.
Выдрина, А. И.—вольнослушательница Московского Сельско-Хозяйственного института, 129.
Вышеславцев—проф. университета им. А. Л. Шанявского, весьма резко выступал против материализма, называя его грошевой концепцией, 75, 79.
Вязков, Г. И.—осведомитель охранного отделения под кличкой „Промышленник", член рабочей группы Московского Военно-Промышленного комитета, 348.
Гаазе, С. В.—провокатор, кличка „Петербургский", 348.
Гавеман, Б. В.—сотрудник московского охр. отделения, кл. „Дмитриев", 132.
„Гаврилов",—кличка провокатора Комарова И. П., 142, 353.
Гаврилов, Н. И.—рабочий фабрики Ронталлер, был арестован по делу так наз. конференции в „Измайловском Зверинце", 239.

Гадаскина, Е. С.—жена зубного врача, 192.
Гамов, А. П.—257.
Гед—вместе с Лафаргом является основателем французской рабочей партии. В течение нескольких десятилетий боролся с реформизмом. Война превратила его в социал-патриота, и он был введен в кабинет Вивиани министром без портфеля. Умер в 1923 г., 177, 208.
Гензель,—профессор, один из докладчиков на с'езде по борьбе с дороговизной, 298.
Гессен, И. В.—к.-д., один из редакторов газеты „Речь", органа партии к.-д., адвокат, член I Гос. Думы, 6.
Гейне, Н. И.—356.
Гермякин, И.—толстовец, 109, 111, 120.
Гинденбург,—знаменитый немецкий генерал, бывший главнокомандующий немецкой армией в 1916—1917 г.г., 178.
Гинзбург, Р. И.—представитель проф. общ. рабочих печатного дела в Вильно на с'езде по борьбе с дороговизной, 302, 305, 312, 429.
Гинцбург, Б. Х.—представитель больничной кассы „Помощь" в г. Витебске на с'езде по борьбе с дороговизной, 298, 302, 308—309, 430.
Головин, Ф. А.—бывший председатель II Гос. Думы, 258, 418.
Голоухов, И. И.—с.-р. рабочий завода Носенков, 128.
Голубин, Д. В.—сотр. охр. отд. под кличкой „Кузьма", 348.
Голубев, А. А.—сотрудник охр. отд. под кличкой „Монтер", 348.
Гольштейн, А. М.—приват-доцент Московского университета, 416.
Гончаров, Н. К.—представитель общества торговых служащих, 228, 289, 290, 292, 293, 300.
Горбачевский, В.—351.
Горемыкин,—крупный администратор царского самодержавия. В 90 г.г. прославился борьбой с рабочим движением. В 1905 г. был даже премьер-министром и неустанный борец с „прогрессивным блоком". В первые годы войны—организатор „обороны", 29.
Горский,—ликвидатор, сотрудник „С. Р. Г.", 45.
Горький, Д.—толстовец, 115.
Горький, М.—знаменитый русский писатель. Во время войны издавал умеренно-интернационалистский журнал „Летопись", который являлся единственным антипатриотическим органом в России, 171, 172, 411.
Горюнов, И. Н.—представитель профессионального о-ва архитектурно-строительных рабочих Москвы на с'езде по борьбе с дороговизной, 429.
Гравировский, В. М.—провокатор, кличка „Воронец", 78, 345, 348, 352.
Грановский, Л. Л.—санитарный врач, 248, 250, 409, 410.
Граубергер, И. Ф.—толстовец, 109, 111, 112, 115, 120, 121, 122.
Гренов, К.—тоже, 116.
Грей, Э.—188.
Григорьев,—петербургский полицмейстер, руководивший подавлением июльских беспорядков, 39.
„Григорьев"—кличка провокатора Русанова, И. Ю., 427.
Грибанов, Н. Е.—с.-р., 154.
Гринберг, М. Г.—291.
Гриневич, А.—381, 385, 386.
Громан, В. Г.—помощник присяжн. поверенного, старый с.-д.-меньшевик, 286—288, 291, 297, 298, 320.
Гужон, Ю. П.—председатель о-ва московских фабрикантов и заводчиков, 29.
Гусев, И. И.—секретарь профессионального о-ва рабочих хлебопекарного производства, 135, 207, 208, 347.
Гусев, Н. Н.—бывший секретарь Толстого, 110.
Гуторг,—помощник военного прокурора, 384, 388.
Гучков,—представитель крупной русской буржуазии, организатор „Союза 17 октября", защитник политики Столыпина и военно-полевой юстиции. После февральской революции—военный министр, но после апрельского краха временного правительства и отставки Милюкова подал в отставку, 27, 74, 257, 367.
Гюго,—179.

Давыдов, И. К.—представитель профессионального о-ва металлистов гор. Тулы на с'езде по борьбе с дороговизной, 205, 303, 304, 311, 315, 429.
Дан,—один из вождей меньшевизма, в годы войны Дан хотя формально и не числился оборонцем, но по существу был таковым, что подтвердилось позже его идейной солидарностью с так называемым революционным оборончеством, 42.
Дария, Е. С.—студент Московского Коммерческого института, 234.
Дедусенко, Аф.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.
Демахович, Я.—толстовец, 109, 120.
Дерешев, П. В.—230.
Дживилегов, А. К.—литератор, 424.
Джунковский,—товарищ министра внутренних дел, 108.
„Дмитриев"—кличка провокатора Гаверман, Б. В., 127, 132.
Дмитриенко, Г.—толстовец, 116.
Домбровский,—председатель Московского Военно-Окружного Суда, 384, 387, 388, 390.
Домбровский, М. А.—228.
Доброжинский,—сотрудник московского охр. отд. под кличкой „Парень", 352.
Доброхотов,—386.
Досев, Х.—толстовец, 120.
Дощатов, Н. И.—представитель профессионального о-ва металлистов гор. Брянска на с'езде по борьбе с дороговизной, 429.
Дрейзина, Б.—толстовка, 116.
Дрейзин, Л.—тоже, 116.
Дриллих, И. Я.—провокатор, кличка „Блондинка", 352.
Дубин, Ф.—толстовец, 120.
Дудченко, И.—толстовец, 116.
Дудченко, М.—толстовец, 109, 111, 116, 120.
Дымшиц, Е.—толстовец, 116.
„Евгений",—кличка провокатора Поскребухина, А. А.
Евтихиев, В. И.—присяжный поверенный—анархист, 154.
Евграфов, Н. Н.—слушатель унив. Шанявского, 80, 81.
Егоров,—подполковник, временный член военно-окружного суда, 384, 387, 388.
Егоров, И. И.—известный в партийной среде под именем „Прокоп", 236, 245.
Елисавета Федоровна,—265, 267.
Ернефельд, А.—110, 111, 120.
Ефремов,—лидер фракции прогрессистов в 4-й Государственной Думе, 27, 28.
Ефремов, Н. И.—толстовец, 120.
Жалков,—208.
Жбанков, Д. Н.—доктор, 249.
Железняков, А. Г.—матрос, 155, 156.
Жирмунский,—385, 386.
Жорес, Ж.—один из видных вождей французского социалистического движения, его многочисленные выступления на митингах и рабочих собраниях пользовались большим успехом, был ярым антимилитаристом, отстаивал идею народной милиции и добивался сокращения срока военной службы. За день до об'явления войны 1914 года был убит французским „патриотом", опасавшимся его влияния на массы, 53, 54.
Жуковский, Б. Б.—промышленник, 29.
Журавлев, И. Т.—московский рабочий, булочник, 229, 230.
Заботкин—деревообделочник, 297.
Завадовский, И. З.—толстовец, 111, 120.
Заварзин, П. В.—377—391.
Загорский—341.
Замысловский—черносотенец, член Госуд. Думы, 22.
Запевало, А. М.—деревообделочник, 207, 208, 213.
Зарецкая, С. М.—с.-д.-меньшевичка, 171.
„Захарин"—кличка провокатора Митропольского А., 366.
Здорожная, С.—толстовка, 116.
Зеликман, М.—толстовец, 116.

Зельгейм, В. Н.—кооператор, 285, 287, 320.
Зиновьев—11, 64.
Златкин, Я.—провокатор Регекампф, С. А., 174, 373.
„Зоя"—кличка провокатора Леонова, В. К., 64, 354, 355—357, 72.
Зубковский—жандармский ротмистр, 359, 360.
Зугрин, Н. И.—142, 143.
Иванов—петроградский рабочий, 38.
Иванов, В. Т.—московский рабочий-булочник, 213, 215.
Иванов, В. С.—служащий союза потребительских обществ, 287, 289, 291, 297.
Ивановская, П.—толстовка, 116.
Изгоев, А.—один из тех деятелей буржуазной интеллигенции, которые прошли школу легального марксизма и отчасти соц.-дем. Вместе с Струве прошел все этапы политической эволюции от с.-д. к октябристам. В годы реакции особенно усердно занимался оплевыванием революции, 6, 179.
Иконников, А.—толстовец, 115, 120.
Иорданский, Н. И.—меньшевик-ликвидатор и оборонец, редактор „Современного Мира", позднее сторонник плехановского „Единства". Под влиянием Октябрьской революции эволюционировал влево, 174, 218.
Иосифов К. А.—с.-р. народник, 289, 291, 295, 297, 300, 301, 429.
Исаев, А. М.—московский рабочий, булочник, 154.
Ихенгольц, Р.—толстовец, 115.
Казанский—386.
Калашников, Н. С.—предетавитель о-ва приказчиков на с'езде по борьбе с дороговизной, 429.
Калининский, С. С.—служащий Союза Потребит. О-в, 158.
Калягин—386.
Кальмеер—385—386.
Каменев—8.
Каневский—толстовец, 112.
Канель, В. Я.—доктор, 249.
Каплун—337.
Карпенко—толстовец, 112.
Карасев, И. А.—народник, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 289, 297, 305, 308, 309, 310, 315, 429.
Карвелис, К. Ю.—представитель от больничной кассы при заводе Франко-Русском в Петрограде, 429.
Карпачев, И. П.—врач по нервным болезням, служил в охранном отделении под кличкой „Пушкарев", 353.
Кассиор, С. В.—с.-д.-большевик, 205, 295, 297, 300, 302, 429.
Кафенгаус, Л. Б.—286.
Квитинский—ротмистр охр. отд., 360.
Кеберле, В.—толстовец, 120.
Керенский—присяжный поверенный, член 4-й Государст. Думы, с.-р., в Думе примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. В 1917 г. после отставки Гучкова, вопреки решению Совета не давать министров в буржуазное правительство—вошел в состав последнего в качестве министра юстиции, а затем премьера и главковерха. Проводил соглашательскую политику и постепенно отходил от революции к бонапартизму и контр-революции, 142, 220, 305, 310, 313, 410, 411, 415.
Кетлер, С. М.—под этим именем некоторое время проживал провокатор Муратов, 369.
Кизеветтер, А. А.—профессор-историк, член „Союза Освобождения", организатор и видный деятель к.-д. партии, примыкал к ее правому крылу, член 2-й Государственной Думы, сотрудник „Русских Ведомостей" и „Русской Мысли", декан университета Шанявского, 79.
Кизельштейн, И. С.—с.-д.-большевик, 285, 290, 291, 292, 295.
Кильчевский, В. А.—кооператор-народник, 160, 161, 162, 412, 415.
Китмиридис, П. Г.—80.
Кириллов, С. П.—234.
Кирпиченко—толстовец, 116.

Киселенко, Н. А.—представитель больничной кассы завода „Эриксон“ на с'езде по борьбе с дороговизной, 205, 297, 300, 306, 311, 314, 429.
Кисломед, В.—толстовец, 116.
Кишкин, Н. М.—по профессии врач, один из руководителей к.-д. партии. Входил в последний состав временного правительства. Накануне Октябрьского переворота был полновластным диктатором Петрограда для борьбы с большевиками, 316, 321.
Клецнин—386.
Климов, И. А.—291.
„Климченков“—кличка провокатора Лебедева, М. Е., 354.
Князев, Г. А.—участник с'езда по борьбе с дороговизной от рабочих г. Твери, 429.
Ковалевский, М. М.,—русский ученый и политический деятель, умеренный либерал, после разгона Думы организовал партию демократических реформ. Партия заняла позицию правее кадетов, но в то же время высказывалась против всякого стеснения личной свободы и личных прав и справа и слева, 258, 259, 413, 418, 419, 420.
Козлов, И. Я.—рабочий Путиловского завода, 248, 249, 416.
Козлов, П. А.—студент Сельско-Хозяйственного института, 129, 248, 249, 416.
Козмин, И. С.—см. Заварзин, П. С.
Коковин,—75, 80, 81.
Коковцев, В. Н.—министр финансов в эпоху первой Думы и в кабинете Столыпина, премьер-министр после убийства Столыпина в 1911—1914 г.г., узкий чиновник, сторонник „пьяного бюджета“, вел мелочную борьбу против расширения финансовых и бюджетных прав Государственной Думы, 6, 27, 30, 276.
Колокольников, П. Н.—литератор, 193.
Комаров, И. И.—провокатор, кличка „Гаврилов“, 137, 169, 279, 353.
Комаров, И. С.—провокатор, кличка „Рязанский“, 353.
Комиссаров—128.
Кондратьев, Ф. А.—429.
„Кондуктор“,—кличка провокатора Соколова, С. И., 135, 297, 300, 302, 305, 308, 311, 321, 340, 375.
Коновалов, А. И.—богатый либеральный текстильный фабрикант, игравший крупную роль в политическом мире буржуазии. В Государственной Думе Коновалов был одним из руководителей прогрессивного блока. Еще в эпоху царизма Коновалов проявил себя предпринимателем европейского покроя, стремясь направить борьбу между рабочими и хозяевами в рамки классовых соглашений. В эпоху войны Коновалов был одним из организаторов Военно-Промышл. Комитета, 28, 258, 408, 409, 418, 420, 425, 426.
Корнилов—генерал, 259.
Короленко, Вл.—известный писатель, 396.
Коростелев, Я. Я.—см. Сольц, А. А.
Корчагин—429.
Касауров, И. К.—237.
Костюшко-Валюжинин, Б. А.—с.-р., 356.
Котов, Е. П.—провокатор, кличка „Радищев“, 129, 130, 131.
Кошкарев,—провокатор, кличка „Павлов“, 262, 353.
Кошкин, А. М.—291.
Кравченко, В.—толстовец, 116.
Крастынь, Э. Г.—с.-д.-большевичка, 80.
Крашенинников, В. Е.—толстовец, 116.
Крашенинников,—сенатор, произведший ревизию в Москве в связи с немецким погромом, 275.
Кривов, И. Г.—провокатор, кличка „А. Н. О.“, 354.
„Кривцов“—кличка провокатора Абрамова, М. Р., 155.
Кривошеин—видный сановник, 413.
Кропоткин,—известный анархист, 177.
Круковский, И. С.—80.
Крупенский—30.

Крючков, К. Д.—рабочий, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 429.
Кудельников, М. А.—228.
Кудрявцев—272.
Кузнецов, А. Ф.—бывший член 2-й Госуд. Думы, 156.
Кузнецов—с.-р., 132, 144, 145, 154.
Кулыжный, А. Е.—286, 287.
Курлюков—386.
Кускова, Е. Д.—публицист и общественный деятель, первоначально была склонна к марксизму. В эпоху реакции отошла на позицию буржуазно-демократической идеологии и тактики, принимала активное участие в кооперативном движении, 171, 172, 427.
Куйбышев, В. В.—с.-д.-большевик, 101, 102.
Лапин, А.—с.-р., автор одной брошюры об Азефе, 48.
Лагунов—10.
Лебедев, М. Е.—провокатор, кличка „Климченков", 354.
Левин, М. А.—с.-р., шанявец, 149, 154, 160, 247.
Легостаев, М. Н.—208.
Ледерле, П. М.—толстовец, 120.
Лейкин, И.—тоже, 116.
Ленин, Н.—14, 64, 82, 83, 84, 338.
„Леонидов"—кличка провокатора Семина, А. П., 149, 154, 160, 247.
Леонов, В. К.—провокатор, кличка „Зоя", 354, 355.
Лечман, М. М.—слушатель университета Шанявского, с.-д., 80, 81.
Лещенко, Г.—толстовец, 109, 111.
Лидов—защитник, 385, 387.
Линденберг, Г.—толстовец, 116.
Липаев, В. И.—372.
Литвинов-Фалинский,—управляющий отделом торговли и промышленности, 22, 23.
Литошенко—304.
Лобков, В. И.—толстовец, 120.
Лосицкий, А. Е.—286.
Лурье, М. А. (Ю. Ларин)—старый партийный работник, меньшевик, автор наиболее правого из проектов созыва „широкого рабочего с'езда". Литератор, экономист. В июле 1917 г. пришел к большевикам, 101, 102, 103.
Лузин, Ф. А.—298.
Лукин, Н. М.—с.-д.-большевик, 290.
Лукин, С. Д.—с.-д.-большевик, 240, 347.
Луценко, П.—толстовец, 116.
Лычагин, П. Е.—провокатор, кл. „Владимир", 345, 357, 358.
Львов, В. И.—помещик нового покроя, ведущий поместье на капиталистических началах; в дни самодержавия примыкал к прогрессивному кругу дворянства. В военные годы был руководителем крупнейшей организации русской буржуазии Союза земства и городов (Земгор). Как авторитетный представитель городской и земской „общественности", он был выдвинут в премьеры, 30.
Львов, М. И.—толстовец, 80, 81.
Львов, П. Н.—секретарь общества поваров, 226, 285.
Мавринский, Ф. А.—144.
Маклаков—видный кадет. В эпоху царизма был одним из лидеров прогрессивного блока в царской Думе, 28, 30.
Маковицкий, Д.—друг Толстого, сопровождавший его во время его ухода „от мира" перед смертью, 109, 110, 111.
Максимов М.—с.-р., 126, 127.
„Максим"—кличка провокатора Байкова П. С., 346.
Маленков, Е. М.—с.-д.-большевик, 218, 219.
Малиновский—член Гос. Думы, сотрудник охранного отд. под кличкой „Портной", 357.
Малышева, А.—толстовка, 116.
Мандельштам—присяжный поверенный, 384, 387.
Мансырев, С. П.—член Гос. Думы, князь, 118, 417.

Мануилов,—профессор, бывший редактор „Русских Ведомостей", 76, 77, 304.
Манулам, И. А —толстовец, 116.
Манулам, С.—толстовец, 116.
Маракушев—провокатор, кл. „Босяк", 240, 244, 245, 296, 345, 362.
Марков 2-й—член Госуд. Думы, известный крепостник, черносотенец, 22.
Мароши, М. В.—провокатор, кл. „Томский", 345, 359, 362.
Мартов—вождь меньшевизма. Во время войны занимал позицию меньшевиков-интернационалистов. Участвовал в Циммервальдской конференции и состоял редактором „Нового Слова", издававшегося в Париже, 174.
Мартынов—начальник московского охранного отделения, 352, 359, 360, 372, 373, 407, 412, 418, 425, 427.
Мартынов-Пикер—видный работник РСДРП, один из редакторов „Рабочего Дела", идеолог „экономизма". В 1908 г. в „Голосе Соц.-Дем." защищал „ликвидаторство", ныне член РКП, 45, 179, 182.
Маслов, П. П.—видный меньшевистский литератор, экономист. Во время войны занял империалистическую позицию, 171, 174, 208, 284, 286, 291, 297, 298, 305, 306, 415.
Маталин, А. А.—с.-д.-большевик, 347.
Матеранский—член правления торговых служащих, 284, 290, 292.
Махров, И. Ф.—представитель больничной кассы Паровозо-Строительного завода в Харькове на с'езде по борьбе с дороговизной, 429.
Мельников, И. С.—толстовец, 120.
Меньшиков—казенный публицист, князь, 15.
Меркулов—с.-д., 226.
Мещерский—реакционный публицист, князь, 15.
Мидикин, Н. И.—80, 81.
Миллер, С.—толстовец, 116.
Милюков, П. Н.—лидер к.-д. партии, бывший профессор Москов. университета, историк, отстаивал против марксистов своеобразие русск. исторического процесса. В военные годы является идеологом русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении, 15, 258, 259, 280, 401, 404, 405, 407, 418, 419, 420.
Милютин, В. П.—первоначально работал у меньшевиков, с которыми разошелся, будучи интернационалистом, и в начале войны примкнул к большевикам, литератор, экономист, 171, 172, 205, 241, 286, 290, 302, 305, 306, 307, 308.
Милютин, Д. П.—с.-д.-большевик, 240.
Миндаль, И.—толстовец, 116.
Миронов, А. И.—провокатор, кличка „Валентин", 345, 364, 365.
Митропольский, А. П.—провокатор, кл. „Захарьин", 345, 366.
Митрофанов, А. Х.—с.-д.-большевик, 241, 287.
Митув-Гинзбург—участник с'езда по борьбе с дороговизной от рабочих гор. Витебска, 430.
Митькин, А. М.—234.
Михайлов, А.—сотрудник газеты „Луч", 4.
„Михайлов"—кличка провокатора Николина, 155, 269, 370.
Михайлов—псевдоним М. С. Ольминского, 173.
Михновский—386.
Мищенко, Н. Ф.—430.
Могила, Е.—толстовец, 115.
Могила, И.—тоже, 115.
Модль—помощник градоначальника, 220, 221.
Молочников, А.—толстовец, 109, 110, 111, 116, 120.
Монастырский, Г. А.—слушатель унив. Шанявского, 80, 81.
Морозов, В.—411.
Мошечкин—249.
Мошин, Л. К.—с.-р., 137, 142, 143.
Мумриков, Л. И.—291.
Муравьев, Н. К.—присяжный поверенный, защитник по политическим процессам 116, 123, 385, 387.

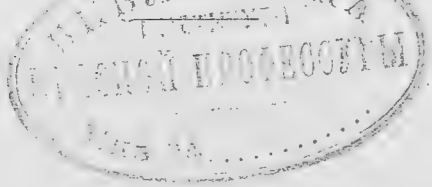
Муранов—член IV Государственной Думы, с.-д.-большевик, 164.
Муратов, П. Н.—провокатор, кл. „Павловский", 345, 367, 368, 369.
Муромцев, С. А.—председатель I Госуд. Думы, профессор Московск. универс., член к.-д. партии, сыграл видную роль в организации Думы. Выборгское воззвание и последующая Столыпинская реакция закончили его политическую деятельность, 3.
Мут, Ю.—толстовец, 124.
Мыткин, Г. С.—студент Коммерческого института, 215.
Мякотин—литератор-народник, 355, 396.
Мясоедов, С. Н.—отставной жандармский полковник, изобличенный в шпионаже, 255, 256, 257.
Назаров, Г. С.—235.
Налетов—161.
Некрасов, В.—толстовец, 109, 111, 120.
Некрасов—304.
Нестеров—студент Коммерческого института, 211.
Нечаев, Д. С.—архитектурно-строительный рабочий, 229.
Нечаева, Е.—толстовка, 120, 122.
Нечаев, И. Д.—студент Коммерческого института, 234.
Нестроева, О. Н.—толстовка, 116.
Николай II—последний русский самодержец, 75.
Нижегородцев—толстовец, 116.
Никандров, И. М.—московский рабочий-сапожник, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Никитин, А. М.—присяжный поверенный, видный меньшевик, 65, 171, 270, 284, 294, 371, 410.
Никитин, М. И.—николаевский рабочий, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Никитский, А. В.—356.
Николай Николаевич—дядя Николая II, 257, 264, 265, 422.
Николаев, А. Н.—провокатор, кл. „Андреев", 369.
Николин, П. М.—провокатор, кл. „Михайлов", 221, 248, 267, 370, 373.
Нилов—197, 204.
Новиков, И. Н.—толстовец, 109, 111, 115, 120.
Новиков, М.—тоже, 109, 111, 112.
Новиков, П. Я.—московский рабочий-мануфактурист, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Новожилов—участник ленинского совещания, 357.
Новоторжский—356.
Норовская, О. И.—356.
Ожигов, И.—трамвайщик, 346.
Олешкевич, П.—толстовец, 109, 110, 111 116, 120.
Ольминский, М. О.—старый большевик, 173.
Осипов, И. Р.—московский рабочий, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Охлопков, И. М.—студент Коммерческого института, с.-д.-большевик, 240, 347.
„Павлов"—кличка провокатора Кошкарева.
„Павловский"—кличка провокатора Муратова, П. Н., 368, 430.
Панин, М. Е.—провокатор, кличка „Саша", 870.
Панов, Л. Е.—журналист, 364.
Пантелеев, А.—рабочий-слесарь, 127, 128.
„Парень"—кличка провокатора Доброжинского, В. С., 352.
Паршина, У. А.—356.
Пахотинская, М. В.—девичья фамилия Мароши, 359.
Пахман, Е. Л.—пом. присяжного поверенного, 68, 377, 388.
Пахман, М.—385.
„Пелагея"—кличка провокатора Романова, А. С.
Первушин, С. А.—приват-доцент, 286.
Перпер, И.—толстовец, 116.
„Петербургский"—кличка провокатора Гааке, С. В.

Петраков—ст. помощник пристава, 38.
Петраков, И. И.—московский рабочий, 230.
Петров, П. П.—золотосеребренник, 154.
Петров—торговый служащий, 290, 291, 295, 297.
Петровский, Г. И.—член IV Госуд. Думы, с.-д.-большевик, 143.
Пешков, А. М.—Максим Горький, известный писатель, 171.
Пешехонов—народник, 396.
Пигит, Д.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.
Пилецкий, А.—толстовец, 111, 120.
Платонова, К.—толстовка, 109, 110, 111, 120.
Плеханов, Г. В.—первый русский теоретик-марксист, 43, 45, 82, 84, 174, 208, 218.
Плюревская, Е.—толстовка, 116.
„Поляк"—кличка провокатора, Шпакова, Т. С. 187.
Поляков, А. А.—провокатор, кличка „Сидор", 370.
Попок, Ф. Н.—провокатор, кличка „Птицын", 371.
Пономарев, Н. Л.—с.-р., 127.
Пономарев—386.
Понятовская, Т.—толстовка, 116.
Поплавский, И. А.—член экономич. группы Чупровского общества, 286.
Попов, С.—толстовец, 109, 110, 111, 113, 120, 124, 125.
Поскребухин, А. А.—провокатор, кличка „Евгений", 193, 197, 211, 213, 215, 226, 240, 272, 284, 282, 295, 296, 315, 371, 372, 373.
Потапов—386.
Потресов, А. Н.—(Старовер)—один из участников Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. После второго с'езда—раскола был одним из лидеров меньшевизма, а впоследствии и ликвидаторства. Во время войны был самый последовательный представитель социал-патриотизма среди меньшевиков, 286, 287.
„Примиренец Андрей"—Арон Сольц, 66, 68.
Пронопович, С. Н.—один из ранних с.-д., но скоро отошел от с.-д. Деятель кооперации и участник „общественного движения", 171, 172, 284, 285, 286, 288, 291, 296, 297, 298, 352, 411, 427.
Прокофьев-Сахаров—с.-д.-большевик, 215, 240.
„Промышленник"—кличка провокатора Вязкова, 348.
Прусс, Ф. А.—слушатель университета Шанявского, с.-р., кооператор, 75, 80, 81, 120, 130, 350.
„Птицын"—кличка провокатора Попок, 371.
Пугачев, М. А.—с.-р., 128.
Пуданов, М.—толстовец, 116.
Пульнер, Л.—толстовец, 109, 110, 111, 120, 124, 125.
„Пушкарев"—провокатор Карпачев, И. П., 353.
Пылаев, Г. Н.—слушатель университета Шанявского, с.-д.-большевик, 80, 81.
Радин, А.—толстовец, 109, 120.
Радина, М.—тоже, 109, 120.
Радина, Ю.—тоже, 109, 120.
„Радищев"—кличка провокатора Котова, Е. П., 129, 130, 131, 350.
Радченко, Л. Н.—с.-д., 171.
„Раиса"—кличка провокатора Шварц М., 376.
Распутин (Новых)—Григорий—духовник Александры Федоровны, дворцовый распутник и интриган. Был убит в декабре 1916 г. Д. П. Романовым и Пуришкевичем с целью спасти династию, 275.
Ратнер, Е.—355, 356.
Рахманов, С. И.—московский рабочий, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Рашин, А.—тоже, 339.
Регекампф, С. А.—провокатор, кличка „Штурман", 174, 241.
Репьях, Ф.—толстовец, 116.
Решетников, В. И.—московский рабочий, 430.
Ржевский, В. А.—член Госуд. Думы, 258, 418.

Ривкин, В. А.—видный максималист, 355.
Розанов—тоже, 354.
Розенфельд, О. И.—член меньшевистской инициативной группы, 191.
Родионов—249.
Родичев, Ф. И.—либеральный деятель Тверского земства, член ц. к. кадетской партии, депутат I Государственной Думы, 258, 307, 308, 309, 311, 323, 418.
Романов—Николай II, 71.
Романов, А. С.—провокатор, кличка „Пелагея", 172, 224, 226, 264, 371, 374.
Руденко, П. Т.—192, 290, 292.
Русанов, И. Ю.—провокатор кл. „Григорьев", стр. 427.
Рутман, Я. Я.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.
Рябушинский, П. П.—крупный московский капиталист, владелец ряда текстильных фабрик. В военные годы известен своими политическими связями с либерально-октябристскими профессорами (Струве и др.), 28, 411, 426.
„Рязанский"—кличка провокатора Комарова, И. С., 353.
Савицкий, Н. А.—286, 287.
Салазкин—представитель купечества, 27.
Сазонова—содержательница мастерской, разгромленной во время немецкого погрома, 278.
Сазонов, Е.—с.-р., 47.
Самсонов, С. П.—351.
Сапронов, Т. В.—с.-д.-большевик, бывш. секретарь професс. общества строительных рабочих, 64, 229.
„Саша"—кличка провокатора Панина Е., 370.
Сегаль, Н. Э.—слушательница университета Шанявского, 80, 81.
Селиванов, А.—Маталин, А. А., с.-д., 347.
Селихова—351.
Семенов, П. С.—235.
Семин, А. П.—провокатор, кл. „Леонидов", стр, 143, 149, 154, 160, 247.
Сергеенко, А.—толстовец, 109, 110, 111, 116, 120.
„Сидор"—кличка провокатора Полякова А. А., 370.
Сидоров, Б. П.—235.
Сиротнин, Д. В.—316, 320.
Скачков, И. И.—с.-д., 372.
Скворцов, И. И.—старый с.-д.-большевик, 171, 172, 228, 290, 294.
Скобелев—член 4-й Госуд. Думы, один из лидеров меньшевистской „семерки", 192, 193, 194, 205, 294, 300. 306, 316, 321, 325.
Скобенников-Горский—студент, 215.
Скрябин, В. М. (Молотов)—с.-д.-большевик, бывш. секретарь газеты „Правда", 227, 236, 237, 239, 245, 347.
„Случайный"—кличка провокатора, 322.
Смидович, П. Г.—старый с.-д.-большевик, 85, 86, 171, 172, 241, 246.
Смилга, И. Д.—старый с.-д.-большевик, 226.
Смирнов, А. Г.—студент С.-Х. института, 129.
Соколин—143.
Соколов, А. А.—из Чупровского общества, 286.
Соколов, В. Ф.—рабочий, стекольщик, участник с'езда по борьбе с дороговизной, 297, 430.
Соколов, Н. Д.—петроградский присяжный поверенный, с.-д., 171, 173.
Соколов, Н. Н.—народник, 160, 162.
Соколов, С. И.—провокатор, кл. „Кондуктор", 135, 297, 300, 302, 305, 308, 311, 321, 375, 430.
Сокольский, Л. Д.—студент Московского Коммерческого института, 234.
Соловьев,—участник антиалкогольного с'езда, 249.
Сольц, А. А.—старый с.-д.-большевик, 68, 69, 377—391.
Сосницкий, А. И.—128.
Сперанский—судебный чиновник, 384, 387, 388.
Сперанский, С. В.—из Чупровского общества, 286.
Сталь—396.
Степанищев, Г. Е.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.

Степанищева, Е. Т.—тоже, 80.
Степанов, Е. К.—169, 170.
Степанов, П.—анархист-коммунист, 371.
Степанов, С. И.—тульский рабочий, 301, 430.
Степанова—выпустила в июльские дни воззвание „Где же правда?“, 39.
Страхов—385.
Стрижова, Н.—толстовка, 109, 111, 120, 123.
Струве, П. Б.—ренегат марксизма, 401.
Струмилин—статистик, 335.
Суворин, Б. А.—редактор „Вечернего Времени“, 256.
Судаков, П. И.—рабочий, металлист г. Петрограда. 294, 304, 305, 308, 312, 430.
Сурин, С. Я.—тоже завода Айваз, 297, 300, 306, 312, 430.
Суслов, Г. З.—290, 291.
Сухарев, С. М.—235.
Сухомлинов—военный министр, вышедший в отставку в связи с делом Мясоедова, 257, 265, 367.
Тан—396.
Тараканов—слушатель университета Шанявского, 75.
Тартаковский, Л. М.—291.
Татьяна Сергеевна—227, 228.
Тверитин, В. Д.—толстовец, 120.
Темников—ротмистр охранного отделения, 349, 359.
Теодорович—354.
Терещенко—ротмистр, известный руководитель Ленского расстрела, 254.
Тимофеев, И. В.—с.-д., 372.
Титов, П. М.—московский рабочий-хлебопек, 297, 430.
Токарев, И. С.—представитель московского общества официантов на с'езде по борьбе с дороговизной, 205, 289, 300, 302, 303, 304, 305, 430.
Толстой, Л. Н.—известный русский писатель, 3, 108, 110.
Толстая, С. А.—жена Л. Н. Толстого, 111.
„Томский“—кличка провокатора Малиновского, М. В., 345, 359, 362.
Топчиев—386.
Трегубов, И.—толстовец, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 120, 126.
Троцкий, Л. Д.—42.
Трусов, В. П.—284.
Туманов, И. Р.—участник с'езда по борьбе с дороговизной, 430.
Тюрин, С. П.—с.-д.-меньшевик, 286, 287, 288, 297, 298.
Ульянова, М. И.—сестра В. И. Ленина, 227.
Усов—член военного суда, полковник, 384, 387, 388.
Ушевский, М.—толстовец, 115.
Федотов, А. А.—286.
Фишгендлер, А. Б.—доктор химии, 197.
Фокин, А. Н.—студент Коммерческого института, 211, 213, 224, 226, 234.
Фомин, А. А.—286.
Фомичева, В.—380, 385, 386.
Фрейман, К. Х.—кооператор и педагог, 256.
Хоботин—портной, 144.
Халдин, В. С.—с.-д., рабочий, токарь, 156.
Хаустов, В. И.—член 4-й Госуд. Думы, 205, 294, 295, 300, 301, 306, 313, 316.
Хейфец, Б. М.—80, 81.
Хлынов, А. Ф.—учитель, 174.
Хованский, А. И.—толстовец, 109, 110, 111, 120, 123.
Хорош (Хорас), М.—толстовец, 109, 111, 120, 123.
Хрипин, М. И.—с.-д.-большевик, 372.
Царик, Е.—домашняя учительница, 229.
Цветков, В. В.—с.-р., 128.
Цельмин, П. П.—слушатель университета Шанявского, с.-д.-большевик, 80, 91.
Цивцивадзе, И. В.—тоже, 80, 81, 231, 287, 238.
Чарушин, В. Н.—студент М. С.-Х. и., 129.
Чаянов, А. В.—агроном-народник, 286.

Чеботарев, В. П.—студент Коммерческого института, 215, 234.
Челноков, В. М.—московский городской голова, 28, 246, 258, 285, 303, 304, 306, 311, 322, 323, 324, 325, 415, 418, 419, 421.
Череванин, Ф. А.—видный меньшевик. В военные годы Ч. примыкал к ярым оборонцам, литературным органом которых был журнал „Дело", 286, 287, 305, 306.
Черносвитов—к.-д., 174.
Чертков, В. Г.—друг Л. Н. Толстого, 110, 116.
Чети, Я.—толстовец, 112.
Чехольский, А.—тоже, 120.
Чичкин—221.
Членов, С. Б.—с.-д., юрист и экономист, 345, 347, 352.
Чужаев—218.
Чуженинов, А.—к.-д., публицист, 6.
Чудновский, В. К.—студент М. С.-Х. И., 129.
Чхеидзе—старый с.-д., с самого раскола примкнул к меньшевикам, был членом 3-й и 4-й Государственной Думы. Во время войны занимал каутскиантскую позицию, 55, 190.
Шамсулла-Асадулай—бакинский миллионер, 291, 418.
Шапошников, Ф. И.—290, 291.
Шаховской, Д. И.—князь-либерал, 313, 324, 415.
Шварц, В. К.—провокатор, кличка „Раиса", 376.
Швейцер, П.—погибший от взрыва в „Северной гостинице", 355.
Щепкин—гласный московской городской думы, 285, 297, 352.
Щетинский, В. Р.—слушатель университета Шанявского, 80, 81.
Шингарев А. И.—видный земский деятель к.-д.; в Государственной Думе Ш. играл крупную роль, возглавляя вместе с Милюковым и другими так называемый прогрессивный блок, 304, 311, 313, 317, 318, 319, 320, 324, 401, 402, 403.
Шмарии—272.
Шпанов, Т. С.—провокатор, кл. „Поляк", в 1908 г. судился СПБ палатой вместе с И. А. Меницким. Расстрелян в Риге, 187.
Штейнн, Р.—толстовец, 116.
„Штурман"—провокатор Регекампф, С. А., 291, 292, 296, 301, 318, 372.
Шумаев, А. А.—234.
Шумкин, В. Г.—с.-д., 372.
Эльберг, М.—толстовец, 115.
Эристов—летчик, 73.
Этлина, А.—толстовка, 116.
Этлина, Э.—тоже, 116.
Этнин, Я.—толстовец, 116.
Юдин, И.—тоже, 115.
Юдкин, Т.—тоже, 116.
Юренев—один из докладчиков на с'езде по борьбе с дороговизной, 320.
Юсупов—бывший московский градоначальник, организатор немецкого погрома, 264, 422.
Яковлев, Н. Н.—с.-д.-большевик, 101, 110.
Якубов—ротмистр м. о. о., 366.
Яхонтов, В. И.—с.-д.-большевик, 171, 172, 234, 240, 242, 244, 246, 248, 249, 285, 290, 294, 297.



Содержание.

Стр.

Предисловие . . . . . V—VIII

Введение.

Революционное движение в России накануне войны. Рабочее движение в России в 1912 г. Рабочее движение в 1913 г. Р. С.-Д. Р. П. 1912 и 1913 г.г. Усиление реакции к концу 1913 г. Рабочее движение в 1914 г. Усиление реакции и выступление буржуазной оппозиции. Июльские дни 1914 г. Р. С. Д.-Р. П. в 1914 г. Социалисты-революционеры в 1914 г. Канун войны. 3

Глава I.

Начало войны и настроение московских рабочих.—Записка осведомителя „Зоя". Отношение к войне Р. С.-Д. Р. П. — Выпуск листовки Ароном Сольц. 63

Глава II.

Настроение студенчества в первые дни об'явления войны.—Студенчество на коленях.—Революционное студенчество.—Письмо шанявцев в ред. „Русские Ведомости" 71

Глава III.

Война и Р. С.-Д. Р. П.—Циркуляр департамента полиции в Р. С.-Д. Р. П.—Записка московского охранного отделения о деятельности московских партийных учреждений Р. С.-Д. Р. П. — Две меньшевистские резолюции. — Справка о Н. Н. Яковлеве и В. В. Куйбышеве.—Листовка Самарского Комитета Р. С.-Д. Р. П. 84

Глава IV.

Революция, церковь и сектантство.—Дело толстовцев.—Воззвания „Наше открытое слово"—„О войне"—„Опомнитесь, люди братья"—„К новобранцам".—Воззвание Ю. Мута—„Милые братья и сестры" 108

Глава V.

Социалисты-революционеры и война.—Группа Марка Максимова.—Студенчество и помощь запасным и раненым.—Харьковская листовка „Ко всему русскому обществу".—Листовка „К крестьянам и т. д.".—„Листовка Московской группы с.-р.".—Листовка „На очереди".—Связи московских с.-р. с другими городами.—Резолюция и записка Самарского коллектива.—Листовка „О войне".—„Тов. солдаты".—Кружок анархистов имени М. Бакунина.—Листовка „Группы независимых с.-р.".—Листовка „Московской группы партии с.-р.".—Деятельность московских народников.—Отношение рабочих к народнической газете „Народная газета" 126

Стр.

Глава VI.

Правительственное сообщение об аресте.—Обвинительный акт.—Речь государственного обвинителя.—Листовка „группы организованных с.-д." по поводу ареста рабочей фракции.—Закрытие профессионального общества рабочих печатного искусства. 163

Глава VII.

Московское январское совещание с.-д.—Сообщение провокатора „Пелагея".—Питерское совещание большевиков.—Наказ московских рабочих думской фракции.—Статья Мартова „Из современных настроений".—Письмо А. Мартынова „Перспективы войны".—Листовка „Европейская война и пролетариат России" 171

Глава VIII.

Протест против суда над рабочими депутатами.—Агитация в профсоюзах.—Листовка Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.—Листовка студентов Коммерческого института за подписью „Организованные с.-д.".—Листовка „К студенчеству".—Листовка „Что делать".—Группа с.-д. при профсоюзе металлистов.—Арест группы. 207

Глава IX.

Мнение Керенского о настроениях.—Продовольственные беспорядки.—Обсуждение событий.—Листовка трамвайщиков.—Листовка по поводу Ленских событий.—Листовка о войне и дороговизне за подписью „Организованная группа социал-демократов".—Приезд питерских товарищей—Смилги, Молотова, Татьяны Сергеевны.—Работа в клубе „Образование".—Подготовка к празднику 1-го мая.—Первомайские листовки . . 226

Глава X.

Собрание большевистских сил.—Группа Альперовича „Организационная комиссия".—Центральная руководящая группа.—Конференция в „Измайловском Зверинце".—Платформа московских большевиков.—Записка Поскребухина.—Собрание в „Измайловском Зверинце" от 1 июня.—Загородные экскурсии 236

Глава XI.

Легальная проработка.—Совещание по борьбе с алкоголизмом . . 248

Глава XII.

Неудачи на фронте и рост недовольства.—Записка „Захарьина" о настроениях.—Письмо врача.—Арест С. Н. Сухомлинова.—Планы и виды буржуазной оппозиции 252

Глава XIII.

Немецкий погром.—Причины погрома.—Оценка событий с.-д.—Отношение интеллигенции к погрому.—Отношение рабочих.—Резолюция рабочих.—Листовка о погроме.—„Группа с.-д."—Доклад начальника охранного отделения.—Речь в Государственной Думе М. М. Новикова.—Характеристика момента 262

Стр.

Глава XIV.

Дороговизна и рабочие.—Спекуляция.—Недоедание и заболевания рабочих.—Заявление Симоновской больничной кассы.—Мысль о созыве совещания по борьбе с дороговизной.—Подготовка созыва совещания по данным охранки.—Борьба двух точек зрения в рабочей делегации.—Победа большевиков.—Отношение к.-д. к приглашению рабочих на совещание от 10 июля 1915 года 281

Глава XV.

Рабочие на совещании по борьбе с дороговизной.—Роль большевиков на совещании.—Поражение меньшевиков в рабочей делегации.—Речи рабочих на совещании.—Декларация рабочей группы.—Резолюция рабочей группы о причинах дороговизны.—Записки „Штурмана“ и „Случайного“—Общая резолюция совещания и проект резолюции рабочей группы 304

Глава XVI.

Война и забастовочное движение.—Забастовки по Московской губернии за 1914—1915 г.г.—Общие данные о забастовочном движении.—Поводы и результаты забастовок.—Русская промышленность военных годов.—Заработная плата по Москве и другим районам и профессиям.—Труд женщин и подростков.—„Золотой век“. 328

Приложения:

Первое. Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы. (Анохин А. А., Байков И. С., Балякин И. Д., Барышников Н. Я., Берман Р. И., Боровиков Е. М., Бородкин Ф. Я., Боролин Н. Ф., Бочкин Г. М., Буксин В. М., Волков Ф. К., Вязков И. Г., Гааке С. В., Голубев А. А., Голубин Д. В., Гравировский В. М., Доброжинский В. С., Дриллих И. Я., Кирпачев И. П., Комаров И. И., Комаров И. С., Кошкарев А. М., Кривов И. Г., Лебедев М. Е., Леонов В. К., Лычагин Н. Е., Мароши М. В., Маракушев А. К., Миронов А. И., Митропольский А. И., Муратов Т. Н., Николаев А. Н., Николин П. М., Панин М. Е., Поляков А. А., Попок Ф. Н., Поскребухин А. А., Регекампф С. А., Романов А. С., Соколов С. И., Шварц В. К.). 343

Второе. Дело „Руководящего коллектива московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П.“ (Обвинительный акт по делу Е. А. Пахман, А. А. Сольц, П. В. Заварзина и П. А. Андреева.—Протокол судебного заседания.—Приговор.—Справка на А. А. Сольц). 377

Третье. О деятельности политических партий. (Циркуляр департамента полиции от 2/XI—1914 года) 392

Четвертое. О конференции к.-д. (6-го июня) в Петрограде. (Докладная записка Московского охранного отделения) 401

Пятое. Материалы по общественному движению. (Циркуляр департамента полиции о плане Коновалова.—Сводки по общественному движению.—Записка М. О. О. № 110/а.—Записка осведомителя „Григорьева“ № 91/б). 408

Шестое. Состав рабочей группы с'езда по борьбе с дороговизной (11—13 июля 1915 года). 429

Именной указатель. 431

Иллюстрации между стр.: 64—65, 80—81, 176—177, 224—225, 240—241, 272—273, 288—289, 304—305, 352—353, 368—369, 384—385.

Замеченные опечатки.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
30	6 сверху	Г. Коковцев	В. Н. Коковцев
45	сноска [2])		сноска [2]) относится к 46 странице.
89	12 сверху	М. Оф. отд.	М. Охр. Отд.
114	6 снизу	соответственного	составленного
115	9 снизу	причте	притче
115	2 снизу	Гаубергер	Граубергер
125	19 снизу	которя	которая
126	7 сверху	„тов. солдата“	„Тов. солдаты“
132	сноска [3])	сорудник	сотрудник
136	13 сверху	схватилось	спохватилось
161	12 снизу	Кильчевкий	Кильчевский
191	1 сверху	выкся украинская	вся украинская
191	15 снизу	—пошел вон“	—„пошел вон“
242	4 снизу	комитетом	комитетам
255	12 снизу	оставным	отставным
273	15 снизу	возбуженные	возбужденные
„	20 снизу	гоа	года
„	15 снизу	дру-ой	другой
„	10 снизу	слчае	случае
„	6 снизу	послеие	последние
„	2 снизу	воможно	возможно
274	3 снизу	должно	должны
305	2 снизу	Садуков	Судаков
307	15 сверху	временно, об‘единившись	временно об‘единившись
319	8 сверху	бсеконтрольно	бесконтрольно
325	10 снизу	отягчается	отягчаются
346	6 снизу	завод	заводе
359	5 снизу	Беликова	Белавина
372	8 сверху	Литаеве	Липаеве
373	10 снизу	трибунал	трибунала
384	11 снизу	Гутор	Гуторг
388	8 сверху	Гутрг	Гуторг
400	3 снизу	Брюнде-Сент-Ипполит	Брюн-де-Сент? Ипполит
415	19 снизу	М. И. Челнокова	М. В. Челнокова
418	10 сверху	Бакинский	бакинский
„	9 снизу	и Государственной Думы	и члены Государственной Думы

Цена 3 р.

01407

КОПИРОВАНИЕ

15.04.05.